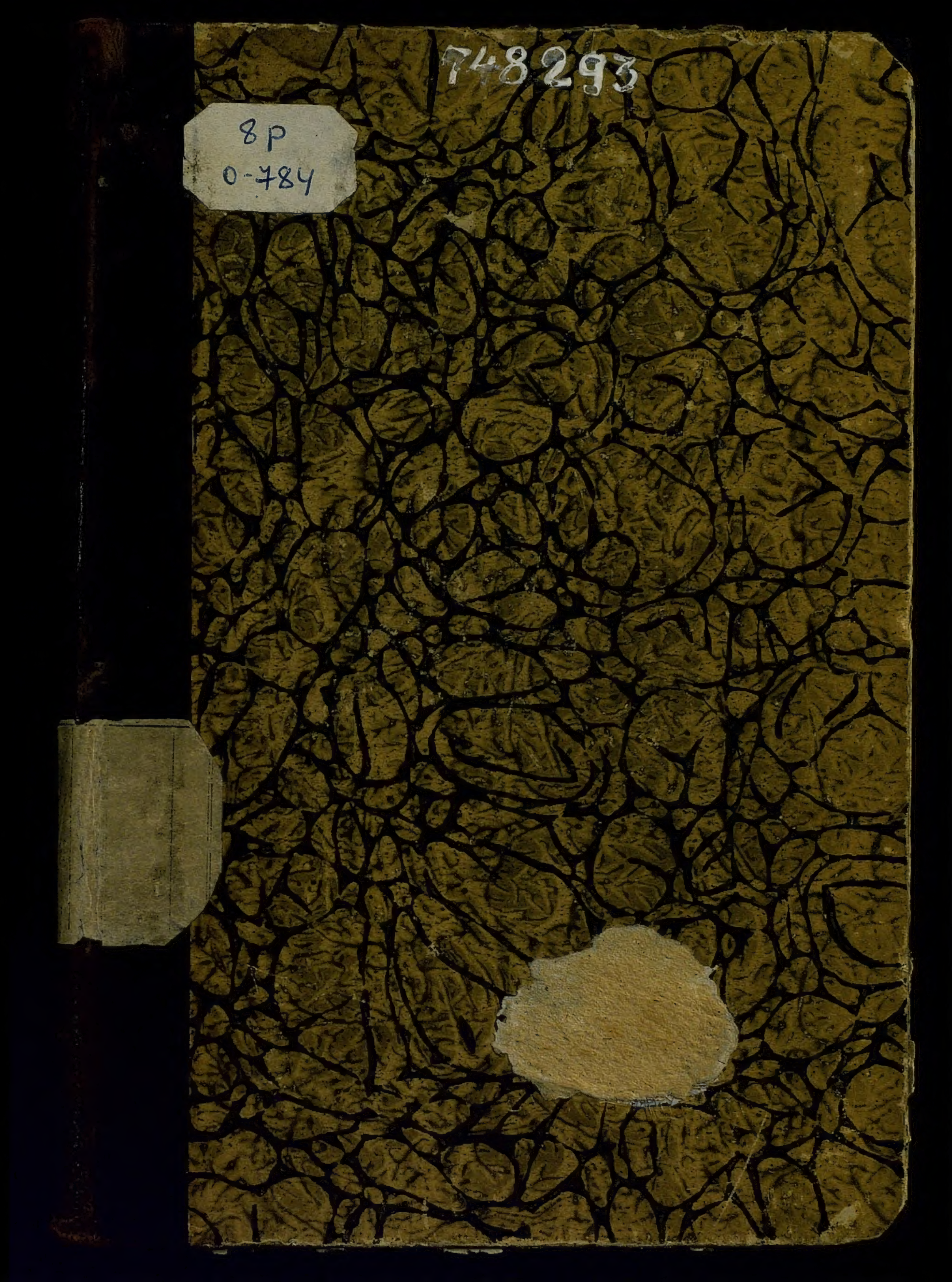

748293
8P
0-784

Викторъ Острогорскій.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ,

как

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРІАЛЪ

ДЛЯ ЗАНЯТІЙ СЪ ДѢТЬМИ

и ДЛЯ ЧТЕНІЯ НАРОДУ.

Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Гр. Л. Толстой, Погосскій, С. Т. Аксаковъ.

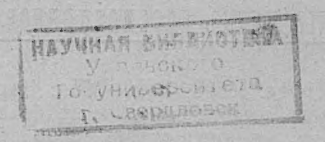
Цѣна 1 р. 50 к.

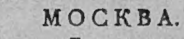
Изданіе пятое просмотрѣнное.

4-е изд. этой книги Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ учит. библ. всѣхъ низш. учебн. завед. и въ безплатныя народ. читальни и библ., а также въ ученич. старш. возр. библ. всѣхъ средн. учебн. завед. какъ муж. такъ и женскихъ.

Изданіе К. И. Тихомирова.
Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Московской Комиссіи народныхъ чтеній.
(Москва, Кузнецкій Мостъ, книжный магазинъ).
1901.

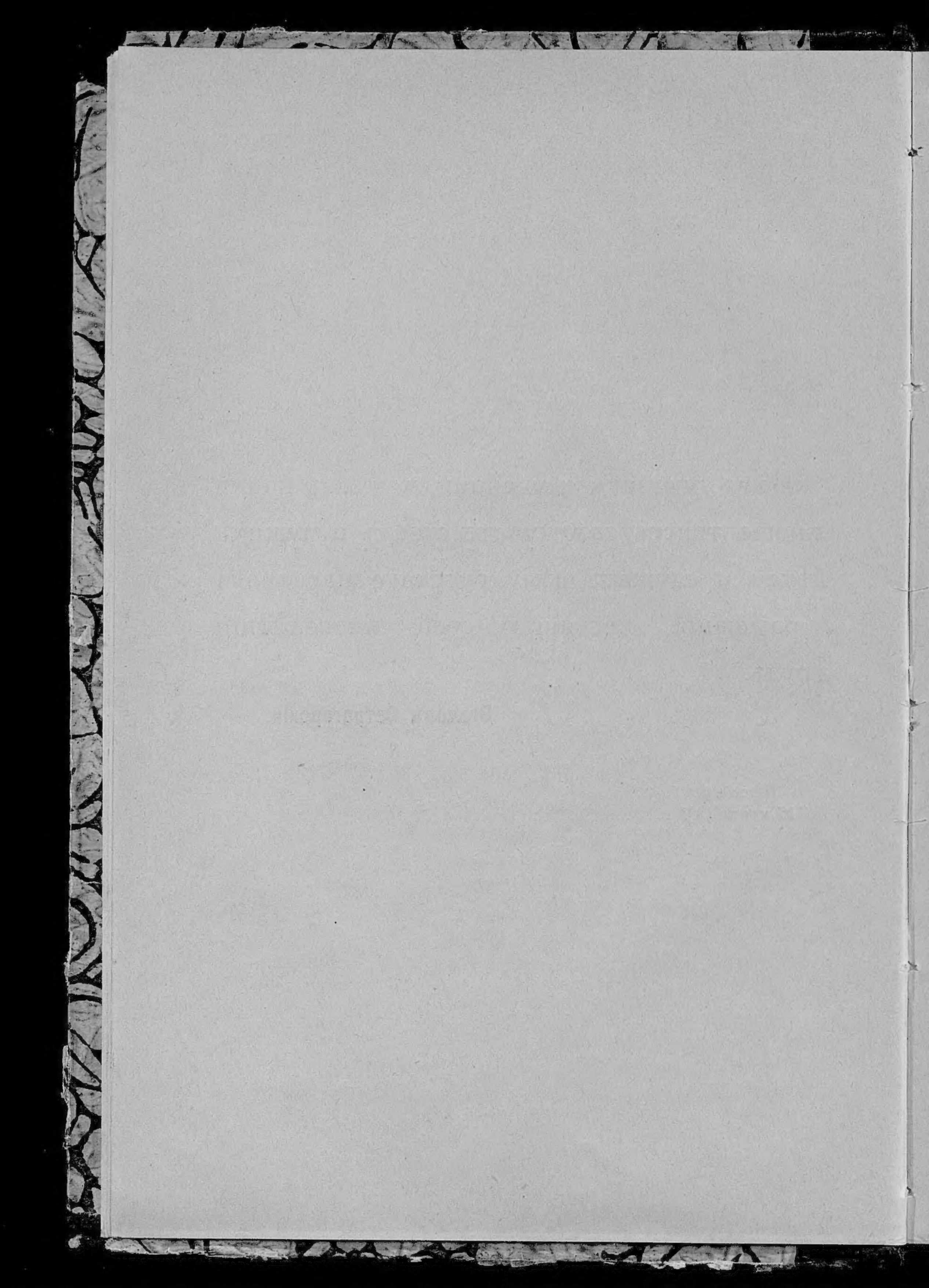
МОСКВА.
Типо-Литографія «Русскаго Т-ва печатнаго и издательскаго дѣла».

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.

1901

Вамъ, ученики и ученицы мои, изъ коихъ многіе теперь сами учатъ своихъ и чужихъ дѣтей и служатъ дѣлу русскаго народнаго образованія, посвящаю свой многолѣтній трудъ.

Викторъ Острогорскій.

Петербургъ.
16 марта 1901 г.

Предисловіе къ 4-му изданію.

Предлагаемый трудъ связанъ со всей моей многолѣтней педагогической дѣятельностью. Онъ возникъ еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда я, студентомъ, велъ объяснительное чтеніе писателей, въ Василеостровскомъ Безплатномъ Училищѣ, подъ руководствомъ покойнаго извѣстнаго педагога Ѳ. Ѳ. Резенера, и, вмѣстѣ съ нимъ и товарищами-основателями школы, занимался отборомъ, пригоднаго для педагогическихъ цѣлей, литературно-художественнаго матеріала *). Уже въ 1864 г., въ журналѣ *Учитель*, появилась статья моя *„Выражающееся въ пословицахъ народное воззрѣніе на слово“*, помѣщенная въ этой книгѣ въ видѣ вступленія въ знакомство съ русскими писателями, какъ мѣткая характеристика дара слова, сдѣланная самимъ народомъ. Въ *Учитель* же въ 1865 г. помѣщена статья о Крыловѣ. Въ концѣ шестьдесятъ девятаго года я снова принялся за разсмотрѣніе писателей и въ 1871—1873 году помѣстилъ въ *Педагогическомъ Листкѣ*, при издаваемомъ моимъ братомъ, А. Н. Острогорскимъ, *„Дѣтскомъ Чтеніи“*, разборы Кольцова, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и Лермонтова, которые и вышли, вмѣстѣ съ Крыловымъ, въ 1873 г. въ изданіи Кажанчикова. Въ *Листкѣ* же, въ 1873—1875 годахъ, явились: Майковъ, Мей, Никитинъ, Григоровичъ, Тургеневъ, гр. Л. Толстой и Погосскій, причемъ, выборъ имѣлъ ввиду уже не только дѣтей, но и взрослый народъ: — воскресную школу, народную аудиторію, читальню, и въ началѣ 1886 года явилось второе изданіе книги съ тринадцатью писателями.

---

*) Любопытная исторія этой, одной изъ первыхъ въ Россіи, безплатныхъ школъ, и біографія Резенера разсказаны въ книгѣ моей *„Изъ исторіи моего учительства“*, — *„Какъ я сдѣлался учителемъ“*, изд. О. Н. Поповой, Спб. 1895 г.

„Въ настоящее время — писалъ я въ предисловіи — кажется, уже нѣтъ сомнѣній въ той громадной пользѣ, въ смыслѣ эстетическомъ и нравственномъ, какую приноситъ дѣтямъ чтеніе *художественныхъ произведеній лучшихъ писателей родной литературы,* кои живыми образами, путемъ наслажденія, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много матеріалу образовательнаго для знакомства съ жизнью вообще, а также и необходимую подготовку, въ смыслѣ образованія вкуса и языка, для занятій впослѣдствіи словесностью и исторіей литературы. Но писатель, имѣющій ввиду дѣтей, а не взрослыхъ, требуетъ со стороны педагога извѣстнаго строгаго выбора, чтобы дѣтямъ было предложено только то, что для нихъ интересно и доступно, что не оскорбитъ или не развратитъ ихъ нравственнаго чувства; что можетъ дать воспріимчивому уму и воображенію только здоровую пищу. Съ этою то цѣлью и предлагается нами выборъ изъ русскихъ писателей, въ извѣстной группировкѣ, съ указаніемъ смысла отдѣльныхъ произведеній. Своею книгой мы хотѣли бы помочь родителямъ, воспитателямъ и учителямъ въ руководствѣ чтеніемъ и въ бесѣдахъ о прочитанномъ, чтобы это чтеніе не было случайнымъ и поверхностнымъ, а по праву могло занять дома и въ школѣ подобающее ему мѣсто, какъ дѣло серьезное, отъ котораго, при воспріимчивости дѣтей, нерѣдко зависитъ весь ихъ будущій душевный складъ. Не говоря уже о томъ, что дѣти на своихъ родныхъ писателяхъ невольно усвоиваютъ *духъ языка,* на нихъ же они пріучаются честно мыслить и чувствовать изъ честныхъ мыслей и чувствъ лучшихъ людей родины. Скажемъ даже такъ: намъ хотѣлось бы, чтобы юноша не только читалъ и изучалъ своихъ поэтовъ, но чтобы онъ и *любилъ ихъ,* перечитывалъ охотно самъ, по внутренней потребности, и заучивалъ особенно понравившіеся стихи наизусть. Дѣтская память легко усвоиваетъ то, что нравится, и люди, въ дѣтствѣ запомнившіе наизусть много образцовъ, впослѣдствіи лучше пишутъ и говорятъ. Развитіе дара слова, какъ лучшаго изъ даровъ, предоставленныхъ только человѣку, отнюдь не должно быть пренебрежено, и краснорѣчіе, въ смыслѣ простой, опредѣлительной и красивой рѣчи — не пустое фразерство, если только *соединено съ мыслью и вооду-*

шевлено чувствомъ. А какъ, къ сожалѣнію, рѣдки у насъ— даже между образованными, учеными, людьми, — люди дѣйствительно краснорѣчивые, а тѣмъ болѣе умѣющіе выразительно читать не только прозу, но и стихи. Какъ хорошо было бы, еслибъ юноша не только читалъ писателя, но и завелъ, какъ это часто бывало въ старые годы, особую памятную тетрадь, куда вносилось бы, тщательно переписанное, все, что изъ писателя особенно понравилось. Такая тетрадь была-бы для юноши дорогою памятью его ранняго развитія и вкусовъ точно такъ же, какъ постепенное составленіе коллекціи портретовъ прочитанныхъ писателей — естественнымъ выраженіемъ теплой признательности за доставленное наслажденіе и любви къ лучшимъ людямъ родины. Если наши учебныя комнаты и классы уже начинаютъ кое-гдѣ терять свой холодный казенный характеръ, украшиваемые цвѣтами, картинами, акваріумами, террариумами и пр., отчего бы не развѣсить по стѣнамъ недорогихъ портретовъ лучшихъ изъ нашихъ писателей, уже знакомыхъ дѣтямъ, или иллюстрацій къ ихъ сочиненіямъ, — пожалуй, даже предложивъ тамъ, гдѣ введено выпиливаніе, или переплетное мастерство, самимъ ученикамъ сдѣлать для такихъ картинъ рамки; а гдѣ поставлено порядочно пѣніе, отчего бы не разучивать пьесъ, которыя доступно для дѣтей положены на музыку? Отчего бы, наконецъ, въ школахъ и семьяхъ не устраивать небольшихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ дѣти явились бы сами исполнителями того, что имъ особенно понравилось? Все это, — и памятныя тетради, и портреты, и устройство небольшой *своей* библіотеки, и вечера — можетъ имѣть важное воспитательное значеніе: — *уваженіе къ великимъ людямъ своей родины, развитіе въ себѣ съ мягкихъ отроческихъ лѣтъ чувства прекраснаго* — немало способствуетъ тому, чтобы изъ дѣтей вышли впослѣдствіи добрые люди, стремящіеся къ идеалу и уважающіе свое отечество.

Предлагая нашъ выборъ, мы только иногда отмѣчали пригодное для болѣе младшаго возраста, и нигдѣ не предлагали ни вопросовъ, ни плановъ бесѣдъ, предоставляя ихъ учителю. Возрастъ, который мы имѣли ввиду, обнимаетъ приблизительно отъ 10—16 лѣтъ, или четыре-пять младшихъ классовъ

гимназіи. Что дать тому или другому юношѣ сообразно его развитію, или случаю—это уже дѣло воспитателя, такъ какъ развитіе дѣтей чрезвычайно разнообразно; точно такъ же разнообразны могутъ быть вопросы и бесѣды, — такъ что подробная регламентація въ этомъ отношеніи казалась намъ излишней. Впрочемъ, въ приложеніи воспитатель найдетъ указаніе нѣсколькихъ книгъ, которыя въ этомъ отношеніи могутъ быть ему полезными.

Изъ писателей мы отмѣтили сначала шесть самыхъ крупныхъ *(Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ)*, съ коими дѣти знакомятся еще въ самомъ раннемъ возрастѣ по хрестоматіямъ и съ біографіями коихъ (Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій) легко ознакомить по указаннымъ въ приложеніи книжкамъ. Изъ этихъ писателей въ *этомъ* изданіи *Лермонтовъ* разсмотрѣнъ *вновь, Кольцовъ* значительно *добавленъ*, и нѣсколько *дополнены остальные.*

Съ Майкова начинается новая серія писателей, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. За исключеніемъ Майкова и Мея, такъ сказать, *безотносительныхъ эстетиковъ*, — останавливаемся, по преимуществу, на писателяхъ *народныхъ*, выбирая изъ нихъ, большею частію, такія произведенія, которыя знакомятъ съ бытомъ простого люда, иногда съ картинами бѣдности, невѣжества и страданій. Здѣсь мы имѣли ввиду возрастъ болѣе старшій, а также и разсчитывали на чтеніе съ воспитателемъ, который введетъ слушателей въ пониманіе произведенія бесѣдою, обративъ вниманіе на извѣстныя, указанныя нами, педагогическія стороны. Не давая предпочтенія изображенію темныхъ сторонъ жизни, мы не рѣшились искусственно скрыть ихъ вовсе — именно съ цѣлью возбужденія дѣтской симпатіи къ страдающему люду, такъ какъ *„вызвать слезу состраданія къ несчастному и умиленіе передъ добродѣтелью и чистотою сердца“*, какъ говорили въ сентиментальную старину, есть одна изъ цѣлей гуманнаго христіанскаго воспитанія. Картинъ же и сценъ отвратительныхъ, грязныхъ, или только нервно потрясающихъ юную душу, въ нашихъ указаніяхъ *для дѣтей* нѣтъ вовсе.

Рядомъ съ первою цѣлью—дать руководство къ чтенію съ дѣтьми образованныхъ классовъ въ школѣ и дома—имѣли мы

еще и другую: предложить выборъ художественнаго чтенія *народу въ школахъ, читальняхъ и особенно для народныхъ* чтеній, въ которыхъ до сихъ поръ, по какой-то странной случайности, художественный элементъ упорно игнорируется почти вовсе, между тѣмъ какъ опытъ блестящимъ образомъ доказываетъ, что именно такого то рода матеріалъ очень желателенъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, одна изъ учительницъ въ книгѣ *Что читать народу* *), которую мы особенно рекомендуемъ для ознакомленія съ отношеніемъ народа къ произведеніямъ художественнымъ: *„Знакомство съ лучшими произведеніями литературы вполнѣ доступно, а слѣдовательно и цѣнно,—цѣнно по силѣ и глубинѣ переживаемаго слушателемъ впечатлѣнія, по величію остающихся у него въ памяти образовъ“*. Ввиду этой то второй цѣли, почтемъ себя вполнѣ счастливыми, если скромный трудъ нашъ окажетъ нѣсколько помощь земствамъ, устроителямъ народныхъ чтеній, народнымъ учителямъ и издателямъ дешевыхъ народныхъ книгъ, съ указанными нами сокращеніями, небольшими біографіями и, по возможности, хорошими портретами и иллюстраціями, такъ какъ пока подобныхъ изданій мало, а потребность въ нихъ настоятельная. Для этихъ лицъ показалось намъ нелишнимъ приложить и статью изъ *Обзора русской учебно-народной литературы, изданнаго СПБ. Комитетомъ Грамотности: „О книгахъ художественнаго содержанія, пригодныхъ для народнаго чтенія“*. Отдѣльныя указанія, что именно пригодно народу, особенно относительно нѣкоторыхъ писателей (Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Майковъ), дѣлали мы не вездѣ, предоставляя выборъ самимъ учителямъ, лучше знающимъ, что изъ указаннаго дѣтямъ образованныхъ классовъ можно прочитать для опыта и народу.

---

*) *Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, сост. учительницами Харьковской частной воскресной школы. СПБ. 2 тома, ц. 4 р.*—Громадные томы въ два столбца, разсматривающіе книги по всѣмъ отдѣламъ образованія; приводится: изложеніе содержанія; вопросы, по которымъ провѣряется, насколько читаемое понято, и что всего важнѣе для нашихъ цѣлей, отзывы и отвѣты учащихся, по поводу прочитанныхъ произведеній почти всѣхъ указываемыхъ нами писателей.

Въ концѣ прилагаемъ списокъ книгъ въ руководство для бесѣдъ, доступныхъ дѣтямъ біографій, народныхъ чтеній и дешевыхъ изданій писателей для народа и школы.

Выборъ изъ слѣдующихъ писателей, по мѣрѣ накопленія матеріала, теперь уже всегда имѣвшаго ввиду и народъ, помѣщался въ журналѣ покойнаго В. Д. Сиповскаго *Женское Образованіе,* и въ 1891 г. вышло 3-е изданіе книги. Здѣсь прибавлено: 1) семь статей, написанныхъ вновь: *Батюшковъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Плещеевъ, Гончаровъ, Некрасовъ;* 2) дополненъ указаніемъ *прозаическихъ* статей выборъ изъ сочиненій *Мея;* 3) разсмотрѣно путешествіе Григоровича *Корабль Ретвизанъ;* 4) разсмотрѣны разсказы гр. Л. Н. Толстого, написанные въ послѣдніе годы для народа; 5) измѣненъ порядокъ расположенія писателей: сначала поставлены Жуковскій, Батюшковъ и Крыловъ, затѣмъ Пушкинъ съ Веневитиновымъ, Баратынскимъ и Языковымъ; Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, и четыре поэта *народные:* Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ и Шевченко. Далѣе идутъ писатели въ прозѣ: Гоголь, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, гр. Л. Н. Толстой и Погосскій.

Дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить моя стихотворная хрестоматія *Родные поэты,* составленная изъ произведеній, указанныхъ и разъясненныхъ въ этой книгѣ, и въ предлагаемомъ нами здѣсь порядкѣ и группахъ. Къ составленію такой хрестоматіи побудило меня желаніе дать юношеству возможно полный сборникъ поэтическихъ образцовъ, предлагаемыхъ не случайно, а съ цѣлями эстетическими, педагогическими и литературно-образовательными вообще. Это литературно-образовательное значеніе многихъ изъ указанныхъ для разныхъ возрастовъ произведеній выяснено также въ моихъ книгахъ *Бесѣды о преподаваніи словесности* (изд. 2-е, Москва, 1886 г.), особенно въ главахъ объ *изученіи наизусть стихотвореній* и *о внѣклассномъ чтеніи;* указанія, какъ читать, сдѣланы въ другой книгѣ *Выразительное чтеніе* (изд. 5-е, Москва, 1900 г.), а краткія біографіи помѣщены въ книгѣ *Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей.*

О важности художественнаго чтенія много говорится и въ моей же книгѣ *Письма объ эстетическомъ воспитаніи.* Пріемы разборовъ найдетъ руководитель чтенія въ вышедшемъ въ 1897 году моемъ *Руководствѣ къ чтенію поэтическихъ произведеній* (по Л. Эккардту) *съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи,* изд. 3-е, переработанное и дополненное.

Въ настоящемъ, четвертомъ, изданіи добавлена только статья *С. Т. Аксаковъ;* все же остальное просмотрѣно, но оставлено безъ измѣненія.

Этими-то *двадцатью-двумя* писателями ограничиваю *мой* выборъ чтенія дѣтямъ и народу. Меня упрекали, что не взялъ я ни Достоевскаго, ни Салтыкова, ни Островскаго, а на ряду съ корифеями литературы взялъ Погосскаго. На это позволю себѣ сказать слѣдующее. При всемъ моемъ уваженіи къ *„печальнику униженныхъ и оскорбленныхъ“*, я считаю его писателемъ для предполагаемаго мною *средняго* возраста совершенно *рановременнымъ,* какъ по особому нервно-болѣзненному характеру таланта, такъ и тонкости и глубинѣ психическаго анализа. Такъ же, какъ и Достоевскій, недоступны дѣтямъ и сатиры Салтыкова. Изъ Островскаго, конечно, особенно для народа, выборъ сдѣлать слѣдуетъ; но это — уже особая задача, связанная съ вопросомъ о народномъ театрѣ, что въ мою задачу не входило. Что же касается Погосскаго, то, хотя по таланту онъ и значительно уступаетъ другимъ изъ избранныхъ писателей, но все-таки дарованіе у него недюжинное, и — что особенно для дѣтей важно,—это гуманность и задушевная простота. Въ извѣстномъ же выборѣ и освѣщеніи, въ немъ множество элементовъ воспитательныхъ, особенно для *народа:* — съ одной стороны, картины невѣжества, пьянства, отношеніе къ женщинѣ, къ слабымъ, къ дѣтямъ, къ больнымъ, къ животнымъ; съ другой — типы положительные, напр. священникъ, учитель.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни скроменъ и ни несовершененъ мой трудъ, все-таки, думается: имъ положено нѣкоторое основаніе литературнаго образованія русскому юношеству и народу, и что родителямъ, школѣ и земству, пекущемуся о народныхъ чтеніяхъ и читальняхъ, дано не мало указаній,

что именно изъ писателей читать, и на что обращать въ читаемомъ вниманіе для развитія здороваго, гуманнаго и патріотическаго чувства и образованія вкуса.

Но еще недостаточно только одобрить и указать читаемое;— нужно еще и провести указанное въ народъ, путемъ книги и народныхъ чтеній съ туманными картинами, и хотя бы даже безъ нихъ, что, при рѣдкости, дороговизнѣ книгъ и безграмотности огромнаго большинства народа, является существеннѣйшею необходимостью. Эта необходимость вполнѣ и сознается у насъ всѣми сторонниками просвѣщенія и очеловѣченія темнаго народа, и народныя чтенія все болѣе и болѣе распространяются. Между тѣмъ, именно *художественныхъ то* произведеній, даже самыхъ крупныхъ нашихъ отечественныхъ писателей, разрѣшается къ публичному прочтенію до поразительности мало. Такъ, напримѣръ, *Постоянной Коммиссіей по устройству народныхъ чтеній, учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія,* дѣйствующей уже болѣе двадцати пяти лѣтъ, издано, не считая сказокъ, изъ Пушкина всего только одна *Полтава* да *Капитанская дочка; Кольцовъ, Дѣдушка Крыловъ; Тарасъ Бульба,* да, кажется, еще *Купецъ Калашниковъ.* Допущены еще въ народныя аудиторіи *сказки Жуковскаго, Капитанъ Боппъ;* Гоголя, — *Ночь предъ Рождествомъ* и *Сорочинская ярмарка; сборнички изъ стихотвореній* поэтовъ,—вотъ, кажется, и все, что допущено къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ изъ сочиненій нашихъ величайшихъ писателей, которыми мы справедливо гордимся передъ Европой. Почти не слышимъ мы въ народныхъ аудиторіяхъ, за исключеніемъ указанныхъ нѣсколькихъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Гоголя, Крылова и Кольцова, ни Григоровича, ни Тургенева, ни Гончарова, ни гр. Л. Толстого, ни Некрасова, ни Никитина, ни Мея, даже Майкова, а вмѣсто нихъ, читаются, изданныя Коммиссіею, какія-то бездарныя упражненія неизвѣстныхъ сочинителей, въ родѣ *Старика Никиты и его дочери, Гордѣй Лѣсовикъ, Тонулъ да выплылъ, Братья, Роковой кладъ, Извозчикъ Климъ* и пр. Тутъ просто какое-то странное недоразумѣніе; какое-то, совсѣмъ неестественное, сомнѣніе въ полезности для народа даже нашихъ лучшихъ и

популярнѣйшихъ, извѣстныхъ въ Европѣ. величайшихъ художниковъ, — даже такихъ, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ. А между тѣмъ, эти, болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтнія, недоразумѣнія и сомнѣнія, эта невозможность знакомить народъ съ лучшими писателями, страшно отражаются на успѣхѣ народныхъ чтеній и тормозятъ все народное образованіе. Вѣдь родной писатель-художникъ — это громадная сила, умственно и нравственно дѣйствующая, особенно на народныя массы, которымъ, на настоящей ступени развитія, всего доступнѣе и интереснѣе именно произведенія художественныя, могущія отвлечь народъ отъ кабака и пріятно и полезно наполнить рѣдкій досугъ, и быть проводниками, путемъ красоты, въ темную среду, смягчающихъ и очеловѣчивающихъ началъ добра и правды, которыхъ не дадутъ народу искусственныя поддѣлки подъ литературу.

И вотъ, предлагая своей книгой мотивированный выборъ изъ *двадцати двухъ* русскихъ писателей, не могу не выразить своего собственнаго, да, вѣрно, и общаго, *желанія* всѣхъ друзей нашего русскаго народнаго образованія, чтобы, какъ можно скорѣе, наши художники-писатели получили давно уже ожидаемый доступъ въ читальни и въ народныя аудиторіи, гдѣ бы доставили народу и благородное наслажденіе, и пользу. А если-бъ только этотъ доступъ нашихъ писателей къ народу былъ открытъ, не замедлилъ бы явиться цѣлый рядъ произведеній въ дешевыхъ, отдѣльныхъ, изданіяхъ, въ умѣломъ сокращеніи и приспособленіи къ часовому публичному чтенію; явились бы къ такимъ чтеніямъ и дешевыя картины-иллюстраціи, которыя не отказались бы нарисовать для фонаря наши лучшіе художники. Съ такими чтеніями съ фонаремъ могли бы поѣхать желающіе и умѣющіе читать по Россіи, придя на помощь земствамъ и обществамъ народныхъ чтеній. И великая отъ такого широкаго доступа нашихъ писателей къ народу могла бы выйти для просвѣщенія нашей родины польза!

Мой трудъ — только еще начало образовательно-воспитательнаго дѣла разсмотрѣнія русскихъ писателей для чтенія дѣтямъ и народу. За разобранными мною, са-

мыми крупными, такъ сказать, основными, идетъ длинный рядъ поэтовъ и прозаиковъ, въ которыхъ слѣдуетъ внимательно разобраться, въ виду просвѣтительныхъ цѣлей школы, какъ можно скорѣе. Таковы, напримѣръ: гр. *А. Толстой, Полонскій, Фетъ, Тютчевъ, Михайловъ М.* и *Дм. Лавр. Михаловскій* (у послѣднихъ двухъ цѣлая масса прекрасныхъ переводовъ эпическихъ произведеній), прозаики: Писемскій, А. А. Потѣхинъ, Печерскій, гр. Данилевскій, Мордовцевъ, Сальясъ; *Короленко, Гаршинъ, Маминъ-Сибирякъ, Потапенко, Станюковичъ, Немировичъ-Данченко, Баранцевичъ* и др. Большинство этихъ писателей писали и пишутъ много; но все разбросано по журналамъ и отдѣльнымъ сборникамъ;— во всемъ этомъ слѣдуетъ только умѣло разобраться, и у каждаго найдется много такого, что можетъ имѣть большую воспитательно-образовательную силу *).

Россія вступила уже въ новое, двадцатое, столѣтіе; просвѣщеніе — наша, самая насущная, потребность. Этому-то всероссійскому широко-народному просвѣщенію сослужитъ великую службу именно русскій писатель-художникъ, который находитъ, силою таланта, легкій доступъ въ простую душу дѣтей и народа. Буду же надѣяться, что, за моимъ трудомъ, въ ближайшемъ будущемъ, послѣдуютъ и труды другихъ лицъ, сочувствующихъ нашему народному образованію, которые мой трудъ продолжатъ, и разсмотрятъ, съ точки зрѣнія воспитательно-образовательной, хотя бы писателей мною указанныхъ.

Викторъ Острогорскій.

Валдай,
22 августа 1898 г.

---

*) А. Толстой, Полонскій, Фетъ, Тютчевъ и Баранцевичъ уже разобраны подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ *Русскіе писатели, какъ воспит. образ. матерьялъ* Н. Демидовымъ, въ *Педагогическомъ Листкѣ* при *Дѣтскомъ Чтеніи* 1899—1901 г.

В. О.
Марта 16, 1901 г.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

О книгахъ художественнаго содержанія, пригодныхъ для народнаго чтенія.

Не менѣе книгъ научныхъ, изъ которыхъ народъ прямо извлекаетъ для себя положительныя знанія, важны въ народныхъ школахъ, которыя должны имѣть свою библіотеку, книги, такъ называемыя, художественныя, доставляющія прежде всего читателю удовольствіе, наслажденіе, заставляющія его смѣяться и плакать, а потомъ приносящія и пользу, въ смыслѣ ознакомленія съ жизнью и уясненія ея смысла. Художественной книгой называется такая, въ которой, кромѣ правды, дѣйствительности, есть еще и вымыселъ, „но не какой нибудь праздный, пустой, а непремѣнно правдоподобный, т. е. представленія такихъ людей и дѣлъ, какія часто бываютъ, могутъ или должны были бы быть въ жизни. Если же въ сказкахъ или басняхъ и есть неправдоподобіе, то здѣсь вымыселъ только скрываетъ собою настоящую правду; онъ только болѣе или менѣе форма для прикрытія мысли. А мысль (основный смыслъ художественнаго произведенія) должна быть непремѣнно умная, правдивая и добрая“, т. е. художникъ-писатель долженъ людей любить и желать имъ добра, и этой мыслью принести имъ пользу. Эта любовь должна проникать все произведеніе, согрѣвать его чувствомъ такъ, чтобы видно было, какой человѣкъ хорошъ и пользуется расположеніемъ писателя, и какой дуренъ;— было бы видно, что писатель любитъ добро и не терпитъ зла. Но съ однимъ умомъ и добрымъ сердцемъ художественнаго произведенія не написать. Для этого нуженъ еще особый врожденный даръ — талантъ. Этотъ талантъ и есть способность вымышлять,

т. е. видоизмѣнять и дополнять дѣйствительность такъ, чтобы въ книгѣ все было совершенно правдоподобно, такъ естественно, какъ будто бы все именно такъ и было на самомъ дѣлѣ, какъ написано въ книгѣ; при помощи этого таланта писатель сумѣетъ легко, красиво, складно, душевно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просто разсказать все, что ни пожелаетъ; — до того просто, что, кажется, все бы это и самъ точно такъ-же написалъ,—и этимъ разсказомъ доставить читателю удовольствіе. Итакъ, художественное произведеніе будетъ такое, которое, заключая въ себѣ правдивую, добрую мысль, разсказано тепло, красиво и просто. Тогда оно будетъ возбуждать наши чувства, трогать до глубины души, представлять въ нашемъ воображеніи разсказанное такъ живо, какъ бы мы видѣли его предъ своими собственными глазами; наконецъ, заставлять насъ и призадуматься надъ изображеннымъ; примѣнить его къ своей, или, вообще, видѣнной нами жизни, помогать узнавать то, что хорошо, что дурно, — словомъ, поучать насъ притчами. Такой художественный талантъ—даръ рѣдкій, и у кого онъ есть, тотъ великій учитель, наставляющій людей на добро пріятными разсказами, слѣдовательно, представленіемъ живыхъ примѣровъ, самой жизни человѣческой съ раскрытіемъ ея смысла и значенія. Такой писатель имѣетъ огромное значеніе, потому что его съ удовольствіемъ прочтетъ и старый, и малый: всякому онъ доступенъ, милъ, всякаго и тронетъ, и потѣшитъ, и заставитъ призадуматься.

Вотъ почему народу слѣдуетъ давать только художественныя произведенія, которыя могутъ образовать его чувства, воображеніе, вкусъ и умъ; давать только такія сказки, басни, пѣсни, разсказы, повѣсти, которые соединяютъ въ себѣ три условія: правду, добро, въ смыслѣ любви къ людямъ, и красоту, въ смыслѣ образности, живости и складности, занимательности разсказа. Поэтому, собственно говоря, слѣдовало бы давать народу въ извѣстномъ выборѣ, сокращеніяхъ, или незначительныхъ передѣлкахъ, *только сочиненія лучшихъ, талантливѣйшихъ* писателей (напр. Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Шевченко, Никитинъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Мей, Майковъ, Гончаровъ, Даль, Погосскій, Кохановская, Л. Толстой, отчасти Некрасовъ, Печерскій, Гребенка, Данилевскій, С. Аксаковъ, Островскій и др.). Но пока, къ крайнему сожалѣнію, отдѣльныхъ изданій избранныхъ для народа со-

чиненій этихъ авторовъ очень мало, приходится выбирать и изъ менѣе талантливыхъ писателей, работавшихъ для народа, наиболѣе *художественное*. Словомъ, первое, что должно имѣть въ виду при выборѣ чтенія—это непремѣнно *талантъ сочинителя, художественность произведенія.*

Никакія поучительныя нравственныя повѣсти или басни и сказки, написанныя народными доброжелателями, со всякими благими разсужденіями, поясненіями и поддѣлкой подъ народную рѣчь, никакія, даже талантливыя, но пустыя по содержанію, сказочки не должны имѣть здѣсь мѣста.

Исключеніе можетъ быть допущено, напримѣръ, для сказокъ Пушкина и Жуковскаго, какъ высокоталантливыхъ и представляющихъ переходъ къ чтенію болѣе серьезному. По производимому впечатлѣнію и легкости пониманія этотъ отдѣлъ чтенія настолько важенъ, что въ школѣ, какъ единственной, послѣ церкви, руководительницѣ и нравственной воспитательницѣ темнаго люда, имѣютъ мѣсто только такія художественныя книги, которыя *силою яркаго таланта, живыхъ изображеній, могутъ очеловѣчить народъ, т. е. возбудить и направить на благое его чувство, заставить воображать истинное счастье и несчастье, истинное добро и зло, направить на доброе и укрѣпить примѣрами благую волю, наконецъ, просвѣтить простого малодумающаго человѣка свѣтомъ разума. Заставить уважать самого себя безъ гордости, любить и помогать ближнему своему безъ хитрости и разсчета, цѣнить семью, проникнуться любовью и желаніемъ добра своей родинѣ, даже до готовности сложить за нее голову, осмыслить свою жизнь и свой трудъ, какъ бы ни былъ онъ, повидимому, незначителенъ, и въ этомъ трудѣ видѣть не одну тяготу, но, до нѣкоторой степени, и удовольствіе, показать разумное употребленіе досуга,*—вотъ какова задача, такъ называемаго, художественнаго или литературнаго чтенія въ народной школѣ, которая въ этомъ случаѣ беретъ на себя какъ бы практическое обученіе нравственности въ смыслѣ разумномъ, христіанскомъ.

Поставивъ такую общую, высокую, задачу литературному чтенію, остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ, которыми руководились при нашемъ выборѣ и мы, и которыми, какъ намъ кажется, долженъ руководиться и народный учитель, и земства, и издатели народныхъ книгъ. Прежде всего, нашъ народъ поражаетъ своимъ

невѣжественнымъ отношеніемъ *къ религіи и духовнымъ лицамъ*, дѣйствующимъ въ его же собственной средѣ, а также къ обрядамъ *свадебнымъ, къ крестинамъ, родинамъ, похоронамъ, праздникамъ*; въ крестьянской средѣ, вмѣсто любви къ ближнему, часто господствуетъ грубый *эгоизмъ*. Вотъ на изображеніи какихъ явленій прежде всего слѣдуетъ останавливаться при выборѣ. Богъ, истинная христіанская любовь, сила молитвы, вѣра,— вотъ предметы, живое изображеніе которыхъ прежде всего желательно находить въ художественной литературѣ *). Народъ часто безобразно устраиваетъ свою семью и въ своемъ домашнемъ кругу портитъ себя и свою жизнь, и жизнь своихъ близкихъ, — выясненіе этихъ семейныхъ отношеній въ высшей степени благотворно; литературные образцы отца, матери, дѣда, сына, дочери, сестры, брата, мужа, жены и др., представленные, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ видѣ, благотворны въ высшей степени; нельзя обойти также и грубаго отношенія къ женщинѣ, какъ къ бабѣ, которую за всѣ ея труды часто только бьютъ и ругаютъ. Къ этимъ отношеніямъ примыкаютъ отношенія къ старымъ, дряхлымъ, хилымъ, сиротамъ, дѣтямъ, юродивымъ, батракамъ, наконецъ, отношенія къ животнымъ, напр., лошади, коровѣ. Въ крестьянской семьѣ часты грубые пороки, напр., пьянство; безпрестанно встрѣчаешься съ боязнью природы, съ суевѣріемъ, невѣжественнымъ отношеніемъ къ болѣзни, къ доктору (знахарчество), особенно къ наукѣ, къ образованію, къ школѣ. Художественныя произведенія нерѣдко затрогиваютъ и эти предметы, и рисуютъ образы учителя и учительницы со стороны очень симпатичной. Не малое значеніе имѣютъ изображенія крестьянскаго довольства и бѣдности, счастія и несчастія, особенно, если они происходятъ отъ самого народа, напр., по лѣности, нерадѣнію, отсутствію энергіи, самодурству, или, напротивъ, когда довольство есть результатъ труда, бережливости, хозяйственности, трезвости. Важно также остановиться на произведеніяхъ, рисующихъ бытъ земледѣльческій, промышленный, ремесленный, торговый, фабричный, съ ихъ, какъ хорошими, такъ и происходящими отъ недоумія и невѣжества дурными сторонами. Далѣе, полезно остановиться на характерѣ и причинахъ народныхъ

*) Въ новѣйшей нашей литературѣ укажемъ на прекраснѣйшіе разсказы Мамина-Сибиряка: *Послѣдняя треба* и *Исповѣдь*, а также на разсказы Потапенко: *Шестеро* и *На общественной службѣ*. *В. О.*

преступленій; но за изображеніемъ темныхъ сторонъ жизни отнюдь не слѣдуетъ забывать и свѣтлыхъ, чтобъ не поселить въ народѣ отвращенія отъ самой жизни. Литературные примѣры доброты, кротости, великодушія и т. п., если только они правдивы, а не выдуманы нарочно, для назиданія, чрезвычайно благотворно дѣйствуютъ на чувство и воображеніе. Осмысливъ посредствомъ чтенія жизнь крестьянина въ отношеніи его къ Богу и семьѣ, слѣдуетъ остановиться и на отношеніяхъ его къ сельскому обществу, къ міру, въ которомъ онъ является членомъ, и интересы котораго, по самому, предоставленному ему правительствомъ, праву, онъ долженъ хранить и защищать. Отсюда уже естественъ переходъ къ уваженію къ закону, и, наконецъ, къ понятію о цѣломъ отечествѣ, родинѣ, которую нужно любить и, въ случаѣ нужды, защищать до послѣдней капли крови. Для народа очень полезно также чтеніе толково составленныхъ жизнеописаній (біографій) особенно такихъ людей, которые этой родинѣ честно послужили, или которые силами духа своего, энергіею въ трудѣ, стремленіемъ къ самообразованію, могутъ послужить народу хорошими примѣрами.

Указанныхъ нами примѣрныхъ сюжетовъ, кажется, уже вполнѣ достаточно, чтобы показать, какого рода чтеніе можетъ принести пользу въ школѣ и народной читальнѣ. И школа, и читальня должны стремиться къ тому, чтобы уяснить простолюдину весь небольшой кругъ его личной, семейной и общественной жизни, обращая вниманіе только на ближайшее, существеннѣйшее и не выводя человѣка изъ этого круга въ обширную область мечтаній. Литературное чтеніе въ школѣ, повторяемъ еще разъ, должно не расслаблять человѣка притворными чувствованіями, не наполнять его голову безплодными стремленіями выйти изъ своей среды, — но, напротивъ, возбудить, укрѣпить и направить здоровое чувство и осмыслить именно эту среду настолько, чтобъ народъ могъ находить интересъ и удовольствіе въ ней, жить лучше и человѣчнѣе, чѣмъ прежде, и этой средѣ служить по мѣрѣ своихъ силъ и возможности.

Переходимъ къ подробностямъ выбора и самому способу чтенія.

Всѣ литературныя книги для народнаго чтенія могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: 1) *книги для начинающихъ читать и дѣтей* и 2) *книги для учениковъ уже вполнѣ грамотныхъ и взрослыхъ*. Первая цѣль чтенія—это заинтересовать, по-

селить охоту читать, возбудить интересъ къ чтенію. Здѣсь часто важно даже не столько содержаніе, сколько самая форма, внѣшняя занимательность разсказа, который долженъ быть не великъ, чтобъ не утомлять вниманія; иногда важно даже то обстоятельство, что произведеніе написано въ стихахъ. На этой то ступени знаній и развитія имѣютъ мѣсто самыя простыя сказки (напр., Пушкина, Жуковскаго, Ершова „Конекъ - Горбунокъ", и народныя, небольшія басни, побасенки); словомъ—занимательность на первомъ планѣ. Пусть сказка будетъ только прекрасно разсказана и не безнравственна въ основаніи, пусть даже будутъ въ ней сказочныя небылицы, шуточнымъ тономъ разсказанныя,—только бы понравились, потѣшили побасенки, захотѣлось бы прочитать ихъ, прослушать еще нѣсколько такихъ занимательныхъ вещицъ — и цѣль учителя достигнута, и уже отъ его умѣнья вести дѣло сообразно развитію чтецовъ или слушателей будетъ зависѣть скорѣйшій переходъ ко второй группѣ книгъ, уже болѣе серьезныхъ и обширныхъ по объему.

Самое главное требованіе отъ всякаго чтеца—это *особое умѣнье читать* не только ясно, раздѣльно, не торопясь, но и *съ выраженіемъ*, т. е. съ соблюденіемъ: 1) такъ называемыхъ, *логическихъ удареній* (на цѣлыхъ словахъ, на которыхъ сосредоточивается преимущественно смыслъ); 2) *паузъ* (остановка при знакахъ, и даже просто нѣкоторыхъ словахъ, на которыя нужно обратить особое вниманіе слушателей); *интонацій* (т. е. общаго характера голоса, тона, смотря по содержанію, грустнаго, веселаго, шутливаго, важнаго и т. д.); 4) *переходовъ интонацій изъ одной въ другую* (изъ веселой въ грустную и т. д., смотря по характеру говорящаго лица въ произведеніи и настроенію, при которомъ онъ говоритъ); 5) *замедленія и ускоренія* голоса и, наконецъ, 6) по возможности, при чтеніи вслухъ разговора, *совершенная перемѣна голоса*, сообразно полу, возрасту и характеру лица; при чтеніи же стиховъ нужно особенно наблюдать, чтобы каждый стихъ не обрублялся, а свободно переходилъ голосомъ изъ одного въ другой, и особенно осторожно дѣлать ударенія на риѳмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, на кои не падаетъ ударенія логическаго, произносятся безъ ударенія.

Въ самыхъ удареніяхъ, вообще, во избѣжаніе однообразія (монотонности) чтенія, наводящаго на слушателей скуку и сонъ,

слѣдуетъ соблюдать извѣстную мѣру, т. е. одни слова произносить сильнѣе, медленнѣе, другія—легче, скорѣе. Такимъ образомъ мы видимъ, что хорошее чтеніе вслухъ требуетъ отъ чтеца какъ *совершенно яснаго, чистаго произношенія словъ*, такъ и извѣстной *силы, звучности и гибкости голоса.* Но еще обаятельнѣе дѣйствуетъ на слушателей то *чувство*, которымъ проникнутъ самъ чтецъ, и это чувство, смѣха ли, грусти ли, и т. д., необыкновенно быстро сообщается слушателямъ, и тѣмъ сильнѣе на нихъ дѣйствуетъ.

Мы съ намѣреніемъ распространились объ искусствѣ чтенія, потому что знаемъ, по собственному опыту, какъ дѣйствуетъ оно на учениковъ въ классѣ, и особенно на простого человѣка, еще не привыкшаго слушать со вниманіемъ читаемое,—человѣка, которому гораздо труднѣе читать вслухъ, чѣмъ всякому другому, уже развитому. Напрасно думаютъ, что такому искусному чтенію нельзя научиться: оно положительно пріобрѣтается путемъ долгаго собственнаго упражненія, подготовки, конечно, при совершенномъ вникаціи въ смыслъ какъ цѣлаго, такъ и частей, и каждаго слова въ отдѣльности. Что же касается громкости, звучности и нѣкоторой гибкости голоса, а также ясности произношенія, то это такія качества, безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ мало-мальски хорошій учитель, какъ не можетъ быть солдатъ безъ рукъ, пѣвчій безъ голоса и т. д. Къ чтенію передъ народомъ вслухъ нужно учиться, готовиться каждый разъ; но зато, выучившись, что для учителей, знакомыхъ съ пѣніемъ, гораздо легче, можно изъ чтенія художественныхъ произведеній вслухъ сдѣлать для народа истинное наслажденіе и могущественнѣйшее средство воспитательное, а въ ученикахъ, всегда цѣнящихъ въ учителѣ всякое искуство, пріобрѣсти особенное къ себѣ расположеніе, для чего надобно пользоваться всѣмъ, что только въ силахъ учителя, и что можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно подѣйствовать на самихъ учениковъ. Искусное чтеніе пріохочиваетъ читать вслухъ и самихъ учениковъ, которые нерѣдко просятъ учителя поучить ихъ „почитать", а такое обученіе ведетъ къ наибольшему уразумѣнію смысла каждаго слова, правильному воспитанію чувства и извѣстному умственному развитію. Обучивъ нѣсколькихъ, хотя бы только наиболѣе способныхъ учениковъ, читать *съ выраженіемъ*, мы, во-первыхъ, доставляемъ имъ са-

мимъ *удовольствіе;* во-вторыхъ, *вносимъ посредствомъ ихъ толковое и выразительное чтеніе въ ихъ семьи,* въ третьихъ, изъ такого чтенія (напр. произнесеніе наизусть нѣсколькими учениками басенъ или другихъ небольшихъ стихотвореній) въ соединеніи съ пѣніемъ хоровыхъ пѣсенъ можно устраивать въ школахъ небольшіе *дѣтскіе праздники,* на которые приглашать и родителей, что уже во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ и дѣлается. Конечно, при обученіи выразительному чтенію слѣдуетъ начинать съ самыхъ маленькихъ басенъ или другихъ стиховъ, предварительно уже вполнѣ разъясненныхъ и разученныхъ наизусть, причемъ сообразоваться болѣе или менѣе съ характеромъ и голосомъ ученика и наблюдать, чтобы чтеніе было возможно проще и естественнѣе. Словомъ, повторяемъ, что *читать выразительно и искусно долженъ всякій учитель*, и если въ учительской семинаріи ввелось уже пѣніе, то необходимо ввести и *упражненіе въ искусствѣ читать* *).

Чтеніе художественныхъ произведеній, особенно въ началѣ, должно, по возможности, сообразоваться въ сюжетахъ съ занятіями и образомъ жизни населенія (земледѣльческое, промышленное, фабричное и т. д.), съ наиболѣе выдающимися характерными явленіями этой жизни (обычаями, суевѣріемъ, наиболѣе распространенными пороками) и до нѣкоторой степени, привязываться къ случаю, напр. празднику, извѣстному событію и т. д. Желательно, чтобы это чтеніе имѣло и нѣкоторую систему, порядокъ, связь (напр. животныя въ басняхъ, и сказкахъ, семья, товарищи и друзья и т. д.), а не было только случайнымъ; поэтому учитель долженъ, по возможности, обдумать свои чтенія заранѣе.

Чтеніе можетъ быть производимо самимъ учителемъ: 1) въ классѣ, передъ учениками; 2) внѣ класса, въ свободное время, особенно по праздникамъ, и 3) въ народныхъ читальняхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдовало бы вводить въ чтеніе бесѣдами и непремѣнно читать произведенія небольшія по объему, даже съ сокращеніями, чтобы отнюдь не утомлялось вниманіе. По окончаніи чтенія, или при остановкахъ, хорошо выспросить, по крайней мѣрѣ, желающихъ, относительно содержанія и общаго

---

*) Общіе пріемы и условія выразительнаго чтенія, а также и разборы многихъ небольшихъ произведеній указаны въ моей книги *Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ*. Изд. 4, М. 1898. ц. 50 к. *В. О.*

смысла цѣлаго, насколько они уяснены. Такія чтенія съ учениками могутъ быть сдѣланы и предметами письменныхъ работъ.

Имѣя хорошую библіотеку, что совершенно необходимо и обязательно для каждой школы, учащіеся должны ею пользоваться и для домашняго чтенія, которое также можетъ быть провѣрено разспросами учителемъ о прочитанномъ, и, въ виду распространенія хорошихъ книжекъ между народомъ, наиболѣе толковымъ, интересующимся чтеніемъ ученикамъ слѣдуетъ книги и дарить. Правильно и аккуратно веденныя учителемъ записи даютъ возможность слѣдить за тѣмъ, что наиболѣе нравится народу, взрослымъ, дѣтямъ, мужчинамъ, женщинамъ, и, такимъ образомъ, облегчится трудъ хорошаго выбора книгъ.

Относительно того, что выбирать для дѣтей, что для взрослыхъ, въ народной школѣ опредѣлить трудно, такъ какъ дѣти въ простомъ быту часто развитѣе взрослыхъ, и потому выборъ здѣсь всего лучше предоставить учителю. Скажемъ только одно, что, какъ ни важно чтеніе для взрослыхъ, но особенное вниманіе должно быть обращено на чтеніе для дѣтей, какъ личностей еще не сформировавшихся. Ихъ юныя сердца, ихъ пылкое воображеніе воспріимчивѣе и чутче воспринимаютъ художественныя произведенія, которыя въ дѣтяхъ и глубже запечатлѣваются. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы также обратить особенное вниманіе на устройство чтеній деревенскимъ женщинамъ, у которыхъ, относительно (особенно зимой), больше времени слушать чтеніе (пряжа, посидѣлки и т. п.), и въ рукахъ которыхъ лежитъ все воспитаніе домашнее и сосредоточивается основа семьи.

Изъ важности именно чтенія художественнаго, которое нерѣдко составляетъ первую основу всего образованія и побуждаетъ человѣка учиться тому или другому ремеслу или наукѣ, нерѣдко, особенно въ дѣтяхъ, поселяетъ цѣлое новое міровоззрѣніе, цѣлый рой новыхъ мыслей и чувствъ, и которое можетъ съ пользой и удовольствіемъ наполнить крестьянскій досугъ, слѣдуетъ, что разумное устройство художественнаго отдѣла школьныхъ библіотекъ, основаніе народныхъ читаленъ съ хорошими чтецами, праздничныхъ чтеній, немедленное составленіе множества дешевыхъ сокращенныхъ изданій произведеній талантливѣйшихъ нашихъ писателей, есть дѣло неотложной необходимости. Жизнь всей огромной народной массы совершенно зависитъ отъ образованія, а образо-

ваніе народной школы не въ томъ состоитъ, чтобы научить разбирать какую-нибудь глупую сказку „о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венеціанѣ“ да „писать кляузы“, не въ томъ одномъ также, чтобы дать положительныя знанія счета, окружающей природы, хозяйства, гигіены; въ это образованіе входитъ также уразумѣніе Слова Божія и жизни во Христѣ, чтобы человѣкъ сталъ христіаниномъ; за Закономъ Божіемъ, которому, по нравственному значенію принадлежитъ, конечно, первое мѣсто, стоитъ *художественное* чтеніе. Оно *учитъ* христіанина *быть человѣкомъ*, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Выражающееся въ пословицахъ народное воззрѣніе на слово *).

Слово у народа является выраженіемъ ума человѣка: „*Красно поле пшеномъ, а рѣчь умомъ*“; „*Въ умной бесѣдѣ быть, ума прикупить*“; „*Умныя рѣчи пріятно и слушать*“; Умныя рѣчи пріятно и говорить; но, къ сожалѣнію, не всякій цѣнитъ свою рѣчь по достоинству: „*Когда дуракъ уменъ бываетъ?—Когда молчитъ*“. А какъ заговоритъ, такъ „*дуракъ самъ скажется*“. У дурака „*мелева много, а помолу нѣтъ*“; „*Мелетъ день до вечера, а слушать нечего*“. Дуракъ мелетъ „*чтобы языкъ почесать*“; „*Языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ*“. Умный, напротивъ, „*сперва подумай, а потомъ скажи*“. „*Чѣмъ напередъ ходимъ?—Думой*“. Нѣтъ мысли,—умный человѣкъ и говорить не станетъ, потому что „*не стыдно молчать, коли нечего сказать*“. Да и есть мысли, такъ онъ не всегда ихъ высказываетъ: „*Говори съ другими поменьше, а съ собой побольше*“; „*Много знай, да мало бай*“; „*Слово не воробей: не поймаешь*. Но не изъ одной осторожности случается умному молчать: иногда молчаніе краснорѣчивѣе всякой рѣчи, понимаютъ люди другъ друга и безъ словъ; и идетъ промежъ нихъ „*нѣмая бесѣдушка*“.

Языкъ—сила, управляющая людьми. „*Безъ языка и колоколъ нѣмъ. Языкъ малъ, великимъ человѣкомъ ворочаетъ*“. „*Живымъ словомъ побѣдить можно*“. (Слово Петра Пустынника; рѣчь Но-

*) Подобный же подборъ пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ сдѣланъ въ книжкѣ моей: *Изъ народнаго быта*: „*Титъ*“, „*Вавило*“, „*Маланья*“, „*Маша на дѣвичникѣ*“. Изд. 3-е. М. 1898 г. Ц. 10 к.

виковa о необходимости пожертвований въ пользу голодающаго народа побуждаетъ богача Похндяшина пожертвовать на этотъ предметъ всѣмъ своимъ милліоннымъ состояніемъ). *„Языкъ царствами ворочаетъ“*. (Рѣчи Демосѳена, Цицерона; рѣчь Катона о Карѳагенѣ). *„Языкъ стягъ дружину водитъ“*. (Слова Суворова передъ переходомъ чрезъ Санъ-Готардъ; слова императора Александра I: „Дотолѣ не вложу меча въ ножны, доколѣ ни единый врагъ не останется въ отечествѣ“; слова Наполеона къ войску передъ египетскими пирамидами: „Солдаты! сорокъ вѣковъ смотрятъ на насъ съ вершины этихъ пирамидъ!“ Слова Святослава: „Не посрамимъ земли русской, ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имутъ“). Слово, сильное умомъ и чувствомъ, съ которымъ оно произносится: *„не стрѣла, а пуще стрѣлы“*; *оно острѣе самой бритвы*: *„бритва скребетъ, а слово рѣжетъ“*.

Умъ проявляется у человѣка не только въ словѣ, но и въ дѣлѣ. Поэтому народъ требуетъ, чтобы у человѣка дѣльнаго слово переходило и въ дѣло, и съ дѣломъ не расходилось. Не придаетъ народъ большого значенія словамъ краснорѣчивымъ, но непереходящимъ въ дѣло; кто только хорошо говоритъ, того народъ клеймитъ мѣткимъ именемъ: *„краснобая“*. *„Не великое дѣло—великое слово“*. Отъ слова до дѣла еще далеко: *„Скоро сказано, кабы да сдѣлано“*. Въ этомъ случаѣ, ужъ лучше меньше говорить, да больше дѣлать: *„Не тотъ глупъ, кто на слова скупъ, а тотъ глупъ, кто на дѣлѣ тупъ“*.

Всякое сказанное человѣкомъ слово должно быть честно: *„не велика бѣда, да честна“*. Слово должно быть правдиво и безбоязненно, къ кому бы оно ни обращалось: *„хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь; за правое дѣло говори смѣло“*.

Съ другой стороны, чтобъ проникать къ сердцу, слово должно быть ласково: *„и собаку ласково примолвишь, такъ хвостомъ вертитъ“*. Но часто въ грубой рѣчи кроется доброе намѣреніе, а въ ласковой—хитрость;—отсюда совѣтъ: *„на грубое слово не сердись, а на ласковое не сдавайся“*.

Веселый по характеру, народъ нашъ любитъ приправлять рѣчь шуткою: *„шутку шутить, людей разсмѣшить“*. Но шутка должна быть добродушно высказана, добродушно и принята: *„за шутку не сердись, въ обиду не вдавайся“*. Надобно *„умѣючи потутить, людей повеселить“*. Не щади при шуткѣ и себя: *„нѣтъ

лучше шутки, какъ надъ собою". „*Умѣй пошутить, умѣй и отшучиваться*", а „*станутъ люди смѣяться, посмѣемся и мы*". Но знай чѣмъ шутить; бойся „*чтобы словомъ не изобидѣть человѣка*": *тѣмъ не шути, въ чемъ нѣтъ пути*"; „*шутки шути, а людьми не мути*".

„*Умѣй пошутить, умѣй и перестать*". „*Лишняя шутка въ забаву не годится*". Шутки надъ несчастнымъ, слабымъ, который не можетъ отвѣтить такой же шуткой: „*кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки*".

Но, любя пошутить, посмѣяться, народъ презираетъ шутку, какъ скоро за ней забывается дѣло: „*игра-игрой, шутка-шуткой, а дѣло-дѣломъ*",—и человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью жизни забавлять другихъ, сдѣлавшій шутку, балясничество, своей профессіей, получаетъ имя шута, которому „*въ дружбѣ не вѣрятъ*", про котораго въ насмѣшку говорятъ, что его „*языкъ поитъ и кормитъ*", что человѣкъ этотъ только и дѣлаетъ, что„ *лясы точитъ, да зубы скалитъ*". А шута глуповатаго народъ называетъ еще въ придачу „*гороховымъ*" и „*полосатымъ*", отъ пестраго платья, въ которое дуракъ любитъ рядиться.

Допуская умѣстную шутку, народъ вмѣстѣ съ тѣмъ выказываетъ и очень тонкое различіе смѣха. Онъ знаетъ, что бываетъ иногда вмѣстѣ „*и смѣхъ, и горе*"; что „*иной смѣхъ плачемъ отзывается*"; что, случается, и „*сквозь смѣхъ слезы льются*".

Давая такую цѣну слову, народъ, естественно, требуетъ для этого слова и изящной формы, даже по говору и голосу. Про человѣка, выжимающаго изъ устъ по слову, тянущаго рѣчь, онъ замѣчаетъ: „*говоритъ, что въ цѣдилку цѣдитъ*", „*слово за словомъ на тараканьихъ ножкахъ ползетъ*"; про человѣка шепеляваго, картаваго: „*причмокиваетъ, пришептываетъ, говоритъ въ смятку*"; „*суконный языкъ*"; „*языкомъ, что помеломъ возитъ*"; про глотающаго слова: „*бормочетъ, что глухарь*"; про скороговорчатаго: „*лепечетъ, что сорока*"; про рѣчь черезчуръ громкую: „*горло деретъ*"; про рѣчь отрывистую, рѣшительную: „*сказалъ, что отрубилъ*"; про излишнюю говорливость: „*лепетливѣе насѣдки*"; „*когда заговоритъ, и собакѣ не дастъ слова сказать*"; напротивъ того, говорящій связно, плавно, „*говоритъ, что рѣка льется*"; говорящій рѣчи нѣжныя, ласковыя: „*воркуетъ, какъ голубокъ*".

Наконецъ, народъ обращаетъ вниманіе даже на жесты, на разваживанье руками, чѣмъ иногда люди недалекіе, или небойкіе на слова стараются замѣнить недостатокъ словъ и выраженій: *„языкомъ не разскажешь, такъ и пальцами не растычешь“; „нечего руками разсуждать, коли Богъ ума не далъ“.* Зато, про человѣка, говорящаго красно и дѣльно, народъ замѣчаетъ: *„что слово молвитъ, рублемъ подаритъ“.*

Выраженіе, мѣткое по содержанію и живописное по языку, представляющее какую-нибудь, почерпнутую изъ опыта, житейскую истину, благодаря рифмѣ, складной, сжатой формѣ, въ которой истина выражена, легко удерживается въ народной памяти подъ именемъ „пословицы“ и „поговорки“, нерѣдко изъ глубокой старины. Народъ любитъ такія удобопримѣнимыя къ различнымъ случаямъ, ходячія изъ устъ въ уста, правила практической мудрости: *„красна рѣчь съ притчею“.* Принимая за пословицу только такое выраженіе, которое, при красотѣ формы, содержитъ въ себѣ и внутренній смыслъ, народъ замѣчаетъ, что *„не всякая рѣчь пословица“; „пень не околица, глупая рѣчь не пословица“; „хороша пословица въ ладъ, да въ масть“; „на рынкѣ пословицу не купишь“.* Различая пословицу отъ поговорки, только простого украшенія языка сравненіемъ, уподобленіемъ, прозвищемъ, народъ говоритъ: *„поговорка—цвѣточекъ, „пословица—ягодка“.* Происхожденіе этихъ поговорокъ и пословицъ почти всегда въ давней старинѣ, отчего и ходятъ онѣ въ народѣ подъ именемъ *„старинныхъ“*, нерѣдко видоизмѣняясь сообразно мѣстности и увеличиваясь наращеніями: *„пословица плодуща и живуща“.* Но, по уваженію народа къ старинѣ, за пословицей все-таки признается первоначальная цѣлость и даже вѣчность: *„старинная пословица во вѣкъ не сломится“.* Часто, скрывая подъ иносказательной, шуточной формой глубокое значеніе, *„пословица заднимъ умомъ живетъ“*; постоянно имѣя въ виду подходящій случай, *„старинная пословица не мимо молвится“.* Мѣтко бьющая въ цѣль, попадаетъ *„добрая пословица не въ бровь, а прямо въ глазъ“*, и на нее, какъ на исправляющую порокъ насмѣшкой, какъ на правдивую, нелицепріятную, мораль, *„на пословицу, что на дурака, и суда нѣтъ“.*

---

1. Василій Андреевичъ Жуковскій.

(Род. 29 января 1783 года, † 12 апрѣля 1852 года).

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.
А. Пушкинъ.

Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ;
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!
А. Пушкинъ.

О Жуковскомъ составилось у насъ мнѣніе, какъ о писателѣ, по преимуществу, *дѣтскомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, симпатичная личность поэта, проглядывающая во всемъ, что онъ ни написалъ, удивительная простота, спокойствіе и интересъ завлекательнаго разсказа, всегда проникнутаго глубокимъ чувствомъ, разнообразное богатство содержанія,—все это такія достоинства, которыя дѣлаютъ произведенія его матеріаломъ очень цѣннымъ и въ отношеніи образовательномъ. Но, при всемъ томъ, къ Жуковскому, именно съ *этой* стороны, слѣдуетъ относиться *крайне осторожно*. Поставленный обстоятельствами жизни, совершенно особыми, въ положеніе исключительное, поэтъ, въ самой ранней юности до послѣднихъ дней своего долгаго вѣка, обнаруживалъ направленіе *болѣзненной сентиментальной мечтательности, неопредѣленной меланхоліи и религіознаго піэтистическаго созерцанія.* Это направленіе, отрывающее человѣка отъ дѣйствительности, которая и сама у него въ этомъ случаѣ представляется чѣмъ-то призрачнымъ, всего опаснѣе для дѣтской души, и не только не укрѣпляетъ и не развиваетъ ея, но на дѣтей впечатлительныхъ дѣйствуетъ иногда вредно. Оно же сдѣлало изъ Жуковскаго *балладника-фантастика,* иногда не представляющаго своими балладами ничего, кромѣ прелестныхъ стиховъ и туманныхъ образовъ изъ загробнаго міра, ничего не дающихъ уму ребенка. Вотъ почему, въ цѣломъ,

сочиненія Жуковскаго, съ множествомъ стихотвореній любовныхъ, посланій, писемъ и статей прозаическихъ, вовсе не настольная дѣтская книга, напротивъ, требуютъ самаго *тщательнаго выбора*. Но зато почти все, что не проникнуто этимъ направленіемъ, что переведено или передѣлано поэтомъ изъ литературъ иностранныхъ, настолько *общеобразовательно*, что мы рѣшаемся высказать прямо: *неполно образованіе человѣка, если въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ онъ не усвоилъ себѣ и не полюбилъ такихъ произведеній, какъ Одиссея, Иліада, Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ, и за голосомъ науки не выучился внимать простому голосу человѣческаго сердца-поэзіи.* Это-то значеніе Жуковскаго для дѣтей, какъ переводчика, и заставляетъ насъ остановиться на немъ подробнѣе, и въ своемъ мѣстѣ сказать нѣсколько словъ о значеніи для дѣтей, такъ называемой, *классической* поэзіи и о пути къ ознакомленію съ ней.

Всѣ сочиненія Жуковскаго, отобранныя съ воспитательно-образовательною цѣлью, раздѣлили мы на слѣдующія двѣ большія группы:

А) *Разныя сочиненія, преимущественно, для дѣтей младшаго возраста.*

Б) *Классическія*, которыя по сюжетамъ расположены въ три отдѣла: *Востокъ*, *Греція*, *Средніе вѣка.*

А. Разныя сочиненія.

Счастливый тихою семейною жизнью, поэтъ за три года до смерти написалъ своимъ маленькимъ дѣтямъ нѣсколько стихотвореній, съ коихъ и можно начать ознакомленіе дѣтей съ Жуковскимъ. „*Птичка, Котикъ и Козликъ*“—маленькія граціозныя пьески, простыя по содержанію, доступныя даже дѣтямъ лѣтъ четырехъ, и, положенныя на музыку, легко поются. Не менѣе граціозна и сказочка „*Мальчикъ съ пальчикъ*“, ничтожная по содержанію, но очень красивая по формѣ и образамъ, напоминающимъ разсказъ о Царицѣ Мабъ въ „*Ромео и Джульеттѣ*“ Шекспира.

Отъ этихъ милыхъ поэтическихъ игрушекъ переходимъ къ группѣ идиллическихъ картинокъ сельской природы и тихой жизни поселянина. Сюда относятся: 1) *Утренняя звѣзда*, 2) *Воскресное утро въ деревнѣ*, 3) *Лѣтній вечеръ*, 4) *Сельское кладбище*, въ

первомъ переводѣ, до словъ: *„Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ“*, или во второмъ, до словъ: *„Какъ часто серпамъ ихъ нива богатство свое отдавала“*, 5) *Ночь*, 6) *Деревенскій сторожъ*, и, наконецъ, 7) *Овсяный кисель*. За исключеніемъ *Сельскаго кладбища* (Грея) и *Ночи* (оригин.), всѣ эти переводы изъ нѣмецкаго поэта Гебеля, по выраженію Гете, „изображаютъ свѣжими, яркими красками неодушевленную природу, которая олицетворяется у поэта милыми аллегоріями. Гебель видитъ въ природѣ однихъ знакомцевъ своихъ—*поселянъ*, и всѣ его стихотворные вымыслы самымъ пріятнымъ образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Поэтъ выбралъ для мирной музы своей прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ,—это природа окрестностей города Базеля, береговъ Рейна. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей,—вотъ что даетъ пищу этой простодушной поэзіи. Но во всемъ, и на землѣ, и на небесахъ, Гебель видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, семейныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ сутокъ и года; онъ даетъ душу растеніямъ; привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное, и радуетъ сердце картинами ясной, беззаботной жизни“.

Къ этой группѣ пьесъ, изображающихъ сельскую природу и полевыя работы, примыкаютъ произведенія, изображающія или аллегорически (*Война мышей и лягушекъ*, *Котъ въ сапогахъ*), или прямо *Канитферштанъ*, *Двѣ были и еще одна*, отъ словъ: *„Слушайте: часто мы на свою негодуемъ судьбу* *)“, людей простодушныхъ, вращающихся въ тѣсномъ кругѣ своей домашней жизни. Въ этихъ небольшихъ *смѣшныхъ* разсказцахъ, такъ любимыхъ дѣтьми, нельзя, конечно, искать никакой серьезной педагогической подкладки, но они такъ веселы, съ такимъ искусствомъ разсказаны, что было бы просто жаль лишить дѣтей удовольствія съ ними ознакомиться. Сюда же можно причислить и сказки: *О царѣ Берендеѣ*, *О спящей царевнѣ* и *О Иванѣ царевичѣ*, очень нравящіяся и дѣтямъ, и народу.

---

*) При всей прелести изложенія, мы опускаемъ первыя *двѣ были*, какъ довольно пустыя по содержанію и особенно тяжело дѣйствующія на воображеніе дѣтей, такъ охотно слушающихъ *страшные* разсказы.

Совсѣмъ отдѣльно, по тону и серьезности, стоятъ три разсказа, вполнѣ доступные дѣтямъ и народу; 1) *Маттео Фальконе*,—образъ отца и мужа, жертвующаго для чести даже жизнью сына и счастіемъ жены; 2) *Неожиданное свиданіе*,—образъ невѣсты, сохранившей до глубокой старости дорогую память о миломъ женихѣ, рудокопѣ, трупъ котораго привелось ей одной, пережившей всѣхъ его родныхъ, проводить на кладбище, и 3) *Красный карбункулъ*,—разсказъ дѣдушки внукамъ о семьянинѣ, въ сущности, добромъ человѣкѣ, но отбившемся отъ труда и поддавшемся, по слабости воли, дурнымъ людямъ, которые и довели его до преступленія *).

В) Классическія сочиненія.

Прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ этого отдѣла литературныхъ трудовъ Жуковскаго, скажемъ, какого рода произведенія считаемъ мы *классическими*, и какое ихъ значеніе въ воспитаніи вообще.

Всѣ произведенія поэзіи можно раздѣлить на два рода: 1) *временныя* и 2) *вѣчныя* или *классическія*. Первыя читаются легко, но интересъ ихъ скоро переходящій, нерѣдко даже для того общества, для котораго они написаны. Въ нихъ мало спокойной, безпристрастной обдуманности цѣлаго, отдѣлки художественной, часто, просто, даже общечеловѣчнаго, интереснаго для всякаго, независимо отъ его національности. Произведенія этого рода могутъ быть очень благодарны по идеѣ, по своей горячности, но не имъ воспитывать юношество. Оно должно развить художественный вкусъ, приготовить въ своей душѣ для жизни полные, опредѣленные образы живыхъ типовъ людей вообще и обогатиться мыслями, глубоко продуманными писателемъ геніальнымъ, или образами, вѣками созданными мудростію цѣлаго народа. Рано привыкнувъ съ легкостію рѣшать вопросы дня, хотя бы и серьезные, но рѣшенные авторомъ слишкомъ пристрастно, юноша, увлеченный фельетонной легкостью формы, привыкаетъ къ чтенію поверхностному и пустому фразерству о явленіяхъ современной жизни. А

*) Обращаемъ на послѣднія три повѣсти особенное вниманіе воспитателей, какъ на важный матеріалъ для развитія воображенія; эти три разсказа слѣдуетъ издать отдѣльно.

между тѣмъ, эта жизнь,—жизнь поколѣнія уже отживающаго, которое, когда тринадцати, четырнадцатилѣтній юноша сдѣлается человѣкомъ взрослымъ, уже отстанетъ со своими интересами дня отъ поколѣнія новаго и, можетъ быть, подобно Сенекѣ, въ поэмѣ Майкова „*Три смерти*“, должно будетъ сказать:

„Быть можетъ, истина не съ нами,
Нашъ умъ ея уже неймётъ
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: „спасенья нѣтъ!“

Юноша живетъ настоящимъ, но настоящимъ только для будущаго. Воспитаніе—только переходъ, подготовленіе къ исполненію того призванія къ дѣятельности для блага людей, которое мы называемъ *жизнью не даромъ*. А для того, чтобы приготовиться къ подвигамъ, нужно, до нѣкоторой степени, удалиться отъ всего, что можетъ развлечь человѣка; нужно пріобрѣсти что-нибудь прочное, основательное, что-нибудь такое, что никогда ни старѣетъ, или по крайней мѣрѣ, не теряетъ своего достоинства. Такими-то произведеніями и являются для дѣтей, конечно, въ строгомъ выборѣ и въ среднемъ уже возрастѣ, произведенія *классическія, вѣчныя, міровыя*, т. е. созданныя мудростію цѣлаго, хотя бы и отжившаго, историческаго народа, или творческимъ геніемъ писателей великихъ; не какія-нибудь только греческія или римскія, но, вообще, независимо отъ націи, будь это востокъ, средніе вѣка, или писатели времени новаго—словомъ, такія произведенія, *которыя по своей формѣ, прекрасной простотѣ и изяществу, глубинѣ и общности мыслей и силѣ, какъ бы изваянныхъ изъ мрамора, образовъ, достойны самаго внимательнаго изученія и въ семьѣ, и въ классѣ учебнаго заведенія*. И это потому, что подобныя произведенія, хотя и представляютъ иногда людей отдаленныхъ историческихъ эпохъ, чуждыхъ современной внѣшности, но зато представляютъ этихъ людей съ такими *общими, вѣчными*, аттрибутами человѣческой натуры, что по нимъ юноши знакомятся съ человѣкомъ вообще, научаются любить добро и ненавидѣть зло, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось; научаются уважать высшія стремленія человѣческаго духа, которыя такъ часто подавляются въ насъ пошлостію современной, иногда очень непри-

влекательной, будничной дѣйствительности. Возьмите любую біографію великаго писателя, государственнаго дѣятеля, миссіонера—словомъ, кого угодно, чье имя съ уваженіемъ произноситъ историкъ,—гдѣ почерпалъ этотъ человѣкъ въ своей юности, среди бѣдности и грязи окружающей среды, свои силы, свои идеалы для будущей дѣятельности? Изъ Библіи, Евангелія, изъ чтенія Одиссеи, Иліады, произведеній великихъ писателей разныхъ вѣковъ и народовъ. Чувство юноши—чуткое чувство, воображеніе его чрезвычайно воспріемчиво и прекрасно воспитывается здоровою пищей: ясными и простыми художественными образами, и инстинктъ здороваго ребенка къ тому, что худо и хорошо, часто сильнѣе и тоньше, чѣмъ мы думаемъ. Мы не знаемъ ни одного человѣка, котораго испортило бы въ дѣтствѣ чтеніе классическихъ писателей, но зато сколькихъ укрѣпило оно для жизни, показавъ впереди цѣли благороднѣйшія, сколькихъ отвратило отъ пороковъ среды!

Созданныя спокойнымъ созерцающимъ геніемъ, безпристастнымъ окомъ вглядывающимся въ человѣка вообще, эти же классическія произведенія воспитываютъ молодыя поколѣнія и *исторически* потому, что только внимательно изучая прошлое, можно правильно судить о настоящемъ, въ которомъ все тотъ же человѣкъ является только въ другой оболочкѣ уже своего вѣка. Поэтому, знакомство съ классическими произведеніями, напримѣръ, хоть восточными или греческими, есть до нѣкоторой степени знакомство съ исторіей, въ его бытовой, соціальной части, великолѣпнѣйшая иллюстрація исторіи человѣчества, въ то время, когда юноша еще только начинаетъ помаленьку знакомиться съ судьбами человѣчества по какимъ-нибудь очеркамъ біографическимъ и историческимъ повѣстямъ.—И, можетъ быть, не совсѣмъ несправедливо мнѣніе, что изъ Иліады и Одессеи можно узнать о древнѣйшемъ бытѣ Греціи гораздо болѣе, чѣмъ изъ нѣсколькихъ десятковъ сочиненій научныхъ, которыя должны быть вѣнцомъ изученія исторіи. Такимъ образомъ, *произведенія классическія* могутъ быть *важны и съ образовательной стороны, со стороны положительнаго знанія.*

Но, за общечеловѣческимъ и историческимъ, въ произведеніяхъ классическихъ, по преимуществу народныхъ, есть еще одна сторона, которая до сихъ поръ составляетъ очень спорный вопросъ въ *педагогіи.* Эта сторона, столь видная въ сказкѣ и народ-

ныхъ былевыхъ пѣсняхъ,—*фантастика*. Въ произведеніяхъ художественныхъ вымыселъ, какъ извѣстно, можетъ быть двоякій: *естественный*, т. е. согласный съ законами природы, который есть въ каждомъ романѣ, въ каждой повѣсти, и собственно *фантастическій*, т. е. совершенно противорѣчащій этимъ законамъ. Первый почти только одинъ и допускается въ произведеніяхъ современныхъ; второй является почти всегда въ произведеніяхъ народа, въ ту эпоху его развитія, когда науки еще нѣтъ, и когда знаніе замѣняется наивными объясненіями явленій природы и жизни,—объясненіями, созданными народнымъ воображеніемъ и фантазіей. Противъ этого-то второго вымысла и приводятся слѣдующія возраженія. Къ чему, говорятъ, усиливать и безъ того сильное воображеніе ребенка, наклоннаго къ работѣ, неуправляемой разумомъ фантазіи, несуществующими причудливыми образами? Довольно испорчено, особенно у насъ въ Россіи, дѣтей нелѣпыми сказками нянюшекъ и мамушекъ. Фантазія народная, имѣющая мѣсто при изученіи народной миѳологіи и литературы, для ребенка не имѣетъ смысла, и, слѣдовательно, или заставитъ относиться къ сказкѣ, какъ къ нелѣпой выдумкѣ, или, что хуже всего, дастъ ложныя понятія о природѣ которыя чрезвычайно трудно искореняются потомъ. Не лучше ли, вмѣсто произведеній фантастическихъ, давать ребенку только тѣ, которыя изображаютъ дѣйствительную, по преимуществу, современную жизнь, чтобы ребенокъ запечатлѣлъ въ своемъ воображеніи только то, что дѣйствительно есть и можетъ быть?

Въ отвѣтъ на это позволимъ высказать слѣдующее. Какъ извѣстно, всѣ сказки и былевыя пѣсни бываютъ *двухъ родовъ*. Въ однѣхъ, остаткахъ чистой миѳологіи, фантастическое играетъ *главную* роль, такъ, что за нимъ почти не видно реальнаго человѣческаго образа. Тамъ оно существуетъ само для себя и представляетъ интересъ чисто научный, какъ матеріалъ для сравнительной миѳологіи. Таковы, напримѣръ, многія изъ русскихъ сказокъ о лѣшихъ, домовыхъ и всякой чертовщинѣ,—сказокъ страшныхъ и грубыхъ, полныхъ жестокостей и ничѣмъ неодолимаго произвола стихійныхъ силъ; такова, напримѣръ, *Теогонія* Гезіода у грековъ, множество средневѣковыхъ легендъ, порожденныхъ суевѣріемъ невѣжества и болѣзненнымъ страхомъ ада, дьявола, конца міра. Конечно, подобнаго рода произведенія всего менѣе пригодны

для чтенія дѣтямъ, и если на нихъ воспитывались наши дѣти, то нужно только жалѣть объ этомъ.

Но есть *второй* родъ народнаго творчества, уже позднѣйшаго, когда фантастическое стало уступать мѣсто естественному, когда въ борьбу со стихійными силами вышелъ *человѣкъ*, полный твердой воли и юношескаго смѣлаго духа, когда сами боги стали похожими на людей, отъ которыхъ отличались только, главнымъ образомъ, степенью добра и зла. Въ *этого* рода произведеніяхъ *фантастическое уже дѣло второстепенное*: — оно служитъ здѣсь только оболочкой, въ которую облечена жизнь человѣка. Въ основаніи произведенія, напримѣръ, хотя бы „*Наль и Дамаянти*", лежитъ въ высшей степени человѣческая мысль о супружеской и материнской любви; сторона нравственная здѣсь на первомъ планѣ: страданія слабаго и бѣднаго представлены чрезвычайно ярко, и рѣзкими чертами обозначается торжество добра и гибель и осмѣяніе зла. И все это въ какихъ простыхъ, совершенно доступныхъ дѣтскому уму, формахъ! Неужели же, ради только фантастическаго элемента, хотя бы онъ былъ только украшеніемъ разсказа, пренебречь высоконравственнымъ и интереснымъ матеріаломъ чтенія? Нельзя ли даже сдѣлать этотъ элементъ, по отношенію къ правильному развитію воображенія, не только безвреднымъ, но еще осмыслить фантастическое въ умѣ ребенка, который бы не видѣлъ въ немъ одной праздной выдумки? Намъ кажется, можно. Для этого нужно только, чтобы воспитатель предпослалъ чтенію очеркъ той страны, въ которой происходитъ дѣло, и, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, происхожденіе и систему главнѣйшихъ народныхъ вѣрованій, т. е., другими словами, сказалъ бы: вотъ какъ объяснялась здѣсь природа, и вотъ какіе боги и богини должны были создаться у этого народа. Если возможно, —хорошо показать этихъ боговъ и природу страны въ картинкахъ (напримѣръ, по какому нибудь историческо - культурному атласу), которыя такъ охотно смотрятся дѣтьми—и только тогда уже начинать чтеніе. Такимъ образомъ, знакомство съ подобными произведеніями не только образуетъ сердце и укрѣпитъ духъ, но и дастъ знаніе, способное пріучить человѣка уважать народъ за его мудрость, даже въ эпоху его ранней юности. Но отчего же не оставить такого чтенія до болѣе зрѣлаго возраста, а дѣтей не продержать исключительно на вымыслахъ изъ дѣйствительности современной? Оно, конечно,

легче: подобное чтеніе не потребуетъ отъ матери или воспитателя ничего, кромѣ *здраваго смысла и чистаго сердца*, между тѣмъ какъ для чтенія, напримѣръ, произведеній народныхъ, нужно *немножко знать исторію, прочитать, напримѣръ, двѣ-три книжки, самому*; но зато, не будетъ ли чтеніе *исключительно* современныхъ, хотя бы и прекрасныхъ, произведеній менѣе благотворно? Не говоря уже о томъ, что въ народной литературѣ сколько силы и молодости, энергіи, вѣры въ жизнь, любви къ природѣ, чего гораздо менѣе въ литературѣ цивилизацій позднѣйшихъ,— народная, при своей кажущейся отдаленности отъ дѣтей, гораздо проще и ближе къ нимъ, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Самыя формы жизни менѣе сложны, цѣли и средства яснѣе и опредѣленнѣе, качества и недостатки указаны ярче, добрый и злой видимѣе, самое пониманіе событій непосредственнѣе, да и выставлены они гораздо объективнѣе. Словомъ,—народъ стоитъ по своему развитію гораздо ближе къ ребенку, чѣмъ писатель, съ глубокой скорбью вдумывающійся въ сложный механизмъ современной, столь разнообразной вопросами, жизни. Вотъ, гдѣ слѣдуетъ искать причины, почему ребенокъ такъ льнетъ къ сказкамъ. Слѣдовательно фантастическое вредно не само по себѣ, а если оно только фантастическое, и ничего больше, т. е., когда оно не служитъ оболочкою живого, человѣчнаго, прекраснаго; когда оно — только пугало, а не осмысленное олицетвореніе природы; умѣй только обращаться съ нимъ—и оно можетъ само сдѣлаться матеріаломъ образовательнымъ. Но, спѣшимъ оговориться, мы вовсе не стоимъ за держаніе дѣтей на произведеніяхъ *исключительно* этого рода; мы хотѣли только сказать, что не слѣдуетъ лишать дѣтей этой великой воспитательно-образовательной силы. Исключительность вредна вездѣ; но, рядомъ съ классическими произведеніями новѣйшими, должны идти и классическія древнія.

А) Востокъ.

Наль и Дамаянти *).

Эта, совершенно особая, какъ бы вставочная, повѣсть изъ огромной индійской поэмы „*Магабіарата*“, по мнѣнію А. В. Шле-

*) Хорошее сокращеніе „Наль Дамаянти“ въ прозаическомъ разсказѣ см. въ книжкѣ „Дѣтскій Сборникъ“, В. Сорокина. Спб., 1870 года, также „Народная Библіотека“ изд. Маракуева, Наль и Дамаянти. М., 1884.

геля, „не уступаетъ никакой поэмѣ изъ древнихъ и новыхъ въ поэтической красотѣ, увлекательности чувства, въ возвышенной нѣжности мыслей. Прелесть ея доступна всякому читателю: юношѣ и старику, знатоку искусства и необразованному, руководящемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налѣ и Дамаянти—любимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти извѣстны всѣмъ и каждому“. Мы уже сказали, что сказка, какъ бы ни была она прелестна формой и увлекательностью разсказа, имѣетъ для дѣтей цѣны настолько, насколько общеобразовательна основная ея идея и общечеловѣчны образы; что же именно съ этой стороны даетъ данная повѣсть? Идея повѣсти сводится къ слѣдующему.

Люди, вполнѣ счастливые, и своею добротою, и мудростію достойные счастія, подвергаются часто тяжелымъ испытаніямъ, въ которыхъ должны показать твердость воли. И только, перенеся эти испытанія, оставшись вѣрными себѣ въ самыхъ ужасныхъ несчастіяхъ, они навсегда завоевываютъ себѣ право на уваженіе человѣчества, и становятся примѣрами силы душевной. Человѣкъ познается въ испытаніяхъ, говоритъ намъ поэма, и эту мысль желали бы мы укрѣпить въ сердцахъ нашихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что она выражена въ сказкѣ такими прелестными образами жены и матери—Дамаянти и ея супруга Наля, искупившаго свою вину передъ нею тяжкими страданіями. На эти то, въ высшей степени симпатичные и простые образы болѣе всего должно быть обращено дѣтское вниманіе. Вѣрность своему чувству, которое заставляетъ Дамаянти предпочесть богамъ смертнаго, боязнь за дѣтей и заботы о нихъ, память о вѣрномъ слугѣ Варшнеѣ, въ самыя горькія для нея минуты, любовь къ мужу до полнаго самоотверженія, забвеніе его проступка и нѣжность при встрѣчѣ съ Налемъ—все это такія черты, которыя дѣлаютъ Дамаянти особенно привлекательной, а конецъ повѣсти,—когда Наль, просвѣтленный страданіями, дѣлается добрѣе, и, понявъ, что виною прошлыхъ бѣдъ онъ самъ, не мститъ своему брату, Пушкарѣ, а, напротивъ, дружелюбно даетъ ему руку на миръ и любовь, напоминаетъ даже, до нѣкоторой степени, христіанское прощеніе обидъ.

Уже изъ разсмотрѣнія героевъ повѣсти можно видѣть, что основной сюжетъ ея, такъ называемая, *фабула*, не содержитъ въ себѣ почти ничего *сверхъестественнаго, фантастическаго*. Но фа-

була эта облечена въ такія подробности, украшена такими цвѣтами восточнаго вымысла, что, для сознательнаго чтенія, нужно нѣсколько познакомить дѣтей съ индѣйскою природою, которая такъ ярко отражается на всемъ разсказѣ, и съ миѳологіею, какъ результатомъ впечатлѣній отъ этой природы. Тогда чтеніе „*Наль и Дамаянти*" будетъ не только однимъ пріобрѣтеніемъ *эстетическимъ*, но, отчасти, *и историко-этнографическимъ*.

Природа, какъ извѣстно, имѣетъ огромное вліяніе на образованіе человѣческаго характера, особенно въ то время, когда у народа нѣтъ еще ни науки, ни государственной, въ нашемъ смыслѣ, жизни,—словомъ, когда народъ находится въ періодѣ младенчества и замѣняетъ науку вѣрою въ тѣ образы божествъ, которые создали его воображеніе и фантазія подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ природы. И, смотря потому, на какую способность души эта природа вліяетъ, получается и въ характерѣ народа извѣстная преобладающая черта, и извѣстную форму пріобрѣтаетъ миѳологія. Напримѣръ, у однихъ народовъ преобладаетъ умъ,—и боги у нихъ проще и человѣчнѣе, какъ у грековъ; у другихъ—фантазія,—и боги страннѣе и болѣе удаляются отъ человѣческаго образа, какъ напр. у индѣйцевъ. Посмотримъ же, какова природа Индіи, и какихъ боговъ и какія особыя явленія жизни, *по отношенію именно къ нашей повѣсти*, она создала.

Читая „*Наль и Дамаянти*", поражаешься чрезвычайною роскошью природы. Великолѣпный лѣсъ, темный и глухой, населенный пестрыми, ядовитыми змѣями, тиграми, львами, цѣлыми стадами дикихъ слоновъ, дѣвственные лѣса, необыкновенныя деревья, птицы, розовыя душистыя рощи, горы, поднимающіяся до небесъ, полныя драгоцѣнныхъ камней и другихъ богатствъ земли, стада, столь многочисленныя, что цари награждаютъ подданныхъ тысячами быковъ,—все это изображенія дѣйствительной природы Индіи.

Эта природа неумѣренно развиваетъ въ человѣкѣ фантазію, наполняя его душу въ то же время чувствомъ страха и сознанія собственнаго ничтожества *). Этотъ страхъ и породилъ какъ у

---

*) О разнообразіи Индѣйской природы, см. „*Тропическій міръ*" Гартвига; о преобладаніи у индѣйцевъ фантазіи и анахоретства, болѣе подробно: 1) Шерра, „*Всеобщая исторія литературы*"; 2) Филонова, „*Христоматія*", т. I; 3) Вебра, „*Всеобщая исторія*" т. I; 4) Бокль, „*Исторія цивилизаціи въ Англіи*"; 5) Шевырева, „*Исторія поэзіи*" и 6) „*Всеобщая исторія литературы*", ред. Корша.

индѣйцевъ, такъ и у другихъ народовъ: 1) вѣрованіе въ *судьбу*, которая опредѣлила Налю и Дамаянти пострадать, и до нѣкоторой степени отняла у нихъ свободную волю; 2) *особую миѳологію*, которая, *по отношенію къ „Наль и Дамаянти“*, можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

Надъ всѣмъ міромъ властвуетъ верховное существо *Брама*. Оно проявляется въ видѣ трехъ главныхъ боговъ: *Брамы*—творящій духъ, при рожденіи человѣка опредѣляющій все, что съ нимъ должно случиться въ жизни; *Вишну*—промыслитель и хранитель жизни и *Шива*—божество, истребляющее и возобновляющее. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ боговъ, индѣйцы признаютъ еще цѣлыя поколѣнія боговъ и богинь, такъ что всѣ явленія природы, каждое животное, каждое дерево признаются проявленіемъ одной божественной силы, которая разлилась во всей природѣ. Отсюда обращенія Дамаянти, какъ къ живому существу, къ горѣ, къ дереву Гореусладу, къ солнцу; карлики, великаны, говорящія змѣи, священные гуси и проч. Это олицетвореніе природы, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ *переселеніе душъ*, которыя по смерти тѣла цѣлыя тысячелѣтія должны очищаться, переходя въ тѣла разныхъ животныхъ и неодушевленные предметы, соединяется съ вѣрованіемъ въ *стихійныхъ боговъ*. Таковы въ повѣсти: *Индра*—богъ воздуха, *Агнисъ*—огня, *Варуна*—воды и *Яма*—земли.

Видя, съ одной стороны, явленія природы, устрашающія, губящія человѣка (грозы, наводненія,—хищныя и ядовитыя животныя и проч.), съ другой—приносящія человѣку пользу и удовольствіе (плодородіе почвы, красота растительности, тучный скотъ и т. д.); видя и въ жизни борьбу племенъ за существованіе, злого человѣка съ добрымъ, индѣецъ, подобно многимъ другимъ народамъ, признавалъ два начала,—доброе и злое (*дуализмъ*) и, сообразно съ этимъ вѣрованіемъ, раздѣлилъ боговъ на *добрыхъ* (напр. четыре стихійные бога) и *злыхъ*: Кали, Двепара. Эти оба начала борются между собою, и торжественною побѣдою добра надъ зломъ оканчивается повѣсть. Добру придается даже сила проклясть зло (Дамаянти прокляла Кали, и онъ мучится наказаніемъ).

Равнодушный къ жизни земной, полной пороковъ и слабостей человѣческихъ, такъ что душа, чтобы соединиться съ божествомъ, должна сначала очиститься, индѣецъ презиралъ жизнь, и находилъ счастіе въ *религіозномъ созерцаніи*, т. е. полномъ бездѣй-

ствіи, которое соединялось съ умерщвленіемъ плоти и неопредѣленными мечтаніями о божествѣ. Отсюда естественно развилось у индѣйцевъ *самоистязаніе, отшельничество, анахоретство*. Желавшіе созерцать Браму удалялись въ глубокія дебри и мало-помалу за свое сподвижничество получали божескую силу. Таковъ старецъ Нерада, заставляющій змѣя мучиться въ огнѣ (Священная роща и счастливая жизнь отшельниковъ: глава 5).

Итакъ, вотъ тѣ *четыре* стороны индѣйской жизни, на которыя долженъ обратить вниманіе дѣтей воспитатель при чтеніи „*Наль и Дамаянти*", чтобы не только заинтересовать элементомъ общечеловѣческимъ, но хотя нѣсколько осмыслить и самую фантастику. *Разнообразіе и особенности природы, многобожіе и дуализмъ, переселеніе душъ и отшельничество*, въ той мѣрѣ, въ какой являются они въ повѣсти, настолько просто могутъ быть объяснены дѣтямъ, что „*Наль и Дамаянти*" путемъ эстетическимъ дастъ точное, подтвержденное и современной наукой, знаніе и самой страны *).

Рустемъ и Зорабъ.

Я книгу эту написавъ,
Наполнилъ міръ своею славой.
Въ комъ есть душа съ умомъ и вѣрой,
Тотъ назоветъ меня въ потомствѣ
Съ хвалой и честью: сѣялъ я
Для міра слова сѣмена,
И не умру, хотя бы даже
Исчезъ мой духъ.

Такимъ пророческимъ предсказаніемъ своего безсмертія закончилъ величайшій изъ восточныхъ поэтовъ *Фирдуси* (Райскій) свое произведеніе *Шахнаме* (Книга царей), въ которой онъ собралъ и разсказалъ героическія преданія и миѳы своего отечества **). Сынъ садовника въ городѣ Тусѣ, онъ еще въ юности съ любовью занимался родными пѣснями старины, и, случайно попавъ въ число придворныхъ поэтовъ шаха Махмуда, по предложенію послѣдняго,

*) Рекомендуемъ для чтенія дѣтямъ лѣтъ 12—13, уже нѣсколько знакомымъ съ Индіей, хорошую книжку М. Чистякова: „*Рамайяна*". Древняя индѣйская повѣсть, обработанная для юношества. Спб., 1883, изд. Фену и К°, ц. 50 к.

**) См. *Полное собраніе сочиненій Андерсена* пер. П. и А. Ганзенъ XII, 546 стихотвореніе *Фирдуси* и его же сказка *Тернистый путь*. *В. О.*

сталъ писать поэтическую отечественную исторію, въ которой и разсказалъ подвиги всѣхъ тѣхъ героевъ, чья память еще жила въ народныхъ пѣсняхъ. Болѣе тридцати лѣтъ писалъ Фирдуси свое твореніе, но, уже старикомъ, впалъ въ немилость Шаха, и удалился отъ двора въ свой родной городъ. Тамъ, недовольный жизнью и людьми, но съ сознаніемъ своей вѣчной славы, умеръ поэтъ въ 1020 г., какъ разъ въ то время, когда возвратилась къ нему милость Махмуда. Есть трогательное преданіе, будто Шахъ, въ знакъ примиренія, послалъ въ подарокъ знаменитому поэту двѣнадцать лошадей, навьюченныхъ драгоцѣнностями, но именно въ ту минуту, когда караванъ подошелъ къ воротамъ Туса, изъ нихъ выносили ему навстрѣчу тѣло Фирдуси [1]).

Изъ этой-то большой поэмы *Шахнаме* и выбралъ Рюккертъ [2]) одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ,—„*Рустемъ и Зорабъ*", такъ прекрасно переданный съ нѣмецкаго языка на русскій Жуковскимъ. „Нельзя вообразить себѣ, говоритъ Плетневъ, событія болѣе трагическаго, трогательнаго, и вмѣстѣ величественнаго, хотя оно и совершается со всею простотою истины, безъ всякой театральности и натяжки. Сердце разрывается отъ трепета и боли предъ созерцаніемъ страшнаго могущества Рока. И въ то же время картины природы, описанія нравовъ, крики страстей, сокровенные изгибы человѣческаго сердца, въ краскахъ самыхъ разнообразныхъ, поочередно являются и уносятся передъ зрителемъ, наполняя его разнородными ощущеніями".

Если въ „*Наль и Дамаянти*" на первомъ планѣ жизнь частная, то въ „*Рустемѣ*" она болѣе историческая; если въ „*Налѣ*" такое обиліе элемента фантастическаго, то въ „*Рустемѣ*" содержаніе болѣе реальное; вымыселъ мало разукрашенъ миѳическими подробностями, и люди, хотя и находятся еще подъ вліяніемъ судьбы, но дѣйствуютъ уже гораздо самостоятельнѣе. Самая

---

[1]) См. „*Всеобщая исторія литературы*" Шерра, изд. Бакста: также о Персіи со стороны природы, религіи и народныхъ сказаній Geschichte des Althums von Max. Duncker. Leipzig 1867. Zweiter Band, стр. 393—472; *Всеобщая ист. лит.*, ред. Корша.

[2]) Фридрихъ Рюккертъ—нѣмецкій поэтъ (1788—1866) своими переводами и передѣлками въ стихахъ знакомилъ съ народными произведеніями восточной поэзіи. Составилъ семь книгъ восточныхъ балладъ.

В. О.

почва здѣсь, не смотря на легендарный характеръ,—историческая, и это обстоятельство получаетъ, при чтеніи произведенія съ дѣтьми, особенную цѣну.

Что же историческаго видимъ въ поэмѣ? Предъ нами двѣ страны-колыбели персидской вѣтви народовъ: *Иранъ*, болѣе плодоносная, цивилизованная, между Тигромъ, Персидскимъ заливомъ, Каспійскимъ моремъ и западной границей земли Афгановъ и Белуджей, и *Туранъ*—мало-плодородная, изрѣзанная голыми скатами и безплодными степями за Оксой и Аму-Дарьей, на сѣверо-востокъ отъ Ирана, издавна заселенная народами болѣе дикими и воинственными другого происхожденія. Народы ведутъ упорную борьбу за добычу и землю, и между собой, и съ природой, однообразной и угрюмой, грозной и непривѣтливой, какъ и сами жители, коихъ вся жизнь проходитъ въ войнѣ безпощадной и упорной, распространяющей гибель и разрушеніе. Нѣтъ еще науки, высшій умъ замѣняется хитростью; физическая сила, ростъ, отчаянная храбрость, ловкость цѣнятся выше всего; даже женщины, сызмальства привыкшія видѣть кровь, выдѣляютъ изъ среды себя воительницъ (Гурдаферидъ) и отдаютъ сердце тому, кто больше убилъ враговъ и награбилъ добычи, кто однимъ своимъ видомъ способенъ наводить ужасъ на всякаго встрѣчнаго. Отецъ гордится сыномъ-воителемъ, и до тѣхъ поръ не признаетъ его своимъ, пока тотъ не прославится разрушеніемъ и убійствомъ (Рустемъ),—гордится даже дочерью-богатыршею (Гудерсъ). Для семьи остается у богатыря времени слишкомъ мало, и мужья бросаютъ женъ на другой день послѣ брака (уходъ Рустема отъ Темины); даже въ мальчикахъ горитъ воинскій духъ, и съ „звѣриной жадностію смотрятъ они на престолы“ (Руст. и Зор., кн. II). Личность человѣка, независимо отъ необыкновенной силы, не имѣетъ никакого значенія, и народы—стадо, покорно идущее войной на того, на кого прикажетъ идти царь. Этотъ царь, восточный, утопающій въ роскоши деспотъ (Афрозіабъ, Кейкавусъ),—центръ всей зарождающейся государственной жизни. Испорченный съ дѣтства привычкой властвовать, онъ воспламеняется гнѣвомъ при малѣйшемъ противорѣчіи своей волѣ, хотя бы это было въ ущербъ ему самому (ссора Кейкавуса съ Рустемомъ), и не пренебрегаетъ никакимъ коварствомъ и низостью, чтобы только сохранить корону. Но корона, однако, сидитъ прочно на его головѣ только до тѣхъ

поръ, пока кто-нибудь изъ богатырей, въ родѣ Рустема или Зораба, не сорветъ ея съ его головы для себя или другого, болѣе выгоднаго богатырю, деспота. Царь самъ не выходитъ въ битву и только разсылаетъ воевать своихъ богатырей—*пехлевановъ*, единоборство которыхъ замѣняетъ войну посредствомъ регулярныхъ войскъ. Онъ окруженъ дворомъ изъ вельможъ, въ родѣ Бармана, до того боявшагося своего владыки, что, несмотря на всѣ упреки совѣсти, рѣшается на безчестнѣйшее дѣло; или Туса, которому менѣе страшенъ даже Рустемъ, чѣмъ Кейкавусъ (книга IV). Въ безумной роскоши, легко доставляемой награбленными богатствами, которыя такъ же легко проживаются, какъ и достаются, цари пируютъ съ пехлеванами и вельможами по нѣскольку дней, забывъ, что государству отовсюду грозятъ набѣги и разореніе. Здѣсь—или война, или пиръ, или охота—другой жизни нѣтъ. Покой и миръ, когда могла бы развиться промышленность и торговля,—„мученье для всѣхъ“; „всѣ кипятъ жаркой жаждой войны, побѣды и добычи“, и старому дѣду, царю Семенгамскому, по сердцу рѣчь мальчика-внука, просящаго у него оружія (кн. II).

Видя, какъ широкимъ потокомъ льется человѣческая кровь, какъ падаютъ въ войнѣ самые непобѣдимые герои, какъ гибнетъ недуманно-негаданно все прекрасное, молодое,—человѣкъ объяснялъ себѣ, въ этой воинственной странѣ, такую гибель силою *рока, судьбы, предопредѣленія*, еще до рожденія, опредѣляющаго человѣку раннюю славу и раннюю гибель, или славную жизнь до глубокой старости. Этого Рока не избѣжитъ никто, и никто не думай ему противиться. Съ рожденіемъ каждаго человѣка является на небѣ особая звѣзда, счастливая, или несчастная,—и этимъ звѣздамъ, владыкамъ міра, молился древній персъ, проводившій жизнь въ открытомъ полѣ, въ степи и падавшій ницъ передъ поражавшимъ его ночью звѣзднымъ небомъ. „Такъ рѣшили звѣзды“, говоритъ надъ трупомъ сына обезумѣвшій отъ скорби убійца-отецъ; „я возмечталъ на небо вознестися, и было мнѣ, въ урокъ смиренья Небомъ ниспослано сыноубійство!“ (кн. X). И какія бы средства ни употреблялъ человѣкъ для предотвращенія своей гибели, подобно этому отцу и этому сыну; какъ бы, повидимому, легко ни была она предотвратима, обстоятельства все-таки сложатся такъ, что Рокъ побѣдитъ человѣка.

Но почему же этотъ Рокъ поражаетъ по преимуществу луч-

шихъ людей страны, героевъ наиболѣе „сильныхъ и отважныхъ?“ „Это—сила зла! она—Ариманъ, божество тьмы“, говорилъ персъ, признавшій, сообразно двойственной своей природѣ (плодородныя страны и горы-степи), какъ и индѣецъ, два начала; „она завидуетъ доброму въ человѣкѣ, она борется съ добромъ—Ормуздомъ, божествомъ свѣта! но придетъ время,—и свѣтъ восторжествуетъ: Ормуздъ побѣдитъ Аримана“.

Въ человѣкѣ есть страсти, есть желанія и замыслы, говоримъ мы; эти страсти, желанія и замыслы сильнѣе, обширнѣе и отважнѣе, именно въ наиболѣе одаренныхъ природою людяхъ. Они необузданнѣе въ своихъ стремленіяхъ, ихъ дѣятельность шире, борьба рѣшительнѣе; ихъ болѣе боятся, имъ болѣе противодѣйствуютъ, болѣе завидуютъ, ихъ дѣла рискованнѣе,—отсюда и трагическое величіе въ самой этой гибели, когда погибаютъ они, какъ Рустемъ, съ честью.

Итакъ, непостоянство счастія и могущество Рока, изъ-за котораго палъ Рустемъ, величайшій изъ богатырей,—вотъ мысль, положенная въ основаніе повѣсти, проникающая ее до конца. Но эта мысль—результатъ восточнаго вѣрованія, наполняющаго душу страхомъ за человѣка и за добро на землѣ, для нашей педагогической цѣли можетъ быть, кажется, обращена и въ такую, болѣе близкую къ намъ: *человѣкъ, не просвѣтленный образованіемъ, въ безумствѣ страстей, бываетъ неразумнѣе звѣря и тратитъ страшную энергію свою, во имя ложно понятаго чувства чести, на гибель и того, что ему всего дороже, и самого себя.* „Эта-то борьба грубой физической силы и ложной чести со слабымъ мерцаніемъ человѣческаго чувства“, которое у первобытныхъ народовъ „выражается почти въ одной родственной любви, и составляетъ“, по словамъ г. Водовозова („*Нов. русск. литер.*“), „борьбу тьмы со свѣтомъ“.

За этой *исторической* стороной повѣсти яркими образами выступаетъ *общечеловѣческая*, которая, не уступая „*Наль и Дамаянти*“ въ трогательности, превосходитъ индѣйское преданіе въ трагическомъ величіи и драматической быстротѣ и силѣ дѣйствія. Паѳосъ *Наля*—любовь супружеская; паѳосъ *Рустема*—родительская и сыновняя. Посмотримъ же, какими должны явиться въ дѣтскомъ воображеніи эти три образа отца, матери и сына.

Рустемъ—богатырь-великанъ: огромный станъ его, какъ тем-

ный метеоръ, отражается на заревѣ заката. Передъ его ужасной силой ничто не можетъ устоять. Когда онъ выѣзжаетъ въ поле на своемъ конѣ „Громѣ“, „и левъ, и крокодилъ приходитъ въ трепетъ; онъ взглядомъ посылаетъ смерть; онъ, какъ прутья, ломаетъ крѣпкія деревья; и кто-бъ его противникъ ни былъ, хотя-бъ онъ тверже былъ кремнистой горы, его Рустемъ растопчетъ, какъ слонъ, траву сухую въ пыль“. Въ немъ народъ какъ бы олицетворилъ тѣ огромныя горы и скалы, которыя пугали воображеніе, и одарилъ своего любимца въ его молодости „такою силой непомѣрной, что даже не врагамъ однимъ, а самому ему она была во вредъ: его земля не выносила; когда онъ шелъ по каменному кряжу,—какъ на пескѣ, глубокіе слѣды отъ ногъ его на камняхъ оставались“. И онъ отдалъ половину своей силы на сохраненіе Горному Духу до тѣхъ поръ, пока она понадобилась богатырю для послѣдняго, рокового, боя. Рустемъ на охотѣ и въ бою „стянутъ кушакомъ, за которымъ засунутъ кинжалъ, за спиной колчанъ съ калеными стрѣлами, огромный лукъ; копье и блестящій шлемъ съ косматой гривой дополняютъ нарядъ. Конь его, „Громъ“, не вѣдаетъ усталости; даже жеребенокъ этого коня, подобно отцу, однимъ ударомъ копыта разбиваетъ въ крошки камни; онъ легокъ, какъ птица, могучъ, какъ слонъ, плаваетъ въ водѣ проворною рыбой, прыгаетъ по горамъ серной, опрокидываетъ напоромъ крѣпкой груди и коня, и всадника; нѣтъ на него ни зноя, ни мороза;— словомъ, онъ, какъ и отецъ,—чудо-конь, котораго укрощать могутъ одни только багатыри, Рустемъ да Зорабъ. Боевой шатеръ Рустема уступаетъ шатрамъ Шаха, и даже многихъ пехлевановъ, великолѣпіемъ, но зато превосходитъ всѣ своимъ величіемъ. „Зеленый, какъ дремучимъ лѣсомъ покрытая гора, межъ невысокихъ холмовъ стоящая, онъ высоко поднялся надъ всѣми шатрами“. И такъ же твердъ онъ, какъ та гора: „на ней растущій лѣсъ дрожитъ, шатаемъ бурей, она-жъ не двигнется, и шаткій лѣсъ за корни, въ грудь ея вонзившіеся, держитъ“. Вся жизнь Рустема, защитника страны, на котораго всѣ смотрятъ, какъ на оплотъ и надежду, проходитъ въ неустанной брани. Бездѣлье нестерпимо для него, и когда уже рѣшительно не съ кѣмъ помѣряться силой, онъ выѣзжаетъ войной на дикихъ звѣрей. Цѣлыми десятками валитъ онъ онагровъ (дикихъословъ), складываетъ изъ хвороста огромный костеръ, зажигаетъ его и, когда костеръ превращается

въ жаркій уголь, переламываетъ большую ель и насаживаетъ огромнѣйшаго изъ онагровъ на этотъ вертелъ, который былъ въ его рукѣ какъ легкая лоза, и тихонько поворачиваетъ его, чтобы обжарилось мясо.

Сознавая свою силу, подкрѣпляемую общеніемъ съ духами горъ, Рустемъ гордъ ею, и отъ всѣхъ требуетъ къ себѣ не только уваженія, но и подобострастія. Ему нравятся смиренныя рѣчи робѣющихъ передъ нимъ царя семенгамскаго и его вельможъ, и онъ грозитъ прорубить дорогу къ пропавшему коню мечомъ, если царь не отыщетъ „Грома". Только льстивыя рѣчи царя и почтеніе, оказываемое Рустему, укрощаютъ воспламененнаго гнѣвомъ полудикаря. Самъ Шахъ Кейвакусъ для богатыря—ничто, и еслибъ во время Шахъ не опомнился, ничто не заставило бы Рустема встать въ критическую минуту на защиту Ирана. Самолюбивый и избалованный общимъ поклоненіемъ, Рустемъ боится одного,— упрека въ трусости передъ невѣдомымъ молодымъ врагомъ. Это-то самолюбіе, главнымъ образомъ, наперекоръ и предчувствіямъ, что во всякомъ другомъ человѣкѣ подсказало бы, съ кѣмъ приходится бороться, заставляетъ его не только доканать юношу, но еще прибѣгнуть для этого, вопреки предостереженію самого Духа, къ помощи отданной на сохраненіе силы, и даже къ низкому обману. Впрочемъ, какъ мы уже сказали, хитрость у этихъ людей не считалась порокомъ, и крайностью оправдывалась легко. Таковъ и царь Афрозіабъ, намѣренно, для своихъ цѣлей, сводящій отца съ сыномъ; такова Гурдаферидъ, заманивающая въ пустой замокъ Зораба; такова и Гудерсъ, потихоньку убѣжавшая изъ крѣпости, таковъ, наконецъ, и самъ Рустемъ, ночью въ одеждѣ турка прокрадывающійся на пиръ и вѣроломно убивающій Спида.

Но, за всѣмъ тѣмъ, богатырь великодушенъ. При видѣ Зораба, онъ не вѣдаетъ зависти, а напротивъ, какъ художникъ, любуется имъ. Никогда не нападаетъ онъ на безоружное войско и, наскочивъ, въ пылу ярости, на пранцевъ, круто поворачиваетъ коня назадъ. Едва-ли, однако, судя по послѣднему бою, въ которомъ страсть охватываетъ его всего, можно полагаться на высокія чувства этого полудикаря, являющагося вполнѣ человѣкомъ только въ привязанностяхъ родственныхъ.

Здѣсь въ рукахъ у воспитателя матеріалъ самый благодарный. Какъ естественно Рустему желать именно сына, который

былъ бы вполнѣ достоинъ отца;—второй Рустемъ—онъ его слава, его гордость! „Онъ не врагомъ встрѣтится съ отцомъ на полѣ, а жаднымъ гостемъ постучится въ двери отцовскаго жилища, и ему отворятся онѣ гостепріимно: и будетъ праздновать отецъ, созвавши сродниковъ, друзей и близкихъ, свое свиданье съ милымъ сыномъ; и въ немъ, отца, помолодѣетъ старость!“ Вотъ какія мечты о продолженіи своего рода въ славѣ и доблести занимаютъ сѣдую голову почтеннаго воителя. Въ немъ нѣтъ, правда, нѣжныхъ семейныхъ чувствъ, которыя помѣшали бы ему бросить беременную жену и хоть когда-нибудь провѣдать о ней, но зато есть свѣтлая будущность жизни въ потомствѣ, чему помѣшала судьба. Не подозрѣвая въ Зорабѣ сына, богатырь любуется его красотою и доблестью, и на самую побѣду надъ нимъ смотритъ, какъ на новый трофей для сыновней гордости. И тѣмъ понятнѣе разгорающійся пылъ старика, когда побѣда ускользаетъ изъ рукъ. „А что скажетъ сынъ, если я, отецъ его, Рустемъ, уступлю передъ юношей?!“—вотъ что болѣе всего побуждаетъ его биться до конца и приводитъ къ гибели именно того существа, для котораго потратилось столько силъ. Онъ, этотъ сынъ, едва-ли не превзошедшій богатырствомъ отца, а не только достойный его,—онъ сталъ жертвой этого самаго отца, ослѣпленнаго безуміемъ воинской ярости. Послѣ этого Рустему уже жить нельзя: будущаго для него нѣтъ, въ настоящемъ—вѣчный упрекъ совѣсти, поздно проснувшейся;—и, вѣрный себѣ глубиною и силой своей скорби, этотъ богатырь, непобѣдимый никѣмъ и ничѣмъ, побѣждается вполнѣ человѣческимъ чувствомъ, и, свершивъ все, что могъ свершить еще на землѣ съ честью,—достойно оплакавъ и похоронивъ сына, сходитъ съ лица земли, пропадаетъ безъ вѣсти. О послѣднихъ распоряженіяхъ его относительно жены, старухи-матери, похоронъ сына,—говорить нечего. Девятая и десятая книги подавляютъ величіемъ и глубиною всякаго, въ комъ есть капля художественнаго пониманія:—Рустемъ, отправляющійся на колѣняхъ умолять Шаха дать бальзама для спасенія сына, по потрясающей силѣ образа, равенъ развѣ только старику Пріаму у ногъ Ахиллеса.

Если Рустемъ—левъ, какъ называютъ его въ повѣсти, то сынъ его Зорабъ—львенокъ, соединяющій съ чертами богатырской доблести отца столько чертъ молодости, красоты и граціи, что, кажется, въ созданіи такихъ образовъ, какъ его самого, Те-

мины и Гурдаферидъ, дѣйствовали уже иныя впечатлѣнія народнаго духа. Какъ образъ отца создался подъ впечатлѣніями природы, подавляющей и устрашающей человѣка,—горъ, скалъ, темныхъ пропастей и голыхъ безплодныхъ степей,—такъ въ Зорабѣ, Темпнѣ и Гурдаферидъ, въ изображеніяхъ восточныхъ пировъ, отразилось впечатлѣніе отъ богатыхъ пажитей, тучнаго скота, густыхъ виноградниковъ, обилія роскошныхъ плодовъ и розовыхъ рощъ, яркоголубого неба, томящаго нѣгой жара, драгоцѣнныхъ камней и золота востока.

Съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый любящей матерью, Зорабъ рождается прекраснымъ, какъ мѣсяцъ, съ улыбкой на устахъ, и ни отъ чего и никогда не плачетъ. Подобно богатырямъ всѣхъ странъ, ростетъ онъ не по днямъ, а по часамъ: въ первый мѣсяцъ уже кажется годовымъ, трехъ лѣтъ скачетъ отважно на конѣ, шести—могучъ, какъ левъ, а двѣнадцати—съ нимъ уже никто не можетъ сладить. Ростомъ онъ великанъ, и все блещетъ въ немъ мужествомъ и красотою: „глубокотемные глаза, румянецъ пламенный на свѣжихъ щекахъ, широкія плечи, крутая грудь, желѣзножилистыя руки, и ноги крѣпкія, какъ кедры". Рано проснулся въ немъ духъ войны, и онъ, маленькій деспотъ востока, дерзко требуетъ отъ матери, чтобы та сказала, кто его отецъ. Открытіе отца и его завѣтъ наполняютъ гордостью сердце юноши, и слова:— „лишь славой ты получишь право сказать въ лице мнѣ: я твой сынъ"—становятся девизомъ всей его жизни. Богатырски испытавъ коня, юноша отправляется къ дѣду за оружіемъ. „Смѣлый орленокъ слетаетъ съ гнѣзда и, полный благороднаго довѣрія къ людямъ, въ которыхъ не подозрѣваетъ зла, обѣщаетъ для отца завоевать Иранъ, а для матери—Туранъ; но на первыхъ же порахъ наивно попадаетъ въ руки коварныхъ Афрозіаба и Барумана и, такимъ образомъ, со всѣми своими благородными цѣлями, становится жалкимъ орудіемъ низкихъ людей. Въ первомъ бою и съ Хеджиромъ, и съ Гурдаферидъ, онъ является не столько богатыремъ-разрушителемъ, сколько удалымъ наѣздникомъ, ловкимъ горцемъ, пробующимъ силу и ловкость, коими хочетъ отличиться, потѣшить юное самолюбіе. Въ немъ, при видѣ Гурдаферидъ, загорается первая любовь, и она-то, кажется, всего болѣе побуждаетъ его сразиться съ Хеджиромъ, котораго, однако, онъ не убиваетъ, но, удовольствовавшись побѣдою въ виду своей милой, только бе-

ретъ въ плѣнъ. Кроткое сердце юноши щадитъ просящаго о милости врага, и Зорабъ не въ силахъ умертвить его. Бой его съ дѣвицей-богатыршей напоминаетъ скорѣе граціозную игру двухъ маленькихъ львятъ, чѣмъ борьбу на жизнь и смерть; и стоитъ только Гурдаферидъ сбросить съ прекрасной головы желѣзный шлемъ и обнаружить волны густыхъ кудрей, чтобы Зорабъ прекратилъ преслѣдованіе и далъ опутать себя женской хитростью. Въ первый разъ еще оскорбленный въ своемъ самолюбіи, едва не плача отъ злости на неудачу первой любви, юноша, какъ бы обезумѣвъ, бросается губить все: и пашни, и сады, и огороды, и обращаетъ окрестность въ пустыню. Такъ и потомъ, послѣ перваго неудачнаго боя съ Рустемомъ, губитъ онъ, въ пылу юности, все оторопѣвшее войско, между тѣмъ какъ, въ другомъ случаѣ, ему жаль даже сѣдыхъ волосъ своего соперника. Войдя въ опустѣлый Бѣлый Замокъ, Зорабъ чуждъ тѣхъ разрушеній, которыя его ратники творятъ повсюду, озлобленные ушедшимъ врагомъ;— онъ полонъ одной человѣческой мыслью,—куда ушла избранница его сердца, его невѣста?.. Но ловко пользуется скорбью юноши старая лисица Баруманъ. Съ знаніемъ юнаго человѣческаго сердца умѣетъ воспользоваться опытный мужъ для своихъ цѣлей настоящимъ положеніемъ Зораба. Понимая, что укрѣпленный замокъ пригодится для войны, онъ задѣваетъ самолюбіе львенка побѣдой безъ боя и важностью легкаго пріобрѣтенія центральной главной крѣпости, и указываетъ ему на то обстоятельство, что выкупомъ свободы перваго побѣжденнаго Зорабомъ витязя будетъ Гурдаферидъ. И юноша, въ которомъ человѣческое еще не принесено въ жертву привычкѣ къ грабежу и разрушенію, останавливаетъ неистовый грабежъ воиновъ, и Бѣлый Замокъ сталъ спокоенъ, какъ гробъ. Но вотъ приближается къ замку войско персовъ. Какъ ястребъ радуется стаду голубей, такъ и юношу радуетъ сила идущаго противъ него врага. Какъ тѣшится юное самолюбіе тѣмъ, что противъ него, почти мальчика, выступили лучшіе вожди Ирана! И Зорабъ ищетъ попробовать силы на такомъ витязѣ, „съ которымъ было бы славно и радостно сразиться, который лишь на сильныхъ и славныхъ поднимаетъ свой прославленный мечъ“. Увѣренный въ скоромъ торжествѣ, безъ подозрѣнія, безъ тревоги, полюбовавшись на блестящій станъ, покрывшій всю равнину, Зорабъ велитъ изготовить роскошный пиръ, чтобъ

весело, при звукѣ флейтъ и арфъ, при звонѣ кубковъ, при шипѣньи злато-пурпурнаго вина, отпраздновать съ друзьями первое желанное явленіе настоящихъ враговъ. Увлекшись, можетъ быть, первымъ веселымъ пиромъ въ жизни, юноша сбрасываетъ съ себя желѣзный шлемъ и, взамѣнъ его, надѣваетъ на голову праздничный вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Въ его груди кипятъ молодость и надежды. Бодро подпимаетъ онъ молодую голову и, обѣгая воспламененнымъ окомъ праздникъ, съ горделивымъ весельемъ считаетъ пирующихъ съ нимъ сподвижниковъ. Гости позабываютъ даже вино, и, любуясь красавцемъ-героемъ, возносятъ его славу и хвалу до неба. Сами звѣзды, положившія волей судьбы погубить его, жалѣютъ о немъ... Весело пируетъ Зорабъ вмѣстѣ со своимъ пестуномъ, благороднымъ Спидомъ; но вотъ онъ, этотъ Спидъ, падаетъ отъ руки невѣдомаго таинственнаго пришлеца. Вмигъ отуманивается глубокою печалью чело этого, только что веселаго, юноши. Воспріимчивѣе къ оскорбленію благородныхъ, лучшихъ чувствъ въ человѣкѣ сердце отрока. Къ оскорбленію примѣшивается ужасное сознаніе, что только убитый могъ указать отца, и послѣдній кубокъ пира пьется на кровавую месть убійцѣ Спида,—и „свѣтлый пиръ становится мрачнымъ погребеньемъ“. Тяжелыя мысли, навѣваемыя убіеніемъ человѣка, самаго дорогого послѣ невѣдомаго отца, обуреваютъ Зораба. Съ довѣрчивой наивностью къ тому, чью жизнь онъ пощадилъ, львенокъ обращается съ просьбою указать шатеръ Рустема къ Хеджиру, и опять позволяетъ обмануть себя. Напрасно, мучимый темнымъ сознаніемъ, что узналъ шатеръ отца, онъ въ „кипѣньи гнѣва схватываетъ свой мечъ, чтобъ пронзить Хеджиру грудь“, но одумывается, и ограничивается однимъ ударомъ по щекѣ, рѣшившись „проложить путь къ отцу мечомъ“.

Полный все той же жаждой мести за смерть того, кого въ пестуны дала ему любимая мать, Зорабъ смѣло ѣдетъ на отца. Звѣрямъ,—Грому и его сыну, жеребцу Зораба,—неразумнымъ звѣрямъ, внятенъ голосъ крови; но юноша, опутанный Рокомъ, въ безуміи благородной страсти отмстить за пестуна и раздражаемый видомъ необыкновеннаго витязя, не видитъ и не чувствуетъ ничего. Напрасно отецъ, не узнавая сына, привѣтствуетъ его нѣжной рѣчью... Сынъ уже было сдался, но довольно рѣшительнаго слова,—„Я не Рустемъ; я совершилъ убійство!“—чтобы

Зорабъ вспыхнулъ новымъ гнѣвомъ и пустился въ бой. Напрасно „клокъ серебряныхъ волосъ“ невѣдомаго старика напоминаетъ ему объ отцѣ, и онъ старается потушить ярость не нужнымъ разгромомъ войска; напрасно еще разъ, и уже въ послѣдній, обращается онъ съ мольбой къ Баруману, чтобы тотъ открылъ ему отца—напрасно онъ не хочетъ и не можетъ еще разъ биться со старикомъ, но Баруманъ опять-таки напоминаетъ о клятвѣ! напрасно, наконецъ, въ юношѣ пробуждается чувство противорѣчія прекраснаго дня съ кровавымъ убійствомъ, и онъ предлагаетъ замѣнить новый бой братствомъ по оружію,—морозныя слова Рустема, подобно розѣ, до которой дотронулся сѣверный вѣтеръ, заставили увянуть въ душѣ Зораба едва разцвѣтшую надежду,—и снова вспыхнулъ бой,—и старикъ побѣжденъ. Простому сердцу незнакомо коварство; незлобный, какъ младенецъ, великодушный, какъ герой, Зорабъ повѣрилъ обманнымъ словамъ соперника и отпустилъ его до слѣдующаго, уже послѣдняго, боя. И, только что разставшись съ богатыремъ, этотъ младенецъ весело гонится за встрѣтившеюся антилопой, „забывъ о близкомъ часѣ роковомъ“.

Въ первый разъ дрогнуло невѣдомымъ страхомъ сердце юноши, когда онъ въ третій разъ увидѣлъ Рустема, пришедшаго на сына съ двойною силой,—и Зорабъ палъ отъ руки отца,—палъ даже безъ боя, будто уступая только одной роковой судьбѣ. Съ его полумертвыхъ устъ слетаетъ богатырю угроза все тѣмъ же милымъ отцомъ, и гордость этимъ именемъ блеститъ на блѣдномъ лицѣ. Безъ упрека лежитъ съ любовью дѣтской бѣдный мальчикъ въ объятіяхъ поздно найденнаго убійцы-отца, и чуть слышною музыкою звучитъ и тихо льется прискорбно сладостная рѣчь утѣшенія несчастному отцу,—просьба не мстить врагу-Хеджиру, отдать ему милую невѣсту,—просьба, чтобы отецъ въ послѣдній разъ взглянулъ на свое отходящее отъ міра дитя, и еще промолвилъ вслухъ: „Зарабъ, ты сынъ Рустема!“ Вѣчно юнымъ представился народному воображенію этотъ Зорабъ, который Богъ знаетъ зачѣмъ „пришелъ въ міръ, какъ молнія, ушелъ, какъ вѣтеръ“, который погибъ во всемъ цвѣтѣ ранней молодости бѣдной, разубранной жертвой суровыхъ нравовъ кроваваго вѣка. Блѣдный и нѣмой, но все-таки прекрасный, лежитъ онъ на своемъ коврѣ, подъ зеленымъ шатромъ родителя, и катятся на холодную грудь жгучія слезы старика-великана, а на головѣ юноши красуется вѣнокъ

изъ лавровъ и розъ, принесенный въ ночную пору никому невидимо оплакавшею его Гурдаферидъ,—его первою и послѣднею любовью.

Среди этихъ богатырскихъ образовъ отца и сына, рельефно выдается симпатичный образъ Темины, матери Зораба. Блистая золотомъ и жемчугами, окруженная толпою рабынь, эта восточная красавица влюбляется, какъ Дездемона въ Отелло, въ Рустема, по однимъ разсказамъ о его подвигахъ. Не успѣвъ наглядѣться на милаго супруга, она уже на другой день послѣ брака принуждена разстаться съ нимъ. Единственною утѣхою ея жизни становится сынъ, котораго, еще малютку, радостно и горестно прижимаетъ она къ сердцу и любуется сходствомъ его съ Рустемомъ. Но вотъ и онъ, увлеченный жаждой подвиговъ, мальчикомъ, оставляетъ ее, и она, гордая его ранней силой и воинскимъ духомъ, отпускаетъ его, въ надеждѣ, что онъ приведетъ къ ней и Рустема. Боясь за юношу, она отпускаетъ съ нимъ Синда, чтобы тотъ, не спуская съ Зораба глазъ, былъ ему въ чужой землѣ хранителемъ и вѣрнымъ другомъ, и, наконецъ, указалъ отца. Но гибнетъ вѣрный Синдъ, и не дождаться матери своего милаго дитяти. Въ послѣдній разъ видитъ она своего Зораба во снѣ, который, изъ жалости, послали ей звѣзды. Ея сынъ сидитъ на ночномъ пирѣ за полнымъ кубкомъ. Щеки его горятъ, уста цвѣтутъ, очи сверкаютъ; онъ весь полонъ отваги. Таетъ отъ радости материнское сердце. Ей кажется, что въ немногіе дни разлуки онъ сталъ ужъ изъ отрока могущественнымъ мужемъ. И вотъ она, проснувшись, вся отдается надеждѣ на скорое свиданіе съ сыномъ и супругомъ. Но надежда не сбывается. Вмѣсто радостной, приходитъ къ ней ужасная вѣсть о смерти единственнаго дѣтища. Ей отдаютъ повязку, обагренную его свѣжей кровью, его доспѣхи, въ которыхъ сражался онъ съ отцомъ,—и бѣдная женщина не выноситъ горя и умираетъ жертвою глубокой скорби о томъ, что для нея въ жизни потеряно уже рѣшительно все. Этотъ грустный образъ Темины и старушки матери Рустема, встрѣчающей кости никогда невиданнаго внука, прекрасно рисуетъ положеніе восточной женщины, вся жизнь которой сосредоточивается на будущемъ— не ея собственномъ, а будущемъ ея дѣтей,—ея единственной гордости и славѣ *).

---

*) Хорошее вступленіе къ Рустему въ книжкѣ *Читальня народной школы*. СПБ. 1895. *Поздній даръ* П. Д. (къ персидскому сказанію *Отецъ и сынъ*).

в) Греція.

Если воспитатель, какъ мы видѣли, можетъ найти такъ много образовательнаго матеріала въ сказкахъ восточныхъ, то его еще несравненно болѣе въ тѣхъ переводахъ нашего поэта, которыхъ содержаніе относится къ жизни греческой. Въ самомъ дѣлѣ, они, во-первыхъ, гораздо свободнѣе отъ элемента фантастическаго; во-вторыхъ, самыя божества грековъ—въ сущности, тѣ-же люди; въ-третьихъ, воззрѣніе грековъ на жизнь такъ свѣтло и полно любовью къ ней; въ-четвертыхъ, эти переводы даютъ огромный матеріалъ историческій - бытовой; въ-пятыхъ, наконецъ, греческія пѣсни и преданія такъ занимательны и общечеловѣчны, что невольно заинтересовываютъ всякого, кто только, конечно, хоть нѣсколько, знакомъ съ греческой миѳологіей и жизнью, а это знакомство кажется намъ довольно легкимъ при самой малой помощи со стороны воспитателя.

Переводы Жуковскаго, относящіеся къ греческой жизни, которые выбраны нами для дѣтей, за исключеніемъ трехъ разсказовъ, стоящихъ особнякомъ: „*Цеиксъ и Гальціона*“, „*Ивиковы журавли*“ и „*Поликратовъ перстень*“, сводятся по сюжетамъ къ Троянской войнѣ, къ которой, какъ къ центру, сведены *пѣсни Гомера*, вторая пѣснь Энеиды „*Разрушеніе Трои*“ и баллады: „*Ахиллъ*“ и „*Торжество побѣдителей*“. Но всѣ эти произведенія, какъ мы уже и сказали, понятны только при нѣкоторомъ знакомствѣ съ миѳологіею и бытомъ страны, а это, можетъ быть, и составляетъ главную причину малой популярности Гомера между русскимъ юношествомъ, для котораго у насъ простыхъ и интересныхъ книгъ по этой части очень мало. Поэтому прежде, чѣмъ приступитъ юноша къ чтенію указанныхъ переводовъ, воспитатель въ простомъ устномъ разсказѣ, одной-двумя бесѣдами, долженъ ознакомить его съ главнѣйшими греческими вѣрованіями и бытомъ, что, при помощи нѣсколькихъ книжекъ, можно сдѣлать очень легко *). Съ своей сто-

---

*) Указываемъ для этой цѣли, напримѣръ, слѣдующія:

1) *Олимпъ* Петискуса, съ рисунками, которые можно дѣтямъ и показать; 2) *Всеобщая Исторія* В. Шульгина, ч. I, стр. 86—92; 3) *Эллада* Вагнера, пер. Евстафьева, изд. Вольфа; 4) *Описаніе замѣчательнѣйшихъ произведеній скульптуры всѣхъ странъ*, соч. Віардо, пер. В. Яковлева,

роны, позволяемъ себѣ предложить, въ самомъ сжатомъ очеркѣ, тѣ факты, на которыхъ должно быть остановлено въ подобной бесѣдѣ дѣтское вниманіе.

Совершенно особое географическое положеніе Греціи, умѣренный и благорастворенный климатъ, богато вознаграждающая трудъ человѣка почва, красота мѣстности, — все это создало въ этой благословенной Богомъ странѣ какъ-бы особую, совершенно отличную отъ восточныхъ народовъ по наружности, характеру и способностямъ, породу людей, которые не даромъ считали себя первенствующимъ народомъ во всемъ мірѣ. Красивые до того, что статуи ихъ сдѣлались недосягаемыми образцами тѣлесной красоты, полной силы физической и здоровья, долговѣчные, отличавшіеся силой и красотой даже въ глубокой старости, греки обладали при этомъ веселымъ, живымъ характеромъ, богатыми способностями пониманія, памяти и творчества, любовью къ родинѣ и жизни, твердымъ, смѣлымъ нравомъ. Пришлецъ, подобно всѣмъ европейскимъ народамъ, изъ Азіи, грекъ позабылъ свое древнее отечество, и такъ сроднился съ своей прекрасною страною, что ему казалось, что онъ тутъ и произошелъ. Вотъ почему у грековъ мало преданій о происхожденіи міра, и весь первый періодъ миѳологіи сбивчивъ и неопредѣлененъ; своимъ же жестокимъ, мрачнымъ и нечеловѣчнымъ характеромъ напоминаетъ первобытныя вѣрованія отдаленнаго Востока. Сначала не было ни людей, ни боговъ, былъ одинъ только *Хаосъ*. Только по прошествіи многихъ вѣковъ, неизвѣстно какимъ образомъ, явилась мать всего *Земля* (Гея), отъ которой и произошелъ *Уранъ*, (Небо), напоминающій восточное поклоненіе звѣздамъ. Сынъ *Урана*, *Кронъ* (Время), погубилъ отца и отнялъ у него, такимъ образомъ, владычество надъ міромъ; а чтобы, въ свою очередь, у него не отняли власти его собственныя дѣти, онъ ихъ пожиралъ. Всѣ эти варварства, вся эта ужасная борьба между первоначальными богами напоминаетъ борьбу силъ природы при образованіи земли, великіе перевороты, происходившіе на ней, и эпоху первобытныхъ человѣческихъ обществъ, гдѣ еще господству-

---

съ политипажами. Петерб., 1871 г.; 5) интересно при чтеніи указанныхъ произведеній съ восточными сюжетами и съ греческими показать дѣтямъ картины въ книгѣ П. Гнѣдича *Исторія искусствъ*, изд. Маркса, т. 1, вып. 1-й и 2-й; 6) Миѳы классической древности, Штели; 7) Разсказы изъ исторіи Греціи, В. С. 1900. В. О.

ютъ страсти и побужденія животныя. Но вотъ и у боговъ начинаетъ пробуждаться человѣческое чувство. Женѣ Кроноса, *Реѣ*, жаль своего сына *Зевса*. Она скрываетъ его отъ отца, и этотъ-то *Зевсъ* съ своими братьями, какими-то *Сторукими Гигантами*, въ свою очередь, низвергаетъ Кроноса въ бездну. Такимъ образомъ, кончилась страшная борьба между богами, на которую встрѣчаются у Гомера указанія, и водворились миръ и свѣтлая жизнь на землѣ подъ владычествомъ Зевса, мудраго промыслителя. На этотъ-то второй періодъ греческой миѳологіи, такъ тѣсно связанный съ произведеніями, съ сюжетами изъ древне-греческой жизни, и должно быть обращено особое вниманіе при вступительныхъ бесѣдахъ, — и да не посѣтуетъ на насъ читатель, если на очеркахъ этихъ боговъ-людей,являющихся такими человѣчными въ поэмахъ Гомера, остановимся поподробнѣе.

Вся вселенная, по вѣрованію грека, раздѣлялась между тремя братьями, дѣтьми Кроноса: *Зевсомъ* (Юпитеромъ), *Посейдономъ* (Нептуномъ) и *Аидесомъ* (Плутономъ). Первому принадлежали земля и небо, второму—моря, а третьему—все, что подъ землею — царство подземное, или *Аидъ*. Зевсъ — самый старшій и умнѣйшій между братьями, царь и отецъ боговъ и людей, повелитель всего міра. Считая людей пожилыхъ, старыхъ, но еще бодрыхъ умомъ, болѣе другихъ заслуживающими уваженія за опытность и житейскую мудрость, грекъ представилъ себѣ свое главное божество красивымъ, величественнымъ старикомъ, еще бодрымъ и крѣпкимъ *). Прекрасные, вьющіеся по плечамъ, волосы обрамляютъ высокое, открытое чело. Свѣтлый умъ блеститъ во взорѣ, и густыя брови грозно насупливаются во гнѣвѣ. И когда движетъ онъ этими бровями, колеблется и небо, и земля, и громовыми стрѣлами, которыя держитъ орелъ,—знакъ власти, караетъ онъ непокорныхъ. Слово его—законъ, какъ слово мудраго судьи. Какъ отецъ, онъ наказываетъ и милуетъ дѣтей; какъ человѣкъ, постоянно занятый мыслью, серьезенъ и задумчивъ; какъ царь земной, хранитъ свое великое царство. Какъ царь же, возсѣдаетъ онъ на тронѣ, держа въ рукахъ скипетръ—знакъ власти; живетъ въ чертогѣ изъ мрамора, золота и слоновой кости, на вершинѣ горы Олимпа, возвы-

*) Разсмотрѣніе съ дѣтьми по указанной книгѣ Гнѣдича *Исторія искусствъ* изображеній боговъ въ скульптурѣ введетъ дѣтей и въ пониманіе искусства. В. О.

шающейся до неба, окруженной густыми, непроницаемыми облаками. Какъ богъ, требуетъ онъ себѣ отъ людей жертвъ, и горе смертному, который не сожжетъ въ честь его жирнаго бедра отъ лучшаго своего барана или вола. Грозный въ наказаніяхъ, но справедливый, Зевсъ слишкомъ гордъ, слишкомъ уважаетъ себя, чтобы принимать участіе во всякомъ смертномъ, — на то есть и другіе боги,—и начинаетъ дѣйствовать въ случаяхъ только самыхъ важныхъ.

Не таковъ его братъ *Посейдонъ*. Повелитель морей, въ глубинѣ которыхъ также имѣетъ свой чертогъ, онъ плаваетъ по морямъ на коняхъ, съ трезубцемъ (вилы съ тремя зубцами), и безпрестанно входитъ въ столкновеніе съ мореходцами, почему часто вмѣшивается въ ихъ дѣла, вредитъ и покровительствуетъ имъ. Грекъ, плохой еще мореходъ, плавающій только на веслахъ и парусахъ, не знающій хорошо ни моря, ни направленія вѣтра, ни карты, создавъ себѣ морского бога, представилъ въ немъ силу воды, которую и думалъ умилостивить, отправляясь въ путь, жертвами.

Мраченъ и страшенъ третій братъ *Аидъ*. Онъ царь всего, что подъ землей, царь силы земли, которой еще никто не изслѣдовалъ. Гдѣ же чертоги этого бога? Тамъ, подъ землею, въ глубокой преисподней. Они недоступны смертному. И воображеніе человѣка, не имѣя возможности представить себѣ того, что темно и неизвѣстно, создало и хранителя этого чертога какимъ-то страшнымъ чудовищемъ-пугаломъ. Чертогъ Аида сторожитъ многоголовый, съ змѣями, вмѣсто волосъ, песъ—Церберъ. Слышалъ человѣкъ изъ-подъ земли гулъ землетрясенія, и объяснилъ себѣ его тѣмъ, что это лаетъ Церберъ, напоминая смертнымъ, что, кромѣ извѣстнаго видимаго, есть еще невидимое, темное царство тьмы. Видѣлъ грекъ, что ежедневно умираютъ люди, и, не понимая, что такое смерть, но все-таки смутно представляя себѣ будущую жизнь, рѣшилъ, что всѣ люди по смерти отправляются въ темное царство Аида, — и этимъ именемъ сталъ называть и самое царство. Но слишкомъ была хороша жизнь, и боялся грекъ смерти больше всего на свѣтѣ. И представлялъ онъ себѣ, что тѣни усопшихъ должны вѣчно блуждать въ Аидѣ, печальныя и безутѣшныя, вѣчно плакать и вспоминать о тѣхъ милыхъ родныхъ и друзьяхъ, которыхъ оставили на землѣ. Но земля, поглощая родныхъ мертвецовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и кормитъ живыхъ. Какъ же представить это себѣ такъ,

чтобы можно было найти отвѣтъ на вопросъ? И грекъ представилъ землю богинею *Димитрой*, у которой есть дочь *Персефона*. Влюбился въ нее адскій богъ, и, отнявъ ее у матери, увлекъ въ аидъ и сдѣлалъ своею женою. Неутѣшно плакала мать по любимой дочери, и сжалился надъ ея слезами даже жестокій подземный богъ. Сталъ онъ каждый годъ по разу отпускать Персефону къ матери на землю, и тогда радуется мать, и съ радости одѣваетъ землю цвѣтами, и даетъ людямъ богатую жатву и сочный виноградъ. Когда же уйдетъ дочь подъ землю, опять плачетъ мать, и наступаютъ на землѣ опять осень и зима. Такимъ образомъ, Аидъ-Плутонъ, съ одной стороны, богъ страшный и грозный, богъ смерти; съ другой—богъ жизни всей природы, богъ плодородія.

Видя семью на землѣ, грекъ создалъ семью и на небѣ. Есть царь боговъ—есть и царица, жена Зевса *Гера* (Юнона). Такъ же, какъ и мужъ, она горда и сурова; какъ и мужъ, хороша собой. У нея бѣлыя, подобныя лиліи, плечи и большіе, открытые, глаза. Но красота ея строгая и недоступная. Далеко уступаетъ жена мужу въ умѣ и справедливости. Она очень самолюбива и хочетъ, чтобы мужъ во всемъ ея слушался. Часто затѣваетъ она на Олимпѣ ссоры, и то и дѣло опасается, чтобы владыка людей и боговъ какъ-нибудь не разлюбилъ ея, не обошелъ своими ласками, милостями, какъ будто ему только и дѣла, что думать о ней одной. Эта богиня считалась покровительницей брака, и каждая замужняя гречанка молилась, чтобы она сохранила ей расположеніе мужа и даровала хорошихъ дѣтей.

У Зевса, какъ и у человѣка, есть также дѣти, частію — отъ Геры, частію—отъ другихъ, низшихъ, богинь, и даже отъ смертныхъ, потому что у грековъ было въ древности по нѣскольку женъ. Самая любимая, самая мудрая изъ всѣхъ его дѣтей—*Аѳина-Паллада* (Минерва). Ни одна смертная, ни одна богиня недостойна быть ея матерью. Она, какъ богиня мудрости, рождена изъ головы своего отца. Кого она научитъ, вдохновитъ, тотъ будетъ мудрецомъ, какъ царь, какъ судья, какъ ученый. Къ ней обращаются люди за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни; она даже является на землю руководить своими любимцами, и греки, какъ самый умный народъ древности, особенно почитали ее, и даже назвали ея именемъ свой главный городъ—Аѳины. Но мудрость тогда особенно требовалась на войнѣ и въ

судѣ, потому Аѳина въ то же время и богиня воительница, и богиня правосудія. Подобно своему отцу, она красива, и ея молодое лицо полно ума. Какъ воительница—она вооружена, въ шлемѣ съ совой—птицей, почитаемой въ древности, по причинѣ своей угрюмости, мудрой, съ щитомъ и копьемъ; какъ богиня правосудія Аѳина изображается съ вѣсами, на одну чашку коихъ кладетъ дѣло истца, а на другую—отвѣтчика, чтобы перетянуло то, которое право.

Мы уже говорили, какимъ красивымъ народомъ были греки, и какую красивую природу видѣли въ своей прекрасной странѣ; — вотъ почему и боговъ своихъ представляли они красивыми, красивѣйшими кого бы то ни было изъ людей. Но, не довольствуясь тѣмъ, что надѣлили красотой всѣхъ боговъ вообще,—они создали еще особаго бога и особую богиню красоты—*Аполлона и Афродиту. Аполлонъ* (Фебъ) чудо красоты мужской. Этотъ прекраснѣйшій, вѣчно юный, сынъ Зевса—утѣха и радость всего Олимпа. Онъ не только красивъ,—онъ—ловкій стрѣлокъ изъ лука; онъ шибче всѣхъ бѣгаетъ, изобрѣтатель пѣнія и музыки, безъ которыхъ не мила жизнь человѣку. Съ *девятью* своими прекрасными сестрами, *Музами*, онъ съ семиструнной лирой въ рукахъ, какъ только замѣтитъ, что боги не въ духѣ, или ссорятся—тотчасъ запоетъ дивныя пѣсни, и станетъ весело и на небѣ, и на землѣ. Аполлонъ далъ людямъ науки, выучилъ ихъ музыкѣ, пѣнію, живописи, танцамъ, ваянію, архитектурѣ, — и стала жизнь человѣка краше и веселѣе. Его же представляли также и солнцемъ—Геліосомъ, ежедневно объѣзжающимъ на бѣлыхъ коняхъ землю.

Какъ *Аполлонъ*—богъ красоты мужской, такъ *Афродита* (Венера)—богиня любви и красоты женской. Ни одна простая смертная недостойна быть ея матерью, и, какъ Аѳина родилась во всеоружіи изъ головы Зевса, такъ Афродита, бѣлоснѣжная, прекрасная, родилась изъ бѣлой морской пѣны. Какъ красивая женщина, она очень заботится о своей красотѣ, и, сидя на великолѣпномъ, разукрашенномъ сѣдалищѣ, часто расчесываетъ золотымъ гребнемъ кудри, волнами падающія на бѣлыя плечи, и заплетаетъ ихъ въ длинныя косы. Весело станетъ на душѣ у каждаго, кого подаритъ она свѣтлой улыбкой. Окруженная дѣвушками-прислужницами, Харитами, она, вѣчно юная, развлекаетъ плясками на Олимпѣ боговъ и разсыпаетъ любовь и радости на землѣ между смертными, всю-

ду воздвигающими ей алтари. Въ этомъ помагаетъ ей милый мальчикъ, сынъ ея, шалунъ *Эротъ* (Амуръ). У него есть чудныя стрѣлы, и когда онъ поразитъ кого ими, тотчасъ-же почувствуетъ смертный любовь къ другому человѣку. Но часто не слушается маменьки шаловливый, балованный, мальчикъ, и даже нерѣдко омрачаетъ печалью и слезами ея прекрасное лицо. Лукавый, краснощекій, въ одной рубашонкѣ, бѣгаетъ онъ по Олимпу, заигрывая съ дѣдушкой Зевсомъ, который не можетъ не улыбнуться, глядя на внучка. Но больше всего любитъ Эротъ обыгрывать въ кости простоватаго мальчика Ганимеда, за красоту похищеннаго Зевсомъ съ земли на Олимпъ подавать богамъ на пирахъ *амброзію*,— особое божеское кушанье — и заигрывается Эротъ иной разъ такъ, что развѣ только какая-нибудь золотая, обѣщанная матерью, игрушка, заставитъ его заняться стрѣльбой въ смертныхъ.

Красива, хотя и далеко не такъ, какъ *Афродита* (Венера), другая дочь Зевса, сестра Аполлона *Артемида* (Діана), богиня охоты и луны, освѣщающей ночью человѣческія дѣла. Съ лукомъ и стрѣлами, она, строгая и задумчивая, наказываетъ преступныхъ, и, подобно Герѣ, своей матери, покровительствуетъ хорошимъ женамъ и матерямъ. Смѣлая охотница и воительница — она принадлежитъ къ воинственнымъ божествамъ Олимпа, изъ которыхъ главное—братъ ея *Арей* (Марсъ).

Во время всеобщей безпрестанной войны, когда не было еще писанныхъ законовъ, и люди кровавою местью отплачивали за оскорбленія, этотъ богъ особенно почитался людьми. Прекрасный, сильный мужчина, всегда въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ, со щитомъ и копьемъ, онъ весь занятъ только одними военными дѣлами, и потому не отличается особеннымъ умомъ, подобно прочимъ богамъ, и готовъ отправляться куда и противъ кого угодно, только бы поразить, устрашить людей видомъ убійствъ, крови и разрушенія. Потому-то и молился ему воинъ, отправляясь въ походъ, и призывалъ его мщеніе на голову врага оскорбленный.

Кромѣ этихъ девяти боговъ, есть еще два изъ той же олимпійской семьи—это дѣти Зевса: *Гефестъ* (Вулканъ) и *Гермесъ* (Меркурій). Эти боги еще болѣе подходятъ къ обыкновеннымъ людямъ. *Гефестъ*— единственный безобразный, хромоногій богъ на Олимпѣ. Разъ, рассердившись на него, владыка - Зевесъ схватилъ его за ногу и бросилъ на землю, отчего тотъ охромѣлъ и обезоб-

разился. Но зато Гефестъ—великій олимпійскій художникъ, богъ огня и всѣхъ металлическихъ издѣлій, кузнецъ и архитекторъ. Онъ—какъ бы слуга боговъ: строитъ имъ чертоги, куетъ оружіе, подковываетъ коней, а въ свободное отъ занятій время смѣшитъ семью своей наружностью и шутками. Какъ-бы въ насмѣшку надъ его безобразіемъ, греки дали ему въ жены красивѣйшую богиню—Афродиту. Немудрено, впрочемъ, что греки, цѣнившіе болѣе всего войну и управленіе государствомъ, а ремесла считавшіе дѣломъ ничтожнымъ, нестоющимъ вниманія, представляли себѣ и бога-кузнеца смѣшнымъ, сравнительно съ другими олимпійцами.

Большимъ уваженіемъ на Олимпѣ пользуется нужный для всѣхъ, ловкій и хитрый посыльный, сынъ Зевса *Гермесъ* (Меркурій). Между людьми, неимѣющими законовъ, и уважающими только силу, хитрость и ловкость—вещи важныя. Но не всякій силенъ, есть между людьми и слабые. Вотъ эти-то слабые и вооружаются, вмѣсто меча, хитростью и умомъ, и часто проводятъ и самыхъ сильныхъ. Этимъ-то людямъ и надобно молиться такому богу, который бы научилъ ихъ хитрить и обманывать; и создали греки себѣ Гермеса—бога хитрости и лукавства, бога купцовъ, воровъ, бога умѣнья красно говорить, опутывать человѣка словами, бога быстраго бѣга и ловкости рукъ.

Красивый, быстроногій юноша Гермесъ не даромъ снабженъ на подвязныхъ подошвахъ *(сандаліяхъ)* крылышками, которыя, какъ вѣтеръ, носятъ его по землѣ и небу, а въ руки ему данъ оливковый или лавровый жезлъ — знакъ мира, обвитый змѣями—знаками хитрости (*кадуцей*). И шапочка у него легонькая, чтобы легче было летать, также снабжена крылышками.

Эта-та великая семья боговъ, такъ-называемыхъ, *олимпійцевъ*, потому что большая часть ихъ жили на Олимпѣ, или пріѣзжали туда въ гости, и правила, по мнѣнію грека, всей вселенной, общимъ совѣтомъ, подъ главнымъ управленіемъ Зевса. Кромѣ олимпійцевъ, было еще множество боговъ и богинь, имъ подвластныхъ: и небесныхъ, и земныхъ, и лѣсныхъ, и водныхъ, и воздушныхъ, и подземныхъ, и полубоговъ, и даже почитаемыхъ, подобно богамъ смертныхъ. Но надъ всѣми этими богами, и высшими, и низшими, тяготѣла таинственная *Судьба* (Мойра, Ананки), отъ нея же не могъ уйти ни одинъ, ни богъ, ни смертный. Эта Судьба, для которой грекъ не могъ создать даже опредѣленнаго образа, иногда пред-

ставляется въ видѣ *Парокъ*, трехъ старухъ, сопровождающихъ всю жизнь человѣка. Одна изъ нихъ—*Клото* (пряха) присутствуетъ съ прялкой при рожденіи человѣка, другая—*Лахезисъ* (дающая жребій жизни)—прядетъ дни людей, третья—*Атропосъ* (неотвратимая) ножницами отрѣзываетъ нити жизни.

Изъ этихъ очерковъ боговъ видно, что греки представляли себѣ божества настоящими людьми съ душой и тѣломъ; только тѣла ихъ и способности были гораздо лучше, совершеннѣе человѣческихъ. Такимъ образомъ, боги были для грека прекрасными примѣрами, коимъ слѣдовало только, по возможности, подражать. Кто хотѣлъ уподобиться имъ, тотъ долженъ былъ заботиться о своей наружности, упражнять ловкость и силу бѣгомъ и гимнастикой, развивать умъ, чтобы пріобрѣсти мудрость и знанія. Правда, для людей боги, большею частью, были невидимы; но греки такъ ясно представляли ихъ себѣ, что художники изъ мрамора и красокъ изваяли и нарисовали множество прекраснѣйшихъ ихъ изображеній. Подобно людямъ, боги жили въ домахъ — чертогахъ, ѣли свою *амброзію*; богиня Геба разносила имъ дивный напитокъ—*нектаръ*, спали. Превосходя людей знаніемъ и силою, они могли въ короткое время проходить огромныя пространства, видѣть и слышать съ неба, что дѣлается на землѣ. Они предостерегали людей, совѣты совѣтовали, измѣняли даже иногда законы природы, превращая людей въ животныхъ и растенія; но всемогущи, всевѣдущи они не были. Самого Зевса можно было, какъ мы уже сказали, иногда обмануть, и онъ самъ боялся Судьбы.

Назывались всѣ боги *блаженными*, потому что не знали земныхъ печалей и страданій, но въ то же время они завидовали могуществу другъ друга, гнѣвались, хорошо ѣли и пили.

Но самое главное, что отличало боговъ отъ людей—это *безсмертіе и вѣчная юность*. Любя жизнь, и жизнь молодую, веселую, счастливую, грекъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ приписать имъ вѣчную молодость, въ полномъ развитіи тѣла и ума.

Этихъ боговъ человѣкъ не только боялся;—онъ ихъ любилъ и сводилъ даже на землю. На красивѣйшихъ и умнѣйшихъ изъ смертныхъ боги женились, и отъ этихъ-то браковъ, вѣрили греки, происходятъ полубоги и герои – посредники между божествомъ и людьми.

Весь міръ у грека: и лѣса, и нивы, и воздухъ, и воды, былъ наполненъ богами. Глядѣлъ грекъ на солнце—и въ его воображе-

нiи представлялся юноша Гелiосъ, который, стоя на пышной колесницѣ, сiялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней; смотрѣлъ на небо—онъ въ воздухѣ видѣлъ хороводъ прекрасныхъ дѣвушекъ — Нимфъ шелъ гулять въ лѣсъ—ему видѣлись лѣсныя божества, дѣвушки *дрiады*, хранительницы деревьевъ. Выходило дерево изъ земли,—рождалась *Дрiада;* высыхало оно, срубалъ его дровосѣкъ—умирала у *Нимфа.* Слышалъ онъ ночью пѣнiе соловья, и представлялось греку, что это плачетъ царица *Аэда* (Филомела). Позавидовала она своей невѣсткѣ Нiобѣ, что у той шесть сыновей и дочерей, а у нея, Аэды, всего только одинъ—*Итилъ.* Забралась она ночью въ невѣсткину спальню, желая убить со злости ея старшаго сына, да въ темнотѣ убила своего собственнаго ребенка, спавшаго въ той же комнатѣ. Утромъ только узнала она свою ошибку, и безконечна была ея скорбь. Зевсъ сжалился надъ ней, и превратилъ ее въ соловья. Съ тѣхъ то поръ

. . . . она, блѣднолицая, плачетъ,
Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ
Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми
Рощами. Жалобно льется рыдающiй голосъ:
Плача, родимаго сына жестокая мать вспоминаетъ.

Видѣлъ ли грекъ зарю, — въ его воображенiи представлялась дѣвушка *Эосъ* (Аврора) съ розовыми пальчиками и розовымъ покрываломъ, отворяющая ворота колесницѣ Гелiоса. Ночной мракъ спускался на землю—то крылатая богиня *Никса* выѣзжала на небо на своей колесницѣ, запряженной черными конями, и своимъ, усѣяннымъ звѣздами, чернымъ покрываломъ распростирала по землѣ мракъ, давая покой утомленнымъ богамъ и людямъ. Словомъ, — каждое явленiе природы, которое теперь такъ просто объясняется наукой, грекъ представлялъ себѣ въ живыхъ образахъ людей, и всему давалъ объясненiе какой-нибудь прекрасной сказкой *).

Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ боги принимали самое живое участiе. Они пировали съ людьми, участвовали въ ихъ ссорахъ и войнахъ, помогали любимцамъ, и имѣли даже на землѣ своихъ враговъ. Умѣетъ-ли кто пѣть, слагать стихи, плясать — его научилъ

---

*) Съ болѣе взрослыми дѣтьми можно прочитать изъ собранiя сочиненiй Шиллера большое стихотворенiе „*Боги Грецiи*“.

В. О.

этому Аполлонъ; мудро-ли кто судитъ на судахъ, — его вразумила Аѳина; сражается-ли храбро на войнѣ—ему далъ силу Марсъ; словомъ, каждое чувство, каждая мысль были внушеніемъ боговъ.

И не оставляли эти боги своихъ любимцевъ-людей во всю ихъ жизнь. Рождался человѣкъ—*Артемида* (Діана) принимала малютку въ свои объятія; женился — его велъ къ алтарю богъ *Гименей* вмѣстѣ съ музами; мучила совѣсть — страшныя *Эринніи*, богини мести, худыя, блѣдныя, съ змѣями, вмѣсто волосъ, жалили несчастнаго за его преступленіе. Веселился-ли человѣкъ, пируя съ друзьями, онъ опять просилъ вдохновенія у бога пѣсенъ Аполлона, и пѣлъ, и плясалъ, увѣренный, что этимъ утѣшаетъ бога пировъ и весны, *Вакха*. Наконецъ, умиралъ человѣкъ,—не скелетъ съ косой представлялся ему, а тихій геній смерти, *Горусъ*, безмолвно, какъ бы прощаясь съ нимъ улыбкою, опускалъ свой факелъ. Потомъ онъ склонялся надъ умершимъ, и поцѣлуемъ уносилъ съ поблеклыхъ устъ послѣднее дыханіе.

А для тѣхъ, кто на землѣ особенно угодилъ богамъ и прославился своими дѣлами, посреди широкаго, необъятнаго океана, по позднѣйшей миѳологіи, возвышался уединенный островъ—*Элизіумъ*, куда спѣшили тѣни для сладкаго свиданія съ родными и друзьями. Тамъ слышались звуки пѣсенъ и нѣжныя рѣчи; тамъ жены шли къ мужьямъ, дѣти къ родителямъ, невѣсты къ женихамъ.

Таковы были основныя греческія вѣрованія; посмотримъ теперь, какова была та жизнь первобытнаго грека, которой точное изображеніе рисуютъ поэмы Гомера.

Вся первобытная Греція, какъ въ Европѣ, такъ и въ колоніяхъ азіатскихъ, раздѣлялась на множество отдѣльныхъ царствъ, очень небольшихъ, состоявшихъ большею частію изъ одного города и прилегавшихъ къ нему пажитей и пастбищъ. Во главѣ царства, какъ вождь, судья и жрецъ народа, стоялъ царь, на личныхъ достоинствахъ котораго, т. е. силѣ и мудрости, основывалось добровольное подчиненіе ему дружины и народа. Вѣря, что на родѣ царя лежитъ благословеніе боговъ, нерѣдко его родоначальниковъ, народъ во всемъ его слушался и принималъ его предложенія. Около царя стояло небольшое число вождей (героевъ), также называвшихся царями. Они составляли царскій *совѣтъ*, *думу*, рѣшавшую вмѣстѣ съ царемъ всѣ дѣла; народъ же, хотя и приглашался въ собраніе, но имѣлъ право только слушать, — такъ что собраніе

этого общенароднаго вѣча было только средствомъ, за незнаніемъ письма, сдѣлать гласною волю царя. Главнымъ имуществомъ и предметомъ споровъ и распрей богатаго человѣка былъ скотъ, самымъ почетнымъ занятіемъ — война, производившаяся не общимъ нападеніемъ на непріятеля, а *единоборствомъ*, посредствомъ бросанія копья и мечами, какъ пѣшими героями, такъ и на колесницахъ. Отсюда—такое огромное значеніе отдѣльныхъ единицъ, такіе блестящіе образы немногихъ героевъ; весь же остальной народъ составлялъ безсильную, безпорядочную массу. Закона, по крайней мѣрѣ, писаннаго, тогда еще не существовало, и его замѣняли— обычаи, повелѣнія Зевса, о коихъ узнавали изъ гаданій и прорицаній жрецовъ. Уровень понятій нравственныхъ былъ крайне низокъ. При отсутствіи смягчающей человѣка христіанской религіи, промышленности и торговли, которая вся была въ рукахъ рабовъ, *война, грабежъ, убійство и вѣроломство*—въ это время единственные общественные двигатели. Внѣ небольшого кружка не только націи, но даже города, часто семьи—всѣ для человѣка враги, и все богатство пріобрѣтается и сохраняется только оружіемъ. Отсюда—постоянная война, развивающая въ человѣкѣ инстинкты *свирѣпые, варварскіе*. Чтобы блистать между своими, нужно превзойти другихъ воинскимъ пыломъ и яростію. Вотъ почему любимые греческіе герои у Гомера—неукротимые воители: *Ахиллесъ, Геркулесъ, Аяксъ* и имъ подобные; описываются подробно самыя ужасныя жестокости, а эпитеты *градорушители и мужеубійцы*—самые почетные для тогдашняго человѣка. Вотъ почему при всей своей нравственной основѣ (въ Иліадѣ *воздаяніе за похищеніе жены;* въ Одиссеѣ—*за оскорбленіе домашняго очага*), при всѣхъ трогательныхъ общечеловѣческихъ сторонахъ, обѣ поэмы Гомера содержатъ много ужасныхъ картинъ смерти, разрушенія, которыхъ, конечно, должно сообщать дѣтямъ возможно менѣе, но на значеніе этихъ жестокостей необходимо все-таки указать, какъ на черты вѣка. Эти-то свирѣпые инстинкты и войны рисуютъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ цѣлую группу героевъ силы, безстрашныхъ воителей, защитниковъ страны.

Но за ними выступаютъ еще другой родъ людей—люди не столько храбрости и силы, сколько *ума практическаго, хитрости и лукавства.* Одними войнами государство въ Греціи держаться не могло; жизнь гражданская требовала разсудка. Между людьми

поддерживались связи торговыя, федеративныя; нужно было вести переговоры о войнѣ и мирѣ, о дани и взаимной помощи; нужно было выбирать людей, мирить ихъ, укрощать неукротимый пылъ не въ мѣру разъярившихся воиновъ, позаботиться о продовольствіи войска, устраивать свое хозяйство. Но когда человѣкъ не обезпеченъ закономъ, ему постоянно приходится быть насторожѣ, и невольно становится онъ подозрителенъ и хитеръ. Во взаимныхъ отношеніяхъ гомеровскихъ героевъ проглядываетъ постоянно крайняя осмотрительность и лукавство, склонность къ хитрости и обману. Эти качества, за неимѣніемъ науки, изощряютъ умъ тогдашняго человѣка, и не только не навлекаютъ на него презрѣнія, но, напротивъ, возвеличиваютъ его надъ другими, какъ *хитроумнаго*, *многоопытнаго*, мужа. Такимъ образомъ, какъ съ одной стороны въ гомеровскихъ поэмахъ мы видимъ портреты *героевъ силы* (*Ахиллесъ*), такъ съ другой—знакомимся съ *людьми хитрости*, нерѣдко доходящей до коварства,—съ людьми, коихъ представителемъ является *Одиссей*.

Но всего удивительнѣе, что въ этомъ обществѣ почти постоянной войны, грабежа и насилія, среди этихъ грубыхъ, жестокихъ воиновъ, мы встрѣчаемся съ семьей, связанной тѣсными узами родсвенной привязанности. Женщина въ этомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, свободная, поставлена чрезвычайно высоко. Матери, жены, дочери у Гомера (*Пенелопа*, *Гекуба*, *Андромаха*, *Елена*, *Навзикая*)—вѣчныя, никогда не умирающія, трогательные образы. Что же за причина такого высокаго положенія женщины? Во-первыхъ, малое развитіе науки и одинаковость умственнаго развитія совершенно устраняла интеллектуальное неравенство половъ, образовавшееся потомъ и въ самой Греціи. Во-вторыхъ, опасности, угрожавшія семейству, чувство страха за слабыхъ, близкихъ сердцу, мало знакомое теперь, дѣлали жену также дороже для мужа, да и ее больше привязывали къ нему, какъ къ своему защитнику. Въ-третьихъ, самая жизнь женщины того времени была слишкомъ проста: внѣ семейства у нея не было никакихъ развлеченій, и вся ея привязанность необходимо сотредоточивалась на мужѣ, отцѣ, матери, дѣтяхъ. Эти-то причины и выдвигаютъ въ гомеровскихъ поэмахъ элементъ *семейный*, считаемый нами наиболѣе воспитательнымъ.

Такимъ образомъ, ознакомивъ въ сжатомъ очеркѣ съ миѳоло-

гіей и жизнью первобытной Греціи, воспитатель можетъ приступить къ чтенію и самой Иліады, насколько переведена она у Жуковскаго, предварительно разсказавъ хоть по книжкѣ *„Миѳы классической древности“*, Штоля, событія, предшествовавшія тому моменту, съ котораго начинается первая пѣснь Иліады *Свадьба Пелея, рожденіе Ахиллеса, похищеніе Елены, выступленіе въ походъ, Иѳигенія, Филоктетъ* и т. д.)

Но, чтобы, при разсмотрѣніи для нашей цѣли содержанія, не отвлекаться отступленіями, позволяемъ себѣ сказать еще два слова относительно частностей, безъ пониманія коихъ затрудняется самое чтеніе. Такъ, первая строка первой пѣсни *„Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына“* — требуетъ объясненія обращенія къ музѣ, у которой поэтъ проситъ вдохновенія; слово *„воспой“* указываетъ на народнаго пѣвца, слагавшаго пѣсни подъ аккомпанементъ лиры, а предметъ пѣснопѣнія *„гнѣвъ Ахиллеса“* — обусловливается вкусомъ къ прославленію мести и разрушенія. Далѣе слѣдуетъ указать назначеніе окончаній *іонъ* и *идъ*, соотвѣтствующихъ нашимъ отчествамъ *ичъ* (Кроніонъ—сынъ Крона, Кроновичъ, Пелидъ—сынъ Пелея, Пелеевичъ), и остановиться на эпитетахъ постоянныхъ, напр. *стрѣлоносный* Фебъ (олицетвореніе солнца, испускающаго лучи), *быстроногій* Ахиллесъ (значеніе у грековъ гимнастическихъ упражненій и бѣга), *среброногая* Ѳетида (т. е. съ бѣлыми, какъ серебро, ногами), Гера — *воловьи глаза* (большіе глаза—признакъ красоты, волъ—священное животное, приносимое въ жертву богамъ) и т. п. Во всѣхъ подобныхъ частныхъ объясненіяхъ миѳологическихъ именъ отсылаемъ воспитателя для справокъ къ *„Настольному словарю“*, Толя, къ *„Словарю классической древности“*, Любкера, имѣющемуся и на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ: Модестова и Филологическаго Общества, также небольшому *Словарю миѳологіи*, М. Коршъ изд. Суворина.

Первая пѣсня Иліады, переведенная у Жуковскаго цѣликомъ, можетъ быть читаема съ дѣтьми безъ всякихъ пропусковъ и содержитъ очень много образовательнаго матеріала. По содержанію она раздѣляется на слѣдующія четыре части: 1) *Ссора Ахиллеса съ Агамемнономъ*; 2) *Ахиллесъ и Ѳетида*; 3) *Возвращеніе Хризеиды* и 4) *Совѣтъ боговъ*. Такимъ образомъ, въ пѣснѣ этой два элемента: *человѣческій и божескій*. Первый—греческіе вожди, со-

бранія, жертвоприношенія и пиръ; второй—Аѳина, укротительница гнѣва поссорившихся героевъ, Ѳетида—мать, пиръ у Эѳіоповъ, положеніе Зевса на Олимпѣ, отношеніе между собою боговъ и Олимпійскій пиръ. Съ одной стороны, передъ читателемъ выступаетъ причина ссоры чисто личная: оскорбленное самолюбіе заставляетъ главнаго защитника грековъ удалиться отъ дѣлъ, пожертвовать, такимъ образомъ, жизнью множества соотечественниковъ; онъ не задумывается призвать на нихъ месть боговъ, и даже броситься съ мечомъ на „владыку народовъ", до того неукротимый въ своей ярости, что Аѳина должна удержать его за кудри. Обладающій громадной силой Ахиллесъ—гроза всѣхъ: Калхасъ проситъ его защиты противъ Агамемнона, его трепещутъ послы, и все войско въ горѣ отъ его гнѣва. Грубый воинъ, сознающій свое значеніе, осыпаетъ ругательствами Атрида, и, если не разгромляетъ тотчасъ же весь лагерь и уступаетъ Бризеиду, то только потому, что ему *„стыдно поднять оружіе за невольницу"*. Здѣсь ярко выступаетъ и положеніе въ тогдашней Греціи женщины, уважаемой только тогда, когда она свободна; въ противномъ же случаѣ,—она раба, которую можно продать и выкупить. Вмѣстѣ съ этими варварскими чертами вѣка, является и образъ уважаемаго за мудрую старость совѣтника Нестора и уваженіе къ богамъ, выражающееся обильными жертвами, молитвами и пѣснями. Полное отсутствіе науки замѣняется суевѣріемъ; вопрошеніемъ чрезъ жрецовъ божеской воли управляются человѣческія дѣйствія, и самый флотъ ведется не опытнымъ мореходцемъ, а Калхасомъ.

Съ другой стороны, боги здѣсь *человѣкообразны*. Материнское чувство къ милому сыну, которому такъ недолго жить, движетъ богиней Ѳетидой, и сама мудрость, въ образѣ Аѳины, останавливаетъ порывъ Ахиллеса. Боги ѣздятъ въ гости, и не ладятъ въ семейной жизни (*Зевсъ и Гера*), какъ бываетъ и между людьми. Съ Зевсомъ, какъ владыкой-царемъ, надобно умѣть обойтись, и гнѣвъ его, какъ и земныхъ героевъ, страшенъ и неукротимъ даже для его супруги, хотя и можно искусно развеселить его, какъ это дѣлаетъ Гефестъ. Наконецъ, подобно людямъ, боги пируютъ на Олимпѣ, и ихъ пиръ, сопровождаемый пляской и пѣснями, напоминаетъ такіе же земные пиры тогдашнихъ грековъ.

Опуская отрывокъ изъ II пѣсни, какъ наименѣе интересный для дѣтей, можно перейти къ чтенію своднаго перевода 600 сти-

ховъ изъ разныхъ пѣсенъ Иліады, связанныхъ между собою собственными вставками поэта.

Удаленіе Ахиллеса отъ участія въ битвѣ ободрило троянъ, и все болѣе и болѣе одолѣвали они грековъ, убивая въ единоборствѣ одного за другимъ лучшихъ изъ героевъ. Наконецъ, другъ Ахиллеса, Патроклъ, облекшись въ его оружіе, выходитъ на бой съ лучшимъ изъ троянскихъ бойцовъ, Гекторомъ. Прощаніемъ послѣдняго съ своей женой, Андромахой, передъ отправленіемъ въ бой и начинается свободный переводъ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на освѣщеніе этого героя у Гомера. Съ перваго взгляда кажется, что на сторонѣ его—наибольшая симпатія пѣвца; по крайней мѣрѣ, въ нашихъ глазахъ семейныя добродѣтели (*любовь къ женѣ, къ малюткѣ-сыну*) дѣлаютъ эту личность гораздо привлекательнѣе Ахиллеса. Но для грека эти добродѣтели были несравненно ниже безумной, неукротимой храбрости и жажды разрушенія и убійства; Гекторъ—непріятель, поэтому долженъ уступать въ доблести греку. Вотъ почему поэтъ съ избыткомъ надѣляетъ троянскаго героя добродѣтелями низшими, хотя въ то же время, чтобы дать своему любимцу Ахиллесу достойнаго соперника, не лишаетъ и послѣдняго извѣстной доли доблестей военныхъ. Въ глазахъ же воспитателя эти-то именно *добродѣтели семейныя* и должны имѣть наибольшее значеніе. Опасеніе усилить скорбь разлуки прощаніемъ, ласковыя грустныя рѣчи Гектора къ супругѣ, которую онъ старается утѣшить, ласки малюткѣ-сыну—будущей отцовской гордости, молитва за него, борьба между долгомъ и семейной любовью, страхъ Андромахи и за мужа, и за себя съ сыномъ, ея мольбы и тяжелыя предчувствія—все это лучшіе воспитательные элементы гомеровскихъ поэмъ. Этотъ же человѣческій элементъ выступаетъ и далѣе. Даже самъ Ахиллесъ является уже не только разъяреннымъ воиномъ, но и человѣкомъ, глубоко скорбящимъ о смерти лучшаго друга. Матери-богинѣ становится жаль сына, и вотъ Ѳетида выходитъ изъ глубокаго моря съ своими сестрами Нереидами утѣшать свое милое, страдающее дитя. Нѣжной рукой обнимаетъ она его преклонную голову, и, чуя вѣщимъ сердцемъ, что близка и его собственная гибель, скорбитъ вмѣстѣ съ Ахиллесомъ. Тутъ только закрадывается въ душу героя раскаяніе въ самолюбивомъ упрямствѣ, съ которымъ онъ допустилъ погибнуть даже лучшаго друга. И мать, рѣшившись доставить сыну

послѣднюю великую побѣду, отправляется на Олимпъ просить у Гефеста оружія *).

Далѣе выступаетъ опять элементъ военный, богатырскій—устрашеніе троянъ одной грозной фигурой героя. Но только что тѣло Патрокла отбито и положено на одръ, Ахиллесъ снова становится человѣкомъ. Цѣлую ночь плачетъ онъ надъ трупомъ, смываетъ съ него кровь, заботливо намазываетъ его благовоннымъ масломъ, покрываетъ полотномъ и тканями, и только обѣщаніе принести въ жертву памяти друга двѣнадцать троянскихъ плѣнниковъ обнаруживаетъ въ героѣ кровожадные инстинкты вѣка.

Послѣдній отрывокъ „*Совѣтъ боговъ на Олимпѣ*", если воспитатель не пожелаетъ обратить особенное вниманіе на сторону чисто миѳологическую, при чтеніи Иліады только въ наиболѣе интересныхъ для дѣтей мѣстахъ, можетъ быть и опущенъ.

Если чтеніе предложенныхъ отрывковъ, заинтересовавъ дѣтей, нарисовало въ ихъ воображеніи образъ самаго знаменитаго героя Гомера, Ахиллеса, какъ воина, и въ особенности, человѣка, можно вслѣдъ за Иліадой прочитать прекрасную балладу „*Ахиллъ*". Не говоря уже объ эффектной постановкѣ героя, который, въ виду удаляющагося съ трупомъ сына Пріама, ночью, среди мертвой тишины и сна въ лагерѣ, старается, какъ грекъ, излить грусть и раздумье о своей судьбѣ въ пѣснѣ,—баллада по сюжету не представляетъ для дѣтей ничего новаго. Но, зато—въ прекрасныхъ стихахъ она какъ-бы концентрируетъ въ себѣ всѣ гуманныя симпатичныя черты этого героя, проникнутыя глубокимъ сочувствіемъ автора, и можетъ служить какъ-бы повтореніемъ въ одной картинѣ всего того, что уже извѣстно дѣтямъ до сихъ поръ объ Ахиллесѣ въ отрывочныхъ разсказахъ. Въ общихъ рѣзкихъ чертахъ рисуется этотъ вѣчно-юный герой, который, презрѣвъ холодную жизнь, долгій, но безславный вѣкъ, избралъ мгновеніе со славой, и быстро, какъ молнія, пролетѣлъ въ мірѣ. Горе Пріама, Гекубы, Андромахи—напоминаетъ Ахиллесу и его собственнаго отца Пелея,

*) Въ дополненіе къ характеристикѣ Ахиллеса, какъ военнаго героя и человѣка, можно прочитать еще слѣдующіе, не переведенные Жуковскимъ, отрывки изъ Иліады въ переводѣ Гнѣдича или Минскаго: 1) *Участіе Ахиллеса въ битвѣ*, пѣснь XIX, ст. 340—424; 2) *Бой Ахиллеса съ Гекторомъ*, пѣснь XXII, ст. 347—295 и далѣе до *410*; 3) *Его плачъ, явленіе тѣни, погребеніе, игры* пѣснь XXII; 4) Всю XXIV пѣснь.

напрасно ждущаго домой сына, а мрачный видъ и опущенныя гривы коней указываютъ на предчувствіе ими близкаго смертнаго часа ихъ господина. Смертный часъ, опредѣленный Рокомъ, приводитъ Ахиллу на память и милаго сына Неоптолема, которому покажутъ славный курганъ надъ могилой отца, и слава Ахиллесова имени на удивленіе всего потомства утѣшаетъ героя *).

Отъ этой баллады можно перейти къ чтенію едва ли не лучшей изъ пѣсенъ Энеиды, второй—„*Разрушеніе Трои*", одному изъ самыхъ трогательныхъ произведеній древности. Если съ одной стороны эта страшная картина всеобщаго погрома великаго города рисуетъ грубый воинственный вѣкъ, когда такъ дешево цѣнилась жизнь человѣка, а насиліе надъ побѣжденными, хотя бы это были старцы, женщины и дѣти, было дѣло не только обыкновенное, но даже доблестное, то съ другой—предъ нами открывается геройская, послѣдняя борьба человѣка за его родину, въ которой человѣкъ предпочитаетъ смерть позору и униженію. И, если желательно, чтобы въ дѣтяхъ воспитывалось чувство уваженія къ геройской защитѣ своей родины, то образъ старца Пріама, умирающаго съ мечомъ въ слабыхъ рукахъ, у трупа послѣдняго сына, долженъ непремѣнно запечатлѣться въ дѣтскомъ воображеніи. Но, независимо отъ этихъ картинъ гибели и разрушенія, отъ которыхъ съ ужасомъ отвращается сердце современнаго человѣка, эта пѣсня полна въ то же время и того гуманнаго элемента, которымъ такъ дорожимъ мы при чтеніи съ дѣтьми. Гибель Лаокоона; эти троянцы, которыхъ цѣлыя десять лѣтъ не умѣли покорить тысячи кораблей, и которые покорились „*единому слову, единой слезѣ*" коварнаго Синона; Гекторъ, являющійся во снѣ Энею; старуха Гекуба, удерживающая отъ боя дряхлаго мужа; спасеніе Анхиза, вынесеннаго изъ огня на плечахъ сыномъ; гибель Креузы, ея любящая тѣнь, просящая супруга „*помнить о ней любовію къ сыну*", наконецъ, самъ разсказчикъ Эней, со слезами разсказывающій о гибели великаго отечества,—все это такіе образы, такія сцены, которые во всѣ времена читались въ назиданіе юношеству, съ цѣлью укрѣпить душу вѣрою въ подвиги для отечества и семьи,

*) Въ дополненіе къ образу Ахиллеса см. также Одиссея XXIV, ст. 92—95; XI, 483—485; XXIV, 30, 15—94; XXIV, 466—540.

и тронуть сердце, столь чуткое къ воспринятію здоровыхъ и прекрасныхъ впечатлѣній.

Отъ „*Разрушенія Трои*“ можно перейти къ извѣстной балладѣ Шиллера „*Торжество побѣдителей*“, которой и заключается чтеніе переводовъ Жуковскаго съ сюжетами, относящимися собственно къ самой Троянской войнѣ. Въ строгомъ смыслѣ баллада эта по общему своему характеру относится скорѣе къ произведеніямъ міра новаго. Раздумье о непрочности всего земнаго и стремленіе къ загробному, вѣчному: „*жизнь живущихъ невѣрна, жизнь отжившихъ неизмѣнна*“; христіанская покорность высшему началу: „*смертный, силѣ, насъ гнетущей, покоряйся и терпи*“—все это вовсе не выражается въ гомеровскихъ пѣсняхъ; по крайней мѣрѣ, такъ опредѣленно. Но грустное недовольство жизнью, вытекавшее, по словамъ Водовозова, изъ непониманія зла дѣйствительности, все-таки слышится и въ грустномъ тонѣ греческихъ трагиковъ, и въ вѣрованіи въ злую судьбу и въ Евменидъ,—такъ что въ балладѣ рѣзкаго противорѣчія съ воззрѣніями древняго человѣка на жизнь—нѣтъ. Между тѣмъ, выставляемые въ произведеніи факты служатъ хорошимъ дополненіемъ къ только-что прочитанному „*Разрушенію Трои*“. Плачъ невольницъ; благодарственная за побѣду жертва; воспоминаніе о падшихъ товарищахъ; отданіе чести даже и падшему врагу, Гектору; кубокъ, подносимый старцемъ Несторомъ сокрушенной Гекубѣ, и, наконецъ, примиреніе съ жизнью въ ея радостяхъ—все это даетъ воспитателю прекрасный случай еще разъ напомнить, что въ древнемъ человѣкѣ сквозь инстинкты грубые нерѣдко пробивалось чувство глубокое и сильное.

———

„По моему мнѣнію, — говоритъ Жуковскій въ прибавленіи къ своему переводу Одиссеи,—нѣтъ книги, которая была бы столь прилична первому, свѣжему, періоду жизни, какъ Одиссея, возбуждающая всѣ способности прелестію разнообразною: надобно только дать молодежи не одну сухую выписку въ прозѣ изъ гомеровой поэмы, а самого живого разскащика Гомера, который въ одну раму заключилъ всю древнюю Грецію съ чудесными ея преданіями, съ ея первобытными нравами. Языкъ перевода моего кажется мнѣ столь простъ, что русская Одиссея можетъ быть доступна всѣмъ

возрастамъ, и дана, если будутъ сдѣланы нѣкоторые выпуски, безъ опасенія всякому юношѣ, начинающему читать *про себя*".

Въ связи съ разсказомъ о первобытныхъ временахъ Греціи и знакомствомъ съ указанными нами переводами изъ Иліады и Энеиды, *эта поэма*, говоритъ переводчикъ далѣе, *могла бы сдѣлаться самою привлекательною и въ то же время самою образовательною дѣтскою книгою.*

Въ самомъ дѣлѣ, если рекомендуемые нами до сихъ поръ переводы, относящіеся къ греческой жизни, возбуждаютъ въ юношѣ, по преимуществу, чувства любви къ отечеству и духъ высокаго героизма, касаясь жизни семейной и частной, вообще, только слегка, то Одиссея обнимаетъ эту частную жизнь по преимуществу, ведя читателя уже не на поле битвы, не въ военный лагерь героевъ, а напротивъ, въ тѣсный кругъ отношеній семейныхъ, во внутренность дома человѣка частнаго, занятаго устройствомъ своей личной, хозяйственной, жизни. Въ этомъ отношеніи воспитатель подавляется богатствомъ самаго разнообразнаго драгоцѣннаго матеріала. Одиссея обнимаетъ положительно всѣ типы греческой семьи, представляя людей во всей полнотѣ ихъ родственной любви, заботъ другъ о другѣ и нѣжности. Здѣсь видите вы *мужей, отцовъ*: Одиссея, вѣрнаго женѣ—матери своего сына, его единственной гордости,—Одиссея, который для семьи претерпѣлъ столько горя; Алкиноя, нѣжнаго баловника своей красавицы дочки; Нестора, радующагося на старости своимъ многочисленнымъ славнымъ потомствомъ; Менелая, забывшаго все горе, причиненное ему женой, съ которой онъ обращается съ гуманностію, удивительною въ этомъ варварскомъ вѣкѣ. Отцамъ, еще полнымъ силы, не уступаетъ въ родственной привязанности дряхлый *дѣдъ Лаэртъ*, готовый дрожащей рукой поднять оружіе за оскорбляемый домашній очагъ, а *бабушка* Телемака, старушка *Антиклея*, и въ Аидѣ съ любовью идетъ взглянуть на милаго сына. *Матери, жены* въ Одиссеѣ очерчены съ особою любовью и съ самыми мелкими подробностями. Не говоря уже о Пенелопѣ, на которой, какъ и на ея мужѣ, сосредоточивается по преимуществу интересъ поэмы *), Одиссея

---

*) Прекрасную характеристику ея см. въ статьѣ Водовозова. „Женскіе типы въ греческой поэзіи, Навзикая и Пенелопа".Разсвѣтъ, 1860 г., т. X; характеристика Навзикая также въ моей книгѣ *„Руководство къ*

рисуетъ намъ почтенную подругу Алкиноя — Арету, одаренную такимъ „возвышеннымъ разумомъ", что она нерѣдко *„и трудные споры мужей разрѣшаетъ"* (Од. VII, ст. 73—74), и, наконецъ, радушную хозяйку Елену, полную деликатности чувства и вниманія къ гостю, отыскивающему отца (Од. IV). Умныя, любящія матери умѣютъ воспитать и достойныхъ этой любви дѣтей. Телемакъ и Навзикая—юноша-*сынъ* и дѣвушка-*дочь*—даютъ высокіе примѣры уваженія и любви къ родителямъ. Но поэма не ограничивается изображеніемъ однихъ членовъ семейства, связанныхъ родствомъ крови—она даетъ еще и образы *прислуги*, которая своею вѣрностію и любовію къ господамъ, равно какъ и долговременнымъ пребываніемъ въ домѣ, становится и сама какъ-бы членомъ семейства. Таковы: пастухъ *Евмей*, старушка, ухаживающая за Лаэртомъ, и несравненная ключница—нянюшка *Евриклея*. Не забыта даже старая *собака*, узнавшая господина и издыхающая у его ногъ, какъ будто ждала она только минуты еще разъ взглянуть на хозяина, и затѣмъ умереть.

Не говоря уже о множествѣ чертъ семейныхъ, разсѣянныхъ по всей Одиссеѣ (напр. *дѣти Нестора, Менелая, вопросы тѣни Ахиллеса о сынѣ, семейныя несчастія дома Агамемнона*), уже однихъ, приведенныхъ выше, главныхъ героевъ и героинь достаточно для того, чтобы воспитатель осязательно могъ познакомить дѣтей съ разнообразными оттѣнками семейныхъ радостей, горя и взаимной привязанности. Но какъ интересна и разнообразна и самая обстановка, которою эти типы семьи окружены! Здѣсь и *народное собраніе*, въ первый разъ въ жизни объявляемое народу юношей, и *гостепріимство* у сосѣдей, и *снаряженіе корабля*, и *пиръ* со всѣми-уважаемымъ *пѣвцомъ*,—гордостью и славой воинственнаго племени, и *домашнее хозяйство*, и *занятія*, и *времяпровожденіе* женщины въ ея геникеѣ (женскій покой), и *бросаніе диска*, и *стрѣльба въ цѣль*, и *опасности плаванія* по неизвѣданному морю, и *встрѣчи съ дикими* негостепріимными *народами*, къ которымъ прибьетъ капризная волна;—словомъ, юноша, съ легкостію сказочной формы, входитъ въ жизнь цѣлаго народа, если не всего древняго міра первобытныхъ обитателей Европы, и, обо-

ченію поэтическихъ произведеній (по Эккардту). Изд. 3, 1897 г. стр. 37—41.
В. О.

гающая свое сердце симпатичными описаніями общечеловѣческаго горя и радости, въ то же время въ Одиссеѣ болѣе, чѣмъ въ любомъ изъ произведеній Жуковскаго, относящихся къ греческой жизни, прямо пріобрѣтаетъ положительное знаніе древняго быта.

Извѣстно, что Жуковскій, придававшій, какъ мы видѣли, огромное значеніе Одиссеѣ, какъ книгѣ для дѣтскаго чтенія, думалъ „сдѣлать разомъ два ея изданія—одно, для всѣхъ читателей, *полное*, другое—*для юношества, съ выпусками* (весьма немногими) тѣхъ мѣстъ, которыя не должны быть доступны юному возрасту". Съ этою-то цѣлью переводчикъ и помѣстилъ въ концѣ книги „тѣ поправки, которыя показались ему необходимыми для того, чтобы познакомить молодыхъ читателей обоихъ половъ съ простодушнымъ разскащикомъ Гомеромъ, не повредивъ чистотѣ ихъ свѣжихъ чувствъ тѣми вольными выраженіями и картинами, которыя весьма рѣдко встрѣчаются у греческаго поэта".

Пока, къ сожалѣнію, кажется *такого* изданія Одиссеи для юношества у насъ нѣтъ, мы, отсылая воспитателей къ этимъ поправкамъ, предлагаемъ съ своей стороны для тѣхъ, кто пожелалъ бы ознакомить дѣтей съ Одиссеей постепенно, по частямъ, наиболѣе интереснымъ и образовательнымъ, слѣдующій выборъ:

I. *Совѣтъ боговъ, опредѣляющихъ Одиссею вернуться на родину, отправленіе и странствованіе Телемака* — пѣсни: I вся, *кромѣ* ст. 362 и 426—427; II вся безъ пропусковъ; III вся, *кромѣ* ст. 464—466; IV вся, и XV, ст. 1—300 и 495—557.

II. *Путешествіе Одиссея*—пѣсни: V *), кромѣ ст. 121—128; 154—155; 226—227. Особенно хорошо, какъ отдѣльный разсказъ, описаніе бури, ст. 268 — 493; пѣснь VI вся — образъ Навзикаи; VII вся — описаніе дворца и сада Алкиноя, пріемъ Одиссея царемъ, образъ Ареты; VIII вся, *кромѣ* 267—366, — пиръ у Алкиноя, образъ пѣвца, игры,—пѣснь особенно важна со стороны указанія значенія у грековъ пѣнія; IX вся—разсказъ Одиссея объ отплытіи отъ Трои, городѣ Исмарѣ, о Лотофагахъ и, какъ отдѣльный эпизодъ, рисующій дикій доисторическій бытъ — *островъ циклоповъ* (116—364). Обращаемъ на послѣдній разсказъ, какъ нравящійся дѣтямъ по комизму, особенное вниманіе воспитателя. Пѣсню X

---

*) Разборъ V пѣсни, см. въ книгѣ Водовозова, *„Словесность въ образцахъ и примѣрахъ"*.

можно и опустить, такъ какъ по изображеніямъ она слабѣе прочихъ, отдѣльно значенія не имѣетъ, а по отношеніямъ Одиссея къ Цирцеѣ для чтенія съ дѣтьми и неудобна, развѣ съ большими выпусками; XI съ большими выпусками, указанными Жуковскимъ—*Одиссей въ аду*—интересна только при близкомъ знакомствѣ съ греческими преданіями; XII вся, за незначительными выпусками, имѣетъ значеніе историко-географическое, напр. *Островъ сиренъ* 165—200; *Сцилла и Харибда* 201—259—особеннаго образовательнаго значенія не имѣетъ; XIII, 1 — 87 *отправленіе Одиссея домой.*

III. *Одиссей дома*: пѣснь XIII, отъ стиха 187 до конца. *Возвращеніе Одиссея и явленіе Аѳины*; XIV вся,—безъ выпусковъ,—*Одиссей у Евмея*, живо рисуетъ подробности простого пастушескаго быта; XV 300—495, кромѣ 420—422; XVI вся,—великолѣпная сцена возвращенія Телемака, сцена между сыномъ и отцомъ; XVII—вся,—сцена между матерью и возвратившимся сыномъ; сцена съ няней; образъ Мелантія — подлаго раба, напоминающій басни Крылова *Состарѣвшійся Левъ* и *Лисица и Оселъ*; сцена съ собакой Аргусомъ; поведеніе жениховъ относительно нищаго; Пенелопа, какъ мать; XVIII вся, кромѣ 212—213,—образы нищаго Ира, служанки Меланто и Эвримаха; XIX вся,—представляетъ богатый матеріалъ:—ночной разговоръ между Одиссеемъ и неузнающей его женой; открытіе старушкой Евриклеей своего питомца; XX вся, кромѣ 6—24; XXI вся пѣснь—приготовленіе къ стрѣльбѣ и выстрѣлъ — полна постепенно увеличивающагося интереса; XXII, хотя и можетъ быть читана почти безъ выпусковъ, но, какъ отвратительная картина убійствъ жениховъ и казни служанокъ, едва-ли удобна для чтенія дѣтямъ, почему и можетъ быть въ нѣсколькихъ словахъ разсказана для связи: зато XXIII особенно интересна и педагогична по образамъ свидѣвшихся наконецъ супруговъ; XXIV достойно заключаетъ эпопею окончательною побѣдою Одиссея надъ женихами и общимъ миромъ, который боги посылаютъ многострадальному мужу за долгія бѣдствія. *Ужинъ Одиссея съ Лаэртомъ* 205—412 принадлежитъ къ лучшимъ перламъ міровой поэзіи.

Покончивъ съ указаніями на значеніе такихъ капитальныхъ переводовъ, какъ отрывокъ изъ Иліады и цѣлой Одиссеи, скажемъ еще нѣсколько словъ о трехъ переводахъ, относящихся также къ

древней греческой жизни, но стоящихъ по сюжетамъ совершенно особнякомъ отъ такъ называемаго *троянскаго* цикла. Это, во-первыхъ, эпизодъ изъ Метаморфозъ Овидія „*Цеиксъ* и *Гальціона*". Самъ по себѣ отрывокъ не болѣе, какъ сказка, оканчивающаяся превращеніемъ супруговъ въ птицъ. Но самое превращеніе вызвано сочувствіемъ боговъ къ нѣжной любви героевъ и къ скорби жены о потерѣ милаго супруга. Образъ Гальціоны, напоминающей по силѣ супружеской любви Дамаянти, привлекаетъ вниманіе читателя и въ сценѣ разставанья съ мужемъ, и безпокойствомъ о немъ, и отчаяніемъ отъ его гибели. Картина бури и кораблекрушенія переноситъ насъ въ ту эпоху первобытнаго мореплаванія, когда жизнь человѣка на морѣ ежеминутно подвергалась опасности, и близкіе отпускали его въ плаваніе, чуть не оплакивая за-живо; описаніе-же *Царства Сна* — одно изъ прелестнѣйшихъ созданій греческой миѳологіи *).

Сила судьбы, которой такъ боялся грекъ, такъ часто управляющая дѣйствіями героевъ въ поэмахъ Гомера и въ „*Цеиксъ*", находитъ себѣ спеціальное выраженіе въ балладахъ: „*Поликратовъ перстень*" и въ „*Ивиковыхъ журавляхъ*". Быстрое возвышеніе многихъ личностей древняго міра и такое же быстрое и неожиданное ихъ паденіе и гибель не могли не дѣйствовать на народное воображеніе, которое еще въ древнѣйшихъ греческихъ преданіяхъ представляло судьбу завистливою къ человѣческимъ благамъ и карающею человѣка тѣмъ съ большею жестокостью, чѣмъ выше возносился онъ надъ другими людьми, и чѣмъ болѣе въ своей слѣпотѣ ввѣрялся непрочному счастію. Примѣръ такихъ людей—въ разсказѣ Геродота *Поликратъ*, сдѣлавшійся въ 565 г. до Р. Х. Самосскимъ тираномъ, сначала съ своими братьями, а потомъ, устранивъ ихъ отъ правленія, и одинъ. Дворъ его, украшенный блескомъ лидійской роскоши, былъ гостепріимнымъ пріютомъ всѣхъ музыкантовъ и поэтовъ, изъ коихъ имя пѣвца Анакреона особенно прославило этого тирана. Ища подчинить всѣхъ и все своему неограниченному произволу, Поликратъ покорилъ всѣ наиболѣе богатые сосѣдніе острова и возвысилъ островъ Самосъ

---

*) Можно сопоставить съ „*Царицей Мабъ*" въ „Ромео и Жульетта„ Шекспира и съ стихотвореніемъ „*Богъ сна*", пер. Плещеева, см. въ этой книгѣ стр. 138.

В. О.

на степень сильнѣйшей морской державы въ Эгейскомъ морѣ. Это могущество возрасло еще болѣе, благодаря союзамъ, сначала съ Амазисомъ египетскимъ, потомъ съ Камбизомъ; но счастье скоро отвернулось отъ своего любимца. Флотъ, посланный на помощь Камбизу, отложился отъ тирана и, подкрѣпляемый спартанцами, пошелъ противъ Поликрата, который, хотя и побѣдилъ ихъ, но потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое значеніе на морѣ. Заманенный сатрапомъ персидскимъ Оронтомъ въ Магнезію, въ 522 г., онъ былъ распятъ тамъ на крестѣ. Еще задолго до его гибели, союзникъ его Амазисъ египетскій, еще не видѣвшій въ своей жизни ни одного человѣка, кому до такой степени покровительствовало бы счастіе, пораженный именно такими необыкновенными удачами Поликрата во всемъ, что тотъ ни задумаетъ, съ ужасомъ бѣжалъ отъ его двора, отказавшись отъ опаснаго союза.

Это-то преданіе и послужило основой балладѣ, въ которой ярко рисуется увеличивающійся ужасъ древняго человѣка предъ блескомъ роскоши и могущества, пріобрѣтеннымъ не столько талантами счастливца, сколько благодаря случаю и деспотизму.

Въ *„Ивиковыхъ журавляхъ“* вѣрованіе въ Судьбу является въ видѣ, уже нѣсколько измѣненномъ. Сначала въ этомъ вѣрованіи выражался одинъ только суевѣрный страхъ передъ грозными явленіями природы и человѣческой жизни; но потомъ сама Судьба становится мягче и справедливѣе. Карая зло, она въ то же время сочувствуетъ невинному страдальцу и наказываетъ дѣйствительнаго преступника. Такъ, въ этой балладѣ преступленіе, совершенное въ священномъ лѣсу и надъ любимцемъ боговъ пѣвцомъ, слугой Аполлона, таинственно открывается священными птицами — единственными свидѣтелями убійства. Подобно предыдущей балладѣ, и эта основана на греческомъ преданіи, смерти поэта Ивика, жившаго нѣкоторое время при дворѣ Поликрата въ Самосѣ. Объяснивъ дѣтямъ происшествіе это совершенно возможною случайностью, воспитатель находитъ здѣсь богатый матеріалъ для ознакомленія съ жизнью и понятіями древняго грека. Сблизивъ странствующаго пѣвца Ивика съ подобнымъ же образомъ Демодока въ VII пѣснѣ Одиссеи, указавъ на значеніе священнаго лѣса, одухотвореніе природы въ лицѣ птицъ, значеніе театра и представленіе Эринній и ихъ хоръ, онъ вводитъ дѣтей въ новый для нихъ міръ, изображеніе котораго въ одинъ изъ самыхъ яркихъ

моментовъ древней жизни запечатлѣвается въ юномъ воображеніи *).

c) Средніе вѣка.

„Было время, всего какихъ-нибудь 70 лѣтъ тому назадъ,— говоритъ Шульгинъ въ своемъ *Курсѣ исторіи среднихъ вѣковъ*,— когда средніе вѣка почитали временемъ мелкимъ, безынтереснымъ, временемъ глубочайшаго униженія человѣчества, рабства и грубѣйшаго варварства. Въ первые годы девятнадцатаго столѣтія образовалось новое понятіе о среднихъ вѣкахъ: какъ прежде все въ нихъ порицали, такъ послѣ стали все хвалить, называя эти вѣка временемъ юности, свѣжести и доброй жизни, временемъ самымъ поэтическимъ въ исторіи человѣчества. Но оба эти мнѣнія, какъ не основанныя на достаточно научномъ знакомствѣ, теперь представляютъ только невѣжественныя крайности. Современная разработка множества средневѣковыхъ источниковъ пришла къ золотой серединѣ: что, хотя, съ одной стороны, грубость и варварство и господствовали, особенно въ началѣ среднихъ вѣковъ, но зато историческая жизнь человѣческая рѣдко имѣетъ такую важность и носитъ въ себѣ такую поэзію и увлекательность. Представляя собою юность обновленнаго міра, эти вѣка поражаютъ насъ кипучею дѣятельностью и чудной отвагой, вѣрой въ человѣка, свойственной по преимуществу одному только возрасту юности“.

Вотъ почему мы считаемъ весьма полезнымъ дѣтямъ знакомство посредствомъ художественныхъ образовъ и съ этой порой обновленной исторіи человѣчества. Конечно, какъ и при чтеніи переводовъ Жуковскаго съ сюжетами изъ древней жизни, знакомство это будетъ не полно и безсистемно; но оно даетъ, съ одной стороны, подготовительный матеріалъ фактическій, легко усвоиваемый путемъ художественнаго наслажденія; съ другой — поселяетъ заранѣе симпатіи къ тому, что въ среднихъ вѣкахъ было *благороднаго, возвышеннаго и прекраснаго*, и что впослѣдствіи освѣ-

---

*) Разборъ „*Ивиковыхъ журавлей*“ въ книгѣ Водовозова „*Словесность въ образцахъ и примѣрахъ*; также статьи Скопина въ журналѣ „Учитель“, 1865 г.; „*Театръ древнихъ грековъ*“, небольшая хорошая статейка во 2-й части Хрестоматіи Басистова; о театрѣ грековъ см. также *Хрестоматія*, Филонова ч. III.

В. О.

титъ свѣтомъ критическаго разума наука; что же касается сторонъ темныхъ, лишь бы онѣ не оскорбляли нравственнаго чувства отрока, то и о нихъ не слѣдуетъ намѣренно умалчивать, какъ это мы дѣлали и въ предшествующихъ статьяхъ и переводахъ Жуковскаго произведеній съ сюжетами восточными и древне-греческими. Держась твердаго убѣжденія, что при чтеніи для дѣтей долженъ быть выборъ болѣе или менѣе самый строгій, мы и въ настоящемъ отборѣ опустили все, что отличается въ переводахъ и передѣлкахъ Жуковскаго *неопредѣленностію, туманностію*, или *недоступнымъ дѣтямъ любовнымъ содержаніемъ.*

Нашъ поэтъ въ передѣлкахъ и переводахъ балладъ представилъ только два явленія средневѣковой жизни: 1) *рыцарство*, съ его, такъ сказать, парадной, блестящей, стороны, и 2) *духовенство* съ его великимъ вліяніемъ на умы, христіанскимъ служеніемъ на пользу человѣчеству, и въ то же время такъ часто дѣйствовавшее посредствомъ своего авторитета исключительно въ виду собственныхъ личныхъ выгодъ. Къ этимъ двумъ явленіямъ, обрисованнымъ по балладамъ довольно рельефно, примыкаетъ *суевѣріе*, игра средневѣковой фантазіи, одухотворившей природу, представленная, наприм., въ *„Сраженіи со Змѣемъ“*; *„Гаральдѣ“* и *„Ундинѣ“*.

Безъ сомнѣнія, знакомство съ средними вѣками только по балладамъ Жуковскаго было бы очень одностороние; но педагогъ, согласный съ нами въ важности, чтобы не сказать—необходимости, нестепеннаго ознакомленія дѣтей съ исторіей посредствомъ художественныхъ образовъ, на одномъ Жуковскомъ не остановится. Онъ можетъ воспользоваться, наприм., такими хорошими матеріалами, какъ *„Народныя сказанія“* Полеваго, обнимающими поэзію Бардовъ, сказанія о феяхъ и эльфахъ и герояхъ Калевалы, статьей о Нибелунгахъ въ журналѣ *„Разсвѣтъ“*. 1861, томъ IX, и особенно сокращеніями для юношества романовъ Вальтеръ-Скотта (наприм. *Айвенго*—рыцарство и положеніе евреевъ, *Квентинъ-Дорвардъ*—борьба съ феодализмомъ, *„Пертская красная дѣвица“*—жизнь городовъ), и тогда знакомство это будетъ полнѣе и разностороннѣе *).

---

*) Позволяемъ себѣ указать еще на разсказъ *„Трубадуръ“* въ VIII и IX №№ журнала „Дѣтское чтеніе“, 1872 г., напечатанный въ сборникѣ

Рыцарство въ балладахъ Жуковскаго рисуется обществомъ благородныхъ воиновъ, одушевленныхъ съ юныхъ лѣтъ восторженною любовью къ личной славѣ, женщинѣ и религіи. Качества рыцаря опредѣляются его происхожденіемъ отъ благородныхъ родителей, искусствомъ владѣть оружіемъ, готовностью защищать религію, всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, нѣжною и почтительною вѣжливостью съ женщиной и сознаніемъ чувства чести.

Такое возвышенное понятіе о рыцарскомъ званіи требовало приготовленія къ послѣднему съ самаго младенчества. Школами подрастающаго поколѣнія рыцарей были замки и дворы знатнѣйшихъ феодальныхъ владѣтелей и королей. Едва исполнилось мальчику семь лѣтъ, его уже отправляли ко двору того владѣльца, вассаломъ котораго былъ его отецъ. Новопоступавшій получалъ званіе *пажа* и принималъ на себя обязанность при особѣ какого-нибудь рыцаря или знатной дамы. Здѣсь онъ усвоивалъ себѣ любовь къ Богу, повиновеніе къ старшимъ; здѣсь воспитывалась въ немъ та жажда къ славѣ и уваженіе къ женщинѣ, которыя составляли отличительную черту всякаго добраго рыцаря. Здѣсь же учился онъ охотѣ и войнѣ и навыкалъ къ перенесенію усталости и всякихъ опасностей, въ воинскихъ упражненіяхъ, причемъ развитіе въ мальчикѣ смѣлости, ловкости и физической силы считалось главною цѣлью воспитанія. Такимъ образомъ, поле и лѣсъ, гдѣ охотились рыцари, турниры, залы, гдѣ на пирахъ своего господина и учителя слушалъ мальчикъ вдохновенныя пѣсни о славныхъ рыцарскихъ подвигахъ, были школою молодого поколѣнія, возраставшаго въ силѣ и крѣпости тѣлесной и духовной, направленной на укрѣпленіе воли для подвиговъ во имя Бога, дамы сердца и собственной чести. Въ такихъ занятіяхъ достигалъ мальчикъ

В. Самойловичъ *На память стараго года*; также для гг. воспитателей: „Турниры, женщины, трубадуры, легенды, романы и забавы среднихъ вѣковъ" „Современникъ" 1851 г., т. 25 и 26; *„Исторія цивилизаціи Германіи"* Шерра, перев. Невѣдомскаго и Писарева, 1869 г., *„Пѣсни о Роландѣ"*, перев. Алмазова; пересказъ *Роланда* для дѣтей въ нашей книгѣ *„Изъ міра великихъ преданій"*. Прекрасные пересказы всѣхъ главнѣйшихъ произведеній западнаго средневѣковаго эпоса, Франціи, Испаніи, Скандинавіи и Германіи, представляетъ трехтомная книга г-дъ Петерсонъ и Балабановой *Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ СПБ. 1896—1900*.

пятнадцати или четырнадцати-лѣтняго возраста, и посвящался посредствомъ особыхъ обрядовъ (опоясаніе шарфомъ у алтаря), въ *оруженосцы*, которые были всегдашними спутниками и слугами своего рыцаря, безпрекословно повинуясь волѣ какъ его самого, такъ и дамы его сердца.

Подобный юноша-пажъ является передъ нами въ балладѣ „*Кубокъ*", рисующей, съ одной стороны, отважность средневѣкового юноши, съ другой,—безсердечное отношеніе къ ребенку, во имя одного суроваго испытанія смѣлости пажа, посылаемаго на вѣрную смерть *). Баллада эта очень замѣчательна, какъ картина изъ средневѣковой жизни. Разгоряченный виномъ король, можетъ быть, изъ прихоти устроившій пиръ на морскомъ берегу, бросаетъ со скалы въ бездну золотой кубокъ и затѣмъ вызываетъ присутствующихъ достать его. Всѣ молчатъ, но сердце юноши, еще не имѣвшаго случая показать свою удаль, не знаетъ робости, и вызовъ дерзко принимаетъ молодой пажъ. Всѣ въ ужасѣ за ребенка; но король-рыцарь, закаленный въ бояхъ, не знаетъ жалости, и юноша, призвавъ на помощь Бога, покровителя храбрыхъ, смѣло бросается въ бездну. Какимъ-то чудомъ, какою-то необыкновенною случайностью, мальчикъ вынырнулъ изъ пучины на по-

*) Содержаніе Баллады *Кубокъ* основано на дѣйствительномъ событіи, случившемся болѣе 500 лѣтъ назадъ.

Въ Сициліи, на берегу моря, жилъ нѣкто Николай, прозванный Рыбой за свое умѣнье плавать и нырять. Онъ, говорятъ, могъ оставаться на водѣ хоть цѣлыя сутки, и только голодъ выгонялъ его на берегъ. Онъ могъ безъ особенныхъ усилій нырять по получасу, и болѣе, и съ камнемъ въ рукахъ опускаться на 10 саженъ на дно моря.

Разъ въ Мессину пріѣхалъ сицилійскій король Фридрихъ. Много слышалъ онъ разсказовъ о чудномъ искусствѣ Николая и пожелалъ съ нимъ познакомиться. Николая отыскали. Фридрихъ, чтобы испытать его, предложилъ ему нырнуть въ страшный водоворотъ, извѣстный подъ именемъ Харибды. Николай, знавшій, что этотъ водоворотъ ломаетъ въ щепки цѣлые корабли, отказался, но король бросилъ въ пучину золотой кубокъ, и Николай не выдержалъ... $^3/_4$ часа пробылъ онъ подъ водою и вернулся съ кубкомъ. Поѣвши и отдохнувши, онъ разсказалъ королю, какихъ ужасныхъ чудовищъ видѣлъ онъ тамъ и какой опасности подвергалась его жизнь. Королю хотѣлось узнать еще больше о тайнахъ пучины. Николай сперва отказался наотрѣзъ, но, когда король, вмѣстѣ съ кубкомъ бросилъ туда и большой кошелекъ съ золотомъ, жадность побѣдила страхъ: Николай вторично бросился въ пучину и на этотъ разъ уже не вернулся назадъ. *В. О.*

верхность воды и, доплывъ съ рѣдкимъ искусствомъ до берега, положилъ къ ногамъ царя золотой кубокъ. Подвигъ слишкомъ отваженъ,—и требуетъ необычайной награды. И вотъ царь приказываетъ дочери подать мальчику изъ своихъ рукъ кубокъ съ виномъ. Подъ вліяніемъ восторженности передъ собственнымъ подвигомъ, частію, можетъ быть, изъ желанія похвастаться, частію, разгоряченный суевѣрнымъ воображеніемъ, пажъ разсказываетъ всѣмъ присутствующимъ видѣнныя имъ на днѣ морскомъ чудеса, и у самодура-короля хватаетъ безсовѣстности еще разъ подвергнуть для своей прихоти опасности жизнь ослабѣвшаго отъ подвига ребенка. Чтобы еще сильнѣе побудить его снова броситься въ бездну, король прельщаетъ его обѣщаніемъ выдать за него впослѣдствіи собственную дочь, и пажъ, наслушавшійся всякихъ разсказовъ о подвигахъ ради дамы сердца, *полный неописанной радости, кидается въ волны на жизнь и погибель*, и, конечно, гибнетъ жертвою разгоряченной фантазіи средневѣкового деспота, умѣвшаго затронуть юношеское самолюбіе.

Но не одни короли, избалованные властью, тѣшили себя подобными испытаніями рыцарской отваги; даже женщины, которыя уже по природѣ нѣжнѣе и сострадательнѣе мужчинъ, испытывали любовь своего рыцаря, иногда посылая его почти на вѣрную смерть. Такъ, въ „*Перчаткѣ*“, рисующей одно изъ средневѣковыхъ удовольствій—бой дикихъ звѣрей, дама сердца рыцаря Делоржа посылаетъ своего кавалера на арену къ звѣрямъ достать брошенную ею перчатку, и тотъ смѣло идетъ къ звѣрямъ по прихоти своей дамы, которой, однако, бросаетъ въ лицо эту добытую рискомъ жизнью перчатку *).

*) Содержаніе стихотворенія „*Перчатка*“ Шиллеръ взялъ почти безъ измѣненія изъ одной старой книги о городѣ Парижѣ; къ своему источнику онъ только прибавилъ описаніе готовящагося боя звѣрей и учтиво-рѣзкія слова Делоржа: не требую награды. Но извѣстна старая испанская народная пѣсня, въ которой дѣло кончается счастливѣе. Знатная и богатая красавица Анна гуляла по королевскому парку, окруженная толпою своихъ обожателей. Подойдя къ клѣткѣ со львами, она бросила туда перчатку и спросила: „найдется ли между вами храбрый, который войдетъ въ клѣтку и возвратитъ мнѣ перчатку? Обѣщаюсь отличить его передъ другими“. Донъ Мануэль вошелъ въ клѣтку, досталъ перчатку, возвратилъ ее красавицѣ, но при этомъ ударилъ ее по лицу и сказалъ: „Вотъ Вамъ, чтобы Вы въ другой разъ изъ-за каприза не подвергали

Въ „*Кубкѣ*“ мы видѣли безумную отвагу пажа, подвергающаго жизнь опасности, такъ сказать, изъ хвастовства; въ „*Роландѣ Оруженосцѣ*“ изображенъ подвигъ мальчика, направленный на защиту родной земли отъ какого-то великана, укравшаго чудный талисманъ. Предъ нами пиръ Карла Великаго, ко двору котораго, какъ къ центру, привязываются сказанія о цѣломъ кругѣ (циклѣ) героевъ-рыцарей богатырей. Многочисленныя и славныя войны этого короля дали богатый матеріалъ этимъ сказаніямъ, въ коихъ народная фантазія олицетворила языческіе народы, напримѣръ, саксонцевъ и особенно испанскихъ аравитянъ, въ видѣ разныхъ великановъ-волшебниковъ, съ которыми и борются христіанскіе витязи Карла. Но славнѣе всѣхъ ихъ, по народному преданію, былъ Роландъ, племянникъ Карла Великаго, погибшій въ бою съ маврами въ Пиренеяхъ, въ Ронсевальской долинѣ. Первый подвигъ этого Роланда, еще мальчика, сына богатыря Милона, и составляетъ предметъ баллады. Всѣ рыцари разъѣзжаются по темному Арденскому лѣсу, населенному народнымъ воображеніемъ чудовищами, отыскивать великана, и вотъ уже цѣлыхъ трое сутокъ всѣ поиски ихъ безуспѣшны. Усталый Милонъ засыпаетъ подъ дубомъ, вдругъ маленькій сынъ его Роландъ видитъ великана. Вспыхнулъ воинскій пылъ въ мальчикѣ, и онъ убиваетъ чудовище; отнимаетъ у него талисманъ, затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, смываетъ съ рукъ кровь, и, возвратившись къ отцу, котораго не хотѣлъ будить „*для такого дива*“, засыпаетъ. Тщетно всѣ богатыри, каждый по одиночкѣ, ищутъ великана—они находятъ только разбросанные куски великанова тѣла и его оружіе;—талисманъ снялъ со щита герой мальчикъ и, утвердивъ его на щитѣ отца, скромно отвѣчаетъ на вопросъ: „*Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?*“—*Прости, отецъ; тебя будить я побоялся и съ великаномъ самъ подрался.*

Въ балладѣ „*Графъ Габсбургскій*“ рисуется новая сторона рыцарства: набожность, религіозное благоговѣніе передъ христіан-

---

опасности жизнь честнаго человѣка“, а потомъ, обернувшись къ толпѣ рыцарей, возмущенныхъ его дерзостью, прибавилъ, положивъ руку на мечъ: „Если кто не одобряетъ моего поступка, я готовъ дать отвѣтъ“. Но Анна сказала: „Пусть никто не мѣшается въ это дѣло. Донъ Мануэль! Я предлагаю Вамъ мою любовь и мою руку. Мнѣ надобенъ, именно, такой мужъ, который умѣетъ наказывать зло“.

Они повѣнчались и были счастливы.

скимъ подвигомъ пастыря церкви, рискующаго своею жизнью, чтобы поспѣшить причащеніемъ умирающаго нищаго. Баллада эта, представляющая, съ одной стороны, блескъ торжественнаго средневѣковаго пира, съ другой—уваженіе къ негромкому подвигу милосердія бѣднаго пастыря церкви, въ то же время даетъ понятіе и о высокомъ значеніи пѣвца въ *„странахъ котораго живетъ вдохновеніе“*. Онъ поетъ:

„О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
„Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
„Онъ высшую силу призналъ надъ собой:
„Минута его повелитель.
„По воздуху вихорь свободно шумитъ;
„Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
„Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
„Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
„И темное чувство изъ дивнаго сна,
„При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ“.

И такъ высоко назначеніе пѣвца, что пѣснями не гнушаются иногда даже и духовныя лица. Этотъ образъ пѣвца, вмѣстѣ съ образомъ, напримѣръ, пѣвца Демодока въ VIII пѣснѣ Одиссеи, долженъ дать почувствовать дѣтямъ великое значеніе пѣнія, вдохновеннаго человѣческаго слова, а отсюда не трудно будетъ воспитателю впослѣдствіи указать и на значеніе писателя, поэта, уже образованнаго общества *).

Если въ *„Графѣ Габсбургскомъ“* видимъ набожность рыцарства вообще, то въ *„Сраженіи съ змѣемъ“* эта набожность доходитъ до подвига величайшаго смиренія, до повиновенія магистру, граничащаго съ полнѣйшимъ уничтоженіемъ личности, до подавленія въ себѣ, ради устава, правила, всякаго собственнаго убѣжденія, собственной воли. Въ этой балладѣ изображено одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, развившихся во время Крестовыхъ походовъ,—*духовный рыцарскій орденъ*. Еще ранѣе нѣсколько монаховъ въ Іерусалимѣ составили братство съ цѣлью давать пріютъ и пособіе больнымъ пилигримамъ. Во время перваго Кресто-

---

*) Можно прочитать также извѣстную балладу нѣмецкаго писателя Уланда (1787—1862) *Проклятіе пѣвца*. Она помѣщена въ переводѣ П. И. Вейнберга въ книгѣ *Литературная хрестоматія для всѣхъ, Одесса 1900*, представляющей немало матерьяла для чтенія дѣтямъ и народу.
В. О.

ваго похода монашествующая братія эта вооружилась, и такимъ образомъ съ монашескими обѣтами соединила и рыцарскіе обѣты защищать слабыхъ, угнетенныхъ и бороться съ невѣрными. Избравъ своимъ покровителемъ Св. Іоанна, они получили названіе Іоаннитовъ, и впослѣдствіи, когда Палестина снова подпала власти магометанъ, утвердились на греческомъ островѣ Родосѣ, гдѣ и происходитъ дѣйствіе баллады. Какъ мы уже говорили выше, народное воображеніе представляло невѣрныхъ въ видѣ великановъ, чудищъ, змѣевъ и т. п. Отъ такого *Змѣя-дракона* освобождаетъ островъ молодой іоаннитъ, и всѣ сердца жителей полны благодарностью и восторгомъ къ юному герою. Счастливый тѣмъ благодѣяніемъ, которое удалось ему оказать странѣ, рыцарь заявляетъ о подвигѣ магистру; но суровый магистръ, блюститель *„перваго рыцарскаго долга—покорности“*, въ самомъ подвигѣ этомъ видитъ преступленіе, потому что онъ былъ имъ же самимъ, магистромъ, запрещенъ. Что передъ этимъ долгомъ повиновенія *„всѣ эти бѣдствія гибнущихъ братій“*, терзавшія душу юноши? Что всѣ эти дни, когда не зналъ онъ покою, томимый стремленіемъ спасти народъ, всѣ эти ужасные сны ночью, мучившіе его душу, даже самый этотъ небесный голосъ, твердившій рыцарю: „дерзай?“ Что самый здравый смыслъ, указывавшій рыцарю на святое назначеніе рыцарства—*„быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ, грозныхъ чудовищъ разить?!“*—Небесный законъ долженъ уступить земному, здравый смыслъ, убѣжденіе, самая совѣсть—правилу, уставу, буквѣ закона ордена. Напрасно разсказываетъ іоаннитъ о всей мудрости подвига, о своей твердой вѣрѣ въ Бога, помогшаго ему одолѣть врага; напрасно дрогнули своды палаты отъ гула рукоплесканій, и сами рыцари ордена, вмѣстѣ съ шумной толпой, единодушно возгласили „хвала“.—Магистръ, указавъ на нарушеніе долга: *„обуздывать свою волю“*, приказываетъ рыцарю-спасителю страны, какъ преступнику, удалиться изъ ордена. Воспитанный въ строгихъ законахъ общины, онъ уничтоженъ своимъ владыкой; молча, потупивъ очи, снимаетъ рыцарскую эпанчу, цѣлуетъ у магистра строгую руку и удаляется. Такой подвигъ подавленія въ себѣ всего человѣческаго, во имя отвлеченнаго закона, смягчилъ даже самого гнѣвнаго судью. Голосъ сердца, человѣчности, любви заглушилъ голосъ холоднаго разсудка,—и магистръ кличетъ юношу и говоритъ:

„Обними меня, мой достойный
„Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
„Снова сей крестъ возложи: онъ твой, онъ награда смиренью".

Такимъ образомъ, въ цвѣтущую эпоху рыцарства, проходила жизнь рыцаря въ пирахъ, войнѣ, которую велъ онъ во имя христіанской идеи служенія человѣчеству, въ служеніи дамѣ сердца, которой имя воодушевляло его въ бою, и по праву пріобрѣталъ онъ себѣ имя Христова воина. Вся эта жизнь, съ ея *хорошей*, *идеальной* стороны, очень рельефно представляется въ небольшой балладѣ *Вѣрность до гроба*, которая, выставляя, какъ высшій подвигъ, пожертвованіе для человѣчества собственною юною жизнью. за выпускомъ послѣдняго куплета, какъ ослабляющаго впечатлѣніе, прекрасно заключается слѣдующими словами:

Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой.
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Немногимъ изъ рыцарей, въ эту тяжелую эпоху постоянныхъ войнъ и опасностей всякаго рода, удавалось доживать до старости, и еще меньшее число этихъ людей, убереженныхъ судьбою отъ гибели, могли сказать подъ старость по совѣсти, что вся жизнь ихъ беззавѣтно отдавалась только служенію Богу. Большинство, рядомъ съ подвигами высокаго самопожертвованія, могло насчитать за собою много дурныхъ дѣлъ: грабежей, безчеловѣчія съ побѣжденнымъ врагомъ, съ вассалами и т. п. Въ маленькой балладѣ „*Старый рыцарь*" предъ нами именно одинъ изъ такихъ немногихъ честныхъ бойцовъ за вѣру, и этимъ свѣтлымъ образомъ можно заключить чтеніе съ дѣтьми переводовъ Жуковскаго, представляющихъ рыцарство съ его лучшей стороны. Одинокій, пережившій подъ старость всѣхъ своихъ сотоварищей, друзей и родныхъ, вспоминая о своей славной старинѣ и далекой Палестинѣ, рыцарь часто сидитъ подъ тѣнью обнимающей его сѣдины оливы, выросшей изъ той самой святой неувядаемой вѣтки, которую онъ вывезъ изъ Іерусалима, и самъ посадилъ въ родную землю *).

---

*) Къ группѣ, вообще, рыцарскихъ балладъ можно присоединить еще и слѣдующія, не разобранныя нами: „*Мщеніе*", „*Три пѣсни*" и „*Судъ Божій*".

Яркими красками рисуется въ балладахъ: *„Судъ Божій надъ Епископомъ“* и *„Судъ въ подземельи“* мрачная сторона средневѣковаго духовенства, свѣтлый образецъ котораго видѣли мы въ священникѣ, въ *„Графѣ Габсбургскомъ“*. Истины человѣколюбивой Христовой вѣры еще мало проникали въ невѣжественныя массы, подавляемыя духовнымъ авторитетомъ церкви, суровой и безжалостной къ мірянамъ, которымъ она проповѣдывала религію на непонятномъ языкѣ. Требуя отъ другихъ нравственности и жертвоприношеній въ формѣ всякихъ поборовъ въ пользу монастырей и священнослужителей, это духовенство, богатѣвшее на мірскія деньги, нерѣдко отличалось скупостью и жестокостью. Таковъ епископъ Гаттонъ, проклятый за жестокость народнымъ преданіемъ, придумавшимъ для него ужасное наказаніе. Заготовивъ себѣ на голодный годъ полные амбары хлѣба, онъ не только отказываетъ въ помощи бѣдному, голодающему народу, но, соскучившись его воплями, сжигаетъ несчастныхъ въ сараѣ, заманивъ ихъ туда подъ предлогомъ безплатной раздачи пищи. Какъ ни въ чемъ не бывало, садится онъ съ гостями въ своемъ замкѣ за ужинъ; но Божіе правосудіе не дремлетъ—и жестоко наказываетъ преступника, думавшаго найти спасеніе отъ голодныхъ мышей въ высокой башнѣ на берегу Рейна, которую еще и до сихъ поръ показываютъ путешественнику.

Мрачнымъ призракомъ рисуется въ повѣсти *„Судъ въ подземельи“* этотъ средневѣковой Кубертовъ монастырь, гдѣ служитель алтаря, святой, по понятіямъ средневѣковаго темнаго человѣка, аббатъ, вмѣсто христіанскаго всепрощенія, творитъ съ игуменьей и монахинями кровавый судъ надъ слабой дѣвушкой, дерзнувшей снять съ себя обѣтъ монашества. Поразительное по яркости мрачныхъ красокъ, произведеніе это переноситъ насъ къ уже отжившимъ жертвамъ невѣжественнаго заблужденія — къ этой игуменьѣ, отданной въ монастыря еще *„во цвѣтѣ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, достигшей старости съ непроснувшейся никогда душою“*,—къ этимъ монахинямъ съ ихъ спорами о томъ, чей святой святѣе, съ ихъ легендами, мрачными и чуждыми жизни, какъ и онѣ сами,—къ этой суровой, безстрашной пріоршѣ Тильмутскаго монастыря;—словомъ, вводитъ насъ въ глубину аскетической, мертвящей жизни старишаго аббатства. Подобная сцена, какъ судъ въ подземельѣ, совершаемый надъ несчастной дѣвушкой безъапел-

ляціоннымъ приговоромъ трехъ: двухъ старухъ настоятельницъ и изсохшаго полумертвеца сѣдого аббата, ужаснаго своею холодностью и безстрастіемъ, какъ каменный надгробный ликъ,—подобная сцена не требуетъ примѣчаній. Довольно одной ея, чтобы поселить въ дѣтяхъ отвращеніе и ужасъ къ такимъ явленіямъ жизни, какъ безсердечная кара своего ближняго, во имя Христа, учившаго прощать даже самихъ враговъ, и сосредоточить все сочувствіе дѣтскаго неиспорченнаго сердца на бѣдной жертвѣ средневѣковаго безумія *).

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному пиру,
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась: и снова ты видѣлъ
Край родимый, и всѣ обаянія младости, блага
Первой чистой любви, на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ разцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется сладко, здѣсь сердцу будетъ пріютно.
Вспомни такую минуту...

(*Ундина*).

Не находимъ другихъ, болѣе подходящихъ, словъ, чтобы начать говорить о такой прекрасной, порожденной поэтическими суевѣріями среднихъ вѣковъ, сказкѣ, какъ „*Ундина*". „Въ настоящее время...—говоритъ современный нѣмецкій ученый Геттнеръ, по поводу Оссіана и подобнаго рода произведеній народнаго творчества,—„эта поэзія цѣнится слишкомъ низко, какъ прежде она цѣнилась слишкомъ высоко; она разлетается и разсыпается, какъ тѣни, какъ облака тумана, о которыхъ она поетъ; она неопредѣленна, чувствительна, преувеличена, безъ опоры и безъ почвы; ее надо встрѣчать съ родственнымъ ей настроеніемъ. Но при всемъ томъ ея тонъ такъ свѣжъ, образы такъ возвышенны, ощущенія природы такъ искренни и такъ прекрасны,"—разсказъ такъ занимателенъ и человѣченъ, прибавимъ мы отъ себя, что чтеніе этой сказки можетъ доставить дѣтямъ и пользу, и удовольствіе.

Міръ, изображенный въ „*Гаральдѣ*" и въ „*Ундинѣ*", — міръ одухотворенія природы въ то время, когда науку замѣняли об-

---

*) Примѣръ остатка средневѣковыхъ жестокихъ нравовъ можетъ представить также переводъ *Шильонскаго узника*, Байрона.

разы, созданныя воображеніемъ,—это міръ одухотворенныхъ стихій. Средневѣковой человѣкъ населилъ огонь саламандрами, рѣзвыми и легкими; нѣдра земли, полныя сокровищъ, — хитрыми человѣчками—гномами; воздухъ—порхающими феями, эльфами, сильфами; лоно водъ, морей, озеръ и ручьевъ — сиренами, ундинами. Въ западной Европѣ, особенно по Дунаю и Рейну, почти нѣтъ лѣса, озера, ручья, не связаннаго съ какимъ-нибудь старинным причудливымъ преданіемъ. Въ средніе вѣка такихъ заповѣдныхъ мѣстъ было очень много, и человѣкъ, вступавшій въ такой лѣсъ, долженъ былъ уважать таинственныхъ его обитателей. Подобный лѣсъ, заселенный феями, даетъ содержаніе „*Гаральду*", а въ основаніи сказки Ламоттъ-Фукэ (нѣмецкій писатель—1777—1843 г.) лежатъ преданія о *Дядѣ Струѣ* и *Ундинѣ*. Но, помимо всей этой пестрой фантасмагоріи одухотворенной природы (картина разлива потока, бури въ лѣсу и на рѣкѣ, и проч.), помимо высокой основной мысли, что *душа была дана Ундинѣ только подъ условіемъ тѣснаго союза любви съ человѣкомъ*, посмотрите на другой элементъ сказки. Передъ вами уединенная, идиллическая, жизнь рыбаковъ, отдѣленныхъ потокомъ отъ цѣлаго міра; ихъ мирныя бесѣды, суевѣрные разсказы, граціозныя шалости баловницы-пріемыша Ундины; здѣсь и рыцарь, чуть было не промѣнявшій блескъ двора и славу подвиговъ, на простую жизнь съ женой, дочерью рыбака, въ уединеніи отъ свѣта; и симпатичный образъ патера Лаврентія, благословляющаго брачный союзъ двухъ молодыхъ людей, которыхъ потомъ ему же пришлось проводить въ могилу; наконецъ, образъ любящей супруги, жертвующей для милаго мужа своею жизнью,— образъ женщины, доходящей до великодушнаго прощенія обидъ своей соперницѣ;—словомъ, въ этой сказкѣ, и помимо элемента чисто фантастическаго, найдетъ воспитатель много такого, что особенно цѣнно при воспитаніи эстетическаго вкуса и добраго чувства.

Но, при всемъ богатствѣ внутренняго содержанія, „*Ундина*" имѣетъ за собой еще одно достоинство. Она прекрасно разсказана, и стоитъ взрослому, или ребенку только начать ее читать,—онъ уже не оторвется отъ чтенія до конца.

Указаніемъ на эту сказку оканчиваемъ выборъ изъ сочиненій Жуковскаго, которыя, повторяемъ, всегда останутся для русскихъ

дѣтей богатымъ воспитательнымъ матеріаломъ, а въ рукахъ образованнаго воспитателя дадутъ и историческое знаніе*).

II. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

(Род. 18 мая 1787, † 7-е іюля 1855).

Совершенную противоположность Жуковскому представляетъ Батюшковъ. „Въ то время,— говоритъ Гоголь, — когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности, и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, вызывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся въ неизъяснимомъ для него самого идеальномъ, — такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ, и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное, во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Красота стиха, необыковенная ровность тона, полнота впечатлѣнія и законченность образа, въ соединеніи съ рѣдкимъ чувствомъ мѣры, дѣлаютъ поэзію Батюшкова особенно цѣнною въ отношеніи эстетическомъ“. „Цѣлыя пьесы выливались у него,— по словамъ Галахова,— какъ вполнѣ отчетливыя изваянія мыслей и впечатлѣній. Какъ самая печаль, выражаемая его элегіями, не расплывается въ меланхолію или уныніе, и не затемняется ни мудреной рефлексіей, ни другимъ посторониимъ чувствомъ, но выходитъ изъ потрясенной души ясною, безхитростною, непосредственною, — такъ и выраженіе по наглядности художественныхъ образовъ, не только легко воспринимается внутреннимъ ощущеніемъ, но и какъ бы становится доступнымъ внѣшнему зрѣнію“. Муза Батюшкова произвела очень мало, хотя вся поэтическая его дѣятельность продолжается пятнадцать лѣтъ, до его сумасшествія (1805--1820); по характеру своему она принадлежитъ къ такъ называемой *легкой* поэзіи, не требующей „великихъ усилій ума, высокаго пламеннаго воображенія“; но въ этой легкой поэзіи Батюшковъ, въ своей *Рѣчи о*

---

*) Для знакомства съ поэтическими средневѣковыми вѣрованіями напоминаемъ воспитателю статью Гейне „*Стихійные духи*“ (пер. *П. И. Вейнберга*, соч. Гейне, т. II).

вліяніи легкой поэзіи на языкъ, произнесенной въ 1816 г. въ Обществѣ любителей „русской словесности въ Москвѣ, требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ: онъ тотчасъ же дѣлается строгимъ судьей, ибо вниманіе его ничѣмъ не развлекается. Красивость слога здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣняться не можетъ!.. Вотъ эти то качества — *опредѣленность и ясность чувствъ и образовъ, сжатость формы, необыкновенная красота выраженія*—и дали Батюшкову такую почетную извѣстность между современниками, а въ исторіи литературы доставили ему вмѣстѣ съ Жуковскимъ почетное мѣсто основателя стихотворной русской поэзіи и наставника въ дѣлѣ искусства самого Пушкина. Эти же достоинства поэта *прекрасной* формы, какъ *перваго условія истинной поэзіи*, даютъ и намъ право выбрать изъ Батюшкова все то, что, по справедливости, можетъ послужить и для юношества къ образованію вкуса и доставить наслажденіе.

Платя дань времени, Батюшковъ весьма значительную часть произведеній отводитъ мотивомъ *эротическимъ*, которымъ, конечно, не мѣсто въ нашей книгѣ, и даже иногда не чуждъ и риторики; но изъ того лучшаго, что составляетъ гордость нашей поэзіи первой половины текущаго вѣка, найдется нѣсколько произведеній прекрасныхъ, на которыхъ и остановимся.

Угрюмая и величественная природа Финляндіи и Швеціи, гдѣ поэту пришлось участвовать въ Шведской войнѣ 1808—1809 г., произвела на Батюшкова впечатлѣніе очень сильное и вызвала переводъ Матиссоновской элегіи *На развалинахъ замка въ Швеціи*, хотя сдѣланный только въ 1816 году, когда онъ уже по собственной волѣ посѣтилъ любимую страну. Языкъ этого перевода нѣсколько устарѣлъ; слова — *вѣтрила, длани, перси*, мѣстами встрѣчающіяся, по обычаю того времени, въ произведеніи, конечно, нравиться не могутъ. Но такъ хорошо произведеніе построено, такія въ немъ картины и глубокая мысль — *развалины наводятъ воспоминаніе о былой славѣ норманновъ и внушаютъ потомкамъ благородную гордость своими великими предками*,—такой величавый, наконецъ, колоритъ, что познакомить съ этою вещью юношество кажется намъ нелишнимъ, тѣмъ болѣе, что она въ сжатомъ видѣ воспроизводитъ всю норманскую жизнь (*рели-*

гіозныя вѣрованія въ бога брани Одена и Валгалу, норманскій рай, куда провожала героевъ для вѣчныхъ наслажденій богиня Гела; войны, пѣвцы-скальды, дѣвушка, отдающая свою руку герою, какъ бы въ награду за его подвиги, старикъ - отецъ, благословляющій сына въ бой). Подробный разборъ этой піесы читатель найдетъ въ извѣстной книгѣ В. Я. Стоюнина, *О преподаваніи русской литературы*, гдѣ, между прочимъ, удачно обращено вниманіе на связь въ этомъ произведеніи между поэзіей и исторической наукой, которая даетъ ей матеріалъ для воспроизведенія эпохи въ болѣе живыхъ и рѣзкихъ чертахъ *).

Симпатичнымъ чувствомъ скорби надъ развалинами древней русской столицы, которую посѣтилъ Батюшковъ послѣ Московскаго пожара въ 1813 году, проникнуто небольшое *Посланіе къ Дашкову*, гдѣ поэтъ съ ужасомъ разсказываетъ, въ какомъ печальномъ видѣ нашелъ Москву, и заключаетъ пьесу укоромъ легкомысленному другу, призывающему поэта заняться въ такое тяжелое для русскаго время легкою поэзіею.

Еще большею задумчивостью вѣетъ отъ элегіи *Тѣнь друга*, написанной на кораблѣ, на пути изъ Лондона въ Швецію въ 1816 г., въ память лучшаго друга Батюшкова, воспитанника знаменитаго Московскаго пансіона, офицера Петина, убитаго въ бою подъ Лейпцигомъ 26 лѣтъ, въ 1813 г. Помимо задушевности и гуманности, по яркости картинъ, постройкѣ и мелодичности стиха стихотвореніе принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ русской поэзіи.

Къ этимъ вещамъ, имѣющимъ, кромѣ художественнаго, еще значеніе и біографическое, примыкаетъ стихотвореніе *Надежда*, проникнутое чувствомъ благоговѣнія къ Творцу, хранителю человѣка въ буряхъ и бѣдахъ,—источнику мужества, всѣхъ высокихъ чувствъ, любви къ изяществу, чистыхъ, глубокихъ мыслей.

Въ особую группу отдѣлили бы мы четыре красивыхъ маленькихъ антологическихъ стихотворенія, удобныхъ для разбора и изу-

---

*) Чтеніе этого стихотворенія особенно цѣнно юношамъ, уже знакомымъ съ скандинавскими преданіями, напр. по книгѣ г-жъ Петерсонъ и Балабановой „*Западно-Европейскій эпосъ*“, томъ II. Знакомство же съ балладами и средневѣковымъ эпосомъ облегчитъ и усвоеніе впослѣдствіи понятій о *романтизмѣ*.

В. О.

ченія наизусть: 1) *Элегія* (изъ Чайльдъ Гарольда, Байрона)—*Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ*; по мысли — *природа оживляетъ человѣка*—можно сопоставить со стихотвореніемъ Лермонтова *Когда волнуется...*; 2) *Судьба Одиссея* (изъ Шиллера)—Одиссей, принесенный въ забытьи на волнахъ къ родному берегу, не узнаетъ отчизны; 3) пьеска изъ Мелеагра Гадарскаго: *Въ обители ничтожества унылой*—скорбь о дѣвушкѣ, похищенной во цвѣтѣ лѣтъ могилой, и 4) изъ Антипатра Сидонскаго: *Яворъ къ прохожему*—трогательная, благодарная дружба по смерти; пьеску можно сопоставить со стихотвореніемъ Жуковскаго: „*Скатившись съ горной вышины*".

Въ заключеніе выбора остановимся на извѣстной въ свое время большой элегіи *Умирающій Тассъ*, посвященной поэту, особенно любимому Батюшковымъ, находившимъ въ его жизни и судьбѣ много общаго съ своей, на что имѣются въ піесѣ и прямые намеки, напр. въ описаніи плачевной юности Тасса. Проникнутая глубоко искреннимъ чувствомъ, полная эффектныхъ картинъ и музыкальная по стиху, эта пьеса, не смотря на нѣкоторую устарѣлость языка, даетъ хорошій матеріалъ и для декламаціи, конечно, юношамъ старшаго возраста. Въ примѣчаніи къ этому произведенію, напечатанномъ въ собраніи сочиненій Батюшкова, разсказаны біографическіе факты изъ жизни Тасса, послужившіе для элегіи матерьяломъ *).

III. Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

(Род. 2 февр. 1768 г. † 9 ноября 1844 г.).

Удивительный языкъ, необыкновенная простота и живость изложенія; яркость образовъ, нерѣдко обрисованныхъ двумя, тремя штрихами, — сдѣлали этого писателя сокровищемъ при изученіи роднаго языка и дома, и въ школѣ.

Хотя большинство его басенъ, каждая въ отдѣльности, и занимательно, и доступно дѣтскому пониманію, представляя въ то же время простую житейскую мораль съ симпатичнымъ отношеніемъ

*) О Тассѣ см. Освобожденный Іерусалимъ.—Дешевая библіотека Суворина, пер. Д. Мина, также *Классическіе писатели для учащихся*, ред. Чудинова, изд. Глазунова.

В. О.

ко всему доброму и благородному и легкой насмѣшкой надъ глупостью и другими недостатками человѣка, однако это большинство можетъ быть воспринято дѣтьми съ бо̀льшимъ сознаніемъ, если расположить басни, напримѣръ, по типамъ, остающимся у Крылова вѣрными себѣ всюду. Дѣтское воображеніе легче воспринимаетъ то, что наглядно, и образъ, воспринятый изъ басенъ, впослѣдствіи поможетъ различать людей и въ литературѣ, и въ жизни. Морали эти, какъ бы ясно и просто онѣ ни выражались, легко ускользаютъ изъ дѣтской памяти, въ которой остается одинъ, поразившій воображеніе, образъ. Вотъ почему изученіе Крылова въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ намъ кажется, должно основываться не столько на усвоеніи морали, которое частію можетъ быть и оставлено вовсе (опущеніе нравоученій), сколько преимущественно на тѣхъ *типахъ,* которые наиболѣе полно обрисованы баснописцемъ. Такимъ образомъ, оставляя расположеніе басенъ по идеямъ, образецъ котораго даемъ ниже, возьмемъ изъ басенъ только тѣ, которыя могутъ быть сгруппированы по типамъ въ опредѣленное цѣлое. Изъ нихъ намъ показались наиболѣе доступными дѣтямъ и народу типы русскихъ животныхъ, изъ которыхъ особенно цѣльно обрисованы слѣдующія:

a) Лиса.
b) Оселъ.
c) Свинья.
d) Волкъ.
e) Змѣя.
f) Пчела.

1) Изученіе басенъ по типамъ животныхъ.

a) Лиса.

Безсердечной эгоистикой, глухой къ чужому несчастію, но *готовой* подѣлиться тѣмъ, чего не надобно ей самой („*Охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ*") является Лиса въ баснѣ „*Волкъ и Лисица*". Накушавшись до сыта курятинки и добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ, она, лежа подъ стогомъ, непрочь услужить куму чужимъ добромъ. Обладая, вмѣсто трудолюбія и честности, хитрымъ, пронырливымъ умомъ, эта *лакомка Лисица и виноградъ*) отлично пригляделась къ звѣрямъ и лю-

дямъ, и умѣетъ не только ловко поживиться на ихъ счетъ, но еще показаться передъ ними съ самой наилучшей стороны. Не говоря уже о *Воронѣ* (*Ворона и Лисица*), которую поддѣла она на *лесть*, о простоватомъ крестьянинѣ, разжалобившемся ея раскаяніемъ и вздумавшемъ спасти отъ грѣха ея душу, поручивъ ей стеречь курятникъ (*Крестьянинъ и Лисица*), она съумѣла даже своими медоточивыми проповѣдями (*Добрая Лиса*) пріобрѣсти всюду такую славу безкорыстной и доброй, что назначается судьей (*Крестьянинъ и Овца*), который *судитъ по совѣсти*. И тутъ-то самымъ наглымъ образомъ она обвиняетъ бѣдную овцу только для того, чтобы самой получить ея мясо. Самъ царь звѣрей, Левъ, поручаетъ ей строить курятникъ, и она строитъ его на удивленіе всѣмъ (*Лиса строитель*), и хотя оставляетъ лазейку для себя, и подстерегаютъ ее, но все-же съумѣла ловко выпутаться изъ бѣды, такъ какъ въ „*Морѣ Звѣрей*“ засѣдаетъ на совѣтѣ Льва, и своею льстивою рѣчью оправдываетъ грѣхи царя относительно овечекъ. Но когда одинъ изъ царей лѣсныхъ, какой-то уже слишкомъ довѣрчивый и самолюбивый Левъ, послушался коварнаго друга и попалъ въ пропасть (*Левъ, Серна и Лиса*) лисица безъ всякой совѣсти *въ мѣсяцъ до костей оглодала* того, передъ кѣмъ такъ увивалась, когда тотъ былъ въ силѣ. Но какъ, по пословицѣ, *на всякаго мудреца довольно простоты*, она, пожалѣвъ потерять десятка два волосковъ изъ своего пушистаго хвоста (*Лиса*), лишилась его всего, и была рада-радехонька, что хоть осталась цѣла шкура. Самое плутовство ея на судѣ обнаруживается, и ее высылаютъ за взятки (*Лисица и Сурокъ*). И напрасно жалуется она на свое горькое положеніе Сурку, думая хоть въ немъ пробудить къ себѣ участіе; — она слышитъ только насмѣшливый приговоръ товарища: „*Нѣтъ, кумушка, я видывалъ частенько, что рыльце у тебя въ пуху*“. Но плутни сходятъ ей съ рукъ до тѣхъ поръ, пока, зарвавшись въ своей дерзости до крайности, она обнаруживается передъ Львомъ вполнѣ, и царь звѣрей, потерявъ всякое терпѣніе, заставилъ Лису понести вполнѣ достойное наказаніе *Рыбьи пляски*) *).

---

*) Для полноты образа Лисы можно ознакомить дѣтей: 1) съ русскими сказками о Лисѣ (Русскія сказки, Аѳанасьева, сокращенное изданіе для дѣтей въ одномъ томѣ) и 2) съ „Рейнеке-Лисъ“, Гете, пер. М.

b) Оселъ.

Какъ преобладающимъ характернымъ признакомъ Лисы является *эгоизмъ*, соединенный съ *хитростью*, такъ въ Ослѣ поражаетъ его *глупость*, которая такъ часто соединяется съ чванствомъ и очень высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ. При населеніи вселенной различными тварями, оселъ, обидѣвшись своимъ малымъ ростомъ, присталъ со спѣсью къ Юпитеру, чтобы тотъ прибавилъ ему росту (*Оселъ*). И вотъ спѣсивецъ входитъ глупостью въ пословицу. Чтобы оселъ не потерялся, мужикъ прицѣпилъ ему на шею звонокъ (*Оселъ*). Глупецъ, „*слыхавшій, конечно, про ордена*", сталъ важничать, гордиться и думать, что онъ теперь уже большой баринъ, но больно поплатился за чванство своими боками, точно такъ же, какъ, въ свою очередь, платился убытками за глупость и мужикъ, наивно вздумавшій приставить осла стеречь огородъ (*Оселъ и мужикъ*). Самолюбивый еще съ измальства, осленокъ попадается въ просакъ хвастовствомъ, будто его пригласилъ къ себѣ знаменитый греческій живописецъ Апеллесъ затѣмъ, чтобы списать съ него красиваго миѳологическаго конька Пегаса, который привозилъ на Парнасъ всѣхъ истинныхъ поэтовъ (*Апеллесъ и Осленокъ*). Отличающійся препротивнымъ голосомъ и отсутствіемъ слуха, оселъ не задумывается участвовать въ квартетѣ (*Квартетъ*) глупцовъ, думающихъ своимъ искусствомъ плѣнять свѣтъ, и даже, когда на Парнасѣ стали пасти ословъ, ослы вообразили, что ихъ пригнали сюда именно затѣмъ, чтобы они своимъ пѣніемъ затмили славу надоѣвшихъ людямъ музъ (*Парнасъ*). Непроученный многократными опытами, неисправимый музыкантъ относится даже покровительственно къ соловью (*Оселъ и Соловей*), котораго, выслушавъ снисходительно, еще осмѣливается подарить совѣтомъ „*поучиться пѣть* у пѣтуха". Эта, по насмѣшливому выраженію Лисицы, „*умная голова*", до сихъ поръ болѣе смѣшная и жалкая своимъ убожествомъ, однако обладаетъ еще и свойственною подлымъ натурамъ трусостью передъ сильнымъ и дерзостью тамъ, гдѣ нѣтъ опасности. Съ удивительною наглостью, оселъ, который бѣжалъ нѣкогда отъ Льва, безъ памяти, бѣгомъ, куда глаза гля-

---

Достоевскаго—отдѣльное изданіе и въ „Сочиненіяхъ Гете" въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею П. Вейнберга. Спб., 1867 г., томъ четвертый. Есть и сокращенное изданіе „Рейнеке-Лисъ" для дѣтей).

дятъ, теперь, когда тотъ въ *старости лишился силы, и всякій наперерывъ наноситъ ему оскорбленія, туда жъ, натужа грудь, сбирается его лягнуть* (*Левъ состарѣвшійся*), *и смотритъ мѣсто лишь, гдѣ-бъ было побольнѣе.* Мало того, онъ, встрѣтясь съ Лисицей (*Лисица и Оселъ*), еще смѣется надо Львомъ и хвастается своимъ проступкомъ: *Вотъ на! а мнѣ чего робѣть? И я его лягнулъ, пускай ослиныя копыта знаетъ!*

c) Свинья.

Очень близко къ Ослу по глупости поставлена у Крылова Свинья, которая, хотя и является только въ двухъ басняхъ, но, тѣмъ не менѣе, рисуется весьма полно со стороны нечистоплотности и способности видѣть только то, что подъ носомъ (*Свинья*), прожорливости, животныхъ инстинктовъ, неблагодарности и неумѣнья щадить даже то, что ей же приноситъ пользу. *Свинья подъ дубомъ*).

Къ этимъ двумъ типамъ глупости, Ослу и Свиньѣ, какъ наиболѣе рѣзкимъ, примыкаютъ животныя — наивные простаки, нерѣдко попадающіе на удочку болѣе смѣтливыхъ. Таковы, напримѣръ, Ворона (*Ворона и Лисица, Ворона и Курица*) и Обезьяна (*Обезьяны, Обезьяна Мартышка и Очки, Зеркало и Обезьяна*).

Лиса вредитъ людямъ и звѣрямъ болѣе изъ-за пищи, которую не можетъ пріобрѣсть силой, Оселъ и Свинья по глупости; но вотъ типы, возбуждающіе полное отвращеніе своею безчеловѣчностью, ничѣмъ несмягчаемою черствостью натуры.

d) Волкъ.

Съ-измальства пріучаемый родителями *питаться* грабежомъ, онъ, еще маленькимъ волчонкомъ (*Волкъ и Волченокъ*), отправляется, будто гуляя, высматривать и выглядывать, изъ какого бы стада стащить овцу пожирнѣе и, возвратившись къ отцу, получаетъ отъ него урокъ, что сберечь при грабежѣ свою шкуру можно всего вѣрнѣе тамъ, гдѣ пастухъ дуракъ и собаки дуры. Выросши въ такихъ правилахъ, онъ съ „*своимъ нравомъ и зубами*“ становится ненавистнымъ *и людямъ, и собакамъ* (*Волкъ и Кукушка*). Онъ жаденъ до того, что не разбираетъ, ѣвши, даже и костей, и разъ едва не поплатился за жадность жизнью (*Волкъ и Журавль*). Едва избѣжавъ смерти, онъ не только

не платитъ за свое спасеніе Журавлю, но его же еще называетъ неблагодарнымъ за то, что не откусилъ ему шеи. Какъ разбойникъ, онъ тащитъ въ лѣсъ, въ укромный уголокъ, бѣдную овечку (*Волкъ и Мышенокъ*), и тамъ, какъ ни былъ жаденъ, не въ состояніи съѣсть всего. Но, когда голодный мышенокъ утащилъ у него кусокъ мяса, волкъ подпимаетъ вой на весь лѣсъ, какъ будто его, волка, ограбили. Для волка не существуетъ ни милосердія, ни состраданія, ни великодушія. Съ грубою, достойною кровожаднаго хищника, рѣчью онъ набрасывается на бѣднаго ягненка (*Волкъ и Ягненокъ*), пришедшаго напиться къ ручью и никакія мольбы бѣдняжки не останавливаютъ Волка поволочь Ягненка въ темный лѣсъ. Сознавая себя, вслѣдствіе своей силы, хозяиномъ чуть не всего міра, онъ старается еще придать своему гнусному дѣлу „*законный видъ и толкъ*“. Немудрено, что подобный звѣрь несетъ, наконецъ, за всѣ свои проступки и достойное наказаніе. Забѣжавъ въ деревню, спасаясь отъ стаи гончихъ и охотниковъ, онъ, очень естественно, не находитъ для себя пріюта ни у кого изъ крестьянъ, и въ тяжелую минуту выслушиваетъ еще насмѣшливое нравоученіе отъ Кота: „*самъ себя вини; что ты посѣялъ, то и жни* (*Волкъ и Котъ*). Не спасаетъ Волка и, не вѣсть откуда взявшееся, краснорѣчивое раскаяніе—съ цѣлью обвести ловчаго словами. Сѣдой ловчій слишкомъ давно знаетъ волчью натуру, и тотчасъ же *выпускаетъ на сѣраго забіяку стаю гончихъ* (*Волкъ на псарнѣ*).

е) Змѣя.

Еще отвратительнѣе Волка Змѣя. Тотъ прожорливъ и съѣдаетъ все, что ни попадаетъ на глаза; эта зла по натурѣ: жалить—для нея удовольствіе. Она *лежитъ подъ колодой и злится на цѣлый свѣтъ, потому что у нея нѣтъ другого чувства* (*Змѣя и Овца*). Ужаливъ ягненка, она еще зло смѣется надъ несчастнымъ. Ей самой становится, наконецъ, тяжело, что *всѣ дичатся ея* (*Змѣя*), что всякаго, кто посильнѣе, она должна бояться, и вотъ она выпрашиваетъ себѣ у Юпитера соловьиный голосъ; но и тогда всѣ птицы летятъ отъ нея. Обладая умомъ, она сумѣла подружиться съ крестьяниномъ (*Крестьянинъ и Змѣя*), но и его оставляютъ всѣ прежніе пріятели и родня, опасаясь, чтобы *другъ хозяина, подползши, не ужалилъ*. Не всегда, однако, под-

даются люди на ея умъ. Другой мужикъ, къ которому такъ же, какъ и къ первому, она думала было войти въ дружбу, не убѣдился ея рѣчами, будто она перемѣнила шкуру и теперь стала другой: *схватилъ обухъ,—и вышибъ изъ сосѣдки духъ*" (*Крестьянинъ и змѣя*). На томъ свѣтѣ, какъ и слѣдовало, она попадаетъ въ адъ, гдѣ уступитъ мѣсто одному только клеветнику, который еще вреднѣе змѣи (*Клеветникъ и Змѣя*).

Отъ типовъ, возбуждающихъ смѣхъ, сожалѣніе, отвращеніе, переходимъ къ личности, очерченной художникомъ съ полной симпатіей. Этимъ свѣтлымъ образомъ Пчелы, достойной за свою дѣятельность полнаго уваженія, хорошо было бы, какъ намъ кажется, заключить съ дѣтьми и народомъ изученіе типовъ крыловскихъ животныхъ.

f) Пчела.

Скромная, вѣчная труженица, она „*снискала себѣ любовь отъ поселянъ и до вельможъ*" за свои соты, и такъ любитъ родину, что и не думаетъ оставить ее, чтобы, подобно ничтожной, всѣми презираемой, мухѣ (*Муха и Пчела*) искать счастья въ чужихъ краяхъ. Сознавая, что она призвана *нести труды для общей пользы, Пчела не ищетъ отличія за свои работы*, и, предоставляя Орлу удивлять міръ своимъ полетомъ и наводить страхъ на звѣрей и птицъ, *утѣшается, смотря на свои соты, тѣмъ, что въ нихъ есть хоть капля и ея меду* (*Орелъ и Пчела*). Такое скромное отношеніе къ своему труду еще болѣе возвышаетъ честную труженицу, къ которой съ высокомѣрнымъ покровительствомъ обращается ничего недѣлающая Муха (*Муха и Пчела*).

2) Примѣръ изученія басенъ по идеямъ.

Басни о трудѣ.

Басни Крылова, изучаемыя во всѣхъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній и со стороны языка, и съ художественной точки зрѣнія, можно также расположить въ нѣкоторой системѣ, которая, проходя черезъ весь ученическій курсъ, къ выходу изъ школы давала бы ученикамъ стройный рядъ опредѣленныхъ понятій о нѣкоторыхъ вопросахъ жизни. Басни Крылова относятся къ разнымъ житейскимъ вопросамъ, изъ которыхъ многіе, по своей сложности, и

мало интересны, и мало доступны ученикамъ, особенно въ младшемъ возрастѣ. Поэтому мы выбираемъ такой разрѣшаемый баснями вопросъ, который можно было бы развить съ самаго младшаго класса. Такимъ вопросомъ представляется намъ вопросъ о трудѣ, какъ наиболѣе подходящій къ школѣ, и какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ въ жизни. Сообразно возрасту учащихся, располагаемъ басни въ такомъ порядкѣ, чтобы сначала разсматривались типы не трудящихся вовсе, затѣмъ показывающіе, какъ не надобно трудится, и, наконецъ, типы, показывающіе, какъ и съ какою цѣлью нужно трудиться человѣку,—т. е. выясняющіе великое значеніе труда. Предоставляя каждому учителю пользоваться представленнымъ нами матеріаломъ, какъ и насколько найдетъ это полезнымъ, постараемся только слегка намѣтить тѣ черты, на которыхъ, при изученіи басенъ, слѣдовало бы останавливать для нашей цѣли вниманіе учениковъ. Начинаемъ съ басни „*Стрекоза и Муравей*", знакомой самымъ маленькимъ дѣтямъ.

Стрекозѣ, какъ и нашимъ дѣтямъ, „*подъ каждымъ листкомъ былъ готовъ и столъ и домъ*". Но, при первой же серьезной встрѣчѣ съ жизнью, попрыгуньѣ пришлось вынести жестокій урокъ. Муравей, у котораго вовсе не было охоты дѣлиться своимъ трудовымъ кормомъ съ беззаботной рѣзвушкой, черство оттолкнулъ ее насмѣшливымъ отказомъ: „*ты все пѣла, это дѣло, — такъ поди же, попляши*". (Преподаватель указываетъ въ трудѣ средство не стать въ такое унизительное и несчастное положеніе).

Стрекоза только наивна; Камень же (*Камень и Червякъ*),— который также ничего не дѣлаетъ, „*лежитъ себѣ смирнехонько, куда его ни бросятъ*, — претендуетъ еще на то, что онъ „*тихъ, скроменъ завсегда*, а между тѣмъ, „*не слыхалъ себѣ спасиба никогда*". Эта басня даетъ возможность представить трудъ не какъ подчиненіе волѣ начальства, а какъ самодѣятельное проявленіе ученика. Но ученикъ можетъ принять на себя трудъ изъ ложныхъ побужденій. Обезьяна, соблазнившись похвалами трудящемуся крестьянину, вздумала также показать себя, „*нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться, — а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ*". Подъ этотъ типъ подходятъ дѣти, предающіеся процессу чтенія ради роли ученаго, дѣти-стихотворцы и писатели. Желаніе дѣтей выказывать себя можетъ проявляться и въ непрошенной хлопотливости. Типомъ такого побужденія можетъ слу-

жить Муха, въ баснѣ „*Муха и Дорожные*". Муха хлопочетъ не менѣе Обезьяны,—повидимому, съ самымъ искреннимъ желаніемъ „*помочь горю*", пособить лошадямъ встащить на гору рыдванъ; „*Ну, жужжать во всю мушину мочь; вокругъ повозки суетится; то подъ носомъ юлитъ у коренной, то лобъ укуситъ пристяжной, то, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится, или, оставя лошадей, и вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей*", и еще наивно „*плачется на то, что ей никто ни въ чемъ помочь не хочетъ*". А когда рыдванъ встащенъ, наконецъ, лошадьми на ровную дорогу, съ какимъ сознаніемъ исполненнаго труда говоритъ Муха: „*Ну, слава Богу! садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь; а мнѣ ужъ дайте отдохнуть: меня насилу крылья носятъ*". Въ дѣтяхъ удовлетвореніе понесенными хлопотами гораздо естественнѣе: имъ хочется попытать силку, и участіе въ дѣлѣ взрослыхъ или товарищей доставляетъ имъ наслажденіе. Тѣмъ не менѣе, смягчивъ типъ, можно ожидать, что дѣти отыщутъ его и въ школьной средѣ *).

Еще съ большимъ самохвальствомъ вмѣшивается въ чужой трудъ Лошадь (*Обозъ*): она съ призрѣніемъ осуждаетъ трудъ другихъ, но—принялась за дѣло сама,—„*и съ возомъ бухъ въ канаву*". Не приводимъ извѣстной басни „*Трудолюбивый Медвѣдь*" потому, что имѣемъ въ виду указать дѣтямъ не причины неудачи труда (въ этомъ случаѣ — нетерпѣніе), а разныя побужденія къ труду. Къ тому же типу безплодныхъ хвастливыхъ хлопотуновъ относятся: *Бѣлка* (въ колесѣ) *Бочка* (*Двѣ Бочки*), *Синица*, (*Синица*) *и Муравей* (*Муравей*). Всѣ они хотятъ удивить міръ сво-

---

*) Приводимъ параллели вовсе не съ тою цѣлью, чтобы преподаватель указывалъ ученикамъ на присутствіе въ ихъ средѣ котораго-либо изъ типовъ Крылова или другихъ писателей. Такое указываніе до того способно поселить въ классѣ взаимное враждованіе, что со стороны учителя даже искреннее, теплое предостереженіе опасно; въ этомъ случаѣ роль учителя слишкомъ близка къ уськанью для удовольствія; минутный добрый порывъ въ уличенномъ можетъ пройти и уступить мѣсто самому злобному сопротивленію. Направлять нужно прямымъ обличеніемъ на дѣлѣ, а не присвоеніемъ кому-либо навсегда унизительной роли. Такое олицетвореніе типа въ одномъ изъ учениковъ заставитъ его выбиваться изъ непріятнаго положенія, не разбирая средствъ. Ученики должны вникать и въ собственное, и въ чужое поведеніе, но не по доносу.

В. О.

ими великими дѣлами, которыхъ за ними не водится. Бѣлка жалуется: *„Охъ, милый другъ! тружусь день весь: я по дѣламъ гонцомъ у барина большого; ну, некогда ни пить, ни ѣсть, ни даже духу перевесть!"* Бочка несется вскачь именно потому, что пуста; Синица своимъ обѣщаніемъ *сжечь море* хоть и собрала легковѣрныхъ птицъ и звѣрей, однако *„со стыдомъ во свояси уплыла; надѣлала Синица славы, а моря не зажгла"*; а Муравья, который дивилъ силой своей муравейникъ, *никто въ городѣ и не замѣтилъ*.

Все это—типы хвастовства наивнаго; но есть личности, возводящія тунеядство въ заслугу и съ пренебреженіемъ смотрящія на трудъ другого. Съ какимъ, напримѣръ, призрѣніемъ къ постоянному труду Пчелы судитъ объ ея жизни Муха (*Муха и Пчела*), все самолюбіе которой не идетъ дальше ѣды и питья съ фарфора и хрусталей и порханія по баламъ; съ какимъ отвратительнымъ цинизмомъ относится она къ тому, что ее отовсюду гоняютъ: *„Вонъ, Муха говоритъ, гоняютъ. Что - жъ такое? Коль выгонятъ въ окно, то я влечу въ другое!"* Еще съ большимъ пренебреженіемъ относится къ голодающему на дворѣ старому товарищу Барбосу комнатная болонка Жужу (*Двѣ собаки*). Съ какою увѣренностью въ своихъ чрезвычайныхъ заслугахъ отвѣчаетъ она на вопросъ товарища: *„Чѣмъ служишь ты?" — Чѣмъ служишь? Вотъ прекрасно! На заднихъ лапкахъ я хожу*.

Другой способъ труда и пріобрѣтенія представляетъ басня *„Два мальчика"*. Вскарабкавшись, при помощи Сени, на дерево, Ѳедя убираетъ каштаны, а подсадившему его товарищу бросаетъ однѣ скорлупки. (Ученикъ, заставляющій слабѣйшихъ товарищей исполнять за него задаваемые уроки).

Въ лисѣ (*Лиса-Строитель*) мы встрѣчаемъ личность, съ виду трудящуюся весьма добросовѣстно. Построенный Лисою курятникъ поражаетъ и красотой, и удобствомъ, и недоступностью ворамъ,— да только Лисынка *„для себя оставила лазейку"*. (Ученикъ, прилежаніемъ, благонравіемъ и угодливостью снискивающій расположеніе начальства, съ цѣлью пользоваться этимъ расположеніемъ во вредъ товарищамъ).

Типъ труженика, работающаго не менѣе искусно, чѣмъ Лиса, но въ то же время честно,—это Паукъ (*Паукъ и Пчела*). Провозился онъ надъ своимъ тканьемъ всю ночь, а утромъ *„смели его и*

съ лавочкой долой". „*Вотъ*", говоритъ онъ, оскорбленный такою несправедливостью, „*жди праведной награды! На весь я свѣтъ пошлюсь: чье тоньше тканье, купцово иль мое?*"—*Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ?—Пчела отвѣтствуетъ: извѣстно то давно; да что въ немъ проку, коль оно не одѣваетъ и не грѣетъ?*— Отвѣтъ нѣсколько насмѣшливъ потому, что Паукъ чванится своей работой. Но, при подборѣ личностей подъ этотъ типъ, преподаватель долженъ, какъ намъ кажется, возбудить въ дѣтяхъ скорѣе чувство состраданія къ совершенно добросовѣстному, но жалкому своей безплотностью, труженику. (Швеи, тратящія всю свою жизнь на изготовленіе причудливыхъ нарядовъ).

Сознаніе какой пользы, какого значенія своего труда даетъ Пчелѣ право считать свой трудъ выше труда Паука? Ея трудъ, повидимому, такъ ничтоженъ: *все лѣто лѣпитъ она сотъ*, и даже не одна, а съ тысячью подругъ (*Орелъ и Пчела*). *Кто послѣ разберетъ, отличитъ ея работы? „Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?.. Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!* Что заставляетъ ее трудиться и вознаграждаетъ за жертвуемый покой?

„*Не отличать ищетъ она свои работы*: спокойно желаетъ она славы тѣмъ, у кого есть силы „*на чредѣ трудиться знаменитой*"; „*трудясь къ общей пользѣ*", говоритъ она Орлу, „*я утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты, что въ нихъ и моего хоть капля меду есть*". Въ этомъ сознаніи ея наслажденіе, награда и поддержка. Оно укрѣпитъ ее и въ минуту прощанья съ долгой, трудовой, жизнью, никому неизвѣстной, но прожитой не даромъ. (Крестьянинъ, воздѣлывающій поле и съ лишеніями копящій деньгу для прокорма семьи; честный ремесленникъ, учитель маленькой сельской школы). Обращаемъ на эту басню особенное вниманіе преподавателей, по отношенію ея къ современной склонности удовлетворяться лишь дѣлами громкими, блестящими. Въ другой баснѣ *(Пчела и Муха)* любовь Пчелы къ своему невидному труду обнимаетъ и родину, которой посвященъ этотъ трудъ. Поэтому-то и не легко Пчелѣ разлучиться съ родиною, между тѣмъ какъ тунеядствующія на родинѣ Мухи не могутъ и полюбить ея: для нихъ родина тамъ, гдѣ имъ привольнѣе тунеядничать.

Ручей *(Водопадъ и Ручей)* также типъ труда, направленнаго не къ славѣ, а къ пользѣ людямъ. Счастливый принесеніемъ этой пользы, какъ совершенно естественнымъ для него дѣломъ, Ручей

и не думаетъ хвастаться своимъ трудомъ, и въ отвѣтъ на надменный вопросъ Водопада: *„Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?“* — смиренно журчитъ одно простое слово: *„лѣчиться!“* (Искусный докторъ, не хлопочащій объ извѣстности, но привлекающій множество больныхъ искуснымъ и добросовѣстнымъ примѣненіемъ своихъ знаній).

Наслажденіе полезнымъ трудомъ одно можетъ поддерживать человѣка въ постоянно-трудовой жизни. Никогда не перестаетъ течь неутомимая Рѣка (*Прудъ и Рѣка*); благодаря постоянному движенію, воды ея всегда чисты и разлились на огромное пространство. Ставъ изъ маленькой рѣчки большой рѣкой, она носитъ *„то съ грузомъ тяжкія суда, то длинные плоты, не говоря уже про лодки, челноки: имъ счету нѣтъ!“* Но для Пруда: *„это, право, все пустое“*. *„Лежа въ нѣгѣ и покоѣ, какъ барыня въ пуховикахъ, въ своихъ илистыхъ и мягкихъ берегахъ“*, онъ хвастается передъ Рѣкой своей беззаботной жизнью, лучше которой и вообразить себѣ ничего не можетъ. *Не движась*, онъ насмѣшливо посматриваетъ изъ своей тины на трудовую жизнь Рѣки—эту, по его мнѣнію, *суету мірскую*—и, *„философствуя сквозь сонъ“*, не замѣчаетъ того, что годъ отъ году самъ все глохнетъ, да глохнетъ, заволакивается глубокой тиной, заростаетъ осокой и, наконецъ, засыхаетъ. (Дополненіемъ къ баснѣ можетъ служить помѣщенный въ 1-й части Христоматіи Филонова отрывокъ: *Идеалы Обломова, Гончарова*).

Люди, олицетворяемые въ образахъ Пчелы, Ручья и Рѣки, наслаждаются еще и видомъ того довольства, которое разливается ихъ трудомъ. Старикъ же (*Старикъ и Трое Молодыхъ*), сажая деревцо, не можетъ даже надѣяться дожить до того времени, когда дерево выростетъ и дастъ плоды. На краю гроба начинаетъ онъ дѣло, которое дастъ плодъ только въ далекомъ будущемъ, когда его самого не будетъ уже на свѣтѣ. Но, съ дѣтства привыкшій къ труду, Старикъ, какъ ни дряхлъ, не хочетъ сложить руки, и тѣмъ охотнѣе берется за дѣло, что ждетъ отъ него пользы существу, ему дорогому: *„Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь, что если отъ него самъ тѣни не дождусь, то внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится,—и это для меня ужъ плодъ“*. (Остальную часть басни можно и опустить *).

*) Разсмотрѣвъ приведенныя басни о трудѣ, полезно съ дѣтьми болѣе взрослыми прочитать изъ *Сочиненій К. Д. Ушинскаго* небольшую прекрасную статью *Трудъ*. В. О.

Пусть же это полное любви отношеніе Старика къ будущему молодому поколѣнью согрѣетъ сердца дѣтей хоть простою благодарностью, и они уже станутъ нравственнѣе. Кому дорога эта цѣль, тотъ, навѣрное, не безъ пользы развернетъ передъ дѣтьми перечисленные нами типы: тутъ нужно не столько искусства, не столько ума, сколько сердечной теплоты.

IV. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ *).

(Род. 26 мая 1799 г. † 29 января 1837 г.).

Изученіе съ дѣтьми этого, вмѣстѣ съ Гоголемъ, величайшаго изъ нашихъ поэтовъ считаемъ мы особенно благотворнымъ. Не одинъ языкъ, доступный дѣтскому пониманію, не одна ясность образовъ и гармонія стиха имѣютъ здѣсь значеніе воспитательно-образовательное. Въ сочиненіяхъ Пушкина есть другое, особенно важное и рѣдкое достоинство: онъ *„будетъ долго любезенъ тѣмъ, что пробуждалъ въ людяхъ своей лирой добрыя чувства“*. Чтобы онъ ни описывалъ, о чемъ бы ни говорилъ, въ его словахъ видится любовь къ природѣ, людямъ и жизни. Это гуманное отно-

*) Совершившееся 26-го мая 1899 г. столѣтіе со дня рожденія величайшаго нашего поэта, торжественно отпразднованное, преимущественно въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ, по всей Россіи, вызвало множество всякихъ изданій Пушкина и статей о немъ. Изъ нихъ позволяемъ себѣ указать на слѣдующія, принадлежащія автору этой книги.

1) *Изданіе СПБ. Городской Думы въ память столѣтней годовщины рожденія великаго русскаго поэта. А. С. Пушкинъ. Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города СПБ-урга 30 мая 1899 г. съ портретами поэта и иллюстраціями. По порученію городской Коммиссіи по народному образованію составилъ В. П. Острогорскій. Это изданіе, розданное Думой безплатно въ количествѣ 10000 экземпляровъ,* повторено, съ разрѣшенія Думы, составителемъ въ 1901 г. со всѣми иллюстраціями (до 23-хъ), въ томъ же форматѣ и объемѣ (LII+411 стр.), но съ другимъ заглавіемъ: *Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ.* (Содержаніе слѣдующее: Къ читателямъ, А. С. Пушкинъ (біографія). Отдѣлъ первый—Преданье старины глубокой. Сказочная Русь. II. Дѣла давно минувшихъ дней съ отдѣльными вступительными статьями составителя. Древнерусскій князь, о грозномъ царѣ и Борисѣ Годуновѣ. III. Россія съ Петра Великаго. Вѣкъ Петра Великаго. IV. Вѣкъ Екатерины Великой. V. Девятнадцатый вѣкъ. Отечественная война. VI. Русская природа и

шеніе къ дѣйствительности, можетъ быть, иногда и ускользающее отъ нашего вниманія при изученіи того или другого стихотворенія въ отдѣльности, становится яснымъ всякому, кто вчитается въ его сочиненія, столь разнообразныя по содержанію. Эта *гуманность* Пушкина въ самомъ широкомъ значеніи этого слова должна быть почувствована и дѣтьми, и народомъ, и играть роль въ образованіи души ихъ очень важную.

Для ознакомленія дѣтей съ жизнью Пушкина рекомендуемъ прекрасную книжку неизвѣстнаго автора „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія". Изданіе 4-е. Спб. Написанная простымъ языкомъ, она очень искусно выясняетъ значеніе словъ: „поэтъ, литераторъ, литература", и живо представляетъ личность самого поэта. Разсказавъ о жизни Пушкина, слѣдуетъ разсказать и о торжествахъ при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, что можно сдѣлать по книжкѣ *Вѣнокъ на памятникъ Пушкину.*

Всѣ сочиненія Пушкина, пригодныя для занятія съ дѣтьми, а также, отчасти, и для народа, раздѣлили мы по содержанію на три слѣдующія группы:

а) *Біографическія*, т.-е. имѣющія ближайшее отношеніе къ жизни и личности автора; къ нимъ присоединили бы мы и тѣ

жизнь. Природа. Помѣщичья жизнь. Крестьянская жизнь. VII. Петербургъ, Москва и Южная Россія и VIII. Вѣнокъ изъ поэзіи Пушкина). ц. 1 р. 25 к. (Стихи біографическаго характера вошли въ біографію).

2) *Пушкинъ въ народной школѣ*. Статья въ журналѣ Д. И. Тихомирова Педагогическій Листокъ 1899 г., книжка 4-я.

3) *Пушкинъ—наставникъ русскаго юношества*, въ Московскомъ журналѣ Вѣстникъ воспитанія 1899 г. книжка 4-я (опытъ разсмотрѣнія поэта съ педагогической стороны въ школѣ вообще и о необходимости его распространенія также путемъ художественныхъ и музыкальныхъ иллюстрацій).

4) *Альбомъ „Пушкинскій Уголокъ" составилъ В. П. Острогорскій съ иллюстраціями Академика живописи В. М. Максимова, лучшими портретами поэта* (9 портретовъ, кромѣ того портретъ жены Пушкина и родителей) *и его автографами. Изданіе художественной фототипіи К. А. Фишера.* Москва, Кузнецкій мостъ, д. И. Ц. 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к. (Личныя воспоминанія автора о Святогорскомъ монастырѣ, селѣ Михайловскомъ, Тригорскомъ и селѣ Голубовомъ, посѣщенныхъ имъ вмѣстѣ съ художникомъ лѣтомъ 1898 г.; сводъ біографическаго матерьяла, относящагося до пребыванія Пушкина въ разное время въ Псковской губерніи).

В. О.

картины русской природы, которыя съ такой живостью и простотой нарисованы Пушкинымъ.

б) *Историческія*, къ которымъ мы относимъ и нѣкоторыя такъ сказать, энтографическія картины.

в) *Разныя сочиненія*, такъ или иначе, интересныя и доступныя дѣтямъ.

а) *Біографическія.*

Здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ пьесы, въ которыхъ рисуется отношеніе поэта къ его нянѣ. Въ стихотвореніи „*Подруга дней моихъ суровыхъ*" она ждетъ не дождется своего питомца, уже взрослаго, прославленнаго на всю Россію поэта. Въ пьесѣ „*Наперстница волшебной старины*" (первая половина до словъ: „Младенчество прошло, какъ легкій сонъ"...) эта же няня—его первая любящая собесѣдница—его ранняя муза. Въ пьесѣ „*Сонъ*", отъ словъ „Я самъ не радъ болтливости своей" до стиха „Другой антикъ, прабабушкинъ чепецъ", няня ночью разсказываетъ ему сказки. Въ „*Зимнемъ вечерѣ*" эту же *добрую* старушку проситъ поэтъ спѣть „*пѣсню, какъ синица тихо за моремъ жила*" и, наконецъ, въ стихотвореніи „*Опять на родинѣ*" (*Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли*) ее же, уже умершую, вспоминаетъ, видя передъ собой „*смиренный домикъ, гдѣ жилъ онъ съ бѣдной няней своей*" *).

Отъ послѣдняго стихотворенія очень удобенъ переходъ къ тѣмъ стихотвореніямъ Пушкина, которыя рисуютъ намъ его отношеніе къ деревнямъ, гдѣ онъ жилъ, къ природѣ вообще, и его деревенскія занятія. Въ „*Отрывкахъ изъ посланія къ Ю.*" (отъ словъ: „*О, если бы когда-нибудь*" до словъ: „*Вотъ здѣсь, но быстро привидѣнье*"...) ему еще въ Лицеѣ представляется въ воображеніи родное подмосковное сельцо Захарово, съ заборами, мостомъ, рѣкой и рощей, гдѣ авторъ еще ребенкомъ поливаетъ свои любимые цвѣты, читаетъ подъ дубомъ у ручья до полудня, обѣдаетъ вмѣстѣ съ своей семьей и, наконецъ, вечеромъ мечтаетъ у камина, набрасываетъ на бумагу свои первые дѣтскіе стихи, которые со-

*) Какъ очень важное пособіе для воспитателя, особенно рекомендуемъ изданіе Льва Поливанова *для семьи и школы: Соч. А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ Москва 1887 г.*, четыре тома; каждое стихотвореніе обставлено указаніями обстоятельствъ, при которыхъ оно написано, лицъ, къ которымъ относится, и т. п. *В. О.*

жигаетъ тутъ же, какъ слабые опыты. Въ 1819 году, пріѣхавъ въ сельцо Михайловское, онъ привѣтствуетъ „этотъ пустынный уголокъ, пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья“ пьесой „*Уединеніе*“ (Деревня) (до словъ „Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденный“). Въ томъ же году поэтъ шутливо обращается къ домовому („*Домовому*“) съ просьбой хранить его село, лѣсъ, садикъ и скромную обитель его семьи, послать въ пору дождь и снѣгъ на поля, хранить и любить огородъ съ ветхою калиткой и луга, „по которымъ авторъ бродилъ“. Въ 1820 году мы находимъ Пушкина уже на югѣ Россіи, и другія картины, согрѣтыя тѣмъ же теплымъ чувствомъ, рисуются въ стихотвореніи „*Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда*“ — скалы, заливъ, звѣзда вечерняя на ясномъ южномъ небѣ... тополи... миртъ... кипарисъ... И эта картина опять-таки связана съ мыслями о будущихъ сочиненіяхъ поэта. Та же любовь къ природѣ видится въ пьесѣ „*Примѣты*“, въ которой Пушкинъ останавливается на наблюдательности простого мужика. Оторванный отъ родины на другой конецъ Россіи, Бессарабіи, поэтъ „*свято наблюдаетъ въ чужбинѣ родной обычай старины* (*Птичка*), и въ праздникъ Благовѣщенія выпускаетъ на волю птичку, радуясь, что могъ даровать свободу хоть одному творенію. Въ 1824 г., прощаясь съ Чернымъ моремъ (*Къ морю*), какъ съ другомъ, онъ вспоминаетъ, „*какъ часто по его берегамъ бродилъ онъ тихій и туманный, завѣтнымъ умысломъ томимъ, какъ онъ любилъ его отзывы, глухіе звуки, бездны гласъ и тишину въ вечерній часъ и своенравные порывы*;—вспоминаетъ, какъ хотѣлось ему путешествовать, и какъ не удалось исполнить своего желанія. Такимъ образомъ, море дорого поэту по отношенію къ его мыслямъ и желаніямъ, и горячимъ чувствомъ звучатъ эти послѣднія прощальныя слова: „*Прощай же, море! Не забуду твоей торжественной красы, и долго, долго слышать буду твой гулъ въ вечерніе часы. Въ лѣса, въ пустыни молчаливы, перенесу, тобою полнъ, твои скалы, твои заливы, и блескъ, и шумъ, и говоръ волнъ!*“ Въ 1824—1826 годахъ, которые провелъ онъ въ селѣ Михайловскомъ, деревенскія картины снова останавливаютъ вниманіе поэта. „*Въ Евгеніи Онѣгинѣ*“ находимъ прекрасное описаніе *осени и перваго снѣга* (Онѣгинъ, глава 4, строфы XL, XLI и XLII), *Зимы* (Глава 5, строфы I и II), *Весны* (Глава 7, стр. I), а въ стихотвореніи *Зимняя дорога* (до словъ: Скучно,

грустно... Завтра, Нина) автору среди *печальныхъ полянъ, глуши и снѣга слышится что-то родное въ долгихъ пѣсняхъ ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска...*

Въ 1829 году снова находимъ Пушкина на югѣ. Кавказская природа порождаетъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній (*Кавказъ, Монастырь на Казбекѣ, Обвалъ*). А зимой этого же года снова рисуетъ поэтъ русскія деревенскія картины. Изъ стихотворенія *„Зима... Что дѣлать намъ въ деревнѣ“* знакомимся съ тѣмъ, какъ проводилъ авторъ день: охота, скучный вечеръ, пустой разговоръ, хмурая хозяйка, игра въ шашки, неожиданный пріѣздъ гостей, смѣхъ, веселые разговоры, пѣсни... (до словъ: *И взоры томные, и вѣтряныя рѣчи*). Въ маленькой пьескѣ *„Зимнее утро“* такъ и видишь этотъ *„морозъ и солнце, день чудесный, этотъ снѣгъ, блестящій на солнцѣ, этотъ прозрачный, чернѣющій лѣсъ, зеленѣющую сквозь иней ель, рѣчку, блестящую подъ льдомъ, янтарный блескъ комнаты, веселый трескъ затопленной печи,—и такъ и хочется запречь въ санки бурую кобылу, и, предавшись бѣгу нетерпѣливаго коня, навѣстить пустыя поля, такъ еще недавно густые лѣса и берегъ“*.

Еще полнѣе знакомимся съ время-провожденіемъ Пушкина и его симпатіями къ русской деревенской природѣ изъ стихотворенія *„Осень* (*Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ...*), написаннаго въ 1830 г. въ его Нижегородской деревнѣ Болдино. Осень какъ-то особенно хорошо дѣйствовала на литературную производительность автора, и онъ прямо отзывается о ней, какъ о самомъ пріятномъ времени года. За исключеніемъ послѣднихъ строкъ и четырехъ строкъ второй и послѣдней строфы, эта пьеса очень проста и доступна дѣтямъ, которымъ, какъ намъ кажется, очень важно дать почувствовать, какъ любилъ и лелѣялъ въ душѣ авторъ свои поэтическіе замыслы (строфы X и XI). Эта любовь къ своимъ созданіямъ еще ярче выражается въ небольшомъ стихотвореніи, написанномъ по окончаніи самаго любимаго произведенія Пушкина—Евгеній Онѣгинъ, *Трудъ*, въ которомъ авторъ съ грустью разстается съ работой *„молчаливымъ спутникомъ ночи, зари* (*Авроры*) *и родного дома* (*Пенаты*)“.

Любя природу, занятія искусствомъ, Пушкинъ отличается и любовью къ товарищамъ по воспитанію, друзьямъ своей юности, о которыхъ до послѣднихъ дней сохраняетъ самое живое воспоми-

ніе *). Въ пьесѣ *„Къ товарищамъ передъ выпускомъ“* (1817), обращаясь къ нимъ съ напоминаніемъ, что уже *„недолго, милые друзья, намъ видѣть кровъ уединенный и царскосельскія поля“*, каждому предоставляетъ онъ особое будущее, согласное съ наклонностями каждаго: кому, *„спрятавъ подъ киверъ умъ“*, быть военнымъ, кому *„любящему не честь, а почести“*, добиваться *„милости у вельможъ“*, а себѣ, *„вѣрному сыну счастливой нѣги“*, оставляетъ свободу жить по своей волѣ, предаваясь вдохновенію. Время, проведенное Пушкинымъ въ Лицеѣ, для него дорого. Тамъ развился его поэтическій талантъ, въ Лицеѣ онъ встрѣтилъ друзей, особенно Дельвига, котораго всегда очень любилъ и уважалъ. Воспитанники, удаленные отъ столицы, принужденные довольствоваться собственнымъ обществомъ, свыклись между собою и на всю жизнь остались людьми близкими другъ-другу. Хотя занятія науки шли тамъ и плохо, но зато ученики много читали, разсказывали другъ-другу прочитанное, пробовали сами писать стихи, устраивали спектакли и литературныя бесѣды, издавали даже рукописные журналы, прочитываемые въ кругу товарищей—словомъ, какъ нельзя болѣе становятся понятными намъ эти строки, написанныя *„Въ альбомъ И. И. Пущину“*.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
    Исписанный когда-то мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
    Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
    Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
    Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было, и не будетъ вновь...

Съ теплымъ чувствомъ разстается поэтъ съ своими друзьями, изъ которыхъ къ одному, поэту Кюхельбекеру (*Разлука*), въ день выпуска 17-го іюня 1817 г., обращаетъ привѣтливое напутственное слово:

---

*) Для знакомства съ ученическими годами Пушкина съ Лицеемъ и отношеніями къ товарищамъ см. книги В. П. Авенаріуса: *„Отроческіе годы Пушкина“*, Спб., изд. 3-е, иллюстрированное, ц. 1 р. 25 к.; и *„Юношескіе годы Пушкина“*, изд. 2-е, ц. 1 р. 75 к. *В. О.*

„Прости, гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ-ли смертной битвы,
„При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
„И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)
„Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Черезъ четыре года по выпускѣ (1821), обращаясь къ своей чернильницѣ (*Къ моей чернильницѣ*), поэтъ благодаритъ ее за то что она *украсила собой его однообразную жизнь* и давала „*перу концы стиховъ и вѣрность выраженія*“, что чернилъ ея онъ *не разводилъ ни тайной злости пѣной, ни ядомъ клеветы* и что она *не замарала простоты сердца ни местью, ни измѣной*“. Эта же чернильница наводитъ его на мысль написать письма къ друзьямъ, которые ждутъ, не дождутся отъ него вѣсти о томъ, какъ онъ поживаетъ, и что дѣлаетъ. Одному изъ нихъ, своему милому Чаадаеву, онъ и завѣщаетъ ее въ воспоминаніе о поэтѣ, когда его, Пушкина, не будетъ уже въ живыхъ. Въ чужой странѣ, въ день основанія Лицея, *19 октября 1825 г.*, поэтъ, сидя одинъ передъ каминомъ, онъ обращается съ привѣтомъ къ дальнимъ товарищамъ; воображаетъ, какъ они сошлись въ этотъ день, по обычаю, всѣ вмѣстѣ, поговорить о прошедшей лицейской жизни. Поэту грустно пить за Лицей одному: ему приходитъ въ голову, что кого-нибудь изъ товарищей уже нѣтъ и къ живыхъ, но онъ гонитъ отъ себя эту мысль, и желаетъ, чтобы тотъ, кому, можетъ быть—одному придется пережить всѣхъ, провелъ этотъ день, вспоминая объ умершихъ товарищахъ *).

19 октября 1831 г. опять заставило Пушкина обратиться къ товарищамъ. Ихъ становится все меньше и меньше: кто поразъѣхались, кто умеръ. Много утекло воды за двадцать лѣтъ отъ основанія Лицея: Императоръ Александръ умеръ, Москва была сожжена, Греція освободилась отъ власти турокъ, прежніе мальчики—уже взрослые, солидные люди; наконецъ, умеръ лучшій другъ Пушкина, его милый Дельвигъ. Все это настраиваетъ поэта на грустный тонъ, и наводитъ на мысль и о его собственной смерти. Къ концу жизни Пушкинъ, какъ будто, ее предчувствовалъ. Въ 1836 г., за три мѣсяца до своей кончины, онъ, по обыкновенію, написалъ товарищамъ стихи на *19 октября*, которые,

*) Изъ этого большого стихотворенія могутъ быть выбраны нѣсколько лучшихъ строфъ, напр.: I, II, VI, VII, XI, XXIV и XXV.

однако, не успѣлъ кончить. Извинившись на обѣдѣ передъ обществомъ въ томъ, что прочтетъ неоконченную пьесу, онъ, помолчавъ немного, вынулъ листъ бумаги и началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался. .

Но голосъ его задрожалъ, и слезы показались на глазахъ при этихъ словахъ. Онъ положилъ бумагу на столъ, ушелъ въ уголъ комнаты, и долго сидѣлъ тамъ молча. Другой товарищъ прочелъ его послѣднюю *Лицейскую годовщину,* — одно изъ лучшихъ произведеній по простотѣ и теплотѣ чувства къ товарищамъ.

Грустное настроеніе, почти не покидавшее поэта въ послѣдніе годы его жизни, отражается и въ другихъ лирическихъ пьесахъ, изъ коихъ съ нѣкоторыми очень желательно познакомить дѣтей. Сквозь эту грусть свѣтится такая любовь къ жизни и ко всему молодому, еще имѣющему будущее, что этого рода пьесы мы считаемъ глубоко образовательными. Таковы *Стансы* (*Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*): поэтъ желаетъ *„почивать ближе къ милому предѣлу“*, такъ, чтобы у *гробоваго входа играла молодая жизнь*, и *сіяла вѣчною красотой равнодушная природа*; такова элегія *„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“*, заканчивающаяся надеждой, что, можетъ быть, хоть конецъ его жизни принесетъ ему счастье и радости; такова, наконецъ, вторая половина стихотворенія *„Опять на родинѣ“*, гдѣ поэтъ, въ лицѣ молодыхъ сосенъ, привѣтствуетъ *племя младое, незнакомое*, котораго *могучій поздній возрастъ* ему уже не удастся увидѣть. Любовь къ людямъ, къ природѣ, къ жизни, вѣра въ нее—вотъ какія струны Пушкинской поэзіи должны найти отклпкъ въ душѣ дѣтей, которымъ поэтъ какъ будто завѣщалъ въ память о себѣ слѣдующее стихотвореніе:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись,
День, веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что прошло, то будетъ мило *).

*) Къ стихотвореніямъ подобнаго же рода относятся и двѣ піесы, указанныя неизвѣстнымъ авторомъ книжки для юношества „А. Серг. Пушкинъ“: 1) *Коварность* и 2) *Что въ имени тебѣ моемъ?*

b) *Историческія.*

Наша древняя русская жизнь, хотя и интересовала Пушкина, очень внимательно изучавшаго лѣтописи и исторію Карамзина, въ его время самую полную и единственную по богатству фактовъ, однако, результатами этого изученія были только *Борисъ Годуновъ, Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ,* да *Русалка*... Послѣдняя, да и самый *Борисъ Годуновъ,* въ цѣломъ не доступны дѣтскому пониманію *). Зато *Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ* и *Сцена въ Чудовомъ монастырѣ* въ рукахъ искуснаго воспитателя, особенно, умѣющаго хорошо прочитать эти произведенія — богатѣйшая иллюстрація эпохи древне-княжеской Руси и Руси Московской, для дѣтей, уже нѣсколько знакомыхъ съ исторіей Россіи, хотя бы по *Разсказамъ про старое время,* Петрушевскаго, *Разсказамъ изъ русской исторіи,* Павловича, *Разсказамъ* Водовозова или „*Родной старинѣ*", Сиповскаго. Въ первой пьесѣ и князь, мстящій Хозарамъ за набѣги огнемъ и мечомъ, храбрый на войнѣ и трусъ передъ судьбой, и кудесникъ, съ своею важною ролью въ невѣжественномъ обществѣ, и дружины, и пиры, и битвы; во второй — и древне-русскій грамотникъ, мужъ книжный, затворившійся отъ міра въ свою келью, литераторъ-монахъ съ своимъ религіознымъ объясненіемъ событій и интересами, и царь, вѣчно молящійся Богу, едва не обратившій всего государства въ монастырь—все это нарисовано Пушкинымъ такъ искусно, что даже изъ этихъ двухъ пьесъ можно научить очень многому. (*Пѣснь объ Олегѣ* — разобрана Стоюнинымъ въ книгѣ *О преподаваніи литературы* *).

Гораздо болѣе древней русской исторіи интересовала Пушкина судьба Руси новой, быстро развившейся въ своей государственной жизни съ Петра Великаго. Самъ воспитавшійся на европейскихъ писателяхъ, Пушкинъ не могъ остаться равнодушнымъ къ великой личности преобразователя, и этотъ „*Шкиперъ славный, кѣмъ наша двинулась земля, кто придалъ мощно бѣгъ державный кормѣ родного корабля*",—самое любимое русское историческое лицо нашего поэта. Видимо благоговѣя передъ Петромъ, онъ бралъ его почти только съ *одной, идеальной* стороны, какъ бойца за нашу территорію, со всѣхъ сторонъ тѣснимую врагами, и какъ создателя Пе-

*) *Русалка,* и многія сцены изъ *Бориса Годунова* могутъ составить предметъ народнаго чтенія; особенно первая.

тербурга—центра новаго русско-европейскаго просвѣщенія. Еслибъ Пушкинъ прожилъ долѣе, судя по „*Пиру Петра Великаго*" и повѣсти „*Арабъ П. В.*", онъ показалъ бы намъ Петра въ его домашней, частной, жизни, но пока Петръ рисуется у Пушкина почти только съ одной стороны—*героической*. Хотя знакомство дѣтей и народа съ Петромъ Великимъ по Пушкину, можетъ быть, и одностороннее, но, полагая, что уваженіе къ великимъ людямъ вообще, а героямъ своей родины въ особенности, должно быть непремѣнно поселено въ человѣкѣ, считаемъ нужнымъ прочитать тѣ отрывки изъ *Полтавы*, въ которыхъ является Петръ, и *Мѣднаго Всадника*. По этимъ произведеніямъ, вмѣстѣ съ повѣстью *Арабъ Петра Великаго* и „*Пиромъ*", образъ можетъ составиться довольно цѣльный *).

Любовь къ просвѣщенію, какъ основанію блага родины, подсказываетъ Пушкину и извѣстное четверостишіе „*Отрокъ*", которое можно прочитать съ дѣтьми, уже знакомыми съ жизнью Ломоносова **).

Послѣ этихъ произведеній можно прочитать (съ небольшими выпусками) и *Капитанскую дочку*. Не говоря уже о личности Пугачева, который вѣрно представленъ исторически, легко ознакомить по этой повѣсти съ воспитаніемъ дворянскихъ дѣтей, жизнью нашихъ старинныхъ отдаленныхъ крѣпостей (типы капитана и капитанши, Ивана Кузьмича), наивнымъ военнымъ совѣтомъ и личностію стараго крѣпостного дядьки, Савельича. Къ этой повѣсти какъ бы дополненіемъ служитъ *Дубровскій* (съ пропусками), какъ картина старинныхъ помѣщичьихъ нравовъ, и отрывки изъ *Лѣтописи села Горохина* (печальное положеніе крестьянъ).

Переходя, по Пушкину, ко времени, когда жилъ авторъ самъ, нельзя не остановить вниманія дѣтей и народа на двѣнадцатомъ годѣ, имѣвшемъ для Россіи такое важное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Ознакомивъ, хотя въ устномъ разсказѣ съ личностью Наполеона, походомъ его на Россію, съ личностями Кутузова и

---

*) Для болѣе полнаго ознакомленія съ Петромъ, позволяемъ себѣ указать на книжку Водовозова „О томъ, какъ сталъ Петербургъ. Жизнь Петра Великаго"; также „Разсказы о Петрѣ Великомъ", В. Сорокина.

**) См. К. Полевого, *М. В. Ломоносовъ*, изд. Суворина и „Сынъ рыбака М. В. Ломоносовъ", Фурмана.

Барклая-де-Толли, можно перейти и къ стихотворенію Пушкина „*Наполеонъ*". Ода эта была напечатана съ пропусками — отсюда недоумѣніе Бѣлинскаго; Поливановъ справедливо совѣтуетъ читать ее въ сокращеніи: строфы: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13 и 15. Здѣсь важно дать почувствовать, что именно поражало поэта въ этомъ человѣкѣ (сила, геній, но обращенный на разрушеніе, страхъ, который внушалъ онъ цѣлой Европѣ), что побудило его написать эту пьесу (быстрое и неожиданное паденіе героя), и, наконецъ, то гуманное отношеніе къ падшему врагу, которое такъ великолѣпно заключаетъ стихотвореніе *). Благоговѣйное воспоминаніе о великой годинѣ, стоившей Россіи столько крови, вызываемое видомъ гробницы въ Казанскомъ Соборѣ, побуждаетъ поэта написать нѣсколько вдохновенныхъ строфъ тому, кто спасъ его родину въ критическую минуту — Кутузову (*Передъ гробницею святой*, только первыя три строфы). Но уваженіе къ одному герою двѣнадцатаго года, всѣми признанному и почтенному, не исключаетъ въ авторѣ уваженія и къ тому, кто, всѣми забытый и такъ жестоко оскорбленный при жизни, руководствовался тѣми же замыслами, какъ и Кутузовъ, но которому не дали привести ихъ въ исполненіе. Портретъ Барклая-де-Толли, написанный извѣстнымъ живописцемъ Доу, придавшимъ лицу героя выраженіе глубокой грусти, наводитъ Пушкина на прекрасное стихотвореніе *Полководецъ*, полное горячаго участія къ этому человѣку, „*чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье*" **).

Къ этому же отдѣлу произведеній Пушкина относимъ и прекрасный отрывокъ изъ *Кавказскаго Плѣнника* (со словъ „*Но Европейца все вниманье народъ сей чудный привлекалъ...*" до „*Но русскій равнодушно зрѣлъ...*"), знакомящій съ жизнью *Горцевъ*, съ которыми такъ долго боролась Россія, и *Черкесскую пѣсню* изъ этой же поэмы (со словъ: „*Утихъ аулъ...*"). Какъ бы въ дополненіе къ этимъ отрывкамъ можно прочитать *Галуба*, повѣсть, гдѣ, кромѣ картинъ восточныхъ похоронъ и пира, слѣдуетъ остано-

---

*) Оговариваемся, что такая пьеса, какъ „*Наполеонъ*", конечно, доступна уже дѣтямъ довольно развитымъ и привыкшимъ къ поэтическому языку.

**) См. книжки „*Двѣнадцатый годъ*", Шалфеева, *Разсказы старушки о двѣнадцатомъ годѣ*", Толычевой и отрывки изъ *Войны и мира* Графа Л. Толстого.

виться на симпатичной личности мальчика, вслѣдствіе своего воспитанія ставшаго неспособнымъ къ убійству человѣка изъ-за добычи и мести *). Отъ этихъ повѣстей, навѣянныхъ жизнью на Кавказѣ, можно перейти къ изображенію жизни другого полудикаго племени *Цыганъ*. (Начало поэмы *Цыгане*, до словъ: „*Въ шатрѣ одномъ...*"), въ которыхъ, при всей ихъ грубости и дикости, нашлось достаточно человѣчности, чтобы полюбить сосланнаго поэта Овидія за его пѣсни, доброту и кротость. Этотъ отрывокъ (*Цыгане* со словъ: „*Межъ нами есть одно преданье...*", до словъ: „*Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ*") блестящимъ образомъ заключаетъ вторую группу сочиненій Пушкина, которая, какъ и первая, рисуетъ гуманное отношеніе автора къ лицамъ, событіямъ и народамъ.

c) *Разныя сочиненія.*

Не укладываясь въ группу, остальныя сочиненія Пушкина, пригодныя для чтенія съ дѣтьми и народомъ, тѣмъ не менѣе, каждое въ отдѣльности, представляютъ живой и интересный матеріалъ. Таковы: *Утопленникъ*, *Бѣсы*, *Сказка о Рыбакѣ и Рыбкѣ*, *О купцѣ Остолопѣ и Балдѣ*, *О мертвой царевнѣ*, *О царѣ Салтанѣ*, и *О золотомъ пѣтушкѣ*; *Пѣсня дѣвушекъ* изъ *Евгенія Онѣгина* (глава III, строфа XXXIX), смѣшной анекдотъ *Гробовщикъ*, и, поражающее яркостью образа и гуманнымъ отношеніемъ къ умирающему рабу, стихотвореніе *Анчаръ*. Къ этому же разряду причисляемъ пѣсню изъ *Пира во время чумы*. „*Было время, процвѣтала...*" первые два *куплета*, а для болѣе взрослыхъ дѣтей и обѣ пѣсни **).

---

*) Для ознакомленія дѣтей и народа съ Кавказомъ, съ которымъ встрѣтятся читатели у Лермонтова и Толстого, какъ матеріалъ для бесѣды или самостоятельнаго чтенія, укажемъ: 1) *Русскія горы и Кавказскіе горцы*, С. Максимова. Спб. 1873, ц. 9 к.; 2) *Закавказскій край*, Барона Гаксгаузена 2 ч., Спб., 1857; 3) *Кавказскія плѣнницы или плѣнъ у Шамиля*, Вердеревскаго. Москва, 1857; 4) *Завоеваніе Кавказа*, М. Острогорскаго. Спб., 1874, ц. 10 к. и 5) *Очеркъ Кавказской войны*, Вишнякова, Спб., 1872, ц. 25 к.

**) Неизвѣстный авторъ книжки *Ал. Сер. Пушкинъ* рекомендуетъ юношеству еще слѣдующія пьесы: *Возрожденіе*, *Муза*, *Пророкъ*, *Стансы* (Въ надеждѣ славы и добра...) *Поэтъ*, *Поэту*, *Мадонна*, *Царскосельская*

Вотъ, что, по нашему мнѣнію, прежде всего должно быть прочитано дѣтьми и народомъ изъ сочиненій нашего величайшаго поэта. Мы не указали на пѣсни западныхъ славянъ, такъ какъ истиннаго понятія о славянскихъ пѣсняхъ переводъ съ французской передѣлки не даетъ. Изъ этихъ пѣсенъ рекомендовали бы мы только развѣ одну—*Конь* (Что ты ржешь...).

Въ заключеніе не можемъ не указать для *народнаго* чтенія еще слѣдующихъ превосходныхъ вещей: *Гусаръ,* балладу *Женихъ* и два перевода изъ Мицкевича *Воевода и Будрысъ и его сыновья;* сюда же можно отнести *Русланъ и Людмила, повѣсти Бѣлкина, Дубровскій и Бакчисарайскій Фонтанъ.*

V. Дмитрій Владиміровичъ Беневитиновъ.

(Род. 14 сент. 1805 † 15 марта 1827 г.).

Другъ Пушкина, Дельвига и Козлова, воспитанникъ Московскаго университета и ученикъ Мерзлякова, этотъ поэтъ, получившій прекрасное домашнее образованіе, проживъ на свѣтѣ всего не полныхъ двадцать два года, успѣлъ обнаружить дарованіе весьма крупное и ярко выдѣляется между поэтами Пушкинской плеяды какъ талантомъ, такъ и въ высшей степени симпатичной личностью. Еще за недѣлю до смерти, сознавая высокое значеніе поэтовъ для человѣчества, онъ пишетъ послѣднее свое произведеніе.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй:
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арѳѣ слухъ ввѣряй.
Немного истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Неожиданная смерть юноши, послѣдовавшая отъ страшнаго тифа, какъ громомъ, поразила Пушкина, говорившаго друзьямъ покойнаго: *„Какъ допустили вы его умереть?"* *Душа разры-*

статуя, Памятникъ, прекрасное *Описаніе дуэли* изъ *„Евгенія Онѣгина"* (глава VI, строфы XXX, XXXI, XXXII, XXXVI и XXXVII) *и Въѣздъ въ Москву* (Евгеній Онѣгинъ, глава VII, строфы XXXV, XXXVII, XXXVIII и XXXIX до словъ: *Къ старой теткѣ...*).

вается, писалъ князь Одоевскій: — *я плачу какъ ребенокъ*", а старый поэтъ Дмитріевъ почтилъ Веневитинова эпитафіей:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской,
Надъ нею роза дышетъ;
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ.

На могильной плитѣ поэта, похороненнаго въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, вырѣзанъ его собственный стихъ:

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ.

Точно предчувствуя свою раннюю кончину, въ одномъ изъ стихотвореній Веневитиновъ говоритъ:

Теперь гонись за жизнью дивной,
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай.

Пѣсенъ этихъ очень немного, но изъ нихъ найдется нѣсколько очень теплыхъ и простыхъ по содержанію, съ которыми слѣдовало бы познакомить юношество. Таковы *Вѣточка* (изъ Грессе)— сравненіе оторванной вѣтромъ вѣтки, плывущей по рѣкѣ, съ человѣческою жизнью; *Къ друзьямъ на новый годъ*—совѣтъ забыть старыя печали, но помнить ясные дни, старыхъ искреннихъ друзей, любить шутки, пѣсни и мирныя занятія наукой; *Моя молитва* о томъ, чтобы Богъ всегда хранилъ въ душѣ поэта возвышенныя чувства; *Къ любителю музыки*—поэтъ, возмущенный притворными восторгами пустыхъ дилетантовъ, указываетъ на высокое значеніе музыки, какъ святого искусства, поселяющаго въ сердцѣ любовь къ людямъ и жизни; наконецъ, трогательная пьеска *Утѣшеніе*: — авторъ твердо вѣритъ, что искры благородныхъ страстей даются душѣ не даромъ, и что сильное слово, вырвавшееся изъ груди, хотя бы и случайно, часто зажигаетъ другую грудь: „*въ нее, какъ искра упадетъ, а въ ней пробудится пожаромъ*".

VI. Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.

(Род. 19 февраля 1800 г. † 29 іюня 1844 г.).

Исключеніе за какую то шалость изъ Пажескаго корпуса и шестилѣтняя служба солдатомъ въ Финляндіи съ ея величественной суровой природой наложили печальный задумчивый колоритъ

на этого поэта, друга Дельвига, Плетнева, Жуковскаго, Пушкина и Вяземскаго. Современники высоко цѣнили его дарованіе, называя его одною изъ звѣздъ Пушкинской плеяды, и даже многіе находили, что произведенія его не уступаютъ въ достоинствѣ геніальнымъ созданіямъ его величайшаго поэтическаго современника, Пушкина. Теперь, конечно, и критика, и публика уже далеко на такого высокаго мнѣнія о Баратынскомъ; но, тѣмъ не менѣе, изъ его произведеній найдется не мало хорошаго, хотя и не для юношества, такъ какъ характеръ поэта отличается слишкомъ мрачнымъ разочарованіемъ, подавшимъ поводъ Пушкину назвать Баратынскаго *Гамлетомъ.* Безотрадная грусть, мрачное душевное состояніе, равнодушіе, доходящее до апатіи, чувство сознанія безполезности даже самой жизни, особенно ярко проступающія въ наиболѣе характерныхъ его элегіяхъ: *На что вы, дни? Черепъ, Осень,* менѣе всего имѣютъ мѣсто въ воспитаніи юношества, для котораго жизнь должна являться отнюдь не въ безотрадной, болѣзненной, рефлексіи. Однако, красота поэзіи Баратынскаго, важная и серьезная, полная глубокой мысли, является иногда и не въ такихъ траурныхъ произведеніяхъ. Изъ этихъ то послѣднихъ вещей кажутся намъ наиболѣе подходящими къ нашимъ цѣлямъ слѣдующія.

1) Яркая, въ нѣсколькихъ штрихахъ, картинка наступившей зимы: *Гдѣ сладкій шепотъ густыхъ лѣсовъ?* 2) Меланхолическое, также небольшое, описаніе Финляндіи—отрывокъ изъ поэмы *Эдда: Суровый край: его красамъ, пугаяся, дивятся горы...* 3) Большая описательная элегія *Запустѣніе,* навѣянная посѣщеніемъ заброшенной барской усадьбы, глѣ взоръ поэта не находитъ ничего, столь знакомаго нѣкогда взору и дорогого сердцу. Величественная природа, заглушившая прихотливую роскошь барскихъ садовыхъ затѣй, да немногіе ихъ остатки: бесѣдки, мостикъ, гротъ, готовый развалиться,—наводятъ на мысли о бренности дѣлъ рукъ человѣка, о силѣ этой природы и небесномъ отечествѣ, гдѣ поэтъ снова встрѣтится съ знакомыми образами, нѣкогда жившими въ этой усадьбѣ. 4) *Примѣты*—воспоминанье о тѣхъ временахъ, когда человѣкъ, еще дитя разумомъ, не пытался изслѣдовать природы, и въ ея явленіяхъ, полныхъ для него таинственнаго смысла, *„ловилъ съ вѣрой ея знаменья“.* Вмѣстѣ съ пьесой Пушкина, подъ тѣмъ же заглавіемъ указанной ранѣе, это стихотворе-

ніе можетъ быть хорошей иллюстраціей отдаленной миѳической старины, при чтеніи фантастическихъ произведеній народной поэзіи, напр., животнаго эпоса. 5) *Мадонна*—разсказъ о картинѣ Корреджіо, случайно сохранившейся въ хижинѣ бѣдной старушки съ дочерью. Вѣрная благоговѣйному чувству къ образу, старушка не рѣшается, не смотря на бѣдность, разстаться съ картиной, къ которой въ хижину со всей Италіи начинаютъ стекаться посѣтители... Пьеса доступная и младшему возрасту. 6) Антологическая пьеска *Мудрецу*: жизнь выражается именно въ стремленіи человѣка къ дѣятельности, исключающей покой: *жизнь для волненья дана: жизнь и волненье—одно;* даже младенецъ, будто чуя общій законъ природы, „*первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель*". Доступная для возраста болѣе старшаго, пьеса эта можетъ быть сопоставлена съ элегіей Пушкина: „*Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье*..., гдѣ авторъ, несмотря на всю тягость прошлаго, настоящаго и непригляднои перспективы будущаго, все таки *не хочетъ умирать, но хочетъ жить, чтобъ мыслить и страдать?* 7) Самое совершенное по формѣ (музыкальность, образность) и наиболѣе глубокое по мысли изъ всѣхъ произведеній Баратынскаго, прекрасная элегія *На смерть Гёте,* которую совѣтовали бы мы подробно разобрать съ учениками и ученицами, болѣе развитыми, лѣтъ въ 14, 15, и дать выучить ее наизусть. Разсказавъ въ общихъ чертахъ біографію Гёте, очеркъ дѣтства котораго можно прямо прочитать по нашей книгѣ *Хорошіе люди* *), по этому стихотворенію, богатому по матерьялу образнаго языка, слѣдуетъ отчасти указать какъ на разнообразіе дѣятельности поэта, особенно, если онъ юношѣ уже нѣсколько знакомъ (*Рейнеке-Лисъ, Германъ и Доротея, баллады, нѣкоторыя лирическія пьесы*) такъ и на всеобъемлемость генія вообще, какъ напр. нашего Пушкина, проявившаго творчество также въ сюжетахъ самыхъ разнообразныхъ. Вмѣстѣ съ указанными ниже стихотвореніями А. Н. Майкова, относящимися къ искусству, и подобными же по сюжету пьесами о поэзіи и поэтѣ, того же Пушкина, *Поэтомъ*—Языкова и *Поэтомъ*—Лермонтова, *На смерть Гёте*—представляютъ цѣлую группу ху-

---

*) *Хорошіе люди.* Сборникъ разсказовъ Виктора Острогорскаго съ 54 рис. Спб. изд. Ф. Павленкова, статья *Дѣтство Гете* стр. 28 - 44; о Гёте см. также небольшую книжку, составленную по Льюису. *Жизнь Гёте.*

дожественнаго матеріала для практическаго ознакомленія съ эстетикой, въ смыслѣ облегченія пониманія значенія искусства и его возвышенной роли въ жизни человѣчества. Величавою мыслью знаменитой элегіи Баратынскаго о безсмертіи художника на землѣ, опустивъ послѣднюю строфу, нарушающую, по нашему мнѣнію, цѣлость произведенія, и можно послѣднее закончить.

VII. Николай Михайловичъ Языковъ.

(Род. 4-го марта 1803 г. † 26 декабря 1846 г.).

Въ числѣ поэтовъ, такъ называемой, Пушкинской плеяды, по силѣ стиха и яркой пластичности образовъ, Языковъ, едва ли, не самый талантливый, подававшій блестящія надежды и читающей публикѣ, и своимъ друзьямъ, Пушкину, Жуковскому, Баратынскому и Дельвигу. Гоголь, находившійся также въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ поэтомъ, видѣлъ въ немъ великую силу, призванную „глаголомъ своимъ жечь людскія сердца". По мнѣнію Гоголя, „Языковъ изъ поэтовъ времени Пушкина выдѣлился болѣе всѣхъ. Всѣ глаза устремились на него. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла такъ и не дождались". И дѣйствительно, прогремѣвъ цѣлымъ рядомъ анакреонтическихъ стихотвореній, воспѣвавшихъ вино, пиры, женщинъ, дружбу — пьесъ, относящихся къ студенческому, дерптскому, періоду своей жизни (1822—1829 гг.), Языковъ переѣхалъ въ Москву, и съ 1831 года, заболѣвъ неизлѣчимою болѣзнью, остальное время жизни проводилъ то за границей, то въ Москвѣ, только изрѣдка прорываясь произведеніями, заставлявшими еще болѣе жалѣть о погибающемъ талантѣ. Вотъ эти-то лучшія вещи Языкова, вмѣстѣ съ нѣсколькими ранними произведеніями, оставляя, конечно, чисто анакреонтическія, и рекомендуемъ мы юношеству, которое, помимо прекрасной формы стиха, силы, сжатости и яркой образности языка, найдетъ въ нихъ для себя не мало и возвышенныхъ чувствъ и мыслей.

Сначала указали бы мы на стихотворенія, имѣющія ближайшее отношеніе къ жизни поэта. Здѣсь останавливаетъ наше вниманіе теплое стихотвореніе *Памяти А. Д. Маркова*, учителя русской

словесности, которому былъ порученъ Языковъ въ Институтѣ Горныхъ Инженеровъ еще ребенкомъ. Это былъ, по выраженію поэта, человѣкъ *„съ блистательнымъ умомъ, самобытнымъ просвѣщеннымъ поэтическимъ огнемъ“*. Алексѣй Дмитріевичъ, умершій, какъ упоминается въ стихотвореніи, *„обремененный цѣпями нуждъ, безъ друга, въ горѣ и слезахъ, въ чужомъ краю“*, любилъ Языкова, какъ сына, прилагалъ все стараніе развить его способности, заставлялъ его изучать Ломоносова и Державина, и, можетъ быть, въ этихъ-то начальныхъ занятіяхъ угадывая призваніе ученика, ласково встрѣчалъ его первые опыты, нѣжно лелѣялъ его поэтическія стремленія:

Твои разумныя заботы
Живое чувство красоты
Во мнѣ питали; нѣжно ты
Лелѣялъ первые полеты
Едва проснувшейся мечты.

Лѣто 1826 года, проведенное Языковымъ въ селѣ Тригорскомъ, у своего товарища Вульфа, и въ сосѣднемъ мѣстопребываніи Пушкина, въ Михайловскомъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ — великимъ поэтомъ, воспѣто въ стихотвореніи *Тригорское*. Это время всю жизнь оставалось для Языкова самымъ свѣтлымъ и отраднымъ воспоминаніемъ. „Я вопрошалъ — пишетъ онъ въ 1827 г. Вульфу,—совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея—и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!“ Черезъ двадцать лѣтъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, отъ 17 сентября 1846 г., онъ писалъ тому же Вульфу: „Вези мой поклонъ и почтеніе въ Тригорское всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сю пору, и никогда не забуду“. Необыкновенной душевностью, какой-то юной бодростью духа, вѣетъ отъ этихъ деревенскихъ картинъ привольной мѣстности, купанья въ жаркій день въ водахъ быстрой рѣчки Сороти, тихаго вечера и ночи.

Ближайшую связь съ *Тригорскимъ* имѣютъ два стихотворенія, посвященныя нянѣ Пушкина, Аринѣ Родіоновнѣ. Одно—*Къ нянѣ А. С. Пушкина*,—написанное, повидимому, въ Михайловскомъ, въ 1826 г., вспоминаетъ ея привѣтливость, радушіе, хозяйственныя заботы и разсказы про старинное барство; въ другомъ—*На смерть*

няни А. С. Пушкина (1831 г.)—теплая признательность къ памяти добродушной старушки, тѣсно связанной съ воспоминаньями о свѣтлой юности двухъ поэтовъ, когда и сама она вспоминала съ молодежью о своей собственной молодости, просиживая за веселымъ ужиномъ со своими любимцами до зари. Какимъ глубокимъ чувствомъ дышатъ эти начальныя строки:

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Поэтъ не ошибся: болѣе семидесяти лѣтъ прошло отъ смерти этой *„доброй подружки юности“* Пушкина, но ея имя и свѣтлый, согрѣвающій душу, образъ никогда не умрутъ вмѣстѣ съ біографіей величайшаго нашего художника.

Біографическій же характеръ носитъ и небольшая *Элегія*— (*И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ*), написанная въ 1833 г., за границей, куда поэтъ поѣхалъ лѣчиться, повидимому, уже мучимый тяжелыми предчувствіями смерти: не тѣшитъ его, жителя равнинъ, грандіозная чужая природа; все-то тянетъ Языкова домой, къ милому приволью равнинъ и лѣсныхъ пригорковъ; эти суровыя громады горъ точно загораживаютъ ему путь на родину.

За пьесами характера біографическаго поставили бы мы рядъ картинокъ природы, очень удобныхъ, какъ примѣры описаній и для заучиванія наизусть. Таковы: *Двѣ картины* (Чудское озеро днемъ и ночью); *Утро* (пробужденіе деревни); картина *Морское купанье*; *Весна*; *Гора*, и одно изъ лучшихъ произведеній Языкова, большую элегію *Къ Рейну*, написанную за границей, гдѣ поэтъ, лѣчась отъ болѣзни, все тосковалъ по матушкѣ Волгѣ. Какъ ни хороша историческая всемірная рѣка, но все-таки для него, какъ любящаго сына своей родины, Волга

больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже быстрая, и шире, голубая!

Интересную, въ смыслѣ воспитательномъ, группу представляютъ шесть небольшихъ пьесокъ, общихъ по оригинальному харак-

теру. Если, вообще, стихотворенія Языкова отличаются какимъ-то юнымъ, свѣжимъ, колоритомъ, то эти вещи, точно нарочно, созданы для того, чтобы подбодрить человѣка, поднять въ немъ духъ и вызвать силы для борьбы, въ которой человѣкъ только и познается. Подъ аллегорической формой *моря*, являющагося во всѣхъ этихъ пьесахъ, не трудно угадать житейскія невзгоды, силящіяся одолѣть человѣка; — но съ невзгодами, какъ бы ни были онѣ грозны, надо бороться... Пловецъ долженъ крѣпко держать парусъ, и смѣлѣй, ободряя товарищей, итти впередъ, въ ту блаженную страну, гдѣ не темнѣютъ неба своды, не проходитъ тишина,—ибо „*туда выносятъ волны только сильнаго душой*". (*Пловецъ*: „Нелюдимо наше море..."). Хвала и тому пловцу, который, заслышавъ отдаленные раскаты грома, почуялъ непогоду, и не опоздалъ во время добраться до гавани. (*Пловецъ*: „Еще разыгрывались воды...") Страшенъ валъ-великанъ, когда онъ подниmется изъ морской бездны (*Буря*); но любо смотрѣть на корабль, когда „*побѣдитель волнъ, громовъ и непогодъ, и смѣлъ и гордъ своею славой, уходитъ величаво въ даль бурныхъ водъ*". (Корабль). Любо глядѣть поэту и на маякъ, стоящій крѣпко подъ напоромъ стихій и гордо отражающій дерзкія волны, своимъ ревомъ привѣтствующія могучаго богатыря (*Маякъ*). Маяку легко противостать морю, но какъ остороженъ долженъ быть кормчій, пускаясь въ плаванье, хотя бы и въ тихую погоду. Море прихотливо и лукаво, и всегда должна быть надежна мѣдная грудь судна, крѣпки паруса, и здоровы его дубовыя ребра (*Море*). Къ этой же группѣ ободряющихъ пьесъ относится и извѣстное стихотвореніе *Конь*, рисующее смѣлое животное во всемъ блескѣ силы и красоты.

Скоро въ дѣло, конь ретивый,
Въ збруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

Еще въ ранней юности, въ полномъ развитіи надеждъ на талантъ, поэтъ обращается съ молитвой къ Провидѣнію, чтобы Оно повело его неизмѣннымъ и чистымъ по пути великаго призванія (*Молитва*). Возвышенный взглядъ на поэзію является и въ стихотвореніи *Геній*, навѣянномъ громкой славой Пушкина, который, подобно пророку Елисею, воззвавшему къ подвигамъ Ильи, возбу-

ждаетъ и въ поэтѣ уснувшія силы. Но всего возвышеннѣе, во всю ширь лирическаго паѳоса, выразился взглядъ Языкова на значеніе поэзіи въ стихотвореніи *Поэтъ*, составляющимъ по содержанію и библейской величавости переходъ къ произведеніямъ религіознымъ, которыя могутъ служить образцами высокаго содержанія, облеченнаго въ соотвѣтствующую ему, достойную сюжета, форму. Таковы переложенія псалмовъ: *Подражаніе псалму XVI* (Кому, о Господи, доступны...), *Подражаніе псалму CXXXVI. Подражаніе псалму* (Блаженъ, кто мудрости высокой послушенъ сердцемъ и умомъ...), и двѣ эпическія вещи: *Самсонъ* (одно изъ послѣднихъ произведеній, написанное въ 1846 г., по отдѣлкѣ слабѣе другихъ того же характера), и знаменитое *Землетрясеніе* (1844), которое, по заключительной строфѣ, имѣетъ связь съ *Поэтомъ*, и Жуковскимъ и Гоголемъ признавалось лучшимъ русскимъ стихотвореніемъ по силѣ, возвышенности чувства и стилю.

На эти произведенія обращаемъ особенное вниманіе воспитателей. Увлекательныя красотой формы, музыкальныя, эти вещи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пьесами Л. Мея, въ томъ же характерѣ, внесутъ въ душу юноши начала поэзіи вызвышенной, которой, за произведеніями болѣе простыми, такъ сказать, обыденными по сюжету, никакъ не слѣдуетъ забывать при воспитаніи эстетическаго чувства. Рядомъ съ чутьемъ красоты въ повседневномъ, душѣ человѣка должны быть не чужды образы и чувства высокія, только бы не было въ этихъ чувствахъ и образахъ ничего напускного, искусственнаго.

VIII. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

(Род. 3-го октября 1814 г. † 15 іюля 1841 г.).

Великую трудность представляютъ, въ выборѣ для дѣтей, и особенно для *народа*, произведенія этого поэта русской рефлексіи и горькаго раздумья надъ дѣйствительностью, иногда доходящаго до мрачнаго отчаянія (*И скучно, и грустно*), Могучая поэзія Лермонтова становится понятна только при знакомствѣ съ его біографіей, весьма мало поучительной въ смыслѣ положительномъ, съ современнымъ, окружавшимъ поэта, русскимъ обществомъ, и, наконецъ, хотя нѣсколько, съ Байрономъ. Поэтому мѣсто Лермонтову, въ возможно большой полнотѣ знакомства съ его поэзіей,— въ *старшихъ* классахъ гимназіи, гдѣ руководителемъ учащихся,

достигшихъ уже извѣстной умственной зрѣлости, явится преподаватель словесности. Тамъ только будутъ поняты такія вещи, какъ *Дума, Первое Января, Памяти Одоевскаго, Не вѣрь себѣ, На смерть Пушкина,* и мн. другія; тамъ же освѣтится надлежащимъ образомъ и *Герой нашего времени.* Но, кромѣ этой общественной, такъ сказать, — философской, стороны, лермонтовская поэзія имѣетъ еще нѣсколько сторонъ, такихъ свѣтлыхъ, задушевныхъ, общечеловѣческихъ, что, хотя бы отчасти, не познакомить съ ними юношей и не заставить ихъ заранѣе полюбить поэта было бы жаль. Таковы: *любовь къ природѣ, симпатія къ непосредственнымъ, простымъ цѣльнымъ натурамъ, къ проявленіямъ смѣлаго духа, къ ребенку, родинѣ* и, наконецъ, *теплое религіозное чувство.* Вмѣстѣ съ тѣмъ большое значеніе имѣетъ и самый *стихъ* Лермонтова, легко запоминаемый и очень любимый дѣтьми, гармоничностью своей способствующій развитію чувства музыкальнаго. Каждый знаетъ, сколько прелести заключается иногда въ мотивѣ какой-нибудь простой пѣсни, даже съ самыми малозначущими словами. Въ этой то музыкальности, даже помимо мыслей и всегда прелестнѣйшихъ образовъ, — особенная воспитательна сила лермонтовскаго стиха — то *желѣзнаго,* энергическаго, то *нѣжно-граціознаго.* Пусть ребенокъ иногда даже не вполнѣ овладѣетъ глубиною содержанія, увлекшись только формой (напр., *Ангелъ, Парусъ, Выхожу одинъ*)—нѣтъ и надобности рановременными толкованіями педантически охлаждать живость впечатлѣнія отъ безсознательно нравящейся пьесы,—это содержаніе, впослѣдствіи, въ свое время, станетъ ясно,—и тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ новую прелесть, а между тѣмъ, въ юной душѣ уже заложится извѣстное чувство и образъ. Пусть пьеса *пока* поймется въ самомъ общемъ смыслѣ, хотя только просто *понравится* до легкаго запоминанія наизусть, и будетъ доставлять удовольствіе однимъ произнесеніемъ его вслухъ —и это уже капиталъ для будущаго серьезнаго разбора писателя. Правда, эти дѣтскія воспріятія почти безсознательны, инстинктивны, но вѣдь и впечатлѣнія отъ музыки также неуловимы и неопредѣленны, а никто не сомнѣвается въ ея огромномъ дѣйствіи на душу. Таково значеніе многихъ *чисто лирическихъ* пьесъ, которыя, будучи переложены въ немѣрную рѣчь, и, особенно, пересказанныя своими словами, совсѣмъ теряютъ всю свою прелесть.

Теплымъ *религіозным чувствомъ* проникнуты: *Молитва* (*Въ минуту жизни*) и *Вѣтка Палестины*, за которыми непосредственно поставили бы мы другую молитву: *Я матерь Божія...*, гдѣ авторъ поручаетъ *Заступницѣ міра холоднаго невинную дѣву*, чтобы она, Заступница, окружила счастіемъ ея душу, дала ей въ жизни добрыхъ спутниковъ, свѣтлую молодость, покойную старость и незлобному сердцу миръ упованія; тѣмъ же самымъ небеснымъ силамъ поручаетъ поэтъ и новорожденнаго ребенка (*Ребенка милаго рожденье*), колыбель котораго съ грустными думами надъ его будущей судьбой укачиваетъ мать-казачка (*Казачья колыбельная пѣсня*). Эту вѣру въ Бога и въ существованіе въ мірѣ не только горя, но и счастія, иногда въ отчаяніи утрачиваемую, возвращаетъ поэту природа подъ вліяніемъ успокоивающихъ душу тихихъ ея картинъ (*Когда волнуется*); но все же не можетъ эта душа забыть своего небеснаго отечества, и скучныя пѣсни не могутъ замѣнить ей *ангельскихъ* пѣсенъ о *великомъ Богѣ* (*Ангелъ*).

Стихотвореніе *Когда волнуется* можетъ составить какъ бы вступленіе въ группу пьесъ, рисующихъ *различныя впечатлѣнія, производимыя* на поэта *природой*. Оставляя пока картины восточной природы, о которыхъ скажемъ ниже, укажемъ на пьесы: 1) *Выхожу одинъ я на дорогу*; 2) *Горныя вершины*; 3) *Сосна*; 4) *Утесъ*; 5) *Тучи*; 6) *Парусъ*; 7) *Плѣнный рыцарь*; 8) *Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой*, изъ которыхъ, каждая въ отдѣльности, помимо образовъ олицетворенной, подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія, природы, представляетъ столько же музыкальную пьесу, сколько и произведеніе поэтическое. Всѣ эти вещи совѣтовали бы мы выучить наизусть, какъ основу изученія лермонтовской поэзіи и какъ прекрасный матерьялъ *выразительнаго чтенія*, а также и для знакомства съ *образною поэтическою рѣчью*.

Любовь къ родинѣ выразилась у поэта наиболѣе рельефно въ *Бородинѣ* *), и въ стихотвореніи *Родина*, на которое обращаемъ

---

*) Для лицъ, которыя пожелали бы сдѣлать это стихотвореніе предметомъ особаго чтенія для народа, рекомендуемъ книжку *Бородино. Отечественная война. В. Михневича, съ 8-ю раскр. картинками. Изд. По-*

особенное вниманіе воспитателей, какъ на образецъ сердечнаго патріотизма, заключающагося въ любви къ бѣдной, но все же родной, природѣ и народу, котораго поэтъ любитъ со всей его убогой жизнью и желаетъ ему довольства и радости.

Уже у Пушкина, въ нѣсколькихъ крупныхъ произведеніяхъ (*Кавказъ*, *Кавказскій плѣнникъ*, *Цыгане*, *Галубъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ* и нѣк. др.), съ любовью представляется Кавказъ, южная природа, и слышатся отголоски восточныхъ мотивовъ; у Лермонтова, еще въ раннемъ дѣтствѣ побывавшаго на Кавказѣ съ своей бабушкой, служившаго тамъ въ свою первую ссылку и тамъ же нашедшаго свой роковой безвременный конецъ,—Кавказъ и, вообще, востокъ занимаетъ мѣсто весьма видное. Съ одной стороны, востокъ рано поразилъ воображеніе поэта роскошью и величіемъ горъ, богатствомъ растительнаго царства, съ другой— красотой, смѣлою удалью и яркими особенностями жизни его обитателей. Не могли также не произвести впечатлѣнія на Лермонтова, наклоннаго къ фатализму, преданія востока, давшія ему матерьялъ для нѣсколькихъ великолѣпныхъ произведеній. Ознакомивъ дѣтей съ Кавказомъ по указаннымъ ранѣе книжкамъ, можно начать группу *восточныхъ* произведеній съ *Посвященія къ поэмѣ Демонъ*, гдѣ прямо указывается біографическое значеніе для поэта Кавказа, а потомъ перейти къ отрывкамъ изъ самой поэмы, предварительно кратко разсказавъ преданіе, послужившее ей основой. Сдѣланное умѣло, конечно, съ опущеніемъ всѣхъ рановременныхъ для дѣтей подробностей, такое вступленіе дастъ возможность отобрать отрывковъ довольно много. Начать можно съ картины Грузіи, отъ словъ „*Счастливый, пышный край земли!* до — *Клянусь полночною звѣздою...*, затѣмъ перейти къ гибели жениха и печали Гудаловой семьи (отъ словъ—*измучивъ добраго коня* до извѣстной пѣсни Демона, изъ которой слѣдуетъ выучить наизусть музыкальный отрывокъ „*На воздушномъ океанѣ*“...). Во второй части доступны дѣтямъ: 1) *Мольба Тамары* объ отпущеніи ея въ монастырь; 2) *Картина монастыря* (строфы III и IV); 3) *Тамара въ гробу и похороны* (строфы XIII и XIV); и 4)

стоянной Комиссіи Народныхъ Чтеній. Чтеніе первое. Спб, 1874 г., ц. 15 к. Въ основу книжки положено стихотвореніе, такъ что весь разсказъ служитъ къ нему комментаріемъ.

заключеніе — развалины замка Гудала отъ словъ: *На склонѣ каменной горы.*

Если изъ *Демона* можно взять только нѣсколько отрывковъ, то *Мцыри* читается вся безъ пропусковъ. Не говоря уже о неукротимомъ характерѣ черкесскаго мальчика, изнывающаго въ тоскѣ по родинѣ, поэма даетъ много этнографическо-географическаго матерьяла, переданнаго въ картинахъ высоко поэтическихъ (горы, ущелья, горный лѣсъ, роскошная флора и фауна страны, горныя рѣки и потоки; граціозная пѣсня рыбки—„*Дитя мое, останься здѣсь со мной*"; аулъ въ горахъ; монастырь...).

Ознакомивъ по *Демону* и *Мцыри* съ природой и людьми Кавказа вообще, независимо отъ отношеній къ Россіи, въ стихотвореніи *Споръ* можно указать, кромѣ характеристики соннаго востока, на цивилизующее значеніе Россіи, нарушившей своими войнами этотъ мирный сонъ. А отъ *Спора* естественно перейти къ изображенію тѣхъ людей, съ коими намъ пришлось воевать, самой войны и кавказскаго офицерства. Съ типомъ горцевъ хорошо знакомитъ небольшая легенда *Бѣглецъ*, отъ котораго отступились всѣ соотечественники, даже родная мать, и котораго трупъ бросаютъ безъ погребенія. Эту легенду (заключеніе—*Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный*—опустить) съ пѣснью „*Мѣсяцъ плыветъ*" можно сопоставить по сюжету съ разсказомъ Жуковскаго *Маттео Фальконе.* Сраженіе съ горцами прекрасно рисуется въ маленькомъ разсказѣ *Валерикъ* *), какъ кровавая, страшная рѣзня, впечатлѣніе отъ коей нѣсколько смягчается трогательной картиной смерти капитана. Дополненіемъ къ ней можетъ служить глубоко прочувственное *Завѣщаніе.* Сюда же относится и мрачное, полное таинственнаго величія, стихотвореніе *Сонъ.*

На ряду съ указанными стихотворными произведеніями, относящимися къ Кавказу, можно воспользоваться первыми двумя разсказами изъ *Героя нашего времени*: *Бэла* и *Максимъ Максимычъ*, хотя, повидимому, особенно *Бэла,* они совершенно непригодны для нашей цѣли. Но, во-первыхъ, въ нихъ могутъ быть

---

*) *Валерикъ* для дѣтей и для взрослыхъ изъ народа слѣдуетъ взять въ сокращеніи, начавъ со словъ: „*Разъ, это было подъ горами...*" и опустивъ залюченіе: „*Но я боюся вамъ наскучить*".

сдѣланы нѣкоторыя сокращенія (напр. въ *Бэлѣ* о разочарованіи Печорина), кое-что изъ словъ и выраженій опущено или смягчено; во-вторыхъ, чтеніе можетъ вести самъ воспитатель, сопровождая его бесѣдою, въ которой и постарается обратить вниманіе слушателей на извѣстныя стороны или смыслъ; наконецъ, такое чтеніе пригодно для болѣе взрослыхъ дѣтей. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы ни казался страннымъ нашъ выборъ, позволимъ себѣ его мотивировать. Хотя въ *Бэлѣ* сюжетъ вовсе не дѣтскій, но сценъ страстныхъ, распаляющихъ воображеніе, въ немъ нѣтъ вовсе, тѣмъ болѣе, что самый разсказъ ведется отъ лица стараго капитана, глубоко возмущеннаго Печоринымъ, и съ полнымъ участіемъ къ несчастной дѣвушкѣ... Это то возмущеніе и участіе, вмѣстѣ съ совѣстью, которая все-таки мучитъ Печорина, и даютъ настоящую оцѣнку гнусности проступка, и выкупаютъ, такъ сказать, *непедагогичность* разсказа. А между тѣмъ, если уже разъ согласимся, что, при чтеніи литературныхъ произведеній юношамъ лѣтъ 15—16, дѣло не въ изображеніи безнравственнаго, а въ правильномъ его освѣщеніи, то разсказъ даетъ очень многое, какъ въ смыслѣ ознакомленія съ интереснымъ краемъ, такъ и со стороны психологической. Тутъ и дорога на перекладныхъ, и осетины, и личность стараго кавказца, противопоставленная безсердечному Печорину, и кавказская свадьба, и полудикій черкесскій мальчишка Азаматъ, не останавливающійся, ради коня, даже передъ увозомъ у отца своей сестры, и разбойникъ Казбичъ съ его грубой местью, и значеніе для черкесовъ лошади, и схватка на пиру, и образъ черкешенки и ея смерть, и отношеніе къ черкесамъ самихъ русскихъ офицеровъ, объясняющее особенную ненависть къ нимъ горцевъ, оказывающихся, едвали, не честнѣе ихъ. Выдвинувъ впередъ всѣ эти стороны разсказа и сдѣлавъ сокращенія отдѣльныхъ описаній, отступленій и непонятныхъ словъ, намъ кажется, что *Бэла*, при простотѣ языка, могла бы представить хорошее чтеніе и для народа. Второй разсказъ, *Максимъ Максимычъ*, дорисовывающій образъ капитана, какъ контрастъ съ Печоринымъ, конечно, умѣстенъ только для взрослыхъ дѣтей, симпатіи которыхъ, какъ и въ *Бэлѣ*, будутъ на сторонѣ перваго.

Арабскимъ преданіемъ *Три пальмы* (картина степи, оазиса, каравана) вмѣстѣ съ граціозной сказкой, вполнѣ пригодной и для дѣтей, и для народа, *Ашикъ-Керибъ* (турецкая свадьба, образъ

бѣднаго пѣвца, восточное представленіе о Георгіи Побѣдоносцѣ), можно и заключить знакомство по Лермонтову съ востокомъ.

Кромѣ всего отобраннаго, мы остановились бы еще на слѣдующихъ произведеніяхъ для взрослыхъ дѣтей лѣтъ 15—16.

1) *Слышу ли голосъ твой...*

2) *Есть рѣчи, значенье темно иль ничтожно...*

3) *У вратъ обители святой...*

4) *Пророкъ.*

5) *Поэтъ.*

6) *Воздушный корабль* (можно сопоставить съ балладой Жуковскаго, *Ночной смотръ*, стихотвореніемъ Гейне *Два гренадера* и *Наполеономъ*, Пушкина).

7) Отрывокъ изъ Чайльдъ-Горальда *Умирающій гладіаторъ* (при условіи предварительнаго разсказа о римскихъ играхъ, сдѣланнаго, напр., по статьѣ Дюнца *День въ римскомъ циркѣ* въ IV т. Хрест. Филонова) представляетъ картину цирка, съ бѣдной жертвой безчеловѣчной страсти къ кровавымъ зрѣлищамъ (можно сопоставить съ разсказами Григоровича *Шарманщики* и *Гуттаперчевый мальчикъ*, гдѣ изображена смерть акробата, рискующаго жизнью для потѣхи толпы).

8) *Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова.* По выраженію Бѣлинскаго (т. VI, стр. 287—288), „поэтъ перенесся здѣсь въ историческое прошедшее русской жизни, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размет его чувства, и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія его грубой и дикой общественности со всѣми ихъ оттѣнками,— какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣй всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣснью можно заслушаться, и все нельзя ею довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра, воскрешаетъ она прошедшее, и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобы оно не исчезло отъ насъ“. Къ этому восторженному отзыву, на-

писанному болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, прибавлять нечего. Все здѣсь: и языкъ, и музыкальность стиха, и богатѣйшій элементъ историческій, и, точно вылитые, четыре образа, и задушевность, и мысль—все представляетъ цѣлую массу образовательно-воспитательнаго матеріала, и притомъ, не только въ высшей степени интереснаго, но и увлекающаго до восторга, до слезъ... Отсылаемъ читателей къ книгѣ Харьковскихъ учительницъ *Что читать народу* (отдѣлъ историческій, стр. 52—55), гдѣ подробно разсказывается о впечатлѣніи, произведенномъ этою *Пѣснью* на взрослыхъ учениць (отъ 15 — 28 лѣтъ), и приводятся самые отзывы ихъ и споры по поводу прочитаннаго. Изъ этого отчета ясно видно, каково значеніе *Пѣсни* въ народной школѣ и для народныхъ чтеній, причемъ, конечно, нужно предварительно разсказать объ Іоаннѣ Грозномъ и опричникахъ. Произведеніе вполнѣ педагогично и для юношества лѣтъ 13—14, но подъ условіемъ нѣкотораго знакомства съ эпохой и руководства со стороны воспитателя. Отрывки, напр. *запѣвка, восходъ солнца надъ Москвой*— прекрасный матеріалъ для изученія народной рѣчи, и могутъ быть выучены наизусть даже дѣтьми лѣтъ 10—12.

IX. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

(Род. 23 мая 1821 г. † 8 марта 1897 г.).

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ, бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми...

Въ этихъ стихахъ (*Октава*), писанныхъ въ самомъ началѣ литературной дѣятельности (1841) А. Н. Майкова, хорошо опредѣляется самимъ поэтомъ его характеръ и значеніе. Эстетикъ, воспитанный на антологической поэзіи древности, поклонникъ Пушкина, съ которымъ нерѣдко можетъ поспорить въ гармоніи стиха и красотѣ образа, живописецъ природы, — онъ смотритъ на жизнь безъ всякой тенденціи, внимательно созерцая ее своимъ поэтическимъ окомъ, и въ этомъ созерцаніи находя

наслажденіе и покой. Какъ справедливо замѣтилъ еще Бѣлинскій, „любое изъ его стихотвореній можно принять за превосходный переводъ съ греческаго, — такъ полны они этого эпикурейскаго наслажденія красотой; этого исключительно греческаго міровоззрѣнія, которое беретъ жизнь какъ она есть, во всей ея прелести, безъ раздумья, безъ всякихъ другихъ вопросовъ"; „любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ"—и его пьесу можно принять за пьесу Гете, Шенье, кого угодно изъ лучшихъ поэтовъ въ антологическомъ родѣ;—по крайней мѣрѣ, большая часть произведеній Майкова, такъ сказать, безотносительны, не указываютъ на поэта, какъ человѣка русскаго и извѣстнаго времени, и времени тяжелаго, которое отозвалось, начиная съ Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, почти на всѣхъ нашихъ лучшихъ поэтахъ. Читаешь его, наслаждаешься имъ—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, что съ вами говоритъ какой-то человѣкъ совершенно другого, прекраснаго, хотя и отжившаго, міра. Этою то, если можно такъ выразиться, безусловною эстетичностью онъ напоминаетъ Пушкина, почему мы и поставили его вмѣстѣ съ нимъ передъ поэтами новѣйшими. Но эта безотносительность, это греческое воззрѣніе на міръ, какъ мы замѣтили уже раньше, должны непремѣнно найти себѣ мѣсто въ воспитаніи ребенка, который долженъ представить собою со временемъ полнаго человѣка; пусть же ничто человѣческое не будетъ ему чуждо,—а слѣдовательно и наслажденіе, и вкусъ къ красотѣ, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась. Поэтому, считаемъ знакомство съ А. Н. Майковымъ очень полезнымъ для дѣтскаго возраста, особенно тогда, когда еще не столько мыслится, анализируется, сколько непосредственно чувствуется, воображается, мечтаетя. Воспитателю нужно подумать о томъ, чтобы эти первыя чувства и мечты были прекрасны.

Касаясь предметовъ мало доступныхъ дѣтскому пониманію, или, какъ напримѣръ, страстная любовь—одинъ изъ наиболѣе излюбленныхъ мотивовъ поэта—для дѣтей равновременныхъ, сочиненія г. Майкова требуютъ для нашей цѣли строгаго выбора, и нельзя сказать, чтобы выборъ этотъ былъ обширенъ; но зато все, на чемъ мы остановились, позволяемъ себѣ смѣло рекомендовать каждому воспитателю и учителю русскаго языка, какъ матеріалъ не только для чтенія и стилистическаго разбора, но и для изученія наизусть.

Прежде всего отдѣлимъ тѣ стихотворенія, которыя, подобно пейзажной живописи, совершенно *объективно рисуютъ передъ нами картины природы,*—въ ея простыхъ, но милыхъ, симпатичныхъ, формахъ. Таковы: 1) *Пейзажъ* лѣса, 2) *Картина вечера,* 3) *Болото*—первая половина до словъ: „*А были дни...*"; далѣе картинки, связанныя съ временами года: 4) *Весна,* 5) *Сѣнокосъ,* 6) *Нива*—первая половина до словъ: *О Боже! ты даешь...*" (вторая половина для болѣе старшаго возраста), 7) *Ночь на жнитвѣ,* 8) *Осень,* 9) *Зимнее утро* и 10) *Прощаніе съ деревней.* Эти картинки природы заключаются извѣстной: 11) *Рыбной ловлей,* которая можетъ быть воспоминаніемъ дѣтямъ, проводящимъ лѣто въ деревнѣ, объ одномъ изъ наиболѣе любимыхъ имя деревенскихъ удовольствій. Дѣти—охотники ловить рыбу—отнесутся къ этой пьесѣ съ особенной симпатіей (для младшаго возраста заключеніе объ искусствѣ отъ словъ „*Непосвященные! напрасенъ съ вами споръ!*" можетъ быть опущено).

Отъ этой группы чисто *пейзажныхъ* стихотвореній перейдемъ ко *второй,* которую, по простотѣ языка и содержанія, доступнаго даже маленькимъ дѣтямъ, назовемъ *дѣтскою.* Сюда отнесемъ: 1) *Ласточка примчалась,* 2) *Лѣтній дождь* („*Золото, золото падаетъ съ неба!*"), 3) *Ласточки* („*Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ*") 4) *Колыбельная пѣсня* („*Спи, дитя мое, усни!*"), 5) *Мать и дѣти,* 6) *Мать* („*Бѣдный мальчикъ весь въ огнѣ*")—образъ матери, укачивающей больного ребенка *)) и 7) *Христосъ воскресе!* („*Подъ солнцемъ вьются жаворонки*"). Обращаемъ на эти семь пьесокъ особенное вниманіе матерей и воспитательницъ, такъ какъ, при бѣдности у насъ стиховъ для *самыхъ маленькихъ* дѣтей, онѣ представляютъ хорошій матеріалъ для изученія наизусть съ голоса, а положенныя на легонькіе мотивы, и для пѣнія.

Къ *третьей* группѣ, доступной дѣтямъ уже болѣе *старшаго* возраста, которую назовемъ *разными* стихотвореніями, отнесемъ небольшія антологическія пьески самаго разнообразнаго содержанія. Каждая изъ нихъ до того хороша по отдѣлкѣ, образамъ

---

*) Указывая на послѣднія стихотворенія, рисующія родительскія чувства, не можемъ не напомнить читателямъ четырехъ стихотвореній, озаглавленныхъ общимъ заглавіемъ „*Дочери*".

и теплотѣ, что можетъ служить отличнымъ матеріаломъ эстетическаго классного разбора, и, выученная наизусть, на всю жизнь запечатлѣется въ памяти, какъ образецъ того, до какой красоты способна облечься въ слово мысль художника. Къ такимъ пьесамъ относятся: 1) *„Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты“*— раздумье надъ заброшеннымъ, поросшимъ мхомъ, великолѣпнымъ чертогомъ, гдѣ, когда то, шумнымъ потокомъ, неслась роскошная жизнь вѣчнаго праздника и торжествъ; 2) *„Пустыннику“*, къ которому, одинокому отшельнику, заходитъ усталый авторъ въ скромную хижину, *„у ручья, подъ сѣнью дуплистой липы“*, гдѣ такъ хорошо вкусить радушно предложенной старикомъ пищи и побесѣдовать съ нимъ о предметахъ *строгихъ и важныхъ“*, порой перекинувъ серьезную бесѣду и *„мірской шуткой“*; 3) *Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней*,—живой образъ рѣзваго и милаго ребенка, счастливаго полнотой молодой жизни, который и зимой, какъ и весной, находитъ себѣ новыя радости, все также бѣгаетъ, играетъ и весело смѣется, врываясь въ глухую хижину автора. доставляя ему отраду въ его уединеніи. Рядомъ съ этими двумя эскизами простой идиллической жизни можно сопоставить: 4) одно изъ лучшихъ русскихъ стихотвореній: *На мысѣ семъ дикомъ*. „Вчитайтесь въ эту пьесу, говоритъ Бѣлинскій (соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 114), вчитайтесь въ ея простой, повидимому, чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ,—вы ощутите душой и безконечную красоту, и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго; нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу, и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль...“ Въ самомъ дѣлѣ, обратите прежде всего вниманіе на картину природы. Мысъ дикій, пустынный, обросшій по краямъ осокой, производящій изъ растительности одинъ только чахлый кустарникъ, сосны да нѣсколько плакучихъ ивъ,—вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ уединенныхъ, бѣдныхъ, песчаныхъ мысовъ, которыхъ такъ много по восточному берегу Адріатическаго моря... Безбрежное, оно омываетъ его со всѣхъ сторонъ... На этомъ мысу живетъ старикъ-рыбакъ... угрюмая бѣдность... безлюдье... единственная утѣха, единственное живое, близкое бѣдняку, существо—сынъ... Растетъ онъ безъ то-

варищей, безъ ласкъ матери, съ первыхъ лѣтъ сживается съ моремъ... Оно приноситъ ему игрушки—раковины, укачиваетъ его, какъ въ люлькѣ, въ утлой ладьѣ, на которую беретъ съ собой ребенка отецъ, когда ѣдетъ за рыбой... Сынъ тонетъ въ морѣ, море бережно выноситъ на берегъ тѣло, въ послѣднюю утѣху отцу... Старикъ глубоко чувствуетъ страшную потерю милаго существа, но нужда, борьба съ стихіей, опытъ жизни закалили характеръ... Ни стоновъ, ни проклятій судьбѣ... одни только слезы, ихъ никто не видитъ,.. самъ выкапываетъ могилу, выбравъ ее подъ ивой; накрываетъ ее камнемъ, и, какъ послѣдній даръ любимому сыну, вѣшаетъ на дерево *„вершу—скудный памятникъ угрюмой бѣдности“*. Въ немногихъ словахъ пьесы цѣлая жизнь человѣка со всей ея обстановкой, хотя и представлена эта жизнь только въ одномъ, самомъ страшномъ, ея моментѣ, когда для престарѣлаго рыбака погибаетъ послѣднее будущее, когда для живого человѣка наступаетъ смерть заживо“.

Но вотъ, также на пустомъ, безлюдномъ, берегу, одинокое, забытое всѣми, существо—изгнанникъ поэтъ,—5) *Овидій*, тотъ самый, который у Пушкина въ его *„Цыганахъ“* (*„Преданіе объ Овидіи...“*) представленъ такими симпатичными чертами (*„Онъ былъ уже лѣтами старъ, но младъ и живъ душой незлобной, имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ и голосъ, шуму водъ подобный...“*). Грустный, бродитъ онъ по этому берегу, распѣвая на родномъ языкѣ свои пѣсни... Вѣтеръ разноситъ ихъ... эхо повторяетъ никому непонятные гармоническіе звуки... Зачѣмъ же громко произноситъ ихъ поэтъ?—никто здѣсь надъ ними не задумается... Но ему любо услышать, хоть изъ собственныхъ устъ, родную рѣчь; - любо, слушая свой вымыселъ, воображать передъ собою слушателей—друзей въ родной виллѣ далекаго Рима... Такимъ образомъ, для поэта есть утѣшеніе и въ самомъ горькомъ одиночествѣ: *„у прибрежья шумнаго моря“*, въ своей *„бѣдной хижинѣ“*:—6) *Искусство* онъ вырѣжетъ изъ нѣмого, валяющагося, тростника дивный инструментъ, котораго чудные звуки наполнятъ мертвую тишину поморья. Но для такихъ звуковъ, для такихъ пѣсенъ, какъ пѣсня Овидія, нужно человѣку носить *„въ душевной глубинѣ тайныя мысли“*:— 7) *„Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ“*. Только тотъ, *„кто чуетъ* въ себѣ, еще съ юношества, *сѣмена грядущихъ твореній* и ждетъ только случая,

„чтобы вырвать ихъ изъ мрака"; только тотъ, кто взлелѣялъ свои созданія въ глубинѣ души, выносилъ, выстрадалъ ихъ, можетъ любоваться ими, *„какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной надъ спящими дѣтьми..."* И чѣмъ возвышеннѣе эта мысль, тѣмъ строже и обдуманнѣе долженъ быть образъ, въ который она облекается: 8) *„Возвышенная мысль достойной хочетъ брони"*. *„Малѣйшая черта должна быть строго обдумана"*, и притомъ такъ, чтобы незамѣтна была для читателя эта медленная отдѣлка, чтобы сочиненіе отличалось простотой и казалось какъ бы непосредственно вылившимся изъ сердца: *„чтобы въ каждой складкѣ"* сквозило благородство и *возвышенность* помысла; чтобы *„образъ весь сіялъ огнемъ души"* художника и поразилъ читателя своею красотою, мыслью и трогательной теплотой сердечной. Красота, понимая ее не только въ смыслѣ красивыхъ формъ, или чертъ лица, но и въ выраженіи доброты, кротости, раскаянія, должна смягчить самого судью, заставить его добрѣе отнестись даже къ преступнику, замѣтивъ, что не все еще человѣческое заглохло въ заблудшемся ближнемъ. Такъ великодушно простили троянскую Елену сами грозные старцы, проклинавшіе несчастную за гибель, наведенную ею на городъ,—простили, увидя ее самое, медленно, съ потупленными отъ стыда и раскаянія очами, съ дѣтской благостью и чистотой думы на лицѣ *„выходящую передъ грозное судилище..."*: 9) *Сидѣли старцы Иліона*:

Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота...
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея лучей...
Невольно, смолкнувъ, старцы встали,—
И разступились передъ ней.

Мы не безъ намѣренія остановились поподробнѣе на послѣднихъ пяти стихотвореніяхъ, относящихся къ искусству. Они вмѣстѣ съ поставленнымъ нами въ эпиграфѣ стихотвореніемъ:—10) *Октава*, представляютъ какъ бы цѣлую главу практической эстетики о томъ, что природа, т. е. непосредственность воспріятія впечатлѣній изъ нея самой, должна быть вдохновительницей поэта. „Поэзія", говоритъ Бѣлинскій (разборъ стихотвореній Майкова, см. въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, т. VI, стр. 91—133), „при-

надлежитъ къ такимъ предметамъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи; послѣдняя должна быть результатомъ первой при нормальномъ развитіи. Симпатія въ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ, а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе природы: онъ, по преимуществу, ея сынъ, ея любимецъ, наперстникъ ея тайнъ. Поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, которая пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ". Въ то время, какъ однѣ изъ этихъ пьесъ (*Октава*, *Искусство*) указываютъ на ближайшій источникъ поэзіи, другія (*Есть мысли тайныя*, *Возвышенная мысль*) дадутъ почувствовать, чѣмъ отличается, по своему внутреннему идеальному міру, поэтъ отъ простыхъ, не столь впечатлительныхъ, людей, и какъ мысль требуетъ въ искусствѣ совершенной, обдуманной, формы; какое дорогое утѣшеніе составляетъ искусство для самого художника (*Овидій*), и, наконецъ, какъ благотворно дѣйствуетъ красота и не на художника (*Сидѣли старцы Иліона*). Съ такими основными мыслями всякой здравой эстетики кажется намъ очень не лишнимъ познакомить юношей, въ которыхъ, при нормальномъ развитіи, непремѣнно должно быть воспитано чутье красоты, уваженіе къ поэту и серьезный взглядъ на искусство, какъ на великую нравственную силу.

Къ этому же отдѣлу *разныхъ* стихотвореній можно еще отнести пьеску: 11) *Эпитафія*: *Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ, и сотрется имя, но для тѣхъ безсильно времени крушенье, чье воспоминанье погрузитъ въ раздумье, и изъ сердца слезы сладкія исторгнетъ*—которая очень удобно сопоставляется съ „*Яворомъ къ прохожему*" Батюшкова *) и маленькимъ стихотвореніемъ Жуковскаго: „*Скатившись съ горной высоты, лежалъ во прахѣ дубъ, перунами разбитый*; *а съ нимъ и гибкій плющъ*,

---

*) Напечатано въ Хрестоматіи Филонова, II, также въ моемъ сборникѣ *Родные поэты* (изд. 2-е Москва, 1895 г. изд. Д. И. Тихомирова), гдѣ помѣщена большая часть стихотвореній, указанныхъ въ этой книгѣ.
В. О.

кругомъ его обвитый: о дружба! это ты... и 12) переводъ граціозной пьесы Гейне—*Много добрыхъ слышалъ я совѣтовъ*, очень воспитательной по доброй мысли, что человѣкъ не долженъ возлагать много надеждъ на *„добрые совѣты, наставленія, ласки и обѣщанія“* другихъ, а всего больше долженъ разсчитывать на себя самого, на свой собственный трудъ. Наконецъ, отдѣлъ этотъ заключили бы мы 13) превосходнымъ монологомъ идущаго на смерть Сенеки изъ *„Трехъ смертей“*, обращеннымъ къ плачущимъ ученикамъ: *„Одну имѣлъ я въ жизни цѣль“* до словъ *„Сократъ, учитель мой, къ тебѣ иду!“*—монологомъ, требующимъ однако со стороны воспитателя предварительной бесѣды, которая бы дала слушателямъ (даже лучше, если въ первый разъ юноша прослушаетъ его въ хорошемъ чтеніи), понятіе о личности философа и моментѣ, когда монологъ произносится. Этотъ отрывокъ — одно изъ лучшихъ произведеній поэта по мыслямъ и формѣ, рисующій въ воображеніи юноши симпатичный образъ человѣка идеи, благороднаго, честно мыслящаго философа, среди разлагающагося общества, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое воспитательное значеніе, а для дѣтей, уже знакомыхъ съ древнею исторіей, хотя бы въ отдѣльныхъ разсказахъ, представляетъ превосходную иллюстрацію вѣка; дѣтямъ же, уже болѣе взрослымъ и развитымъ, можетъ съ большею пользою быть прочитана и вся драматическая поэма *„Три смерти“*, которая, къ сожалѣнію, еще не нашла себѣ въ нашей литературѣ до сихъ поръ достойной критики.

Совсѣмъ отдѣльную, маленькую, группу составляютъ три *патріотическія* стихотворенія, извѣстныя дѣтямъ по хрестоматіямъ: 1) *Кто онъ?*—образъ Великаго Петра, своими умѣлыми, трудовыми, руками помогающаго старому рыбаку исправить челнъ; 2) *Картинка*—дѣвочка, единственная грамотница въ семьѣ, читающая манифестъ про волю, и 3) *Нива*—горячая молитва о томъ, чтобы Богъ *далъ родинѣ духовнаго хлѣба.*

Отъ всѣхъ этихъ пьесъ, какъ чисто описательнаго, такъ и болѣе лирическаго, за немногими исключеніями, характера переходимъ къ послѣднему отдѣлу, который назовемъ *эпическимъ*.

Здѣсь, во-первыхъ, остановимся на двухъ шуточныхъ разсказахъ: 1) *Три правды*—сказка о томъ, какъ *„птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ“* ловко провела купчину, падкаго до на-

живы, который, выпустивъ ее, польстившись на то, что, дескать, *„наживетъ и денегъ, и почету, и на зависть всѣмъ пойдетъ все въ гору,* — выходитъ круглымъ дуракомъ, — такъ что ему остается только: *„обругать пичугу, плюнуть, да молчать про такой случай,*—о которомъ онъ разсказываетъ только почти что *передъ смертью, подъ хмелькомъ*, у внучки на *крестинахъ*, 2) *Пастухъ*—испанская легенда о томъ, какъ одурачилъ надутаго короля Донъ Педро, *котораго трепеталъ весь народъ и дрожали всѣ придворные, только поведетъ онъ усомъ*, простой *мальчикъ въ широкой шляпѣ, съ козьимъ мѣхомъ на плечахъ*, оказавшійся остроумнѣе самого короля, предложившаго для разрѣшенія глупые вопросы, и всѣхъ вельможъ, которымъ оставалось только *смѣяться, морща лобъ,* да *порѣшить*, что пастухъ скверный мальчишка—*грубіянъ*. Далѣе отмѣтимъ 3) прекрасную идиллію *Дурочка Дуня.* Живая и интересная по содержанію, она можетъ дать хорошій матеріалъ для бесѣды. Такъ, можно обратить дѣтское вниманіе на особенность развитія въ этой Дунѣ, въ которой, при полномъ отсутствіи разсудка, науки,—такъ сильно работаетъ воображеніе, фантазія и теплота сердца, подъ вліяніемъ чего она выходитъ такою странною дѣвушкою, и, наконецъ, гибнетъ не вслѣдствіе одной простой случайности, а совершенно необходимо. Предоставленная самой себѣ, своей, созданной однимъ увлеченіемъ, цѣли, она не соображаетъ ни своихъ силъ для пути, ни опасностей, коимъ можетъ подвергнуться. Съ другой стороны, слѣдуетъ остановиться на симпатичности этого, почти взрослаго, ребенка; на теплотѣ, веселости, радости, удовольствіи, которыя вносила она своими разсказами, танцами, пѣснями въ однообразную трудовую жизнь цѣлой семьи. При этомъ можно указать и на значеніе въ жизни искусства: не принося прямой, видимой пользы, оно, тѣмъ не менѣе, *„разнообразитъ жизнь, не даетъ ей потеряться въ ежедневныхъ мелочахъ и разныхъ разсчетахъ, которые все же необходимы въ жизни, а напротивъ, возвышаетъ ее, развивая сочувствіе къ интересамъ общечеловѣческимъ. Оно, какъ и дурочка Дуня, составляетъ душу жизни постояннаго труда и разныхъ житейскихъ хлопотъ*“. Наконецъ, въ этомъ разсказѣ интересна и сама наивная разсказчица—бабушка, въ простотѣ своей видящая во внучкѣ *„только порченую“*, обреченную на погибель, а не богато-одаренную, впечатлительную, натуру,

которой некому было въ малообразованной, бѣдной, семьѣ понять, направить *).

Отъ этой грустной смерти, какъ слѣдствія не умѣренной разсудкомъ фантазіи бѣдной дѣвочки, можно перейти къ смерти отъ непосильнаго труда, побоевъ и тоски по родинѣ, — къ смерти Негра на палимой зноемъ рисовой нивѣ: 4) *Сонъ негра.* Здѣсь также примѣръ фантазіи; но для фантазирующаго человѣка она въ этомъ случаѣ составляетъ послѣднее предсмертное утѣшеніе. Она такъ естественна въ человѣкѣ, оторванномъ въ минуту предсмертной агоніи грубымъ насиліемъ отъ родины: Негру представляется въ воображеніи картина роскошной, оживленной мѣстности, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми, отцомъ страдальца. (Кстати напомнимъ очень нравящуюся дѣтямъ книгу Бичеръ-Стоу: „*Хижина дяди Тома*").

За этими пьесами можно остановиться на произведеніяхъ, хотя и основанныхъ на преданіяхъ народныхъ, но, тѣмъ не менѣе, имѣющихъ историческую подкладку, какъ въ общемъ, такъ и частностяхъ. Здѣсь, для дѣтей, уже знакомыхъ съ принятіемъ Константиномъ христіанства, выберемъ: 5) *Послѣдніе язычники.*— Старые трибуны, противившіеся принятію новой вѣры, видящіе въ ней гибель государства, наконецъ, въ безсильной злобѣ затворяются въ своихъ домахъ, собираясь по временамъ въ древній, уже разрушающійся, храмъ „*молиться дѣдовскимъ богамъ*". Но кругъ ихъ съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ; государство, вмѣсто того, чтобы пасть, процвѣтаетъ, „*надъ вселенной горитъ крестъ*",—и, наконецъ, трибуновъ осталось только двое. Въ послѣдній разъ сходятся они, вѣнчанные розами, въ храмъ старыхъ боговъ, и призываютъ на отечество месть. Но молчатъ боги;—вмѣсто проклятій на устахъ, у послѣднихъ язычниковъ льются слезы изъ очей, *не узрѣвшихъ во время славу Христа*,—и молча уходятъ они изъ родной земли, все-таки „*не понявъ, что Божій Сынъ и*

*) Подробный разборъ этой идилліи въ книгѣ Стоюнина „*О преподаваніи русской литературы*". Въ этой книгѣ въ многочисленныхъ примѣрныхъ разборахъ воспитатель найдетъ множество указаній, на что и какъ надобно обращать дѣтское вниманіе при чтеніи художественныхъ произведеній. На разборѣ *Дуни* хорошо объясняются элементарныя психологическія понятія: умъ, соображенье, чувство, неуправляемая умомъ воля.

ихъ прощаетъ". 6) *Никогда!*—разсказъ о первой встрѣчѣ славянъ съ римлянами. Римляне, увидѣвъ, что имѣютъ дѣло съ народомъ, готовымъ принять гостепріимно всякаго, кто бы ни пришелъ къ нимъ съ добрыми намѣреніями, въ то же время готовымъ дружно отразить врага и постоять за свою честь, повернули назадъ; 7) *Сабля короля Вукашина*—передѣлка Сербской пѣсни о томъ, какъ Марко Королевичъ нашелъ у султана саблю отца, убитаго врагами. (Здѣсь, кстати, можно ознакомить и съ *Пѣснями западныхъ славянъ*, Пушкина).

Въ заключеніе этого послѣдняго, эпическаго, отдѣла, а вмѣстѣ и чтенія съ дѣтьми Майкова, поставимъ слѣдующія три пьесы, могущія служить и иллюстраціей вѣка, при изученіи исторіи: 1) *Клермонтскій соборъ*. Не говоря уже о важности идеи — *сила простого вдохновеннаго слова, дѣйствіе его на массу*, которая, какъ одинъ человѣкъ, несетъ въ общую сокровищницу свою посильную лепту, бросаетъ женъ и дѣтей для общаго святого дѣла, обратите вниманіе на обстановку рѣчи пустынника. Тутъ и рыцари, и дамы, и монахи, и папа, и простой народъ,—весь средневѣковой людъ съ его энтузіазмомъ, съ мыслями о духовныхъ подвигахъ, о Христовой вѣрѣ, попираемой мусульманами,—народъ съ его разстроеннымъ воображеніемъ, которому являются таинственныя знаменія;—словомъ, въ этомъ разсказѣ передъ вами, въ одной цѣльной картинѣ: средніе вѣка въ пору ихъ цвѣтущей юности, когда такъ единодушно соединились для общаго дѣла самыя различныя національности и стали подъ однимъ знаменемъ и гордый рыцарь, и король, и бѣдный феодалъ. Если въ „*Клермонтскомъ соборѣ*" представлена *свѣтлая* сторона среднихъ вѣковъ, ихъ безкорыстное увлеченіе Христовой любовью, вѣрой то 2) въ *Савонароллѣ* видимъ, съ одной стороны, суровое осужденіе духовенствомъ, во имя религіи, во-первыхъ, всякихъ свѣтскихъ удовольствій, хотя слѣдовало бы только осуждать тѣ изъ нихъ, которыя развращали нравы, во-вторыхъ осужденіе даже пробуждающейся жажды знанія (*До знаній жадны, вѣрой скупы, понять вы тщитесь бытіе, анатомируете трупы, а сердце-ль знаете свое?.. Проклятье мудрости людской*); съ другой — возмутительное сожженіе на кострѣ самого проповѣдника, только потому, что въ своихъ суровыхъ требованіяхъ жизни по ученію Христа онъ осмѣлился осуждать самого папу и его карди-

наловъ. Такимъ образомъ, какъ въ „*Соборѣ*“ мы видимъ, до какихъ добрыхъ плодовъ можетъ довести сердце и воображеніе, такъ, въ *Савонароллѣ*, ясно, до какого извращенія могло дойти въ концѣ среднихъ вѣковъ святое Христово ученіе, проповѣдующее миръ, любовь и всепрощеніе. Это извращеніе святой вѣры является въ неменѣе яркомъ свѣтѣ и въ осужденіи на смерть Гусса: 3 *Приговоръ*. Обратите вниманіе на виртуозность истязаній, предлагаемыхъ въ длинной рѣчи на Констанскомъ соборѣ, по латыни, чернымъ докторомъ; на усматриваніе дьявольскаго искушенія тамъ, гдѣ сердце, еще не совсѣмъ затвердѣвшее, подсказываетъ истинно христіанское:—„*жалко Гусса*“,—гдѣ выступаетъ на суровыя очи слеза милосердія. И въ комъ же находитъ себѣ такое противохристіанское объясненіе самое человѣческое движеніе души?—Въ этомъ старцѣ-пустынникѣ, почтенномъ самимъ папой за святость жизни! Горькой ироніей звучитъ у поэта, разсказывающаго событіе, мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о томъ, какъ милосердіе изгонялось изъ сердца пѣніемъ „*Да воскреснетъ Богъ*!“, и какъ самого вылетавшаго изъ соборнаго сада дьявола, въ образѣ соблазнившаго святыхъ людей соловья, видѣли „*три стража, двѣ монахини старушки и одинъ Констанскій ратманъ, возвращавшійся съ пирушки*“ *).

X. Левъ Александровичъ Мей.

(Род. 13 февраля 1822 года † 16 мая 1862 года).

За А. Н. Майковымъ, какъ по силѣ таланта, такъ и *безотносительности* чисто эстетическаго направленія, ставимъ мы современника его Мея. Онъ даетъ для нашихъ цѣлей немногое, но зато, по силѣ стиха, образамъ, а отчасти, и внутреннему содержанію, вполнѣ пригодное для чтенія дѣтямъ, хотя уже болѣе взрослымъ, за исключеніемъ прекрасной *Руснацкой пѣсни*: „*Что это не слышно Наны голосочка*!“, которая такъ и просится въ сборникъ дѣтскихъ пѣсенокъ для самаго младшаго возраста. Писатель

---

*) Чтобы покончить съ отборомъ стихотвореній Майкова, обращаемъ вниманіе на два превосходныя большія произведенія: *Бальдуръ*—скандинавское преданіе о солнцѣ, требующее большихъ комментарій; 2) *Пульчинель*, для дѣтей уже развитыхъ, и старшаго возраста.

этотъ—частію, переводчикъ съ греческаго (Анакреонъ, Өеокритъ *), съ англійскаго (Мильтонъ, Байронъ), съ нѣмецкаго (Шиллеръ, Гете, Гейне), съ французскаго (Шенье, Беранже, Гюго, Дюпонъ. Надо) и славянскихъ языковъ,—и въ переводахъ этихъ писатель вовсе не дѣтскій; частію—драматургъ (*Псковитянка*, *Царская невѣста*, *Сервиллія*); частію же—пересказчикъ библейскихъ разсказовъ и русскихъ былинъ, годныхъ болѣе для чтенія народа, и, наконецъ, только въ нѣсколькихъ пьесахъ оригинальныхъ, представляетъ матеріалъ и для дѣтей. Къ такимъ пьесамъ, которыя обозначимъ также общей рубрикой *разныхъ*, относятся: 1) небольшое стихотвореніе въ народномъ духѣ: „*Запѣвка*",—можетъ быть сопоставлено съ стихотвореніемъ Лермонтова „*Родина*"; 2) „*Чуру*"—до словъ „*Теперь ты сталъ еще любовнѣе ко мнѣ*",—воспоминаніе о любимой собакѣ, „*нескладной* и *невзрачной*", надъ которой всѣ смѣялись, но которая такъ любила хозяина, и столько лѣтъ была нѣмой свидѣтельницей его неприглядной жизни (значеніе животнаго въ жизни человѣка)—можно сопоставить съ разсказомъ Тургенева „*Муму*", также съ разсказами Погосскаго: *Сибирлетка, Злодѣй и Петька;* 3) „*Графиня Мотенваль*"—французское преданіе о томъ, какъ могильщикъ, у котораго умирали съ голоду жена и дѣти, хотѣлъ въ минуту отчаянія снять съ обмершей въ летаргическомъ снѣ своей благодѣтельницы, въ могильномъ склепѣ, перстни, но она во время проснулась и простила тяжкій грѣхъ честнаго бѣдняка;—разсказъ, замѣчательный по интересу и сильно дѣйствующимъ на воображеніе картинамъ и теплотѣ, съ какою очерченъ герой.

Простотою и торжественностію высокаго подлинника вѣетъ отъ этихъ—не столько переводовъ, сколько разсказовъ на нѣкоторые изъ мотивовъ Библіи,—разсказовъ, съ которыми не лишнее познакомить дѣтей, особенно при прохожденіи съ ними Священной

---

*) Изъ Өеокрита для дѣтей, знакомыхъ уже съ древнимъ міромъ, можно рекомендовать: 1) *Рыбаки*—разсказъ бѣдняка о своемъ снѣ, въ которомъ онъ разбогатѣлъ, благодаря пойманной золотой рыбкѣ, и практическое предостереженіе товарища о необходимости для нихъ труда, а не безплодныхъ мечтаній о несбыточномъ: „*съ голода ты можешь умереть съ твоими снами золотыми*"; 2) граціозную сказку *Дѣтство Алкида;* 3) *Алкидъ—побѣдитель Льва* или *богатства Авгіаса* и 4) драматическую сценку *Сиракузянки*.

Исторіи, о высокомъ воспитательномъ значеніи коей, въ рукахъ разумнаго преподавателя, не можетъ быть и рѣчи. Такими разсказами считаемъ: 1) Великолѣпный переводъ *„Сотвореніе міра изъ Моисѣевыхъ книгъ бытія“*; 2) *Эндорская волшебница* и 3) *Юдиоь*;—но не иначе, какъ въ рукахъ воспитателя *), Нужно, чтобы онъ сумѣлъ указать въ этихъ пьесахъ элементъ нравственный, оцѣнилъ высокій подвигъ единственной женщины—Юдиѳи, рѣшившейся на спасеніе родины, грѣхъ Давида, отнявшаго у бѣдняка, по словамъ Наѳана, послѣднее его сокровище,—ягненка, и гибель Саула, дерзнувшаго *„гнать вѣщихъ пророковъ“*;—далъ почувствовать именно ту оцѣнку дѣлъ человѣческихъ, которую даетъ въ своихъ произведеніяхъ истинный художникъ. Ради этой-то оцѣнки, прекраснаго стиха и поражающихъ воображеніе картинъ, мы посовѣтовали бы не пренебрегать этими пьесами, хотя въ *Юдиѳи и Притчѣ* нѣсколько и выдвигается элементъ эротическій, а въ *Эндорской волшебницѣ*—явленіе тѣни Самуила.—Неужели только изъ за-этого жертвовать произведеніемъ прекраснымъ по силѣ благотворнаго нравственнаго впечатлѣнія въ цѣломъ? Если кто побоится, чтобы его воспитанники не оказались такъ уже испорчены, что въ библейскомъ разсказѣ заинтересуются только эротикой; кто побоится не сумѣть обратить дѣтское вниманіе не столько на явленіе самуиловой тѣни, сколько на ужасное состояніе души мучимаго совѣстью Саула и смыслъ карающихъ преступника словъ,—тотъ, конечно, пусть лучше оставитъ указанные разсказы, а мы ихъ обойти не рѣшились.

Если выборъ изъ ветхозавѣтныхъ пьесъ Мея можетъ еще возбудить въ воспитателѣ сомнѣніе, то стихотворная передача слѣдующихъ трехъ высокообразовательныхъ Евангельскихъ разсказовъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Самъ Іисусъ Христосъ, можетъ дать уже вполнѣ матеріалъ для воспитанія религіознаго чувства, любви къ Спасителю міра, въ самомъ высокомъ христіанскомъ смыслѣ. Таковы: 1) *Отойди отъ меня сатана!*—пьеса, для дѣтей лѣтъ 14—15, знакомыхъ уже въ разсказахъ съ древней исторіей, представляющая въ отдѣльныхъ картинахъ повтореніе всего хода исторіи человѣчества въ наиболѣе выдающихся особенностяхъ жизни каждой народности. Такъ, Сатана по-

*) *Притча о Наѳанѣ* пригодна только для народа.

казываетъ Мессіи сначала Іудею съ Палестиной, Синаемъ, Араратомъ, Ливаномъ, Іорданомъ, Сіономъ, Іерусалимскимъ храмомъ и, наконецъ, Голгоѳой; потомъ—Египетъ съ его Ниломъ, пирамидами, обелисками, сфинксами; Индъ и Гангесъ со своей роскошью причудливой, разнообразной флоры и фауны, съ огромными пагодами—данью страха передъ подавляющей человѣка силой природы, съ изувѣрами жрецами и кружащимися въ неистовой пляскѣ баядерами; темный, теряющійся въ безвѣстной дали Сѣверъ, съ его туманами, безконечными снѣжными равнинами, скованными льдомъ рѣками, сосновыми борами, морозами и вьюгами. Затѣмъ, Сатана переходитъ къ самому Сѣверу, которому еще предстоятъ историческія судьбы въ будущемъ; показываетъ Элладу съ островами, заливами, виноградниками, кипарисами и пальмами, чудесами искусствъ—изваянными богами, чарующими пѣснями, легкими храмами, стѣнами, домами—словомъ, открываетъ предъ лицомъ Христа Ѳивы, Коринѳъ, Аѳины во всемъ величіи ихъ высокой образованности. Наконецъ, вырѣзывается изъ тумана послѣдняя буква древней цивилизаціи—семихолмный Римъ съ Тарпейской скалой, Капитоліемъ, Тибромъ, тріумфальными арками, форумомъ, позорною ареной гладіаторовъ, дворцами цезарей—словомъ, Римъ со всѣмъ его военнымъ, политическимъ, но безчеловѣчнымъ, суровымъ, могуществомъ желѣзнаго вѣка. На все это равнодушно смотритъ Мессія; всѣ эти картины, въ послѣдовательномъ ходѣ древняго образованія, проходятъ передъ его мудрыми, божественными, очами, провидящими для человѣчества иныя, новыя задачи,—и отошелъ отъ учителя посрамленный соблазнитель... Это—такая пьеса, по которой можно повторить съ дѣтьми всю древнюю исторію! О двухъ слѣдующихъ переводахъ говорить много не приходится: 2) *Слѣпорожденный* и 3) *Отроковица* (Воскрешеніе дочери Іаира)—слишкомъ извѣстны русской публикѣ, и въ отношеніи религіозно-воспитательномъ обрисовываютъ личность Христа съ простотой евангельской правды и трогательнымъ чувствомъ.

Что касается пересказа народныхъ былинъ, то, малобразовательныя со стороны внутренней, богатыя скорѣе внѣшними фактами, онѣ, какъ напримѣръ, *Волхвъ*—убіеніе волхва новгородскимъ княземъ Глѣбомъ, — *Пѣснь про Боярина Евпатія Коловрата*, изъ временъ татарщины, могутъ быть хорошими иллюстраціями

древней русской исторіи*); но матеріала образовательно-вспомогательнаго представляютъ мало.

Въ пятомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Мея, изд. Мартынова, помѣщены разсказы въ прозѣ, изданные также и отдѣльно. Но, за исключеніемъ *Кирилыча* (симпатичный образъ двороваго человѣка), пригоднаго для чтенія дѣтямъ, да *Софьи* (исторіи любви Кирилыча) для народнаго чтенія, все остальное, хотя и представляетъ прекрасныя частности, но далеко ниже стихотворныхъ произведеній покойнаго поэта, и по содержанію совсѣмъ не пригодно ни для дѣтей, ни для народа. Такъ разсказы: *Гривенникъ*, *Чубукъ*, *На паперти*, *Парельщикъ* — отличаются характеромъ мистическимъ; въ *Медвѣжьей травлѣ* описывается варварская потѣха, слава Богу, уже отошедшая вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, въ область преданій; въ *Швейкѣ* — довольно неясный образъ отсидѣвшей много лѣтъ въ тюрьмахъ лихой дѣвки-преступницы; въ *Казусѣ*—неудавшаяся затѣя московскихъ богачей лукулловски пообѣдать въ разныхъ трактирахъ, и наконецъ, въ *Батѣ*—довольно отрывочная біографія отставного матроса, отзывающаяся немножко славянофильскимъ пошибомъ.

VI. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

(Род. 22 ноября 1725 г. † 25 сент. 1893 г.).

Болѣе сорока пяти лѣтъ продолжалась литературная дѣятельность этого писателя, сумѣвшаго, не смотря на всѣ невзгоды своей жизни, особенно тяжело обрушившіяся на него въ годы ранней молодости (1848—1856), сохранить въ себѣ рѣдкую свѣжесть любящаго сердца, ясность ума и твердость благородныхъ убѣжденій. Эти то качества, въ соединеніи съ широкою литературною образованностью и талантомъ, уже давно пріобрѣли покойному общее уваженіе, какъ къ кругу писателей, такъ и публики. Плещеевъ не только поэтъ оригинальный, но и замѣчательный, по умѣлому выбору и талантливой передачѣ подлинника, переводчикъ новѣйшихъ поэтовъ иностранныхъ, наиболѣе подходящихъ

*) *Пѣсня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую* — по содержанію *вовсе не дѣтская*,—съ указанными выше былинами и, пожалуй, *Александромъ Невскимъ*, представляютъ хорошее чтеніе *для народа*.

къ его собственному настроенію. Общее настроеніе его—элегическое. Скорбь о друзьяхъ, отнятыхъ могилой, благородное о нихъ воспоминаніе, сожалѣніе о несбывшихся надеждахъ юности, опасеніе, какъ бы не утратить, при враждебныхъ обстоятельствахъ внѣшнихъ, своего нравственнаго достоинства, постоянное стремленіе сохранить воспріимчивость къ лучшимъ явленіямъ жизни, желаніе возрожденія, страхъ, чтобы какъ-нибудь не привыкнуть къ пустой, безсодержательной жизни,—замѣтны, по справедливому выраженію покойнаго критика, повсюду въ стихотвореніяхъ г. Плещеева. Но такое, исключительно элегическое, настроеніе еще не исчерпываетъ этой поэзіи. Съ самаго начала дѣятельности Плещеева, съ 1846 г., на ряду съ подобными пьесами, идутъ бодрыя, зовущія на трудъ, на борьбу съ судьбой и обстоятельствами, проповѣдующія любовь къ человѣчеству, къ идеалу, ко всему благородному и прекрасному („*Впередъ безъ страха и сомнѣнья*“ поставлено въ настоящемъ изданіи, въ числѣ оригинальныхъ, первымъ, а черезъ сорокъ лѣтъ слышится тотъ же мотивъ въ помѣщенномъ въ концѣ оригинальныхъ пьесъ стихотвореніи на новый 1886 годъ: *За васъ, правдивыя и честныя сердца...*). Эти то два благородныхъ мотива — грустное раздумье надъ самимъ собой, — такъ сказать, провѣрка своего нравственнаго *я*, — и энергическій призывъ къ бодрости духа и упорной устойчивости передъ соблазнами, и дѣлаютъ поэта особенно дорогимъ не только для молодежи, но и для всѣхъ порядочныхъ людей, еще не погрязшихъ въ затягивающей тинѣ повседневности. Плещеевъ — поэтъ общественной и личной совѣсти, подобно древнему Тиртею, зовущій къ борьбѣ и подающій руку слабому и изнемогающему: — въ этомъ его воспитательная сила. Чаще заглядывай въ самого себя, чтобы не зачерствѣть, не смириться передъ пошлостью и зломъ: никогда не забывай вынесенныхъ изъ юности идеаловъ, оставайся до старости бодръ духомъ и чистъ сердцемъ:—вотъ нравственные принципы, которые привлекаютъ къ себѣ этого поэта и въ иностранной поэзіи, выбираемой имъ для переводовъ, или подражаній. Если къ этимъ симпатичнымъ мотивамъ присоединить еще любовь къ природѣ, трогательное, задушевное, отношеніе къ женщинѣ, какъ къ существу, согрѣвающему человѣка,—ко всему, что молодо душой, начиная съ ребенка, юноши, и кончая старикомъ, сохранившимъ до сѣдыхъ волосъ добрыя стремленія, любовь къ жизни,

вѣру въ добро и надежду на то, что человѣчество будетъ идти все дальше и дальше впередъ, подъ знаменемъ науки къ счастью, — то тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать за поэтомъ значеніе воспитательное.

Истинный другъ юности, къ которой онъ такъ часто обращается въ оригинальныхъ и переводныхъ произведеніяхъ, сознаетъ это значеніе и самъ. Въ то время, какъ другіе, лучшіе, наши поэты остаются равнодушны къ дѣтской литературѣ, предоставляя бездарнымъ піитамъ, не пускаемымъ въ журналы для взрослыхъ, сочинять для дѣтей жалкія вирши, въ родѣ Степки-Растрепки, портящія дѣтскій вкусъ, чувство и умъ, г. Плещеевъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ, когда, по прекращеніи *Журнала для дѣтей* Чистякова, явилось *Дѣтское чтеніе*, а за нимъ и другіе дѣтскіе журналы, очень часто помѣщалъ въ лучшихъ изъ нихъ свои произведенія, составившія въ концѣ семидесятыхъ годовъ даже особую книжку *Подснѣжникъ*.

Съ этихъ то, собственно, *дѣтскихъ* стихотвореній, составляющихъ особый отдѣлъ, и начнемъ разсмотрѣніе поэта съ точки зрѣнія воспитательной.

За исключеніемъ четырехъ пьесокъ, кажущихся намъ относительно слабыми по формѣ, — *Чистая дорога*, *Кукушка*, *Шаловливыя рученки* и *Сельская школа*—всѣ остальныя, *двадцать одно* стихотвореніе, можно смѣло рекомендовать, какъ хорошій, эстетическій матерьялъ, доступный дѣтскому пониманію и могущій возбудить въ дѣтяхъ гуманныя чувства. Здѣсь во-первыхъ *восемь*, относительно большихъ по объему, эпическихъ картинокъ, или сценокъ, изъ міра дѣтской жизни по отношенію къ старшимъ членамъ семьи, или, вообще, дѣтскимъ друзьямъ: *Бабушка и внучекъ* (внучекъ, подсмотрѣвъ въ окно, какъ учитель учитъ ребятъ, и самъ просится въ школу; образъ бабушки); *Завтра* (мальчикъ, наскучивъ ученьемъ, удираетъ отъ задремавшей няни въ поле; няня заступается передъ матерью за шалуна; мать не выдерживаетъ строгости и цѣлуетъ своего провинившагося любимца); *Ненастье* (дѣдъ разсказываетъ сказки пріунывшимъ внукамъ, которые, когда прояснѣло, съ пѣснями и смѣхомъ убѣгаютъ въ лѣсъ); *На берегу* (рыбная ловля, тоже съ дѣдомъ, въ лунный вечеръ); *Изъ жизни* (двѣ картинки: дѣти хвастаютъ передъ матерью выученными уроками, болтовней вызываютъ улыбку на суровомъ лицѣ утомив-

шагося работой отца; дѣдушка раннимъ утромъ будитъ дѣтокъ ѣхать на хуторъ, и самъ молодѣетъ съ ребятами); *На дачѣ* (шарманщикъ, вспоминающій о семьѣ, оставленной на родинѣ); *Елка* (елка въ школѣ для бѣдныхъ дѣтей); *Солдатъ* (старушка, отпустившая сына въ походъ, ухаживаетъ за забредшимъ къ ней солдатикомъ). Къ этой же группѣ отнесли бы мы, но для болѣе старшаго возраста, граціозную *Легенду* о Христѣ-младенцѣ, на вѣнокъ которому дѣти оставили одни шипы.

Всѣ указанныя стихотворенія, за исключеніемъ послѣдняго, отличаются содержаніемъ *свѣтлымъ*, — только бѣдный *Шарманщикъ* немножко смутитъ дѣтское веселье; но, вотъ, шесть такихъ же прелестныхъ вещицъ, отличающихся содержаніемъ, способнымъ заставить рѣзваго ребенка и призадуматься, пожалуй, вызвать и добрую слезу. Таковы: *Старикъ* (сѣдой, бѣдный лѣсникъ, тѣшащій ребятъ самодѣльными игрушками и сказками, оставляетъ по своей смерти добрую память въ дѣтяхъ, собирающихся играть на его одинокой могилкѣ); *Былое* (грустныя вспоминанія дѣтства); *Зимній вечеръ* (мать, напоминаетъ дѣтямъ, что не всѣ дѣти такъ счастливы, какъ они, и совѣтуетъ приголубить бѣдняжекъ, коли придется ихъ встрѣтить); *Въ бурю* (мать, качая колыбель, молится за ребенка); *Ожиданіе* (вопросы сиротки дѣду, когда же „*отпустятъ съ неба маму*“); *Цвѣтокъ* (растущій въ окнѣ за рѣшеткой тюрьмы, цвѣтетъ для того, кто страдаетъ, чтобы онъ, взглянувъ на цвѣтокъ, вспомнилъ зелень родимыхъ долинъ).

Остальныя пьески: — *Огни погасли въ домѣ* (сонъ дѣтей); *Мой садикъ*, *Весна*, *Капля дождевая*, *Напрасно*, *Птичка* и *Дѣти и птичка*—красивыя поэтическія игрушки, на которыхъ особенно останавливаться нечего. Къ дѣтскимъ же стихотвореніямъ слѣдуетъ присоединить и почему-то не попавшее въ этотъ отдѣлъ извѣстное стихотвореніе *Птичка,—Для чего пѣвунья птичка...* Къ этому же отдѣлу относятся и двѣ переводныя пьески, годныя и для маленькихъ дѣтей: *Птичка Божія проснулася съ зарей*, Сырокомли, и *Сельская пѣсня* (*Травка зеленѣетъ*).

Отъ стихотвореній, предназначаемыхъ для дѣтей и самимъ поэтомъ, перейдемъ къ произведеніямъ, которыя, доставляя наслажденіе взрослымъ, могутъ съ пользой и удовольствіемъ быть прочитаны и подростками лѣтъ съ 13—14. Оставляя въ сторонѣ

скорбныя стихотворенія, вызванныя горькимъ разочарованіемъ въ жизни, или раздумьемъ надъ своей собственной слабостью, — словомъ, хотя и прекрасныя, но по слишкомъ траурному характеру, равновременныя для юношества, остановимся на тѣхъ оригинальныхъ лирическихъ пьесахъ, которыя, отличаясь бодрымъ, полнымъ нравственной силой, настроеніемъ, способны поднять духъ юноши, призывая его ко всему доброму и прекрасному. Этого рода пьесы мы считаемъ тѣмъ болѣе воспитательными, что въ настоящее время и сама жизнь, и поэзія слишкомъ мало способствуютъ образованію того настроенія, которое даетъ человѣку силы на борьбу, и, поднимая его надъ низкимъ уровнемъ печальной повседневности, поддерживаетъ вѣру въ лучшее будущее и поселяетъ не отвращеніе къ жизни, а напротивъ, любовь и интересъ къ ней: Такими ободряющими пьесами считаемъ мы прекрасный гимнъ: *Впередъ! безъ страха и сомнѣнья...*; *За васъ, правдивыя и чистыя, сердца*; *Сонъ*, *Поэту*, *Молитва*, *Не говорите, что напрасно*; *Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь; Старикъ* (образъ старца, сохранившаго всѣ добрыя стремленія юности, свѣжесть чувства, силу духа и вѣру въ истину) *Поэту* (*Пускай заманчивъ гладкій путь*); *О юность, юность* (первые два куплета опустить), къ этимъ стихотвореніямъ присоединили бы мы еще два: *Двѣ дороги*, и *Я тихо шелъ по улицѣ безлюдной*, — первое, какъ зовущее юношество хотя и на трудный, кремнистый, но зато честный,—трудъ; второе, хотя и печальное въ общемъ, но проникнутое теплымъ, благороднымъ, чувствомъ къ умершему учителю, труженику съ высокою душой:

Любви къ добру и вѣры въ человѣка
Въ немъ до конца не гасъ огонь святой,
Училъ онъ насъ мириться съ темной долей,
Храня въ душѣ свой чистый идеалъ;
Училъ идти путемъ тернистымъ правды
И не искать за подвиги похвалъ: —
Училъ любить страну свою родную,
Отдать ей весь запасъ духовныхъ силъ,
Чтить имена борцовъ за свѣтъ и знанье —
Тѣхъ, кто одной лишь истинѣ служилъ.
Читая намъ созданія поэтовъ,
Воспламенялъ онъ юныя сердца;
И мы клялись идти къ высокой цѣли,
Не измѣнять клялись ей до конца.

Такой же высокій идеалъ учителя, къ которому должно вселять въ юношѣ особенное уваженіе и благодарность, рисуется въ стихотвореніи:

Блаженны вы, кому дано
Посѣять въ юныя сердца
Любви и истины зерно,.
Свершайте-жъ честно, до конца,
Свой подвигъ трудный и благой!
И нѣтъ награды выше той,
Что васъ за этотъ подвигъ ждетъ:
Роскошный цвѣтъ, обильный плодъ,
При жизни вашей принесетъ
Добро—посѣянное вами
Когда-жъ пробьетъ прощальный часъ,
Съ благоговѣньемъ и слезами
Отпустить въ землю юность васъ *).

Вторую половину этой пьесы, гдѣ поэтъ призываетъ проклятіе и презрѣніе на голову лжеучителей, въ чтеніи юношеству можно опустить.

Кромѣ стихотвореній, имѣющихъ цѣлью будить человѣка и вести его къ идеалу, изъ оригинальныхъ пьесъ Плещеева можно остановиться еще на слѣдующихъ: 1) *Послѣ чтенія газетъ*, которое по мысли можно сопоставить съ извѣстной пьесой Некрасова: *Внимая ужасамъ войны*, а также *Родиной*, Лермонтова (во всѣхъ трехъ—отвращеніе отъ войны, какъ отъ кровавой бойни); 2) *Трудились, бѣдные, вы отдыха не зная*,—написано на освобожденіе крестьянъ, и можетъ быть сопоставлено съ *Картинкой*, Майкова; 3) *Цвѣтокъ*—по мысли сходно съ стихотвореніями Лермонтова: *Утесъ* и *Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой*.

Небольшую группу вполнѣ пригодныхъ для юношества оригинальныхъ стихотвореній составляютъ *Лѣтнія пѣсни*, рисующія природу и ея успокоивающее вліяніе на человѣка: *Весна*, *Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки*, *Люблю я подъ вечеръ тропинкою лѣсною*, *Солнце горы золотило*, *Ночь пролетала надъ міромъ*,

*) Напоминаемъ указанное въ этой книгѣ стихотвореніе Языкова: *Памяти А. Д. Маркова*, строфы о лицейскихъ учителяхъ въ стихотвор. Пушкина: *19 Октября 1825 года* и образъ Леонтія Козлова въ *Обрывѣ*, Гончарова.

Блѣдный лучъ луны пробился и *Что ты поникла, зеленая ивушка.* Эти пѣсни можно сопоставить съ стихотвореніемъ Лермонтова: *Когда волнуется желтѣющая нива* и отрывкомъ изъ байроновскаго Чайльдъ-Гарольда *Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ* въ переводѣ Батюшкова.

Мастерской переводчикъ иностранныхъ поэтовъ, г. Плещеевъ никогда не переводитъ случайно, всегда выбирая вещи именно такія, которыя подходятъ къ его собственному направленію. Изъ многочисленныхъ переводовъ, занимающихъ болѣе половины книги, также найдется около двадцати пьесъ, которыя смѣло можно рекомендовать для чтенія юношеству, какъ по теплотѣ и гуманности, такъ и по ободряющему дѣйствію на душу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всего болѣе подходитъ къ указаннымъ уже ранѣе стихотвореніямъ оригинальнымъ:

1) *Поэту* (Роберта Пруца—нѣмецкій поэтъ, р. 1816 г.).

Сѣй, поэтъ, въ сердца людскія
Вѣчной правды сѣмена!...
. . . .
Вѣрь въ себя, и Богъ поможетъ!
Сѣй благія сѣмена...
Сѣй же щедро, до могилы
Не скупися на зерно,
Всѣмъ дѣлись съ людьми, что было
Отъ людей тебѣ дано!

2) *Всѣ люди братья*, Николля (англійскій поэтъ, р. 1833 г.)—призывъ къ братству, дружеству, забвенью разницы сословія и положенія, разлада и вражды, чтобы, взаимно поддерживая другъ-друга, честно дойти до могилы;

3) *Старики*, Эндрю Парка—состарѣвшіеся мужъ съ женой за кружкой вспоминаютъ прошлое и, грустя о томъ, что скоро свезутъ на погостъ и ихъ старыя кости, утѣшаются тѣмъ, что все-таки *каждый изъ нихъ взялъ у жизни, что могъ, и что ихъ любила живая радость.*

4) *Погребальная пѣсня*, Теннисона (англійскій поэтъ 1809—1892 года).

5) *Изъ венгерскаго поэта Арани*,—при всей кажущейся мрачности мотива, заключаетъ въ себѣ и много такого, что способно утѣшить человѣка и внушить глубокое уваженіе къ недаромъ

прожитой жизни. Покойникъ Теннисона, успокоившійся отъ нужды и тяжелаго горя подъ сѣнью плакучей березы, прожилъ не даромъ:

Жизнь трудовая не даромъ прошла,
Ратовалъ ты противъ мощнаго зла,
Честно стоялъ ты за честное дѣло—
Сердце враждой и любовью кипѣло.

Арани, оплакивая павшихъ въ честномъ бою за родину, утѣшается тѣмъ, что

Не погибъ тотъ идеалъ,
Что возвышалъ ихъ духъ!
И пламень тотъ, что въ нихъ пылалъ,
Съ ихъ жизнью не потухъ!
Завѣщанъ честнымъ онъ сердцамъ...
И еслибъ край родной
Опять воззвалъ къ своимъ сынамъ,—
Они готовы въ бой!

Къ этимъ пяти пьесамъ по характеру, болѣе или менѣе, примыкаютъ: граціозная идиллія Гамерлинга: (австрійскій поэтъ 1830—1889 г.) *Ослѣпленная птичка*,—птичка, распѣвающая веселыя пѣсни во всѣ времена года, не смотря ни на какія перемѣны въ природѣ:—ослѣпить ее могли, но никто не отниметъ въ ея воображеніи вѣчной весны:—пьеса для болѣе развитыхъ юношей,—и энергическая баллада Адольфа Шультса *Ратботъ*, — языческій король, отказавшійся принять отъ епископа Карла Великаго христіанство, узнавъ, что въ раю не встрѣтится уже съ отцомъ и братьями, умершими язычниками.

Изъ лирическихъ пьесъ съ разными сюжетами согрѣвающимъ образомъ подѣйствуетъ на юношеское сердце извѣстное, глубоко-трогательное стихотвореніе Фрейлиграта: (нѣм. поэтъ 1810—1876) *Люби, пока любить ты можешь* (цѣни людей тебя любящихъ, пока они живы, чтобы не мучиться упреками совѣсти, когда уже не поднимешь ихъ изъ могилы); *Ребенку*—поэтъ, лаская ребенка, проситъ вспомнить о немъ, когда его уже не будетъ въ живыхъ) и *Отцовскій очагъ*, Николля (воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ и родителяхъ, при видѣ заброшеннаго родного дома). Болѣе свѣтлымъ характеромъ отличаются: 1) *Горная идиллія*, Гейне (малютка-дочь рудокопа боится, сидя въ бѣдной избушкѣ, ночью, горныхъ духовъ,—а пѣсня рудокопа подъ шумъ сосны и

жужжанье веретена напѣваетъ: *День и ночь тебя, малютка, Божій ангелъ сторожитъ*; 2) *И вотъ опять увидѣлъ я у лѣса*, Гамерлинга (впечатлѣніе лѣса)—боязнь за гигантскую сосну, уцѣлѣвшую отъ топора дровосѣка: пусть лучше, *когда настанетъ ей время умереть, ее сразитъ небесный громъ* и 3) Четыре картинки природы:—*Изъ пѣсенъ о природѣ*, Адольфа Шультса.

Въ заключеніе выбора для юношества изъ переводовъ г. Плещеева не можемъ не указать еще на эпическія пьесы: 1) *Старый комедіантъ*, Грюна (псевдонимъ австрійскаго поэта Ауэрсперга 1806—1876)—смерть фигляра, которую можно сопоставить съ оригинальной пьесой, уже указанной ранѣе въ отдѣлѣ дѣтскихъ стихотвореній—*На дачѣ*, а также разсказами Григоровича: *Шарманщики*, *Зимній вечеръ* и *Гуттаперчивый мальчикъ;* 2) *Богъ сна*, Поля Гейзе (нѣмецкій писатель род. 1830 г.) пьеса большая, доступная наиболѣе развитымъ юношамъ:—трогательный образъ старушки, вдовы и матери взрослыхъ дѣтей отъ любимаго покойнаго мужа, въ сладкихъ снахъ вспоминающей о быломъ счастьѣ юныхъ дней,—вещь очень поэтическая *).

XII. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

(Род. 2 октября 1802 г. † 19 октября 1842 г.).

Открытый Н. В. Станкевичемъ, поддержанный и объясненный Бѣлинскимъ (т. XII), Кольцовъ представляетъ прекраснѣйшій художественный матерьялъ, какъ для чтенія дѣтямъ, такъ и народу, для котораго слѣдовало бы изъ 124 пьесъ дешево издать только *лучшія* пьесы, опустивъ всѣ слабыя и подражательныя, составляющія въ изданіи Солдатенкова только ненужный балластъ изъ шестидесяти двухъ стихотвореній, напрасно увеличивающій стоимость книжки, положительно необходимой въ каждой, даже самой бѣдной, народной школѣ **).

---

*) Выборъ переводовъ изъ Шевченко, см. ниже, въ статьѣ объ этомъ писателѣ.

**) Такое изданіе уже сдѣлано мною къ пятидесятилѣтію Кольцова—*Художникъ русской пѣсни Кольцовъ.* (Москва, 1892 г. изд. Д. И. Тихомирова ц. 50 к.); указано значеніе и характеръ русской народной пѣсни; разсмотрѣны предшественники Кольцова, Карабановъ, Нелединскій, Дельвигъ, Мерзляковъ, Цыгановъ; критика жизни и произведеній Кольцова).

Изученіе Кольцова должно начинаться съ самаго младшаго возраста, лѣтъ съ 9—10, еще до знакомства съ его біографіей, съ которой легко познакомить дѣтей позже по указаннымъ въ нашей книгѣ матерьяламъ.

Для младшаго возраста останавливаемся на слѣдующихъ пьесахъ:

1) Пѣсня пахаря.
2) Удалецъ.
3) Крестьянская пирушка.
4) Урожай.
5) Косарь.
6) Раздумье селянина.
7) Первая пѣсня Лихача-Кудрявича.
8) Вторая пѣсня Лихача-Кудрявича.
9) Что ты спишь, мужичокъ?
10) Доля бѣдняка.
11) Разступитесь, лѣса темные.
12) Могила.
13) Ночлегъ чумаковъ, и
14) Размышленіе поселянина.

Исключивъ отсюда „*Могилу*" и „*Ночлегъ чумаковъ*", какъ неимѣющія прямого отношенія къ крестьянской жизни, вглядимся въ содержаніе остальныхъ, и, на основаніи его, попробуемъ расположить ихъ такъ, чтобы они могли ознакомить ребенка съ *жизнью крестьянина.*

Однѣ изъ этихъ пьесъ рисуютъ *крестьянское довольство и его условія,* другія—*бѣдность* и, вообще, *крестьянское горе;* третьи, наконецъ, *характеры сильные, ищущіе выхода изъ своего тяжелаго положенія въ самихъ себѣ.* Отсюда всѣ, выбранныя нами, стихотворенія (12) дѣлятся на три группы, которыя и разсмотримъ въ отдѣльности.

а) Крестьянское довольство и его условія.

Въ „*Крестьянской пирушкѣ*" дѣти прямо вводятся въ домъ зажиточнаго крестьянина (Изба, костюмъ хозяйки, угощеніе, множество гостей, веселое, пріятное расположеніе духа хозяевъ и гостей). Такая обстановка и пирушка у крестьянина могутъ быть

только при урожаѣ. На пирушкѣ гости *„гуторятъ рѣчи про хлѣбъ, про покосъ: какъ-то Господь уродитъ хлѣбъ, какъ то сѣно въ степи будетъ зелено"*.

Отъ этой пьесы естественъ переходъ къ *„Урожаю"*, и вниманіе дѣтей привлекается картиною благодатной грозы, дождя и солнечнаго дня, необходимыхъ условій урожая, почему авторъ и останавливается на этихъ картинахъ съ такою любовью, и съ такимъ удовольствіемъ разсказываетъ о томъ, съ какою радостію и смѣхомъ идетъ уборка хлѣба, и говоритъ о благодарной молитвѣ поселянина. Но и урожай не даетъ довольства, если крестьянинъ не приложитъ къ землѣ всего своего труда, который не легокъ и требуетъ неусыпнаго прилежанія. Лѣнь, обуявшая крестьянина, которому надоѣло работать да работать и хочется отдохнуть безъ времени и срока, губитъ даже и накопленный прежнимъ трудомъ достатокъ. Въ пѣснѣ *„Что ты спишь, мужичокъ"* автору жаль лѣнивца, котораго онъ старается побудить къ труду *сравненіемъ его прежняго довольства и почета* у сосѣдей *съ настоящей нищетой.* Тяжело работать на другихъ; но трудъ для себя, трудъ съ надеждой, что вотъ, дастъ Богъ, осенью можно будетъ и отдохнуть, пріятенъ поселянину. Веселый и бодрый, выѣзжаетъ крестьянинъ на зарѣ пахать землю; былъ бы у него только здоровый *сивка*, котораго онъ любитъ, какъ своего вѣрнаго помощника-участника въ тяжеломъ трудѣ (*Пѣсня пахаря*).

b) Бѣдность и горе вообще.

Не всегда довольно одного труда, и даже урожая, чтобы пожить сыто, тепло и въ довольствѣ; крестьянину нужно еще *„родиться терпѣливымъ и готовымъ на все"* (*Вторая пѣсня Лихача-Кудрявича*). Невидимкой, нежданно, негаданно, подойдетъ къ *мужику бѣда*—побьетъ градомъ хлѣбъ, сожжетъ пожаромъ избу или овинъ,—и останешься *„чистъ кругомъ и легокъ; никому не нуженъ"*. Къ бѣдности (*лаптишки безъ онучъ, рваный кафтанишка*) присоединяется еще самолюбіе, горькое сознаніе въ томъ, что я, дескать, нищій—совѣстно выйти на сходку, хочется скрыть въ самомъ себѣ свое горе: *„пусть не видятъ люди прожитаго счастья"*. А еще горше питаться на счетъ міра, на счетъ людей, у которыхъ и самихъ-то не Богъ вѣсть какіе достатки (*Доля бѣд-*

няка). Боишься надоѣсть людямъ рѣчами, боишься попрека, становишься даже подозрителенъ и недовѣрчивъ, и натянутой улыбкой стараешься прикрыть *„долю горькую“*. А еще тяжеле всю-то жизнь прожить *одинокому* (*Раздумье поселянина*), безъ жены-помощницы, участницы въ горѣ и радости, безъ друга, съ которымъ можно было бы отвести душу, посовѣтоваться. Тяжело остаться послѣ родителей безъ избы-угла теплаго, безъ клочка земли; остаться хоть и *„съ силой крѣпкой“*, но истратить эту силу *„по чужимъ людямъ“*, работая батракомъ на чужой землѣ, изъ-за *„горькой нужды“*, т. е. изъ-за *„куска хлѣба“*, только для того, чтобы, надломивъ здоровье и силы, сидѣть за столомъ, да раздумывать горькую думу: *какъ на свѣтѣ жить одинокому“*.

c) Характеры сильные, ищущіе выхода изъ тяжелаго положенія въ самихъ себѣ.

„Жизнь прожить—не поле пройти за сохою“ (*Вторая пѣсня Лихача*); чтобъ жить, нужно бороться съ жизнью, а для этого необходима твердая воля. Соскучился молодецъ жить за печкою зиму-зимскую (*Удалецъ*), надоѣло ему *„пахать да косить, затоплять овинъ, молотить овесъ“*. Чувствуется, что силы его могутъ быть употреблены на что-то другое, а на что, молодецъ и самъ не знаетъ. А тутъ темные, дремучіе, привольные лѣса, большая проѣзжая дорога—хочется уйти куда-нибудь, пожить на волѣ, безъ труда. Разбойничья жизнь сманиваетъ молодца своимъ привольемъ, рискомъ на жизнь и на смерть,—столь привлекательнымъ для удалой головы,—богатой добычею, страхомъ, который онъ будетъ наводить на всякаго встрѣчнаго. Но мысль о Богѣ, который запрещаетъ губить человѣка, останавливаетъ удальца, и вотъ онъ, поборовъ себя, рѣшается лучше идти въ солдаты—*„сложить голову за крещеный міръ“*. Удальцомъ движетъ неопредѣленное желаніе разгуляться, потѣшить душу, попробовать силу не на одной сохѣ. Другое, болѣе глубокое, опредѣленное, чувство говоритъ въ женихѣ въ пѣснѣ *„Разступитесь, лѣса темные“*. Парень любитъ дѣвушку, но бѣдность не позволяетъ ему жениться, хотя родители и готовы отдать за него дочь. Не желая заставить кое-какъ маячить съ нимъ жизнь дѣвушку, которую онъ такъ любитъ, молодецъ бросаетъ родину, и отправляется *„ходить по людямъ, деньгу*

копить, за морями счастья пробовать". Только тяжелымъ и долгимъ трудомъ добывъ себѣ болѣе прочныя средства къ жизни, онъ съ торжествомъ возвращается къ своей невѣстѣ, чтобы зажить въ довольствѣ, пріобрѣтенномъ собственными руками. Еще ярче, полнѣе видится эта сила воли въ *Косарѣ*. Начинающаяся тяжелымъ раздумьемъ надъ горькимъ положеніемъ косаря, пѣсня рисуетъ крестьянскую красоту (сила, здоровье), и раздѣляется на двѣ части, обнимающія два различныя состоянія духа. Въ первой — неисходное горе, сожалѣніе о разбитой жизни, и даже отчаяніе; во второй — человѣкъ выходитъ изъ своего горя побѣдителемъ. Онъ переламываетъ себя и рѣшается тяжелымъ трудомъ сколотить деньгу. Степь, какъ средство къ пріобрѣтенію счастья, рисуется въ воображеніи Косаря самыми радужными красками, и картина возвращенія на родину, уже съ деньгами, прекрасно заключаетъ эту, одну изъ самыхъ лучшихъ; пѣсенъ Кольцова. Еще большее уваженіе должна возбудить полная силы личность *Поселянина* (*Размышленія поселянина*), семидесятипяти-лѣтняго старика, кормильца всей семьи, состоящей изъ однихъ ребятишекъ, да безсмысленныхъ бабъ. Любовь къ этой семьѣ, вопросъ о томъ, каково-то имъ придется жить въ чужихъ людяхъ, не позволяетъ ему сбыть невѣстокъ и дѣтей съ своей шеи, и, подавивъ въ себѣ невольный ропотъ на тяжелое положеніе, онъ не только рѣшается „*трудиться, доколь мочь и сила, доколь душа въ тѣлѣ*", но еще утѣшаетъ себя надеждой „*годъ семью пробавить, посбыть подать съ шеи и нужды поправить, и лишней копейкой Божій праздникъ встрѣтить*". Эта-то сила воли и увѣренность въ себѣ поддерживаетъ въ человѣкѣ и веселое расположеніе духа (*Первая пѣсня Лихача-Кудрявича*); вдохновляетъ и побуждаетъ къ работѣ („*Что, шутя, задумалъ, пошла шутка въ дѣло, а тряхнулъ кудрями,—въ одинъ мигъ поспѣло*"), помогаетъ легче переносить горе („*не подъ шапку горе головѣ кудрявой*"), подсказываетъ веселую *Пѣснь Лихача-Кудрявича*, въ шутку приписывающаго кудрямъ свою удачу во всемъ и довольство.

Отъ этихъ, небольшихъ, группъ, представляющихъ довольно полные и опредѣленные образы, перейдемъ къ двумъ пьесамъ, стоящимъ особо: 1) *Могила*—картина степи съ одинокою насыпью,

возбуждающею въ воображенiи поэта симпатичный образъ матери-жницы, схоронившей подъ нею ангела-младенца; и 2) *Ночлегъ чумаковъ*, хотя и напоминающiй „*Цыганскiй таборъ*" Пушкина, но рисующiй задумчивыхъ чумаковъ, поющихъ пѣсни о своемъ славномъ прошломъ.

Отъ произведенiй, доступныхъ младшему возрасту, переходимъ къ разсмотрѣнiю остальныхъ *лучшихъ* произведенiй Кольцова, которыя, изданныя вмѣстѣ съ названными четырнадцатью, могутъ составить и все высоко художественное достоянiе поэта, заслуживающее самаго внимательнаго изученiя, какъ по непосредственной народности и глубинѣ чувства, такъ и сжатости и яркости образовъ; по нравственной же чистотѣ вполнѣ умѣстное въ школѣ для *болѣе старшаго* возраста и для народа.

Изъ этихъ пьесъ болѣе всего (33) *любовныхъ*, представляющихъ въ нѣжныхъ, грацiозныхъ краскахъ здоровое чувство любви молодого парня и дѣвушки, то любви счастливой, раздѣленной, то глубоко несчастной, сопровождаемой ревностью, или горькимъ сожалѣнiемъ о минувшемъ счастьѣ, наконецъ — любви, которой не суждено увѣнчаться бракомъ. Сюда же относятся и пѣсни о бракѣ съ немилымъ, совершенномъ изъ-за разсчетовъ родныхъ, или, вообще, несчастномъ, бракѣ, и нѣсколько эпическихъ картинокъ, полныхъ драматизма, какъ *Деревенская бѣда, Хуторокъ* и *Ночь*.

Предлагаемъ группировку этихъ *любовныхъ* пьесъ по сюжетамъ. *Любовь дѣвушки счастливая*: 1) Молодая жница; 2) Что онъ ходитъ за мной; 3) Нынче ночью къ себѣ... *Любовь дѣвушки несчастная:* 1) Кольцо; 2) Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись; 3) Отчего, скажи, мой любимый серпъ; 4) Разступитесь, лѣса темные; 5) Я любила его; 6) Два прощанiя и 7) Не скажу никому; *Горе замужней женщины*: 1) Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали и 2) Безъ—ума, безъ—разума. *Любовь парня счастливая*: 1) Пора любви; 2) Обойми, поцѣлуй; 3) Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ...; 4) Такъ и рвется душа; 5) Ты прости, прощай...; *Любовь парня несчастная*: 1) Размолвка; 2) Ты не пой, соловей; 3) Не шуми ты, рожь; 4) Измѣна суженой; 5) Пѣснь разбойника; 6) Бѣгство; 7) Въ непогоду вѣтеръ; 8) Свѣтитъ солнышко; 9) Разлука; 10) Не на радость, не на счастье; 11) Дуютъ вѣтры; 12) Не весна тогда жизнью вѣяла. *Неудачный бракъ молодца*: Всякому свой талантъ.

Наряду съ мотивами любви, большею частію, несчастной, выступаютъ у поэта порывы къ волѣ, свободѣ, неудовлетворенность жизнью безъ смысла и содержанія, сознаніе своего нравственнаго одиночества въ окружающей его грубой средѣ и невозможности изъ нея выбиться, что вполнѣ понятно при знакомствѣ съ біографіею Кольцова. Таковы пьесы: 1) Горькая доля; 2) Путь; 3) Тоска по волѣ; 4) Дума сокола; 5) Перепутье; 6) Много есть у меня теремовъ и садовъ; 7) Разсчетъ съ жизнью; 8) Совѣтъ старца и 9) Пѣснь старика (Осѣдлаю коня). Но эти грустные мотивы, какъ указано ранѣе при разсмотрѣніи пьесъ съ изображеніемъ характеровъ сильныхъ, ищущихъ выхода изъ своего положенія въ самихъ себѣ, иногда переходятъ въ твердую вѣру въ себя и свои силы. Таковы, относительно, слабыя по формѣ: *Послѣдняя борьба* и *Товарищу*, которыя по мысли, по энергическому призыву къ дѣлу и къ борьбѣ съ жизнью, вполнѣ заслуживаютъ вниманія юноши и народа.

Въ заключеніе укажемъ еще четыре пьесы, которыхъ нельзя опустить въ *народномъ* изданіи Кольцова: 1) *Лѣсъ*, помимо высокихъ художественныхъ достоинствъ, рисующій глубокую скорбь о смерти Пушкина, столь любимаго поэтомъ; 2) *Старая пѣсня* (покореніе Грознымъ Казани); 3) *Предъ образомъ Спасителя* (Предъ тобою, мой Богъ) и 4) *Молитва* (Спаситель, Спаситель! чиста моя вѣра). Остальныя *думы* Кольцова, имѣющія значеніе біографическое, по отношенію къ знакомству съ философіей въ кружкѣ Станкевича, по нашему мнѣнію, не могутъ представлять интереса ни для юношества, ни для народа.

XIII. Иванъ Савичъ Никитинъ.

(Род. 21 сент. 1824 г. † 16 окт. 1861 г.).

И если бы отъ самой колыбели
Страданіе досталося тебѣ,
Какъ человѣкъ, своей высокой цѣли
Не забывай въ мучительной борьбѣ.

Некрасовъ.

Этотъ писатель, еще не вполнѣ оцѣненный критикою, которая теперь можетъ отнестись къ нему болѣе обстоятельно, благодаря прекрасному изданію его сочиненій и обширной біографіи, пред-

ставляетъ вторую ступень художественнаго сознанія въ поэзіи, занимающейся изображеніемъ явленій жизни нашего простого люда, отличительными признаками которой, вообще, являются *бѣдность* и *невѣжество*, и, какъ результатъ ихъ, *страданія* и *кулачество*, нерѣдко, какъ у того же Никитина, напр. въ лицѣ Кулака, или у Островскаго въ „*Своихъ людяхъ*“, находящее наказаніе въ самомъ себѣ. Первая ступень этого сознанія есть, такъ сказать, простое эстетическое созерцаніе жизни. Авторъ поражается тѣмъ или другимъ явленіемъ, будь оно положительное, или отрицательное, и, при помощи таланта, воплощаетъ это явленіе въ образѣ, обобщая его нѣсколькими рѣзкими штрихами, не вдумываясь въ его причины и не останавливаясь на частностяхъ. При этомъ, особенно если авторъ лирикъ, современность, подробности, детали, не рѣдко опускаются, и произведеніе, при всей своей поэтической прелести и задушевности, остается все-таки какимъ то общимъ, правда, близкимъ всѣмъ, но зато мало освѣщающимъ окружающую дѣйствительность. Такую ступень представляетъ Кольцовъ, у котораго—только объективныя картины (*Пирушка*, *Урожай*, *Косарь*, *Вторая пѣсня Лихача*), только общія причины богатства и бѣдности, напр. урожай, упорный трудъ, пожаръ, лѣнь. Такіе авторы любятъ, по преимуществу, останавливаться на явленіяхъ положительныхъ, характерахъ сильныхъ, добрыхъ, любятъ уходить отъ окружающей жизни въ изображенія природы, или чувствъ любви. Они знакомятъ скорѣе съ человѣчествомъ, чѣмъ съ человѣкомъ, съ народомъ вообще, въ его національныхъ особенностяхъ, чѣмъ съ проявленіями его жизни въ частностяхъ. Они не столько развитые художники — судьи, невольные присяжные для произнесенія приговоровъ добру и злу, сколько, если можно такъ выразиться, пѣвцы съ прекраснымъ голосомъ и талантомъ исполненія, воспріимчивые къ звуку, но поющіе, что придется: „*реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ, трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ, поетъ ли дѣва за холмомъ, на всякій звукъ родятъ они вдругъ въ пустомъ воздухѣ свой откликъ*; „*они*“ *внемлютъ и грохоту громовъ, и гласу бури и валовъ, и крику сельскихъ пастуховъ, и шлютъ* отвѣтъ *на все*“. Поэтому эти поэты и разностороннѣе; но зато, удовлетворяя чувству, они нерѣдко мало заставляютъ работать мысль окрѣпшую, требующую большаго анализа и вдумчивости и неудовлетворяющуюся одною непосредственностью. О зна-

ченія этихъ непосредственныхъ эстетиковъ въ дѣлѣ воспитанія мы уже не разъ говорили ранѣе, и потому, признавая ихъ необходимое значеніе для дѣтей, говорить о нихъ больше не будемъ.

Вторая ступень сознанія, однинъ изъ выразителей которой Никитинъ, не ограничивается обобщеніями, но идетъ дальше. Она обыкновенно держится однихъ, извѣстныхъ, явленій, положительныхъ, или отрицательныхъ, въ той или другой сферѣ, сословіи, и т. д., смотря потому, какъ сложилась жизнь самого автора, и что его окружало, почему нерѣдко эти поэты однообразны. Но зато уже эти явленія исчерпываются ими вполнѣ, и не только представляются объективной картиной, но даютъ читателю нѣчто большее, чѣмъ простое созерцаніе. Будучи сосредоточеннѣе поэтовъ первой ступени, у которыхъ только талантъ самородокъ, — болѣе привычные къ мысли, къ анализу, указывающему, на чемъ останавливаться, чего искать, они невольно избираютъ себѣ, большею частью, извѣстную среду (Диккенсъ—холодные богачи, въ самомъ паденіи своемъ сохранившіе человѣческія чувства бѣдняки; Григоровичъ, Тургеневъ—крѣпостное право, Гончаровъ—помѣщичья жизнь, Островскій—купечество), но зато уже и освѣщаютъ избранное извѣстнымъ свѣтомъ, съ цѣлью возбудить въ читателѣ къ изображаемымъ людямъ извѣстное отношеніе. Такимъ образомъ, у нихъ уже является и опредѣленное направленіе, цѣль, которая и достигается впечатлѣніемъ на читателей, и дѣло поэзіи обращается въ великое дѣло служенія роднѣ, какъ это было съ Диккенсомъ, сочиненія котораго вызвали реформы судебныя и воспитательныя, или у насъ съ писателями сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, отчасти подготовившими реформы царствованія Императора Александра Второго.

Никитинъ, вышедшій не изъ простого крестьянскаго люда, а изъ среды полуобразованнаго воронежскаго мѣщанства (мать—мѣщанка, отецъ изъ духовнаго званія, приписанный въ мѣщане, достаточный свѣчной торговецъ, хорошій начетчикъ св. писанія и знатокъ писателей до Пушкина, потомъ обѣднѣвшій, сварливый мелкій торгашъ, былъ человѣкъ довольно образованный и начитанный). По своимъ понятіямъ и развитію онъ стоялъ неизмѣримо выше Кольцова, и съ молодыхъ лѣтъ вращался между лучшими людьми воронежскаго общества. По требованіямъ отъ поэзіи, отъ дѣятельности образованнаго человѣка онъ принадлежитъ къ

числу лучшихъ нашихъ писателей, которые главною цѣлью ставили послужить по мѣрѣ силъ родной землѣ. Онъ глубоко сожалѣетъ, что его *„годы перехода изъ дѣтства въ годы зрѣлые"* были стѣснены *„для скромнаго труда"* мелкимъ домашнимъ деспотизмомъ и самодурствомъ; онъ думаетъ, что иначе, *„согрѣтый мыслію живою, какъ гражданинъ и человѣкъ. быть можетъ, свѣтлою* чертою *тогда бъ отмѣтилъ онъ свой вѣкъ"*. Ему и грустно, и *стыдно вспомнить ничтожность прожитыхъ годовъ, что въ массу общаго познанья другимъ взыскательнымъ вѣкамъ, какъ весь итогъ существованья, не передастъ онъ ничего, и умретъ въ краю родномъ безъ значенья.* (*Я помню счастливые годы*). Съ негодованіемъ обращается Никитинъ къ одному изъ самохвальныхъ поэтовъ-обличителей (*Поэту обличителю*), осмѣлившихся поднять камень на падшаго брата, съ вопросомъ, чѣмъ пожертвовалъ этотъ лицемѣръ, говорунъ безъ конца, *безкорыстный мудрецъ-гражданинъ, для родного края. „Твоя жизнь*, говоритъ онъ, *какъ и наша, безполдна, лицемѣрна, пуста и пошла... Ты не понялъ печали народной, не оплакалъ ты горькаго зла. Нищій духомъ и словомъ богатый, по наслышкѣ о всемъ ты поешь, и безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы, за свою всенародную ложь. Будь ты проклято, праздное слово!* Это требованіе согласія словъ съ дѣломъ поэтъ вполнѣ прилагалъ къ себѣ самому. Такъ, онъ открылъ книжную лавку не съ одной коммерческою цѣлью, а чтобы также и дать хорошее чтеніе обществу, и особенно молодежи, и велъ дѣло такъ, какъ, едва ли, велось оно въ его время кѣмъ-либо изъ нашихъ книгопродавцевъ; способствовалъ основанію Воронежской Женской Гимназіи, читалъ въ пользу ея на литературныхъ вечерахъ, и, наконецъ, все посмертное изданіе своихъ сочиненій оставилъ по духовному завѣщанію въ пользу этой же гимназіи. Относясь восторженно къ новому времени, и особенно, къ великому акту освобожденія крестьянъ, не оставаясь равнодушнымъ ни къ одному благородному, честному, дѣлу, или даже порыву, отъ кого бы они ни шли, умѣвшій *среди всего, что грязнаго есть въ самой жизни бѣдной*, замѣтить въ человѣкѣ искру добра, Никитинъ твердо вѣрилъ въ прогрессъ, славя тѣхъ, кто *истинѣ служитъ, истинѣ жертвуетъ всѣмъ*; вѣрилъ, что *дѣло настало живымъ*, и *что не пропадутъ сѣмена добраго дѣла и слова* (*„Медленно движется время"* — стихотвореніе, напоминающее *Грозу*

Беранже пер. Курочкина). Вѣря въ будущее, онъ возлагалъ надежду и на молодежъ, къ которой обращается въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ съ такими теплыми словами:

Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди,
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ!

(*Медленно дивижется время*)

На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь!
Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди—не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.
Безконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой,—
Вотъ прямое твое назначенье,
Добрый подвигъ на почвѣ родной.

(*Поэту-обличителю*).

Это то общее развитіе и вѣра въ будущее своей родины подсказали поэту одно изъ лучшихъ, по высотѣ лиризма, русскихъ стихотвореній — „*Русь*", проникнутое глубокимъ, хотя мѣстами и не безъ славянофильскаго оттѣнка, патріотизмомъ, оканчивающееся слѣдующими стихами: „*Ужъ и есть за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью, стать за честь твою противъ недруга, за тебя въ нуждѣ сложить голову*".

Стоя гораздо выше Кольцова по развитію, хотя въ то же время гораздо ниже его по таланту, Никитинъ въ содержаніи своихъ сочиненій, по крайней мѣрѣ, лучшихъ и самостоятельныхъ (у него много невыдержаннаго, необдѣланнаго, и даже просто навѣяннаго чтеніемъ Пушкина и Лермонтова), останавливается только на извѣстныхъ явленіяхъ. Это—явленія крестьянской и городской мѣщанско-торгашной жизни, порождаемыя *бѣдностью* и особенно, *невѣжествомъ, неразвитостью, недоуміемъ*, — явленія, особенно близкія автору съ его дѣтства и до самой смерти—въ той средѣ,

гдѣ прошла вся его *непривѣтная*, *одинокая*, *торопливая жизнь*, въ немногихъ словахъ изображенная въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній: „*Вырыта заступомъ яма глубокая*". Вотъ настоящая сфера поэзіи Никитина, и съ этой стороны онъ имѣетъ большую цѣну не только для чтенія съ дѣтьми, но и *для народа*, который вынесетъ изъ него для себя много полезныхъ иллюстрацій и уроковъ относительно того, какъ живетъ онъ, народъ, у себя дома, какъ губитъ по невѣжеству своихъ же собственныхъ женъ и дѣтей, а нерѣдко и самъ несетъ на себѣ, подобно Кулаку, тяжкое наказаніе за невольные грѣхи по недоумію.

То, что писалъ Никитинъ, онъ переиспыталъ, перенесъ на себѣ, перевидѣлъ, большею частію, самъ, и его біографія, вмѣстѣ съ нѣсколькими стихотвореніями, разсказанная или прочитанная въ сокращеніяхъ, представляетъ много поучительнаго. Въ своей семьѣ, еще въ дѣтствѣ, которое онъ хоть и вспоминаетъ съ любовью, впослѣдствіи, въ горькія минуты (*Дѣтство веселое, дѣтскія грезы*), натерпѣлся онъ многаго отъ грубости той среды, гдѣ росъ, и отъ крутого нрава отца. Рано видѣлъ онъ страданія добрѣйшаго существа, своей матери: „*Я помню ночь*, говоритъ онъ, *передъ моей кроваткой, сжавъ руки съ мукою въ чертахъ, вся блѣдная, освѣщена лампадкой, въ слезахъ молилась мать моя. Я былъ въ жару, а за стѣною пѣли — шелъ пиръ семейный, какъ всегда! Испуганный, я вскакивалъ съ постели...*" Эта женщина, память которой поэтъ почтилъ въ *Кулакѣ* созданіемъ образа симпатичной страдалицы Арины и стихами, слѣдующими за описаніемъ ея смерти (отъ словъ: „*Уснуло доброе созданье*" до: „*Съ разсвѣтомъ буря замолчала...*") была, едвали, не единственнымъ согрѣвавшимъ его существомъ и едвали не отъ нея получилъ поэтъ тотъ избытокъ любви къ людямъ, который помогъ ему остаться на всю жизнь человѣкомъ, не смотря на то, что его душѣ была такъ близка „*вся грязь и бѣдность Кулака*". Онъ росъ одинъ, безъ товарищей, и, рано отданный сначала въ духовное училище, а потомъ въ семинарію, прошелъ тамъ тяжелую школу сухой науки, среди такой же непригядной обстановки, какую впослѣдствіи такъ хорошо описалъ въ „*Дневникѣ семинариста*" *). Вся его

*) Имъ можетъ воспользоваться воспитатель (для обрисовки семинарской жизни автора) развѣ въ своемъ устномъ разсказѣ; но для самостоятельнаго чтенія дѣтьми „Дневникъ" рановременechъ.

ранняя юность прошла *„безъ разсвѣта, безъ яркой утренней зари, предвѣстницы роскошнаго дня“.* Но за одиночествомъ, домашней жизнью и наукой онъ находитъ внутреннюю жизнь и въ самомъ себѣ: въ своихъ мечтахъ, въ работѣ мысли, въ чтеніи. Этотъ анализъ, это чтеніе дѣлаютъ ему домашнюю грязь разсчета и пьянства еще противнѣе, и въ молодой натурѣ начинается полнѣйшій разладъ со всѣми окружающими. Къ страданіямъ моральнымъ присоединяются скоро еще и недостатки матеріальные: бѣдность отъ неразсчетливости и безалаберности отца,—и только снятіе постоялаго двора спасаетъ семью отъ полнаго разоренія. Копеечные разсчеты съ извозчиками и кулачество представилъ поэтъ въ *„Ночлегѣ извозчиковъ“*. Не подъ силу становится юношѣ такая жизнь: *„не разъ, когда весь домъ объятъ былъ сномъ, сидитъ онъ грустный за столомъ, подъ гнетомъ думъ, ночной порою“*. Онъ хочетъ идти въ университетъ; но та же добрая мать, самое близкое, дорогое ему существо, по крайнему невѣжеству, противится этому, *на колѣняхъ умоляетъ мужа не отправлять сына въ чужой городъ, а поскорѣе женить его и посадить въ лавку; но невѣсты не отыскалось, и молодой семинаристъ очутился за прилавкомъ.* Вскорѣ умираетъ мать, отецъ начинаетъ пьянствовать, дѣла разстраиваются еще болѣе, и поэту приходится выходить на площадь торговать на большіе праздники свѣчами. Нагло глумится надъ *„ученымъ“* торгашемъ, надъ *„студентомъ въ чуйкѣ и смазныхъ сапогахъ“*, безсмысленная, невѣжественная толпа, ругается надъ нимъ, попрекаетъ этой же наукой, пускаетъ въ него чѣмъ попало пьяный расходившійся самодуръ отецъ,—прибавьте къ этому одиночество, отсутствіе всякаго знакомства... Какая жизнь, какая грязь, и особенно для человѣка образованнаго, носящаго въ душѣ идеалы добра, красоты и истины, сѣмена будущихъ созданій таланта... какъ не сгибнуть тутъ, какъ погибли и погибаютъ до сихъ поръ въ такихъ условіяхъ многія талантливыя русскія натуры? *Но эта же самая проза жизни, эта грязь дѣйствительности спасаетъ его...* Она еще болѣе отвращаетъ отъ себя поэта, и даже заставляетъ его, *какъ узника, рваться на волю, упрямо разбивать цѣпи, стремиться къ свѣту и воздуху и не жалѣть* въ борьбѣ *съ судьбой ни силъ, ни жизни молодой.* Онъ самъ подъ гнетомъ необходимости дѣлается дворникомъ, несетъ на себѣ всѣ тягости возни по хозяйству и съ постояльцами извозчиками: не-

смотря на всѣ безобразія отца, становится его терпѣливою нянькой,—и даже, до нѣкоторой степени, удовлетворяется сознаніемъ исполненнаго долга,—чувствуетъ благо независимости, даже, наконецъ, настойчивымъ трудомъ, значительно улучшаетъ матеріальное состояніе своей семьи, не давшей ему ничего, кромѣ горя. И при всемъ этомъ онъ находитъ еще время читать, *знакомиться съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества. Сердце его обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ, но, съ помощью доброй воли*, онъ превозмогаетъ въ себѣ отчаяніе и, забравшись *въ какой-нибудь отдаленный уголокъ своего дома, слагаетъ тамъ скромный стихъ, просившійся изъ сердца*. Это ли не сила характера, это ли не борьба съ жизнью,—борьба, изъ которой человѣкъ выходитъ побѣдителемъ? Эта то сила духа, побуждавшая поэта постоянно, несмотря ни на что, итти впередъ, учиться, работать умомъ, развивать данный природой талантъ, не допускавшая его никогда *развратить своей души*, не оставлявшая его даже въ тяжкихъ физическихъ недугахъ въ послѣдніе годы его жизни, не покинувшая его и на самомъ смертномъ одрѣ, и есть *первая, глубоко воспитательная* сторона біографіи—сторона, которой должно воспользоваться для приготовленія изъ дѣтей будущихъ честныхъ, способныхъ въ борьбѣ съ жизнью, дѣятелей.

За этой стороной выступаетъ и *вторая*, относящаяся уже не къ самому Никитину, а къ тѣмъ, кто помогъ ему выбраться на литературную дорогу, кто позаботился въ трудныя минуты подать ему руку помощи, кто способствовалъ его развитію, кто утѣшалъ его въ послѣдніе годы жизни. Эти люди, довольно рельефно очерченные въ біографіи, могущіе представить примѣръ того, что значитъ подоспѣвшая во время нравственная дружеская поддержка образованныхъ людей:—ранній другъ поэта, Дураковъ, сотрудники „Воронежскихъ Вѣдомостей", Второвъ и Александровъ-Дольникъ, Придорогинъ, А. П. Нордштейнъ, А. Р. Михайловъ и самъ авторъ біографіи, М. Ѳ. де-Пуле. Этотъ то кружокъ, горячо относившійся ко всѣмъ явленіямъ въ умственной жизни современности, и вывелъ Никитина на дорогу, пригрѣлъ его, развивалъ, поддерживалъ въ трудныя минуты, побуждая къ дѣятельности, и до конца жизни поэта, въ лицѣ послѣднихъ, немногихъ, оставшихся уже въ живыхъ, членовъ кружка, былъ его добрымъ пѣстуномъ. Да не позабудетъ сказать о нихъ дѣтямъ воспитатель: у насъ такъ рѣдки

благотворные влiятели на нашихъ поэтовъ, которыхъ мы такъ мало умѣемъ беречь и цѣнить, особенно при ихъ жизни. Пусть знаютъ дѣти, что общество, даже малочисленное, но образованное и не черствое сердцемъ, можетъ поддержать человѣка, а подчасъ и спасти отъ погибели.

Выйдя, благодаря кружку, на литературную дорогу, и справедливо ободренный самими литераторами (И. Введенскiй, А. Н. Майковъ), Никитинъ, какъ мы уже упомянули выше, не удовольствовался одною литературною дѣятельностью, но пожелалъ и самъ принять непосредственное участiе въ попыткахъ къ распространенiю образованiя, охватившихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ наше общество. Онъ задумываетъ открыть книжный магазинъ, цѣль котораго была бы „*не чистая спекуляцiя, а ознакомленiе публики со всѣми лучшими произведенiями русской и французской литературы, въ особенности, знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведенiй*“. И онъ добился таки своей цѣли:—несмотря на всѣ неудачи, сплетни, толки, трудности, сопряженныя у насъ съ введенiемъ всякаго новаго порядочнаго дѣла, — магазинъ открывается. Пусть разскажетъ воспитатель дѣтямъ, какъ шелъ этотъ магазинъ, какъ относился къ нему хозяинъ, какъ въ немъ забывалъ въ своемъ трудѣ домашнее горе и грязь окружающаго, какъ бѣднымъ людямъ давалъ читать книги безплатно, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и практической части дѣла, и велъ его, соединяя цѣли идеальныя съ добросовѣстною коммерцiею; какъ боролся съ самой болѣзнью, просиживая за прилавкомъ цѣлые дни, и какое, наконецъ, прiобрѣлъ магазинъ значенiе для цѣлаго города, когда туда заходили люди не только для покупки, но и для бесѣды, для совѣта, — словомъ, когда Никитинъ, такъ сказать, уже сталъ создавать — публику. Показать дѣтямъ, какое дѣло, какъ примѣръ, можно назвать настоящимъ, въ смыслѣ благороднаго, дорогого, хотя и тяжелаго для человѣка труда,—показать на бiографiи, что трудъ долженъ быть настойчивъ, долженъ исходить изъ внутренняго убѣжденiя въ его полезности, — что этотъ трудъ, даже при всей своей тягости, можетъ быть для человѣка наслажденiемъ—показать все это подростающимъ учащимся поколѣнiямъ—значитъ, до нѣкоторой степени, дать имъ силы для будущаго, поселить въ нихъ интересъ къ благородной дѣятельности въ жизни.

Но за этими воспитательными сторонами разсказа о жизни поэта, да не забудетъ воспитатель въ заключеніе упомянуть и о той дѣвушкѣ, любившей поэта, которая въ послѣдніе мѣсяцы его жизни согрѣвала умирающаго друга своею теплою привязанностію. Этимъ указаніемъ, вмѣстѣ съ описаніемъ похоронъ Никитина, когда его тѣло явились провожать цѣлыя толпы учащейся молодежи и публики, духовенство и почтеннѣйшія лица города, и гробъ несли на рукахъ до могилы, можно заключить разсказъ о жизни этого человѣка — честнаго до конца. Пусть знаютъ дѣти, точно такъ же, какъ и изъ описанія Московскаго торжества открытія памятника Пушкину, что и у насъ иногда умѣютъ почтить, хоть послѣ смерти, лавровымъ вѣнкомъ и признательностію поэта, возбудившаго въ соотечественникахъ словомъ своимъ добрыя чувства

Отъ жизни Никитина можно перейти къ тѣмъ стихотвореніямъ, которыя, отчасти, восполняютъ образъ труженика-страдальца. Они дадутъ понятіе о той силѣ глубокой вѣры и христіанской любви, въ коей находилъ себѣ поэтъ утѣшеніе и поддержку въ трудныя минуты тоски и отчаянія. Эта сила, въ тѣ глухія, безсонныя, ночи, когда ослабѣвалъ его духъ, и замирала на устахъ молитва, обращала его глаза къ одинокой, теплющейся въ углу, лампадкѣ, къ строгому лику глядящаго изъ иконы изображенія Спасителя и, ставъ ему укоромъ ропота на жизнь, смягчала суровое сердце и заставляла находить успокоеніе и сладость въ горячей молитвѣ (*Сладость молитвы*). Эта сладость молитвы, испытанная поэтомъ, подсказываетъ Никитину и другое прекрасное стихотвореніе „*Молитва дитяти*“ (до словъ „*Но если жизнь тебя измучитъ*“), проникнутое умиленіемъ предъ чистотою ребенка, по евангельскому разсказу, первѣе всѣхъ имѣющаго въ своей молитвѣ доступъ къ Богу, и заканчивающееся пожеланіемъ, чтобы и „*въ пору позднихъ лѣтъ такими жъ свѣтлыми очами ему глядѣть на Божій свѣтъ*“. Эта вѣра обращаетъ поэта и къ величайшей книгѣ, „*Новому Завѣту*“, и тамъ „*въ глаголахъ Предвѣчнаго слова не разъ находитъ онъ себѣ источникъ покоя и силъ*“ (*Новый Завѣтъ*). Святая книга не только заставляетъ автора „*читать, молиться въ тиши, плакать и черпать уроки изъ ней для ума и души*“,—она вдохновляетъ его до высшей поэзіи, до созданія об-

раза Спасителя—„*Моленіе о чашѣ*"—созданія, по силѣ и красотѣ творчества, мало имѣющаго себѣ подобныхъ во всей нашей литературѣ религіознаго характера. О высокомъ воспитательномъ значеніи такого рода произведеній говорить нечего.

Отъ этихъ произведеній религіознаго характера переходъ къ пьесамъ описательнымъ, образующимъ вторую группу, представляетъ стихотвореніе „*Ночь*" (Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями...)—религіозное впечатлѣніе на автора торжественной тишины наступающей сельской ночи. („*Точно въ храмѣ, стою я въ тиши, и въ восторгѣ молюсь отъ души*"). Затѣмъ можно остановиться на двухъ совершенно объективныхъ картинахъ природы: „*Буря*" и „*Степь*" (Изъ „*Поѣздки на хуторъ*", отъ словъ: „*По всей степи ковыль...*" до: „*Мчится тройка, изъ упряжи рвется*"). Но слѣдующія: „*Утро*" и „*Вечеръ послѣ дождя*" проникнуты теплымъ чувствомъ любви къ мужику, его радостью при выѣздѣ на зорѣ въ поле и при видѣ благодатнаго дождя, который „*поправитъ хлѣбъ въ недѣлю такъ, что его и не узнаешь*". Тѣмъ же сочувствіемъ къ тяжелому крестьянскому труду проникнуто небольшое стихотвореніе „*Соха*", которую поэтъ называетъ *матушкой, помощницей горькой бѣдности, неизмѣнной кормилицей* и *вѣковѣчной работницей*. Рядомъ съ этими стихотвореніями поставили бы мы совсѣмъ дѣтскую идиллію „*Лѣсникъ и его внукъ*", которая можетъ быть сопоставлена съ указанными уже ранѣе пьесами: Майкова „*Искусство*" и „*Дурочка Дуня*" и переводомъ ѳеокритовскихъ *Рыбаковъ*. Какъ въ *Искусствѣ* и въ *Дунѣ* свирѣль и пѣсни дѣвочки скрашиваютъ жизнь, такъ въ *Лѣсникѣ*, своими сказками, своей граціозной дѣтской болтовней, тѣшитъ дѣдушку маленькій внукъ,—одна изъ тѣхъ чуткихъ къ природѣ и богатыхъ фантазіей поэтическихъ натуръ, къ какимъ принадлежитъ и *Дуня*, и *Рыбакъ* Ѳеокрита. Но въ Дунѣ эта фантазія приняла направленіе и развитіе исключительное, что ее и погубило; внучекъ же у Никитина, хотя и мечтаетъ на полянѣ подъ дубомъ, прислушивается къ шепоту листьевъ и къ говору ручья, но гораздо реальнѣе этой дѣвочки. Онъ понимаетъ, что своими пѣснями да разсказами тѣшитъ дѣдушку, который и самъ заслушивается свирѣли и соловьиной пѣсни; мальчикъ, на укоръ старика: *Вотъ*

погоди—подростешь, позабудешь ты эти разсказы; люди за нихъ не дадутъ тебѣ хлѣба и скажутъ: трудись! Вотъ нашъ пастухъ, съ раннихъ лѣтъ обучался играть на свирѣли, такъ и состарѣлся нищимъ, все новыя пѣсни слагаетъ!—отвѣчаетъ: *„Нѣтъ, не брани меня, дѣдушка! Выросту, буду трудиться, буду и пѣсни я пѣть, какъ поетъ вѣтерокъ перелетный, вольныя птицы по днямъ, по ночамъ темный лѣсъ подъ грозою, буду пѣть радость и горе и улыбаться сквозь слезы!“ *).*

За этими пьесами, болѣе, такъ сказать, безотносительными, и съ разными сюжетами, разсмотримъ тѣ изъ произведеній поэта, гдѣ онъ знакомитъ съ явленіями простонародной жизни, въ извѣстномъ сопоставленіи представляющими довольно полную, хотя и безотрадную, картину. Спѣшимъ оговориться, что нѣкоторыя изъ пьесъ по содержанію для дѣтей или рановременны, или слишкомъ мрачны; но мы не обошли ихъ, такъ какъ имѣли въ виду не только дѣтей болѣе нѣжныхъ, изъ образованнаго класса, но и *подростковъ въ деревняхъ и между фабричными*, видящими въ своемъ быту не мало безобразій, на кои должно быть указано; наконецъ, въ выборѣ нашемъ, какъ оговорились ранѣе, мы разсчитываемъ и на чтеніе *взрослому* простому люду. Руководитель чтенія уже *самъ, сообразно обстоятельствамъ, остановится на томъ, что найдетъ болѣе подходящимъ къ возрасту и средѣ.* Вотъ почему не будемъ уже въ дальнѣйшемъ подборѣ произведеній Никитина отдѣлять того, что можетъ быть прочитано дѣтямъ, и что имѣетъ мѣсто въ школѣ для взрослыхъ, или народной читальнѣ.

Эпическія произведенія Никитина, рисующія народную жизнь, сводятся къ изображенію трехъ наиболѣе распространенныхъ явленій: *бѣдности, горя семейнаго и устойчивой силы передъ всякими бѣдами,—силы, нерѣдко смахивающей на тупое, апатичное терпѣніе.* Сообразно этимъ тремъ явленіямъ, располагаемъ относящіяся сюда произведенія на три группы: *бѣдность, семья и характеры силы.*

---

*) Не можемъ также не рекомендовать для дѣтскаго чтенія прекраснаго стихотворенія въ этомъ же родѣ *„Дѣдушка“* Стаховича; помѣщено въ изд. Гербель: *Русскіе поэты.*

а) Бѣдность.

Горькимъ лирическимъ обращеніемъ къ бѣдности (*Ахъ, ты, бѣдность горемычная*) охарактеризовываетъ поэтъ въ общихъ чертахъ это явленіе въ жизни нашего народа. Эта бѣдность, *терпѣлива дома, привычная къ черствому куску, боязливая въ чужихъ людяхъ, убитая стыдомъ, безгласная предъ людьми*, тихо маячитъ свой вѣкъ безъ зеленой весны въ молодости, съ голодомъ при старости, и сходитъ въ сырую землю, на которой, вмѣсто креста, поднимается дикая трава,—сходитъ безъ сожалѣнія о прожитомъ, *безпривѣтная, забытая*. Нерѣдко *Богъ награждаетъ мужика-бѣдняка* (*Деревенскій бѣднякъ*) *и теплой душой, и умомъ, да злодѣйка нужда закидываетъ его соромъ и грязью, выѣдаетъ глаза, душитъ ѣдкимъ дымомъ въ курной и сырой избѣ.* Давитъ его непосильная работа и свой собственный, плохо прививающійся къ невѣжественной массѣ, деревенскій судъ— и изъ сплача молодца выходитъ пришибленный мужичонко, сваливающій на чорта смерть коня, вѣчно недовольный, ругающій *плаксу бабу и голодныхъ ребятъ*. И махнетъ онъ наконецъ рукой на все, и *лежитъ ничкомъ на печи*, или размыкиваетъ горе хмѣлемъ. Этимъ же хмѣлемъ поминаетъ бѣднякъ и смерть въ полѣ единственнаго своего кормильца, коня-пахаря (*Поминки*). *Мужикъ горемычный рукою махнулъ, и снялъ съ него кожу и, молча, вздохнулъ—вздохнулъ и заплакалъ: „ничто, молъ, не впрокъ!" и кожу сырую въ кабакъ поволокъ. И пѣлъ онъ тамъ пѣсни, свисталъ соловьемъ: Пускай пропадаетъ, гори все огнемъ!" Со смѣха народъ головами качалъ: Смотри, молъ, ребята! онъ умъ потерялъ, со зла свое сердце гульбой веселитъ, по мертвой скотинѣ поминки творитъ*". Эта же бѣдность съ невѣжествомъ, доводящая крестьянина до кабака, доводитъ его и до нищенства, которое отъ привычки обращается въ вѣчное шатанье по свѣту и побпрательство, унижающее *разумное Божіе созданіе*—человѣка (*Нищій*).

Если въ приведенныхъ стихотвореніяхъ бѣдность, за исключеніемъ развѣ „*Поминокъ*", обрисована чертами типическими, общими, то въ пьесѣ *Портной* она представлена въ одномъ образѣ извѣстной личности, потрясающей мрачнымъ отчаяніемъ умирающаго человѣка, въ послѣднія минуты жизни пом-

нящаго объ единственномъ, оставленномъ въ мірѣ, дорогомъ существѣ. Выхваченная живьемъ изъ дѣйствительности (см. біографію), эта пьеса важна не только по изображаемому факту, но и по выраженію той задачи поэзіи автора, на которую указываетъ начало пьесы:

„Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
„Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя.
„Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
„Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
„Бѣдность голодная, грязью покрытая,
„Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
„Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за полночь;
„Гибнетъ она—и никто нейдетъ на помочь;
„Гибнетъ она,—и опоры нѣтъ волоса,
„Теплаго сердца, знакомаго голоса...
„Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
„Пѣснь невеселая, правда тяжелая
„Кто здѣсь узнаетъ кручину свою
„Эту я пѣсню про бѣдность пою".

Такимъ вступленіемъ начинается небольшая поэма, въ немногихъ словахъ обнимающая всю жизнь человѣка, съ самой молодости до страшной смерти. *Упавшій въ дѣтствѣ съ крыльца*, бѣдный, безродный *мальчикъ ломаетъ ногу*. Его *безпощадно высѣкли... И онъ не умеръ... все росъ полубольнымъ*. Чтобы какъ-нибудь прокормиться, онъ самоучкой становится портнымъ, и женится... Жена умираетъ въ родахъ, оставивъ ему дочь, хилую, хворую... Приходитъ старость... Дочь больна, кашляетъ кровью... но надобно чѣмъ-нибудь жить, и она *„прядетъ, прядетъ все пряжу, и молча, спицами звенитъ; перчатки вяжетъ на продажу; живетъ одна, живетъ въ глуши*, и только *въ глухую полночь, чуть живая, встаетъ и молится въ тиши*. Но вотъ разъ, также глухою ночью, какъ-то особенно мечется и стонетъ на убогой постели старикъ-отецъ, дрожащій отъ холода, голодный, измученный. Съ костылемъ бредетъ онъ на разсвѣтѣ, едва передвигая слабыя ноги, на кладбище къ знакомому могильщику, и заживо, запинаясь отъ стыда, умоляетъ вырыть ему по дружбѣ безплатную могилу гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, хоть *такъ... не очень глубоко, не очень—все-таки могила...* И все это только для того, чтобы потомъ не пришлось хлопотать больной, убитый горемъ Катѣ, которую не забылъ любить горемыка даже и въ послѣднія минуты предсмертной агоніи.

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, бѣдность, оставшаяся честною до конца, до смерти сохранившая нѣжность и заботу о дочери; но вотъ бѣдность, продающая подгулявшему ухарю-купцу (*Ѣхалъ съ ярмарки ухарь-купецъ*) свою собственную дочь,— бѣдность въ лицѣ отца смекающая, какъ заработать дочернею честью деньги,— бѣдность, въ лицѣ *расторопной матери*, прямо подходящей къ купцу съ предложеніемъ живого товара;—мать, приказывающая дочери стоять передъ купцомъ, когда дѣвичій стыдъ заставляетъ ее бѣжать отъ грѣха. Здѣсь и подруги, съ завистью посматривающія на несчастную жертву, гибнущую изъ-за хлѣба для развратныхъ, по невѣдѣнію и нищетѣ, родителей,—жертву, „*залившую виномъ дѣвичью совѣсть*". *Что тутъ за диво!*—прибавляетъ поэтъ, намекая на обыкновенность явленія,—и *замужъ пойдетъ... то-то, чай, дѣтокъ на путь наведетъ*. Толковое разъясненіе *народу* такой пьесы, *конечно, не дѣтямъ*, можетъ имѣть *важное нравственное значеніе въ той средѣ, гдѣ фактъ, подобный приведенному*, встрѣчается не особенно рѣдко.

Бѣдность, являвшаяся передъ нами до сихъ поръ въ выбранныхъ пьесахъ въ такомъ жалкомъ, а въ послѣдній, въ возмутительномъ видѣ, согласно съ народными пѣснями, съ горькимъ юморомъ, воспѣта поэтомъ въ лицѣ бобыля (*Пѣсня бобыля*).

b) Семья.

Чудное лѣтнее утро... мужики съ мальчишками тянутъ изъ воды неводъ (*Утро на берегу озера*). Весело шумятъ дѣти, довольные богатымъ уловомъ. Но вотъ, къ нимъ робко подкралась изъ-за кустовъ посмотрѣть рыбу малютка-дѣвочка, бездомная, безсемейная,—одно изъ тѣхъ, незнающихъ радостей, бѣдныхъ созданій, которымъ такъ плохо приходится въ невѣжественномъ, грубомъ, обществѣ, особенно тамъ, гдѣ чужое дитя заѣдаетъ въ семьѣ тѣхъ, кто ее къ себѣ принялъ, чужой кусокъ хлѣба;—и какъ черство, безсердечно, гонятъ ребенка, обругавъ его позорнымъ именемъ *подкидыша*! Обыкновенно въ нашихъ христоматіяхъ вторая половина этой прекрасной пьесы выпускается, но мы полагаемъ, что возбужденіе въ дѣтяхъ сочувствіи къ несчастному ребенку стоитъ того, чтобы пренебречь словомъ *подкидышъ*. Рядомъ

съ симпатичнымъ образомъ сиротки-дѣвочки можно поставить образъ одинокой старушки-пряхи (*Пряха*), вспоминающей ночью, за работой, перемершихъ членовъ семьи—ея кормильцевъ: ослѣпшаго подъ старость мужа и простудившагося на смерть въ бурлакахъ молодца-сына. А вотъ, также ночью (*Зимняя ночь въ деревнѣ*), также въ бѣдной избушкѣ, лежитъ больная старуха, уже не одинокая, но у которой на рукахъ сироты горемыки-дѣти-малолѣтки. Кто-то приласкаетъ ихъ, кто научитъ уму-разуму, убережетъ отъ злаго человѣка, когда она умретъ? И горячую молитву за сиротъ шепчутъ ея запекшіяся уста. Въ такой бѣдности дѣти, да особенно больныя, надрываютъ сердце матери (*Съ прялкою баба въ понявѣ сидитъ*), и съ досадой, выбившись изъ силъ отъ ночной работы, она срываетъ сердце жестокимъ словомъ; но это слово чуть ли не послѣдній привѣтъ ребенку: къ утру онъ засыпаетъ на вѣки, и едва ли не лучше, что Богъ прибралъ его во время.

Счастье—еще, если есть въ семьѣ трезвый работящій отецъ, но каково приходится въ крестьянскомъ быту женѣ смерть этого кормильца, ярко рисуетъ разсказъ „*Жена ямщика*". Въ указанныхъ стихотвореніяхъ мы знакомимся съ личностью симпатичныхъ, любящихъ женщинъ, одинокихъ горемычныхъ труженицъ; но вотъ, явленіе жизни, гдѣ *послѣдняя портится уже не столько изъ-за бѣдности*, сколько изъ-за грубости и мелкой зависти, споровъ изъ-за гроша, такихъ частыхъ спутниковъ нашего крестьянскаго родового быта. *Нерѣдко бываетъ* такъ, что *отецъ на столъ, а дѣти за дѣлежъ, и братъ брата за шиворотъ хватаетъ* (*Дѣлежъ*). Изъ-за гроша идетъ перебранка, *остуда и досада, за гривенникъ какой-нибудь—пинки*. Зависть невѣстокъ изъ-за обновъ подливаетъ масла въ семейный раздоръ, который усиливается еще изъ-за желанія старшаго брата поломаться надъ остальными. Дѣло доходитъ, наконецъ, до дѣлежа уже судомъ. Кажется, поладили—не тутъ-то было. Старый хомутъ, шлея—новый поводъ къ ссорѣ, и идетъ нескончаемый семейный раздоръ, отравляющій жизнь *)... Для такой жизни нужно крѣпкое здоровье, сильныя рабочія руки,

---

*) Читая съ дѣтьми, или народомъ эту пьесу, хорошо показать фотографію съ извѣстной картины В. М. Максимова: *Раздѣлъ*, находящейся въ Москвѣ, въ галлереѣ г. Третьякова, изданную, кажется, для народа Сытинымъ и отдѣльно.

нужна привычка къ этой вѣчной ругани и грязи. Горе невѣстѣ-бѣлоручкѣ изъ мѣщанокъ, которой пришлось выйти замужъ въ крестьянскую семью съ злой свекровью. Это горе, доводящее бѣдняжку до могилы, выставлено въ *Болѣсти*. Напрасно старый свекоръ защищаетъ сноху отъ упрековъ и побоевъ старухи-жены, совѣтуя послѣдней, вмѣсто того, чтобы бить и ругать несчастную, полѣчить больную;—свекровь еще пуще выходитъ изъ себя и *кидается учить сына палкой*. За этой сценой, потрясающей правдивымъ изображеніемъ вражды свекрови къ невѣсткѣ, въ пьесѣ *Хозяинъ* видимъ достаточнаго мельника, отца семейства, своимъ самодурствомъ и разгуломъ доведшаго семью до безъисходнаго горя. Въ то время, когда онъ беззаботно пируетъ съ какой-то бабой на мельницѣ, въ его домѣ лежитъ больной, умирающій молодой сынъ, надъ которымъ роняетъ слезы мать, оплакивая и свою безотрадную жизнь, и сына. *А на лежанкѣ, блѣденъ и хилъ, голо остриженъ, прислонивъ къ плечу палку, какъ скрипку, проворно моргаетъ бровью и глазомъ, водитъ по палкѣ рукой, то поетъ пѣсню, то дико кричитъ*, другой сынъ, сумасшедшій, можетъ быть, въ дѣтствѣ еще, заколоченный подъ пьяную руку отцомъ. А отецъ, которому и дѣла нѣтъ до семьи, едва передвигая ноги, добирается до дому, и стучитъ кулакомъ въ ставни. „*Угрюмъ твой видъ, пріютъ раздора*,—заключаетъ поэтъ пьесу,—*угрюмъ, какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ съ желѣзной цѣпью столбъ позорный, и плаха съ топоромъ лежитъ!.. За то, что здѣсь такъ мало свѣта, что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ, за то, что нѣтъ на мысль отвѣта, за то, что радости здѣсь нѣтъ, ни ласкъ, ни милаго объятья, за то, что гибнетъ человѣкъ—я шлю тебѣ свои проклятья, чужой оплакивая вѣкъ*! Въ пьесѣ *Хозяинъ* жертвы домашняго самодурства—жена и два сына,—въ *Упрямомъ же отцѣ* эта жертва—дочь, выданная за немилаго, мужа стараго, и умершая съ тоски и горя черезъ годъ послѣ свадьбы. Поздно хватился за умъ одинокій старикъ, вдовецъ Пахомъ, и въ крѣпкой думѣ *не сводитъ глазъ съ мертвой дочери* въ церкви, а потомъ *стоитъ надъ могилою, опустивъ въ тоскѣ на грудь голову, и, когда на гробъ земля черная съ шумомъ глыбами вдругъ посыпалась, пробѣжалъ морозъ по костямъ его, и ручьемъ изъ глазъ слезы брызнули... И не разъ съ тѣхъ поръ, въ ночь безсонную, этотъ шумъ ему дома слышался..*

Если въ указанныхъ пьесахъ, относящихся къ изображенію семьи, находимъ только отдѣльныя отрывочныя сцены семейнаго быта, то въ любимомъ произведеніи поэта „*Кулакъ*“ эта семья, „*Гдѣ нѣтъ радости*“, находитъ, такъ сказать, полную свою біографію. Необдѣланный, хотя надъ нимъ очень старательно работалъ авторъ, нѣсколько растянутый и слабый во многихъ частностяхъ (напр. описаніе ярмарки), большой разсказъ этотъ такъ глубоко захватываетъ безобразіе нашихъ простонародныхъ семей, такъ хорошо обрисовываетъ и объясняетъ такой распространенный въ простомъ народѣ типъ мелкаго кулака; содержитъ столько хватающихъ за душу сценъ, что чтеніе этого разсказа *не дѣтямъ*, для которыхъ въ немъ много грязныхъ картинъ, и *которымъ онъ можетъ быть прочитанъ только въ нѣсколькихъ лучшихъ сценахъ*, связанныхъ краткимъ пересказомъ опущеннаго, *но для народа* представляетъ драгоцѣнный, высоко нравственный, матеріалъ. Вотъ почему мы будемъ говорить объ этомъ произведеніи подробнѣе, указывая на отдѣльныя мѣста, которыя могутъ имѣть значеніе для чтенія съ дѣтьми.

Художественное произведеніе отрицательнаго характера, особенно значительное по объему и богатое разнообразіемъ содержанія, можетъ имѣть мѣсто въ образовательномъ чтеніи только въ томъ случаѣ, когда въ основаніи его лежитъ гуманная христіанская идея, согрѣвающая сердце, возмущающееся уклоненіемъ жизни отъ идеала, и примиряющая съ личностями смѣшными, отвратительными именно жалостью къ нимъ, какъ къ людямъ, унизившимъ въ себѣ человѣческое достоинство. Не будь въ произведеніи этой идеи, не просвѣчивай она ярко сквозь чудачества и безобразія—такое произведеніе можетъ возбудить въ народѣ, мало думающемъ, одинъ грубый, неосмысленный смѣхъ, или отвращеніе отъ жизни вообще. Напротивъ того, проникнутое такой идеей, чтеніе становится тѣмъ гуманизирующимъ, смягчающимъ нравы, средствомъ, которое такъ нужно тамъ, куда невѣжество и мелочныя дрязги мѣшаютъ проникнуть великимъ истинамъ евангелія. Такая высоко нравственная идея положена въ основаніе „*Кулака*“. Видя, *какъ сушитъ мозгъ и сводитъ въ гробъ нужда и мелочное зло, какъ оно не убиваетъ мгновенно, а постепенно душитъ человѣка*: видя, какъ отъ недостатка *воспитанія, въ невѣжествѣ, развратѣ и нуждѣ, гибнутъ кругомъ тысячи Лукичей* (герой

разсказа), поэтъ задался цѣлью показать, какъ даже такія высокія понятія—какъ семья, отецъ, мужъ, трудъ для своихъ близкихъ, сама честность, религіозность, воспитаніе, могутъ, извратившись, изъ добра сдѣлаться самымъ гнетущимъ, убивающимъ человѣка, зломъ *). Эта идея ярко освѣщаетъ семью Кулака, несущаго на самомъ себѣ тяжкое наказаніе въ оскорбленіяхъ и побояхъ за мошенничество, въ черствой насмѣшкѣ и недовѣріи зятя, въ гибели его жены и единственной дочери, въ страшномъ одиночествѣ, пьянствѣ и нищенствѣ; она сквозитъ въ изображеніи семьи столяра, въ материнской безтактности и упрекахъ сыну, въ побояхъ, которые несетъ мать отъ сына, и отъ какого сына! Эта идея видится въ женихѣ, потомъ мужѣ, въ свахѣ, въ зарабатываніи хлѣба обманомъ, въ лицѣ старика Пучкова, ограбившаго купца и въ то же время жертвующаго на церковь, кланяющагося мощамъ,— Пучкова, о которомъ авторъ съ иронiей замѣчаетъ, что „*онъ большія свѣчи зажигалъ, но плутовства не покидалъ, и искренно въ святыню вѣрилъ*. Эта идея бьетъ въ глаза и въ лицѣ профессора, хвастающаго латинскимъ дипломомъ и дѣлающаго изъ науки средство къ наживѣ. Ради уже одной этой идеи, проведенной на живыхъ образахъ, часто поразительно яркихъ, согрѣтыхъ жалостью о людяхъ, *не видящихъ, что творятъ*, Кулакъ стоитъ серьезнаго вниманія.

Отъ идеи перейдемъ къ послѣдовательному обзору содержанія разсказа, состоящаго изъ двадцати одной главы, останавливаясь на мѣстахъ, имѣющихъ, какъ намъ кажется, наиболѣе воспитательное значеніе для народа, а *иногда* и для дѣтей.

Разсказъ начинается съ описанія вида Воронежа со стороны рѣки,—съ Чернавскаго моста, гати и пригородной слободы Придачи (до словъ: „*Таковъ домишко*“...), и избы Кулака. Вторая глава знакомитъ съ семьей Лукича: женой-Ариной, къ которой авторъ относится съ особенной симпатіей („*Бѣдная Арина!...*“

---

*) См. эпиграфъ къ Кулаку:

Когда предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности—добро, онъ станетъ зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ.
(Шекспиръ. *Ромео и Джульета*).

и далѣе), и дочерью Сашей, любящей честнаго, работящаго столяра. Напрасно мать, совѣтуя ей поговорить о немъ съ отцемъ, *„когда тотъ будетъ веселъ"*, обнадеживаетъ дочь согласіемъ на бракъ. Горькій упрекъ на свои натянутыя отношенія къ отцу вырывается изъ устъ Саши; но деликатное замѣчаніе матери, что *осуждать его не надо*, прерываетъ щекотливый разговоръ. Воспоминанія о дѣтствѣ дѣвушки, полныя нѣжности и любви, пришедшія въ голову старушкѣ, оканчиваютъ главу, вполнѣ пригодную, какъ для чтенія народу, такъ и дѣтямъ. Въ третьей главѣ на сцену выступаетъ герой—обыкновенный типъ мелкаго торгаша,—возвращающійся домой ужинать. Его грубые отвѣты на заговариваніе жены и придирчивость обнаруживаютъ, въ небольшомъ, ловко построенномъ, разговорѣ, досаду на малую выручку за день, а напрягшіяся на лбу жилы предвѣщаютъ грозу, которая, однако, на этотъ разъ, *проносится безъ грома*, хотя мать и заикнулась было заговорить о столярѣ. Слова: *„Въ постель пора!" Оставь, пока не разсердился!*—прекращаютъ дальнѣйшую тяжелую бесѣду, и мать бредетъ въ спальню молиться за дочь, а Лукичъ задумывается съ трубкой у окна. Его мысли рисуютъ, съ одной стороны, *ходьбу и хлопотню изъ-за грошей*, средства къ жизни, зависящія не отъ честнаго, упорнаго труда, а отъ слѣпого случая; съ другой—сознаніе невозможности, или, вѣрнѣе, неумѣнья жить иначе, и намѣреніе поправить дѣла выдачей дочери за богатаго жениха. Но авторъ не бросаетъ камня въ этого темного человѣка. *„Быть можетъ, съ дѣтства взятый въ руки разумной матерью, отцомъ, Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки, какъ нынѣ, не былъ Кулакомъ...* Эти мысли побуждаютъ поэта перейти въ слѣдующей, четвертой главѣ, къ *воспитанію* своего героя, который, съ дѣтства предоставленный самому себѣ, пріучился баклушничать, по временамъ попрекаемый торгашомъ-отцомъ за кормъ и одежду. Брань и побои, безпечность и равнодушіе погруженной въ хозяйство матери—вотъ что окружало ребенка, кое-какъ обученнаго церковной грамотѣ. Ложь, жестокость (разореніе птичьихъ гнѣздъ, свертываніе грачамъ головъ) стали мало-по-малу развиваться въ мальчикѣ, и, *отданный въ науку мудрую купцу*, онъ изучаетъ тутъ *всѣ разсчеты и извороты торговыхъ плутней, и наполняетъ хозяйскою казной свой кошелекъ.* По смерти отца, женившись (*невѣсту долго-ли сыскать?*), онъ на ворованныя деньги

принимается за торгъ мукой, но, не умѣя вести дѣла честно, зарывается, и лишается всего капитала, а на капиталъ-то одна только у такихъ людей и надежда, такъ какъ *ремеслу не обучали*—и вотъ онъ дѣлается малымъ торгашомъ на рынкѣ. *И съ той поры лѣтъ тридцать сряду онъ всякой дрянью промышлялъ, Лукича весь городъ зналъ по разнымъ плутнямъ*, которыя, при неумѣньи беречь деньгу и наклонности къ пьянству, даже и при удачѣ, заставляли его терпѣть нужду. Это ли не біографія одного изъ нашихъ мелкихъ доморощенныхъ фактотумовъ, имя же имъ легіонъ?

Пятая и шестая главы,—едва-ли, не самыя слабыя въ разсказѣ,—заняты описаніемъ мелкаго торгашества, обмѣриванія мужика Лукичемъ и сдѣлокъ послѣдняго относительно продажи лошади, и въ чтеніи дѣтямъ могутъ быть переданы для связи въ краткомъ разсказѣ. Точно также не педагогично чтеніе дѣтямъ отвратительной сцены возвращенія домой озлобленнаго пьянаго отца; но эта сцена, однако, можетъ имѣть мѣсто для чтенія народу, какъ рисующая фактъ изъ его жизни очень обыденный (Глава VII). Въ этой же главѣ прекрасная ночная сценка между матерью и дочерью, ушедшими ночевать въ садъ отъ расходившагося отца. Блѣдна и восьмая глава — описаніе пріема свахи и разговоры о приданомъ; но слѣдующія четыре главы, за исключеніемъ для дѣтскаго чтенія разговора между женихомъ и дѣвицами на смотрушкахъ, интересна и поэтична. Девятая глава,—встрѣча Саши со столяромъ у камня, и особенно десятая—столяръ въ своей семьѣ готовитъ гробъ бѣдняку-сосѣду, гаданье матери, игра старшаго брата съ маленькимъ братишкой, воспоминанія честнаго сына о предсмертныхъ словахъ отца:—„*Нужда нуждою—ты, Вася, честь свою храни, честь пуще золота цѣни: ея нельзя добыть казною*",—молитва ребенка—все это вноситъ въ разсказъ тотъ человѣчный примирительный элементъ, который смягчаетъ тяжелое впечатлѣніе послѣдующихъ главъ: одиннадцатой — страшная сцена вымогательства согласія на бракъ посредствомъ отцовскаго проклятія, и двѣнадцатой.—Лукичъ, добившись таки своего, встаетъ утромъ въ веселомъ расположеніи духа, что не мѣшаетъ ему, впрочемъ, надуть на рубль мужика; описаніе смотрушекъ, постыдный торгъ изъ-за приданаго и хорошая сцена помолвки. Слѣдующую, тринадцатую, главу—отчаяніе столяра, его пьянство съ горя и от-

вратительная сцена битья матери въ кабакѣ,—безъ ущерба разсказу, можно опустить. Главы съ XIV до XVI включительно, по изображаемымъ лицамъ (помѣщикъ Скобѣевъ, святоша Пучковъ, священникъ Зоровъ) и вопросамъ, съ ними связаннымъ, недоступны дѣтямъ, или, по крайней мѣрѣ, рановременны, но могутъ быть прочтены народу, такъ какъ служатъ, что мы замѣтили и выше, къ наиболѣе полной обрисовкѣ идеи автора. Главы XVII, XVIII и XIX—едва ли не лучшія во всемъ разсказѣ и по теплотѣ чувства, и по изобразительности, и по отношенію автора къ изображаемымъ лицамъ, достигающему здѣсь наибольшей гуманности и силы. Чуждыя грязи и безобразій семейныхъ, главы эти съ одинаковой пользой могутъ быть читаны и дѣтямъ, и народу, и имѣютъ большое воспитательное значеніе тѣмъ состраданіемъ къ падшему брату, которое такъ искусно возбуждаетъ поэтъ, и той яркой картиной все большаго и большаго наказанія, какое несется Лукичемъ за его собственныя вольныя и невольныя прегрѣшенія. Сиротство Арины по выходѣ за мужъ Саши, грустныя, рѣдкія, посѣщенія матери дочерью и ея ожиданія послѣдней, разочарованіе Лукича въ зятѣ, картинка осени, раздумье Кулака подъ старой, посаженной еще его отцомъ, ивой, которую приходится срубить на дрова, требованіе податей съ черствымъ укоромъ въ кулачествѣ, болѣзнь и описаніе смерти Арины, отчаяніе Лукича надъ трупомъ (*Одинъ остался! Одинъ, какъ перстъ*), лирическое отступленіе („*Уснуло доброе созданье!*"), чтеніе надъ покойницей Псалтиря тѣмъ самымъ человѣкомъ, который загубилъ всю ея жизнь, пересуды сосѣдокъ у трупа — все это — лучшія страницы поэзіи Никитина. Въ двадцатой главѣ, менѣе отдѣланной, чѣмъ предыдущая, Лукичъ, скрѣпя сердце, „*оборванъ, блѣденъ, жалокъ*", убитый горемъ, отправляется къ зятю просить денегъ на погребеніе... Просыпается въ бѣднякѣ совѣсть; и онъ умоляетъ затя: *поставить его на честный путь—дать ему дѣло*... Но кулачество и пьянство подорвали довѣріе къ Лукичу, и тотъ самый человѣкъ, который называетъ воровство „*торговымъ разсчетомъ*", отвѣчаетъ насмѣшкой на выстраданное жизнью раскаянье... На „*остатокъ рыночной добычи*" и скудную помочь отъ затя покупаетъ бѣднякъ гробъ и своими руками кладетъ въ него старушку. И тутъ-то, у этого гроба, встаютъ въ его головѣ съ ужасающею ясностью мысли о безплодности всей его жизни, такъ безобразно

прожитой: „*Умру и я, и ни одна душа потомъ меня не вспомнитъ... Боже, Боже! А вѣдь и я трудился тоже, весь вѣкъ, и худомъ и добромъ сбивалъ копѣйку. Зной и холодъ, насмѣшки, брань, укоры, голодъ, побои—все переносилъ. Изъ-за чего? Ну, что скопилъ? Тулупъ остался, да рубаха, а кралъ безъ совѣсти и страха! Охъ, горе, горе! Вѣдь метла годится въ дѣло! Что же я то сдѣлалъ, кромѣ зла?*“ Но поздно раскаяніе. Въ слѣдующей, и послѣдней, главѣ, этой прекрасной, хотя мѣстами очень слабой, эпопеи, мы видимъ Лукича окончательно спившимся съ круга и попавшимся въ кражѣ. Бьютъ Лукича, смѣется надъ несчастнымъ праздная толпа, радующаяся паденію ближняго; и тотъ же столяръ, у котораго Лукичъ разбилъ своимъ самодурствомъ счастіе всей жизни, теперь отбиваетъ его отъ толпы, помогаетъ ему, чѣмъ можетъ, и, забывъ, при видѣ его нищеты, все прошлое, не только не оскорбляетъ его ни однимъ упрекомъ, а напротивъ,—дружески зоветъ его къ себѣ обѣдать, думая участіемъ поддержать бѣдняка... Но для Лукича потеряно въ жизни уже все... возврата къ порядочной жизни нѣтъ... и онъ снова идетъ пьянствовать. Этимъ трогательнымъ поступкомъ столяра и сильнымъ, полнымъ участія, обращеніемъ поэта къ погибшему Лукичу, и оканчивается эта исторія гибели цѣлой семьи изъ-за невѣжества и порока главы дома,—исторія, полная поучительнаго смысла для нашего народа, въ средѣ котораго такъ часты такія горькія явленія.

с) Сила характера.

Многихъ изъ народа невѣжество и бѣдность доводитъ, какъ мы видѣли въ „Кулакѣ“, до пьянства и нравственнаго паденія; но есть у поэта нѣсколько произведеній, гдѣ находимъ и великую силу характера, дающую людямъ крѣпость устоять передъ подавляющей обстановкой и бѣдами жизни. Таково небольшое стихотвореніе „*Ночлегъ въ деревнѣ*“, указывающее на тѣ условія, при коихъ такъ легко можетъ загибнуть человѣкъ, на горькую, нищенскую, обстановку жизни нашего крестьянина, у котораго всѣмъ намъ, людямъ образованнаго общества, жалующимся на жизнь, „*нужно бы поучиться вѣрить и терпѣть*“; таково же и извѣстное стихотвореніе „*Дѣдушка*“, образъ одинокаго дѣда. Потерявъ всѣхъ дѣтокъ и внучатъ, живетъ онъ одинъ въ закоптѣлой из-

бушкѣ съ котомъ, такимъ же старымъ, какъ и самъ, плететъ лапти, и ходитъ въ Божій храмъ славить за скорби Бога *). Но если въ приведенныхъ пьесахъ сила характера близко граничитъ съ тупымъ равнодушіемъ къ добру и злу, съ простою пассивностью передъ всѣмъ, что бы съ человѣкомъ ни случилось, то въ стихотвореніи „*Бурлакъ*“ предъ нами уже активная, сознающая себя, сила. Парень женится по любви на прекраснѣйшей дѣвушкѣ, что называется, на хозяйкѣ — золотыя руки въ крестьянскомъ быту. Человѣкъ живетъ съ нею, какъ въ раю. Но *жена улеглась въ землю на вѣки спать*, и бѣднякъ остается вдовцомъ съ маленькимъ красавцемъ-сынишкой. Всѣ заботы любящей натуры сосредоточиваются на немъ, и ребенокъ уже начинаетъ *по складамъ читать Псалтирь*, — отецъ думаетъ: *въ люди, молъ, выйдетъ мальчишка*. Но злая судьба отнимаетъ послѣднюю радость: — *пришлось положить сына въ гробъ, на кладбище отправить*. Опускаются руки у отца, сталъ онъ *сохнуть отъ скуки и горя*, а тутъ подоспѣлъ падежъ скота, стала подступать и бѣдность. Человѣкъ готовъ уже махнуть рукой на все... Но простыя слова тѣхъ крѣпышей, о которыхъ говоритъ поэтъ въ „*Ночлегѣ*“: — „*Нѣтъ, по нашему такъ: коли быть молодцомъ, не тужи, хоть и горе случится*“! — образумливаютъ падшаго духомъ. „*Запросилась душа на широкій просторъ, взялъ онъ паспортъ, подушное отдалъ, и пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску Волги-матушки синія волны*. Тамъ, въ этой тяжелой до истомы работѣ, въ хватающей за душу пѣснѣ, въ этомъ помѣриваніи силы съ бурей, когда уѣдетъ Бурлакъ одинъ въ лодкѣ прогуляться по расходившимся волнамъ, въ минуту, какъ ужъ очень подступятъ къ сердцу старыя боли, разгуливаетъ этотъ сильный человѣкъ свою кручину... Не меньшаго сочувствія и народа, и дѣтей, стоитъ и другой сильный характеръ, въ „*Неудачной присухѣ*“. *Некрасивый лицомъ, простоватый на видъ, сложенный на диво отъ плечъ до пятъ*“ парень, напрасно пробуя приворожить къ себѣ присухой любимую дѣвушку, въ отчаяніи собирается уйти изъ де-

---

*) Это стихотвореніе можно сопоставить съ прекраснымъ стихотвореніемъ извѣстнаго нашего поэта Д. Л. Михаловскаго *Два друга* (старый дѣдъ и котъ), въ изданіи Суворина. Иностранные поэты и оригин. ст. Д. Л. Михаловскаго, томъ II, Спб. 1896 г. (стр. 279), гдѣ не мало найдется воспитательнаго матеріала.

ревни, куда глаза глядятъ. Но ему жаль старушки-матери, которая, изъ-за его личнаго горя,—неудавшейся любви,—останется въ деревнѣ одна, безъ хлѣба, мыкать на старости горе, — и парень переламываетъ себя, не даетъ осилить себя горю, и *тяжелыя муки въ душѣ улеглись: могучія руки за трудъ принялись. Цѣпъ такъ и летаетъ; какъ молнія, жжетъ, на снопъ упадаетъ, по колосу бьетъ, Богъ помочь, дѣтина! Давно-бъ такъ пора! Долой ты, кручина, долой со двора!*

Этими двумя образами, Бурлака и парня,—примѣрами простой, но великой силы духа, устоявшаго передъ жизнью, можно закончить ознакомленіе народа и дѣтей съ писателемъ столь симпатичнымъ и по своей многострадальной жизни, и по сочиненіямъ.

XIV. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

(Род. 22 ноября 1821 † 27 декабря 1877).

Въ смыслѣ художественномъ, сравнительно съ корифеями нашей поэзіи, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Жуковскимъ, Майковымъ, Кольцовымъ,—Некрасовъ — талантъ небольшой, хотя во многихъ произведеніяхъ проявлялся онъ сильно и ярко. Недостатокъ образованія и тяжелыя обстоятельства юности, прошедшей въ борьбѣ съ нуждой, въ трудѣ изъ-за куска хлѣба, не позволили этому таланту развиться; но раннее знакомство съ народною жизнью, которую поэтъ продолжалъ изучать до самой своей смерти, частыя поѣздки въ деревни, страданія бѣднаго люда, съ которыми онъ познакомился въ молодости, въ своихъ скитаніяхъ по Петербургу, поселили въ немъ теплое участіе къ судьбѣ народа и всякихъ бѣдняковъ и дали ему мѣткій и живой языкъ, рѣзко отличающій Некрасова между лучшими нашими поэтами. Сравненіе печальной народной жизни съ прихотливой роскошью существованія прежнихъ помѣщиковъ и эгоистовъ-дѣльцовъ переходнаго времени вызывало въ поэтѣ язвительную сатиру и гнѣвное осужденіе невѣжественнаго и самомнящаго богатства, а собственное развитіе, пріобрѣтенное въ кругу лучшихъ умовъ, гдѣ онъ вращался болѣе тридцати лѣтъ, постоянно укоряло его за благосостояніе, пріобрѣтенное имъ самимъ. Отсюда-то, вмѣстѣ съ тяжелыми воспоминаніями дѣтства и нищенской юности, никогда не оставлявшими

поэта, и звучитъ такъ часто въ его поэзіи скорбная нота самоосужденія, за которую Достоевскій мѣтко назвалъ Некрасова „раненымъ сердцемъ“. Главнѣйшія темы поэзіи Некрасова слѣдующія: 1) Крѣпостная крестьянская Русь съ неприглядной русской природой; 2) Бѣдный людъ вообще; 3) Русская женщина, особенно крестьянка; 4) Помѣщики и дѣльцы переходнаго времени; 5) Положеніе литературы и 6) Самъ поэтъ съ своимъ раненымъ сердцемъ. Некрасовъ, по преимуществу, поэтъ извѣстной эпохи, а именно послѣдняго десятилѣтія крѣпостного права и переходнаго времени шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, разъяснявшій мысли и чувства лучшихъ людей сороковыхъ годовъ и царствованія Государя-Освободителя. Особенности Некрасова: сатирическое отношеніе къ жизни, болѣзненность ноющаго сердца, слишкомъ большая отзывчивость на явленія временныя, проходящія, или даже уже исчезнувшія, что особенно было мило его современникамъ, обожавшимъ въ немъ *„своего пѣвца“*, — все это дѣлаетъ труднымъ выборъ изъ его сочиненій съ цѣлями педагогическими. Какъ не разъ говорили мы при разборѣ другихъ писателей, дѣтямъ всего менѣе понятна сатира и рановременна поэзія горькаго чувства, да и натуру дѣтскую нужно тщательно оберегать отъ рановременнаго разочарованія и осужденія жизни, которую юноша долженъ любить. Точно такъ же не слѣдуетъ воспитывать на поэтахъ только временныхъ, извѣстныхъ эпохъ и поколѣній, ибо воспитываемъ мы юношество не для прошедшаго и настоящаго, а для будущаго, когда будутъ раздаваться уже иныя пѣсни, которыхъ можетъ быть, мы и не предугадаемъ. Вотъ почему мѣсто Некрасова, по преимуществу, въ исторіи литературы. Она разъяснитъ его значеніе вполнѣ, давъ ему подобающее мѣсто въ ряду другихъ честныхъ писателей знаменательнаго времени; но эта исторія литературы уже достояніе возраста болѣе старшаго, въ послѣднихъ классахъ гимназій и университетѣ.

Тѣмъ не менѣе, хорошій языкъ Некрасова, знаніе русской природы и народа, особенно, теплое отношеніе къ послѣднему, при мастерскомъ изображеніи многихъ картинъ, образовъ и чувствъ, не позволяетъ лишить дѣтей удовольствія ознакомиться съ нимъ, хотя отчасти, насколько доступенъ онъ ихъ пониманію. Не забудемъ, что отрывки изъ Некрасова вошли во многія хрестоматіи и сборники, а кое-что съ пользой можетъ быть издано и для наро-

да. Постараемся же отобрать изъ поэта все, съ чѣмъ могутъ быть ознакомлены дѣти, а затѣмъ укажемъ и на нѣсколько произведеній *собственно для народа*.

Прежде всего остановились бы мы на стихотвореніяхъ, рисующихъ русскую *природу*, печальную и однообразную, но всегда милую поэту, находящему въ ней покой отъ всѣхъ своихъ скорбей и городской сутолоки, пошлости и прозы. Не говоря уже о поэмѣ *Морозъ Красный носъ*, о которой скажемъ ниже особо, эта природа рисуется въ пьесахъ: *Передъ дождемъ* (послѣднюю строку о деньщикѣ съ нагайкой опускаемъ) и *Въ деревнѣ* (начало)—сѣрый, сырой день съ навѣвающимъ тоску деревенскимъ пейзажемъ; въ *Несжатой полосѣ*—напрасно пропадающая въ позднюю осень полоса ржи, несжатая ослабѣвшимъ пахаремъ; въ *Зеленомъ шумѣ* (для дѣтей только начало до словъ „*Скромна моя хозяюшка*...„ и дальше отъ словъ „*Какъ молокомъ облитые, стоятъ сады вишневые*... до „*Слабѣетъ дума лютая*...“); граціозная картина пробуждающейся въ лѣсу весны. Въ отрывкѣ изъ *Саши* (отъ словъ „*Сашѣ случалось знавать и печали*“ до „*Долго въ ту ночь, не смыкая рѣсницы*...“—картина рубки лѣса, который любитъ и жалѣетъ поэтъ не менѣе самой дѣвушки, а въ началѣ четвертой главы *Крестьянки*: *Зажгло грозою дерево* (до словъ: „*Носила я Демидушку*“) гибель птенчиковъ въ сожженномъ гнѣздѣ и печаль матери о погибшихъ дѣтяхъ. Въ стихотвореніи *На Волгѣ* (*Дѣтство Валежникова*)—дѣтство поэта съ ребяческими страхами по ночамъ и впечатлѣнія отъ великой русской рѣки съ ея бурлаками, теперь уже почти исчезнувшими съ развитіемъ пароходства (только *вторая* глава съ опущеніемъ конца отъ словъ: „*И въ безполезной той борьбѣ*“ и *третья*, опустивъ строки „*Все тоже, тоже... только нѣтъ убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ*“; отъ словъ „*Приказчикъ парень молодой*“ до „*Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ*“, и наконецъ: „*О, горько, горько я рыдалъ*“). Въ *Рыцарѣ на часъ* авторъ идетъ поздней осенью въ лунную морозную ночь по широкому полю, и рисуются передъ нимъ пейзажи ободряющей природы съ ея безконечнымъ просторомъ, съ лѣсомъ, съ величавымъ войскомъ изъ стоговъ и скирдовъ. И вспоминается ему далекая могила его бѣдной, страстно любимой имъ, матери и старая церковь на кладбищѣ, гдѣ она похоронена. Картиной храма, до словъ: „*Повидайся со мною, родная*“, можно и ограничить выборъ изъ

этой прекрасной пьесы. Не менѣе роскошная картина русской природы въ одномъ изъ лучшихъ произведеній поэта— въ *Тишинѣ*, которую можно взять всю цѣликомъ, кромѣ начала отъ словъ: „*За дальнымъ Средиземнымъ моремъ*“ до „*И въ умиленьѣ посылаю всему привѣтъ*“. Поэтъ, возвратясь изъ заграничнаго путешествія, умиляется при видѣ родного храма и, посвятивъ ему чудные стихи о значеніи его для простого люда, находящаго въ немъ одномъ утѣшеніе въ скорбяхъ, утѣшается и самъ въ теплой молитвѣ. Проѣзжая по дорогѣ, онъ вспоминаетъ о томъ, сколько прошло по ней рекрутовъ, и какова она была во время недавней севастопольской войны, при чемъ вспоминается и самая война, открывшая Россіи новую жизнь. Къ тому-же простому сельскому храму возвращается поэтъ и въ неоконченныхъ запискахъ—*Дѣтство*, идущихъ отъ лица женщины; здѣсь два храма: старый, разрушенный, съ уцѣлѣвшими ликами святыхъ угодниковъ, и новая, красивая церковь. Но старая больше нравится дѣвочкѣ, любившей бродить въ священныхъ развалинахъ.

Чѣмъ-то бодрымъ, свѣжимъ, свѣтлымъ и радостнымъ вѣетъ отъ стихотвореній, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ. Скорбной элегической ноты этого поэта раненаго сердца нѣтъ здѣсь и слѣда. Точно писалъ ихъ совсѣмъ другой человѣкъ, а если и тотъ же самый, то въ рѣдкія минуты душевнаго покоя, особеннаго жизнерадостнаго настроенія. Собственно для дѣтей писали у насъ и и другіе поэты, напр.: Майковъ, Плещеевъ, Полонскій, но ни у кого изъ нихъ, при всѣхъ достоинствахъ, нѣтъ такого правдиваго, любовнаго изображенія именно крестьянскихъ дѣтей и явленій деревенской жизни, интересныхъ и занимательныхъ, какъ для юноши, и даже взрослаго, такъ и для маленькихъ читателей, лѣтъ съ семи, восьми,—нѣтъ такого мѣткаго, народнаго языка.

Въ „*Крестьянскихъ дѣтяхъ*“ поэтъ, утомленной охотой, засыпаетъ въ сараѣ. Проснувшись, видитъ онъ ребятишекъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ барина въ щели, и приводитъ ихъ наивный, отрывочный говоръ шепотомъ, чтобы не услышалъ баринъ. За нѣсколькими теплыми стихами о крестьянскихъ ребятишкахъ, которыхъ такъ любитъ авторъ, онъ разсказываетъ, какъ хаживалъ съ ними за грибами, бивалъ змѣй; какъ слушаютъ дѣти

разсказы людей рабочаго званія „*про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей*“, сказки и побасенки; какъ интересуются всякимъ мастерствомъ; *какъ пилишь, какъ лудить, имъ все покажи;* какъ словили они ежа и его кормятъ, какъ играютъ, сбираютъ цвѣты, ягоды, помогаютъ старшимъ, въ крестьянскихъ работахъ, присматриваясь съ малолѣтства къ тяжелому труду. Но, *чтобы не посѣять зависти въ дворянскомъ дитяти*, поэтъ указываетъ и на печальныя стороны крестьянскаго дѣтства: *ростетъ ребенокъ, положимъ свободно*;

Но выростетъ онъ, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему.
Положимъ, онъ знаетъ лѣсныя дорожки,
Гарцуетъ верхомъ, не боится воды,
За то безпощадно ѣдятъ его мошки,
За то ему рано знакомы труды.

И, какъ примѣръ такого ранняго дѣтскаго труда, поэтъ разсказываетъ свою встрѣчу съ семилѣтнимъ крошкой-мужичкомъ, гордо выступающимъ въ отцовскихъ сапогахъ и рукавицахъ за возомъ съ дровами. Отъ словъ: „*съ клеймомъ нелюдимой, мертвящей зимы*“ до „*Играйте-же, дѣти, растите на волѣ*“ можно опустить, но непремѣнно слѣдуетъ оставить обращеніе.

Играйте же, дѣти! растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.
Храните свое вѣковое наслѣдство,
   Любите свой хлѣбъ трудовой—
И пусть обаянье поэзіи дѣтства
Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной!..

Отъ этого теплаго обращенія авторъ переходитъ къ восторгу дѣтей отъ штукъ, продѣлываемыхъ охотничьей собакой, чѣмъ и заканчиваетъ свою граціозную идиллію.

Не менѣе удачна другая картина: *Дѣдушка Яковъ*—сѣденькій, добродушный торговецъ съ цѣлымъ домомъ — телѣжкой, со старой лошаденкой, весело, съ мѣткими прибаутками, разъѣзжающій по деревнямъ, гдѣ его появленіе производитъ общую сенсацію. Есть у него и букварики; не мало накупили ихъ для дѣтворы

старики,—да еще какихъ, съ картинками, но которыя разбѣжались глаза у сиротки Ѳеклуши:

Сжалился, далъ ей букварь старина;
„Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!"
Экой старикъ! Видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!

Теплое чувство къ природѣ и животнымъ возбуждаютъ три стихотворенія: *Пчелы, Соловьи* и *Дѣдушка Мазай и зайцы.* Въ *Пчелахъ* отецъ, угощая сына медомъ, разсказывалъ ему притчу о томъ, какъ добрый прохожій научилъ мужиковъ въ разливъ воды понаставить до суши вѣхъ, на которыя могли бы садиться тонущія пчелы, возвращающіяся съ медомъ съ сухихъ лѣсовъ и полей, и тѣмъ спасъ пчелокъ отъ смерти и сберегъ мужикамъ медъ. Въ *Соловьяхъ* мать зоветъ дѣтей послушать прекраснаго пѣнья артиста-птицы. Птица совсѣмъ было перестала прилетать, замѣтивъ разставленныя на нее сѣти; но теперь опять слетаются птицы цѣлыми стаями, когда старики, соскучившись по привычному пѣнью, велѣли силки убрать (Послѣднія три строфы: „*Середній сынъ кота дразнилъ*" слѣдуетъ опустить, какъ искусственныя и нарущающія цѣлость пьесы).

Особенной прелестью отличается идиллія *Дѣдушка Мазай и зайцы.* Ярко обрисовавъ старика-охотника, поэтическую натуру, въ родѣ встрѣчающихся у Тургенева въ *Запискахъ,* поэтъ приводитъ разсказъ о томъ, какъ въ половодье, весной, Мазай, забравъ въ лодку тонущихъ зайцевъ и зайчатъ, спасъ ихъ отъ вѣрной смерти и всѣхъ выпустилъ потомъ на волю;

Только на лодкѣ двѣ пары остались:
Сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ и домой приволокъ.
За ночь больные мои отогрѣлись,
Высохли, выспались, плотно наѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ, и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
—„Не попадайтесь зимой!"
Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ,
Шкура плохая:—линяетъ косой.

Не мало удовольствія доставитъ дѣтямъ и народу шуточный анекдотъ *Генералъ Топтыгинъ.* Ѣдущій порожнякомъ ямщикъ подсаживаетъ въ сани вожака съ медвѣдемъ и по дорогѣ останавливается у кабака, куда оба и заходятъ, оставивъ въ саняхъ Мишку. Ревъ звѣря спугиваетъ лошадей, и тройка съ ревущимъ Мишкой бѣшено примчалась на станцію, гдѣ смотритель и ямщики съ перепугу принимаютъ звѣря за генерала въ медвѣжьей шубѣ.

Умилительнымъ чувствомъ религіознаго, праздничнаго, настроенія вѣетъ отъ стихотворенія *Наканунѣ Свѣтлаго праздника,* которое можно сопоставить съ граціозной пьеской А. Н. Майкова—*Христосъ воскресе* и народнымъ разсказомъ Д. В. Григоровича *Свѣтлохристово воскресенье.* Авторъ ѣдетъ высокимъ холмомъ, въ Страстную Субботу, къ Ростову, среди великолѣпной панорамы сельскихъ видовъ. Народъ идетъ съ работы домой, и всѣмъ желаетъ поэтъ весело встрѣтить праздникъ. Наступаетъ ночь, и картина мѣняется. Въ ночной мглѣ идутъ люди съ пучками горящей соломы въ церковь; вдали, у озера, ярко горятъ костры; толпы сходятся съ разныхъ сторонъ у Божьяго храма, народная масса сдвигается, растетъ... Нѣмую ночь оживляетъ вдругъ громко прогудѣвшій колоколъ: *„чудесная, дѣти, картина была!“...*

Отъ этихъ отрадныхъ вещей, предназначенныхъ самимъ поэтомъ для дѣтскаго возраста, перейдемъ къ произведеніямъ, хотя и рисующимъ, почти исключительно, печальныя стороны крестьянскаго быта, но такъ мягко и тепло, что знакомство съ ними можетъ только поселить въ дѣтяхъ любовь къ народу и сочувствіе его нуждамъ и горю, не говоря уже о важности этихъ произведеній для знакомства съ неприкрашеннымъ народнымъ бытомъ.

Въ *Пѣснѣ убогаго странника* (изъ *„Коробейниковъ“; „Я лугами иду, вѣтеръ свищетъ въ лугахъ“*) рисуется народная бѣдность, холодъ и голодъ, пьянство и грубость, обусловливаемые невѣжествомъ и бѣдной природой, мало вознаграждающей тяжкій мужицкій трудъ. Рядомъ съ этой пѣсней поставили бы мы небольшую пьеску (отрывокъ) *Ночь,* но непремѣнно опустивъ первыя четыре строки, отзывающіяся фальшью въ неумѣстности и несвое-

временности сентиментальныхъ ламентацій о бѣдномъ народѣ, приходящихъ въ голову ворочающемуся на постели пересидѣвшему въ гостяхъ барину, который *готовъ былъ бы*, пожалуй, и *молиться*, *но* только *не знаетъ*, *чего пожелать*"... Самыя же пожеланія, взятыя отдѣльно, полны глубокаго чувства къ народу: этому народу авторъ, какъ своему кормильцу, предоставившему господамъ погружаться въ искусства, въ науки, желаетъ добра и просвѣщенія. Въ стихотвореніи *Въ деревнѣ* (на начало его уже указано), устами бѣдной старушки, у которой медвѣдь задралъ единственнаго кормильца—взрослаго сына, рисуется безпомощность бѣдной одинокой бабы:

„По міру силъ нѣтъ ходить:
„Умеръ, голубушка, умеръ Касьяновна,
„И не велѣлъ долго жить!"

(Конецъ отъ словъ „*Плачетъ старуха, а мнѣ что за дѣло?*"— опускаемъ).

Если въ выбранныхъ произведеніяхъ поэтъ бралъ изъ крестьянской жизни только отдѣльные случаи, картинки,—то въ большой поэмѣ *Морозъ красный носъ* цѣлая законченная, небогатая фактами, но полная глубокаго смысла и общности, еще до сихъ поръ, эпопея жизни честной трудовой крестьянской семьи въ ея зависимости отъ неумолимаго рока, не пощадившаго ея кормильца. До нѣкоторой степени поэма аналогична съ указанной пьеской *Въ деревнѣ*; но тамъ гибель сына пускаетъ по міру одну одинокую старуху; — здѣсь, кромѣ стариковъ родителей, остается на произволъ судьбы мать съ двумя маленькими дѣтьми;—да и эта мать, которая благодаря своей духовной и физической силѣ, можетъ быть, и смогла бы поднять дѣтей, замерзаетъ въ лѣсу въ день похоронъ мужа. Оставя въ сторонѣ случайность этой смерти, все-таки могшей имѣть мѣсто, такъ какъ Дарья слишкомъ утомилась всѣ эти дни, слишкомъ сломлена горемъ, да и очень ужъ велика была стужа, не рѣдкая у насъ въ суровыя зимы, — все остальное вполнѣ естественно и глубоко трогаетъ своею обыденностью и простотою. *Морозъ красный носъ* написанъ въ 1863 г., черезъ два года по освобожденіи крестьянъ, слѣдовательно, уже около *сорока* лѣтъ назадъ; но условія крестьянской жизни измѣнились и до сихъ поръ такъ мало, что кажется, будто поэма

написана только теперь, и когда еще отойдетъ она въ область стародавнихъ преданій?... Это—*едва-ли не* самое любимое, наиболѣе непосредственно вылившееся изъ души, произведеніе поэта. Не даромъ посвятилъ онъ его любимой сестрѣ; считалъ даже послѣднимъ своимъ литературнымъ дѣтищемъ, и, какъ видно изъ посвященія, которое для дѣтей и народа слѣдуетъ опустить, связывалъ его съ какимъ-то неясными для насъ, но понятными для брата и сестры, личными воспоминаніями. Эта пѣсня, по выраженію поэта, *„много печальнѣе прежнихъ“*; но самая эта печаль, выражающаяся, за исключеніемъ одного только небольшого отступленія (III глава I части) о роковой долѣ крестьянки, которое для дѣтей и народа мы опустили бы, въ самыхъ фактахъ и общемъ, глубоко задушевномъ, тонѣ особенно цѣнна въ отношеніи воспитательномъ. Поэма не только знакомитъ съ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ жизни многомилліоннаго русскаго люда,—она глубоко тронетъ дѣтскія сердца, христіански заставивъ ихъ забиться жалостью къ бѣдному младшему брату, такому же человѣку, какъ и самъ читатель.

Но, кромѣ сюжета, отдѣльныхъ образовъ и картинъ, есть въ произведеніи еще одна важная черта—*народность.* Она такъ граціозно выражается въ удачномъ соединеніи фактовъ жизни съ старинными русскими сказаніями о *Дѣдушкѣ Морозѣ*, какъ таинственной стихійной силѣ, принимающей такое участіе въ судьбѣ русскаго человѣка, жителя страны снѣговъ и мятелей, покрытой чуть не полгода ледяной и снѣговой корой, и такъ живо представленной Пушкинымъ въ *Зимнемъ вечерѣ*, *Зимней дорогѣ* и *Бѣсахъ.* Поэма *Морозъ красный носъ*, представляющая жизнь крестьянскую, вмѣстѣ съ *Кулакомъ,* Никитина,—эпопею жизни мелкаго торгаша, разобранной нами въ этой книгѣ, въ рукахъ умѣлаго воспитателя дадутъ обильнѣйшій матерьялъ, образовательный и воспитательный, именно въ смыслѣ настоящей народности, т. е. знакомства съ народною жизнью и возбужденія здоровыхъ, гуманныхъ, чувствъ къ родинѣ. Знакомство это особенно важно для дѣтей достаточныхъ классовъ, живущихъ въ городахъ, вдали отъ народа, почему мы считаемъ Кольцова, Никитина, Некрасова, Григоровича, Тургенева, Льва Толстого, Погоскаго—писателями весьма педагогическими именно у насъ, гдѣ между классами низшимъ и высшимъ еще и до сихъ поръ лежитъ такая глу-

бокая пропасть, образовавшаяся подъ вліяніемъ долгаго крѣпостного права и другихъ историческихъ условій, рѣзко отдѣлившихъ мѣщанина отъ дворянина и барина отъ мужика.

Поэма начинается съ маленькой, очень сжатой, картинки похоронъ мужика Прокла. Воображеніе поэта тотчасъ же забѣгаетъ впередъ, и опять-таки сжато, всего въ двѣнадцати строкахъ, онъ показываетъ покойника, еще лежащаго на скамьѣ, въ бѣдной избушкѣ, съ теленкомъ въ подклѣти, съ маленькими дѣтьми и женой, съ тихими рыданіями сшивающей саванъ. Эта жена, Дарья,— героиня поэмы, сосредоточивающая наибольшую симпатію автора, описывается подробно со стороны красоты, физической силы, прекрасной души и счастья, которое вносила она въ семью при жизни любимаго мужа. Это не простая, глупая, баба, какихъ большинство, это — натура богатая духовной мощью и трезвымъ пониманіемъ своего положенія жены и матери. Но картины мѣняются: сквозь слезы старикъ отецъ копаетъ у церкви могилу единственному сыну, и на обратномъ пути нагоняетъ старуху-жену, присмотрѣвшую гробокъ получше; встрѣтившійся юродивый подбавляетъ горя старикамъ глупымъ сарказмомъ... Далѣе удивительная сцена обряжанья покойника, отъ котораго увели дѣтей ночевать къ сосѣдямъ:

Медлительно, важно, сурово
Печальное дѣло велось:
Не сказано лишняго слова,
Наружу не выдано слезъ.
Уснулъ потрудившійся въ потѣ!
Уснулъ, поработавъ землѣ!
Лежитъ, непричастный заботѣ,
На бѣломъ сосновомъ столѣ,
Лежитъ неподвижный, суровый,
Съ горящей свѣчей въ головахъ,
Въ широкой рубашкѣ холщевой
И въ липовыхъ новыхъ лаптяхъ.
Большія съ мозолями руки,
Подъявшія много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо—и до рукъ борода...

Покойника оплакиваютъ домашніе, причемъ выдержанъ характеръ неизбѣжныхъ въ крестьянствѣ причитаній; сосѣди приходятъ

проститься съ мертвецомъ... По уходѣ ихъ семья ужинаетъ капустой съ хлѣбомъ и квасомъ.

Старикъ безполезной кручинѣ
Собой овладѣть не давалъ:
Подладившись ближе къ лучинѣ,
Онъ лапоть худой ковырялъ.

Дарья пошла провѣдать дѣтокъ... Всю ночь дьячокъ читаетъ надъ усопшимъ подъ свистъ сверчка изъ-за печки... Выносъ покойника на утро на кладбище, куда везетъ его въ саняхъ понурый Савраска, подсказываетъ поэту теплое слово о бѣдномъ конѣ, такъ много послужившемъ хозяину и дома, и въ извозѣ... Разсказомъ о болѣзни простудившагося въ извозѣ мужика и трогательной сценой похоронъ оканчивается первая часть, озаглавленная *Смерть Прокла.*

Во второй части все вниманіе поэта сосредоточивается на Дарьѣ. Оставивъ сиротъ у сосѣдей, она ѣдетъ въ лѣсъ за дровами, чтобы протопить охлажденную избу, гдѣ стоялъ покойникъ. Прекрасная картина морозной тиши въ полѣ и въ лѣсу. Оставшись одна, Дарья не выдержала, и вся предается горю, разливаясь слезами среди лѣса, подъ косыми лучами заходящаго зимняго солнца... Но она осиливаетъ себя, колетъ и рубитъ:

Не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ...

Подъ вліяніемъ горя живо встаютъ передъ ней воспоминанія о прожитой съ мужемъ жизни, о вѣщемъ снѣ, о томъ, какъ росли дѣтки, какъ ходила она передъ смертью мужа молиться за своего Проклушку въ монастырь и попала на похороны черничкя... Но вотъ, дрова нарублены, надо ѣхать домой, а баба за день надорвалась, смаялась и душевно, и физически... Нѣтъ силъ ѣхать... Она прислонилась къ дереву, думая отдохнуть, а силы не возвращаются, неотвязныя мысли еще больше мутятъ голову бѣдной вдовы. А морозъ все-то крѣпчаетъ да крѣпчаетъ... И вотъ, поэтъ даетъ полную волю своей фантазіи. Съ XXX главы идетъ сначала олицетвореніе мороза, совсѣмъ въ народномъ вкусѣ, въ видѣ сѣдого сказочнаго богатыря („*Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ...*“), его пѣсня и разговоръ съ Дарьей, напоминающій такой же раз-

говоръ Мороза въ сказкѣ съ падчерицей („*Тепло ли тебѣ молодица?*“)... Дарья, прислонившаяся къ дереву, вся прохватывается холодомъ и обезсиливаетъ... Топоръ выпадаетъ изъ рукъ... очи закрылись... ей тепло, а сама коченѣетъ. Въ головѣ все-то бродятъ обрывки воспоминаній: вотъ, она жнетъ лѣтомъ, копаетъ съ старушкой свекровью картофель; вотъ Маша, красивая рѣзвушка, сидитъ на возу. Морозъ принимаетъ образъ мужа: Проклушка шагаетъ за возомъ... опять дѣти... опять мужъ, такой добрый, ласковый... И съ сладкими мечтами объ исчезнувшемъ счастьѣ, все о томъ же любимомъ мужѣ и дѣткахъ, съ улыбкой на устахъ, застываетъ на вѣки бѣдная страдалица посреди величественной тишины замороженнаго лѣса, оставивъ мыкать горе несчастныхъ сиротъ...

Отъ этой задушевной поэмы можно перейти къ отрывку изъ *Дѣдушки* (отъ словъ IX строфы: *Чудо я, Саша видалъ* до XII-й), представляющему довольство богатаго села Тарбагатай, въ страшной сибирской глуши, куда сослали за расколъ горсточку русскихъ, сумѣвшихъ въ годъ уже устроить на пустырѣ деревню, построить мельницу, позапастись рыбой и звѣрьемъ, еще черезъ годъ сдѣлать плодородной, дотолѣ безплодную, землю и развести домашній скотъ и птицу. Такъ, въ какихъ-нибудь полвѣка, благодаря упорному труду предпріимчивыхъ мужиковъ, нестѣсняемыхъ подневольной крѣпостной работой, на пустырѣ, въ глуши, возникло за Байкаломъ одно изъ богатѣйшихъ русскихъ селъ съ трезвымъ и честнымъ населеніемъ.

Съ значительными пропусками можно взять отрывокъ и изъ четвертой части поэмы: *Кому на Руси жить хорошо*:—*Странники и богомольцы* (опустить отъ словъ: „*Былъ старецъ, чуднымъ пѣніемъ плѣнялъ сердца народныя*“ до „*Но видитъ въ тѣхъ же странникахъ и лицевую сторону народъ*“; отъ словъ: „*Чуденъ ему и памятенъ*“ до „*Во вѣкъ не позабудется*“; послѣдніе четыре стиха-вступленіе въ сказаніе Іонушки *о двухъ великихъ грѣшникахъ*). Странники—неизбѣжная принадлежность всякаго русскаго селенія, и дѣти видятъ ихъ иногда и въ большихъ городахъ и столицахъ, особенно въ Москвѣ. При невѣжествѣ народа и отсутствіи въ его сѣренькой жизни всякихъ развлеченій, этотъ бродячій, бездомный и безродный, людъ очень любимъ народомъ, и своими разсказами и чудачествами доставляетъ ему часто едни-

ственное развлеченіе въ долгіе зимніе вечера. Хотя подчасъ и обманываютъ они суевѣрнаго мужика,

Но видитъ въ тѣхъ же странникахъ
И лицевую сторону
Народъ. Кѣмъ церкви строятся?
Кто кружки монастырскія
Наполнилъ черезъ край?
Иной добра не дѣлаетъ,
И зла за нимъ не водится...

А дѣлаютъ они иногда добро не малое, напр.

Во вѣкъ не позабудется
Народомъ Евфросиньюшка
Посадская вдова:
Какъ Божія посланница,
Старушка появляется
Въ холерные года;
Хоронитъ, лѣчитъ, возится
Съ больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Вотъ почему такъ и любы кореннымъ, неподозрительнымъ, крестьянамъ эти невѣдомые, странные, гости. Радушно принимаютъ ихъ, убогихъ и робкихъ, хозяева, и сколько радости доставляютъ они послѣднимъ, когда, накормленные и напоенные, чѣмъ Богъ послалъ, пускаются въ безконечные разсказы, впечатлѣніе отъ которыхъ на всю семью, въ зимній вечеръ, мастерски рисуетъ поэтъ, заканчивающій картинку разсказомъ о странникѣ Іонѣ Ляпушкинѣ. Его не только не гнушались крестьяне, но на перебой спорили о томъ, кому изъ нихъ его пріютить, такъ что онъ приказывалъ выносить иконы:

Предъ каждою иконою
Іона падалъ ницъ:
„Не спорьте! Дѣло Божіе,
„Котора взглянетъ ласковѣй,
„За тою и пойду“.
И часто за бѣднѣйшею
Иконой шелъ Іонушка
Въ бѣднѣйшую избу.
И къ той избѣ особое
Почтенье: бабы бѣгаютъ

Съ узлами, сковородами
Въ ту избу; чашей полною,
По милости Іонушки,
Становится она.

Въ указанномъ произведеніи дана характеристика и указано значеніе бродячаго Божьяго люда вообще. Въ балладѣ *Власъ* уже цѣльный, законченный, образъ великаго грѣшника, которому не даютъ покою страшныя картины ада, рисуемыя проснувшеюся совѣстью, до тѣхъ поръ, пока грѣшникъ не даетъ обѣта посвятить себя всего искупленію прежней безобразной жизни. Онъ раздаетъ все свое имѣніе, нажитое неправдой, и, оставшись самъ босъ и нагъ, цѣлыхъ тридцать лѣтъ питается подаяніемъ, сбирая на построеніе храма:

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной,—

храмы—прибѣжище народа во всѣхъ скорбяхъ, единый источникъ радости, утѣшенія и душевнаго покоя отъ тяготы неприглядной жизни.

Въ заключеніе нашего выбора произведеній эпическаго характера, рисующихъ разныя стороны народнаго быта, можно бы взять еще, едва-ли не самое популярное, стихотвореніе *Школьникъ*. Эта небольшая пьеска, написанная въ самомъ началѣ царствованія Государя-Освободителя (1856 г.), въ пору блестящихъ надеждъ и увлеченій ожидавшеюся крестьянской реформой, вошла тотчасъ-же въ хрестоматіи и книги для чтенія, начиная съ *Родного Слова*, Ушинскаго. *Школьникъ* пережилъ больше сорока пяти лѣтъ, и до сихъ поръ выучивается въ сельскихъ и городскихъ школахъ. Но такимъ рѣдкимъ успѣхомъ обязана эта пьеска, благодаря только своему содержанію и легкости выраженія, легко запоминаемому дѣтьми.

Въ ней такъ много вѣры въ скрывающіяся въ народѣ, нетронутыя, силы, которымъ, чтобы развернуться во всю ширь и глубь, нужно только образованіе. За послѣднія десятилѣтія, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, вышло изъ народа не мало даровитыхъ личностей, хотя нельзя сказать, чтобы судьба большинства изъ

нихъ была удачна. Какому школьнику не хочется быть Ломоносовымъ, славнымъ колоссомъ въ русской наукѣ и литературѣ, академикомъ, словомъ—тѣмъ Ломоносовымъ, какимъ онъ и до сихъ поръ еще оффиціально представляется патріотическими біографами, несмотря на то, что новыя изслѣдованія о его жизни и современной ему эпохѣ хотя и вполнѣ признаютъ за нимъ геніальность и громадную энергію, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ и глубокій трагическій смыслъ жизни этого генія, которому не удалось совершить большей части задуманнаго на пользу столь дорогого ему просвѣщенія. Однако, при всей патріотичности сюжета, если взглянуть на стихотвореніе съ точки зрѣнія художественной, признаваемой нами первымъ и единственнымъ мѣриломъ выбора для воспитанія въ дѣтяхъ литературнаго вкуса, нельзя не признать, что выраженъ этотъ сюжетъ прозаично, даже пошловато, и притомъ шаблонно, примѣнительно къ интересу времени мечтаній и увлеченій. Почему, напримѣръ, мальчика свезетъ кто-нибудь непремѣнно въ Москву, а не въ Петербургъ, или другой городъ, гдѣ также теперь, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ есть хорошія школы; почему мальчику непремѣнно надо быть въ университетѣ, а не въ какомъ-нибудь высшемъ спеціальномъ училищѣ, какъ Технологическій Институтъ, Горный, Медицинская Академія и т. п.? Да, наконецъ, и сюда то попасть можно только, пройдя трудный гимназическій курсъ—такъ что мечты автора:

Кто-нибудь свезетъ въ Москву.
Будешь въ университетѣ—
Сонъ свершится на яву,

кажутся въ настоящее время довольно наивными. Что же касается формы, то стихи:

Знаю, старая (?) дьячиха
Отдала четвертачекъ (?),
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ;—

или:

Батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ,—

особенно первые четыре стиха пошловаты и прозаичны, какъ прозаично по формѣ и все произведеніе.

Отъ произведеній эпическаго характера переходимъ къ еще немногимъ, чисто лирическимъ, какъ намъ кажется, подходящимъ къ дѣтскому пониманію, и благотворнымъ по заключающимся въ нихъ чувствамъ. Таковыми считаемъ слѣдующія.

Внимая ужасамъ войны: небольшая пьеска, навѣянная Севастопольской войной (1854 г.), въ поэтической формѣ выражающая участіе къ слезамъ бѣдныхъ матерей, оплакивающихъ своихъ сыновъ, погибшихъ на кровавой нивѣ.—Написанная болѣе сорока лѣтъ назадъ, она настолько обща, что, вмѣстѣ съ разсказами гр. Л. Толстого, пожалуй, разсказами Вс. Гаршина, можетъ служить хорошимъ противовѣсомъ тому кровавому военному патріотизму, который только въ войнѣ, стоящей тысячъ человѣческихъ жертвъ, видитъ для государства истинную славу и доблесть.

Но отвращеніе къ войнѣ вообще не мѣшаетъ поэту къ этой-же самой противоестественной человѣческой бойнѣ отнестись и съ сочувствіемъ, но только въ томъ случаѣ, когда эта война ведется для защиты родины. Въ стихотвореніи *Русь*, которое можно сопоставить съ указанной пьесой того-же имени, Никитина, поэтъ разсказываетъ, какъ эта и *убогая, и обильна, и могучая, и безсильная, Матушка-Русь* по одному слову *царя, думавшаго-гадавшаго: хватитъ-ли силушки, хватитъ-ли золота,* подъ вліяніемъ добраго порыва загорѣвшагося сердца, и собрала по крохамъ горы богатства, и подняла несокрушимую ратную силу.

Величайшій актъ царствованія Императора Александра II—освобожденіе многихъ милліоновъ русскихъ людей отъ рабской крѣпостной зависимости, естественно долженъ былъ наполнить русскія сердца величайшею радостью и поднять духъ общества. Доброе время породило добрыя радостныя пѣсни у многихъ поэтовъ; отозвался одной изъ такихъ пѣсенъ и Некрасовъ (въ четвертой части поэмы *Кому на Руси жить хорошо*, глава IV—*Доброе время—добрыя пѣсни*), сердечно прославившій Освободителя:

Славься, народу
Давшій свободу!
Доля народу,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода

Прежде всего!
Славься народу
Давшій свободу!
Благослови,
Господи правый,
Счастьемъ и славой
Дѣло любви!
Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Дѣлать умѣло
Силы намъ дай!

Пьеса — по силѣ высокаго патріотическаго подъема — достойна стать на ряду съ народнымъ гимномъ *Боже, Царя храни*, обращающая вниманіе не только на внѣшнюю, военную, славу государства, но и на мирное, свободное, внутреннее, его развитіе. *)

Но для такого развитія, *для дѣла любви*, которое нужно *дѣлать умѣло*, необходимо самое широкое распространеніе просвѣщенія, неразлучное съ освобожденіемъ народа:—необходимо и для самихъ бывшихъ рабовладѣльцевъ, и для ихъ дѣтей и внуковъ, и для народныхъ массъ, пребывающихъ во тьмѣ невѣжества. И вотъ, поэтъ, почти всю свою дѣятельность посвятившій грустной пѣснѣ о народныхъ нуждахъ, видя, какъ медленно подвигается у насъ это просвѣщеніе, среди мукъ своей страшной болѣзни, со смертнаго одра (1876 г.), скорбитъ объ этой медленности, обращаясь съ призывомъ ко всѣмъ образованнымъ людямъ, обязаннымъ по мѣрѣ силъ служить великому дѣлу изгнанія мрака невѣжества и распространенія свѣта знанія (*Сѣятелямъ*):

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что-ли, находишь безплодную,
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? Слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ добрыми лицами,
Гдѣ-же вы съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!

---

*) Это стихотвореніе положено на музыку и приложено съ нотами при журналѣ *Дѣтское Чтеніе* изд. Д. И. Тихомировымъ въ Москвѣ (189 г. №).

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Этимъ гимномъ на освобожденіе крестьянъ, составляющее первый шагъ къ разумному развитію государства, и этимъ предсмертнымъ завѣтомъ поэта работать прежде всего на пользу просвѣщенія мы и заканчиваемъ выборъ изъ Некрасова для *юношества*, считая выбранныя произведенія воспитательными не только въ смыслѣ художественномъ, но и *патріотическомъ*, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

То-же, что выбрано нами для дѣтей, конечно, вполнѣ пригодно, и для народа; но для *взрослыхъ* простолюдиновъ можно остановится и еще на нѣсколькихъ произведеніяхъ, интересныхъ и полезныхъ въ широкомъ воспитательномъ смыслѣ. Выборъ въ этомъ отношеніи будетъ очень не великъ, такъ какъ большая часть народныхъ произведеній Некрасова или проникнута *сатирой* (поэма *Кому на Руси жить хорошо*, къ тому же въ отрывкахъ и наброскахъ); или относится къ давно *отжитому крѣпостному праву* и отзываетъ нѣкоторою сентиментальностью и искусственностью (*Забытая деревня*, *Огородникъ*, *Псовая охота*, *Эй, Иванъ* и др.); или же *грубы* (*Катерина*, *Орина мать солдатская*, *Калистратъ*, *О чемъ думаетъ старуха*, *Такъ, служба*). Изъ всѣхъ народныхъ произведеній полагали бы мы остановиться на такихъ, гдѣ изображается горькая женская доля, съ цѣлью возбужденія болѣе гуманныхъ отношеній къ женщинѣ, которой приходится такъ много терпѣть отъ грубости семьи. Такими произведеніями считаемъ слѣдующія. 1) *Тройка* (размышленія о судьбѣ красавицы крестьянской дѣвушки); 2) *Свадьба* (дѣвичій грѣхъ съ забубеннымъ франтомъ рабочимъ, прикрываемый невеселымъ бракомъ, сулящимъ впереди одно горе); 3) *Кумушки* (глупыя бабы, раздразнивающія своими соболѣзнованіями сиротокъ—ребятъ, которыхъ потомъ цѣлую ночь не можетъ унять несчастный вдовецъ); 4) *Въ полномъ разгарѣ страда деревенская* (тяжкій трудъ бабы на жнитвѣ въ страшную жарынь)—проникнута глубокимъ чувствомъ къ *многострадальной матери всевыносящаго русскаго племени*; слѣдовало бы опустить послѣднюю строфу,

Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?—,

отзывающуюся неумѣстнымъ сарказмомъ, портящимъ хорошую пьесу; 5) *Крестьянка* (изъ III части поэмы *Кому на Руси жить хорошо*) — біографія красивой, сильной, бабы, начиная съ недолгаго, счастливаго, дѣвичества и замужества по любви; тяжелая жизнь безъ мужа, ушедшаго въ Питеръ на работу; рожденіе сына Демушки и гибель мальчика, съѣденнаго по недосмотру полоумнаго столѣтняго дѣда свиньями; четыре года счастливой жизни съ возвратившимся мужемъ и рожденіе другихъ дѣтей; наказаніе другого сына Ѳедотушки, за отданную волчицѣ овцу; трудный годъ, когда неправильно отдаютъ въ солдаты мужа; баба идетъ жаловаться губернатору, жена котораго принимаетъ въ ней участіе и возвращаетъ ей, уже сданнаго въ рекруты, Филиппа, и, наконецъ, бабья *притча о ключахъ женскаго счастья.* Если къ этой большой поэмѣ *Крестьянка* присоединить еще *Морозъ красный носъ*, — картина женской крестьянской доли выйдетъ довольно полная.

Къ этимъ произведеніямъ прибавили бы мы еще слѣдующія. *Зеленый шумъ*,—для дѣтей только въ сокращеніи. Для народа можно взять пьесу цѣликомъ, ради гуманной мысли о томъ, какъ пробуждающаяся весна, зовущая къ жизни всю природу, можетъ повліять на самое мрачное настроеніе человѣка и привести его отъ мстительнаго замысла къ прощенію жены, согрѣшившей въ долгое отсутствіе мужа. Въ небольшой пьескѣ *Съ работы*—озябшій, голодный хозяинъ, не находя дома себѣ ѣды, заботится о конѣ-кормилицѣ Сраскѣ, которому проситъ хозяйку подбросить, за неимѣніемъ овсеца, хоть соломки:

Въ зиму-то, вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
Триста четыре бревна...*).

Поэму *Коробейники*, посвященную авторомъ другу-пріятелю Гаврилѣ Яковлевичу, крестьянину деревни Шады, Костромской губерніи, съ которымъ онъ хаживалъ на охоту, слѣдуетъ взять всю цѣликомъ съ посвященіемъ. Хорошее вступленіе: *Ой, полна, полна, коробушка...* полно поэзіи, проникнутой народнымъ духомъ и выраженной колоритнымъ языкомъ, а слѣдующая за вступленіемъ пѣсня—прибаутка торговца (*Эй, Ѳедорушки, Варварушки! Отпирайте сундуки*) съ картиной бабьяго торга съ двумя торгашами, старымъ и молодымъ, а потомъ мужицкаго посѣщенія коробейни-

*) Эту пьеску можно взять и для дѣтей.

ками старинныхъ помѣщичьихъ домовъ, дальнѣйшій путь торгашей, ожиданія Катеринушкой своего красиваго суженаго, обѣщавшаго вернутьзя, по окончаніи торга; веселое возвращеніе съ деньгами домой расторговавшихся купцовъ, встрѣча въ дорогѣ съ охотникомъ-разбойникомъ, наконецъ смерть коробейника въ дорогѣ, отъ лихого человѣка, — все это правдиво и можетъ нравиться народу, видящему здѣсь свою собственную жизнь.

Вотъ, по нашему мнѣнію, и все, что можетъ быть отобрано изъ Некрасова для чтенія народу. Большая поэма *Кому на Руси жить хорошо*, хотя и полна правды и содержитъ много хорошихъ мыслей и картинъ, но, за исключеніемъ уже выбранныхъ отрывковъ (*Крестьянка, пѣсни*), едва ли для народа пригодна. Относящаяся въ значительной степени ко времени крѣпостного права и первымъ годамъ по освобожденіи, она задѣваетъ вопросы очень сложные (напр. *Попъ*), и только напрасно можетъ разбередить старыя наболѣвшія раны своею безотрадностью. Да и самая основная мысль, при искусственности, натянутости канвы (мужики идутъ искать счастливаго человѣка, сказочный коверъ), при пьянствѣ, столь частомъ въ поэмѣ, — мысль, что всѣмъ только дурно жить, а хорошо, пожалуй, только одному пьяницѣ, слишкомъ рискованна и тенденціозна. Значеніе этого произведенія тонко сатирическое, и не такой поэмѣ благотворно дѣйствовать на нашъ народъ, въ жизни котораго и такъ слишкомъ много горькаго: народъ этотъ нужно очеловѣчить ученіемъ, а не искусственно развивать сатирой надъ этимъ же самымъ народомъ, какимъ бы благороднымъ чувствомъ эта сатира ни была вызвана.

XV. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

(Род. 25 февр. 1814 г. † 25 февр. 1861 г.).

Думы мои, дѣти!
Для чего любилъ васъ, для чего ласкалъ?
Иль заплачетъ сердце хоть одно на свѣтѣ
Такъ, какъ я надъ вами?

(*Шевченко*).

Какъ умру, пусть степь родная
Будетъ мнѣ могилой:
Вы меня похороните
На Украйнѣ милой;

Чтобъ поля, и Днѣпръ, и берегъ,
Дальный и зыбучій—
Были видны, было слышно,
Какъ реветъ могучій.

(*Шевченко*).

Шевченко представляетъ собою ту градацію поэзіи, когда она, выросши на чисто народной почвѣ и вполнѣ проникшись ея интересами, отдаетъ себя всю на служеніе родинѣ,—и именно той средѣ, изъ которой поэтъ вышелъ. „*Это*,—говоритъ одинъ критикъ,—*поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ нейдетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своихъ мыслей, и даже своими стремленіями иногда удаляется отъ народа. У Шевченко, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни. Онъ вышелъ изъ народа, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ*". Образованное общество, въ которомъ встрѣтилъ Шевченко столько грубости, притѣсненій и насилія, не только не испортило поэта, но даже, хотя и довольно поздно, внесло въ его душу то общечеловѣческое развитіе, которое помогло ему безпристрастно отнестись, напр., въ „*Гайдамакахъ*", къ славному казачеству, и отыскать въ жизни родины общечеловѣческіе мотивы, дѣлающіе поэта понятнымъ и дорогимъ для всякаго, какой бы націи онъ ни былъ. А между тѣмъ, этотъ поэтъ, по словамъ Костомарова, „*былъ какъ бы самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченко была сама по себѣ народная пѣсня, только новая,—такая пѣсня, которую могъ бы теперь запѣть цѣлый народъ,—какая должна была бы вылиться изъ народной души въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ смыслѣ этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя*". Такіе рѣдкіе избранники народа, *не отдѣлившіеся отъ массы лучшими свойствами понятій и характера, но въ то же время совершенно свободные отъ неизбѣжной ограниченности простонародныхъ взглядовъ*, кажутся намъ особенно благотворными для

воспитанія и юношества, и народа. Сюжетами и изложеніемъ они доступны и интересны массѣ, а глубокимъ патріотизмомъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова,—въ смыслѣ желанія роднѣ добра, выводятъ юношу изъ узкой сферы личности, семьи, города, въ сферу интереса къ благосостоянію, радостямъ и горестямъ цѣлой страны. Тѣмъ цѣннѣе въ этомъ отношеніи поэзія Шевченко, что, какъ ни сурова для него жизнь, она не ожесточила, не озлобила его, а еще тѣмъ болѣе сдѣлала чуткимъ къ скорбямъ и былой славѣ отечества. Несмотря на самыя неблагопріятныя условія въ раннемъ дѣтствѣ, *„въ наукѣ у разгульнаго дьячка“* (*Доля*), всю безплодную, тяжелую, погоню за наукой у невѣждъ маляровъ, къ которымъ влекла поэта страсть къ живописи, на нравственно растлѣвающую жизнь въ лакеяхъ у помѣщика-варвара,—несмотря на всѣ невзгоды своей жизни, онъ все-таки *идетъ прямо,* не входя въ сдѣлки съ судьбой, *не сознавая за собой зерна неправды.* Неугасаемымъ огнемъ горитъ въ душѣ страдальца поддерживающая его вѣра въ талантъ, который, по его собственному сознанію, данъ ему для того, чтобы онъ *нелживыми устами вѣщалъ людямъ истину. „За край любимый, край родной, мнѣ помоги сложить молитву“*, обращается онъ къ своей музѣ;—*„и въ самый часъ послѣдній мой, какъ я закончу съ жизнью битву, не покидай меня, пока послѣдній свѣтъ въ очахъ не сгинетъ; поплачь о мнѣ хотя слегка—и горсть земли твоя рука пускай тогда на гробъ мой кинетъ“* (*Муза*). Къ такой личности поэта должна быть возбуждена симпатія въ дѣтской душѣ. И если, какъ мы говорили, слѣдуетъ воспользоваться для воспитательныхъ цѣлей біографіей Никитина, то еще тѣмъ цѣннѣе біографія Шевченко, поставленнаго въ гораздо худшія условія, чѣмъ Никитинъ, и еще болѣе, чѣмъ послѣдній, сумѣвшаго всецѣло слиться въ своей поэзіи съ интересами родины. Вотъ почему дѣтей и народъ слѣдуетъ, прежде самихъ сочиненій Шевченко, познакомить, по крайней мѣрѣ, съ краткой автобіографической запиской, приложенной къ *„Кобзарю“*. Она очень небогата фактами, но зато они выбраны такъ удачно, разсказаны съ такой потрясающей правдой, что, по собственнымъ словамъ автора, хорошо *„знакомятъ съ жизнью одного изъ людей, выбившагося своими способностями и дѣлами изъ темной и безгласной толпы простолюдиновъ; а подобныя свѣдѣнія поведутъ къ сознанію своего человѣческаго до-*

стоинства, безъ котораго невозможны успѣхи общественнаго развитія въ низшихъ слояхъ населенія Россіи“ *).

За грустнымъ обращеніемъ къ пѣснямъ-думамъ (*Охъ вы думы, мои думы! тяжело мнѣ съ вами!*), изъ котораго мы взяли первый эпиграфъ, и которое, какъ указывающее на патріотическое ихъ значеніе (*Приласкай же ихъ, Украйна, милая сторонка, неразумныхъ, какъ родного своего ребенка*), хорошо прочитать за автобіографіею, можно остановиться на образѣ *стараго, хилаго* тѣломъ, но бодраго духомъ, бездомнаго странника, нищаго-пѣвца Перебенди. *Шатается онъ*, горемыка, повсюду съ *своею кобзой*, кручинится самъ, а людямъ разгоняетъ горе, оплакивая свое собственное гдѣ-нибудь такъ, чтобы не видѣли людскія очи, не слышали людскія уши, каково на душѣ у стараго. Всюду является онъ съ своими пѣснями, и на полѣ жницамъ, и въ кабакѣ разгулявшемуся люду, и на свадьбахъ, и на базарахъ, и въ степяхъ, на высокихъ курганахъ. Тѣшитъ своими, то грустными, то разудалыми напѣвами людей, которые подчасъ видятъ въ пѣсняхъ праздную потѣху, и не думаютъ о томъ, гдѣ-то придется бѣдняку преклонить на ночь голову. Но всего больше любо пѣть старому унылыя пѣсни въ степи: тамъ никто не посмѣется надъ пѣсней— „*Божьимъ словомъ*“, никто не потребуетъ веселыхъ пѣсенъ, когда на душѣ залегла тяжелая дума. Что же за пѣсню поетъ пѣвецъ? Поетъ онъ про казачество, про былую славу Сѣчи, про подвиги казаковъ съ цѣлью добычи и мести за родину. Эти пѣсни для читателей, уже знакомыхъ съ *Тарасомъ Бульбой* Гоголя, какъ бы дополняютъ картину старинной жизни на Украйнѣ, и въ яркихъ чертахъ рисуютъ удалыя личности, оставшіяся въ народной памяти. Этотъ *Перебендя*—какъ бы самъ Шевченко, еще въ раннемъ дѣтствѣ слышавшій отъ столѣтняго дѣда, современника былой

---

*) Знакомя съ сочиненіями Шевченко, мы особенно рекомендовали бы хорошую книжку А. Я. Ефименко *На Украинѣ* (три выпуска съ рисунками. *Библіотека Дѣтскаго Чтенія*. Москва 1901 г., ц. 30 и 25 к.) разсказы о малороссійской природѣ, обрядахъ и казацкихъ войнахъ съ поляками и татарами. Лучшіе разсказы:—*Бандуристъ* (образъ народнаго пѣвца) и *Пасѣчникъ чернаго лѣса*. Есть и біографическій очеркъ Шевченки. Книжка вполнѣ пригодна для чтенія, какъ болѣе взрослымъ дѣтямъ, такъ и народу.

В. О.

славы казачества, разсказы про народную месть полякамъ. Помнитъ поэтъ, какъ „*столѣтнія очи, что звѣзды сіяли, и лился, смѣнялся ужасный разсказъ: какъ гибли поляки, какъ села горѣли. И, слушая дѣда, никто не видалъ, какъ малый ребенокъ за печкой рыдалъ. Спасибо*—говоритъ поэтъ, обращаясь къ памяти живого свидѣтеля событій, *спасибо, родимый, что ты про кручину, про славу казацкую мнѣ разсказалъ. Разсказъ твой я внукамъ теперь передалъ.* (Эпилогъ къ „*Гайдамакамъ*"). Изъ этихъ-то разсказовъ и сложились у поэта патріотическія пѣсни— думы, то разудалыя, то заунывныя, полныя безконечной грусти и раздумья. Запѣваетъ Кобзарь про набѣги на турокъ (*Иванъ Подкова*), съ цѣлью добычи и разгула силы, не находящей себѣ еще никакой другой, болѣе разумной, дѣятельности; выѣзжаютъ казаки въ ту же Турцію „выручать своихъ плѣнныхъ товарищей, *выручать братьевъ изъ неволи*". Удалой атаманъ Гамалѣя (*Гамалѣя*) предводительствуетъ запорожцами, и, страшно отмстивъ за товарищей и выручивъ ихъ самихъ, возвращается домой съ богатой добычей: „*Честь и слава, Гамалѣя, атаманъ нашъ смѣлый, честь тебѣ на всю Украйну, и на весь свѣтъ бѣлый, что казаковъ, нашихъ братьевъ, не хотѣлъ покинуть, что ты не далъ на чужбинѣ имъ въ неволѣ сгинуть.*

За приведенными думами, рисующими казацкую удаль, можно перейти къ тѣмъ сочиненіямъ Шевченко, гдѣ особенно ярко рисуется крайнее развитіе грубыхъ инстинктовъ расходившейся полудикой массы, незнающей границъ мести врагу. Такъ, въ „*Тарасовской ночи*" казаки, выведенные изъ терпѣнія насиліемъ поляковъ и жидовъ надъ ихъ вѣрой и свободой, возстаютъ подъ предводительствомъ одного изъ своихъ героевъ, Тараса Трясилы, и, дождавшись темной ночи, вырѣзываютъ всѣхъ до единаго безоружныхъ пировавшихъ ляховъ, неожидавшихъ нападенія *). Тѣмъ же духомъ мести, поднявшей поголовное возстаніе Украйны, уже послѣднее въ исторіи, кончившееся такъ плачевно для казачества, проникнута одна изъ лучшихъ пьесъ Шевченко „*Гайдамаки*", знакомящая съ жизнью этого бурнаго времени разгула и страстей, еще не сдерживаемыхъ ни образованіемъ, ни закономъ. Чтеніе этой

*) Посовѣтовали бы опустить заключеніе думы съ словъ „*Всталъ Кобзарь...*", какъ нарушающее впечатлѣніе цѣлаго.

поэмы подрастающимъ дѣтямъ, *конечно, не младшаго возраста*, и народу, встрѣтитъ, можетъ быть, осужденіе со стороны черезчуръ строгихъ въ выборѣ воспитательнаго матеріала педагоговъ. Но, останавливаясь на ней, мы имѣли въ виду, что дѣтямъ, какъ говорили уже ранѣе, нужно показывать не одну только исключительно свѣтлую сторону народной жизни, чтобы юноша не видѣлъ въ послѣдней одной идилліи. Пусть въ яркихъ картинахъ онъ увидитъ тѣ причины (*эксплуатація народа посредствомъ жидовъ, оскорбленіе святынь и религіозныхъ обрядовъ, грабежъ, убійства женщинъ и дѣтей*), которыми доведенъ былъ до изступленія оскорбленный народъ. Пусть тѣ изъ юношей, за нервы которыхъ не боится воспитатель, узнаютъ изъ этой поэмы, что такое народное возстаніе, и къ какимъ ужасамъ можетъ придти остервенившаяся масса, не сдерживаемая ничѣмъ въ своихъ грубыхъ инстинктахъ. Съ другой стороны, пусть юноши видятъ, напримѣръ изъ главъ „*Конфедераты*" и „*Ктиторъ*", каковъ бываетъ иногда и, такъ называемый, образованный народъ, все образованіе коего ограничивается одною внѣшностью, безъ всякаго развитія гуманнаго чувства, безъ малѣйшаго уваженія къ народному праву, хотя бы и во врагахъ. Конечно, такія главы, какъ „*Пиръ въ Лисянкѣ*" или „*Праздникъ въ Чигиринѣ*", полны ужасомъ мести, а убійство гайдамацкимъ героемъ Гонтою своихъ малолѣтнихъ дѣтей только за то, что ихъ сдѣлали католиками въ іезуитскомъ коллегіумѣ, заставятъ содрогнуться юношеское сердце, но зато *въ рукахъ разумнаго воспитателя*, умѣющаго *освѣтить* событія, сопоставить эту поэму съ читанною уже прежде повѣстью „*Тарасъ Бульба*",— воспитателя, *умѣющаго предостеречь читателей отъ увлеченія одной ярко изображенной удалью*—чтеніе „*Гайдамаковъ*", съ пропусками нѣсколько циничесхихъ пѣсенъ, легко ознакомитъ въ образахъ съ тѣми сторонами исторіи, которыя, за громкими подвигами военныхъ героевъ, обыкновенно остаются незнакомыми учащимся. Но за картинами ужасовъ, представляющихъ народъ дошедшимъ до звѣрства, можно воспользоваться въ „*Гайдамакахъ*" же и тѣми чертами, которыя рисуютъ *симпатичныя* стороны полудикаго казачества, напр. *любовь къ отечеству, вѣрность церкви, товарищество, готовность жертвовать всѣмъ своимъ добромъ, и даже собственною жизнью, за общее народное дѣло, силу и цѣльность характеровъ*, выработавшихся въ бурную эпоху постоянной войны

и казачьей воли. Слѣдуетъ указать и на такія человѣчныя стороны поэмы, какъ *жизнь сироты Яремы у Жида, ночное свиданіе Яремы съ Оксаною, лирическое отступленіе поэта передъ описаніемъ убійства Ктитора* *), *молитва передъ битвой; безпокойство Оксаны о женихѣ и оставленіе ея женихомъ, ради общаго дѣла, тотчасъ послѣ свадьбы; горе Гонты послѣ убіенія имъ собственныхъ дѣтей и погребеніе ихъ.* Все это—самыя трогательныя сцены поэмы, которую заключаетъ *эпилогъ*, полный грустнаго раздумья о былой славѣ родины.

Патріотическія думы—еще только *одна*, такъ сказать, *гражданско-воспитательная* сторона Шевченко;—за нею стоитъ еще *другая*, полная такой высокой поэзіи, о которой,—появись такой поэтъ у англичанъ, французовъ, нѣмцевъ,—явилось бы множество критическихъ статей, и всякая нація считала бы для себя честью назвать такого поэта своимъ, подобно тому, какъ англичане гордятся именами Роберта Борнса, или Георга Краббa. Эта сторона поэзіи Шевченко—пьесы, изображающія „*лихо и недолю обыкновенной жизни, особенно, нѣжное чувство дѣвической и материнской любви.* Таковы: *Тополь, Утопленница, Порченная, Платокъ, Катерина* и *Батрачка.*

Всѣ онѣ, за исключеніемъ „*Платка*",—любовь сестры къ брату,— построены на, такъ называемыхъ, любовныхъ отношеніяхъ, знакомить дѣтей съ которыми, вообще, рановременно. Любовныя пѣсни исключали мы для дѣтскаго чтенія и у Кольцова ради предупрежденія развитія въ дѣтяхъ извѣстныхъ инстинктовъ. Но, исключая пьесы, выражающія одно чувство страсти, чувственныя картины нѣжности любящихся сердецъ, не рѣшаемся жертвовать при воспитаніи такими вещами, которыя, хотя и имѣютъ подкладкой чувство любви, но зато заняты изображеніемъ *не столько ея самой*, сколько *страданій женщины, легкомысленно обманутой тѣмъ, кому отдала она всю душу.* Слово „*любовь*", подъ болѣе,

---

*)...Стыдно за людей, за брата!
Загляните въ избу:—то конфедераты,
Люди, что сошлися волю защищать.
Защищать! Собаки! Будь та вѣдьма-мать
Проклята на вѣки, что васъ породила,
Людямъ на погибель холила, ростила?
Посмотрите, люди, что они творятъ!

впрочемъ, пошлыми именами—*влюбчивость, волокитство, невѣста, женихъ, милый, возлюбленный*, даже *любовница, незаконное дитя, бросилъ*,—все это такія слова, которыя слышатъ наши дѣти, особенно дѣвочки, съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ родительскомъ домѣ отъ прислуги, и даже знакомыхъ. Опасаться, что дѣти будутъ съ особеннымъ вниманіемъ вчитываться въ описаніе именно страстныхъ сценъ,—значитъ, признать слишкомъ большую испорченность дѣтей, что совершенно ненормально. Портятъ дѣтей, дѣйствительно, страстные романы во вкусѣ литературы сладострастія; но никогда не извратятъ юной души правдивыя изображенія тяжкой скорби и горя изъ-за любви къ человѣку, недостойному сердечной привязанности. Такія изображенія приведутъ, напротивъ, къ тому, что, благодаря силѣ таланта поэта и его горячему отношенію къ страдающей личности, въ душѣ подростающаго поколѣнія запечатлѣется глубокое уваженіе къ истинному чувству, способному на жертвы, лишенія, страданія; — запечатлѣется серьезное, не поверхностное, отношеніе къ этому чувству и презрѣніе къ тому, кто захотѣлъ бы легкомысленно поиграть имъ. Вотъ почему изъ приведенныхъ выше пьесъ, для народа образовательныхъ, безъ всякаго исключенія, тѣмъ болѣе потому, что въ народѣ до сихъ поръ еще слишкомъ мало уваженія къ женщинѣ, которая въ его глазахъ все еще пока, въ большей части случаевъ, „*дура-баба*",—вотъ почему изъ этихъ пьесъ мы посовѣтовали бы какъ можно внимательнѣе и серьезнѣе прочитать болѣе взрослымъ дѣтямъ, кромѣ „*Платка*", и еще два большіе разсказа: *Катерина* и *Батрачка.*

Катерина—простая, но тѣмъ болѣе потрясающая, страшная, исторія, чѣмъ проще, безъ всякихъ прикрасъ, разсказываетъ ее поэтъ. *Шутя полюбилъ москаль, шутя и покинулъ, ушелъ въ свою сторону, а бѣдняжка сгинула, да еще и не одна, а свела въ могилу старуху мать, и пустила по міру сына*—вотъ вся мораль повѣсти, безхитростно высказанная вначалѣ; но какими подробностями обставленъ разсказъ! Какими яркими красками обрисована полнота чувства, беззавѣтное довѣріе къ тому человѣку, за кого бѣдная дѣвушка терпитъ позоръ, насмѣшки безсердечныхъ сосѣдокъ, которыя рады потѣшиться надъ падшей сестрой... А сцена, какъ отецъ и мать, боясь пересудовъ, выгоняютъ собственную дочь съ ребенкомъ, ея прощаніе съ роднымъ домомъ, когда захва-

тываетъ она съ собой, по обычаю, горсть земли! Это такія сцены, гдѣ учитъ примѣромъ сама жизнь, и учитъ такой любовью къ страдающей сестрѣ, которая живительнымъ огнемъ способна разогрѣть самое черствое сердце! А встрѣча съ отцомъ, отвергшимъ сына, а гибель матери, а сирота, ставшій вожакомъ слѣпого Кобзаря?— Благо юношѣ, которому воспитатель сумѣетъ дать почувствовать, что эта за дивная поэма; благо простолюдину, котораго пробрала до слезъ эта повѣсть,—если припомнилось ему, что и онъ самъ, можетъ быть бывало, относился такъ же черство къ покинутымъ бѣдняжкамъ, какъ отнеслись люди къ Катеринѣ; и если стало ему совѣстно:—онъ сдѣлался лучше, добрѣе, человѣчнѣе...

Катерина покинута, брошена, выгнана изъ дома родителями; но у нея есть еще надежда найти отца и отдать ему ребенка... Она отправляется въ далекій, безвѣстный путь, терпитъ холодъ и голодъ, и, наконецъ, разбитая во всѣхъ своихъ надеждахъ, грубо отвергнутая, поруганная и презрѣнная всѣми, не въ силахъ больше терпѣть... Она бросается въ прорубь, оставивъ на произволъ судьбы своего ребенка!.. Не будемъ винить ее... горе слишкомъ сильно... Слабая, она не сладила съ нимъ,—и оно ее надломило...

Но вотъ, великая мощь духа, сила материнской любви, оставшаяся вѣрной себѣ до конца:—батрачка-Ганна, всю свою жизнь, до глубокой старости, жившая въ чужихъ людяхъ работницей только для того, чтобы быть при сынѣ, самой воспитать, выростить, выхолить его, женить, и, наконецъ,—только передъ смертью,— открыть ему, кто она была для него.

Повторяемъ, гуманное отношеніе автора къ бѣдному люду, особенно къ женщинѣ, вмѣстѣ съ грамотностью, должно найти доступъ къ простому, но часто загрубѣлому сердцу народа, и, подобно сочиненіямъ Кольцова и Никитина, способствовать очеловѣченію массы, цѣлые вѣка коснѣющей въ невѣдѣніи самыхъ основныхъ законовъ христіанской морали: милосердія и любви къ ближнему. Но тотъ, кому придется читать народу Шевченко, да не пренебрегаетъ и его пѣснями. Удачно положенныя на музыку композиторомъ съ національнымъ пѣсеннымъ чутьемъ, онѣ могли бы современемъ вытѣснить многія изъ безобразныхъ пѣсенъ, своей безсмыслицей и цинизмомъ оскорбляющихъ чувство.

XVI. Николай Васильевичъ Гоголь.

(Род. 19 марта 1809 † 21 февр. 1852 г.).

Приступая къ разсмотрѣнію, что именно можетъ быть выбрано съ воспитательно-образовательною цѣлью для чтенія *дѣтямъ* изъ сочиненій этого, можетъ быть, самаго глубокаго и серьезнаго, русскаго художника, чувствуемъ всю трудность этого вопроса. Одна уже эта глубина и серьезность дѣлаютъ пониманіе Гоголя для *дѣтскаго*, еще неокрѣпшаго, ума труднымъ,—чтобы не сказать,—непосильнымъ. Чтобы сколько-нибудь оцѣнить Гоголя, нужно много пожить, и именно нашей, русской, по преимуществу, жалкой и безсодержательной провинціальной жизнью; надобно переиспытать и перевидѣть русскаго человѣка въ его *интимной будничной, домашней, халатной*, жизни.

Но это—только *одна* сторона сочиненій Гоголя, затрудняющая выборъ. Есть еще *другая*, не менѣе для дѣтей неудобная. Гоголь юмористъ, и юмористъ пошлости. Чтобы смѣяться съ нимъ вмѣстѣ сознательно, нужно имѣть въ самомъ себѣ положительный идеалъ, уклоненія отъ котораго авторъ и изображаетъ. У дѣтей этотъ идеалъ еще только складывается, и воспитаніе должно помочь тому, чтобы онъ сложился правильно, и проникъ глубоко въ душу начинающаго мыслить юноши. Правда, дѣти охотно слушаютъ чтеніе сочиненій Гоголя, но, мало понимая ихъ, смѣются только *смѣшнымъ словамъ*.

Вотъ почему мы убѣждены въ томъ, что для того, чтобы Гоголь принесъ пользу *именно подростающимъ дѣтямъ* (въ послѣднихъ классахъ гимназіи мы имѣемъ уже дѣло съ взрослыми юношами), нужно, во-первыхъ, строго ограничить выборъ произведеній; во-вторыхъ, читать избранное вмѣстѣ съ дѣтьми, обращая ихъ вниманіе на легко ускользающія подробности и смыслъ цѣлаго, осмысливая для дѣтей самый смѣхъ, который у Гоголя почти всюду имѣетъ серьезную подкладку. Кромѣ того, если большую часть указанныхъ переводовъ Жуковскаго можно смѣло дать въ руки десятилѣтнему ребенку, болѣе или менѣе нормально развитому, сочиненія Гоголя подходятъ уже къ возрасту болѣе *старшему*, да и то въ чтеніи должна быть соблюдаема извѣстная постепенность.

На чемъ же можно остановиться изъ Гоголя для *нашей* цѣли?

Очень часто даютъ дѣтямъ читать „*Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*“. Въ самомъ дѣлѣ, наивная простота разсказа, пестрая смѣсь самыхъ разнообразныхъ приключеній, увлекательная картинность изложенія, необыкновенный интересъ, постоянно поддерживающійся въ читателѣ—все это великія достоинства всякой, въ особенности, дѣтской, книги; давъ дѣтямъ въ руки „*Вечера*“, можно быть увѣреннымъ, что ребенокъ будетъ занятъ, и что книга даже понравится ему до того, что онъ будетъ зачитываться ею. Но вѣдь и сказками Перро зачитываются дѣти, а педагогъ, выбирающій для чтенія книги не только по интересу внѣшнему, на этихъ сказкахъ не остановится. Цѣлью дѣтскаго чтенія должно быть здоровое воспитаніе воображенія и добраго чувства, поселеніе ясныхъ, реальныхъ, преимущественно, свѣтлыхъ образовъ, а не одно занятіе празднаго досуга. Вотъ почему, при всемъ уваженіи къ Гоголю, при всемъ собственномъ нашемъ увлеченіи *Вечерами*, рѣшаемся высказать прямо, что эти разсказы *не только для дѣтей безполезны, но даже и вредны въ смыслѣ болѣзненнаго развитія дѣтскаго воображенія*. Въ самомъ дѣлѣ, что дастъ, напримѣръ, дѣтямъ „*Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*“ и „*Страшная месть*“ которые, сказать кстати, именно и нравятся дѣтямъ наиболѣе? Въ первомъ разсказѣ дѣйствуетъ какой-то „дьяволъ въ человѣческомъ образѣ“ — Басаврюкъ. Богъ знаетъ, зачѣмъ и почему завлекаетъ онъ въ свои сѣти бѣднаго Петруся, крадетъ мальчика Ивасю, которому тотъ отрубаетъ голову—и „безвинная кровь брызжетъ въ очи убійцѣ“. Таинственный папоротникъ открываетъ кладъ, убійца сгораетъ вмѣстѣ съ избой, червонцы превращаются въ битые черепки, — словомъ, страховъ множество; внутренняго смысла, живыхъ, человѣчныхъ образовъ — никакихъ. Во второмъ разсказѣ — „*Страшная месть*“ — этихъ страховъ еще больше. Ужасный образъ колдуна, убійства, ужасы всякаго рода, разсказанные увлекательнѣйшимъ образомъ,—все это еще имѣетъ мѣсто во многихъ подобныхъ народныхъ преданіяхъ, но эти преданія не для дѣтей. Мы знавали такихъ маленькихъ читателей, которые не могли по прочтеніи этихъ повѣстей спать цѣлую ночь, и пристращались къ такимъ произведеніямъ до того, что теряли вкусъ ко всему, что не имѣло подобныхъ, черезчуръ разжигающихъ воображеніе, сюжетовъ! Такія вещи, по нашему мнѣнію, вредны тѣмъ болѣе,

чѣмъ онѣ художественнѣе. То же самое сказали бы мы, отчасти, и о „*Майской ночи*"; но за этой повѣстью, по крайней мѣрѣ, грація образовъ Левко и Ганны, русалки-падчерицы, веселыя сцены, смягчающія впечатлѣніе отъ фантастической ночной сцены русалокъ, которая вдобавокъ представляется Левко во снѣ. Поэтому для „*Утопленицы*" мы еще готовы сдѣлать исключеніе. Но разсмотримъ остальныя повѣсти. Что дастъ напримѣръ дѣтямъ „*Ночь предъ Рождествомъ*?" Не говоря уже о чертовщинѣ, на которой она построена, насколько педагогично опоэтизированіе половыхъ отношеній, которымъ проникнута вся повѣсть? Безъ сомнѣнія, было бы желательно познакомить дѣтей съ поэтической народной гульбой на великій праздникъ; но эта гульба такъ тѣсно связана здѣсь со множествомъ совершенно *не дѣтскихъ* подробностей, что, едвали, не придется воспитателю отказаться и отъ этой повѣсти, хотя бы для того, чтобы избѣжать очень легко могущихъ возникнуть со стороны дѣтей крайне щекотливыхъ вопросовъ, на которые отвѣчать рановременно, да и неловко. То же можно сказать, отчасти, и о „*Сорочинской ярмаркѣ*", гдѣ собственно фантастическаго нѣтъ ничего;—что же касается до остальныхъ трехъ разсказовъ: „*Пропавшая грамота*", „*Заколдованное мѣсто*" и „*Шпонька*", то первые, по заключающейся въ ней чертовщинѣ и пустотѣ содержанія, а послѣдній, по малому для дѣтей интересу и неоконченности, считаемъ для дѣтскаго чтенія совершенно безполезными.

Но въ тѣхъ же самыхъ „*Вечерахъ*" есть такія отдѣльные описанія природы, которыхъ не знать—просто стыдно русскому юношѣ. Взятыя отдѣльно, какъ прекрасныя картины, они дадутъ учителю родного языка богатый матеріалъ для диктовки, эстетическаго разбора и изученія наизусть лучшихъ перловъ родной словесности, которые образовываютъ и вкусъ, и языкъ. Таковы: 1) Описаніе жаркаго малороссійскаго дня въ „*Сорочинской ярмаркѣ*", съ начала разсказа до словъ: „*Такою роскошью блисталъ*..."; 2) Описаніе украинской ночи въ „*Утопленницѣ*", съ начала второй главы; 3) *Описаніе Днѣпра* въ „*Страшной мести*", главы X, съ начала до словъ: „*Дико чернѣютъ*...". Такого рода отрывковъ много и въ „*Мертвыхъ душахъ*", напр. описаніе деревень Собакевича, Манилова, Тентетникова, сада Плюшкина, двора Коробочки, катанья по озеру Пѣтуха и извѣстное описаніе дороги въ XI гла-

вѣ I части. Но если *Сорочинская ярмарка, Ночь предъ Рождествомъ* и *Майская ночь* не для дѣтей, но для взрослыхъ простолюдиновъ, или въ народной школѣ, для возраста лѣтъ съ 16-ти, эти вещи представляютъ любимое, желательное и вполнѣ доступное чтеніе.

Если „Вечера", при всей прелести разсказа, считаемъ мы совершенно не педагогическими, то у того же Гоголя, признаннаго нами выше писателемъ совершенно не дѣтскимъ, есть четыре такихъ произведенія, которыя вполнѣ могутъ положить основу воспитанія. Это *„Тарасъ Бульба"*, *„Старосвѣтскіе помѣщики"*, *„Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ"* и, для болѣе старшаго возраста — *„Шинель"*. Эти повѣсти обыкновенно разбираются въ старшихъ классахъ гимназій, но тамъ цѣли преподавателя другія, такъ сказать, теоретическія, напримѣръ, уразумѣніе типа, строя сочиненія, его рода, вида, историколитературнаго значенія и т. д.; по нашему мнѣнію, эти произведенія должны быть прочитаны гораздо ранѣе, оцѣнены по достоинству, прочувствованы и поняты въ общемъ ихъ смыслѣ. Что нужды, что юноша потомъ опять встрѣтится въ классѣ съ своими старыми знакомцами — онъ полюбитъ ихъ настолько, что подробный анализъ ихъ покажется ему еще интереснѣе.

Говорить о достоинствахъ *„Тараса"* нечего. Всякій сколько нибудь образованный русскій оцѣнитъ эту художественную эпопею; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить о педагогическомъ ея значеніи *именно для нашего юношества.* Это значеніе—не только въ описаніяхъ, не въ яркихъ картинахъ запорожскаго быта, не въ смѣшныхъ сценахъ возвращенія изъ бурсы дѣтей Бульбы, или въ жидовскомъ кварталѣ въ Варшавѣ, не въ трогательномъ образѣ любящей матери,—все это отдѣльныя прекрасныя сцены геніальнаго писателя: — нѣтъ, значеніе этой повѣсти въ созданіи характера именно Бульбы, и въ его постановкѣ относительно событій. Не смотря на всю грубость современнаго ему вѣка и упрямство, онъ—такая сила благородства, чести и желѣзной, несокрушимой, воли, что образъ его, запечатлѣваясь неизгладимыми чертами въ воображеніи, возвышаетъ духъ самого читателя. Онъ даетъ юношѣ положительный идеалъ, поселяетъ въ немъ вѣру въ человѣческую природу, въ которой могутъ таиться и подъ грубѣйшей оболочкой такія необъятныя силы духа. „Плохъ",

говаривалъ Суворовъ, „солдатъ, который не желаетъ быть генераломъ“;—плохъ юноша, скажемъ мы, который не имѣетъ идеальныхъ стремленій, у котораго душа не встрепенется при видѣ подвига,—а такіе подвиги въ „*Бульбѣ*“: смерть Андрея, и казнь Остапа, съ знаменитымъ „*Слышу*“, и гордая гибель героя на кострѣ. Повѣсть сама говоритъ за себя со стороны богатства содержанія; — добавимъ одно, что, только поселивъ въ юношѣ уваженіе къ подобнымъ идеаламъ, укрѣпляющимъ человѣческую волю, и вооруживъ нашего воспитанника знаніями, мы можемъ быть, до нѣкоторой степени, увѣрены, что онъ станетъ впослѣдствіи полезнымъ гражданиномъ своей страны. Великіе люди воспитываютъ насъ — людей маленькихъ, а Тарасъ—личность великая, и въ этомъ величіи педагогическая сила повѣсти. Тарасъ Бульба“ выводитъ юношу изъ узкой повседневности и школьной науки на широкое поле жизни.

Но и эта повседневность осмысливается до обнаруженія часто незамѣтной ея глубины, благодаря таланту художника. И въ повседневности юноша долженъ увидѣть хорошее, какъ бы ни скрывалось оно подъ смѣшною наружностью. Эта то глубина повседневности видится въ „*Въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ*“: въ теплой привязанности старичковъ другъ къ другу, въ ихъ взаимныхъ заботахъ другъ о другѣ, въ ихъ радушіи и безкорыстной любви къ людямъ, въ предсмертныхъ распоряженіяхъ Пульхеріи Ивановны и глубокой скорби о ней Аѳанасія Ивановича. На эту сторону повѣсти должно быть обращено особенное вниманіе дѣтей, чтобы возбудилось въ нихъ сердечное отношеніе и къ простому, необразованному, но доброму человѣку. Но да не забудется при чтеніи этого произведеніи и узкая, мелкая, жизнь старичковъ, которые, при всей своей добротѣ, такъ умственно безпомощны, что все тихое счастіе ихъ разрушается изъ-за какой-нибудь кошки;—что здѣсь, въ этой жизни, до того мало мысли, что всему, выходящему изъ ряда обыкновенной повседневности, дается громадный смыслъ, убивающій спокойствіе людей, и, наконецъ, даже и эту самую жизнь.

Эта же малая развитость человѣка, полная безпомощность его со стороны неумѣнія добывать себѣ хлѣбъ какимъ бы то ни было путемъ, кромѣ безсмысленнаго переписыванія бумагъ, является и въ повѣсти „*Шинель*“, въ лицѣ Акакія Акакіевича.

Пусть дѣти не поймутъ еще хорошенько, что такое самый де-

партаментъ;—довольно, если увидятъ всю безпомощность бѣднаго Башмачкина, когда грознымъ призракомъ встаетъ передъ нимъ *новая шинель*, которая въ жизни подобныхъ ему бѣдняковъ играетъ такую важную роль; пусть пожалѣютъ его, когда надъ нимъ, безгласнымъ, смѣются чиновники, ломается какой-нибудь Петровичъ; когда послѣ ограбленія, добиваетъ его „*надлежащее распеканіе*“ безсердечнаго человѣка, пусть порадуются, когда въ концѣ повѣсти этому безсердечному человѣку становится совѣстно за свой поступокъ. Вотъ на какія стороны повѣсти должно быть обращено дѣтское вниманіе. Вотъ въ какомъ смыслѣ теплаго участія къ смѣшному бѣдняку „*пробуждаетъ поэтъ лирой своей въ дѣтяхъ добрыя чувства*“. То же участіе, хотя, конечно, гораздо въ меньшей степени, должна возбуждать въ дѣтяхъ и „*Ссора Ив. Ив. съ Ив. Ник.*“, разрушающая спокойствіе этихъ двухъ друзей-сосѣдей, на пустую жизнь которыхъ должно быть обращено также дѣтское вниманіе. Но эту повѣсть, при всей внутренней глубинѣ ея смысла, легко сдѣлать для дѣтей предметомъ одного безсмысленнаго смѣха надъ потѣшными положеніями и словами, если не побесѣдовать о ней серьезно. Словомъ,—она, по неистощимому юмору, съ своимъ заключеніемъ: „*Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!*“, составляетъ уже переходъ къ произведеніямъ Гоголя, гдѣ „*сквозь видимый смѣхъ слышатся*“ мало понятныя для дѣтей „*слезы*“ о человѣческой пошлости.

XVII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(Род. 28 октября 1818 года † 22 августа 1883 года).

По таланту одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ писателей, Тургеневъ, какъ уже не разъ выяснено критикой, имѣетъ въ русской литературѣ два очень важныхъ значенія. Съ одной стороны, онъ вѣрный живописецъ крѣпостного права въ послѣдніе годы его существованія; съ другой — чуткій выразитель тѣхъ вѣяній времени, которыя постепенно обнаруживались съ сороковыхъ годовъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, преимущественно въ помѣщичьемъ быту, какъ въ мужчинахъ, такъ и женщинахъ. Это второе значеніе писателя принадлежитъ исторіи литературы, и въ свое время должно быть изъяснено въ старшихъ классахъ учеб-

ныхъ заведеній. Но подрастающіе дѣти и народъ должны воспитываться не на изображеніяхъ того, что составляетъ исключительное явленіе меньшинства, напр., лишніе люди, стремленіе женщины къ самостоятельности, ея сердечная жизнь, а на явленіяхъ, болѣе или менѣе, общихъ цѣлой странѣ, націи, народу. Вотъ почему въ нашемъ выборѣ остановимся по преимуществу на первомъ значеніи поэта—на картинкахъ изъ народной жизни въ „*Въ запискахъ Охотника*" и на повѣстяхъ „*Муму*" и „*Постоялый дворъ*", которыя, хотя и помѣщены вмѣстѣ съ другими повѣстями автора, но по характеру и содержанію могутъ быть отнесены къ первымъ. Да и изъ „*Записокъ*" мы исключаемъ разсказы, съ образами, напоминающими „*лишнихъ людей*", напр., „*Уѣздный лѣкарь*", „*Мой сосѣдъ Радиловъ*", „*Каратаевъ*", „*Гамлетъ Щигровскаго уѣзда*".

Громадное значеніе „*Записокъ Охотника*", какъ картины жизни массы русскаго простого народа, до сихъ поръ еще, кажется, не вполнѣ нами чувствуется, можетъ быть, оттого, что онѣ къ намъ еще слишкомъ близки,—и только позднѣйшему потомству будетъ принадлежать честь вполнѣ безпристрастной критики, которая поставитъ ихъ, можетъ быть, по общественному значенію, непосредственно за „*Мертвыми душами*", и укажетъ на *Записки*, какъ на настольную историко-художественную книгу всякаго русскаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ „*Мертвыхъ душахъ*", въ образахъ Чичикова и другихъ типахъ, представлена Россія, *пріобрѣтающая и пользующаяся пріобрѣтеннымъ по мѣрѣ убогихъ своихъ потребностей*, такъ въ „*Запискахъ охотника*" разнообразнѣе, рельефнѣе и общѣе, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ русскихъ произведеніяхъ, передъ нами Русь несравненно обширнѣйшая, чѣмъ первая,—Русь *трудомъ и самой жизнію своею доставляющая средства къ пріобрѣтенію и пользованію пріобрѣтеннымъ для меньшинства*. Всѣ эти повѣсти, отмѣчающія тоску по разумной дѣятельности въ образованныхъ людяхъ, ихъ честную проповѣдь благородныхъ людей, большею частію, остающуюся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; всѣ эти грустныя исторіи порывовъ къ любви, эпопеи разбитыхъ мужскихъ и женскихъ сердецъ,—все это, конечно, правдивыя страницы, которыхъ изъ жизни не вырвешь, но вся правда эта—болѣе для кабинетнаго раздумья, пища для мечтаній пробуждающейся по-

требности любить, матеріалъ для будущаго историка цивилизаціи. Прошли какія-нибудь пятнадцать, двадцать лѣтъ, народились новыя потребности, понадобились иные люди,—и общество уже не съ такимъ увлеченіемъ читаетъ эти повѣсти; не проливаетъ надъ ними слезъ, и даже довольно равнодушно встрѣтило появленіе такихъ вещей, какъ повѣсть „*Вешнія воды*", въ сущности, ничѣмъ не уступающую многимъ изъ лучшихъ повѣстей Тургенева. Болѣзненнымъ рефлексомъ, при всей ихъ красотѣ, отдѣлкѣ, задушевности, вѣетъ отъ нихъ, и видятся здѣсь отжившіе, особые люди, уже мало понятные современному юношѣ. А „*Записки охотника*" блестятъ крупнымъ, блестящимъ алмазомъ въ вѣнцѣ одного изъ нашихъ величайшихъ отечественныхъ художниковъ. Въ чемъ же тайна такого значенія этой книги? Тайна эта—въ *общности разсказовъ, умѣніи поэта въ сжатыхъ, типическихъ чертахъ представить разнообразную массу крѣпостного народа,— и притомъ, такъ, что за изображеніемъ національнаго, русскаго, мѣстнаго, видится человѣкъ вообще, отлитый въ извѣстныя формы условіями жизни.* Вотъ почему, можетъ быть, это произведеніе и имѣетъ такой успѣхъ и за границей, гдѣ „*Записки*" понятны и близки сердцу, подобно тому, какъ и намъ можетъ быть понятна и близка французская „*Исторія крестьянина*" Шатріана. Вотъ почему иностранцы, желающіе познакомиться съ Россіей, съ особеннымъ интересомъ берутся за изученіе „*Мертвыхъ душъ*" да „*Записокъ охотника*".

Лишніе люди перевелись; Рудины допѣваютъ еще кое-гдѣ свои скорбныя пѣсни; скучающія барыни и ихъ просвѣтители успѣли уже вызвать сатирическій смѣхъ;—словомъ, въ самомъ дѣлѣ, народились въ нашемъ обществѣ какіе то иные люди, которыхъ до сихъ поръ тщетно пытается изобразить литература; а народъ почти все тотъ же, какимъ изображенъ болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, въ „*Запискахъ*". Онъ—все тотъ же темный народъ, сфинксъ не проникнутый (въ массѣ) даже самыми первыми началами образованія—грамотой; боится вмѣстѣ съ Богомъ и чорта, и становового, и судьи, и даже просто барина, — народъ, ушедшій въ себя, недовѣрчивый, тугой на всякую новизну, хотя бы къ своей же пользѣ; все такъ же живетъ онъ и до сихъ поръ въ курныхъ, полуразвалившихся, избахъ, крытыхъ соломой, съ дѣтьми, телятами, свиньями; живетъ впроголодь, — почти безъ промысловъ,

безъ торговли, безъ уюта, и мретъ все съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ умираетъ въ разсказѣ *„Смерть“*. Все тѣ же бродятъ между народомъ полуидіоты *Сучки* (*Льговъ*), ищущіе правды *Власы* (*Малиновая вода*), безшабашные Обалдуи (*Пѣвцы*), да *Ермолаи* (*Ермолай и Мельничиха*); заговариваютъ дичь юродивые *Касьяны* (*Касьянъ съ Красивой мечи*); такъ же растутъ безъ призора, въ суевѣріяхъ, ребятишки (*Бѣжинъ Лугъ*), также крадутъ лѣсъ *„съ голодухи“* оборванные мужики, какъ въ разсказѣ *„Бирюкъ“*, такъ же лѣчатъ въ рѣдкихъ больницахъ фельдшера (*Смерть*): — словомъ, народъ нашъ все тотъ же, какимъ изображенъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, въ *„Запискахъ“*, и едва-ли, не согласятся съ нами въ этомъ мнѣніи народные учителя, которымъ случится прочитать нашу книжку.

Великій актъ освобожденія совершился, и уже этимъ самымъ открылъ возможность все большаго и большаго просвѣщенія и благосостоянія массѣ. Но въ жизни массъ прогрессъ вездѣ идетъ трудно и медленно. Ростъ ихъ продолжительнѣе, чѣмъ ростъ ребенка; тяжелъ и болѣзненъ, задерживается вѣковыми язвами и предразсудками,—и много пройдетъ времени, пока экономическій бытъ массъ улучшится, пока освѣтитъ весь народъ свѣтъ ученія, и проникнутъ въ него начала христіанской религіи, въ смыслѣ уваженія и любви къ человѣку,—свѣтъ религіи, которая до сихъ поръ понимается массой, по большей части, только съ одной стороны,—обрядовой, И въ то время, какъ въ образованномъ меньшинствѣ все болѣе и болѣе получаетъ силу наука, шире и шире становится кругъ идей, и вслѣдствіе этого даже въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ это меньшинство совершенно измѣняетъ свою физіономію,—народныя массы еще только начинаютъ понемногу выходить изъ своей матеріальной и духовной нищеты. Ихъ физіономія, характеръ ихъ типовъ, очень мало отличаются отъ физіономій и характеровъ ихъ ближайшихъ предковъ. Вотъ почему такія произведенія, какъ *„Записки охотника“*, особенно цѣнны, какъ лѣтопись не какого-нибудь десятилѣтія, а нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ крестьянской русской жизни; вотъ почему считаемъ мы необходимымъ, чтобы воспитатель, знакомя дѣтей съ жизнью по Кольцову и Никитину, такъ сказать, болѣе въ чертахъ общихъ, съ особеннымъ вниманіемъ остановился на разсказахъ, изображающихъ отдѣльные, разнообразные типы простонародной нашей жиз-

нп. Эти разсказы должны познакомить дѣтей съ Русью, и народу въ школахъ п читальняхъ освѣтить жизнь его самого.

Постараемся опредѣлить ближе именно *воспитательное* значеніе „*Записокъ*" вообще, а потомъ посмотримъ и на тѣ стороны матеріала, которыми можно при чтеніи воспользоваться.

Книга знакомитъ юношество, *во-первыхъ*, съ массою фактовъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни простолюдина, семейной п холостой-одинокой. Длинной вереницей проходятъ въ воображеніи читателя и осѣдлые, сумѣвшіе создать себѣ жизнь покоя и довольства, практики,—и бродяги, равнодушные ко всему, даже къ своему собственному положенію, незнающіе, гдѣ преклонить на ночь голову; и поэты-философы, ушедшіе отъ передрягъ жизни въ созерцаніе природы, пѣсни п религіозныя странствованія; п вздыхатели по старому времени отжившаго барства, когда имъ было привольнѣе жить, питаясь подачками съ барскаго стола п ловко пользуясь слабостями господъ; и полунищіе, ожесточенные мужики въ родѣ мужичка, крадущаго лѣсъ *(Бирюкъ)*, дѣти, бабы; наконецъ, отчасти, даже и сами помѣщики, бурмистры, старосты, лакеи,—словомъ, весь этотъ людъ, такъ или иначе живущій на счетъ народа, къ которому относится онъ свысока, съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Всѣ эти разнообразные представители деревенской Руси показаны въ различныхъ проявленіяхъ своей жизни, со всей ея обстановкой: избой, глухимъ лѣсомъ, пустырями, больницей, конторой, постоялымъ дворомъ, кабакомъ, барскимъ домомъ, лакейской. *Мертвыя души* ведутъ читателя изъ одного помѣщичьяго дома въ другой, касаясь простонародной жизни только слегка; *Записки* же,—напротивъ,—показываютъ преимущественно жизнь простолюдина, а если п представляютъ помѣщиковъ, то, большею частію, со стороны ихъ отношенія къ своимъ крестьянамъ. *Во-вторыхъ* „*Записки*" рядомъ описаній знакомятъ и съ русской природой. Поля глухія, нетронутыя рукой человѣка, лѣса, болота съ ихъ птичьимъ населеніемъ, озера, рѣки, ручьи, неприглядные выселки, бѣдныя деревушки, самыя глухія мѣстечки, куда случается забрести неутомимому, страстному охотнику, — всюду ведетъ съ собою авторъ читателя, знающаго только шумъ городской жизни да украшенную природу; заинтересовываетъ тишиною роскошныхъ пустырей, едва охватываемыхъ глазомъ, красотою глуши однообразными помѣщичьими усадьбами родной страны. Та-

кимъ образомъ, „*Записки*“ пріобрѣтаютъ еще особую цѣну для дѣтей городскихъ, выводя ихъ изъ однообразнаго, крайне узкаго круга впечатлѣній въ ширь природы, еще не тронутой рукою человѣка, и притомъ, такъ, что, благодаря теплотѣ описаній, эта природа возбуждаеттъ къ себѣ интересъ и сочувствіе. Тутъ кстати остановиться и на *третьей*, очень *важной* при воспитаніи, сторонѣ разсказовъ, присущей таланту именно Тургенева. Это та *горячность чувства*,—замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ, *которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть. Тургеневъ разсказываетъ о своихъ герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему, выхватываетъ изъ груди ихъ горячее чувство, и съ нѣжнымъ участіемъ, съ болѣзненнымъ трепетомъ слѣдитъ за нимъ, самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными; самъ увлекается той поэтической обстановкой, которой любитъ всегда окружать ихъ... И его увлеченіе заразительно: оно неотразимо овладѣваетъ симпатіею читателя, съ первой страницы приковываетъ къ разсказу мысль его и чувство, заставляетъ и его переживать, перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются передъ нимъ тургеневскія лица. И пройдетъ много времени,—читатель можетъ забыть ходъ разсказа, потерять связь между подробностями происшествій, упустить изъ виду характеристику отдѣльныхъ лицъ и положеній, можетъ, наконецъ, позабыть все прочитанное; но ему все-таки будетъ памятно и дорого то живое, отрадное впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ при чтеніи разсказа.* Къ этимъ словамъ, мѣтко характеризующимъ особенность Тургенева, позволимъ себѣ указать еще на *четвертую* черту его сочиненій, также важную при чтеніи съ дѣтьми литературныхъ произведеній. Какія бы потрясающія, мрачныя явленія жизни онъ ни описывалъ, какія бы грязныя, отрицательныя стороны ея ни изображалъ, онъ всегда знаетъ мѣру въ своемъ изображеніи. Зло, ложь, грязь чувствуются, но они никогда не оскорбляютъ нравственнаго чувства читателя, не заставляютъ его любоваться ими. Поэтъ знаетъ, что и на-сколько надобно показать читателю, и всегда во-время набрасываетъ покрывало на то, что своей отвратительной наготой помѣшало бы уму анализировать явленіе, найти его причины и значеніе. Наконецъ, какія бы уродства жизни авторъ ни выводилъ (*Записки охотника* въ цѣломъ представляютъ очень незавидную

картину нашей родины), онъ все-таки любитъ человѣка, и даже въ его паденіи умѣетъ отыскать въ немъ хоть что-нибудь человѣческое. Смѣясь надъ уродствами жизни, скорбя объ уклоненіяхъ ея отъ правды, добра и красоты, Тургеневъ все-таки жизнь любитъ, и вѣритъ въ то, что она будетъ и должна быть когда-нибудь лучше; его сочиненія возбуждаютъ въ читателѣ не отвращеніе отъ родины, не отчаяніе за нее, но тихую скорбь, серьезное раздумье надъ ней, и, наконецъ, надежду на лучшее будущее.

Выяснивъ воспитательное значеніе Тургенева вообще, перечислимъ тѣ изъ его произведеній, которыя, прежде всего, считаемъ пригодными для нашихъ цѣлей. Таковыми считаемъ слѣдующія:

1. *Хорь и Калинычъ.*
2. *Малиновая вода.*
3. *Однодворецъ Овсянниковъ.*
4. *Льговъ.*
5. *Бѣжинъ лугъ.*
6. *Касьянъ съ Красивой мечи.*
7. *Пѣвцы.*
8. *Бирюкъ.*
9. *Смерть.*
10. *Лѣсъ и степь* (для дѣтей).
11. *Ермолай и Мельничиха* (для дѣтей только первая половина).
12. *Бурмистръ.*
13. *Два помѣщика* (вторая половина).
14. *Свиданіе* (для народа).
15. *Живыя мощи.*
16. *Стучитъ.*
17. *Муму.*
18. *Постоялый дворъ* (для народа).

Предоставляя усмотрѣнію воспитателя и чтеца для народа порядокъ чтенія указанныхъ статей, и даже самый выборъ изъ нихъ того, что, по мнѣнію руководителей чтенія, окажется наиболѣе пригоднымъ въ данномъ случаѣ, постараемся сдѣлать нѣкоторую группировку всего матеріала, причемъ не будемъ останавливаться подробно на каждомъ произведеніи въ отдѣльности.

Приглядываясь къ людямъ, выводимымъ поэтомъ, можно распредѣлить ихъ на слѣдующія шесть группъ, по которымъ чита-

тель знакомится съ различными сторонами крестьянской жизни, и, отчасти, даже помѣщичьей, на сколько крестьянская на нее вліяла. Группы эти представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) *помѣщики стараго времени*; 2) *помѣщики и помѣщицы новѣйшіе*; 3) *приживалки и дворня;* 4) *крестьяне-практики, умѣвшіе устроить себѣ благосостояніе, несмотря на существованіе крѣпостного права*; 5) *крестьяне, особенно несущіе на себѣ гнетъ послѣдняго*, и, наконецъ, 6) *свѣтлыя личности крестьянъ и, такъ сказать, поэты изъ нихъ*.

„*А все-таки хорошее было времячко!*"—съ глубокимъ вздохомъ говоритъ о старинѣ семидесятилѣтній, добродушный, величавый старикъ, Туманъ, вольноотпущенный дворецкій покойнаго графа Петра Ильича, хлѣбосола и богатаго вельможи стараго вѣка (*Малиновая вода*). Что же хорошаго было въ этомъ времени, чѣмъ увлекаетъ оно этого ветерана дворовыхъ, пользовавшихся милостями барина? Увлекаетъ его самая личность графа, гордая и непреклонная во всѣхъ проявленіяхъ своей, ничѣмъ неудержимой, воли: увлекаетъ его блескъ, его значеніе, основанное на громадномъ, еще не растраченномъ, богатствѣ. Такъ увлекаются массы всѣмъ, что носитъ на себѣ признаки силы и независимости, если только эта сила умѣетъ поддержать себя съ честью, умѣетъ не только жить сама, но и бросать крохи съ своего стола дворнѣ, умѣетъ снизойти до милости къ маленькому человѣку. Вотъ, напримѣръ, каковъ былъ одинъ изъ такихъ людей, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій (*Однодворецъ Овсянниковъ*). „Такой осанки, такого привѣта милостиваго вообразить невозможно и разсказать нельзя: ростъ одинъ чего стоилъ, сила, взглядъ! Пока не знаешь его, не войдешь къ нему, боишься точно, робѣешь, а войдешь, словно солнышко тебя пригрѣетъ, и весь повеселѣешь. Каждаго человѣка до своей особы допускалъ". Плавая широко самъ, этотъ вельможа никого и не обижалъ, „*а кто самъ мелко плаваетъ, тотъ и задираетъ*". Увлекается Туманъ, и даже Овсянниковъ—пышностью, блескомъ, которыми любили окружать себя вельможи, ихъ охотами, обѣдами, богатствомъ платья, банкетами, съ своей собственной музыкой, конями, голубиными охотами, собачьими скачками, даже самыми странными причудами, въ родѣ торжественныхъ похоронъ собаки Миловидки, даже отчаянными доѣзжачими, въ родѣ Вауша. Даже жестокости, при малѣйшемъ

прекословіи волѣ графа, или его любимцевъ, когда человѣку „*забривали лобъ*“, или пороли его до полусмерти, народъ прощалъ своимъ барамъ, потому что „*тогда все это было во вкусѣ*“. И въ самомъ дѣлѣ, не только Туманъ, которому жилось прежде уже совсѣмъ хорошо, но даже и умный Овсянниковъ замѣчаетъ, что „*иное встарину лучше было: спокойнѣе мы жили, довольства больше было*“. Въ этихъ-то послѣднихъ словахъ и лежитъ разъясненіе главнѣйшей причины, почему, до нѣкоторой степени, у хорошихъ, конечно, господъ, крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ и въ самомъ дѣлѣ было жить лучше. Земли было много, лѣсовъ также, плодовитость земли и ея громадность давала вволю корму даже почти безъ промысловъ, безъ торговли, при патріархальной, лѣнивой обработкѣ; господа жили широко сами, и ни они, ни даже благоденствовавшіе управляющіе, старосты, не гнались за какой-нибудь недоимкой, за порубленнымъ деревомъ,—словомъ, за всякимъ пустякомъ; и народъ въ массѣ былъ притѣсняемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, менѣе, и жилъ сытѣе. За эту-то сытость, и, хотя очень скромную, но все-таки беззаботную, жизнь, народъ прощалъ лучшимъ изъ своихъ господъ даже такія безобразія власти, о которыхъ разсказываютъ Туманъ, и особенно Овсянниковъ;—и прощалъ тѣмъ болѣе, что въ своей собственной жизни видѣлъ тотъ же грубый деспотизмъ семейства. Но, указавъ въ разсказахъ Тумана и Овсянникова какъ на немногія хорошія стороны старинной жизни, такъ и на безобразія, слѣдуетъ остановиться на словахъ однодворца, что *стараго времени все-таки особенно хвалить не изъ чего. Вотъ, хоть бы вы*, обращается разсказчикъ къ автору, *помѣщикъ, теперь такой же, какъ и вашъ покойный дѣдушка, а ужъ власти вамъ такой не будетъ! Да и сами вы не такой человѣкъ. Нѣтъ, ужъ я теперь не увижу, чего въ молодости насмотрѣлся. Маленькимъ то людямъ очень жалѣть о старыхъ порядкахъ нельзя. Все-таки теперь лучше; а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ, Богъ дастъ* *).

Но вотъ авторъ переходитъ къ изображенію болѣе новаго вре-

---

*) Въ дополненіе картины старинной помѣщичьей жизни совѣтуемъ прочитать съ дѣтьми два прекрасные разсказа г-жи Кохановской: „*Старина*“ и „*Изъ провинціальной галлереи портретовъ*“, также отрывки изъ „*Семейной хроники*“ Аксакова; можетъ быть, и отрывки изъ „Пошехонской Старины“ Салтыкова. *В. О.*

мени. Старинные вельможи, въ родѣ Орлова, самодуры, грабители мелкопомѣстныхъ сосѣдей, вспоминаемые Овсянниковымъ, уже давно въ могилѣ; громадныхъ помѣстій почти нѣтъ, такъ же какъ и торжественныхъ охотъ, праздниковъ и проч. Наступилъ новый періодъ помѣщиковъ, уже менѣе богатыхъ, вельможныхъ, чиновныхъ,—періодъ помѣщиковъ, болѣе внимательныхъ къ своимъ выгодамъ и живущихъ единственно на доходы съ одной, двухъ деревушекъ. Какая-нибудь Лизавета Прохоровна Кунце (*Постоялый дворъ*) почти безвыѣздно живетъ въ своемъ имѣніи, оставшемся отъ мужа; сама, и очень недурно, имѣніемъ управляетъ, не упускаетъ ни малѣйшей своей выгоды, изо всего извлекаетъ пользу, и даже, соблазнившись деньгами, продаетъ чужому купцу, уже разъ у нея купленный на ея землѣ ея же собственнымъ крѣпостнымъ человѣкомъ, Акимомъ, постоялый дворъ. Также живутъ въ своихъ имѣніяхъ и Аркадій Павлычъ Пѣночкинъ (*Бурмистръ*), предоставившій все хозяйство пройдохѣ Бурмистру,—этой, по выраженію мужика Анпадиста, „*сабакѣ, а не человѣку*", обирающему и самого барина, и крестьянъ; живетъ въ деревнѣ и добродушнѣйшій хлѣбосолъ и балагуръ, Мордарій Аполлоновичъ Стегуновъ (*Два помѣщика*), приходящій въ ужасное волненіе изъ-за кучерскихъ куръ, забредшихъ въ его садъ, и выселяющій своихъ крестьянъ за оврагъ, этотъ „*баринъ, какого другого въ цѣлой губерніи не сыщешь*".

Чтобы жить сколько-нибудь спокойно и обезпеченно со стороны даже дневного пропитанія, а тѣмъ болѣе достатка, среди условій крѣпостного права, нужно было мужику имѣть немалый запасъ того, что называется на обыкновенномъ языкѣ „*практичностью*", и что на самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ, есть только умѣнье обдѣлывать свои дѣлишки на счетъ ближняго, не пренебрегая уже при этомъ, если случится, никакими средствами. Таковъ купеческій работникъ *Наумъ* (*Постоялый дворъ*), подъ самымъ носомъ Акима купившій на его же собственныя деньги его же постоялый дворъ и сумѣвшій въ короткое время разбогатѣть и пойти въ гору; таковъ цѣловальникъ Николай Ивановичъ (*Пѣвцы*), со всѣми умѣющій ладить,—человѣкъ себѣ на умѣ: „*знай себѣ, помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ; Моргачъ* (*Пѣвцы*), сумѣвшій поддѣлаться къ барынѣ и приписавшійся потомъ въ мѣщане:—*человѣкъ опытный, разсчетливый, тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ*

ими пользоваться, осторожный, предпріимчивый, какъ лисица; таковъ, даже до нѣкоторой степени, и *Оболдуй* (*Пѣвцы*), прогнанный отъ господъ дворовый, кажется, уже человѣкъ безъ всякихъ талантовъ, глупый, надоѣдливый, всѣми презираемый, ни за собой, ни передъ собой рѣшительно ничего не имущій, но, тѣмъ не менѣе, *находившій средство не только быть каждый день сытымъ, но и покутить на чужой счетъ*,—такъ что даже *на сорокъ верстъ кругомъ ни одной попойки не обходилось безъ того, чтобъ его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же между гостями*; къ этой же паразитной породѣ принадлежитъ и вѣчно улыбающійся вольноотпущенный музыкантъ, охотникъ *Владиміръ* (*Льговъ*).

Но между этими людьми, не пренебрегающими никакими средствами, чтобы какъ-нибудь получше устроиться въ жизни, есть и честные, за которыми все-таки остается настойчивый, упорный трудъ, хотя и обращенный только въ свою собственную пользу. Таковъ, напримѣръ, калужскій мужикъ *Хорь* (*Хорь и Калинычъ*). Усадьба у него крѣпкая, новая, прочно и толково построенная, изба и одежда чистая, дѣти—великаны, глядящіе прямо и весело; платитъ онъ оброку цѣлыхъ сто цѣлковыхъ, а за плечами барина, который стоитъ за него, какъ за мужика выгоднаго, и выкупаться на волю не хочетъ; „*торгуя себѣ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ*“, онъ сумѣлъ сколотить и небольшой капиталецъ, но, храня добро про себя, прикидывается неимущимъ ничего, кромѣ усадьбы да домашняго скарба. Это, по выраженію автора, „*человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ, понимающій, какъ и обстроиться, и деньжонку накопить, и ладить съ бариномъ и прочими властями*,—человѣкъ, много видѣвшій, много знающій (его разсказы), словомъ—это простой, умный, русскій мужикъ, благодаря характеру и уму, одинъ изъ многихъ, умѣющій устроиться хорошо тамъ, гдѣ другимъ плохо, но за всѣмъ тѣмъ не чуждый и многихъ предразсудковъ и предубѣжденій (отношеніе его къ женѣ, суевѣріе). При всѣхъ, однако, хорошихъ своихъ качествахъ, онъ все-таки отзывается холоднымъ, себялюбивымъ эгоистомъ: надъ пріятелемъ своимъ Калинычемъ, котораго онъ любитъ и который оказываетъ ему даже услуги, тѣшитъ его своимъ пѣніемъ, онъ подшутитъ, что, дескать, „*баринъ ему сапогъ не купитъ*“,—а небойсь, самъ

бѣдняку и лаптей не подаритъ. Еще подразнитъ его *собственнымъ крѣпкимъ сапогомъ* да гривенникомъ въ прошломъ году, пожалованнымъ бариномъ Калинычу на водку. Впрочемъ, Хорь подчасъ бываетъ человѣкомъ и чувствительнымъ. Когда Калиничъ затянетъ пѣсню *„Доля моя, доля!“*, подопретъ рукою щеку, закроетъ глаза, и Хорь жалобнымъ голосомъ начнетъ на свою долю жаловаться, такъ что даже сынъ Ѳедя не упуститъ случая подтрунить надъ отцомъ: *„Чего, старикъ, разжалобился?“* Овсянниковъ (*Однодворецъ Овсянниковъ*) изъ той же категоріи честныхъ практиковъ, но онъ гораздо симпатичнѣе Хоря. Не даромъ *„сосѣди чрезвычайно уважаютъ его и почитаютъ за честь съ нимъ знаться. А его братья-однодворцы только что не молятся на него, шапки предъ нимъ издали ломаютъ, гордятся имъ“*. Недаромъ почиталъ онъ за грѣхъ продавать хлѣбъ, Божій даръ, и въ 40-мъ году, во время всеобщаго голода и дороговизны страшной, роздалъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой запасъ, который, *„они ему на слѣдующій годъ съ благодарностью взнесли натурой“*. Не отказывалъ онъ и сосѣдямъ своимъ умомъ помочь имъ разсудить дѣло, помирить ихъ, и многіе по его милости окончательно размежевались. Симпатичнѣе, чѣмъ у Хоря, и его жена. Холодомъ вѣетъ отъ этой высокой, важной, молчаливой женщины; но никто не жалуется на ея строгость, а напротивъ, многіе мужики называютъ ее матушкой и благодѣтельницей. Та же человѣчность свѣтится и въ отношеніяхъ Овсянникова къ Митѣ, неудавшемуся юношѣ, заступнику бѣдныхъ крестьянъ, и къ честному старику, эмигранту Леженю—словомъ, въ Овсянниковѣ, не смотря на всю его практичность, осталось много такого, на что можно указать, какъ на хорошій примѣръ. Но, увлекаясь симпатичностью этого человѣка, не забудемъ, что Овсянниковъ все-таки не крестьянинъ, а однодворецъ...

Образы крестьянъ такихъ, которымъ *„не хорошо было жить на Руси“*, напоминаютъ стихи Жадовской:

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Не завидна мѣстность,—
Скудная земля;

Плоская поверхность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спитъ...
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичокъ стоитъ,
Головой качаетъ,—
Умолотъ плохой,—
Думаетъ, гадаетъ,
Какъ-то быть зимой?
Такъ вся жизнь проходитъ,
Съ горемъ пополамъ;
Такъ и смерть приходитъ:
Съ ней конецъ трудамъ.
Причаститъ больного
Деревенскій попъ,
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ;
Отпоютъ уныло,
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать...

Въ длинной вереницѣ жалкихъ крестьянскихъ образовъ выдѣляются бездомныя, забытыя, одинокія личности безъ собственности, безъ всякихъ уже поползновеній улучшить свое положеніе, безъ малѣйшихъ претензій на какія-нибудь права, — личности, почти безропотно несущія бремя жизни, къ которой онѣ равнодушны до полнѣйшей пассивности, до апатіи и къ себѣ, и ко всему, чтобы вокругъ ихъ ни дѣлалось,—личности, которымъ нечего ни терять, ни пріобрѣтать. Такова уморительная фигура Ермолая (*Ермолай и Мельничиха*)—этого вѣчнаго жида,—странника, лѣто и зиму сопровождающаго, съ своимъ „*отдающимъ*“ ружьемъ и безобразной собакой-Валеткой, охотниковъ, вѣчно голоднаго, беззаботнаго, какъ птица, махнувшаго рукой на все, даже на жену. Нельзя не смѣяться, читая описаніе этого человѣка; нельзя даже, пожалуй, до нѣкоторой степени, и не любить его за добродушіе и за примиреніе съ жизнью; но, несмотря на безпечность и на это наружное примиреніе, въ немъ, хоть и слабо, а все-таки пробивается недовольство своимъ положеніемъ. Какъ жестоко вымещаетъ онъ свое глубоко-затаенное горе на безгласной женѣ, надъ которой одной только и можетъ покуражиться. Автору *самому не разъ*

случалось подмѣчать въ немъ невольныя проявленія какой-то угрюмой свирѣпости: не нравилось выраженіе его лица, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную птицу. Въ другихъ личностяхъ этого рода незамѣтно даже и слабаго проявленія недовольства своимъ положеніемъ. Таковъ *Степушка* (*Малиновая вода*),—человѣкъ безъ всякаго положенія въ обществѣ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ родства, безъ прошедшаго; всѣхъ робѣющій, всѣми пренебрегаемый, и уже никогда не поднимающій ни передъ кѣмъ своего голоса; всегда молчаливый, всегда держащійся на сторожѣ, чтобы какъ-нибудь не быть замѣченнымъ, вызваннымъ на разговоръ; словомъ, старающійся поскорѣе спрятаться отъ людей. Это существо возбуждаетъ уже не смѣхъ, а жалость до сердечной боли,—до того, что, глядя на него, совѣстно дѣлается за униженное человѣческое достоинство. Немногимъ лучше этого Степушки и *„босоногій, оборванный, взъерошенный, отставной старикъ Сучокъ*—господскій рыболовъ на прудѣ безъ рыбы, перебывавшій и въ кучерахъ, и въ поварахъ, и кофишенкомъ, и форейторомъ, и садовникомъ, и сапожникомъ, и доѣзжачимъ, и даже актеромъ, приставленный, наконецъ, на господскихъ харчахъ, къ пруду, чтобы *„его беречь“* (*Льговъ*). Къ группѣ этихъ же придавленныхъ, робкихъ, каждому покорныхъ, безропотныхъ, людей можно отнести и *мужичка въ узкой изношенной свитѣ съ огромной дырой на плечѣ*, пришедшаго посидѣть въ уголку кабака, безъ гроша денегъ, чтобы отвести душу пѣніемъ (*Пѣвцы*). Этотъ бѣдняга боится даже насмѣшекъ какого-нибудь Обалдуя, и покорно готовъ удалиться, какъ лишній, мѣшающій общему веселью. Таковы же, наконецъ, два мужика въ *Бурмистрѣ*, отецъ и сынъ, *въ домашнихъ, заплатанныхъ рубахахъ, на босую ногу, подпоясанные веревками,* пришедшіе жаловаться на Бурмистра Софрона. За этими бѣдняками, обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ праваго барскаго суда, ярко выдѣляется угрюмая фигура *Власа* (*Малиновая вода*), *мужика лѣтъ пятидесяти, запыленнаго, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами.* Умеръ у него сынъ, жившій въ Москвѣ въ извозчикахъ: отецъ ходилъ въ Москву къ барину просить, чтобъ *оброку съ 95 рублей съ тягла сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ что-ли...* идетъ къ хозяину покойника, не оставилъ ли сынъ какого добра, *„Ничего, говоритъ, не оставилъ; еще у меня въ долгу. Ну, я и по-*

шелъ“. Мужикъ разсказывалъ все это съ усмѣшкой, словно о другомъ шла рѣчь; но на маленькіе, съеженные его глазки навертывались слезинки, губы его подергивало... Вглядываясь въ эту, скупую на слова, скорбь и тупое отчаяніе мужика, у котораго, по его собственному выраженію, *жена теперь съ голоду дома въ кулакъ свиститъ*, поймешь и другого бѣдняка *въ лохмотьяхъ, на дрянной лошаденкѣ, увозящаго ночью изъ лѣсу срубленное дерево* (*Бирюкъ*). *Испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены...*—вотъ какимъ представляется читателю этотъ воръ, у котораго дома „*пищатъ дѣтки, круто, во-какъ круто приходится*“; который униженно умоляетъ лѣсника *хоть лошаденку-то отпустить... одинъ животъ и есть*. Надрываетъ сердце этотъ страшный вопль ожесточеннаго отчаянія, съ которымъ бѣдняга обращается, наконецъ, къ лѣснику: „*На, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей! Мнѣ что? Все едино пропадать: куда я безъ лошади пойду? Пришиби—одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ—все едино, жена, дѣти—околѣвай все...* И этотъ вопль понятъ,—понятъ Бирюкомъ, едва ли не такимъ же нищимъ,—отцомъ, живущимъ впроголодь съ двумя брошенными сбѣжавшей женой дѣтьми, въ убогой избенкѣ, въ глухомъ лѣсу; понялъ вора этотъ ожесточенный, угрюмый сторожъ лѣса, неумолимая гроза всѣхъ порубежниковъ; и въ его очерствѣлой душѣ проснулась жалость, и онъ выталкиваетъ вора изъ избы: „*Убирайся къ черту съ своей лошадью! Да смотри, въ другой разъ у меня...* Обратить дѣтское вниманіе на такіе образы, какъ Ермолай, Степушка, Сучокъ, на такое положеніе, какъ положеніе Власа и жалкаго вора, на побѣду человѣческаго чувства милосердія надъ неумолимою строгостью кары закона въ Бирюкѣ—значитъ, внести въ душу то чувство христіанскаго участія къ меньшимъ братьямъ, которое напрасно стараются внушить дѣтямъ сентиментальныя правоучительныя повѣсти, спеціально написанныя для назиданія.

Изображеніе крѣпостныхъ женщинъ не посвященъ Тургеневымъ въ *Запискахъ Охотника* ни одинъ разсказъ вполнѣ, кромѣ *Живыхъ мощей*, о которомъ скажемъ ниже; но ихъ скорбное положеніе проглядываетъ очень ясно во многихъ разсказахъ, хотя женщины и являются тамъ личностями второстепенными. Замужемъ за человѣкомъ достаточнымъ (*Арина*, *Авдотья*) она, по

крайней мѣрѣ, не видитъ нужды; замужемъ же за какимъ-нибудь Ермолаемъ, или однимъ изъ указанныхъ бѣдняковъ, она—вѣковѣчная, тяжелая работница, обреченная до самой своей смерти голодать да терпѣть ругань и побои пьянаго, или ожесточеннаго мужа.

Познакомивъ съ темною стороною жизни нашего простого люда, можно въ заключеніе остановиться на трогательномъ очеркѣ *Смерть*. Изъ него увидятъ дѣти, какъ, по словамъ Тургенева, *удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состояніе его предъ кончиною нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью,—онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто*".

Какъ бы ни была жизнь тяжка, сколько бы ни уродовала, ни губила она людей, но даже среди условій самыхъ неблагопріятныхъ, всегда непремѣнно уцѣлѣетъ хоть нѣсколько свѣтлыхъ личностей, сохранившихъ въ себѣ „*душу живу*", и подъ грубой внѣшностью заключающихъ въ себѣ бездну любви, добра. Таковъ, напримѣръ, двѣнадцати-вершковый глухонѣмой богатырь дворникъ Герасимъ *(Муму)*—этотъ терпѣливый, выносливый работникъ за четверыхъ, отчужденный своимъ несчастьемъ отъ сообщества людей, нѣмой и могучій, выросшій подобно дереву на плодородной землѣ. Такой грозный по наружности, наводящій одной своей фигурой страхъ даже на постороннихъ, холодный, угрюмый, сколько любви и нѣжности скрываетъ въ себѣ этотъ обиженный природой человѣкъ. Эта любовь обращается сперва на Татьяну, но когда дворнѣ удалось обмануть его, Герасима, какая страшная борьба съ инстинктами глубочайшаго оскорбленія, злобы, мести, происходитъ въ его душѣ! Но онъ побѣждаетъ ихъ: онъ не мститъ той, которая, какъ ему показали, такъ жестоко оскорбила его: онъ какъ будто созналъ, что не ему быть мужемъ и отцомъ, и онъ проводитъ ее же самое къ Капитону. А когда ее ссылаютъ въ деревню; когда онъ понялъ, что она несчастна,—сколько любви и вниманія къ этой женщинѣ проявилось и въ этомъ послѣднемъ подаркѣ, и въ прощальномъ поцѣлуѣ, и въ проводахъ! Кажется, уже разбита вся жизнь; кажется, для привязанностей къ кому бы то ни было уже нѣтъ мѣста; но нѣтъ людей—есть жалкій щенокъ, брошенный людьми въ воду. Богатырь спасаетъ его, несетъ къ себѣ въ коморку, отпаиваетъ молокомъ, глядитъ на возвращенное къ жизни существо, смѣется, возится съ нимъ, и, нако-

нецъ, самъ засыпаетъ возлѣ него радостнымъ, тихимъ сномъ. Страницы, описывающія ухаживанье и любовь глухонѣмого къ своей питомицѣ, его тоску по пропажѣ собаки, радость при ея возвращеніи и, наконецъ, страшная сцена прощанія съ Муму и ея потопленія—эти страницы, какъ и самая повѣсть, принадлежатъ къ числу наиболѣе воспитательныхъ матеріаловъ для чтенія и народа, не рѣдко такъ жестокаго къ животнымъ и къ обиженнымъ природой людямъ, и дѣтей, которыя, какъ мы видѣли не разъ сами, не могутъ читать этой повѣсти безъ слезъ. За прекрасною личностью Герасима выдѣляется симпатичный образъ *Акима* (*„Постоялый дворъ“*), умнаго, бывалаго человѣка, радушнаго, привѣтливаго хозяина, хорошаго разсказчика, стройнаго, благообразнаго, учтиваго добряка, сдѣлавшаго въ жизни одну глупость—женившагося на старости лѣтъ на молодой дѣвушкѣ, балованной горничной, занятой собой щеголихѣ. Всей душой, еще полной любви и нѣжности, отдается онъ этой, не понимающей его пустой женщинѣ: тѣшитъ ее: исполняетъ каждую ея прихоть, никогда не скажетъ грубаго слова, не замѣчаетъ ея недостатковъ, или мирится съ ними, даже не смотря на свою старость, не ревнуетъ ея;—напротивъ, относится къ ней съ рѣдкимъ въ простомъ быту довѣріемъ, уваженіемъ... За всю любовь, за всѣ попеченія о ней, она отплачиваетъ ему страшно. Для ничтожнѣйшаго, безсердечнаго, мошенника, она, мало того, что жертвуетъ честью,—она крадетъ у мужа деньги, скапливаемыя цѣлыми десятками лѣтъ, и такимъ образомъ лишаетъ его даже собственнаго дома. И нѣтъ въ ней ни малѣйшаго раскаянія, даже когда открывается вполнѣ, для кого пожертвовала она всѣмъ:—только одинъ страхъ не быть поколоченной, а не то и убитой ожесточеннымъ мужемъ. Но ни горе, ни кровная обида, ни потеря всего благосостоянія, ни стыдъ предъ людьми—ничто не сломило Акима. Пережившъ нѣсколько страшныхъ ночей, покусившись даже на месть подъ вліяніемъ только что принятой тяжкой обиды,—онъ просвѣтляется духомъ, и, виня въ своихъ бѣдахъ одного себя, прощаетъ жену, отказывается отъ мести, и отправляется по монастырямъ замаливать свои вольные и невольные грѣхи. *„Изъ края въ край скитается онъ своимъ тихимъ, нетороплибымъ, безостановочнымъ шагомъ;—говорятъ, онъ побывалъ въ самомъ Іерусалимѣ... Онъ кажется совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и много гово-*

рятъ объ его набожности и смиренномудріи тѣ люди, которымъ удается съ нимъ бесѣдовать". То же торжество душевной силы, побѣды желѣзной воли къ добру надъ инстинктами мести и ожесточенія видимъ мы и въ личности угрюмаго *Бирюка,* о которомъ уже говорили ранѣе *).

За этими людьми, такъ сказать, богатырями душевной силы, которые какъ дубы, могутъ трещать, гнуться, но не сломятся ни передъ какъ грозой, слѣдуетъ обратить вниманіе на натуры поэтическія, ушедшія отъ всѣхъ треволненій или въ созерцаніе природы, „*съ которой дышатъ онъ какъ будто одною жизнью*", и среди которой находятъ свои наслажденія (*Калинычъ, Касьянъ съ Красивой Мечи*); или же—въ искусство (*Рядчикъ, Яшка-Турокъ*),—натуры, на которыя мы обратили уже разъ вниманіе говоря о стихотвореніи Никитина „*Лѣсникъ и его внукъ*" и о „*Дурочкѣ Дунѣ*" Майкова. Къ этой же свѣтлой группѣ можно отнести и *дѣтей* въ *Бѣжиномъ Лугѣ* съ ихъ поэтической ночной обстановкой, суевѣрнымъ страхомъ и наивными разсказами деревенскихъ преданій.

Это—натуры, большею частію, безсемейныя, одинокія, мало вникающія въ дѣла людскія,—натуры, заключенныя въ самихъ себя, гдѣ и находятъ онѣ цѣлый свой міръ мечтаній, думъ и радостей. Но онѣ не чуждаются людей;—напротивъ, онѣ людей любятъ и какимъ-то чутьемъ льнутъ къ тѣмъ изъ нихъ, въ комъ больше доброты, честности, въ комъ находятъ къ себѣ сочувствіе... Онѣ всегда готовы послужить людямъ, доставить имъ удовольствіе, помочь въ бѣдѣ, и не изъ какихъ-нибудь видовъ, не изъ наградъ, а просто, изъ того наслажденія, которое получаютъ сами въ сознаніи сдѣланнаго добра. Впрочемъ,—онѣ часто и сами не сознаютъ добра, ими сдѣланнаго: дѣлать его, любить людей, быть отрадой въ ихъ бѣдной, горькой жизни—это ихъ природа, ихъ назначеніе—иными быть эти натуры и не могутъ. Такъ *добродушному, всегда веселому, беззаботному Калинычу, отличному охотнику, пчеловоду, заговаривателю крови, испуга, бѣшенства,*

*) Имѣя въ виду ознакомить по *Запискамъ Охотника* съ типами преимущественно *крестьянской* жизни, мы опустили личность *Авенира Сорокоумова* (*Смерть*), честнаго учителя, до послѣдней минуты жизни сохранившаго вѣру въ добро и неиспорченность сердца, личность, одну изъ наиболѣе симпатично обрисованныхъ поэтомъ.

даже червей, искусному коноводу и пѣвцу (Хорь и Калинычъ), да ему и въ голову не приходитъ, что баринъ для охоты оттягиваетъ его отъ хозяйства, и за всѣ хлопоты заставляетъ ходить босикомъ, что Хорь иронически подсмѣивается надъ его простотой;—Калинычъ просто ходитъ за бариномъ, какъ за ребенкомъ, и благоговѣетъ передъ нимъ за то, что тотъ добрый, да веселый;—онъ оказываетъ Хорю бездну всякихъ услугъ, поетъ ему пѣсни, а подчасъ приноситъ въ подарокъ своему другу пучокъ полевой земляники, такъ что авторъ признаетъ, что *„даже и не ожидалъ такихъ нѣжностей отъ мужика"*. Другой представитель такихъ же поэтическихъ натуръ—*Касьянъ съ Красивой Мечи*, на первый взглядъ суровъ и непривѣтливъ: онъ даже не вдругъ соглашается помочь автору отыскать сломавшуюся ось. Этотъ, какъ его называютъ, *юродивецъ*, сжился съ природой до того, что считаетъ грѣхомъ проливать на охотѣ птичью кровь, почему и не любитъ охотниковъ. Можетъ быть, только одно то обстоятельство, что баринъ пріѣхалъ со *„справедливымъ человѣкомъ"*, и побуждаетъ старика подняться съ мѣста, да и то онъ *заговариваетъ таки барину птицу*; такъ что тотъ не убиваетъ ни одной пташки. Это—не словоохотливый, разсуждающій самъ съ собою, философъ, пѣвецъ, знахарь, собиратель травъ, умѣющій подпѣвать птицамъ, начетчикъ въ священномъ писаніи... это—человѣкъ, весь живущій въ созерцаніи природы. Онъ—и не холодный эгоистъ: въ его душѣ бездна любви не только къ природѣ, но и къ человѣку. Правда, *Касьянъ*, по болѣзни и слабости, работать не можетъ, но зато ловитъ соловьевъ, отдаетъ ихъ добрымъ людямъ, чтобы тѣшились *жалостливымъ сладкимъ пѣніемъ*; собираетъ травы и помогаетъ болящимъ, и за добро свое не беретъ съ людей ничего. Его дочка, единственное близкое ему родное существо, пойдетъ въ него... Она, *вострая, хорошая* дѣвочка... Онъ выучитъ ее грамотѣ, и будетъ она, можетъ быть, какъ и онъ, вычитывать изъ писанія, какъ надобно жить въ мірѣ честно и праведно, собирать всякую траву, полезную людямъ, бродить по свѣту, ища правды. *„И не я одинъ грѣшный...—говоритъ онъ—много другихъ крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ... правды ищутъ..."*

Но еще трогательнѣе поэтическій образъ Лукерьи (*Живыя мощи*)—этой страдалицы, которой неумолимый рокъ опредѣлилъ

въ молодые годы умирать медленною смертью въ какомъ-то шалашѣ, куда помѣстили ее безсердечные люди, чтобы не мозолила она имъ глаза своей хворостью. Какая поразительная сила терпѣнія и тихой религіозной покорности своей горькой участи! Сколько глубокой поэзіи въ этой простой, непосредственной натурѣ, сумѣвшей даже въ полной отчужденности отъ людей, въ одиночествѣ, наполнить свою горькую жизнь вниманіемъ къ природѣ, золотыми снами, въ которыхъ видится ей промелькнувшая счастливая юность, или являются успокоивающія страдалицу религіозныя видѣнія! Какая въ ней любовь къ цвѣтамъ, животнымъ и пѣснямъ, распѣваемымъ ею слабымъ, чуть слышнымъ, голоскомъ; сколько въ этомъ полуживомъ, несчастномъ существѣ всепрощенія и любви къ бѣднымъ крестьянамъ, за которыхъ ходатайствуетъ она передъ случайно забредшимъ въ ея конуру молодымъ бариномъ-охотникомъ! Этотъ разсказецъ, принадлежащій къ числу лучшихъ вещей Тургенева, мы особенно рекомендуемъ для чтенія дѣтямъ и народу, преимущественно, женщинамъ, болѣе чутко воспринимающимъ картины горькой въ крестьянскомъ быту женской доли.

Если поэтическое отношеніе къ природѣ и жизни сдѣлало изъ Калиныча просто веселаго, симпатичнаго, беззаботнаго, услужливаго бѣдняка, не помнящаго своей бѣдности; если изъ Касьяна это отношеніе выродило заключеннаго въ самомъ себѣ мистика-философа, знахаря, юродивца—то это же поэтическое начало, въ соединеніи съ положительнымъ талантомъ, образовало худого, стройнаго юношу, художника *„Яшку-Турка“* (*Пѣвцы*), могущаго силой пѣсни даже въ какомъ-нибудь Притынномъ-кабакѣ пробрать самого цѣловальника, Николая Ивавовича, довести до рыданій апатичнѣйшее существо, его жену, тронуть угрюмаго Дикаго Барина, практика-Моргача, заставить расплакаться сѣраго мужика. Состязаніе пѣвцовъ, описаніе приготовленій къ пѣнію, всей обстановки пѣнія, такого искусника и настоящаго артиста,—впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на каждаго изъ присутствующихъ, отношеніе побѣдителя къ побѣжденному и къ плачущему мужику,—наконецъ, пьянство, которымъ, въ концѣ концовъ, разрѣшилось впечатлѣніе, и гдѣ затопились лучшія чувства людей, и скоро загинетъ, пропадетъ дивный голосъ, при образованіи могущій, можетъ быть, дивить міръ и исторгать изъ глазъ тысячи людей свя-

тыя слезы,—все это также однѣ изъ лучшихъ страницъ, написанныхъ Тургеневымъ *).

Интереснымъ, простымъ разсказчикомъ *Стучитъ* можно заключить знакомство дѣтей и народа съ *Записками Охотника* и перейти къ разсмотрѣнію немногаго остальнаго, что пригодно изъ Тургенева для дѣтей.

Здѣсь можно остановиться на описательномъ очеркѣ *Лѣсъ и степь* (матеріалъ для разбора описаній). *Поѣздка въ Полѣсье* — картинки глухого лѣса съ его обитателями (*Село Святое, Старостинъ сынъ, Кондратъ, охотникъ Егоръ, добродушный популярный разбойникъ Ефремъ*), и маленькомъ, записанномъ со словъ стараго, опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей разсказѣ *О соловьяхъ*, проникнутомъ сочувствіемъ къ птицѣ артисту и заключающемъ много полезныхъ свѣдѣній о породахъ соловьевъ, ихъ ловѣ и содержаніи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ этой птицы много и гдѣ пѣніе ея славится, народный учитель можетъ воспользоваться этой статьей, чтобы указать ученикамъ на одно изъ интересныхъ и пріятныхъ занятій, доступныхъ дѣтямъ и полезныхъ.

Къ этой же группѣ маленькихъ разсказиковъ, вполнѣ пригодныхъ и народу, и дѣтямъ, отнесли бы мы еще слѣдующее:

1) *Перепелочка* (помѣщенъ въ книгѣ *Тургеневъ и Толстой. Разсказы для дѣтей*, изд. Кн. Оболенскаго. М., 1883, ц. 2 р. 50 к.)—самопожертвованіе птицы ради своихъ дѣтенышей и впечатлѣніе, произведенное имъ на двѣнадцатилѣтняго мальчика, который хоронитъ птичку, дѣлаетъ надъ ея могилкой изъ прутиковъ крестикъ и видитъ во снѣ перепелочку на небѣ.

2) *Пегасъ*—разсказъ объ умной собакѣ, которая подъ перомъ художника выступаетъ передъ читателемъ, какъ живая, съ своими собачьими нравами.

3) *Пожаръ на кораблѣ*—дѣйствительный случай, бывшій съ поэтомъ еще въ молодости, когда онъ ѣхалъ учиться за границу. Интересъ захватывающій; яркіе эскизные образы пассажировъ и изображеніе чувствъ, испытываемыхъ ими и самимъ авторомъ.

---

*) Какъ великолѣпный образъ народнаго пѣвца и примѣръ силы пѣнія, напоминаемъ эпизодъ о Черномъ въ повѣсти Кохановской „*Послѣ обѣда въ гостяхъ*“, и повѣсть Погосскаго „*Музыкантъ*“.

Кромѣ этихъ маленькихъ вещицъ, остановимся еще на слѣдующихъ произведеніяхъ, большихъ по объему:

1) *Пунинъ и Бабуринъ*—для дѣтей только первая половина, до отъѣзда пріятелей изъ деревни: образы прямого, честнаго Бабурина и простодушно наивнаго Пунина; образъ жестокой старой помѣщицы бабушки; впечатлѣніе, произведенное на барчука личностью, полною нравственнаго достоинства.

2) *Часы* (и для дѣтей, и для народа)—интересная исторія объ украденныхъ мальчикомъ часахъ; образы двоюроднаго брата героя, возвратившагося изъ ссылки дяди, бѣдной дѣвушки невѣсты и ея отца; множество бытовыхъ подробностей изъ жизни мелкаго провинціальнаго чиновничества начала нынѣшняго столѣтія.

3) *Бригадиръ*—также образъ изъ стараго времени: дряхлый, обратившійся въ дѣтство, старичокъ, всѣмъ пожертвовавшій, и состояніемъ, и честью, ради той, которая не только не любила его, но отплатила ему черною неблагодарностью. Все простила ей незлобивая его душа, оставшаяся до послѣднихъ минутъ вѣрной давно уже умершей любимой женщинѣ.

Къ этимъ произведеніямъ можно было бы, пожалуй, присоединить еще для чтенія народу (но не дѣтямъ), *Степнаго короля Лира*; но, едва-ли, эта мелодраматическая исторія можетъ имѣть воспитательное значеніе, кромѣ развѣ чистаго внѣшняго интереса эффектнаго разсказа *).

Если къ выбраннымъ статьямъ присоединить еще для чтенія болѣе взрослымъ дѣтямъ четыре отрывка изъ *Дворянскаго гнѣзда: Пріѣздъ Лаврецкаго въ деревню*, *Воспитаніе Лизы*, *Рѣшеніе ея идти въ монастырь и характеристику игры на фортепьяно Лемма*—вотъ, кажется, и все, что можетъ быть выбрано для нашихъ цѣлей изъ повѣстей и разсказовъ Тургенева.

Но, разставаясь съ разсмотрѣніемъ одного изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ писателей, не можемъ не остановиться на одномъ изъ послѣднихъ его трудовъ,—*Стихотвореніяхъ въ прозѣ*.

---

*) Разсказъ можно сопоставлять съ пересказомъ шекспировской трагедіи въ моей книги *Изъ міра великихъ преданій:—Старый король Лиръ*.
В. О.

Въ цѣломъ недоступныя дѣтямъ по сюжетамъ, иногда проникнутыя мистицизмомъ, эти, совершенно оригинальныя, *стихотворенія въ прозѣ*, дышащія какою то особою задушевностью, заслуживаютъ серьезнаго вниманія воспитателя. Изъ нихъ мы остановились бы, во-первыхъ, на пяти пьескахъ, относящихся къ народному быту, тепло представляемому авторомъ. Таковы: *Деревня*— идиллическая картина урожая и радости простого люда, напоминающая *Урожай*, Кольцова (мы опустили бы только послѣднія строки о Царь-Градѣ); *Маша*—горе извозчика о смерти любимой жены; *Щи*—горе бабы о смерти единственнаго работника, двадцатилѣтняго сына; *Два богача*—крестьянское семейство, принявшее въ свой убогій разоренный домишко сироту племянницу, и, наконецъ, *Христосъ* — представившійся поэту въ бѣдной деревенской церкви, съ простымъ человѣческимъ лицомъ.

За этой группой поставили бы мы четыре пьески, съ симпатичнымъ изображеніемъ знакомыхъ дѣтямъ и любимыхъ ими животныхъ: *Воробей* — защита птичкой своихъ дѣтенышей отъ собаки. *Голуби*—два бѣлыхъ голубя ютятся другъ къ дружкѣ въ бурю, чувствуя каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда; *Мы еще повоюемъ*—семья воробушковъ, забавно и самонадѣянно чирикающихъ и прыгающихъ подъ высоко летающимъ ястребомъ; *Морское плаваніе*—жалкая обезьянка, ютящаяся къ автору и перестававшая пищать, когда она протягивала ему руку.

Наконецъ, остановились бы мы еще на четырехъ пьескахъ разныхъ сюжетовъ: *Нищій*—горькое сознаніе невозможности помочь бѣдняку при гуманномъ къ нему отношеніи: *Милостыня*—все роздалъ бѣднымъ, и самъ, оставшись нищимъ, проситъ подаянія, давая и другимъ добрымъ людямъ показать, что и они добры; *Повѣсить его*—потрясающій разсказъ о деньщикѣ, повѣшенномъ въ военное время во имя дисциплины за кражу курицы на постоѣ у непріятеля; *Какъ хороши, какъ свѣжи были розы*—лирическая вещичка, навѣянная воспоминаніями о невозвратныхъ дняхъ былого, приходящими на память одинокому старику, коротающему вечеръ съ единственнымъ, оставшимся въ живыхъ, другомъ, такимъ же старымъ, какъ и онъ самъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить и нѣсколькихъ изъ стихотвореній, изданныхъ уже послѣ смерти автора, почему то при жизни имъ не признаваемыхъ, но представляющихъ, какъ описа-

тельный лирическій матеріалъ, истинные перлы русской поэзіи. Ихъ отберемъ мы для дѣтей до десяти, на мотивъ, частію, опять таки столь любимой поэтомъ сельской природы: *Весенній вечеръ Деревня*, прекрасное стихотвореніе *Гроза*, *Другая ночь*, *Кроткіе льются лучи*, *Первый снѣгъ;* частію же посвященныя охотѣ: *На охотѣ лѣтомъ*, *Дѣдъ* и *Передъ охотой*. Пьеской *Брожу надъ озеромъ*, напоминающей по мысли гётевскія *Горныя вершины*, въ переводѣ Лермонтова, можно и заключить ознакомленіе дѣтей съ стихотворной поэзіей покойнаго поэта.

XVIII. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

(Род. 19 марта 1822 года † 22 дек. 1899 г.)

Значительно уступая въ талантѣ Тургеневу, писатель этотъ, выступившій въ литературу почти въ одно съ нимъ время, справедливо занимаетъ въ ней такъ же почетное мѣсто, какъ первый изобразитель простонародной жизни въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія. Въ этомъ — его значеніе и сила; все остальное—повѣсти, очерки нравовъ и большой романъ *Проселочныя дороги*, изъ жизни петербургскаго и провинціальнаго помѣщичьяго общества, занимающія чуть не цѣлую половину всѣхъ томовъ его сочиненій,—не выходятъ изъ ряда занимательной, уже устарѣлой, беллетристики. И если общество, какъ мы уже замѣтили, начинаетъ охладѣвать даже къ высокохудожественнымъ изображеніемъ тургеневскихъ *лишнихъ людей*, то тѣмъ болѣе равнодушно относится оно къ легонькимъ сатирамъ надъ помѣщичьими претензіями (*Проселочныя дороги*), пріемомъ гостей въ чиновничьихъ домахъ средней руки, столичными родственниками, погоней за, такъ называемою, „*порядочностью*“, неудачнымъ волокитствомъ, скучными людьми и т. п.

Итакъ, разсмотримъ Григоровича *только* какъ *писателя народнаго*. Въ чемъ же его сходство съ Тургеневымъ, и въ чемъ отличіе, дѣлающее его (конечно, независимо отъ таланта) едва-ли еще не болѣе доступнымъ, интереснымъ и даже, осмѣлимся сказать, полезнымъ для дѣтей и народа? И Тургеневъ, и Григоровичъ изображаютъ крестьянскую и, отчасти, помѣщичью жизнь;

и у того, и у другого цѣлая вереница разнообразныхъ типовъ, множество описаній русской природы, деревенскихъ пейзажей, избъ и т. д.; у того и у другого самое теплое отношеніе къ народу, его скорбямъ и печалямъ, ѣдкая насмѣшка и осужденіе тѣхъ, кто заставлялъ народъ страдать; у обоихъ, наконецъ, есть извѣстная художественная мѣра въ изображеніи грязи, почему ими обоими никогда не оскорбляется нравственное чувство читателя. Но на этомъ и кончается сходство. Тургеневъ въ *Запискахъ Охотника* ограничивается маленькими очерками типа и обыкновенно изображаетъ его только въ извѣстный моментъ своей съ нимъ встрѣчи; изъ прежней жизни лица приводится иногда нѣсколько рѣзкихъ чертъ,—и только. Пошелъ охотникъ далѣе—и вотъ уже встрѣтилось новое лицо, другое, третье: снова чудный, полный глубокаго смысла, эскизъ, надъ которымъ читатель взрослый, образованный, задумается и удовлетворится вполнѣ; но юноша и простолюдинъ могутъ, хотя и поразиться имъ, но также скоро и забыть его за другими яркими изображеніями совершенно иныхъ типовъ. Мало того. *Записки Охотника*—вещи слишкомъ глубокія, тонкія, слишкомъ серьезныя, именно въ самой своей простотѣ, не очень-то легко поддающіяся уразумѣнію и полной оцѣнкѣ ума, не привыкшаго къ анализу. Онѣ требуютъ опытнаго руководителя, который сумѣлъ бы разъяснить ихъ, обратить вниманіе дѣтей, и особенно народа, привыкшаго къ нелѣпымъ сказкамъ, къ кудрявому вымыслу, на ту или другую неподдавшуюся анализу черту, объяснить смыслъ изображаемаго явленія, почему въ самостоятельномъ чтеніи, особенно въ первый разъ, для неопытнаго читателя Тургеневъ—писатель не легкій. Самая сжатость его разсказовъ, дѣлающая ихъ такими художественными, требуетъ извѣстной зрѣлости мысли. Григоровичъ, напротивъ, никогда не ограничивается очерками. Взявъ извѣстное лицо, или семейство, онъ подробно, даже иногда слишкомъ подробно, расказываетъ цѣлую его исторію, начиная съ дѣтства, съ образованія семейства, до самой смерти лица, до разложенія семьи (*Рыбаки*, *Переселенцы, Пахарь*). Въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ обстоятельностью своихъ описаній Диккенса, котораго напоминаетъ также и драматичностью разсказовъ, любовью къ яркимъ, потрясающимъ, эффектамъ (напр. послѣднія сцены въ *Антонѣ-Горемыкѣ*, кража быка, ночь на Окѣ, въ *Рыбакахъ*; покража нищими мальчика въ *Переселенцахъ* и мн. др.),

а также изображеніями дѣтскихъ характеровъ и обиліемъ трогательныхъ семейныхъ сценъ. Подобно Диккенсу же, Григоровичъ мастеръ заинтересовать читателя интригою разсказа, который онъ ведетъ мастерски, не смотря на всю его сложность и разнообразіе лицъ и событій, такъ что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. И это-то мастерство, разнообразіе и драматичность потрясающаго разсказа (напр. прощаніе переселенцевъ съ родиной, смерть Глѣба и прощаніе съ Ваней въ *Рыбакахъ*, пропажа *Антоновой* лошади, смерть *Бобыля*), это-то подробное изложеніе повѣсти, какъ отдѣльнаго случая изъ жизни, или цѣлыя художественныя біографіи лицъ и семей въ соединеніи съ большей, такъ сказать, доступностью изложенія для массъ, чѣмъ у строгаго, скупого на подробности, портретиста Тургенева, дѣлаетъ г. Григоровича особенно цѣннымъ именно для нашихъ цѣлей. Но эта же любовь къ подробностямъ, къ обстоятельности разсказа, не говоря уже о множествѣ иногда довольно блѣдныхъ описаній природы и мѣстностей (въ „*Смедовской долинѣ*", напримѣръ, изъ шестнадцати страницъ приходится на разсказъ едва только семь; въ *Пахарѣ* на одни описанія и лирику до четырнадцати страницъ), приводитъ автора къ растянутости и даже совершенно лишнимъ разговорамъ и сценамъ. (Напр. въ *Рыбакахъ:* цѣлая глава XI *Прохожіе* или въ XV и XIX черезчуръ подробные разговоры стариковъ, многія подробности въ *Переселенцахъ* и др.). Это необходимо имѣть въ виду воспитателю и чтецу для народа: очень многое у Григоровича слѣдуетъ просто опускать, связывая читаемое краткой устной передачей опущеннаго, на сколько это нужно для пониманія хода дѣла. Григоровичъ и разнообразнѣе, почему, пожалуй, и полезнѣе, въ смыслѣ знакомства съ большимъ количествомъ жизненныхъ фактовъ, чѣмъ Тургеневъ. Послѣдній—спеціалистъ собственно крѣпостного права съ точки зрѣнія его гибельнаго вліянія и на крестьянъ, и на господъ, почему и крестьяне, и господа являются у него, очень естественно, чаще всего со стороны отрицательной. Не забывая, какъ мы видѣли, человѣческихъ симпатичныхъ сторонъ даже тамъ, гдѣ должно было бы, кажется, заглохнуть загибнуть, все человѣческое, Тургеневъ, по преимуществу, рисуетъ картины скорби, горя, страданій, конечно, въ прямой зависимости отъ этого же крѣпостного права,—и въ этомъ большая не только художественная, но и гражданская заслуга поэта. Гри-

горовичъ, собственно, этою цѣлью не задается, хотя и въ этомъ смыслѣ у него есть вещи потрясающія (*Антонъ-Горемыка, Переселенцы, Бобыль*); онъ просто любитъ вообще народъ и хочетъ, чтобы послѣдній узнали и полюбили читатели; чтобы оживилась и взволновалась его разсказами душа тѣхъ, кто не окаменѣлъ еще до такой степени, чтобы „*оживляться только за преферансомъ и волноваться при словахъ: „пасъ", „ремизъ", „куплю" и прочей дряни*"... У Григоровича вы знакомитесь и съ рыбачьимъ промысломъ, и съ фабричной жизнью, и съ ярмарками, и съ народными праздниками, и съ жизнью нищихъ, и съ бытомъ шарманщиковъ и акробатовъ,—такъ что этнографическій матеріалъ у Григоровича несравненно богаче, чѣмъ у Тургенева, почему и самая жизнь простонародья обнимается читателемъ несравненно полнѣе. При этомъ авторъ, хотя и изображаетъ множество личностей страдающихъ, уродливыхъ, надломленныхъ, порочныхъ, но эти люди страдаютъ и уродуются не только изъ-за помѣщика, или управляющаго, но и изъ-за другихъ соціальныхъ причинъ (семейный деспотизмъ, невѣжество, растлѣвающая жизнь на фабрикахъ, пьянство, взглядъ на женщину, лѣность, узкій эгоизмъ съ равнодушіемъ къ бѣдѣ ближняго, недостатокъ разумной дѣятельности для натуръ широкихъ). Но, рядомъ съ потрясающей правдой народныхъ бѣдствій и страданій, рядомъ съ личностями—отребьемъ общества, авторовъ любитъ изображать и простое, тихое счастье и радости простолюдина, личности непреклонной силы и настойчивости, честнаго, тяжелаго, упорнаго труда, на которомъ только и можетъ основаться благосостояніе (Пахарь, Глѣбъ и Кондратій въ *Рыбакахъ*, Савелій въ повѣсти *Кошка и мышка* и друг,): — сцены въ родѣ семейнаго вечера, благодарственной молитвы за трудъ, крестинъ, сватьбы—у него однѣ изъ лучшихъ, и образы матерей, женъ, дочерей, отцовъ, дѣдовъ, — словомъ, типы семейные, поражаютъ своею трогательною простотой, полной величайшей силы любви, а иногда даже и тонкой деликатности и нѣжности. Здѣсь кстати коснуться одного, весьма важнаго, упрека, который не разъ дѣлала ему критика,—будто *разсказы его страдаютъ сентиментальностію и излишней идеализаціей простонародной жизни, что, впрочемъ, объясняется временемъ, въ которое нужно было возбудить особенное сочувствіе къ народу*. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ авторъ на послѣдней страни-

цѣ одного изъ лучшихъ своихъ произведеній „*Рыбаки*“: *Не стану утруждать читателя описаніемъ этой сцены* (свиданіе Вани съ Дуней и дѣдушкой Кондратіемъ). *И безъ того уже найдется много людей, которые обвинятъ меня въ излишней сентиментальности, излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ*, изліяніяхъ, *обвинятъ въ неестественности и стремленіи къ идеаламъ, изъ которыхъ всегда* не вѣсть что выходитъ.., *и проч. и проч. Доскажу въ нѣсколькихъ словахъ исторію моихъ* сермяжныхъ *героевъ*“. Дѣйствительно, если сравнить Григоровича съ многими писателями, такъ называемой, *натуральной* школы, думавшими, что, изображая одну грязь жизни во всей ея отвратительности, они идутъ по стопамъ великаго Гоголя, или даже—съ нѣкоторыми писателями другими, у которыхъ, кромѣ ругани, да народной дурости, почти ничего и нѣтъ, то произведенія этого, уже давно почти замолкшаго, литературнаго дѣятеля могутъ показаться человѣку, мало знакомому съ нашимъ простонародьемъ, особенно удаленнымъ отъ городовъ и не испорченнымъ еще фабричной жизнью, черезчуръ идеализированными. Дѣйствительно и то, что авторъ, подобно Диккенсу любитъ оканчивать свои, даже самыя печальныя повѣсти идиллическимъ счастіемъ (*Переселенцы, Рыбаки, Кошка и мышка, Прохожій* и нѣкоторыя другія);—но рядомъ съ личностями положительными, напр. Глѣбъ, Савелій, у него является много и личностей отрицательныхъ (Гришка, Захаръ); да и въ изображеніи самыхъ лучшихъ людей изъ крестьянъ онъ не закрываетъ глазъ на ихъ недостатки и темныя заблужденія. Такъ, въ личности напр. самого Глѣба, представленнаго очень симпатичнымъ, рядомъ съ качествами, заставляющими его уважать, встрѣчаемъ такія черты, какъ самый грубый деспотизмъ главы дома, самодурное упрямство и эгоизмъ очень мелкаго свойства. Что же касается изображенія народныхъ добродѣтелей, то онѣ почти *исключительно семейныя*, зависящія, до нѣкоторой степени, отъ нашего родового быта, который, какъ можно видѣть почти изъ всѣхъ произведеній поэта, отнюдь не представленъ съ одной только *розовой* стороны. Да и представляетъ авторъ эти добродѣтели преимущественно въ старикахъ-дѣдахъ, да женщинахъ, по самой натурѣ своей болѣе привязанныхъ къ семейству. Такимъ образомъ, *сермяжные* герои представлены авторомъ такъ, что, выставляя темныя черты ихъ характеровъ, авторъ не только не закрывалъ глазъ на свѣтлыя,

но, напротивъ, останавливался на нихъ подробнѣе и представлялъ ихъ особенно тепло. За такой способъ представленія народной жизни, если можно назвать его *идеалистомъ*, воспитатель долженъ быть особенно благодаренъ автору, такъ какъ идеализмъ этотъ, внося въ душу юноши начало *трогательнаго*, поселяетъ въ ней участіе къ народнымъ несчастіямъ и радостямъ, къ его интимной сердечной жизни, часто закрытой отъ глазъ наблюдателя непроницаемой грубой внѣшностью. *Идеализація* Григоровича не есть плодъ сентиментальнаго воображенія; она коренится въ *дѣйствительныхъ*, хотя, относительно, и *рѣдкихъ, хорошихъ* сторонахъ нашего народа; поэтъ, какъ художникъ, творческимъ талантомъ сдѣлалъ ихъ только ярче, рельефнѣе. Изъ сочиненій Григоровича, по нашему мнѣнію, для нашихъ цѣлей можно остановиться на слѣдующемъ:

1. *Мать и дочь.*
2. *Зимній вечеръ.*
3. *Шарманщики.*
4. *Деревня.*
5. *Четыре времени года.*
6. *Прохожій.*
7. *Бобыль.*
8. *Антонъ-Горемыка.*
9. *Свѣтлое Христово Воскресенье.*
10. *Смедовскаа долина.*
11. *Рыбаки* *).
12. *Пахарь.*
13. *Переселенцы.*
14. *Кошка и мышка.*
15. *Гуттаперчевый мальчикъ.*

Всѣ эти статьи можно свести къ слѣдующимъ группамъ по содержанію:

I. *Жизнь крестьянина пахаря:* Пахарь, Четыре времени года, Антонъ-Горемыка, Кошка и мышка, Мать и дочь, Деревня, Бобыль, Переселенцы, Свѣтлое Христово Воскресенье и Прохожій (Васильевъ вечеръ).

---

*) Отрывки изъ „*Рыбаковъ*", обработанные для дѣтей, см. въ журналѣ „*Дѣтское чтеніе*" 1887 г. XVII—„*Гриша* и Ваня" и т. XVIII—„*Старый рыбакъ*"; тамъ же—„*Пахарь*".

II. *Жизнь рыбаковъ и фабричная:* Рыбаки и Смедовская долина.

III. *Жизнь шарманщика и уличнаго гаера:* Шарманщики, Зимній вечеръ и Гуттаперчевый мальчикъ.

Мы уже говорили объ одномъ, очень важномъ, недостаткѣ Григоровича,—растянутости большой части его произведеній. Не говоря уже о любви къ описаніямъ, онъ впадаетъ иногда въ лирику и разсужденія, только напрасно задерживающія разсказъ, страдающій, однако, часто и отъ совершенно лишнихъ сценъ и лицъ. Все это нужно имѣть въ виду при чтеніи этого автора съ дѣтьми и народомъ, почему и позволимъ себѣ, при разсмотрѣніи матеріала, по возможности, указывать на необходимыя, по нашему мнѣнію, сокращенія.

1. Жизнь крестьянина-пахаря.

Страстный любитель природы и тихой деревенской жизни во всей ея простотѣ, авторъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій отдаетъ явное предпочтеніе труду земледѣльческому передъ фабричнымъ; но не потому, чтобы онъ самъ былъ врагомъ фабрикъ, способствующихъ развитію промышленности, а потому, что фабричная жизнь, при настоящемъ своемъ состояніи, не только мало способствуетъ увеличенію народнаго благосостоянія, а еще, напротивъ, народъ спаиваетъ, портитъ его нравственность и часто ведетъ земледѣльца или рыбака къ конечному разоренію. Такое пристрастіе къ пахатному труду и простотѣ нравовъ породило идиллію „*Пахарь*“, представляющую какъ бы эпическое развитіе *Пѣсни пахаря* Кольцова. (Опустивъ всѣ описанія, лирику и разсужденія, можно начать чтеніе со словъ: „Переходъ отъ одной нивы къ другой...“; могутъ быть опущены также главы XXIV и XXXII). Встрѣтивъ въ полѣ молодого парня, Савелья,—идеалъ пахаря молодца, сына, вполнѣ достойнаго своего батюшки,—авторъ освѣдомляется объ его отцѣ, и узнаетъ, что старикъ лежитъ дома больной уже три дня. Этотъ-то древній старикъ, дѣятельный не по лѣтамъ Анисимычъ, и есть герой, къ трогательной, тихой смерти котораго привязанъ весь разсказъ. Это—типъ „*трудолюбиваго, дѣлового пахаря стараго вѣка*“, все болѣе и болѣе выводящійся съ упадкомъ воздѣлыванія земли на счетъ фабричнаго

промысла;—этотъ человѣкъ совершенно сжился съ своимъ полемъ съ самаго младенчества и до старости сохранилъ *„необычайную кротость нрава, чистоту помысловъ и благочестіе“*. Нѣтъ тутъ науки, которую замѣняетъ знаніе однѣхъ примѣтъ, нѣтъ даже корысти, стремленія къ деньгамъ; богатство пахаря—хлѣбъ: его даетъ ему вволю нива и трудъ, и старикъ готовъ подѣлиться хлѣбомъ съ каждымъ: *хлѣбъ—дѣло святое,—не то что деньги, деньги отъ человѣка, онъ ихъ выдумалъ, онъ ихъ и дѣлаетъ; а хлѣбъ—даръ Божій.* И такъ сроднился Анисимычъ съ природой, такъ вошелъ въ свое любимое пахатное дѣло, что мало и интересуется дѣлами мірскими. Какъ особенной милости, просилъ онъ всегда, чтобы избавили его отъ всякой почетной должности, и никогда не бывалъ ни старостой, ни даже сотскимъ. Но, тѣмъ не менѣе, его высоконравственная личность почиталась въ деревнѣ такъ, что безъ старика не обходилось ни одной сходки, ни дѣлежа, ни разбора семейныхъ распрей, и всѣ подчинялись его нелицепріятному приговору. Такъ, тихо и мирно, безъ бурь и потрясеній, за исключеніемъ отпуска одного изъ сыновей въ солдаты, протекла эта честная жизнь труда, и добрую память по себѣ оставилъ Анисимычъ и въ своихъ дѣтяхъ, и во всемъ околоткѣ.

За этимъ идеальнымъ портретомъ стараго пахаря можно взять картину *Четырехъ временъ года*, изъ жизни дружнаго, трудового крестьянскаго семейства, одну изъ лучшихъ вещей Григоровича *). Эта идиллія, очень разнообразная по содержанію, знакомитъ читателя, едвали, не со всѣми главнѣйшими интересами крестьянской жизни. Тутъ и пахота съ предположеніями объ урожаѣ, отъ котораго будетъ зависѣть уплата оброка, и остатокъ денегъ, съ которымъ можно было бы женить сына, и молитва о дождѣ, и радость всей деревни, когда дождь пошелъ; жатва и жница съ больнымъ ребенкомъ, несущая мужу въ поле обѣдъ, и поэтическій обрядъ наряжанья снопа, когда *„хлѣба снятаго уродилось вволюшку“*, осенній отлетъ ласточекъ и свадьба; картина деревни при первомъ морозѣ, зимнія игры ребятишекъ, отдача оброка, за которымъ еще остались деньжишки про случай, и радость семьи,

---

*) Сокращеніе этой повѣсти см. въ Дѣтскомъ Чтеніи 1878 г. т. XX подъ именемъ *„Трудовой годъ“*; издано также отдѣльно.

получившей за свой годовой трудъ сытый покой и довольство на зиму; наконецъ, и вечеръ съ отцомъ на горячей печи, и тихая бесѣда старушки съ невѣсткой и дѣтьми за прялкой. Изъ этой же повѣсти ознакомятся дѣти и съ значеніемъ въ крестьянскомъ быту коровы, отъ продажи которой, по ходу разсказа, зависитъ сватьба сына. Сцены, какъ похваливаетъ корову старикъ-отецъ, а воркунья-жена опасается, какъ бы скотина отъ похвалы не извелась, обмахиванье коровы вербою при выгонѣ скотины въ первый разъ въ поле, ругань бабъ изъ-за коровы, торгъ ея—однѣ изъ лучшихъ въ повѣсти, точно такъ же, какъ и покупка дѣдомъ на радостяхъ говядины, черныхъ котовъ для снохи и гостинцевъ для ребятишекъ. По отрадному впечатлѣнію, оставляемому повѣстью въ читателѣ, она, едвали, не самая идиллическая изъ всѣхъ повѣстей Григоровича; одинъ только образъ бѣдной Дарьи, хоронящей своего единственнаго ребенка, подобно пушкинской тучѣ, наводитъ унылую тѣнь на свѣтлую картину. Тѣмъ же характеромъ идиллическаго изображенія семейныхъ радостей и горя всего болѣе подходитъ къ *Пахарю* повѣсть „*Кошка и мышка*", гдѣ точно также контрастомъ съ радостнымъ рожденіемъ первенца-ребенка — главнымъ фактомъ разсказа — выставлена смерть всѣхъ троихъ дѣтей бѣдняка Андрея. Здѣсь также множество интересныхъ подробностей; возвращеніе мальчика Гришутки съ боченкомъ для водки, припасенной для крестинъ, и его отправленіе за водкой, біографія дѣдушки Савелья, семейныя радости и приготовленія къ крестинамъ, возвращеніе дѣдушки домой, неожиданная смерть и похороны новорожденнаго. Все это—сцены, полныя трогательной простоты и граціи, точно такъ же, какъ рожденіе новаго внука, заставившаго забыть всѣ прошлыя горести. Но въ этой повѣсти есть уже, кромѣ смерти перваго ребенка, и элементъ драмы. Этотъ элементъ является здѣсь въ покупкѣ Гришуткой водки въ чужомъ откупѣ, за что Савелья притягиваютъ къ суду. Впрочемъ, глава VI—пребываніе Савелья въ городѣ—одна изъ слабѣйшихъ, и отличается какимъ-то обличительнымъ характеромъ. Ее безъ ущерба интереса можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ.

Къ числу бытовыхъ народныхъ картинъ, съ тѣмъ же идиллическимъ, семейнымъ, характеромъ, относятся два небольшихъ разсказа: *Прохожій* и *Свѣтлое Христово Воскресенье.* Первый — анекдотъ о томъ, какъ бѣднякъ-крестьянинъ, Алексѣй, пустилъ къ

себѣ ночевать какого-то больного старика, который, въ награду за радушное гостепріимство, передъ смертью, завѣщалъ ему кладъ; второй — народное повѣрье о какихъ-то таинственныхъ чумакахъ, обогатившихъ мужика посредствомъ чудесныхъ угольевъ. Въ томъ и другомъ разсказѣ изображается, собственно, не что иное, какъ избитое въ дѣтскихъ повѣстяхъ вознагражденіе добродѣтели и честной бѣдности; но не на эту случайную, даже чудесную, награду должно быть обращено вниманіе читателя. Оба разсказа представляютъ деревенскіе проводы главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ: святокъ и ночи на Свѣтлое Воскресенье, и, кромѣ того, нѣсколько симпатичныхъ образовъ крестьянъ. Первый разсказъ начинается яркимъ контрастомъ. Въ страшную мятель, въ Васильевъ вечеръ, бредетъ, приближаясь къ деревнѣ, одинокій прохожій, а между тѣмъ крестьяне весело готовятся къ проводамъ праздника. Цѣлый рядъ народныхъ обычаевъ: выбрасыванье хлѣбныхъ зеренъ изъ рукава ребятишками, подборъ этихъ зеренъ хозяйкой для будущаго урожая, ряженье дѣвокъ и парней, колядскія пѣсни подъ окномъ, обрядъ „смыванія лихоманки", дающій поводъ представить типъ знахарки, гаданье дѣвицы подъ окномъ, шутки и проказы ряженой молодежи на улицѣ и вечеринку у старосты. Все это даетъ много матеріала этнографическаго, за коимъ выступаютъ рѣзко очерченные народные характеры, особенно, староста, старостиха, парни и бѣднякъ Алексѣй, прогнанный изъ-за суевѣрнаго страха съ вечеринки и возвращающійся домой къ одинокой старушкѣ-матери. Эти послѣднія сцены, вмѣстѣ съ приходомъ и смертью прохожаго, написаны искусно и тепло. Тѣми же качествами отличаются въ другомъ разсказѣ (*Свѣтлое Христово Воскресенье*) описаніе бѣдной избы хозяина-вдовца Андрея, его отношеній къ единственной четырехлѣтней дочкѣ, съ которой онъ идетъ къ заутренѣ, дорога Андрея въ церковь по пути съ батрачкой Дарьей, сопоставленіе двухъ бѣдняковъ, сочувствующихъ горькому положенію другъ друга; далѣе хорошо изображеніе полной народомъ церкви передъ заутреней, торжественнаго начала ея, христосованья, грустнаго возвращенія въ избу, гдѣ нѣтъ даже горячаго угля, чтобы затеплить предъ образомъ свѣчку (суевѣрный страхъ заставляетъ сосѣдей отказать Андрею даже и въ углѣ), и, наконецъ, наказанная жадность сосѣдей, пережегшихъ угольями одежду. — Все это умѣетъ передать поэтъ такъ интересно и ярко, всѣмъ этимъ даетъ

столько живого матеріала, что мы причисляемъ оба разсказа къ наиболѣе удобнымъ для чтенія съ дѣтьми и народомъ, не смотря на случайность и фантастическій элементъ, которые заслоняются художественнымъ представленіемъ дѣйствительной жизни.

Если во всѣхъ, до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами, произведеніяхъ Григоровича идиллически выставляются почти исключительно *свѣтлыя* стороны крестьянской жизни:—радости пахаря, его добродѣтели семейныя, его прилежный, настойчивый, трудъ, вознаграждающійся сытымъ довольствомъ—то въ другихъ повѣстяхъ авторъ рисуетъ картины невѣжества, порока, жестокости, грубаго эгоизма, пьянства, тунеядства и поражающей нищеты; — словомъ, не скрываетъ и тѣхъ пороковъ, которые такъ обыкновенны въ нашемъ народѣ и нерѣдко бываютъ причиною гибели и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ семей. Здѣсь встрѣчается поэтъ и съ одной изъ главныхъ причинъ народныхъ бѣдствій—съ крѣпостнымъ правомъ, изображеннымъ у него со всею наготою потрясающей душу правды.

Страшной жертвой поразительнаго невѣжества, грубости, безчеловѣчія, является эта помѣшанная, *двадцатидвухлѣтняя, высокая, блѣдная, худая, съ продолговатымъ лицомъ и необыкновенно тонкими чертами, въ безобразныхъ лохмотьяхъ, Маша, прижимающая къ груди палку, которую спеленала она тряпьемъ на подобіе грудного младенца* (*Мать и дочь*)*). Что же за причина сумасшествія этой, нѣкогда первой во всемъ селѣ красавицы, хороводницы, на которую и чужіе-то люди дивовались, — этой мастерицы на всякую работу, а потомъ отличной жены и матери? А причина вотъ какая. На Святой пришелся приходскій праздникъ. Отгуляли гулянки и разошлись по избамъ спать. *Въ Машиной избѣ народу было много: три брата женатыхъ, окромя ея мужа. Ночью золовка Дарья*, вѣроятно, какъ и всѣ прочіе, подгулявшая ради праздника, *заспала своего ребенка, однолѣтка съ Машинымъ*, на бѣду *звавшагося* такъ же, какъ и ея сынъ, Петрушкой. *Дарья всполохнулась, да и давай кричать, что есть мочи: „Батютки! Петрушка померъ!“ Машѣ и покажись съ*

---

*) Можно начать чтеніе прямо отъ словъ *„плотно прикутавшись въ шинель...“*; затѣмъ отъ словъ: *„я возвращался домой...“* до: *„я посмотрѣлъ въ ту сторону...“* опустить, связавъ въ нѣсколькихъ словахъ обѣ части.

просонья, что померъ ея парнишко. Бросилась она съ полатей; съ перепугу-то зыбки не найдетъ; да и гдѣ найти? давка, тѣснота! темно, хоть глазъ выколи; она и давай метаться, какъ угорѣлая; ударилась со всего маха объ земь, мечется, кричитъ: запужалась больно съ просонья-то! Они-то, разсказываетъ старуха-мать, *въ толкъ тогда и не взяли, да зачали ее бить; она еще пуще; они взяли, связали ее, да и стащили въ сѣни... И не то, чтобы изъ злобы какой, а просто народъ съ похмелья; къ тому же и грѣхъ такой прилучился... Ну, какъ пришли это они опосля въ сѣни, смотрятъ: Маша моя сидитъ посредь пола, сидитъ да бормочетъ не вѣсть что... никого, даже дѣтей, не признаетъ... Съ той самой поры повредилась...* Какъ же отнеслись къ несчастной мужъ и его родные, которые всѣ прежде не могли ею нахвалиться? *Она роднымъ опротивѣла. Вѣстимо, кабы лаской да бережью брали, оно, можетъ статься, и такъ-бы прошло, отлегло-бы по-маленьку; ну, а какъ противна стала, и давай они поѣдомъ ѣсть ее... Знамо, дурость то наша крестьянская!* Къ этимъ простодушнымъ словамъ прибавлять нечего; но какъ же отнеслась старуха къ своему несчастію; понимаетъ ли она его? пробовала ли поискать хоть доктора, свезти дочь въ городъ— въ больницу? Судя по ея разсказу, она, отчасти, какъ будто, и понимаетъ главную причину своего горя; но, съ другой стороны, простой умъ недовольствуется причинами простыми, какъ бы очевидны онѣ ни были. Старухѣ кажется, что дочку *извели*, и тащится она въ ненастную осень, съ сознаваемою опасностью простудить больную, которая рветъ на себѣ послѣднюю, плохую, одежонку, верстъ за пятьдесятъ въ Беззубово: „*добрые люди сказываютъ, живетъ вишь тамъ какой-то мужичокъ,—порчу, говорятъ, отводитъ всякую. Охъ, извели мою Машу, извели, родимый!*“ Что же сказалъ мужичокъ, чѣмъ утѣшилъ старуху? Она возвращается такая спокойная, кроткая, утѣшенная надеждой на выздоровленіе несчастной. Мужичокъ сказалъ: „*Не отъ человѣка, говоритъ, отъ Господа Бога! Тутъ, говоритъ, человѣкъ не властенъ, на то Его святая воля!*“ По словамъ автора, „*старушка укрѣпилась вѣрою, и теперь будетъ переносить съ святою покорностію, терпѣливо и безропотно удары Провидѣнія*“. Конечно, слава Богу, если можетъ укрѣпить человѣка религія; но потрясающій результатъ невѣжества и безчеловѣчія существуетъ;

и подобныхъ результатовъ въ огромной массѣ нашего народа гибель... Примѣръ таковаго же результата представленъ въ повѣсти „*Деревня*“. У больной и хилой скотницы рождается дочь. Мать умираетъ въ родахъ. Какъ же относится къ сиротѣ міръ? Бабья ссора изъ-за дырявыхъ обносковъ покойницы, тутъ же, у неуспѣвшаго еще охладѣть трупа, встрѣчаетъ первый плачъ дѣвочки, по жребію достающейся на воспитаніе новой скотницѣ, Домнѣ. А у той цѣлыхъ полдюжины своихъ дѣтей, и она тутъ же „*проголосила, что жутко будетъ проклятому пострѣлу, навязавшемуся ей на шею*“. И вотъ, женщина, въ сущности, вовсе не злая и не жестокая, а просто безалаберная, „*неровная*“, раздражительная, готовая хоть на комъ-нибудь выместить собственныя домашнія неудовольствія, сварливая баба начинаетъ воспитывать дѣвочку. „*Бьетъ и колотитъ она сиротку, лается на нее такъ, что хоть вонъ изъ избы бѣги; усопшую мать не оставитъ даже въ покоѣ, и при каждомъ ударѣ такого наговоритъ на покойницу, чего и вовсе не было*“, „*За что бьешь, дурища, дѣвочку?*“ *спрашиваютъ воспитательницу!*—„*А такъ, для будущности пригодится*“, отвѣчаетъ Домна, оправдывая слова автора: *страсть къ битью, подзатыльникамъ, пинкамъ, нахлобучкамъ, затрещинамъ—не послѣдняя страсть въ простомъ человѣкѣ.* И растетъ несчастный ребенокъ подъ побоями, руганью и попреками, съ семи лѣтъ уже приставленный смотрѣть за гусями;—ростетъ среди условій, губящихъ множество ему подобныхъ, въ самыхъ раннихъ лѣтахъ дѣтства, среди грубѣйшихъ суевѣрныхъ разсказовъ глупыхъ деревенскихъ бабъ, да калѣкъ-побирушекъ перехожихъ, и—выходитъ изъ ребенка дѣвушка загнанная, робкая, слабосильная, заключенная въ себѣ самой, глубоко чувствующая свое горькое положеніе, сдѣлавшееся еще хуже съ возвращеніемъ домой съ фабрики мужа Домны, пьяницы и буяна. Но вотъ, пріѣхавшій изъ чужихъ краевъ баринъ захотѣлъ показать женѣ еще никогда невиданную ею крестьянскую сватьбу, и бѣдняжку выдаютъ замужъ неволею, по барскому приказу, за Григорія, а тотъ начинаетъ, вмѣстѣ съ своей родней, поѣдомъ ѣсть ни въ чемъ неповинную жену, вдобавокъ оказывающуюся слабой, болѣзненной, работницей. Побои, къ которымъ поощряетъ его „*сѣдой, какъ лунь, мужикъ:*“—„*пѣстуй, пѣстуй ее, пускай-де знаетъ мужа: оно добро*“—въ конецъ разстраиваютъ и безъ того слабое здоровье Акулины. На-

мѣренно доводитъ ее до могилы мужнина родня, и Акулина умираетъ, оставивъ на произволъ судьбы дочь. Мученія, претерпѣваемыя Акулиной съ перваго же дня замужества, безобразія вѣчно пьянаго мужа, сцена, когда ее, полумертвую, выгоняютъ въ рубищѣ на холодъ, смерть ея, и, наконецъ, раздирающая сцена похоронъ, когда пьяный мужъ пускаетъ вскачь розвальни съ плохо сколоченнымъ гробомъ, за которымъ бѣжитъ съ крикомъ и воплемъ ребенокъ—дочь покойницы—все это такая потрясающая, голая правда, что мы даже не рѣшаемся предложить эту повѣсть для чтенія дѣтямъ, но особенно рекомендуемъ ее для назиданія народу *).

То же отсутствіе всякаго состраданія къ больному, страждущему человѣку, та же грубость нравовъ, равнодушіе къ несчастію ближняго рельефно выставлены въ небольшомъ разсказѣ *Бобыль*. *Никто* изъ цѣлой толпы, ввалившейся на скотный дворъ поглазѣть на разбитаго грудью восьмидесяти-лѣтняго кровельщика, притащившагося за девяносто верстъ, который, не будучи въ состояніи идти далѣе, на родину, упалъ на скотномъ дворѣ, *никто не тронулся съ мѣста; всѣ глядѣли на него, вылупя глаза, съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ*. Видятъ, что на бѣднякѣ лица нѣтъ, что онъ, того и гляди, Богу душу отдастъ, и никому изъ цѣлой деревни не приходитъ въ голову пріютить старика, помочь ему. Мало того,—его насильно ставятъ на ноги, нахлобучиваютъ на голову шапку и ведутъ вонъ изъ избы. „*Опустивъ голову, бѣднякъ безмолвно притащился въ сѣни, преслѣдуемый шумною толпою, которая чуть не сшибла съ ногъ его вожаковъ, ругавшихся на всѣ бока; но, когда его вывели на улицу, когда неумолимый дождь началъ снова колотить его въ спину, когда студеные лохмотья рубашки, вздуваемые свирѣпымъ вѣтромъ, начали хлестать въ его изнуренную грудь, старикъ поднялъ голову, и помертвѣлыя уста его невнятно прошептали о пощадѣ; но яростное завываніе бури заглушило слова страдальца, и его повлекли прямо къ околицѣ*“, за границу владѣній помѣщицы, гдѣ бѣднякъ къ утру и умеръ.

Но что же побуждаетъ къ такому безчеловѣчному поступку

*) Впрочемъ, первую половину повѣсти, до замужества Акулины можно прочесть и дѣтямъ.

не только загрубѣлую дворню, но и добрѣйшую старушку помѣщицу, хотѣвшую-было и полѣчить больного и приказавшую даже положить старичку въ сумку *на дорожку бѣлаго хлѣба*. Да то же соображеніе, какое побудило мужика у Пушкина оттолкнуть трупъ утопленника: *„Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка... Съ нимъ я въ вѣкъ не разберусь“*.,. Эта боязнь суда, какъ нельзя лучше, выражается въ слѣдующихъ словахъ помѣщицы, когда она узнаетъ, что къ трупу, найденному на чужой землѣ, уже пріѣхалъ становой: *Божья Матерь! Святой Сергій угодникъ... охъ!—простонала наконецъ Марья Петровна: головка ея тряслась сильнѣе обыкновеннаго и теплыя благодарственныя слезы текли по изсохшимъ ея щекамъ*. А за этой боязнью суда видится и другое, столь общее и нашему простолюдину, и даже образованному классу, соображеніе, высказываемое въ этомъ же разсказѣ приживалкою: *„Богъ съ нимъ! Своя рубашка къ тѣлу ближе“*. Набожная помѣщица-благодѣтельница соболѣзнуетъ о несчастненькомъ; сама идетъ навѣстить его на скотный дворъ, готовитъ ему лекарства; но, при первой же мысли о вѣроятности смерти чужого мужика, сопряженной съ хлопотами, а можетъ быть, и взяткой, велитъ выгнать его на вѣрную смерть на чужой землѣ. А народъ такъ даже и не соболѣзнуетъ, а просто грубо выталкиваетъ старика: *что съ нимъ больно кобяниться, ведите его, и все тутъ; чего ждете? Небось хотите, чтобъ померъ, да всѣмъ бѣды накликалъ!*

Отъ разсказовъ, въ коихъ мы старались обратить вниманіе руководителей чтенія на крупные недостатки народа, переходимъ къ двумъ произведеніямъ: *Антонъ-Горемыка* и *Переселенцы*, рисующимъ жизнь крестьянина-пахаря подъ непосредственнымъ вліяніемъ крѣпостного права. *Антонъ-Горемыка*—одна изъ лучшихъ русскихъ повѣстей, справедливо доставившая автору извѣстность, основана на интересномъ мотивѣ—опытѣ крестьянъ забытой бариномъ деревни, разоренныхъ въ конецъ управляющимъ, послать отъ имени всѣхъ жалобу на послѣдняго барину. Результатъ этой жалобы, писанной единственнымъ зажиточнымъ, работящимъ мужикомъ Антономъ,—сдача женатаго брата послѣдняго въ солдаты, разореніе Антона, и, наконецъ, отправленіе въ острогъ его самого. Первое, на что здѣсь должно быть обращено вниманіе—это—готовность Антона послужить общему дѣлу и страданія, претерпѣнныя имъ однимъ за всѣхъ. Сбивъ нѣсколько мелодрамати-

чески конецъ (Антонъ попадаетъ въ лѣсъ къ разбойнику брату и подозрѣвается въ ограбленіи вмѣстѣ съ нимъ купца; личность старухи Архаровны), авторъ, тѣмъ не менѣе, искусно проводитъ постепенное развитіе въ честномъ человѣкѣ отчаянія, и, наконецъ, доводитъ Антона почти до готовности даже на преступленіе. Жаль только, что причина гоненія Антона со стороны управляющаго мыясняется только во второй половинѣ повѣсти. Но, тѣмъ не менѣе, интересъ возбужденъ съ самаго ея начала. Такъ, первыя двѣ главы знакомятъ съ бѣдственнымъ положеніемъ страдальца, не смотря на всю свою бѣдность, дѣлящагося послѣднимъ кускомъ хлѣба съ побирушкой и воспитывающаго дѣтей брата, къ которымъ Антонъ относится такъ тепло (сцены въ лѣсу съ племянникомъ, возвращеніе домой, встрѣча съ племянницей, ласки къ дѣтямъ въ избѣ). Требованіе управляющимъ подушныхъ заставляетъ Антона отправиться въ городъ, на ярмарку, продавать свою единственную лошадь, кормилицу-Пѣгашку; но ее крадутъ на постояломъ дворѣ и бѣднякъ попадаетъ въ разбойничій притонъ къ брату Ермолаю. Послѣдняя глава—отправленіе Антона вмѣстѣ съ разбойниками въ острогъ — полна потрясающаго драматизма, еще болѣе усиливающагося контрастомъ характеровъ двухъ братьевъ, изъ коихъ Антонъ остается все тѣмъ же, только окончательно уже убитымъ, пассивнымъ страдальцемъ, какимъ является и во всей повѣсти. Кромѣ героя, на которомъ сосредоточивается интересъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на изображеніе самого народа. Подавленный нуждой, онъ или ходитъ пришибленный, какъ Антонъ, или пьянствуетъ, или крадетъ и мошенничаетъ, какъ рыжій мужикъ на постояломъ дворѣ; или же, думая только о себѣ, грабитъ своего же ближняго, какъ мельникъ Аксентій. Тупой на соображеніе, дѣйствующій только подъ вліяніемъ минуты, этотъ народъ, хотя и увлекается подчасъ участіемъ къ судьбѣ товарища, какъ это было съ постояльцами въ городѣ, когда украли антонову лошадь; но *переходъ внутреннихъ движеній въ немъ внезапенъ и быстръ: добро идетъ рядъ объ рядъ съ лихомъ, и часто одно вънчается другимъ почти мгновенно.* Стоитъ плуту дворнику сказать рѣшительно нѣсколько словъ, и толпа вполнѣ соглашается съ ихъ справедливостью, помогаетъ бѣдняку глупыми совѣтами, и, спровадивъ его, уже начинаетъ заподозрѣвать въ мошенничествѣ и самого Антона; стоитъ подошедшему фабричному изъ одной съ

Антономъ деревни разсказать о причинѣ его бѣдственнаго положенія, причинѣ вражды къ нему управляющаго, участіе уже опять на сторонѣ горемыки. Не ищите въ этомъ народѣ никакой выдержки: стадное чувство и постоянное памятованіе о томъ, что *„своя шкура дороже“*,—вотъ что движетъ имъ, вотъ почему и не удается жалоба барину. Закричалъ на мужика управляющій: *„Кто, говоритъ, писалъ на меня жалобу? Мы оплошали, сробѣли; ну, а какъ видимъ, дѣло то больно плохо подступило, не сдобровать, доканаетъ, всѣ въ одинъ голосъ Антона и назвали“* (Разсказъ фабричнаго). Плохо также горемыкѣ разсчитывать и на народное участіе, сочувствіе къ какому бы то ни было, хоть самому ужасному, горю. Смѣхъ старика надъ бѣгущимъ за лошадью ополоумѣвшимъ Антономъ, равнодушіе кузнеца Вавилы, набивающаго колодки на Антона, праздное любопытство этой толпы взрослыхъ дѣтей къ колодкамъ:—*Эки штуки!.. Занятно больно. А что, дядя Вавило, я, чай, куда тяжелы станутъ. Гдѣ ты ихъ срубилъ, дядя Вавило?*—эти черствыя слова про человѣка, принявшаго на одного себя отвѣтъ за цѣлый міръ—*„Подѣломъ ему, мошеннику... подѣломъ... что вы его, братцы, разбойника, жалѣете?!“*—все это такія черты грубости и безчеловѣчія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе юноши для того, чтобы онъ, любя народъ, понималъ, какія живутъ въ этомъ народѣ, рядомъ съ прекраснѣйшими качествами, страшные пороки, по невѣжеству глубоко вкоренившіеся въ народные нравы.

Выставивъ двѣ, наиболѣе важныя, стороны повѣсти, судьбу Антона и отношеніе къ нему народа,—не будемъ говорить объ управляющемъ. Сцены, гдѣ послѣдній является съ своимъ семействомъ,—относительно, слабѣйшія, и могутъ, особенно глава VIII, быть переданы для связи въ разсказѣ.

Въ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ произведеніяхъ взятъ или только одинъ случай изъ жизни крестьянина, или жизнь отдѣльнаго человѣка.—*Переселенцы*, напротивъ,—цѣлая обширная эпопея семейства, обнимающая всю его судьбу, и притомъ, съ характерными этнографическими явленіями, съ изображеніемъ простого, но толковаго, хозяйства степныхъ помѣщиковъ. Весь романъ построенъ на такой простой канвѣ. Нищіе, съ согласія лѣниваго, обѣднѣвшаго мужика—Лапши, потихоньку отъ матери уводятъ изъ дому десятилѣтняго его сына Петю, который становится вожакомъ

слѣпца. Между тѣмъ семья Лапши переселяется на какой-то Саратовскій Лугъ, гдѣ, послѣ многихъ бѣдствій, кое-какъ устраивается, выдаетъ дочь за честнаго столяра Ваню и, утѣшившись возвращеніемъ сына, за всѣ претерпѣнныя бѣдствія получаетъ, наконецъ, желанный покой, довольство и тихое счастіе мирной домашней жизни. На этой-то канвѣ, связывающей всю большую эпопею однимъ общимъ интересомъ, искусно представляетъ авторъ какъ бы два отдѣльныя явленія: во первыхъ—жизнь осѣдлая и странствованія Пети и жизнь нищихъ. Къ этимъ двумъ, главнымъ, частямъ присоединена еще и третья, которая, какъ скажемъ ниже, мало интересна для нашихъ цѣлей и можетъ быть даже передана въ краткомъ разсказѣ—это жизнь помѣщиковъ, какъ ничего въ хозяйствѣ не понимающихъ добродушныхъ баричей—Бѣлицыныхъ, такъ и хорошей степной хозяйки—Ивановой.

Не говоря уже о завлекательности этого большого романа, о множествѣ эффектнѣйшихъ драматическихъ сценъ (напр. уводъ мальчика нищими, отчаяніе семьи, смерть Миши, встрѣча Пети съ Василіемъ, пожаръ, возвращеніе Вани и смерть Лапши), о трогательныхъ, идиллическихъ, картинкахъ семейной жизни (раздача Василіемъ дѣтямъ подарковъ, отношенія Катерины къ дѣтямъ), о свѣтлыхъ личностяхъ, такъ удающихся Григоровичу—обоихъ мальчиковъ; о Катеринѣ, Василіи, Иванѣ, Фуфаевѣ, о типѣ вѣчнаго юноши-Лапши, о множествѣ другихъ, самыхъ разнообразныхъ, типовъ, романъ имѣетъ еще особый интересъ—*этнографическій*, Изъ романа знакомимся, кромѣ жизни, собственно пахаря, съ *офенями-торгашами*, съ бытомъ *бродягъ-нищихъ*, съ *деревенскимъ праздникомъ*, съ *темными притонами бродяжничества*, *степнымъ луговымъ хозяйствомъ*, цѣлою *исторіею переселенія и устройства на новомъ мѣстѣ*, прежней *земской полиціей*, жизнью *столяровъ и мелкихъ помѣщиковъ;* словомъ,—романъ даетъ еще знаніе разныхъ сторонъ русскаго быта. *Переселенцы*, по богатству матеріала воспитательно-образовательнаго,—самое важное изъ всѣхъ произведеній Григоровича, почему и переберемъ его послѣдовательно, по главамъ, съ указаніемъ опущеній наименѣе интереснаго или неудобнаго для дѣтскаго чтенія, причемъ, связь возстановится краткимъ пересказомъ опущеннаго.

Вся первая часть, обнимающая жизнь Лапши до пріѣзда господъ, и по интересу завязки, и по прекраснымъ сценамъ, едва-ли

не лучшая въ романѣ, и можетъ быть читана вся безъ выпусковъ (*Странствующій торгашъ, семейство Лапши, характеры ребятишекъ, отношеніе къ Лапшѣ міра, притонъ нищихъ у Грачихи, братъ Лапши Филиппъ и его сынъ Степка, вожакъ Митя, три типа нищихъ: Верстанъ, Мизгирь и Фуфаевъ, барскій домъ и добрый, но слабый, старичекъ управляющій, пропажа Пети, отчаяніе матери, напрасные поиски*). Изъ второй части, занятой, главнымъ образомъ, изображеніемъ жизни пріѣхавшихъ господъ, можно только кратко разсказать ходъ дѣла; по послѣднія двѣ главы (*разставанье семьи съ родной землей и начало странствованія Пети съ нищими*) должны быть прочитаны въ цѣломъ. Третья часть, за исключеніемъ первой главы, отъѣздъ господъ, интересна и разнообразна по содержанію и читается почти безъ пропусковъ (*Продолженіе странствованія нищихъ, предчувствія больного вожака-Мити, пустая деревня, старуха, у которой нищіе оставляютъ больного, гроза, бѣгство ихъ при извѣстіи о смерти мальчика; прибытіе семейства Лапши въ новый край, радушная честная личность Андрея, помѣщица Иванова и хорошій исходъ дѣла для Лапши, приходъ нищихъ въ деревню на праздникъ и пестрая картина праздника; встрѣча Пети съ дѣдушкой Васильемъ, вожакъ медвѣдя, страшная* сцена, *въ которой Верстанъ грозитъ выколоть Пети глаза, бѣгство мальчика* *).

Часть четвертая, обнимающая, кромѣ первыхъ двухъ главъ, событія въ новомъ краю, куда переселился Лапша, требуетъ значительныхъ сокращеній. Такъ, первую главу о томъ, какъ Петя попадаетъ къ становому, можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ, и прямо перейти ко второй, которая читается вся (*пріѣздъ къ становому, разбирательство дѣлъ, допросъ Пети, подрядчикъ Никаноръ Ивановичъ беретъ Петю на поруки съ цѣлью научить плотничному дѣлу*). Прочитавъ изъ главы третьей о дальнѣйшей жизни семейства Лапши въ лугахъ, приходѣ Вани и дѣйствіи, произведенномъ на семью извѣстіемъ о братѣ Лапши, Филиппѣ, конецъ главы, равно какъ и слѣдующія три (IV. *Встрѣча въ лу-*

---

*) Грубую сказку Фуфаева о происхожденіи водки можно опустить точно такъ же, какъ и сократить сцену пьянства нищихъ передъ побѣгомъ Пети.

гахъ, V. *Хмель. Старый знакомый* и VI. *Выходка Ивана и выдумка Егора*) въ чтеніи съ дѣтьми слѣдовало бы опустить грязноватыя любовныя и кабацкія сцены: но послѣднюю (VII. *Филиппъ* и *Степка*) прочитать (*Образъ сына, въ конецъ испорченнаго отцомъ; эффектная сцена приготовленій къ поджогу Карякинскаго дома*). Пятая и послѣдняя часть, богатая разнообразными, хотя нѣсколько малодраматическими, событіями, быстро ведетъ къ развязкѣ, гдѣ, какъ и у Диккенса, добрые находятъ, наконецъ, тихое счастіе, а злые получаютъ достойное возмездіе. Первая грава (*пожаръ, поимки Филиппа, оговоръ Ивана въ сообщничествѣ съ ворами, арестъ его и допросъ семейства Лапши въ уѣздномъ городѣ*) читается вся; вторая (*мировая Карякина съ невѣстой и ея теткой*) для дѣтскаго чтенія опускается; затѣмъ третья (*новое горе Лапши и замыслы Ивана о свадьбѣ*); четвертая (*жизнь зажиточныхъ плотниковъ въ Сосновкѣ, Петя—пріемышъ и баловень подрядчика Никанора и его жены; новая встрѣча Пети съ дѣдушкой Васильемъ, отправленіе Пети въ родительскій домъ*): пятая (*встрѣча Пети съ колодниками-нищими, убійцами Мизгиря*); шестая (*разговоръ Василія съ Петей на дорогѣ, нетерпѣніе Пети, сцена прихода послѣдняго домой и контрастъ радости и горя*)—всѣ эти главы, изъ которыхъ послѣднія три—однѣ изъ лучшихъ въ романѣ, могутъ быть читаны безъ всякихъ пропусковъ. Изъ послѣдней главы (*Заключеніе*) можно опустить—*жизнь Бѣлицыныхъ въ Петербургѣ* и далѣе отъ словъ: „*Бѣлицыны проводятъ теперь ежегодно*“... до конца. Все остальное относится къ семейству Лапши и содержитъ краткое изложеніе дальнѣйшихъ, уже отрадныхъ, событій жизни этихъ людей, перенесшихъ столько горя. Приходъ въ деревню Фуфаева, пожелавшаго навѣстить своего прежняго вожака Петю, и отказъ нищаго отъ предлагаемаго ему угла и вѣрнаго куска хлѣба, потому, что, какъ онъ говоритъ: „*Корочка то сѣра, да волюшка то своя*“, достойно заключаетъ эту эпопею простонародной жизни.

2. Жизнь рыбаковъ и фабричная.

Ставя упорный, постоянный трудъ единственной основою всего народнаго благосостоянія, а патріархальное управленіе главы семьи всѣмъ домомъ первымъ условіемъ нравственности, которая, по

мнѣнію автора, можетъ сохраняться только при самомъ простомъ образѣ жизни постояннаго труда, заставляющей подавлять въ себѣ малѣйшіе порывы къ удовольствіямъ горожанина, г. Григоровичъ естественно сочувствуетъ какъ труду пахаря, такъ и рыбака. Подобно тому, какъ изъ жизни перваго онъ представляетъ, въ лицахъ Анисимыча, Савелія, Демьяныча, примѣры энергичныхъ патріарховъ, собирателей хлѣба въ семейную житницу, а въ лицѣ Лапши примѣръ отца слабаго, нерадиваго, разорителя семьи, такъ изъ жизни второго создаетъ величественную фигуру строгаго Глѣба, которымъ однимъ держится домъ, и, какъ контрастъ, его сына Петра, пріемыша Гришку, и хоть и симпатичнаго, но лѣниваго Акима, плохого работника. Съ другой стороны, какъ въ натурахъ; къ упорному полевому труду наклонности нечувствующихъ съ однообразіемъ патріархальной жизни не сживающихся, развивается въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ фабрикъ, страсть къ бродяжничеству (*Акимъ, нищіе въ Переселенцахъ*), такъ въ мѣстахъ фабричныхъ такіе люди бросаютъ земледѣліе или рыболовство, и въ виду городскихъ соблазновъ и кажущейся болѣе легкой, а главное, скорой посредствомъ фабричнаго труда наживы, предаются пьянству и разгулу, доводящему нерѣдко до нищеты и преступленій (*Захаръ въ Рыбакахъ, Михаилъ въ Смедовской долинѣ*). Такимъ образомъ, подобно тому, какъ *Переселенцы* есть исторія пахаря нерадиваго, такъ *Рыбаки* представляютъ примѣръ постепеннаго разоренія и гибели патріархальнаго семейства рыбаковъ отъ внесенія въ него элемента фабричнаго, который губитъ и Михаила въ *Смедовской долинѣ*. Уступая „*Переселенцамъ*“ въ разнообразіи содержанія, „*Рыбаки*“ подробно знакомятъ съ трудностями рыболовнаго промысла на Окѣ, прирѣчной природой, водопольемъ, рѣчными бурями и бытомъ рыбаковъ, въ характерахъ которыхъ, сравнительно съ пахаремъ, обнаруживается болѣе энергіи, смѣлости, удали и грубоватости, не смягчаемой тихими картинами полей и болѣе мирными занятіями пахаря. Рядомъ съ жизнью рыбаковъ юноша подробно знакомится здѣсь и съ другой отраслью народной промышленности, *фабриками*, съ характеромъ фабричнаго села (глава *Комарево* хотя и можетъ по эпизодичности быть выпущена, но со стороны этнографической представляетъ большой интересъ), съ личностью спаивающаго народъ цѣловальника Герасима, съ типомъ разудалаго, безшабашнаго, пѣвца-Захара пи-

томца фабрики, растлѣвающей въ конецъ народную нравственность. Наконецъ, на примѣрѣ Гришки видно, какъ постепенно совершается паденіе широкой натуры, не находящей разумнаго исхода душевнымъ силамъ. Словомъ, этотъ романъ, хотя и сосредоточивается на меньшемъ количествѣ явленій жизни, но зато исчерпываетъ ихъ вполнѣ, и, такимъ образомъ, даетъ читателю также не мало положительныхъ фактовъ. Переходимъ къ перебору романа по главамъ. Глава *первая (Акимъ съ мальчикомъ Гришкой)*, *вторая (обычай встрѣчать жаворонковъ бросаніемъ лепешекъ; встрѣча Глѣбомъ Акима)*; *третья (семья рыбака:* Анна, Петръ, Василій), *четвертая, пятая, шестая и седьмая* выясняютъ *характеры Глѣба*, при всей своей симпатичности, довольно черстваго эгоиста, *Гриши, Акима; сцена его смерти* и *отношеніе къ ней Гришутки*, составляютъ какъ бы завязку романа и могутъ читаться безъ всякихъ сокращеній. Слѣдующія *шестнадцать* главъ обнимаютъ *жизнь рыбаковъ* до смерти Глѣба и *постепенное развращеніе Гришки* подъ вліяніемъ Захара, за опущеніемъ *одиннадцатой*, растянутой и безсодержательной, да сокращеніемъ разговоровъ стариковъ въ главахъ *пятнадцатой* и второй половинѣ XIX, читаются сплошь. (Особенно интересны: *разница характеровъ Вани и Гриши*, характеризующія Глѣба, *половодье* и *ловля рыбы, личность Кондратія, объявленіе Вани отцу о рѣшеніи идти въ солдаты* и глава XVII—*проводы* Вани—едва ли, не лучшія главы, такъ же, какъ и XXIII, *смерть Глѣба*; XXII полное *развитіе характера старика*, особенно со стороны его *упрямства*). Остальныя главы (XXIV—XXX) посвящены собственно судьбѣ глѣбова семейства и изображенію жизни фабричныхъ, и такъ же, какъ почти и весь романъ, читаются сплошь съ самыми незначительными сокращеніями (въ XXVI главѣ—черезчуръ пространныя сѣтованія старика Кондратія, и въ послѣдней—тирада автора о критикахъ). Наиболѣе выдающіяся сцены: *кража Гришкой денегъ въ день похоронъ своего благодѣтеля* (XXV), *полученіе старухой письма отъ Вани* (XXVI)*; вся глава Ночь на Окѣ* (XXVII); вторая половина (XXXVIII)—*ночное появленіе Гришки домой, отношенія Кондратія, Дуни и Анны къ покойному Гришкѣ*—однѣ изъ лучшихъ сценъ романа;—наконецъ, *возвращеніе Вани*.

Небольшой разсказъ (въ сокращеніи всего страницъ шесть). *Смедовская долина*, неудобный для чтенія дѣтямъ, но очень вос-

питательный для народа, составляетъ какъ бы дополненіе къ *Рыбакамъ* со стороны изображенія вреда фабричныхъ нравовъ для семьи. Какъ въ *Рыбакахъ* Дуня и Анна съ Кондратіемъ дѣлаются жертвами разврата Гришки, такъ здѣсь доводятся до гибели прекрасная жена—Параша, и до нищеты на старости лѣтъ—отецъ, пастухъ Савелій, благодаря вліянію на мужа фабричной разбитной работницы Лукерьи и развратныхъ товарищей.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о третьей маленькой группѣ изъ трехъ произведеній Григоровича, *Шарманщики, Зимній вечеръ* (канунъ новаго года въ Петербургѣ) и *Гуттаперчевый мальчикъ*, отличающихся теплотою и обычнымъ у писателя интересомъ разсказа. Обращеніе вниманія на судьбу людей, которымъ изъ-за куска насущнаго хлѣба приходится унижать ломаньемъ и шутовствомъ свою человѣческую личность, и каждый, и цѣлый день, во всякую погоду, потѣшать праздную толпу, перѣдко жестокую и безчувственную—кажется намъ очень полезнымъ для воспитанія гуманнаго чувства, почему и рекомендуемъ эти разсказы вниманію воспитателей. Первый—яркій описательный очеркъ различныхъ родовъ, такъ называемаго, шарманщичьяго промысла и публики этихъ артистовъ, столь любимыхъ дѣтьми, оканчивающійся трогательнымъ заключеніемъ, призывающимъ читателя подумать о бѣднякахъ; второй (*Зимній вечеръ*)—цѣлая біографія семейства шарманщика, къ сожалѣнію, очень растянутая (напр. всю V главу — *Вечеринка у Анны Ивановны* — слѣдуетъ опустить *).

Кромѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ г. Григоровича изъ народнаго быта, нельзя не остановиться на извѣстномъ его путешествіи *Корабль Ретвизанъ* (1858 и 1859 г.), въ остроумныхъ и художественныхъ очеркахъ, расположенныхъ въ семи большихъ главахъ, знакомящихъ съ путемъ въ Данію, первымъ иностраннымъ, датскимъ городкомъ Ниборгомъ, Гамбургомъ и Копенгагеномъ (II глава), военной гаванью Брестомъ (III глава), парижски-

---

*) Педагогическое значеніе этого разсказа побудило насъ сдѣлать изъ него значительное сокращеніе съ передѣлками нѣкоторыхъ мѣстъ. Оно было помѣщено въ „*Дѣтскомъ чтеніи*" 1869 г., № 12, подъ именемъ „*Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ*" и потомъ вошло въ нашу книжку *Хорошіе люди*, изданіе Павленкова, съ 45 рисунками, Каразина и Малышева. Спб. 1901 г.

ми впечатлѣніями (IV глава), и, наконецъ, съ Генуэй и Ниццей (VII). Путешествіе на Ниццѣ и обрывается, такъ что обратнаго пути въ книгѣ нѣтъ, но и то, что есть, представляетъ яркую картину всего встрѣчавшагося на пути, съ чѣмъ автору пришлось познакомиться во время стоянокъ военнаго корабля, на который онъ былъ приглашенъ въ 1858 г. Морскимъ Министерствомъ, въ качествѣ сопровождающаго экспедицію литератора. За исключеніемъ немногихъ *пропусковъ* (въ I главѣ *показыванье*—корабельнымъ метръ-дотелемъ Мишелемъ Пупо *портрета* свояченницы; о гамбургскихъ *женщинахъ* во *второй; эпизодъ о дочери* Терезы, о *Мабилѣ* и *Латинскомъ* кварталѣ въ *четвертой; о женщинахъ Кодикса* и *легкихъ нравахъ* въ *пятой;* слишкомъ картинныя *описанія красотъ севильянокъ*, сигарочницъ, и страстнаго танца *ола* въ *пятой*), вся книга прочитается съ удовольствіемъ и пользой. Интересъ чтенія увеличивается еще и благодаря цѣли автора, который самъ говоритъ, что, *отправляясь за границу, далъ себѣ слово вести подробный журналъ и въ наблюденіяхъ своихъ держаться постоянно такой методы, чтобы все видѣнное ставить въ параллель* съ нашимъ національнымъ. Такимъ образомъ, онъ обращаетъ вниманіе на обработку земли, удобства жизни за границей, сравнительное довольство страны, образованность, вѣжливость, гуманность, приличіе, трезвость жителей, промышленность, искусства, уваженіе къ родной старинѣ—словомъ, на все то, чему намъ слѣдовало бы у иностранцевъ поучиться, причемъ, вовсе не скрываетъ ихъ темныхъ или смѣшныхъ сторонъ. Какъ ни кратковременны были наблюденія писателя, но подъ его проницательнымъ взглядомъ все, имъ видѣнное, живо встаетъ въ воображеніи, напримѣръ, описанія природы, городовъ, соборовъ, вообще зданій, физіономій разныхъ народностей и мѣстныхъ нравовъ, такъ что у читателя является желаніе видѣть все это самому. На чтеніи *Корабля Ретвизана* и *Фрегата Паллада* наше юношество можетъ учиться тому, какъ нужно путешествовать съ пользой и удовольствіемъ, ничего не пропуская безъ вниманія и вдумываясь въ причины тѣхъ или другихъ явленій.

Но за изображеніями жизни собственно *заграничной* въ книгѣ г. Григоровича удѣлено не мало мѣста и *жизни корабля. Цѣль рисовать* именно *корабельную* жизнь поставлена г. Григоровичемъ, по его собственнымъ словамъ, *наравнѣ съ очерками странъ*, и

потому въ книгѣ встрѣчаемся съ описаніями и вооруженіемъ судна, и долговременныхъ сборовъ въ путь, и Кронштадта, и проводовъ, и каюты, и первой ночи на кораблѣ (I глава). Интересны также корабельные типы, напр., метрдотеля Мишеля Пуно, и особенно матросовъ, изъ коихъ болѣе подробно представлены *Михайло Шестаковъ* и *Старшій боцманъ*, причемъ авторъ разсказываетъ о наборѣ матросовъ, ихъ казарменной жизни, семействахъ, образованіи, продовольствіи (*вторая* глава); наконецъ въ *третьей* главѣ рисуетъ трогательную картину похоронъ на кораблѣ *).

XIX. Иванъ Александровичъ Гончаровъ **).

(Род. 6 іюня 1814 г.; умеръ 15 сентября 1891 г.).

Въ одинъ и тотъ же 1847 годъ, въ журналѣ *Современникъ*, вмѣстѣ съ *Записками Охотника*, Тургенева, явился съ своимъ первымъ романомъ *Обыкновенная исторія* и Иванъ Александровичъ Гончаровъ, безсмертный въ нашей литературѣ творецъ *Обломова* (1859 г.), *Обрыва* (1869 г.) и лучшаго художественнаго русскаго путешествія *Фрегатъ Паллада* (1858 г.). Объективный изобразитель помѣщичьей обломовщины, чиновничества, романтиковъ, русской женщины, стараго и новаго, только нарождающагося интеллигентнаго типа и еще слабыхъ вліяній пробуждающейся жизни, г. Гончаровъ, конечно, доступенъ въ своихъ трехъ эпопеяхъ, взятыхъ въ цѣломъ, только юношамъ, достигшимъ значительной умственной зрѣлости; но эти же эпопеи, въ извѣстномъ выборѣ, и особенно подъ руководствомъ или въ чтеніи воспитателя, даютъ прекрасный воспитательно-образовательный матеріалъ, какъ для знакомства съ помѣщичьимъ бытомъ, такъ и въ смыслѣ воспитанія въ юношеской душѣ добрыхъ чувствъ и привязанностей родственныхъ. И если по *Запискамъ Охотника*, *Муму* и др. вещамъ Тургенева и по Григоровичу дѣти ознакомятся съ жизнью, собственно, крестьянской, крѣпостной, и съ помѣщичьей, въ сторонахъ, большею частью наименѣе привлекательныхъ, то у Гончарова увидятъ обстоятельныя до мелочей картины помѣщичь-

*) Много прекрасныхъ изображеній моря и моряковъ найдетъ воспитатель въ мирскихъ разсказахъ Станюковича.

**) Разборъ сочиненій Гончарова см. въ книгѣ нашей *Этюды о русскихъ писателяхъ* I. И. А. Гончаровъ М. 1888, изд. кн. маг. Е. Н. Тихомировой, ц. 75 к.

ей идилліи, той тихой, беззаботной, наивной жизни отдаленныхъ Грачевокъ, Обломовокъ и Малиновокъ, которая такъ тепло обрисована Гоголемъ въ „*Старосвѣтскихъ помѣщикахъ*". Не закрывая глазъ на обломовщину, какъ результатъ такой жизни,—обломовщину не только помѣщиковъ, но и ихъ дворовыхъ людей, писатель смягчаетъ свои безотрадныя изображенія добродушнымъ юморомъ, тщательно отыскивая въ людяхъ тѣ человѣчныя, симпатичныя, стороны, которыя, примиряя читателя съ этими людьми, заставляютъ не только относиться къ нимъ снисходительно, но даже и любить ихъ. Эта то *гуманная* сторона сочиненій г. Гончарова, въ соединеніи съ удивительнымъ мастерствомъ описаній бытовыхъ подробностей, и побуждаетъ насъ указать въ большихъ его романахъ то, съ чѣмъ можно и слѣдовало-бы ознакомить юношество лѣтъ до 14—15, и остановиться на *Фрегатѣ Паллада.*

Оставляя въ сторонѣ петербургскія скитанія романтическаго племянника (*Обыкновенная исторія*), обратившагося въ концѣ концовъ въ безсердечнаго карьериста, мы остановились бы въ романѣ только на изображеніи отдаленной Грачевки, т. е. на первой главѣ первой части—отъѣздъ Александра, и шестой главѣ второй (стр. 160—192 до словъ: *Онъ примирился съ прошедшимъ*"); его возвращеніе въ родную деревню къ своей матери и жизнь его въ деревнѣ,—опустивъ, конечно, этюдъ съ дѣвушкой Машей (стр. 191),—причемъ эти два большихъ отрывка можно связать нѣсколькими словами о неудачахъ въ Петербургѣ героя, неподготовленнаго ни къ какой разумной дѣятельности. Первый отрывокъ рисуетъ наивные нравы помѣщичьей усадьбы, мать Александра, добрѣйшую и наивную Анну Павловну, необходимаго домашняго совѣтника и паразита, Антона Ивановича, простенькую деревенскую барышню-невѣсту Софью и двухъ представителей дворни: отпускаемаго съ барчномъ въ Петербургъ камердинера Евсея и ключницу Аграфену. Приготовленія къ отъѣзду молодого барина, комическая перебранка нѣжно-любящей другъ друга дворовой пары (сцену слѣдуетъ, впрочемъ, читать для дѣтей съ небольшими выпусками), заботы матери о сынѣ, послѣдніе ея разговоры съ нимъ, попытка удержать его въ деревнѣ, пріѣздъ Антона Ивановича, молебенъ, закуска, послѣднее прощаніе матери съ сыномъ, строгій наказъ Евсею беречь барина, отъѣздъ, наконецъ, просьба Анны Павловны, чтобы хоть Антонъ Ивановичъ остался этотъ

грустный денекъ посидѣть съ старухой—все это полно жизненной правды и трогательно по простотѣ и наивному добродушію простыхъ людей.

Кажется, еще съ большимъ искусствомъ изображено возвращеніе разочарованнаго Петербургомъ Александра въ ту же Грачевку, и еще симпатичнѣе выступаетъ здѣсь любящій образъ старушки-матери. Ожиданіе сына на балконѣ, гроза (описаніе можно сопоставить съ описаніемъ того же явленія природы у Тургенева), пріѣздъ Антона Иваныча, уже значительно постарѣвшаго, праздные разговоры Анны Павловны съ гостемъ, чтобы какъ-нибудь убить время, пріѣздъ и встрѣча сына, встрѣча Аграфены съ Евсеемъ, все это—настоящіе шедевры нашей литературы. Не менѣе интересны и дѣльнѣйшія сцены. Александръ проходитъ по всѣмъ комнатамъ, по саду; останавливается у каждаго кустика, скамьи; мать озабоченно всматривается въ похудѣвшее лицо сына, который отказывается отъ закуски, ничего не хочетъ сказать о своемъ житьѣ-бытьѣ въ столицѣ, и идетъ спать. Мать выспрашиваетъ о сынѣ Евсея, сначала сама, а потомъ поручаетъ допросъ Антону Ивановичу;—наконецъ, когда сынъ всталъ, надоѣдаетъ своими разспросами и ему самому, и все-таки, не узнавъ толкомъ ничего, заговариваетъ о женитьбѣ, но получаетъ категорическій отвѣтъ сына, что онъ не женится никогда. И вотъ, полная безпокойства за любимое дѣтище, старуха обращается къ единственному прибѣжищу—религіи, и везетъ сына въ церковь; на ночь кладетъ подъ подушку Александру траву знахарки Никитишны, а на шею ему вѣшаетъ ладанку. Контрастомъ этому изжившемуся въ столицѣ эгоисту-романтику является эта добрая старушка, въ простотѣ своей и не подозрѣвающая, что, при всей любви, не дала никакого разумнаго воспитанія милому, единственному, дѣтищу. Этому образу недавней еще старины, трогательному силой непосредственной материнской любви, придаемъ мы особенное педагогическое значеніе, и вмѣстѣ съ описаніями указанной выше грозы и теньеровской картинки деревенскаго утра—*поэзіи сѣренькаго неба, сломаннаго забора, калитки, грязнаго пруда и трепака*,—обращаемъ на него особенное вниманіе воспитателя.

Къ указаннымъ двумъ главамъ присоединили-бы мы еще изъ *Обыкновенной исторіи* описаніе концерта какой-то заѣзжей европейской знаменитости (часть II, стр. 139 отъ словъ: „*Осенью по-*

лучилъ онъ отъ тетки записку..." до стран. 142: „*Александръ проклиналъ*"...). Вмѣстѣ съ *Пѣвцами* Тургенева, эпизодомъ о Черномъ, въ повѣсти г-жи Кохановской *Послѣ обѣда въ гостяхъ*, и стихотвореніемъ Веневитинова *Любителю музыки*, этотъ отрывокъ рисуетъ вліяніе музыки на душу человѣка, даже на холодную толпу, погрязшую въ мелочахъ пошлой жизни, но здѣсь невольно подчинившуюся волшебному смычку великаго артиста.

Если изъ *Обыкновенной исторіи* для нашихъ цѣлей выбрали мы всего двѣ главы, да маленькій отрывокъ, то *Обломовъ* даетъ матеріалъ несравненно обширнѣйшій. Мы бы сказали даже такъ; за исключеніемъ обширнаго эпизода съ Ольгой и главы объ отношеніяхъ ея къ Штольцу, до пропуска тѣхъ небольшихъ и немногочисленныхъ мѣстъ, гдѣ говорится о связи Обломова съ Агафьей Матвѣевной, романъ вполнѣ можетъ быть прочитанъ юношествомъ съ большимъ интересомъ и пользою, хотя, конечно, нѣкоторыя главы (напр. въ I части—II, III, IV, VI, IX; во II-й—I, IV) доступны только болѣе развитымъ юношамъ лѣтъ четырнадцати-пятнадцати. Романъ этотъ, самое капитальное произведеніе автора, представляетъ цѣлую массу богатѣйшаго воспитательно-образовательнаго матеріала. *Во первыхъ—деревенская помѣщичья* жизнь, представленная въ знаменитомъ *Снѣ Обломова* (гл. 9-я 1-й части): описаніе усадьбы, цѣлаго дня со всѣмъ его содержаніемъ, правами, суевѣріями, занятіями, чтеніемъ, полученіемъ писемъ и, наконецъ, воспитаніемъ,—съ цѣлой галлереей лицъ, родителей и родственниковъ Илюши, приживалокъ и дворни съ Захаромъ и няней. *Во вторыхъ—столичная жизнь Обломова*, сначала въ Гороховой (I часть), въ обществѣ Захара и Анисьи, а потомъ (въ III и IV части) на Выборгской. Особенно цѣнны главы IX, X и XI четвертой части, постепенное закисаніе Обломова и его смерть, причемъ важно обратить вниманіе на личность Агафьи Матвѣевны, полную, не смотря на все свое простодушіе и невѣжество, такой беззавѣтной, глубокой любви и кротости и до слезъ трогающую своимъ печальнымъ одиночествомъ (глава X четвертой части). Эти то два существеннѣйшіе элемента романа:—условія, породившія обломовщину (помѣщичье воспитаніе и весь строй крѣпостной помѣщичьей жизни) и результатъ этихъ условій—медленное увяданіе и смерть Ильи Ильича—составляютъ наиболѣе драгоцѣнный матеріалъ для чтенія дѣтямъ. На самого Обломова и должно быть

обращено воспитателемъ дѣтское вниманіе, и особенно на *симпатичныя, задушевныя,* стороны его характкра, чтобы тѣмъ привлекательнѣе показался дѣтямъ этотъ симпатичный образъ человѣка, изъ котораго, при другихъ условіяхъ, могло-бы выйти такъ много хорошаго; чтобы тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ отнеслись чуткія юныя сердца къ его гибели, и чтобы образъ нѣмца-дѣльца эгоистическаго практика, несомнѣвающагося Штольца съ его прямолинейной философіей, какъ нибудь не подкупилъ въ свою пользу неокрѣпшаго ума на счетъ симпатій къ бѣдному Ильѣ Ильичу. Но на ряду съ Обломовымъ слѣдуетъ указать и на симпатичныя стороны прислуги (няня, Анисья), особенно, комическаго безсмертнаго Захара, своеобразно привязаннаго къ своему барину и такого жалкаго бѣдняка послѣ его смерти. Не входя въ подробное разсмотрѣніе слишкомъ извѣстнаго всѣмъ романа, прекрасно разобраннаго двумя критиками, Добролюбовымъ (Соч. Добролюбова, т. II) и Дружининымъ, (т. VIII), не отмѣчаемъ такжеотдѣльныхъ мѣстъ и пропусковъ, предоставляя сдѣлать это, сообразно обстоятельствамъ, самимъ воспитателямъ; позволимъ только, кромѣ указанныхъ, существенныхъ элементовъ романа, обратить вниманіе на одну особенность *Обломова*, весьма цѣнную для класснаго чтенія. Не говоря о *Снѣ*, какъ совсѣмъ цѣльномъ, законченномъ эпизодѣ, весьма многое можетъ быть прочитано съ дѣтьми съ большимъ интересомъ и отдѣльно, предпославъ только нѣсколько словъ, вводящихъ въ содержаніе; напр., вся первая глава I-й части (комната Обломова, пробужденіе, утро), прошлое Обломова, для старшаго возраста (гл. VI), Захаръ (главы VII, VIII, X), пробужденіе Обломова, когда пріѣзжаетъ Штольцъ (гл. XI), первое посѣщеніе Обломовымъ квартиры на Выборгской (глава II третьей части) и переѣздъ (глава III), день на Выборгской, Анисья съ Агафьей Матвѣевной (глава IV). Не мало матеріалу представляетъ романъ, написанный, какъ и все, что писалъ Гончаровъ, прекраснымъ языкомъ, также и для диктантовъ, всякихъ художественныхъ разборовъ и бесѣдъ для теоретическихъ выводовъ въ курсѣ теоріи словесности (описанія, характеристики, типъ, отношеніе писателя къ изображаемому, характерный діалогъ).

Обрывъ, посвященный, съ одной стороны, изображенію петербургской аристократической жизни и художественнымъ экспериментамъ Райскаго, съ другой—новымъ вѣяніямъ времени (Вѣра,

Маркъ Волоховъ) хотя и совсѣмъ не имѣетъ мѣста въ среднихъ классахъ школы, но въ рукахъ воспитателя также представляетъ въ *извѣстномъ выборѣ* нѣкоторый матеріалъ и для чтенія дѣтямъ. Такъ, VI глава первой части рисуетъ картину гимназическаго воспитанія художественной натуры Райскаго: отношенія его къ учителямъ, къ ученикамъ, типы гимназистовъ, приготовленіе уроковъ, чтеніе фантазіи Райскаго, занятія искусствомъ, типъ скрипача Васюкова, отношеніе опекуна къ намѣренію Райскаго посвятить себя искусству. Въ VII главѣ бабушка, Татьяна Марковна Бережкова: описаніе ея усадьбы, комнатъ, наружности старушки и дворни; въ этой же главѣ появляются, еще дѣтьми, внучки. Глава VIII также посвящена бабушкѣ, которая показываетъ внучку хозяйство; IX-я знакомитъ съ симпатичною личностью стараго бабушкина любимца, Тита Никоныча. Въ X-й описаніе обрыва съ страшными о немъ разсказами; интересные образы дѣвочки Вѣры и Мареиньки, тщетная попытка бабушки посвятить внучка въ хозяйственную отчетность и посѣщеніе Райскимъ вмѣстѣ съ Вѣрочкой мрачнаго стараго дома, мастерски описаннаго художникомъ. Наконецъ, можно остановиться и на главѣ IX-й (бабушка дѣлаетъ съ внучкомъ визиты), въ которой слѣдуетъ опустить посѣщеніе провинціальной Цирцеи Полины Критской (стран. 105 отъ словъ „Заѣхали они еще къ одной молодой барынѣ"... до 106: „Какой обширный домъ у предводителя")... Изъ второй части романа вполнѣ удобны для чтенія дѣтямъ: глава I — пріѣздъ Райскаго въ ту-же усадьбу много лѣтъ спустя, когда внучки успѣли уже вырости, а онъ самъ постарѣть, граціозный образъ Мареиньки, кормящей куръ; трогательная встрѣча съ бабушкой, представленіе Райскому Мареиньки; глава II-я (о Маркѣ на стр. 215 опустить)—характерные разговоры бабушки съ внучкомъ о хозяйствѣ, комическое недоумѣніе ея предъ равнодушіемъ Райскаго къ собственности и предложеніе его отдать все свое имѣніе сестрамъ; глава IV-я—Райскій отправляется въ городъ отыскивать школьнаго товарища Леонтія Козлова; описаніе глухого городка въ жаркій лѣтній день (стран. 240—244 до словъ: *Широкая рама для картины"...,* причемъ о Мареинькѣ опустить), разспросы о Козловѣ; глава V-я—типъ учителя-классика, какимъ былъ онъ еще въ университетѣ; глава VI (съ небольшими пропусками) знакомитъ съ женитьбой Козлова, а VIII-я—съ симпатичною учитель-

скою дѣятельностью этого скромнаго труженика, съ золотымъ сердцемъ и восторженною любовью къ наукѣ и молодежи—типъ, на который слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что во всей нашей литературѣ это, едва ли, не единственный, художественный, *положительный* типъ учителя, обрисованнаго со стороны отношеній его къ наукѣ и учащемуся юношеству. Если къ указаннымъ мѣстамъ присоединить еще первую главу V-й части—именины Мареиньки (сборы къ обѣднѣ, подарки, стр. 367—272), то вотъ, кажется, и все, съ чѣмъ можно и слѣдуетъ ознакомить дѣтей изъ романовъ Гончарова, съ которыми вполнѣ юношество ознакомится позже подъ руководствомъ учителя литературы.

Интересный занимательностью и живописью разсказа и разнообразіемъ содержанія матеріалъ представляетъ *Фрегатъ Паллада*. Помимо интереса общаго въ смыслѣ изображенія разной природы, нравовъ и человѣческихъ поселеній, начиная съ городовъ и кончая уединенными поселками убогихъ дикарей, книга эта есть въ то же время цѣлая исторія самаго корабля, этого маленькаго русскаго міра съ 400 обитателей, носившагося два года по океанамъ; своеобразная жизнь плавателей, черты морского быта—все это также способно привлекать и удерживать за собою симпатіи читателей. Связанный условіями плаванія, авторъ покидалъ корабль не на долго, почему моряки и море занимаютъ у него много мѣста. Отсюда и отсутствіе системы, и одни только, такъ сказать, летучія наблюденія и замѣтки, сцены, пейзажи, — словомъ, очерки. Образованная, симпатичная личность автора, относящаяся съ такою теплотой и подчасъ добродушнымъ юморомъ къ изображаемому, дѣлаетъ это сочиненіе еще интереснѣе, и совершенно правъ г. Гончаровъ, назначая свое, вполнѣ свободное отъ всего, что сколько нибудь можетъ шокировать нравственное чувство, произведеніе для чтенія юношеству. Совѣтуя своимъ читателямъ отнюдь не упускать случая поплавать на кораблѣ въ отдаленныя страны, по собственному опыту, предостерегаетъ отъ всякихъ преждевременныхъ страховъ и сомнѣній и прямо указываетъ на то обстоятельство, что долговременное плаваніе, сопряженное съ опасностями, развиваетъ въ человѣкѣ мужество и укрѣпляетъ характеръ. „Человѣку“, говоритъ авторъ, „мужественность врождена: надо только будить ее въ себѣ и вызывать на помощь, чтобы побѣ-

ждать робкія движенія души и закалить нервы привычкою. Самые робкіе характеры кончаютъ тѣмъ, что свыкаются, и даже женщины (англичанки, американки) служатъ хорошимъ тому примѣромъ". „Зато и какія награды даетъ путешествіе! Дальнее плаваніе веселитъ память, воображеніе прекрасными картинами, занимательными эпизодами, обогатитъ умъ нагляднымъ знаніемъ всего того, что знаешь по слуху—и, кромѣ того, введетъ плавателя въ тѣсное, почти семейное, сближеніе съ цѣлымъ кругомъ моряковъ, отличныхъ, своеобразныхъ, людей и товарищей: и этого всего потомъ изъ памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо—какъ рѣдкихъ и дорогихъ гостей".

Всѣ эти дорогія для человѣка пріобрѣтенія, указываемыя авторомъ на заключительныхъ страницахъ этой прекрасной книги, до нѣкоторой степени, могутъ получиться юношествомъ, всегда падкимъ къ путешествіямъ и интереснымъ приключеніямъ, даже и изъ одного чтенія *Фрегата Паллада*, представляющаго отличный противовѣсъ вздорнымъ книгамъ, въ родѣ Густава Эмара или Майнъ-Рида, полныхъ небылицъ и намѣренныхъ эффектовъ. Не распредѣляя всего громаднаго матеріала въ отдѣльныя указанія, обращаемъ вниманіе только на слѣдующіе глубоко образовательно-воспитательные элементы этой двухтомной книги, которая смѣло можетъ быть дана въ руки дѣтямъ лѣтъ съ десяти и прочитываема въ отрывкахъ воспитателемъ.

Съ одной стороны, здѣсь—самая *жизнь корабля*: сборы, прощанья, мечты и чувства приступающаго къ плаванію, морская болѣзнь, типы матросовъ и офицеровъ, отношенія матросовъ къ иностранцамъ, каюты, корабельныя трапезы, качка, бури, штормы, праздники на кораблѣ, пища, купанье на парусѣ, морская скука, штиль, экваторіальная жара;—словомъ, цѣлая масса интереснѣйшихъ подробностей корабельной жизни съ ея чувствами, ощущеніями, удовольствіями, наслажденіями,—жизни, съ которой, наконецъ, сживаешься такъ, что становится жаль покидать фрегатъ. „Если бы вы знали", восклицаетъ авторъ, „что это за изящное, благородное судно, что за люди на немъ, такъ не удивились-бы, что я покидаю Палладу, скрѣпя сердце". Съ другой стороны, не смотря на отрывочность замѣтокъ, книга даетъ много матеріала естественно-историческаго и этнографическаго. Природа тропическая, сибирская, обрисована удивительно; народности туземныя,

африканцы, малайцы, японцы, китайцы, тунгусы, гиляки, колонисты разныхъ европейскихъ національностей—передъ читателемъ, какъ живые, съ ихъ нравами, занятіями, своеобразною оригинальностью, жилищами, церемоніями, отношеніями къ иноземцамъ,— словомъ, цѣлая панорама, нарисованная рукою великаго художника, умѣющаго забрать читателя въ свои руки и держать его въ состояніи напряженнѣйшаго вниманія даже тогда, когда этотъ художникъ описываетъ самые незначущіе, но характерные предметы. Книга эта цѣлый обширный складъ знаній, обогащающихъ читателя самыми разнообразными свѣдѣніями. *Фрегатъ Паллада* стоило бы издать въ выборкахъ, сдѣланныхъ и связанныхъ умѣлой рукой, не только въ дешевой книгѣ для дѣтей, но и для народа, который также нашелъ-бы въ немъ не мало для себя поучительнаго и интереснаго.

Но, кромѣ жизни, собственно, на кораблѣ, изображеній природы и этнографическихъ картинокъ, въ книгѣ выступаетъ еще третья, очень важная сторона: это—разсужденія и сопоставленія самого автора. Самъ человѣкъ широкаго и тонкаго, свѣтлаго ума и образованія, горячій поборникъ гуманнаго просвѣщенія, горячо любящій свою родину, Гончаровъ нигдѣ не упускаетъ случая высказать попутно цѣнныя замѣчанія, на которыя также должно обратить вниманіе читателя. Таковы, напримѣръ, замѣчанія объ утомленіи, которое чувствуетъ человѣкъ отъ одной, хотя и прекрасной, природы, но для которой недостаетъ образованныхъ жителей (VII, 282); параллель между англичанами и нами; день дѣятельнаго англичанина и Обломова—русскаго (VI, 48—47 *), характеристика жизни, гдѣ, при крайней степени развитія матеріальнаго благосостоянія, умъ и духъ цѣпенѣютъ въ глубокомъ снѣ (VII, 257 и д.); характеристика народовъ, китайцевъ, ликейцевъ и корейцевъ (VII, 391—496) и мн. др.

Такимъ образомъ, постоянно сохраняя занимательность, доставляя читателю наслажденіе какъ художественностью картинъ и образовъ, такъ и самой личностью автора, которая во всей прелести своего добродушнаго юмора, задушевности и юношескаго увлеченія

---

*) Сопоставивъ съ изображеніемъ Англіи у Гончарова (VI, 45—74) *Письма изъ Англіи* Карамзина и *Очерки Англіи* Тэна, можно дать очень опредѣленное представленіе этой страны.

всѣмъ, что красиво и полно содержанія, такъ ярко просвѣчиваетъ во всѣхъ этихъ замѣткахъ, эта книга, въ своемъ родѣ въ русской литературѣ единственная, должна быть необходимымъ достояніемъ всякой школьной библіотеки не только въ смыслѣ матеріала образовательнаго, но и въ смыслѣ воспитанія въ юношествѣ самыхъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыя учащееся поколѣніе должно изъ школы вынести:—это интересъ къ жизни, удивленіе предъ ея разнообразіемъ, любовь къ природѣ, охота къ ея изученію и—что особенно важно—уваженіе къ просвѣщенію, котораго такимъ горячимъ борцомъ является всюду въ своихъ сочиненіяхъ И. А. Гончаровъ.

XX. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(Род. 28 августа 1828 г.).

Приступая для педагогическихъ цѣлей къ разсмотрѣнію сочиненій этого писателя, чувствуемъ всю важность и трудность задачи. Передъ нами имя громкое, художественная сила необыкновенная, невольно покоряющая читателя, даже такого, который приступитъ къ чтенію съ тѣмъ или другимъ предубѣжденіемъ противъ автора; сила — рельефностью, простотою изображенія, сжатостью и красотой языка, эпическимъ спокойствіемъ разсказа, напоминающая Пушкина. Его-же напоминаетъ графъ Толстой и необыкновенною жизненностью, реальностью изображеній. Никакихъ неопредѣленныхъ мечтаній, почти никакихъ личныхъ отступленій, мудрствованій, а если таковыя гдѣ и встрѣчаются, то они представляютъ что-то чуждое художнику, лишнее, приплетенное со стороны. Что́ бы Толстой ни видѣлъ, ни слышалъ, онъ описываетъ все съ удивительнымъ спокойствіемъ и ровностью, не увлекаясь исключительно извѣстными сюжетами, отчего въ сочиненіяхъ его много случайнаго, анекдотичнаго, что замѣчается, напр., и въ повѣстяхъ Пушкина. Правда и красота, въ чемъ бы и гдѣ бы она ни выразилась—вотъ самая характерная черта обоихъ художниковъ, чуждыхъ, *по существу*, всякой тенденціозности, исключительности. Оба они, кромѣ того—прекрасные разсказчики видѣннаго и слышаннаго.

Графъ Л. Толстой не только писатель-художникъ,—онъ еще и педагогъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда, по освобожденіи кре-

стьянъ, школьный вопросъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, онъ не остался чуждъ интересамъ народнаго образованія, и Ясно-Полянской школой, журналомъ „Ясная Поляна", а также статьями и народными книжками пріобрѣлъ извѣстность педагогическаго дѣятеля, къ чему нельзя не отнестись съ уваженіемъ.

Участіе поэта къ дѣлу образованія побудило его написать цѣлый рядъ разнообразныхъ статей, предназначенныхъ спеціально для дѣтскаго чтенія. Съ разсмотрѣнія этихъ-то, собственно дѣтскихъ, статей и начнемъ разборъ.

Статьи „*Изъ сочиненій и переводовъ для дѣтей*" раздѣлены на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) *Басни Эзопа*; 2) *Басни, передѣланныя съ индѣйскаго, и подражанія*; 3) *Разсказы для дѣтей;* 4) *Разсказы изъ естественной исторіи* (физики, зоологіи, ботаники), и, наконецъ, 5) *Попытки соединенія разныхъ варіантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ.* Всѣ эти произведенія (опускаемъ четвертый отдѣлъ—*разсказы изъ естественной исторіи*) представляютъ простымъ, доступнымъ для пониманія, какъ народа, такъ и дѣтей, языкомъ написанные небольшіе разсказы, объемъ которыхъ начинается даже съ нѣсколькихъ строкъ (басни), и въ самомъ большомъ—„*Кавказскій плѣнникъ*"—не превосходитъ тридцати съ небольшимъ страницъ крупной печати, и, слѣдовательно, очень удобно могутъ быть прочитаны и въ классѣ. Намъ почти не случалось находить что-нибудь болѣе приспособленное къ пониманію даже маленькихъ дѣтей, и въ то же время настолько занимательное и художественное, какъ эти прекрасные разсказы. Создать ихъ могъ только *великій талантъ съ живымъ пониманіемъ дѣтской натуры*, пріобрѣтеннымъ личною, непосредственною, школьною практикою автора. Все здѣсь, и форма, и содержаніе, необыкновенно просто: ни одного слова, ни выраженія, ни оборота, который бы не былъ вполнѣ доступенъ даже мало развитому ребенку. Самое содержаніе вращается въ кругѣ обыденныхъ явленій, по преимуществу, нашей русской простонародной жизни; дѣйствующія лица, большею частію, сами дѣти, или наиболѣе извѣстныя животныя, которыхъ ребенокъ видитъ въ деревнѣ, или на картинкахъ. Все это не только даетъ возможность проводить разсказцы въ школѣ учителю, но и дѣлаетъ ихъ очень цѣнными, какъ матеріалъ для материнскихъ первоначальныхъ бесѣдъ съ маленькими дѣтьми, въ чемъ

чувствуется въ нашей педагогической литературѣ ощутительный недостатокъ.

Первые два отдѣла *„Сочиненій и переводовъ для дѣтей“* заняты исключительно баснями и побасенками,—частію, переведенными прекраснымъ языкомъ изъ Эзопа (45 басенъ), частію,—передѣланными изъ разныхъ авторовъ (32 басни). Эти побасенки—хорошій матеріалъ и для первоначальныхъ разсказовъ, и для маленькихъ диктовокъ, и для первыхъ, самыхъ легкихъ, устныхъ и письменныхъ пересказовъ прочитаннаго. Изъ тридцати семи животныхъ, героевъ этихъ басенъ, двадцать девять такихъ, которыхъ ребенокъ можетъ видѣть въ деревнѣ (муравей, голубка, хорекъ, мышь, лошадь, галка, курица, медвѣдь, лисица, собака, лягушка, стрекоза, ласточка, козелъ, журавль, аистъ, заяцъ, волкъ, комаръ, котъ, ягненокъ, ворона, змѣя, корова, утка, соколъ, цапля, ракъ и дергачъ), и только восемь (черепаха, орелъ, левъ, оселъ, олень, обезьяна, шакалъ и слонъ) такихъ, которыхъ, хотя русскій ребенокъ и видитъ только въ звѣринцѣ, но коихъ описанія и изображенія въ дѣтской литературѣ очень распространены. Нѣкоторыя изъ этихъ басенъ, наприм. *„Стрекоза и Муравей“*, *„Лисица и Виноградъ“*, *„Волкъ и Журавль*, *„Волкъ и Ягненокъ“*, *„Воронъ и Лисица“*, сопоставленныя съ баснями Крылова на тѣ же сюжеты, могутъ дать богатый матеріалъ для классной бесѣды; а басня *„Котъ и мыши“* удачно сопоставляется съ любимой дѣтьми *„Войной мышей и лягушекъ“*. Басни, передѣланныя съ индѣйскаго, и подражанія, въ педагогическомъ отношеніи, хуже передѣлки эзоповскихъ, хотя разсказаны также хорошо. Многія изъ нихъ довольно пусты по содержанію, напр., *„Тонкія нити“*, или *„Дѣлежъ наслѣдства“*, а нѣкоторыя,—напр. *„Отчего зло на свѣтѣ“*, ложны по основной мысли, высказываемой мудрымъ пустынникомъ: *„Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья,—а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ“*. Къ числу довольно ничтожныхъ вещей принадлежатъ также басни *„Водяной и жемчужина“* и *„Заяцъ и гончая собака“*.

За баснями слѣдуютъ *„Разсказы для дѣтей“*, удачно приноровленные къ дѣтскому пониманію и интересные по сюжетамъ. Здѣсь, что ни разсказъ, то прекрасный образецъ, какъ писать для дѣтей. Какой теплотой, любовью къ тому, что изображается,

проникнуты эти небольшія, прелестныя вещицы. Какъ хорошъ, напримѣръ, образъ дѣвочки Маши, убѣждающей мать оставить подкинутаго ребеночка и ухаживающей за нимъ (*Подкидышъ*). Какъ насмѣшитъ дѣтей шутливая побасенка „*Мужикъ и огурцы*"; тронетъ дѣтское сердце разсказъ о спасеніи изъ огня восьмилѣтнимъ Ваней своей трехлѣтней сестры Маши, едва не сжегшей деревни (*Пожаръ*).—Что за прелесть, напримѣръ „*Старая лошадь*"—разсказъ о томъ, какъ пристыдилъ дядька маленькаго барчука, измучившаго стараго больного коня изъ-за своей прихоти,—или о томъ, „*Какъ я выучился ѣздить верхомъ*" или, наконецъ, разсказъ „*Лозина*",—какъ срубили старое дерево ребята, и прилетѣлъ на обгорѣлый пень черный воронъ,—*сѣлъ на него и закричалъ: что, издохла старая кочерга? давно пора было.*

За этими разсказами на разные сюжеты, не имѣющими между собою никакой связи, идутъ *разсказы объ охотѣ на Кавказѣ*, связанные съ *біографіями собаки Бульки и ея товарища Мильтона* (семь разсказовъ: *Булька, Булька и кабанъ, Мильтонъ и Булька, Черепаха, Булька и волкъ, Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ, Конецъ Бульки и Мильтона*);—къ нимъ же примыкаютъ *разсказы объ охотѣ на фазановъ—Фазаны, Русакъ*, и *Охота пуще неволи*—интересный разсказъ объ охотѣ на медвѣдя, едва не растерзавшаго охотника на смерть.

Самые большіе по объему разсказы:—„*Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ*" „*Кавказскій плѣнникъ*" и историческій разсказъ „*Ермакъ*". Первый—собственно, анекдотъ о томъ, какъ честный, молодой купецъ Аксеновъ былъ невинно осужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь по подозрѣнію въ убійствѣ;—но, помимо интереса изложенія, онъ хорошо рисуетъ сильный характеръ человѣка, не упавшаго духомъ, и въ несчастіи нашедшаго утѣшеніе въ вѣрѣ въ испытующаго его Бога. Аксеновъ снискиваетъ къ себѣ всеобщее уваженіе даже въ колодникахъ, и одной правдивостью и великодушіемъ побѣждаетъ настоящаго преступника, съ которымъ, уже старикомъ, встрѣчается въ Сибири. Второй разсказъ—„*Кавказскій плѣнникъ*" (жизнь двухъ офицеровъ въ плѣну у горцевъ)—съ одной стороны, полонъ бытовыхъ подробностей, съ другой — рисуетъ два контраста: одинъ—Жилинъ,—смѣлый, находчивый, отличный товарищъ, готовый постоять за друга; другой—Костылинъ, вялый, трусливый, балованный эгоистъ, едва не

погубившій и себя, и товарища; спасительница Жилина, добрая татарская дѣвочка. Хорошо также выдвинута въ разсказѣ важность для человѣка ловкости и ручныхъ работъ, благодаря знанію коихъ Жилинъ становится въ аулѣ человѣкомъ полезнымъ и даже пріобрѣтаетъ всеобщее уваженіе. Интересенъ историческій разсказъ „*Ермакъ*“, хотя, относительно, онъ слабѣе прочихъ.

Къ этому разсказу *историческаго* характера можно присоединить и „*Попытки соединенія разныхъ варіантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ*“. По поводу этого отдѣла позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя объясненія.

Еще при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ Жуковскаго мы говорили о важности для дѣтей произведеній народныхъ и о значеніи въ нихъ фантастическаго. Въ другомъ мѣстѣ, въ одной изъ нашихъ статей, мы проводили также мнѣніе о значеніи нашихъ сказокъ и былинъ извѣстнаго собирателя и знатока народной литературы, Аѳанасьева. Считаемъ не лишнимъ привести это мнѣніе и теперь. „*Увлекаясь простодушной народной фантазіей,* говоритъ Аѳанасьевъ, *дѣтскій умъ нечувствительно привыкаетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій, и знакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами, и художественно вѣрными описаніями природы*“. „*Вѣрная народной жизни, пѣсня о богатыряхъ, былина, отразила на себѣ черты великой борьбы христіанства съ язычествомъ;—борьбы за свою родину съ всякими иноплеменными восточными богатырями. Христіанскіе витязи-богатыри, сражаясь безъ страха и упрека за отчизну, выносятъ на своихъ крѣпкихъ плечахъ безпрестанныя и безпощадныя битвы съ погаными азіатскими кочевниками и внутренними разбойниками, фантастически представленными народомъ въ образахъ чудовищъ—Соловья, Змѣя Горыныча, Тугарина Змѣевича и пр. Эти былины, увлекая дѣтей живостью разсказа и рельефностью образа, нечувствительно для нихъ самихъ, знакомятъ съ народнымъ бытомъ и полагаютъ на всю жизнь въ юную, воспріимчивую, душу начала любви къ родинѣ, патріотизмъ въ его широкомъ, святомъ, значеніи*“. Но, признавая все великое педагогическое значеніе для русскихъ дѣтей нашихъ родныхъ былевыхъ пѣсенъ, нельзя не согласиться, что очень многія изъ нихъ носятъ печать грубости и дикости нравовъ, и рядомъ съ оборотами рѣчи изящ-

ными, мѣткими и простыми, нерѣдко попадаются слова старыя, непонятныя, и даже циничныя. Мало того,— народная литература содержитъ въ себѣ множество повтореній и самыхъ противорѣчивыхъ варіантовъ одной и той же былины. Словомъ, — для того, чтобы съ толкомъ и пользой ввести въ школу былины, какъ образовательное чтеніе, воспитателю приходится предварительно рыться въ огромныхъ сборникахъ Аѳанасьева, Кирѣевскаго, Рыбникова, Сахарова и др.,— выбирать, урѣзывать, сокращать, сопоставлять наиболѣе пригодное для дѣтскаго чтенія, а это трудъ громадный, да и то, въ концѣ концовъ, едва ли можно дать дѣтямъ въ руки цѣлые сборники, хотя бы размѣченные, — такъ что нужно вести чтеніе воспитателю самому. Вотъ почему наша народная литература играетъ или очень незначительную, а то и вовсе не играетъ никакой роли въ воспитаніи, и народъ, которому, кажется, всего ближе было бы толковое ознакомленіе съ сокровищами своей же собственной мудрости, вмѣсто того, чтобы знакомиться съ прекрасными образами Ильи Муромца, Микулы, Добрыни и другихъ, читаетъ всякую ерунду, въ родѣ исторій о чуждомъ для народа Францылѣ Венеціанѣ, Еруслане и тому подобныхъ порожденій безграмотныхъ издателей дешевыхъ народныхъ книгъ. Между тѣмъ, въ извѣстномъ выборѣ, изъ дѣльныхъ изданій нашихъ богатырскихъ и историческихъ пѣсенъ народъ и дѣти, право, гораздо, болѣе познакомятся съ русской исторіей въ ея духѣ и идеальныхъ лучшихъ стремленіяхъ, чѣмъ изъ многаго множества патріотическихъ, такъ называемыхъ, *исторій*, написанныхъ для народа, или, вообще, дѣтей, гдѣ, вмѣсто правды и идеаловъ добра, такъ часто бьетъ въ глаза дѣланный патріотизмъ, не говоря уже объ искусственномъ, поддѣланномъ подъ народный говоръ, языкѣ. До сихъ поръ, кажется, почти все, что сдѣлано въ отношеніи педагогическомъ изъ народной литературы, сводится къ слѣдующему;

1) *По старой памяти какъ по грамотѣ. Очеркъ русской народной литературы.* Сост. В. Водовозовъ, Спб. 1870; — книжка, вошедшая въ его же „*Древнюю русскую литературу*"—прекрасная передача въ простомъ разсказѣ самаго существеннаго изъ народной литературы, тѣмъ болѣе цѣнная, что сопровождается толковыми разъясненіями;—книжка необходимая каждому воспитателю и учителю народной школы.

2) Изложеніе содержанія былинъ въ его же книжкѣ „*Разсказы изъ русской исторіи*“.

3) *Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ для юношества*. Составила Н. Крылова, Спб. 1861 г. Книжка, ставшая уже большою рѣдкостью, особенно замѣчательная съ нашей точки зрѣнія. Въ то время, какъ, напримѣръ, первая книжка Водовозова назначается преимущественно для учителя, „*Сборникъ*“ назначенъ прямо для чтенія дѣтямъ, и представляетъ не пересказы и передѣлки, а настоящую, довольно толковую и полную, хрестоматію народнаго творчества, обнимающую *былины* (Соловей, Дюкъ, Волхъ, Добрыня, Васька Казиміровичъ, Илья, Василій Буслаевъ, Садко; Отчего перевелись витязи), *духовные стихи* (Плачъ земли, Плачъ души, Прощанье души съ тѣломъ, О страшномъ судѣ, Объ Егоріи Храбромъ), *пѣсни историческія* (Казань, Ермакъ, Грозный, пѣсни о Петрѣ Алексѣевичѣ), *пѣсни бытовыя, обрядныя, хороводныя, колыбельныя* и пр., *пословицы, поговорки, загадки и притчи* (страницъ 376).

4) *Народныя сказки Аѳанасьева* (изданіе для дѣтей, въ одномъ томѣ).

5) *Викторъ Острогорскій. Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, по народнымъ былинамъ*. М. 1895. Изд. Д. Тихомирова. Опытъ связной біографіи богатыря, составленный изъ различныхъ редакцій былинъ, помѣщенныхъ у Сахарова, Рыбникова и Кирѣевскаго; выбраны только наиболѣе выдающіеся моменты дѣятельности Ильи, обрисовывающіе его, какъ стоятеля за землю русскую, призваннаго на служеніе ей самимъ Богомъ. Для связи прибавлено нѣсколько собственныхъ стиховъ составителя и допущены слѣдующія уклоненія отъ народныхъ редакцій: 1) введена мать Муромца, 2) личности Збута и Бориса слиты въ одно лицо Збута Бориса Королевича, которому придана внѣшность другого богатыря, Чурилы Пленковича и 3) въ духѣ былинъ составлена заключительная рѣчь Ильи Владиміру.

6) Его же. Изъ народнаго быта. Титъ, Вавило, Маланья и Маша на дѣвичникѣ. М. 1897 г. Изд. Д. И. Тихомирова (Опытъ разсказовъ изъ пословицъ и пѣсенъ).

7) *В. Воскресенскій. Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, по-*

словицъ, загадокъ и пр. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности.

8) *Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и народныхъ школъ. Съ объяснительнымъ словомъ и примѣчаніями. Сост. по сборникамъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и др. Н. Бунаковымъ. Изд. ред. Журн. Русск. нар. учит.* Спб. 1884.

9) *Книга о богатыряхъ, Авенаріуса.* (Ее рекомендуемъ особенно).

Къ числу указанныхъ попытокъ педагогической популяризаціи народной литературы принадлежатъ и пересказы былинъ Л. Толстого. Этихъ пересказовъ всего четыре. Они обнимаютъ, такъ называемый, миѳическій періодъ былинъ о богатыряхъ старшихъ, носящихъ на себѣ черты сказочной языческой старины и звѣроловнаго образа жизни, который, наконецъ, уступаетъ мѣсто образу жизни осѣдлому земледѣльческому. Двѣ изъ былинъ, „*Сухманъ*“ и „*Вольга*“, рисуютъ бытъ кочевой; остальныя—переходъ къ земледѣльческому. На „*Сухманѣ*“ можно указать, съ одной стороны, дѣятельность богатыря на пользу родинѣ и неблагодарность къ нему Владиміра; съ другой, миѳическое объясненіе происхожденія новой рѣки. Въ *Вольгѣ,* во-первыхъ, бытъ звѣролововъ-язычниковъ, вѣрующихъ въ оборотничество и, по недовѣрію къ своему собственному искусству, объясняющихъ успѣхъ охоты помощію темныхъ силъ; во вторыхъ, — разукрашенные фантазіею походы на Востокъ. Изъ остальныхъ былинъ „*Святогоръ*“ указываетъ на несостоятельность одной физической силы военной, наконецъ уступающей искусству земледѣлія, а „*Микула*“, проводя ту же мысль, рисуетъ симпатичный образъ трудового мужика, которому со стыдомъ уступаетъ грубый воина. Хорошо проведенная мысль о тягости простого, невиднаго, труда пахаря и добродушно шутливый разсказъ дѣлаютъ эти послѣднія былины особенно характерными и благотворными по вліянію на читателя, и, вмѣстѣ съ другими, даютъ картину небогатой разнообразіемъ явленій доисторической русской жизни.

По выходѣ въ 1873 году перваго полнаго собранія своихъ сочиненій, графъ Л. Толстой весь разобранный нами матеріалъ издалъ для школъ отдѣльно въ четырехъ книжкахъ. Въ отдѣльности матеріалъ этотъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Первая русская книга для чтенія. Пятьдесятъ восемь маленькихъ статеекъ, начиная отъ трехъ строкъ до нѣсколькихъ страницъ; за исключеніемъ двухъ стихотворныхъ, всѣ въ прозѣ. Множество басенокъ, передѣланныхъ, большею частью, изъ Эзопа, и другихъ, разсказцевъ, сказочекъ, анекдотовъ, обнаруживающихъ смѣтку, остроуміе, глупость или недогадливость, несообразительность, какую-нибудь добрую или дурную черту характера, — или же, наконецъ, имѣющихъ въ виду просто посмѣшить дѣтей. Жаль, что, вмѣстѣ съ такими прекрасными вещами, какъ *Подкидышъ*, *Старый дѣдъ и внучекъ*, *Пожаръ*, *Разсказъ мужика о томъ, за что онъ своего старшаго брата любитъ*, *Разсказъ тетушки о Пугачевѣ* и многими другими, помѣщено нѣсколько пустыхъ, напр.: *Какъ мальчикъ разсказывалъ про то, какъ его въ городѣ взяли*, *Мышь-дѣвочка*, *Липунюшка*, *Дѣлежъ наслѣдства*; искусственной кажется намъ и стихотворная передѣлка извѣстной, смѣшной, но пустой сказки: *О дурнѣ*.

Вторая русская книга для чтенія. Всѣхъ статей шестьдесятъ пять; въ общемъ, содержаніе уже нѣсколько серьезнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ первой. Въ концѣ двѣ большія статьи: живой разсказъ о Ермакѣ и былина о Сухманѣ; нѣсколько статей, относящихся къ естествовѣдѣнію, хотя и написанныхъ просто, но отличающихся мѣстами неточностью, напр.: *Отчего бываетъ вѣтеръ*. *Для чего вѣтеръ*, три статьи: *Тепло*, *Магнитъ*, *Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса*; сказокъ уже менѣе; нѣсколько передѣлокъ басенъ, напр. *Лисица и виноградъ*, *Работница и пѣтухъ*, *Волкъ и журавль*, могутъ быть сопоставлены съ баснями Крылова. Почти всѣ статьи повѣствовательнаго характера; очень хороши, напр., *Индѣецъ и англичанинъ*, *Жилетка*, *Лозина*, *Разсказъ о ручномъ воробьѣ*, *Какъ дядя разсказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ*, *Архіерей и разбойникъ* и др., плохи разсказы: *Водяной и жемчужина* и *Тысяча золотыхъ*.

Третья русская книга для чтенія. Всѣхъ статей пятьдесятъ одна. Кромѣ разсказовъ, преимущественно о животныхъ, есть и другіе, естественно-историческіе: *Отчего въ морозы трещатъ деревья*, *Сырость*, *Разная связь частицъ*, *Ледъ, вода и паръ*, *Чутье*, *Кристаллы*. Къ лучшимъ вещамъ повѣствовательнымъ относятся: *Какъ я выучился ѣздить верхомъ*, *Солдаткино житье*, шесть разсказовъ *о собакахъ Булькѣ и Мильтонѣ*, и разсказъ „*Богъ*

правду видитъ, да не скоро скажетъ". Въ концѣ книги былина *о Вольгѣ*. Книжка вполнѣ пригодна и для взрослыхъ крестьянъ.

Четвертая русская книга для чтенія. Всѣхъ статей, уже, большею частью, значительныхъ по объему и болѣе серьезныхъ по содержанію, тридцать четыре. Много мѣста удѣлено статьямъ естественно-историческимъ—семь статей (*Дурной воздухъ, Удѣльный вѣсъ, Шелковичный червь, Газы, Какъ дѣлаютъ воздушные шары, разсказъ аэронавта, Солнце—тепло*). Плоха сказка *Царь и рубашка* и, особенно, *Отчего зло на свѣтѣ*. Изъ большихъ разсказовъ лучшіе: 1) *Охота—пуще неволи*; 2) *Кавказскій плѣнникъ*; 3) *Былина Микулушка Селяниновичъ*.

Кромѣ поименованныхъ книгъ, графомъ Л. Толстымъ выпущены еще отдѣльнымъ изданіемъ *Разсказы для крестьянскихъ ребятъ*:

Изъ Ясной поляны. Семь книжекъ. По языку, характеру изложенія и занимательности изданіе это, вмѣстѣ съ „*Русскими книгами для чтенія*", въ своемъ родѣ единственное, могущее служить образцомъ того, что интересуетъ дѣтей, и какъ надобно съ ними говорить. Рекомендуемъ его, какъ *необходимое*, довольно *дешевое* и *полезное* чтеніе, въ *каждую школу*, по своему шрифту пригодное и для только что выучившихся читать. Замѣчательно, что разсказы эти написаны большею частью самими крестьянскими дѣтьми изъ школы Толстого, и только исправлены и сглажены знаменитымъ писателемъ и нѣкоторыми другими лицами, извѣстными въ нашей литературѣ. Въ частности, содержаніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Книжка первая—четыре разсказа и двадцать народныхъ загадокъ: 1) *Матвѣй*—жизнь кузнеца-труженика, единственнаго сына честнаго отца; воспитывается работницей, замѣнившей ему, по смерти послѣдняго, мать; добрыя отношенія къ сосѣдямъ, забвеніе обидъ; благодарность, трезвость, тихая жизнь въ семьѣ; ставитъ на ноги лѣниваго пропойцу-товарища; 2) *Өедоръ и Василій*—смѣшная сказка о двухъ монахахъ, изъ которыхъ одинъ молитвой заставилъ чорта служить себѣ и монастырю; 3) *Неправедный судъ*—маленькій мальчишка, котораго случайно подслушалъ царь, призывается во дворецъ разсудить дѣло по простотѣ, и остро-

умно уличаетъ неправеднаго судью въ потворствѣ богатому *); 4) *Ермакъ*.

Книжка вторая—четыре разсказа и загадки: 1) *Солдаткино житье*—разсказъ ведется отъ лица разсказчика. Небольшая крестьянская семья изъ мужа, жены и двухъ дѣтей. Отецъ спивается и его отдаютъ въ солдаты; горькая жизнь безъ мужа, конечное разореніе изъ-за сватьбы дочери; возвращеніе отца заслуженнымъ солдатомъ—исправился на службѣ, скопилъ денегъ; трогательная встрѣча съ семействомъ; семья стала жить хорошо; 2) *Михалычъ*—промотавшійся сынъ богатаго купца, который не позволялъ ему учиться толкомъ и билъ за страсть къ игрѣ на скрипкѣ; на старости живетъ изъ милости въ домѣ дѣдушки,—разсказчикъ добрѣйшій весельчакъ-старичекъ, любимецъ ребятишекъ, которымъ играетъ на скрипкѣ, дѣлаетъ змѣя и проч., наконецъ, учитъ ихъ грамотѣ; умираетъ, оплакиваемый дѣтьми; 3) *Сватьба*—безхитростное, совсѣмъ дѣтское, описаніе сватовства и свадебнаго пира; 4) *Никонъ* (*патріархъ*).

Книжка третья—два разсказа: 1) *Робинзонъ*—живо разсказанная исторія извѣстнаго путешественника, понятная народу, но довольно краткая. Этимъ разсказомъ можно воспользоваться развѣ для маленькихъ дѣтей. Недостатокъ разсказа—нравоученіе, будто бы изъ него вытекающее: *глупъ тотъ, кто стремится путешествовать*; 2) *Дуняшка и сорокъ разбойниковъ*—работница хитростью и смѣткой спасаетъ семью своего хозяина. Внутренняго содержанія мало, но, по занимательности разсказа и примѣру смѣтливости, которую такъ цѣнитъ народъ, и этотъ разсказъ понравится, почему и пренебречь имъ, въ виду бѣдности литературы для народа, нельзя. Вообще,—книжка хуже предыдущихъ.

Книжка четвертая—по содержанію, едва ли, не лучшая;—три разсказа и загадки; 1) *Ложкой кормитъ, а стеблемъ глаза колетъ*—маленькая семья изъ мужа, жены и сына-мальчонка,—противоположные характеры: сострадательнаго, добраго мужа, призрѣвающаго въ своей избенкѣ полузамерзшаго старика-солдата, и сварливой, безсердечной бабы-жены, которая сначала, изъ боязни нажить съ больнымъ хлопотъ, не хочетъ пріютить несчастнаго,

---

*) Напоминаетъ балладу А. Н. Майкова „Пастухъ" см. въ этой ж книгѣ въ статьѣ о Майковѣ. *В. О.*

потомъ въ отсутствіе мужа выгоняетъ бѣдняка изъ дому; мальчикъ Сережка, ухаживающій за старикомъ, у котораго начинаетъ учиться грамотѣ, и которому оказываетъ, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силенокъ, услуги, несмотря на побои и брань матери; безпомощность крестьянской безграмотности: чуть не одинъ въ селѣ, какой-то Ванюха, можетъ разобрать солдатскій паспортъ, да и то съ трудомъ. Разсказъ этотъ, вмѣстѣ съ *Прохожимъ* Григоровича и его же *Бобылемъ*, сердечно затрогиваетъ отношеніе народа къ больнымъ и безпомощнымъ, и можетъ имѣть, какъ и третій разсказъ этой книжки, важное значеніе нравственное: 2) *Палецъ невидимка*— пустая сказка, занимательно разсказанная; 3) *Хорошее житье*— разсказъ рисуетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ всѣхъ крестьянскихъ бѣдствій:—чуть не поголовное пьянство, спаиваніе народа кабатчиками, безуспѣшную попытку хорошаго сельскаго священника снести кабакъ съ церковной земли, безобразіе крестьянскихъ сходокъ, которыя не рѣшаютъ ничего безъ пьянства: отдача въ солдаты цѣлымъ міромъ одинокого семьянистаго мужика, единственнаго кормильца семьи. Дѣлаемъ для учителя *оговорку*:—разсказъ ведется отъ имени цѣловальника большого села, съ цѣлью нарисовать пріятелю, каково истинно прекрасное житье (конечно, кабатчиковъ), и тѣмъ побудить пріятеля также открыть кабакъ:— какъ бы только иной простодушный читатель изъ крестьянъ, не разобравъ, что авторъ *смѣется* надъ такой жизнью и *вполнѣ осуждаетъ ее,* не увлекся заманчивой картиной сытой жизни на счетъ другихъ?

Книжка пятая два разсказа: 1) *Про Христофора Колумба*; 2) *Акимка воръ*—занимателенъ только по живости изложенія и интересу, возбуждаемому желаніемъ узнать развязку (Конокрадъ надуваетъ гонящихся за нимъ неумѣлаго разыщика и купца).

Книжка шестая—1) *Петръ Первый*; 2) *Исторіи, сказки и пѣсни про Петра* и 3) *Портретъ Петра.*

Книжка седьмая—Капитанъ Головнинъ въ плѣну у японцевъ (съ картою всѣхъ земель)—прекрасный разсказъ, дающій нѣкоторое понятіе о географіи; знакомитъ также съ бытомъ японцевъ и ихъ отношеніями къ иностранцамъ; много художественныхъ картинъ. Путешествіе Головнина представляетъ рядъ приключеній, сначала у англичанъ (Мысъ Доброй Надежды), потомъ—среди японцевъ. Смѣтливость русскаго человѣка на первомъ планѣ. Мно-

го примѣровъ преданности и вѣрности матроса своему капитану даже въ самыя безпомощныя минуты послѣдняго,—съ одной стороны, любовь, забота о своихъ подчиненныхъ и гуманное отношеніе къ нимъ;—съ другой, какъ противоположность, представленъ Муръ—офицеръ—помощникъ Головнина. Его слабая, эгоистическая натура заставляетъ его не раздѣлять съ товарищами предпринятаго ими побѣга изъ плѣна; мало того,—онъ совсѣмъ отрекается отъ нихъ, отъ родины, старается снискать себѣ расположеніе японцевъ и остаться у нихъ, но терпитъ неудачу. Японцы не вѣрятъ ему, удивляясь, какъ можетъ товарищъ выдавать своего товарища. Отвергнутый, чувствующій свое неловкое положеніе, вполнѣ понявъ всю подлость своего поступка, онъ удаляется отъ общества, не будучи въ состояніи раздѣлять съ нимъ радости возвращенія на родину—его мучитъ совѣсть и раскаяніе, и онъ рѣшается на самоубійство. Страданія его искупаютъ проступокъ. *Люди добрые! помяните его добрымъ словомъ*,—говоритъ о немъ авторъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго XIX-го столѣтія гр. Л. Толстой снова вернулся къ педагогической литературѣ. Въ московскомъ журналѣ, *Дѣтскій Отдыхъ*, появился небольшой разсказъ *Чѣмъ люди живы*, сразу обратившій на себя всеобщее вниманіе и явившійся вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ. Съ того времени онъ издавался нѣсколько разъ, и въ настоящее время распространился по всѣмъ концамъ Россіи въ копеечныхъ брошюркахъ. Огромный успѣхъ этого, всѣмъ извѣстнаго, разсказа въ народной массѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ и извѣстная книга харьковскихъ учительницъ *Что читать народу* (стр. 17 — 29), гдѣ приводятся отзывы о немъ дѣтей и взрослыхъ изъ народа и разсказывается о производимомъ имъ впечатлѣніи, лишаетъ насъ удовольствія разбирать его содержаніе. По простотѣ, образности, народности и высокой человѣчности этотъ разсказецъ, едвали, не выше всего, что написано авторомъ для дѣтей и народа, а положенная въ основу евангельская мысль, что *въ людяхъ есть любовь*, что имъ *не дано знать того, что нужно для* тѣла, и *что живъ человѣкъ только любовью*, въ сущности, составляетъ единственную основу всего нравственнаго сердечнаго воспитанія, и даже самаго человѣческаго счастія. Не все-ли равно, развилъ ли бы эту мысль художникъ вполнѣ реально, безъ участія ангела и его мистическаго

исчезновенія, или развилъ такъ, какъ подсказала поэту религіозная фантазія—во всякомъ случаѣ, мысль ярко просвѣчиваетъ въ разсказѣ и оставляетъ въ душѣ глубокій слѣдъ.

По мысли и выполненію близко подходятъ къ разсказу *Чѣмъ люди живы* два разсказа, вполнѣ пригодные для чтенія и дѣтямъ, и народу: *Два старика* и *Гдѣ любовь, тамъ и Богъ*. Въ первомъ, основная идея такая: *Богъ велѣлъ каждому отбывать оброкъ любовью и добрыми дѣлами*. Два типа мужиковъ, строгій и серьезный Ефимъ и простодушный добрякъ и весельчакъ Елисей, идутъ въ Іерусалимъ душу спасать; но, между тѣмъ какъ Ефимъ достигаетъ Святаго Града, Елисей, отставъ на дорогѣ, попадаетъ въ избу бѣднаго крестьянина, семья котораго умираетъ съ голоду, и, тронувшись ихъ положеніемъ, истрачиваетъ на помощь имъ деньги, опредѣленныя на душеспасительное путешествіе, и, вмѣсто Іерусалима, возвращается домой, чувствуя гораздо больше нравственное удовлетвореніе, чѣмъ его, побывавшій въ Іерусалимѣ, солидный, товарищъ. Во второмъ разсказѣ — осиротѣлый старикъ-портной, Мартынъ, по совѣту странника, съ тоски начинаетъ читать Евангеліе, и находитъ себѣ утѣшеніе въ добрыхъ дѣлахъ. Значительно слабѣе разсказы—*Упустишь огонь, не потушишь* и *Свѣчка*. Первый, очень эффектный и занимательный, хотя и хорошъ по мысли—*христіанское прощеніе обидъ*—но кажется намъ нѣсколько искусственнымъ и неправдоподобнымъ. Едвали преступленіе Гаврилы,—поджогъ избы сосѣда, — могло остаться неоткрытымъ, когда всѣ въ деревнѣ знали о ихъ враждѣ, и самъ Гаврила грозилъ местью передъ бабами; едвали также и Иванъ могъ таки ужъ совсѣмъ простить и поджогъ, и смерть отца; да, наконецъ, и Гаврилу замучила бы совѣсть, — а между тѣмъ, послѣ всего, что было, оба сосѣда, какъ ни въ чемъ не бывало, зажили себѣ друзьями, и никто въ деревнѣ никогда о поджогѣ такъ и не узналъ. Не меньшею неправдоподобностью, или, по крайней мѣрѣ, исключительною случайностью, отличается назидательный разсказъ *Свѣчка*, гдѣ въ конецъ испорченный мерзавецъ-приказчикъ перестаетъ угнетать мужиковъ только потому, что добродѣтельный мужичокъ Петръ Михѣевъ безпрекословно повиновался его приказу пахать въ Свѣтлый праздникъ землю и, прилѣпивъ къ сохѣ зажженую свѣчку, которая какимъ-то чудомъ не погасала, пѣлъ за работой пасхальные стихи.

Извѣстная идея о непротивленіи злу, столь облюбленная гр. Л. Н. Толстымъ, положена въ основаніе и третьяго, совсѣмъ фантастическаго, большого разсказа *Крестникъ*, гдѣ кротость героя дѣлаетъ святого даже изъ закоренѣлаго разбойника.

Гораздо лучше этихъ трехъ послѣднихъ вещей поэтическая легенда *Тра старца*: пещерники уединеннаго острова на Бѣломъ Морѣ, которые спасаются своей странной молитвой: *трое васъ, трое насъ, помилуй насъ*, только потому, что въ нихъ такъ крѣпка вѣра. Хороши также разсказы: *Много ли земли нужно человѣку* (наказанная жадность мужика, польстившагося на дешевизну башкирскихъ земель) и *Зерно съ куриное яйцо* (такія зерна давала земля въ старину, *когда земля вольная была, и когда своимъ только труды свои называли*).

Довольно рискованной для чтенія народу представляется сказка *Иванъ-Дуракъ*. Съ одной стороны, возводя въ апоѳеозъ крестьянскій земледѣльческій трудъ и мужицкое царство безъ войска и денегъ, отъ коихъ, по мнѣнію автора, одно только зло, она, съ другой стороны, рисуетъ въ смѣшномъ видѣ *трудъ головной*, который противопоставляется работѣ *руками и горбомъ*. Нашъ народъ и безъ того слишкомъ иронически относится ко всякому умственному труду и легко можетъ увидѣть въ сказкѣ насмѣшку надъ наукой, какъ барскою прихотью. Излишнимъ кажется намъ также въ этомъ разсказѣ и элементъ чертовщины, которая является здѣсь въ образѣ трехъ чертенятъ и стараго чорта. Та же чертовщина фигурируетъ и въ сказкѣ *Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ*, передѣланной потомъ самимъ авторомъ въ народную пьесу *Первый винокуръ*, гдѣ этихъ чертей цѣлый ассортиментъ, и гдѣ мужики, какъ и въ сказочкѣ, ужъ очень глупы. Кажется, этой чертовщины, какъ и всякихъ другихъ суевѣрій, у нашего народа слишкомъ достаточно, чтобы еще вводить въ его литературу подобные же элементы. Да и сказочка-то ужъ слишкомъ наивна, хотя все-таки лучше пьесы, которая отличается юморомъ, крайне тяжелымъ и грубымъ и, по нашему мнѣнію, едва ли, не слабѣйшее изъ всѣхъ произведеній, нарочно написанныхъ авторомъ для народа.

На ряду съ книжками гр. Л. Н. Толстой сталъ было выпускать и народныя раскрашенныя картины, съ подписями, излагающими содержаніе, весьма художественныя по исполненію, кои заслуживаютъ самаго широкаго распространенія въ на-

родной средѣ. Такихъ текстовъ въ *Собраніи сочиненій* гр. Л. Н. Толстого помѣщено четыре; всѣ они могутъ быть съ интересомъ прочитаны и отдѣльно, безъ картинъ: 1) *Вражье лѣпко, а Божье крѣпко* (рабъ Алебъ, наущенный *дьяволомъ*, на зло барину уродуетъ его любимаго барана; но баринъ побѣждаетъ въ себѣ злобу и, отплативъ за зло добромъ, приводитъ раба къ раскаянію); 3) *Дѣвочки умнѣе стариковъ* (мысль текста: *аще не будете, какъ дѣти, не войдете въ царствіе небесное);* 3) *Два брата и золото*—разсказъ, которымъ, по его нелѣпости, слѣдуетъ пользоваться осторожно. Два брата, питавшіеся подаяніемъ, всѣ дни проводятъ на работѣ для другихъ бѣдняковъ. *Дьяволъ* (опять дьяволъ!!) подбрасываетъ одному изъ братьетъ золото, на которое тотъ строитъ въ городѣ *пріютъ* для вдовъ и сиротъ, *больницу* для хворыхъ и убогихъ и, наконецъ, домъ *странниковъ и нищихъ*. Но этотъ поступокъ встрѣчаетъ въ Ангелѣ осужденіе, такъ какъ не *золотомъ, а только трудами можно служить Богу и людямъ.*—А какъ же?—спроситъ читатель: — значитъ, больницы, школы, пріюты устраивать не слѣдуетъ, такъ какъ вѣдь безъ денегъ они основываться не могутъ? 4) *Ильясъ*—богатый башкиръ только тогда узнаетъ съ женой счастье, когда потерялъ свое богатство и сталъ работать на другихъ *).

Въ заключеніе разсмотрѣнія народныхъ книгъ гр. Л. Н. Толстого скажемъ нѣсколько словъ о драмѣ *Власть тьмы.*

Говорить о высокихъ художественныхъ достоинствахъ этой, извѣстной, вещи полагаемъ излишнимъ, точно такъ же какъ и о томъ, что для дѣтей она немыслима. Народу прочитать ее стоитъ, но, какъ намъ кажется, *именно прочитать и побесѣдовать о ней*, но не давать въ руки. Тогда можно указать не только на основную мысль:—отъ перваго преступнаго шага прямая дорога къ самымъ страшнымъ преступленіямъ,—но и на слѣдующія, весьма важныя, стороны: страшный мракъ невѣжества, отсутствіе самыхъ элементарныхъ нравственныхъ понятій, положеніе и воспитаніе нашихъ крестьянскихъ женщинъ, поразительное равнодушіе, съ которымъ совершаются преступленія, и еще болѣе ужасная безу-

---

*) Картинъ этихъ, кажется, въ продажѣ уже нѣтъ, но ихъ изданіе, какъ и вообще картинъ нашихъ художниковъ, съ текстами, весьма желательно. В. О.

частность къ нимъ со стороны лицъ постороннихъ (отношеніе къ убійству ребенка со стороны Митрича). По нашему мнѣнію, эта пьеса какъ нельзя болѣе является горячимъ адвокатомъ за истинное просвѣщеніе *народа*, коснѣющаго въ невѣжествѣ, которое и есть та *тьма*, во *власти* которой онъ находится. Такъ ярко эту тьму, какъ изображена въ пьесѣ, не показывалъ въ нашей литературѣ, кажется, еще никто.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, предназначенныхъ *собственно для дѣтскаго или народнаго чтенія*, переходимъ къ другимъ сочиненіямъ, составившимъ автору славу одного изъ величайшихъ художниковъ. Всѣ они, за исключеніемъ „*Записокъ маркера*", „*Двухъ гусаровъ*", „*Альберта*", „*Встрѣчи*" и въ цѣломъ—„*Войны и мира*", и „*Анны Карениной*"—романовъ, изъ которыхъ можно отобрать только нѣкоторыя мѣста, да, пожалуй, „*Юности*", представляютъ въ педагогическомъ отношеніи матеріалъ очень благодарный, хотя и для различныхъ возрастовъ, но, по преимуществу, для дѣтей изъ семействъ болѣе образованныхъ. Сюжеты и обстановка, изображаемые авторомъ, обнимаютъ, по большей части, жизнь помѣщичью,—среду, такъ сказать, *аристократическую*, интересы которой народу совершенно чужды. Наконецъ, самое изложеніе Толстого, при всей простотѣ, отличается необыкновенно тонкимъ анализомъ внутренней жизни дѣйствующихъ лицъ и множествомъ описаній, напр. природы, что требуетъ отъ читателя уже нѣкотораго развитія эстетическаго и интереса къ такого рода чтенію. Вотъ почему намъ кажется, что этотъ писатель, по преимуществу, требуетъ, при чтеніи съ дѣтьми, педагогическаго руководства, которое могло бы помочь юношѣ найти красоту и смыслъ въ разсказахъ, повидимому, часто очень бѣдныхъ внѣшнимъ содержаніемъ. Но зато, если дѣти вчитаются въ этого писателя, великое богатство самаго гуманнаго чувства, цѣлый рядъ простыхъ, глубоко симпатичныхъ образовъ, обыкновенно не замѣчаемыхъ въ жизни, станетъ достояніемъ неиспорченной дѣтской души, въ которой отъ раннихъ лѣтъ нужно будить чуткость къ воспріятію сторонъ жизни мало замѣчаемыхъ, но имѣющихъ для человѣка глубокій смыслъ.

Всѣ сочиненія Толстого для нашихъ цѣлей мы раздѣлили бы по сюжетамъ на три большія группы: I. *Жизнь семейная*, II. *Жизнь военная* и III. *Разныя сочиненія*. Сообразно этому дѣленію и будемъ данный матеріалъ разсматривать.

I. Жизнь семейная.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случилося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попасть на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру,
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась: и снова ты видѣлъ
Край родимый, и всѣ обаянія младости, блага
Первой чистой любви на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая;
Здѣсь живется сладко; здѣсь сердцу будетъ пріятно:—
Вспомни такую минуту...

Эти стихи изъ „*Ундины*" мы уже приводили,—говоря о педагогическомъ значеніи повѣсти Жуковскаго. Мы опять вспомнили ихъ, перечитывая семейные разсказы гр. Толстого. Именно этою свѣжестью ранней юности, идилліей маленькихъ домашнихъ радостей и горестей, дѣтскихъ слезъ и первыхъ чувствъ вѣетъ отъ этихъ простыхъ повѣствованій изъ домашняго, семейнаго, быта помѣщиковъ. Вотъ передъ нами десятилѣтній ребенокъ (*Дѣтство*) съ своимъ добрѣйшимъ учителемъ, Карломъ Ивановичемъ, выставленный въ день своего рожденія, съ своей доброй, такой слабенькой, нѣжной, болѣзненной, *maman*; съ строгимъ, немножко сухимъ, скучающимъ въ деревнѣ по шуму городской жизни, *папа*; съ гувернанткой *Мими*, съ сестрой *Любочкой* и ея контрастомъ,—дочерью гувернантки *Катенькой*, съ старшимъ, который большится, братомъ *Володей*, съ почтеннымъ дворецкимъ *Фокой*; съ берегущей, какъ зѣницу ока, господское добро, старой баловницей дѣтей, ключницей *Наталіей Савишной*, и, наконецъ, почти необходимою принадлежностью старинной помѣщичьей жизни, юродивымъ *Гришей*. Что за галлерея семейныхъ портретовъ! Сколько гуманнаго чувства любви и къ этому учителю, такому смѣшному по наружности и манерамъ, и къ этой бѣдной, нелюбимой мужемъ, матери, и къ обиженному природой юродивому разлито въ этой безхитростной повѣсти! Вотъ на какихъ вещахъ должно воспитываться чувство ребенка!

Введя читателя въ семью, авторъ останавливается на выдающихся явленіяхъ дѣтской жизни. Охота, въ которой маленькій герой участвуетъ только въ качествѣ зрителя, игры *), дѣтское рисованіе „*синихъ*“ зайцевъ, впечатлѣніе на ребенка музыки (исполненіе матерью на фортепьяно сонаты Бетховена), благоговѣніе передъ таинственными кабинетными занятіями отца, который кажется ребенку такимъ важнымъ и недоступнымъ, рѣшеніе везти мальчиковъ въ столицу, ночное подсматриваніе веригъ Гриши, его ночная молитва, біографія Натальи Савишны, наконецъ, разлука, прощаніе съ матерью и, особенно, теплыя воспоминанія объ этомъ добромъ ангелѣ семьи — все это такой педагогическій матеріалъ, подобнаго которому не часто встрѣтишь и въ литературѣ иностранной, не говоря уже о томъ, какъ хорошо рисуется здѣсь именно *русская*, скучная, однообразная помѣщичья жизнь.

Съ XVI главы повѣсти маленькій герой уже въ Москвѣ, у богатой княгини — бабушки. Картины деревенской дѣтской жизни, подъ присмотромъ нѣмца гувернера, смѣняются картинами барскаго воспитанія.

Герой пишетъ бабушкѣ поздравительные стихи въ именины. Въ его воспитаніе вмѣшивается аристократизмъ, обученіе манерамъ; у мальчика являются новые товарищи. Онъ принимаетъ участіе въ балѣ, и, подъ вліяніемъ разнообразія новыхъ впечатлѣній, начинаетъ забывать о матери. Но вотъ, получается отцомъ письмо о ея болѣзни, и страшное первое горе посѣщаетъ мальчика: мать умираетъ. Эта предсмертная болѣзнь, разсказъ Натальи Савишны о послѣднихъ минутахъ страдалицы, впечатлѣніе на ребенка смерти, описаніе похоронъ, пустоты въ домѣ послѣ покойницы, наконецъ образъ Натальи Савишны, которая, не смотря на всю глубокую скорбь, сохраняетъ хозяйственную распорядительность, — всѣ эти сцены — наиболѣе сильныя по благотворному впечатлѣнію на чувство дѣтей.

Если „*Дѣтство*“, за исключеніемъ главы IX-ой, пригодно для дѣтскаго чтенія вполнѣ, то составляющее его продолженіе „*Отрочество*“, требуетъ опущеній уже гораздо большихъ, и, по исключительности изображенія воспитанія аристократическаго, представ-

*) Глава IX *Что-то въ родѣ первой любви* можетъ быть опущена, какъ рисующая пробужденіе въ ребенкѣ половыхъ стремленій.

ляетъ вообще для дѣтей и гораздо меньшій интересъ. Такъ, главы VI-ая — *Маша* (проявленіе половыхъ стремленій къ горничной) XVIII-ая (отношеніе къ Машѣ старшаго брата Володи) и XIX-ая (*Отрочество*), а также послѣднія главы съ XXI-ой могутъ быть опущены вовсе. Но зато въ этой же повѣсти есть такія прекрасныя вещи, какъ *Исторія Карла Ивановича* (главы VIII, IX, X), *описаніе дороги* (глава 1-ая — *Поѣздка на долгихъ*), *грозы* (во II-ой—*Гроза*), *разговоры* маленькаго *героя съ Катенькой о богатствѣ и бѣдности* (глава III—*Новый взглядъ*), рисующіе *наивное невѣдѣніе жизни* и *отношеній между людьми* въ мальчикѣ, воспитываемомъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи всего того, что выходитъ изъ круга интересовъ большого аристократическаго дома; изображеніе *дѣтскихъ проступковъ* (главы VII-ая—*Дробь*, XI-ая—*Единица*, XII-ая — *Ключикъ*, XIV, XV и XVI — ненависть къ гувернеру) — все это и представляетъ интересъ, и даетъ воспитателю матеріалъ для бесѣдъ съ дѣтьми, которыя найдутъ въ этихъ разсказахъ много общаго и съ своею собственною жизнью*).

Рядомъ съ этими картинами дѣтства и отрочества поставили бы мы небольшой разсказъ „*Метель*". Собственно, содержанія въ немъ очень мало; но разсказанъ онъ мастерски. Герой сбивается съ пути ночью, въ степяхъ Земли Донского Войска, едва не замерзаетъ на дорогѣ, и, наконецъ, къ утру благополучно добирается до станціи. Вотъ и все; но на этой незатѣйливой канвѣ— цѣлый рядъ картинъ, ощущеній героя, воспоминаній, навѣваемыхъ однообразнымъ скрипомъ саней и бряцаньемъ колокольчика, и все это представлено такъ интересно, что, начавъ читать разсказъ, не оторвешься отъ него, а когда кончишь, все еще ждешь чего то, жалѣя, что онъ такъ скоро кончился. Кромѣ картины степи, типичныхъ разговоровъ ямщиковъ и изображенія ихъ неприглядной трудовой жизни съ опасностью замерзнуть въ степи, или погибнуть ни за грошъ отъ руки лихого человѣка, авторъ рисуетъ

---

*) Опускаемъ „*Юность*", такъ какъ, при всей обычной у Толстого, прелести разсказа и прекрасныхъ частностяхъ, она изображаетъ совершенно безсодержательную жизнь богатой студенческой молодежи, проводящей время въ игрѣ и визитахъ, и съ наукой имѣющей общаго очень мало. Педагогическое значеніе этой повѣстки развѣ отрицательное. На нее можно указать, какъ на грустный результатъ пустого, чисто внѣшняго воспитанія.

проносящіяся въ головѣ полудремлющаго въ саняхъ барина картины его дѣтства въ родѣ изображенныхъ въ указанной повѣсти. Но здѣсь взятъ одинъ только эпизодъ о томъ, какъ утонулъ въ пруду мужикъ-прохожій; какъ безтолково и глупо отнеслась къ этому факту барская дворня, и какъ перепугалась за своего внучка-барченка, свидѣтеля катастрофы, добрѣйшая его бабушка.

Существуетъ, особенно у англичанъ, цѣлый рядъ романовъ, писанныхъ, большею частію, женщинами, предназначенныхъ, по преимуществу, для чтенія подрастающихъ дѣвочекъ, съ цѣлью возбудить въ нихъ любовь къ семейной жизни, уваженіе къ святости домашняго очага и къ мужу, какъ къ ближайшему и лучшему другу и главѣ дома, измѣна которому влечетъ за собою величайшія несчастія для жены. Романы эти, часто отличающіеся слащавою сентиментальностію и сухою моралью, какъ и все претендующее на тенденцію и поучительность, дышатъ скукой непроходимой и чопорностію. Но, читая большой романъ Толстого „*Семейное счастіе*", мы вспомнили объ этихъ уродахъ поэзіи не потому, чтобы они имѣли съ нимъ какое нибудь сходство, а потому, что романъ этотъ вовсе не претендуетъ на поучительность и, отличаясь отъ нихъ, какъ небо отъ земли, художественностью, имѣетъ педагогическое *значеніе*, особенно *для дѣвочекъ средняго возраста*. Рамки романа узенькія:—онѣ обнимаютъ семейную жизнь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и если во второй части авторъ и везетъ свою героиню въ Москву, Петербургъ и за границу, заставляетъ ее окунуться въ вихрь свѣтской жизни и блистать въ обществѣ, то въ концѣ концовъ все же возвращаетъ ее въ лоно тихой семейной деревенской жизни съ мужемъ и ребенкомъ, къ тихому семейному счастью, немножко эгоистическому, немножко узенькому, которое, повидимому, любимый идеалъ автора. Въ первой части (романъ написанъ въ формѣ автобіографіи героини) предъ нами дѣвушка-сиротка, живущая въ уединеніи въ своей деревнѣ съ старымъ, вѣрнымъ другомъ дома, гувернанткой Катей и маленькой сестрой Соней. Опекунъ сиротъ, пожилой уже человѣкъ и хорошій хозяинъ, Сергѣй Михайловичъ, сначала обращается съ семнадцатилѣтней героиней, Марьей Александровной, какъ съ ребенкомъ; они гуляютъ вмѣстѣ, болтаютъ, и мало-помалу сближаются до любви. Гувернантка, видящая какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, въ опекунѣ отличнаго жениха для своей

питомицы, отчасти даже способствуетъ ихъ сближенію, и послѣ обыкновенныхъ, въ такихъ случаяхъ, разговоровъ о томъ, что женихъ и невѣста не стоятъ другъ друга, сватьба все таки улаживается. Вотъ и вся первая часть. Но въ этой простотѣ сюжета какъ много высоко-художественнаго, глубоко-образовательнаго, содержанія! Сколько общаго съ своими собственными чувствами, съ своими, самыми затаенными, неясными, мечтами найдетъ для себя въ этой части юная, неиспорченная сердцемъ, читательница. Тутъ и тоска одиночества въ глуши, въ деревнѣ, зимой, подъ свѣжимъ воспоминаніемъ недавней смерти любимой матери, и воспоминанія о покойномъ отцѣ, который какъ бы заранѣе предугадалъ въ своемъ другѣ жениха для любимицы дочери, и коротанье времени за фортепьяно въ долгіе зимніе вечера, и прогулки рука объ руку по залѣ, съ человѣкомъ, къ которому уже начинаешь чувствовать что-то больше привычки, и дѣвичьи молитвы по ночамъ, и жизнь не своею жизнью, а жизнью любимаго человѣка. Эта идиллія дѣвическаго внутренняго міра принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ, написаннымъ гр. Л. Толстымъ; но, едва ли, еще не лучше сцены приготовленія къ говѣнью, день, въ который героиня пріобщается, приготовленія къ сватьбѣ, хлопоты гувернантки и матери жениха о приданомъ и устройствѣ квартиры, какъ о дѣлѣ необыкновенной важности; наконецъ, отправленіе жениха и невѣсты въ день сватьбы на могилу отца героини. Все это такъ просто, такъ, повидимому, старо, обыкновенно, но какъ интересно...

Вторая часть открывается идиллической картиной безмятежнаго счастія въ медовый мѣсяцъ: но мѣсяца черезъ два героиня начинаетъ въ деревнѣ скучать, и мужъ везетъ ее въ столицу. Здѣсь обнаруживается между супругами разница возрастовъ и вкусовъ, но вскорѣ героиня совершенно увлекается свѣтомъ, и отношенія между супругами становятся все болѣе и болѣе натянутыми. Молодая жена оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, судя по ея уединенному воспитанію и малому развитію, совсѣмъ непонимающею ни любви къ ней мужа, ни всей огромной стоимости открытой свѣтской жизни. Наконецъ, добрыя отношенія между ними порываются, повидимому, окончательно, и молодая женщина отдается свѣту вполнѣ, оставляя мужа работать дома для ея прихотей. Критика иногда упрекала автора въ пристрастіи къ описаніямъ великосвѣтской жизни; но не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ раз-

вѣ В. Крестовскаго (псевдонимъ женщины писательницы), едвали кто изъ русскихъ писателей представлялъ такъ ярко, какъ гр. Толстой, всю ея уродливость, пустоту и ничтожность. На эту-то сторону романа стоитъ также обратить вниманіе читательницъ. Но вотъ, у героини рождается ребенокъ. Материнское чувство, съ такою силою охватившее ее въ первое время, черезъ два мѣсяца, „уменьшаясь и уменьшаясь, перешло въ привычку и холодное исполненіе долга". Мать снова предается обществу, и всѣ заботы о ребенкѣ остаются на долю мужа. Наконецъ, супруги ѣдутъ за границу на воды, и молодая женщина едва не становится измѣнницей мужу; но во-время спохватывается и возвращается въ тихое лоно семейнаго счастія уже преображенною тяжелымъ испытаніемъ, открывшимъ ей наконецъ глаза.

Таковъ этотъ простой романъ—апоѳеоза тихой семейной жизни, имѣющій важное педагогическое значеніе для чтенія молодымъ дѣвушкамъ, особенно, подъ руководствомъ разумной матери, гувернантки или учительницы. Но предупреждаемъ воспитательницъ, что онѣ должны быть готовы отвѣтить и на такіе вопросы, легко могущіе возникнуть въ читательницахъ: „А не слишкомъ ли старъ для этой семнадцатилѣтней, наивной, незнающей жизни, дѣвочки этотъ, хотя бы и прекраснѣйшій, человѣкъ, Сергѣй Михайловичъ? Правъ ли былъ онъ, предоставивъ своей женѣ-ребенку увлекаться свѣтскою жизнью, которую онъ справедливо презиралъ, и не могло ли испытаніе быть куплено слишкомъ дорогою цѣною? Наконецъ, что было бы съ этимъ семейнымъ счастіемъ, еслибы на мѣстѣ пошлаго итальянскаго графа оказался дѣйствительно хорошій человѣкъ, котораго бы она, и, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни, истинно и глубоко полюбила?" Надъ такими вопросами воспитательницамъ слѣдуетъ подумать, а совершенное убереженіе дѣвочекъ развивающихся, вообще, скорѣе мальчиковъ, отъ чтенія романовъ, даже такихъ высоко-нравственныхъ, какъ этотъ, едва ли не отзывается черезчуръ искусственною педагогіею?

Чтобы покончить съ отдѣломъ, такъ сказать „семейныхъ" произведеній Толстого, остается упомянуть еще о „*Войнѣ и мирѣ*", гдѣ много прекраснѣйшихъ семейныхъ сценъ (напр. *изображеніе дядюшки—охота*) для болѣе взрослыхъ дѣтей:—*святки, сборы на балъ*, пожалуй, *ночная бесѣда дочери съ матерью о женихахъ, говѣнье Наташи*. Но всѣ эти сцены, взятыя отдѣльно, довольно

отрывочны, и будутъ, какъ намъ кажется, имѣть гораздо болѣе значенія въ связи съ романомъ, когда впослѣдствіи онъ прочтется въ цѣломъ... Въ цѣломъ же чтеніе *Войны и мира*, какъ интереснѣйшихъ картинъ общества первой четверти девятнадцатаго столѣтія, для дѣтей, можетъ быть, и рановременно.

II. Жизнь военная.

Было время, когда возбужденіе въ дѣтяхъ, особенно мальчикахъ, воинственнаго духа, считалось дѣломъ великой педагогической важности. Мы сами еще живо помнимъ, какъ лѣтъ петьдесятъ назадъ были распространены въ семьяхъ, гдѣ есть дѣти, всякія военныя игрушки, въ родѣ касокъ, сабель, знаменъ, солдатиковъ и проч., которыя въ настоящее время встрѣчаются въ образованныхъ семьяхъ гораздо рѣже. Помнимъ, какъ у мальчиковъ воинственныя игры были почти единственными; какъ въ комнатахъ и садахъ воздвигали мы—дѣти цѣлыя крѣпости; какъ наше пылкое воображеніе обращало въ живыхъ дѣйствующихъ людей этихъ маленькихъ игрушечныхъ солдатиковъ; какъ ополчались мы съ деревянными мечами противъ нещадно побиваемыхъ нами крапивныхъ кустовъ, и нерѣдко, раздѣлившись на партіи, даже колотили слабѣйшихъ изъ нашихъ сверстниковъ. Дѣтская литература также шла за вѣкомъ; намъ дарили картинки военнаго содержанія, книжки въ родѣ „*Русскаго солдата*“, „*Галлереи воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній*“,—описаній подвиговъ русской храбрости,—исторій, въ которыхъ не было почти ничего, кромѣ войнъ, побѣдъ, убійствъ и разрушеній, тріумфовъ, оружія, торжествъ, доблестей и заманчивыхъ картинъ быстро пріобрѣтаемой военной славы. Насъ водили въ балаганы, гдѣ давались представленія съ пушечной пальбой и взрывами крѣпостей, а „*Блокада Ахты*“, извѣстная пьеса начала пятидесятыхъ годовъ, приводила насъ въ восторгъ и заставляла бредить военной службой, какъ единственной, гдѣ можно быть полезнымъ отечеству. Съ завистью смотрѣли мы—гимназисты на нашихъ братьевъ кадетъ, а красивый мундиръ для очень многихъ былъ верхомъ желаній.

Но, не смотря на общее военное настроеніе и стремленіе къ военной службѣ, мы знали только одну *внѣшнюю, блестящую, побѣдную,* сторону этой военной жизни, и, любуясь „*стройными*

рядами" красивыхъ солдатъ, о ихъ *дѣйствительной будничной* жизни не знали ничего. Самъ непріятель, напр. кавказскіе горцы, представлялся намъ какимъ-то дикимъ звѣремъ, котораго надобно крошить, уничтожать, и чѣмъ болѣе числомъ, тѣмъ лучше и доблестнѣе.

Прошло воинственное время; наступило другое, мирное,—время благихъ реформъ покойнаго Императора Александра II-го, время огдядки на свою собственную жизнь, время устройства нашей гражданской жизни и образованія ума и сердца будущихъ гражданъ въ духѣ любви, кротости и благоразумія. Фребелевскія игрушки смѣнили солдатиковъ; вмѣсто крѣпостей, дѣти строятъ домики, копаютъ гряды, возятся съ акваріумами и цвѣтами; вмѣсто военныхъ пѣсенъ, въ родѣ „*Было дѣло подъ Полтавой*", поютъ мирныя пѣсенки про крестьянина съ его работами; вмѣсто книжекъ о военныхъ подвигахъ, читаютъ простыя исторіи изъ обыкновенной жизни и біографіи тѣхъ людей, которые отличались на поприщѣ науки, искусства, или иной общественной дѣятельности на благо человѣчества. Великое дѣло всеобщей воинской повинности уравняло всѣхъ въ дѣлѣ служенія на защиту своего отечества, въ случаѣ грозящей ему опасности.

Въ настоящее-то мирное время особенно важно познакомить дѣтей, будущихъ солдатъ, съ военнымъ бытомъ *внутреннимъ*,—съ жизнью лагерною и боевою, и не только со стороны блестящей, бросающейся въ глаза, но и съ той, которая, хоть и не видна, однообразна, но, тѣмъ не менѣе, требуетъ отъ человѣка огромнаго терпѣнія, лишеній и твердости духа, можетъ быть, еще въ большей степени, чѣмъ нервнаго одушевленія, охватывающаго человѣка въ минуту физической борьбы на смерть. Будущихъ воиновъ надобно выучить терпѣть болѣе, чѣмъ когда нибудь, ознакомить съ внутреннимъ міромъ ихъ будущихъ товарищей, которые должны быть для нихъ не только солдатами, но и людьми. Такое стремленіе къ очеловѣченію солдата, къ его образованію,—такое гуманное отношеніе къ нему и интересъ къ улучшенію его быта, ясно обнаруживаетъ и само правительство, и педагогія должна всѣми мѣрами содѣйствовать благимъ намѣреніямъ послѣдняго, воспользовавшись тѣми средствами, которыя у нея въ рукахъ. Одно изъ могущественныхъ средствъ, въ этомъ случаѣ,—литература, и потому съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на военныхъ разсказахъ гр. Толстого.

Гр. Толстой не сторонникъ войны. Во многихъ сочиненіяхъ онъ горько скорбитъ о томъ, что человѣчество, при всемъ высокомъ развитіи науки, до сихъ поръ не научилось еще рѣшать споры путемъ мирныхъ переговоровъ, и жертвуетъ столькими тысячами человѣческихъ жизней въ кровопролитныхъ войнахъ, которыя часто ведутся только изъ однихъ самолюбивыхъ побужденій, ненасытнаго честолюбія или эгоистическихъ разсчетовъ. Горькая иронія слышится у поэта, когда изображаетъ онъ въ „*Войнѣ и мирѣ*“ этого величайшаго честолюбца—Наполеона, и выдвигаетъ въ описаніи Бородинской битвы эту, часто совершенно безплодную, ненужную, гибель цѣлыхъ полковъ; съ потрясающей правдой рисуетъ онъ бѣгство изъ Смоленска и Москвы мирныхъ жителей, паническій страхъ передъ приближеніемъ неотразимой силы разрушенія. Сердце надрывается отъ боли, когда читаешь описанія предсмертныхъ страданій въ госпиталяхъ и на полѣ битвы, или о томъ, какъ относятся эти, привыкшіе къ смерти, люди, ежеминутно рискующіе умереть и сами, къ трупамъ, ранамъ, стонамъ и крикамъ. Такими изображеніями Толстой способенъ прохладить какой угодно военный пылъ не нюхавшаго пороху почитателя Марса, и воспитатель сдѣлаетъ хорошо, если, замѣтивъ въ питомцѣ неумѣренное увлеченіе военной славой, дастъ ему прочитать описаніе подобныхъ сценъ. Но, съ другой стороны, едва ли, можно лучше Толстого изобразить всю важность, все значеніе подвига патріотической защиты отечества, когда оно въ истинной опасности; когда ему въ жертву несетъ человѣкъ беззавѣтно, со всѣмъ увлеченіемъ любви къ нему, безъ всякой надежды на награду здѣсь, на землѣ, свою собственную жизнь, въ которой онъ переносилъ и перенесетъ, если останется живъ, столько горя и лишеній... Какой безпощадной сатирой бичуетъ поэтъ всякаго,— будь это генералъ, солдатъ, или простой обыватель, равнодушіе къ общественному дѣлу, эгоистическій разсчетъ, когда нужно жертвовать всѣмъ; стремленіе поживиться въ минуты общаго бѣдствія казеннымъ, или частнымъ добромъ! Какимъ умнымъ человѣкомъ, желающимъ спасти отечество, спокойнымъ и умѣлымъ, рисуетъ поэтъ старика-Кутузова, не скрывая, однако, нѣкоторыхъ его недостатковъ и комическихъ сторонъ. Подобныя изображенія, съ такимъ здравымъ отношеніемъ къ событіямъ историческимъ, могутъ быть только у художника, который вмѣстѣ съ тѣмъ и

самъ патріотъ, въ благороднѣйшемъ, высокомъ, смыслѣ этого слова. Не скрывая отъ юноши, что война есть величайшее, противуестественнѣйшее, общественное бѣдствіе,—не скрывая темныхъ сторонъ нашего военнаго быта, нашего, часто слишкомъ большого, равнодушія къ бѣдамъ родины и узкаго себялюбія, гр. Толстой поселитъ въ юношѣ и отвращеніе отъ войны, и возмутитъ его сердце негодованіемъ къ этому себялюбію, и къ равнодушію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэтъ научитъ юношу, въ случаѣ грозящей родинѣ опасности, не задуматься пожертвовать этой родинѣ всѣмъ и умирать за нее героемъ.

Три великія военныя эпохи послѣдняго столѣтія захватываетъ Толстой: продолжительную борьбу Россіи съ Кавказомъ, осаду Севастополя и отечественную войну 1812 года. Къ первой относятся разсказы: *Набѣгъ, Рубка лѣса* и, отчасти, *Казаки* (*Встрѣчу съ московскимъ знакомымъ* мы опускаемъ, какъ не представляющую интереса педагогическаго); ко второй; — *Севастополь въ декабрѣ и маѣ 1854 года* и *Севастополь въ августѣ 1855 года*; къ третьей—отрывки изъ „*Войны и мира*“. Такимъ образомъ, сообщивъ дѣтямъ, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, значеніе и ходъ этихъ трехъ великихъ нашихъ войнъ, воспитатель можетъ перейти къ ознакомленію и съ самыми разсказами.

Первая повѣсть, съ которой можно начать ознакомленіе съ военною жизнью,—*Казаки*,—богата матеріаломъ этнографическимъ. Слѣдовало бы приступить къ чтенію не прямо, а сначала ознакомить читателей, напр. съ отрывкомъ изъ „*Кавказскаго плѣнника*“ Пушкина—*Горцы* („Но европейца все вниманье народъ сей дивный привлекалъ...“), съ его же неоконченною повѣстью „*Галубъ*“, съ отрывками изъ „*Мцыри*“ Лермонтова и его же „*Споромъ*“,—наконецъ, съ указаннымъ уже „*Кавказскимъ плѣнникомъ*“ самого Толстого. Изъ этихъ произведеній читатели ознакомятся, во-первыхъ, съ оригинальной природой Кавказа и зависящими отъ нея особыми условіями жизни, во-вторыхъ, съ воинственнымъ характеромъ горца, въ-третьихъ, наконецъ, съ частнымъ, домашнимъ бытомъ горцевъ, а въ стихотвореніи Лермонтова „*Споръ*“, которое мы поставили бы послѣднимъ передъ чтеніемъ „*Казаковъ*“, увидятъ значеніе войны съ Кавказомъ въ смыслѣ просвѣтительныхъ стремленій на Востокъ. По прочтеніи этихъ произведеній „*Казаки*“ явятся какъ бы дополненіемъ къ нимъ, такъ какъ эта по-

вѣсть, касаясь быта горцевъ только слегка, останавливается на изображенiи быта казачьяго. Въ цѣломъ „*Казаки*“ — повѣсть не для дѣтей, и можетъ имѣть педагогическое значенiе только въ рукахъ воспитателя, который опуститъ при чтенiи все то, что не имѣетъ интереса этнографическаго, или для дѣтскаго чтенiя рановременно. Такъ,—первыя двѣ главы,—причины отъѣзда на Кавказъ прокутившагося и соскучившагося свѣтскою жизнью Оленина, могутъ быть переданы вкратцѣ, и чтенiе начато съ третьей главы—описанiе дороги и перваго впечатлѣнiя отъ кавказской природы, получаемаго столичнымъ жителемъ, никогда не видавшимъ горъ. Главы IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, прямо вводятъ въ эту жизнь казачьей станицы, со всѣми ея интересами,—отношенiе къ русскимъ солдатамъ и офицерамъ. Цѣлый рядъ личностей, одна другой рельефнѣе: жены хорунжаго, Улиты, дѣвушки Марьянки, лихого Козьмы, Лукашки, Назарки и др., такъ и врѣзываются въ память читателя: цѣлый рядъ маленькихъ сценокъ, въ родѣ—возвращенiя въ станицу скотины, прихода солдатъ на постой, ночной стоянки на берегу Терека, убiенiя абрека и отношенiя казаковъ къ мертвому тѣлу, отношенiя къ казачьимъ порядкамъ великорусса-деньщика,—все это полно интереса, и вводитъ въ знакомство съ кавказскимъ бытомъ. Главы XII, XIII (ухаживанье офицера за Марьянкой), также XVIII, XXVI, XXV, XXVI, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXIV, XXXVII, XXXVIII (развитiе любовной интриги, и вообще любовный элементъ) при чтенiи съ дѣтьми слѣдовало бы опустить, точно такъ же, какъ и нѣкоторыя слова и выраженiя; все же остальное (напр. жилище и жизнь старика Ерошки, схватка казаковъ съ джигитами) даетъ много матерiала этнографическаго.

За „*Казаками*“ поставили бы мы два небольшiе разсказа: „*Набѣгъ*“ и „*Рубка лѣса*“, которые могутъ быть прочитаны дѣтьми безъ всякихъ выпусковъ. Въ первомъ изъ нихъ—образъ грубоватаго стараго служаки, бѣдняка—капитана, иронически относящагося къ молодому офицерику, которому хочется узнать, „*Какiя сраженiя бываютъ, посмотрѣть, какъ убиваютъ людей*“,—и образъ живущей гдѣ-то далеко въ Россiи старушки матери послѣдняго, благословившей сына и ожидающей его къ себѣ. Весело выступаетъ полкъ въ походъ, равнодушны люди къ жизни и смерти, но сколько въ этихъ, привыкшихъ ко всякимъ ужасамъ, лю-

дяхъ нѣжности и участія къ умирающему товарищу (трогательная сцена смерти молоденькаго прапорщика). Второй разсказъ (*Рубка лѣса*), выдвигающій еще болѣе, чѣмъ жизнь офицеровъ, жизнь простыхъ солдатъ въ ихъ взаимныхъ, но человѣчныхъ, отношеніяхъ (смерть солдатки, солдатскіе разсказы, пѣсни), можетъ служить заключительной картиной закавказскаго военнаго быта.

Ознакомивъ съ боевою жизнью на Кавказѣ, можно перейти къ разсказамъ о Севастополѣ. Ихъ всего три, и всѣ небольшого объема; но, по богатству содержанія, яркости изображаемыхъ картинъ и глубокому чувству, которымъ они проникнуты—это, буквально,—единственная у насъ, скромная, эпопея великой осады города, подобныхъ которой немного сыщется во всей всемірной исторіи. Все, что говорили мы раннѣе о патріотическомъ значеніи *военныхъ разсказовъ* Толстого, пришлось бы здѣсь только повторить, говоря о „*Севастополѣ*“ въ отдѣльности. Прибавимъ только одно, что, по нашему убѣжденію, если воспитатель проникнется значеніемъ этихъ разсказовъ и захочетъ затронуть въ дѣтяхъ все, что въ ихъ юныхъ душахъ есть святого и нѣжнаго; если захочетъ показать, что значитъ любить родину, какъ умирали русскіе люди за великое дѣло, какъ терпѣли всѣ лишенія, какія только можетъ представить себѣ человѣкъ,—то эти три, четыре вечера, которые посвятитъ онъ на такое чтеніе, на всю жизнь запечатлѣются въ юныхъ душахъ будущихъ слугъ отечества. Если захочетъ воспитатель показать дѣтямъ, на что способны эти героини—сестры милосердія, этотъ русскій солдатъ, который на величайшій свой подвигъ смотритъ безъ бахвальства и хвастовства, какъ на дѣло простой необходимости; если захочетъ открыть передъ дѣтьми его простую душу—пусть воспитатель прочтетъ эти разсказы—и дѣти полюбятъ солдата и тотъ народъ, который способенъ высылать въ годины народныхъ бѣдствій изъ своей темной среды такихъ богатырей силы физической и крѣпости душевной. Предъ севастопольскими разсказами Толстого молчитъ похвала, такъ они хороши; и чьей душѣ эти разсказы не скажутъ ничего,—тотъ глухъ и нѣмъ къ тому, что называютъ великимъ словомъ—*поэзія*.

Напомнимъ только о нѣкоторыхъ наиболѣе рельефныхъ описаніяхъ и сценахъ. Таковы, *въ первомъ* разсказѣ: общая картина Севастополя въ декабрѣ 1854 г., зала собранія, наполненная ранеными, четвертый бастіонъ, заключеніе разсказа о защитникахъ

Севастополя; *во второмъ (Севастополь въ маѣ 1855 г.)*,—предчувствія смерти и прощаніе капитана съ квартирой и деньщикомъ (IV), отношенія женщинъ къ выстрѣламъ (VI), сестры милосердія (VIII), потрясающая картина смерти (XIV—XVI), мальчикъ, разсматривающій трупы и собирающій цвѣты; *въ третьемъ (Севастополь въ августѣ 1855 г.)*—приближеніе къ городу и въѣздъ; только что выпущенный изъ корпуса офицерикъ, ѣдущій въ Севастополь (I—VIII); перевязочный пунктъ, опять сестры милосердія (X), офицерская жизнь, послѣднія условія отстоять городъ, наши потери, смерть молоденькаго офицера, смерть Володи, и, наконецъ, проникнутая величественнымъ, скорбнымъ тономъ картина выступленія изъ взятаго непріятелемъ города.

Переходя къ роману „*Война и миръ*", рисующему отечественную войну, ограничимся указаніемъ только на нѣкоторыя, наиболѣе рельефныя, мѣста, относящіяся къ изображенію войны, которыя, хотя и отрывочны, но настолько хороши, что, не воспользоваться ими жаль,—особенно, въ виду малаго количества интересныхъ и правдивыхъ книгъ о двѣнадцатомъ годѣ *). Такими мѣстами считаемъ слѣдующія: 1) *Бомбардированіе Смоленска* (отъ словъ: „*Было уже за полдень*" до „*Алпатычъ! вдругъ*"...), 2) *Обозы съ ранеными; полкъ идетъ въ походъ съ пѣснями, молебенъ, Кутузовъ, лагерь подъ Бородинымъ: Начало Бородинской битвы—батарея Раевскаго,* 3) *Наполеонъ во время Бородинской битвы*, какъ параллель съ нимъ — *Кутузовъ*; *Неужели это смерть?* Въ пятомъ томѣ—*картины сборовъ и выѣзда изъ Москвы* бѣгущей отъ непріятеля семьи Ростовыхъ, причемъ интересна *параллель* между двумя *сестрами*: Соней, хлопочущей объ укладкѣ вещей, и Наташей, сначала, повидимому, не принимающей ни въ чемъ участія, а потомъ требующей отъ родителей, чтобы они отдали повозки раненымъ; *картина оставленной Москвы*, которая сравнивается съ обезматочившимъ ульемъ; *знакомство Пьера съ солдатикомъ Каратаевымъ и его характеристика* **). Наконецъ,

---

*) Изъ таковыхъ укажемъ „*Двѣнадцатый годъ*" Шалфѣева (народныя чтенія); *1812 г.* Львова; также Толычевой *Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ*. Изд. общ. распростр. полезныхъ книгъ, Москва 1873. Ц. 40 к. Ея же *Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ* М. 1878, Ц. 25 к.

**) Опускаемъ сцены пожара и казни, какъ очень тяжелыя по производимому впечатлѣнію.

можно остановиться еще не слѣдующихъ отрывкахъ: 1) *Партизанская война*: слѣдованіе Денисова за непріятельскимъ транспортомъ; характеристика Денисова и мужика; 2) *Посѣщеніе*, въ качествѣ лазутчиковъ, Ростовымъ и Долоховымъ *Французскаго транспорта*; 3) *Стоянка русскихъ солдатъ, два отставшіе француза и добродушное отношеніе къ нимъ солдатъ;— мальчикъ-офицеръ Петя и его смерть.*

III. Разныя сочиненія.

Изъ этихъ сочиненій Толстого два: „*Утро помѣщика*" и „*Поликушка*", относятся къ изображенію быта: въ первомъ—крестьянскаго, во второмъ—двороваго помѣщичьяго. Оба рисуютъ время крѣпостного права и разсчитаны не возбужденіе въ читателѣ сочувствія къ невидимому горю и бѣдности простого люда. Такъ, въ „*Утрѣ*", заставляя молодого помѣщика ходить по избамъ, съ цѣлью узнать крестьянскія нужды, авторъ знакомитъ съ домашнимъ бытомъ мужиковъ разнообразныхъ типовъ: 1) Иваномъ Чурисенкомъ, съ его тупымъ равнодушіемъ даже къ крышѣ, которая ежеминутно готова развалиться и завалить всю семью, и его недовѣріемъ къ барину, несмотря на всю барскую ласку и желаніе сдѣлать бѣдняку добро; 2) ловкимъ плутомъ Епифаномъ Юхвинкомъ, который, смекая, что баринъ въ хозяйствѣ ничего не смыслитъ, очень зло надъ нимъ потѣшается; 3) съ личностью лѣниваго Давыдки Бѣлаго,—наконецъ, 4) съ житьемъ мужика почтеннаго патріарха семейства и отличнаго хозяина-пчеловода, Дутлова. Для дѣтей городскихъ, мало знакомыхъ съ крестьянскою жизнью, этотъ разсказъ особенно цѣненъ правдивымъ изображеніемъ послѣдней, которая представлена со всей неприкрашенной правдой, безъ сентиментальности и преувеличеній, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ быта.

Второй разсказъ „*Поликушка*"—грустная исторія о томъ, какъ глупая барыня, въ видѣ испытанія честности, будто бы поднятаго ею нравственно, двороваго Поликарпа, поручаетъ ему привезти изъ города тысячу рублей; какъ онъ эти деньги теряетъ изъ дырявой шапки, и съ отчаянія вѣшается на чердакѣ. Интересный изображеніемъ жизни прислуги, разсказъ этотъ, по своему концу (самоубійство), для дѣтей очень нервныхъ, впечатлительныхъ, даже

вреденъ. Если *„Поликушка“* для дѣтей неудобенъ, то маленькій разсказъ *„Три смерти“* можно вполнѣ рекомендовать для дѣтскаго чтенія. Въ одной изъ этихъ трехъ картинокъ изображается сначала болѣзнь, а потомъ—смерть богатой, изнѣженной барыни, которая своими капризами и прихотями мучитъ мужа и родныхъ, всячески старающихся угодить ей. Избалованная жизнью, повидимому, никогда надъ ней не задумывающаяся, эта пустая, ничтожная, личность, которую судьба одарила всѣми благами богатства, даже въ свои предсмертныя минуты, изъ опасенія разстроиться, не допускаетъ къ себѣ проститься собственныхъ дѣтей. Въ параллель этой смерти, обставленной такими знаками вниманія и достатка, представлена и другая смерть, бѣдняка-ямщика, Хведора,—смерть въ ямщицкой избѣ, на печи. Даже послѣднія минуты жизни Хведора отравляются просьбой заживо отдать товарищу сапоги и грубыми замѣчаніями стряпухи, что больной уже не встанетъ больше, и только понапрасну занимаетъ въ избѣ уголъ. Этотъ маленькій разсказъ о смерти ямщика, вмѣстѣ съ эпизодомъ о томъ, какъ товарищъ, воспользовавшійся сапогами, отправляется рубить въ знакъ благодарности крестъ (третья смерть — дерево), можно сопоставить съ разсказомъ *изъ Записокъ Охотника*—*„Смерть“*.

За этими разсказами остается еще одинъ, и послѣдній, рекомендуемый нами для дѣтскаго чтенія, *„Люцернъ“*. Содержанія въ немъ немного,—по крайней мѣрѣ, внѣшняго,—въ смыслѣ событія, интриги; но зато много такого, что можетъ благотворно подѣйствовать на душу юноши. Здѣсь, во-первыхъ, картины швейцарской природы, во-вторыхъ, игра на гитарѣ и пѣніе странствующаго бѣдняка-музыканта, истиннаго артиста, приковывающаго къ себѣ вниманіе даже чопорной толпы изысканной публики. Артистъ обошелъ съ пѣснями чуть не всю южную Европу, и не имѣетъ ни угла, ни собственности, но, тѣмъ не менѣе, всегда веселъ, и живо чувствуетъ природу и искусство. Рядомъ съ нимъ цѣлая блестящая толпа путешественниковъ, около ста человѣкъ. Насладившись изъ оконъ отеля пѣніемъ бѣдняка, она не соблаговолила бросить ему даже копейки на хлѣбъ за доставленное удовольствіе. Хорошъ и самъ разсказчикъ, этотъ князь Неклюдовъ, такъ горячо говорящій о безсердечности толпы, а въ то же время самъ устраивающій въ ресторанѣ отеля травлю на бѣдняка-музыканта

со стороны прислуги, очень естественно не привыкшей въ аристократической гостиницѣ къ такимъ посѣтителямъ, какъ оборванный швейцарецъ, и видящій въ такомъ поведеніи русскаго барина одну эксцентричную прихоть.

XXI. Александръ Өомичъ Погосскій.

(Род. 1816 г. † 26 авг. 1874 г.).

Эхъ, Русь, матушка сердечная! Скоро ли во всю твою безбрежную ширь пройдетъ ясное „слово-твердо": не сказки—дребедень, не басня, съ похмелья на печи выдуманная, а живое, разумное, правдивое русское слово?.. Скоро ли покончишь ты на-вѣкъ съ Бовами-Королевичами, Жаръ-Птицами, тридевятыми царствами, да Иванушками-дурачками безпутными, и обозришься разумнымъ окомъ кругомъ себя, на свои поля и лѣса, на свое богатство, Богомъ данное, да на ребятишекъ своихъ любопытныхъ и безграмотныхъ?..

„Музыкантъ",
Погосскаго.

Всѣ люди братья, ибо всѣ созданы по одному и тому же подобію Божію... Преграда между людьми—образованіе. Стоитъ необразованному образоваться, и преграда рушится.

„Маіорская дочка",
Погосскаго.

Покойный А. Ө. Погосскій извѣстенъ не только какъ писатель и какъ одинъ изъ немногихъ дѣятелей на пользу народнаго образованія. Посвятивъ свою дѣятельность преимущественно образованію нашего войска, для котораго издавались покойнымъ и разныя полезныя книжки, написанныя какъ имъ самимъ, такъ и другими лицами, и извѣстный журналъ „Досугъ и дѣло", Погосскій сдѣлалъ много добра и для народа вообще, въ смыслѣ доставленія ему полезнаго и занимательнаго чтенія. Начавъ писательскую дѣятельность въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ великую эпоху освобожденія крестьянъ, онъ понялъ самую существенную потребность народа—образованіе, и это образованіе, въ самомъ лучшемъ, благороднѣйшемъ, смыслѣ очеловѣченія грубой невѣжественной массы, поставилъ девизомъ всей послѣдующей своей жизни. Съ знаніемъ жизни народа, которую прии-

лось писателю узнать не по наслышкѣ, не изъ книгъ, а въ самомъ дѣлѣ, прослуживъ цѣлыхъ восемь лѣтъ нижнимъ воинскимъ чиномъ, переходя съ полкомъ изъ города въ городъ, стоя по мѣсяцамъ по деревнямъ, участвуя самъ въ великой Крымской войнѣ, соединялъ онъ рѣдкій даръ умѣнья говорить съ народомъ простымъ и мѣткимъ языкомъ съ еще болѣе дорогимъ даромъ истинной любви къ народу и желаніемъ ему добра матеріальнаго, въ смыслѣ благосостоянія, и добра духовнаго, въ смыслѣ истиннаго христіанскаго и патріотическаго просвѣщенія. Это-то знаніе жизни народа, его языка, эта любовь къ меньшему брату, любовь безъ всякой сентиментальности, дали таланту Погосскаго особое направленіе, и сдѣлали изъ него въ полномъ смыслѣ слова писателя *народнаго*, едвали у насъ, въ своемъ родѣ, не единственнаго, котораго (по крайней мѣрѣ, лучшія его вещи, а такихъ много) съ одинаковымъ удовольствіемъ прочтетъ и человѣкъ образованный, и прослушаетъ безграмотный простолюдинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Кольцовъ и Никитинъ доступны народу только въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ; если Даль занимаетъ народъ, большею частью, только побасенками, Л. Н. Толстой спускается до народа преимущественно только въ послѣдніе годы, Погосскій отдаетъ этому народу себя всего, почти весь доступенъ и интересенъ массѣ, и не одного войска, но и крестьянина. И не только тѣшитъ онъ веселыми, прекрасно разсказанными анекдотами (напр. *Куча денегъ*, *Медвѣжья наука*, *Наумъ Сорокодумъ* и др.) или сказками, въ которыхъ, большею частію, положена добрая поучительная мысль (*Анчутка-Безпятый*, *Первый винокуръ*, *Путешествіе на луну*), но и глубоко трогаетъ простое сердце, заставляя задуматься надъ жизнью и объясняя ее темному человѣку (*Суходольщина*, *Подосиновики*, *Мірскія дѣти и др.*).

Во всей художнической дѣятельности Погосскаго можно отмѣтить двѣ основныя мысли. Первая—это необходимость для народа образованія, которое должно сближать людей разныхъ сословій и состояній, и въ которомъ единственно заключается источникъ всего матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Безъ этого образованія—пьянство, развратъ, непониманіе религіи, служеніе наравнѣ съ Богомъ и чорту, въ видѣ всякихъ нелѣпыхъ суевѣрій, бѣдность, нищета, грубость, безпомощность передъ всякимъ цѣловальникомъ, передъ всякимъ проходимцемъ, который захочетъ

для своей выгоды надуть простого-темнаго человѣка. Грамота, школа, полезная книга, обученіе ремеслу, умственное развитіе, развитіе въ человѣкѣ дара слова, доступъ къ образованію спеціальному для натуръ выдающихся, талантливыхъ *(Музыкантъ)*— вотъ что нужно народу... Свѣту, больше свѣту!—вотъ что говоритъ авторъ всѣми своими сочиненіями. И это требованіе ярко рисуется у него не въ видѣ сухихъ разсужденій, а живыми образами людей, примѣрами, сопоставленіями люда темнаго съ людьми, хоть сколько нибудь просвѣщенными образованіемъ.

Но какъ же рѣшаетъ авторъ вопросъ о народномъ образованіи; какимъ путемъ думаетъ спасти образованіемъ „лучшія гибнущія силы этого народа"? Извѣстно, что однимъ изъ любимыхъ мечтаній покойнаго Погосскаго было понадѣлать народныхъ учителей изъ отставныхъ солдатъ. Такъ въ повѣсти „*Суходольщина*, вноситъ этотъ свѣтъ образованія въ село идеальный отставной солдатъ Андрей, который даже на совѣтъ крестьянъ „*хорошенько обстегивать мальчишекъ*" обѣщаетъ обучить наукѣ „*лаской, безъ грозы и боя*", Въ разсказѣ „*Два грамотѣя*" *(Изъ старыхъ записокъ)* представлена идеальная школа *(Хатка чистенькая, вся въ зелени въ садикѣ...)*, съ учителемъ, опять-таки отставнымъ, увѣшаннымъ медалями, солдатомъ, любимцемъ мальчишекъ, которые не слышатъ въ немъ души; наконецъ, въ *Дѣдушкѣ доловомъ* къ унтеръ-офицеру Былову, прогнавшему домового, обращается соцкій съ просьбой, чтобы тотъ пошелъ учителемъ въ школу, имѣющую открыться по приказанію земства. Оставляя въ сторонѣ подробное разсмотрѣніе такого оригинальнаго рѣшенія вопроса о народномъ образованіи, мы позволили бы себѣ попросить читателей вчитаться въ изображеніе солдатской жизни прежняго времени, такъ ярко представляемой самимъ авторомъ во многихъ повѣстяхъ;—и тогда самъ собою рѣшится вопросъ, можно ли, при всей человѣчности отдѣльныхъ, созданныхъ авторомъ, образовъ честныхъ богатырей-солдатъ, вручить образованіе цѣлаго народа, а слѣдовательно, и все умственное его развитіе, массѣ людей, кое-какъ обучившихся по полкамъ и дисциплинированныхъ „*неестественнымъ искусствомъ*" старинной шагистики, *порціями лапши или березовой каши, какъ называли тогда порку розгами, съѣдавшимися ни по чемъ въ какомъ угодно количествѣ (Сорочьи гнѣзда)*, да еще „*съ нѣмецкой приправой въ видѣ фухте-*

лей, что все на учебно-карабинерномъ языкѣ называлось шлифовкой". Это оригинальное рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи, слава Богу прямо высказываемое авторомъ только въ трехъ произведеніяхъ, составляетъ, такъ сказать, ахиллесову пяту писателя. Точно такъ же крайне странна мысль въ предисловіи къ повѣсти „Сорочьи гнѣзда": „*кто-же можетъ, наконецъ, рѣшить, что и самое это неестественное искусство и это „шлифованье" не оставило по себѣ своей пользы, развязавъ и уничтоживъ нашу былую прирожденную аляповатость и привычку жить-служить, спустя рукава?* Чтобы покончить съ недостатками Погосскаго, укажемъ еще: 1) на нѣкоторыя, ослабляющія впечатлѣнія, длинноты, напр. вступленіе къ повѣсти „*Злодѣй и Петька*", и аллегорію о двухъ братьяхъ, нашедшихъ кладъ, въ разсказѣ „*Два грамотѣя (Изъ старыхъ мотивовъ)*; 2) на противорѣчіе автора своей высокой цѣли просвѣщенія народа—циничную пьесу, „*Жареный гвоздь*" и такія пустыя, безсодержательныя, вещи, какъ „*Лешевъ хуторъ*", „*Жизнь безъ горя и печали*" и „*Пестрая книжка*", которыхъ не хотѣлось бы видѣть въ ряду такихъ прекрасныхъ вещей, какъ *Дѣдушка Назарычъ*, *Подосиновики*, *Маіорская дочка* и др.

Вторая характерная черта Погосскаго—это глубокая любовь къ народу, вѣра въ его свѣтлую, счастливую будущность, отыскиваніе въ этомъ народѣ свѣтлыхъ, лучшихъ, сторонъ характера, сѣмянъ добра и человѣчности, подъ какою бы грубой корой они ни скрывались. Счастье народа для поэта дороже всего, и въ этомъ отношеніи онъ даже идилликъ по преимуществу. Какъ бы ни было худо его героямъ, онъ непремѣнно, подобно Диккенсу, устроитъ въ концѣ повѣсти дѣло такъ, что, послѣ многихъ трудовъ и несчастій, они все-таки найдутъ тихій пріютъ въ семьѣ и скромное благосостояніе, или счастье любимаго ими существа. Всѣ лучшія повѣсти, за немногими исключеніями (*Музыкантъ*, *Темникъ*), оставляютъ въ душѣ читателя отрадное, успокоительное, впечатлѣніе,—и въ этомъ великая воспитательная сила писателя. Повѣсти Погосскаго чрезвычайно просты: онѣ, по собственному выраженію автора, посвящены описанію самыхъ мелкихъ, обиходныхъ, явленій жизни; но эти обыкновенныя, мелкія, явленія онъ умѣетъ описать такъ интересно и тепло, что чтеніе лучшихъ изъ его произведеній благотворно дѣйствуетъ на душу.

Въ сочиненіяхъ Погосскаго герои, по большой части, солдаты; но сторона, такъ сказать, чисто *военная*, т. е. войны, походы, ученья, у него—*не главное*. За исключеніемъ немногихъ мѣстъ (*Старики*), начало разсказа (*Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ*), гдѣ разсказывается про военные ужасы какъ то неумѣстно шуточно или восторженно, вездѣ у автора солдатъ является въ своемъ домашнемъ быту, въ своей *крестьянской* семьѣ, или, напр. въ *Колодникѣ*, крестьянскимъ пособникомъ, совѣтникомъ; всюду проводится связь солдатства съ крестьянствомъ, которому отведено также не мало мѣста. Далекій отъ дѣланнаго, кваснаго, патріотизма, Погосскій вовсе не сторонникъ войны, и даже вѣритъ, что придетъ время, когда люди наконецъ перестанутъ рѣшать свои дѣла кровью (*Сибирлетка*); съ горечью рисуетъ онъ тяжелое, безпріютное положеніе солдата, даже георгіевскаго кавалера, пролившаго кровь за отечество и возвращающагося домой жалкимъ бобылемъ, почти нищимъ (*Штуцерникъ*); но тѣмъ выше ставитъ тяжелые труды солдата для отечества, его пожертвованіе всѣмъ дорогимъ, близкимъ сердцу, даже своей жизнью для защиты родины. Кончилась война, отпустили солдата домой, и онъ снова сливается съ тѣмъ же крестьянствомъ, память о коемъ не покидала его за всю многотрудную скитальческую жизнь. Эта постоянная связь солдатства съ крестьянствомъ, можетъ быть нѣсколько идеализированная по отношенію къ прежней многолѣтней солдатской службѣ, тѣмъ болѣе можетъ имѣть мѣсто въ настоящее время всеобщей воинской повинности.

Всѣхъ произведеній Погосскаго, художественныхъ, которыя только нами и разсматриваются, до сорока трехъ. По содержанію и значенію ихъ можно раздѣлить на три группы:

a) *Повѣсти и разсказы серьезнаго содержанія;* b) *театральныя пьесы* и c) *анекдотическіе разсказы и побасенки.* О второй и третьей группахъ, какъ маловажныхъ въ отношеніи воспитательномъ, хотя и пригодныхъ для чтенія взрослымъ изъ народа, скажемъ ниже, а теперь остановимся на первой группѣ, изъ которой, за исключеніемъ четырехъ неудобныхъ для дѣтей по содержанію, всѣ повѣсти и разсказы представляютъ воспитательный матеріалъ, очень благодарный для чтенія народу.

Первая группа, по содержанію, въ свою очередь, можетъ быть раздѣлена на *двѣ*, изъ которыхъ одна изображаетъ жизнь *солдатъ*

и *крестьянъ*, другая имѣетъ въ виду поселить симпатію къ *домашнимъ животнымъ*.

Начнемъ съ довольно полной біографіи солдата *„Штуцерника Нечипора Зачиныворотыˮ*. Изъ Малороссійской деревни берутъ въ рекруты молодого мужика Ничипора, у котораго остается дома жена Маруся съ маленькой дочкой Натальской. Плохо идетъ обученіе фрунту у неуклюжаго пентюха, но зато великолѣпно удается стрѣльба, которая и завоевываетъ ему сразу вниманіе начальства, и даже дѣлаетъ Ничипора *„первымъ стрѣлкомъ по дивизіиˮ*. Проходитъ годъ за годомъ служба, но *„стрѣлокъ безъ промахуˮ* не можетъ забыть семьи, и безпрестанно думаетъ о женѣ, пошедшей въ услуженіе, и подростающей дочкѣ. Наконецъ, настаетъ Крымская кампанія, къ которой и пріурочена большая часть произведеній Погосскаго, и штуцерникъ, отличившись на Малаховомъ курганѣ, раненый въ правую руку, получаетъ георгіевскій крестъ и отпускается домой въ безсрочный отпускъ, одаренный англійскимъ штуцеромъ, снятымъ съ убитаго англичанина. На дорогѣ случайно открываетъ онъ контрабанду и продаетъ штуцеръ за пятнадцать рублей исправнику. Съ этого мѣста (съ пятой главы) собственно и начинается разсказъ.

Идетъ штуцерникъ домой, раздумывая о своемъ горькомъ положеніи человѣка, которому негдѣ даже преклонить головы съ семьей, и нельзя, по болѣзни руки, наняться въ работники. Случайно встрѣчаетъ онъ при входѣ въ деревню, у колодца, свою дочь, уже взрослую красавицу, съ ея милымъ Грицей, такимъ же бѣднякомъ, живущимъ въ чужихъ людяхъ, какъ и она сама, и видится съ женой. Но не для Ничипора пока семейная жизнь:—приходится искать какой-бы то ни было работы. Благодаря случаю, онъ поселяется чѣмъ то въ родѣ помощника управляющаго въ имѣньѣ безпутнаго помѣщика, въ надеждѣ со временемъ переселить къ себѣ и семью. Совершенно неожиданно его требуютъ въ городъ, и, по закону, выдаютъ третью часть суммы, вырученной изъ продажи открытой имъ большой контрабанды, и нищій становится обладателемъ 8,000 рублей! Находятся добрые люди, помогшіе ему распорядиться деньгами умно и толково, и онъ, купивъ у разорившагося помѣщика то самое небольшое имѣньице, гдѣ только что былъ чуть не простымъ работникомъ, накупаетъ въ городѣ нужныхъ для хозяйства вещей и скота, а также и по-

дарковъ семьѣ, и торжественно въѣзжаетъ въ родную деревню. Этотъ въѣздъ и любовное отношеніе къ нему сосѣдей, отсутствіе гордости и чванства, отношенія къ работникамъ, которыхъ онъ нанимаетъ для домашнихъ подѣлокъ и починки запущеннаго развалившагося дома,—одно изъ лучшихъ мѣстъ повѣсти.

Дальнѣйшая исторія штуцерника проста: онъ выдаетъ дочь замужъ за Грицю, котораго беретъ къ себѣ въ работники, весело пируетъ свадьбу, и менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ нея, и у зятя, и у тестя, почти въ одно время, рождается по сыну, и тихой благодарной молитвой за ниспосланное счастье оканчивается эта, построенная на совершенной случайности, идиллія. Но сила ея не въ сюжетѣ, а *въ сценахъ домашняго быта Штуцерника* и *въ обрисовкѣ типа* послѣдняго съ одной стороны, какъ *стараго служаки*, гордящагося своими походами и искусной стрѣльбой,—съ другой—какъ *нѣжнаго, любящаго, хотя и грубоватаго съ виду, отца и мужа;* наконецъ,—въ *образѣ старика слѣпого* лирника, поющаго на свадьбѣ.

Если штуцерникъ возвращается послѣ похода все-таки въ семью, и, благодаря случаю, достигаетъ полнѣйшаго благосостоянія, то *Дѣдушка-Назарычъ* приходитъ на родину послѣ цѣлыхъ сорока лѣтъ службы, когда уже не только изъ его родни не остается никого въ живыхъ, да и не узнаетъ-то его никто, кромѣ одного слѣпого дѣда. Помѣщикъ, самъ отставной служака, предлагаетъ *дѣдушкѣ* жить на своей землѣ на покоѣ. Но не хочетъ старикъ ѣсть даромъ чужого хлѣба, и его опредѣляютъ лѣсникомъ. Тяжело дѣду на старости лѣтъ одиночество, и вотъ, случайно найдя какую-то нищую съ ребенкомъ сыномъ, двоюродную свою внучку, онъ беретъ ихъ къ себѣ. Дѣдъ ухаживаетъ за малюткой, который, по смерти матери, остается на его рукахъ; играетъ съ нимъ, тѣшитъ его игрушками, которыя строгаетъ самъ,—и живутъ себѣ старый да малый тихо, любовно, въ своей уединенной лачугѣ, у лѣса. Одинъ только гость мѣсяца въ два разъ забредетъ къ Назарычу—это такой же, какъ и онъ самъ, инвалидъ объ одной ногѣ, древній, увѣшанный крестами и медалями, отставной кавалеристъ Архипычъ, да зайдетъ иногда за табакомъ пономарь, порадовавшій старика, занимающагося приготовленіемъ нюхательнаго табаку, замысловатой, написанной имъ самимъ, пономаремъ, вывѣской (хорошая сцена подарка и разсужденіе пономаря объ искусствѣ, ко-

торое, доставляя человѣку удовольствіе, должно служить ему и на пользу).

Такъ идетъ помаленьку время годъ за годомъ, и старикъ, наконецъ, становится слабъ. Помѣщикъ даритъ ему въ потомственное владѣніе землицу, на которой тотъ жилъ, и глубокотронутый Назарычъ, придя домой, вслухъ читаетъ псаломъ, велѣвъ Васѣ сѣсть съ собой рядомъ. Чтобы еще полнѣе запечатлѣть въ душѣ читателя образъ своего героя, авторъ заставляетъ его на склонѣ долгой честной жизни совершить невидное дѣло:—дѣдушка отдаетъ единственные свои, скопленные за всю долгую жизнь, 300 рублей бабѣ, матери троихъ малолѣтокъ, для уплаты потерянныхъ ея мужемъ чужихъ денегъ,—и какъ еще отдаетъ: не самъ, а черезъ Васютку, которому въ наслѣдство и берегъ эти деньги. Благодарностью этой семьи и порученіемъ ея попеченію единственнаго наслѣдника Назарыча, Васи, и оканчивается эта повѣсть, по нашему мнѣнію, едва ли, не *лучшая* вещь изъ всѣхъ сочиненій Погосскаго, имѣющаго какъ для дѣтей, такъ и для народа, очень важное воспитательное значеніе.

Если въ предыдущихъ двухъ повѣстяхъ, какъ центръ, всетаки солдатъ (*Штуцерникъ*, *Назарычъ*), и на этомъ героѣ сосредоточивается вниманіе автора, то въ повѣсти „*Суходольщина*“ рамки уже гораздо шире. Поставивъ эпиграфомъ пословицу „*всякъ своего счастья кузнецъ*“, авторъ приводитъ почти цѣлую жизнь двухъ лицъ изъ одной семьи: жизнь мальчика Алеши, взятаго въ услуженіе господами въ Петербургъ, обученнаго тамъ грамотѣ и кузнечному дѣлу, и потомъ, по возвращеніи въ деревню, ставшаго первымъ лицомъ по уму и участію въ общественныхъ дѣлахъ, — и жизнь своднаго брата отца Алеши, взятаго въ солдаты, Андрея, ставшаго, по выходѣ въ отставку за ранами, учителемъ въ народной школѣ. Не передавая содержанія этой вполнѣ педагогической и для дѣтей, и для народа вещи, укажемъ только на тѣ важныя стороны жизни, которыя она затрогиваетъ въ связи съ временемъ освобожденія крестьянъ. Здѣсь, во первыхъ,—*одна изъ важнѣйшихъ причинъ бѣдности* и неурядицъ жизни народа—*пьянство*, развращающее вліяніе *кабака* и высокомѣрное отношеніе кабатчиковъ къ народу, а въ концѣ разсказывается, какъ старики мало-по-малу даютъ священнику клятву не пить, и какъ, наконецъ, уже по освобожденіи крестьянъ, заводится *общество трез-*

вости, оказывающее благодѣтельное вліяніе на благосостояніе деревни. Второе явленіе жизни послѣдняго двадцатилѣтія—„*встрѣча дорогой гостьи: золотой волюшки*“. Толки о волѣ, недовѣріе, вѣсть о ней, привезенная изъ города бариномъ, объявленіе воли за ранней обѣдней, чтеніе Манифеста (глава четвертая) — лучшія мѣста повѣсти. Въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ затронуто еще одно, довольно часто повторяющееся у насъ, явленіе — недостаточное пониманіе *Положенія* безграмотнымъ людомъ и происходящіе отсюда подъ вліяніемъ кабатчиковъ, озлобленныхъ обществами трезвости, безпорядки, которые совершенно прекращаются, благодаря разумнымъ рѣчамъ возвратившагося изъ Петербурга Алеши (лучшій образъ въ повѣсти), „*уму-разуму* котораго кланяется древній старикъ“, — Алеши, который становится спасителемъ всей деревни. *И стали*, говоритъ авторъ, *понимать люди, что значитъ одна разумная и бывалая голова промежъ людей, непривычныхъ къ порядку.* Вѣрный своей завѣтной мысли о важности для народа образованія, авторъ въ заключительной главѣ сводитъ племянника съ возвратившимся изъ похода дядей Андреемъ и заставляетъ ихъ обоихъ послужить міру своимъ образованіемъ; порядокъ въ устройствѣ мірскихъ дѣлъ, трезвое благосостояніе едва не дошедшей до нищенства деревни, сборъ по пятаку на школу и заведеніе самой школы — „*науки безъ грозы и бою, одной лаской*“—идиллически заканчиваетъ эту повѣсть о крестьянинѣ и солдатѣ, честно послужившихъ на пользу родной землѣ. Но обзоръ этого произведенія былъ бы не полонъ, если-бы мы не обратили вниманія еще на одну сторону, затрогиваемую, какъ увидимъ ниже, еще и въ другой повѣсти „*Маіорская дочка*“,—это— участіе въ обученіи народа образованнаго сословія. Участіе это хорошо рисуется въ главѣ третьей, гдѣ описывается, какъ товарищи-студенты пристыдили молодого барина Алеши, что тотъ оставляетъ своего слугу безграмотнымъ; какъ баринъ выучилъ послѣдняго грамотѣ, какъ, наконецъ, поступилъ Алеша въ воскресную школу, и какому добру тамъ его выучили, причемъ тепло описывается сама школа и приводится поученіе священника о любви къ людямъ.

Но, понимая, что одна грамота, безъ знанія ремесла, безъ средствъ къ добыванію себѣ честнаго куска хлѣба, еще не ручательство въ томъ, чтобы человѣкъ не сбился съ круга и не зло-

употреблялъ своею полуобразованностью. Погосскій выражаетъ это опасеніе недовѣріемъ къ грамотѣ самого народа, и заставляетъ своего героя выучиться въ Петербургѣ же кузнечному дѣлу.

Въ „*Суходольщинѣ*“ участію образованнаго сословія въ обученіи народа удѣлено мѣсто очень незначительное, въ повѣсти же *Маіорская дочка* это участіе — самое главное. Героиня здѣсь маленькая дѣвочка, воспитываемая богатой барыней, сиротка Женя, обучающая сначала грамотѣ, а потомъ постепенно всему, чему обучается и сама, молодого солдатика Борисова. Она даетъ ему читать книги изъ большой заброшенной библіотеки барскаго дома, и Борисовъ, отличившись въ Севастополѣ, получаетъ офицерскій чинъ, и женится на успѣвшей уже овдовѣть послѣ несчастнаго кратковременнаго брака своей учительницѣ. Въ этотъ незатѣйливый сюжетъ внесено много интересныхъ воспитательныхъ подробностей. Такъ, въ первыхъ главахъ, до шестой включительно, прекрасны образы сиротки, няни Климовны, поручика, у котораго Борисовъ состоитъ вѣстовымъ, и который, въ свою очередь, учитъ Женю, чтеніе Женею книгъ безграмотнымъ слушателямъ: нянѣ, Борисову, Чумичкѣ-Дунѣ; впечатлѣніе толковаго чтенія на безграмотнаго человѣка, слушавшаго въ полку только монотонное, безтолковое чтеніе священныхъ книгъ; трогательное прощаніе Жени съ Борисовымъ, когда онъ, уже произведенный, какъ грамотный и довольно развитый человѣкъ, въ унтеръ-офицеры, идетъ въ походъ въ Венгрію; простыя благодарныя чувства этого человѣка къ той, которая помогла ему выйти изъ темноты невѣжества. Съ VII-й главы уже начинается жизнь Борисова подъ вліяніемъ пріобрѣтенныхъ имъ знаній, и его собственная просвѣщенная наукой личность не остается безъ вліянія и на товарищей: онъ читаетъ имъ Священное писаніе, и великодушнымъ отказомъ отъ георгіевскаго креста въ пользу старика фельдфебеля снискиваетъ къ себѣ всеобщее уваженіе. „*Дружески-дѣтской легкой опоры было достаточно для этого человѣка, чтобы стать дѣльнымъ, достойнымъ и полезнымъ членомъ общества*“.

И вотъ, эта дѣвушка, еще ребенкомъ подавшая простому человѣку руку помощи, получаетъ въ простодушномъ письмѣ сельскаго священника, описывающаго радость родителей Борисова при полученіи письма отъ сына, достойную награду за свои дѣтскіе труды. Обращаемъ на это письмо и *на образы сельскихъ священ-*

никовъ у Погосскаго особенное вниманіе воспитателей и народныхъ учителей. Пусть укажутъ они дѣтямъ на этихъ художественныхъ примѣрахъ, какимъ значеніемъ можетъ пользоваться въ крестьянскомъ обществѣ просвѣщенный и почтенный пастырь, и какъ высоко цѣнится въ глазахъ темнаго народа образованіе ихъ дѣтей *).

„Любопытно и назидательно дѣтямъ и народу прослѣдить и уразумѣть, *какими легкими способами и простыми путями — темный, невѣжественный, почти ничтожный, мальчитка доходитъ, благодаря самой легкой помощи, до степени достойнаго и полезнаго человѣка*",

Далѣе авторъ ведетъ своего героя въ Севастополь. Все для него уже умерло, кромѣ чувства долга и любви къ отечеству. Его благодѣтельница прекращаетъ съ нимъ переписку и присылку книгъ; онъ узнаетъ, что она выходитъ замужъ, — и остается на свѣтѣ одинъ-одинешенекъ. Но благодѣтельница вскорѣ является добрымъ ангеломъ - утѣшителемъ у постели своего тяжело раненаго подъ Севастополемъ ученика, въ госпиталѣ, куда пріѣзжаетъ ходить за больными по смерти мужа; и опять она теряетъ изъ виду своего бывшаго ученика, и даже не знаетъ, живъ ли онъ. Бракомъ съ Борисовымъ, на который благословляетъ страдалицу единственная личность, принявшая въ ней участіе, совершенно ей посторонняя восьмидесятилѣтняя старушка, оканчивается эта повѣсть, полная глубокаго смысла и горячей любви автора къ народу.

Въ „*Суходольщинѣ*" и „*Маіорской дочкѣ*" обстоятельства слагаются у простыхъ людей такъ, будто образованіе само ихъ отыскиваетъ, очеловѣчиваетъ и даетъ имъ уваженіе другихъ и личное счастіе, но въ „*Музыкантѣ*" **) выставлена гибель личности высоко даровитой, которая, еслибы удалось ей образоваться какъ

---

*) Укажемъ еще на литературныя произведенія, гдѣ также обрисованы положительные образы деревенскихъ священниковъ: 1) повѣсть И. Н. Потапенко—„*На общественной службѣ*" и 2) Мамина-Сибиряка „*Послѣдняя треба*"; печальное положеніе духовенства прекрасно обрисовано въ изданной отдѣльно повѣсти Потапенко „*Шестеро*".

**) Не желая жертвовать этою повѣстью ради ея благотворной мысли и прекрасныхъ подробностей, предупреждаемъ воспитателя, что въ чтеніи дѣтямъ V-ая глава (описаніе пѣсни про Камаринскаго мужика и происхожденіе ея) должна быть или выпущена, или прочтена съ большими пропусками.

слѣдуетъ; еслибы нашлась хоть одна твердая рука, ее поддержавшая, могла бы составить гордость родины, а можетъ быть, и славу всего музыкальнаго міра. Повѣсть ставитъ бѣднягу сироту, высоко одареннаго музыкальнымъ даромъ Егешку, чуть не самоучкой выучившагося играть на скрипкѣ, въ среду людей, не только не понимающихъ его дарованія, но даже глядящихъ на него съ жалостью, чуть не съ презрѣніемъ. Мелькнулъ было передъ несчастнымъ свѣтлый образъ молодой барышни музыкантши, которая принимаетъ живое участіе въ его дарованіи и грустной судьбѣ; но грязное отношеніе къ святому дѣлу спасенія таланта разрушаетъ показавшуюся было вдали бѣднягѣ свѣтлую будущность, — и онъ кончаетъ горькую жизнь полковымъ музыкантомъ, потѣшая дивной игрой грубыхъ товарищей — солдатъ, писарей, полковыхъ офицеровъ, да уѣздныхъ барынь и барышенъ. Подробно рисуя цѣлую жизнь и уродливое развитіе у насъ даровитыхъ натуръ, показывая наглядно причины, почему такія натуры у насъ спиваются съ кругу, авторъ затрогиваетъ вопросъ о высокомъ значеніи для человѣка искусства, какъ благороднѣйшей услады жизни, и о томъ, какъ это искусство въ малоразвитой еще русской массѣ, даже и не одного *простого* народа, является пока еще какимъ-то *ненужнымъ ремесломъ, роскошью, прихотью, придурью, сбивающею человѣка съ прямого практическаго пути.*

Дѣтство музыканта, образъ старика, его учителя, провидѣвшаго въ немъ талантъ, игра мальчика въ полѣ, любовное отношеніе къ бѣдняку простыхъ людей, посильно снаряжающихъ его въ путь, когда помѣщикъ гонитъ его вонъ, и много другихъ, хорошихъ, частностей, вмѣстѣ съ идеей,—*какъ надобно беречь и холить талантъ, лучшій Божій даръ человѣку*, — все это очень цѣнно въ отношеніи воспитательномъ *).

Рядомъ съ образомъ человѣка, съ великимъ художественнымъ талантомъ, поставили бы мы другой образъ изъ народа, одаренный необыкновеннымъ чувствомъ любви къ оставляемому на его рукахъ ребенку, который для него въ жизни все, — образъ человѣка, прозваннаго за свою неуклюжесть на солдатской службѣ

---

*) Напоминаемъ „*Пѣвцы*" Тургенева и образъ Дяди Чернаго въ повѣсти Кохановской „*Послѣ обѣдни въ гостяхъ*".

В. О.

„неспособнымъ“ (*„Неспособный человѣкъ“*). Какъ въ повѣсти, такъ и въ недурной пьесѣ того же имени, передѣланной изъ повѣсти, авторъ выводитъ деньщика, Флегонта Безпалова, глубоко преданнаго своему барину Первову, и, въ особенности, молодой женѣ его, за ихъ любовь и добрыя отношенія къ солдатамъ. Этому то вѣрному слугѣ поручаетъ умирающая въ походѣ, въ деревнѣ, безъ мужа, жена Первова свое единственное дитя, новорожденную дочь. Какъ нѣжнѣйшая нянька, ходитъ за младенцемъ грубый не отесанный солдатъ, и чистое сердце малютки привязывается къ странному воспитателю, котораго въ продолженіе всей жизни называетъ она своей *„милой няней“*. *„Няня“* не разстается съ дѣвочкой до самаго института, выдумываетъ для нея игры, поетъ пѣсни, которыя поютъ для своей любимицы, путешествующей съ своимъ отцомъ вмѣстѣ съ ротой, и солдаты. Сцены между старикомъ и дѣвочкой однѣ изъ граціознѣйшихъ въ сочиненіяхъ Погосскаго. *„Няня“* не оставляетъ дѣвочки и по смерти ея отца, и, по выходѣ ея изъ института, когда некуда преклонить ей голову,—поселяется съ ней вмѣстѣ, и, наконецъ, вмѣсто отца, благословляетъ ее на замужество съ любимымъ человѣкомъ.

Къ лучшимъ произведеніямъ Погосскаго, особенно пригоднымъ для цѣлей педагогическихъ, относятся также три разсказа: *„Мірскія дѣтки“*, *„Всѣмъ шильямъ шило“*, и для болѣе взрослыхъ дѣтей—*Темникъ*. *„Мірскія дѣтки“* по содержанію и идеѣ нѣсколько подходятъ къ *Неспособному человѣку*. Какъ въ послѣднемъ, благодарность за сдѣланное добро глубоко привязываетъ къ сиротѣ-дѣвочкѣ стараго солдата, который и становится ея неизмѣннымъ, вѣрнымъ, пѣстуномъ,—такъ въ *„Мірскихъ дѣткахъ“* эта же благодарность къ доброму помѣщику и его женѣ, помогшимъ обнищалой деревнѣ поправиться, заставляетъ цѣлую деревню міромъ принять на свое попеченіе ихъ бѣдныхъ сиротокъ. Евангельская мысль, въ эпиграфѣ:—*„Какою мѣрою мѣряете, такою же и вамъ отмѣряется“*,—проходящая, болѣе или менѣе, въ большей части произведеній Погосскаго, въ этомъ разсказѣ находитъ себѣ самое полное выраженіе. Любя останавливаться преимущественно на свѣтлыхъ явленіяхъ жизни, авторъ, хотя и заимствуетъ содержаніе изъ тяжелой эпохи крѣпостного права, но, между многими дурными помѣщиками, находитъ и истинныхъ благодѣтелей запущенной, обѣднѣвшей, деревни, доставшейся имъ по наслѣдству. Въ деревню

Теплуха, разоренную опекой, пріѣзжаютъ новые господа, отставной военный съ женою, маленькимъ ребенкомъ и прислугой—дряхленькой старушкой, и усачемъ, хромымъ солдатомъ съ крестами. Недовѣрчиво относятся запуганные и забитые люди къ непривычному ласковому слову новыхъ хозяевъ, къ ихъ разспросамъ объ ихъ бытѣ; не понимаютъ шутокъ стараго инвалида, даже искреннихъ словъ участія помѣщика къ ихъ положенію, приведшему добраго барина въ ужасъ, и только, когда барыня сама обходитъ избы, даетъ ребятишкамъ бѣлье, лѣчитъ болѣзни, а баринъ раздаетъ крестьянамъ купленныхъ на его собственныя деньги лошадей, коровъ, всякія хозяйственныя снадобья, муку и зерно, уразумѣваютъ, наконецъ, какую послалъ Богъ бѣднымъ людямъ большую помощь. Поправляется деревня, и не узнать черезъ нѣсколько лѣтъ разореннаго гнѣзда, и этихъ, еще такъ недавно и образа-то человѣческаго на себѣ не имѣвшихъ, нищихъ. Но скоропостижно умираетъ помѣщикъ, а за нимъ вскорѣ и добрая барыня. На смертномъ одрѣ зоветъ она къ себѣ проститься этихъ людей, ею облагодѣтельствованныхъ, и, не имѣя въ жизни никого, кто бы позаботился о сиротахъ, обращается къ простому люду, плачущему у ея постели, съ послѣднимъ завѣтомъ: „*Не жалѣйте меня, добрые мои, не плачьте обо мнѣ—тамъ мнѣ лучше будетъ... но пожалѣйте и не оставьте бѣдныхъ дѣтокъ, сиротъ моихъ.., На васъ, на однихъ васъ, оставляю ихъ! Прощайте, мои, друзья!...*“ И совершается неслыханное дѣло: мужики и бабы, эти безграмотные, такіе неотесанные, грубые люди, какъ ихъ часто представляютъ себѣ образованные господа, собираютъ сходку, и всѣ „*единодушно, цѣлымъ міромъ, рѣшаютъ скорѣе опять нищенствовать, хоть по міру идти, нежели отдать на чужое попеченіе врученныхъ имъ дѣтей*“. И когда умный священникъ указываетъ имъ на средство, какъ это сдѣлать—отдать дѣтей учиться у гувернантки сосѣдняго помѣщика—крестьяне выбираютъ къ послѣдней депутацію изъ стариковъ и бабъ съ предложеніемъ платить ей за дѣтей сообща, сколько бы она денегъ ни пожелала. Гувернантка, женщина хорошая, отъ крестьянскихъ денегъ отказалась. И стали жить дѣтки въ томъ же родительскомъ домѣ, подъ присмотромъ старушки-няни и инвалида Панкратьича, окруженные „*самымъ теплымъ попеченіемъ всей деревни. Крестьяне посылали ребятишекъ своихъ забавлять ихъ, строили для нихъ*

игрушки, санишки, мельницы... И Боже сохрани напиться кому при дѣтяхъ, или повздорить на улицѣ громогласно: сейчасъ изъ всѣхъ оконъ высунется по бородѣ—„нешто вы Бога не боитесь, озорники, соромники,—вѣдь дѣтки послышатъ“... увѣщеваютъ голоса; а вдали, на дворѣ усадьбы, ужъ непремѣнно покажется грозная нахмуренная фигура кривоногаго усача: стоитъ и прислушивается онъ, поднявши голову, какъ журавль сторожевой...“ Такъ росли себѣ дѣтки, пока не пришло время ученья. Сценой перваго отправленія ихъ въ ученье къ гувернанткѣ, общими проводами „*мірскихъ дѣтокъ*“ всею деревнею и оканчивается этотъ разсказъ о томъ, „*какъ грубые, бѣдные люди заплатили господамъ за христіанское милосердіе къ нимъ*“. „*Мы не знаемъ*, говоритъ авторъ, *что сталось съ этими дѣтками, какъ они выросли и какъ продолжали и покончили свою жизнь, но мы знаемъ навѣрное, и твердо вѣримъ, что тотъ, кто носитъ на себѣ любовь и благословеніе бѣдныхъ трудящихся людей,—тотъ нигдѣ и никогда не погибнетъ*“.

Доброе вниманіе къ дѣтямъ даетъ содержаніе и разсказу „*Всѣмъ шильямъ—шило!*“ *).

Въ Подоліи, близъ маленькаго хуторка Станиславовка, у оврага, подъ кучей хвороста, соломы и всякаго лома, чернѣется какая-то нора, а около норы день-деньской на самой дорогѣ возятся съ собачонками трое почти голыхъ ребятишекъ, сиротокъ, дѣти горькой вдовы Зайчихи, каждый день уходящей спозаранку на поденную работу—добывать гроши. Она дурная мать, безхарактерная, безпутная: никакое дѣло не валится изъ рукъ бабы; но она пьетъ, и чуть не каждый день ворочается домой пьяная, грязная, а то и избитая: съ утра плачетъ, да кается, а къ вечеру опять *готова* **). И любила она дѣтей, да только непутно: то плачетъ надъ ними, ласкаетъ, то бьетъ, да ругается... Махнули на нее рукой всѣ, да и на дѣтей ея... Приходятъ въ мѣстечко солдаты, смѣются надъ замазанными ребятишками; но старику бомбардиру жаль ихъ. Онъ приноситъ имъ гостинцы, и дѣти, невидавшія ласкъ, кромѣ пья-

---

*) Въ виду нѣкоторыхъ небольшихъ частностей, неудобныхъ для чтенія дѣтямъ, посовѣтовали бы воспитателю читать разсказъ самому, опуская нѣкоторыя части, напримѣръ:—сцену ругани бабъ.

**) См. мой разсказикъ „*Маланья*“ въ книжкѣ „*Изъ народнаго быта*“ составленный изъ пословицъ и поговорокъ. М. изд. Д. Тихомирова. *В. О.*

ныхъ ласкъ матери, привязываются къ старику, и зовутъ его *дядько*. Слышитъ онъ разъ, проходя мимо Зайчихиной норы, дѣтскій крикъ, и потревожилась добрая душа старика за своихъ маленькихъ пріятелей; онъ заходитъ въ землянку и предлагаетъ Зайчихѣ учить ея сына Филиппа грамотѣ (вся эта часть—описаніе внутренности землянки, гнѣвъ и недоумѣніе бабы по поводу прихода солдата, удивленіе и благодарность за вниманіе къ дѣтямъ—лучшая въ разсказѣ).

Во что могъ, пріодѣлъ Филиппа бомбардиръ, и, оставшись на постоѣ цѣлыхъ три года, обучилъ мальца грамотѣ, и наставилъ, какъ умѣлъ, уму-разуму. Черезъ пятнадцать лѣтъ, уже на Волыни, въ какомъ-то городкѣ, заходитъ бомбардиръ въ лавку купить шило, и приказчикъ, чувствуя какую-то особенную любовь къ солдатамъ, даритъ ему хорошее, англійское. Оказывается, что приказчикъ этотъ, ставшій честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, не кто иной, какъ бывшій воспитанникъ бомбардира, Филиппъ, помогающій одряхлѣвшей матери. Такимъ образомъ, бездомный армейскій странникъ совершилъ великое дѣло—поставилъ на ноги и сдѣлалъ человѣкомъ несчастнаго мальчишку, которому въ жизни не представлялось ничего, кромѣ гибели; и пришлось бомбардиру на старости лѣтъ, при концѣ своей многотрудной жизни, увидѣть добрый плодъ сѣмени, брошеннаго въ человѣческую душу.

Если во всѣхъ разсмотрѣнныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, видѣли мы, за исключеніемъ „*Музыканта*", такъ или иначе, устраивающееся человѣческое счастье, много образовъ и картинъ, радующихъ душу, то въ *Темникѣ* (только для дѣтей *взрослыхъ*), ярко изображена пошлость жизни помѣщичьей семьи, гдѣ вѣчный дѣтскій плачъ, вѣчное недовольство другъ другомъ, ругань, ссоры, пиленье изъ-за мелочей—дѣлаютъ жизнь „*каторгой*", *гдѣ безъ всякой надобности, по глупѣйшему произволу дикой привычки, люди кричатъ, злятся, страдаютъ, и, какъ будто упиваясь своимъ же возмущеніемъ, язвятъ себя, какъ скорпіоны. И, невольно сознавая, чуя свою непотребность,—какъ тщательно и какъ напрасно стараются они скрыть свои язвы отъ глазъ постороннихъ!* „*Тревожный деспотизмъ невѣжества!*"—восклицаетъ авторъ, описавъ подобное семейство, гдѣ служба заставила его, скрѣпя сердце, прожить нѣсколько времени,—„*недаромъ люди называютъ тебя чортомъ: чортъ, говорятъ, вселился въ семью!*

Куда бы ни вселился ты, безобразный, вездѣ ты съѣшь одно и то же—угнетеніе и слезы...“ Но и на такомъ мрачномъ фонѣ подсматриваетъ авторъ свѣтлыя, малозамѣтныя простому глазу, краски—это скрываемая ото всѣхъ, но тѣмъ горячѣе прорывающаяся въ своемъ *„темникѣ“*, уединенномъ мѣстечкѣ въ заброшенной части огорода, любовь матери—всѣми презираемой работницы, къ своему малюткѣ Прошкѣ. Сцены материнской любви, которая боится выказаться при людяхъ, образъ родственника матери, стараго казака съ своими разсказами о быломъ, сочувствіе автора къ бѣдной матери, раздумье надъ горькой судьбой малютки—Прошки, все это—прекрасныя стороны разсказа, подсказаннаго *„безотвязною памятью людскихъ бѣдъ“*. Счастливыя дѣти, за родительской холей и лаской, часто и не подозрѣваютъ, каково достается дѣтство такимъ бѣднякамъ, какъ Прошка.

За разсказами, возбуждающими вниманіе къ жизни простолюдина и сочувствіе къ бѣдамъ и радостямъ послѣдняго, можно остановиться на трехъ хорошихъ произведеніяхъ, герои *коихъ животныя*, близкія человѣку, составляющія для него и пользу, и утѣху,

Таковы—*Сибирлетка*,—*Полковая собака, Злодѣй и Петька* и отрывокъ *Изъ старыхъ записокъ—Ученый пѣтухъ*.

Сибирлетка—цѣлая біографія одной изъ полковыхъ собакъ, непремѣнныхъ провожатыхъ армейскихъ полковъ, около которыхъ онѣ и кормятся. Сибирлетка—огромный песъ черной шерсти, побѣдитель многихъ волковъ и не менѣе его огромныхъ собакъ,—песъ безъ одной передней лапы, потерянной еще въ Туречинѣ, неизвѣстно, отхваченной ли пулей, или картечью, отдавленной ли пушечнымъ ядромъ, или оттоптанной боевымъ конемъ,—собака, слушающая команды своего хозяина Егора Лаврентьева. На походѣ щенкомъ вытащилъ его солдатикъ Лаврентьевъ изъ воды, принесъ съ собой въ ранцѣ вмѣстѣ съ сибирлеткой (серебряная руда, варимая съ воскомъ для чистки егерской аммуниціи) на стоянку и, помня завѣтъ своего дядьки:—„блаженъ человѣкъ, иже и скота милуетъ“—выходилъ и воспиталъ собаченку на славу. Щенокъ понялъ сдѣланное ему добро: караулилъ ротное имущество, всюду ломалъ походы съ полкомъ, не пропускалъ ни одного ученья, по мѣрѣ силъ ходилъ на охоту, наконецъ, въ сраженіяхъ, многихъ изъ солдатъ разыскивалъ раненыхъ, въ прахѣ, въ крови,

въ безпомощномъ одиночествѣ среди ратнаго поля, лизалъ свѣжія еще дымящіяся раны. „*Честный ты песъ, товарищъ—ты, Сибирлетка!*“ говорили солдаты, глядя на него съ тою привязанностью, съ какою храбрый глядитъ на свое ружье, саблю, или добраго своего коня—вѣрныхъ сподвижниковъ боевыхъ трудовъ. При Инкерманѣ, наконецъ (въ Крымскую войну), нашелъ Сибирлетка своего хозяина съ контуженной головой и переломленными руками и, только благодаря псу, остался живъ солдатикъ. До конца своихъ дней песъ вѣренъ себѣ и хозяину. Когда Егоръ Лаврентьевъ поправился, отлежавшись у нѣмцевъ въ колоніи, и снова пошелъ на войну, уже въ Севастополь, и тамъ сложилъ голову, по отдаленному вою собаки нашли тѣло храбраго воина и предали его съ честью землѣ. Цѣлыхъ пять ночей вылъ Сибирлетка на могилѣ своего благодѣтеля, и тутъ же издохъ „*сердечный, вѣрный песъ*“. „*Но и по смерти своей послужилъ еще полку Сибирлетка*“. Натянулъ его шкуру на барабанъ барабанщикъ, и долго еще Сибирлетка давалъ себя знать призывнымъ и отбойнымъ звукомъ. Заслышатъ, бывало, солдаты барабанный бой,—*а что, скажутъ, братцы, вѣдь Сибирлетка то брешетъ...*,—и вспомнятъ о погибшемъ за родину добромъ товарищѣ и объ его вѣрномъ псѣ.

Таковъ остовъ этой прекрасной повѣсти, которая нравится дѣтямъ и народу сюжетомъ и богатыми подробностями. Таковы: жизнь инвалида у нѣмцевъ въ колоніи, ихъ гуманное отношеніе къ раненымъ, дѣтскіе сцены, бой Сибирлетки съ собакой—Ахметомъ, раненые служивые, особенно одинокій Обломъ Ивановичъ, пиръ въ именины Егора Лаврентьева, провинность Сибирлетки, съѣвшаго именниннаго поросенка, солдатскія пѣсни, смерть молодого солдатика, наконецъ, проводы выздоровѣвшихъ всею колоніею.—Всѣ эти сцены, проникнутыя любовью автора къ солдатамъ-армейцамъ, твердымъ стоятелямъ своею кровью за русскую землю,—знакомя съ тяжелымъ военнымъ бытомъ, поселяютъ теплую симпатію къ простымъ севастопольскимъ героямъ, цѣлыми тысячами полегшимъ въ Крымскую войну *).

---

*) См. также образы собакъ: Тургенева „*Муму*“, гр. Л. Толстого—„*Булька и Мильтонъ*“ и стихотв. Л. Мея „*Чуру*“

В. О.

Въ *Сибирлеткѣ* значеніе *собаки* въ жизни человѣка; въ разсказѣ *Злодѣй* и *Петька* показано значеніе для народа *коня*. Разсказъ этотъ, который можно начать со второй главы, представляетъ двухъ извозчиковъ: старика крестьянина, Петра Захарыча, съ его, неважнымъ на видъ, но крѣпкимъ, выращеннымъ въ деревнѣ, любимымъ конемъ Петькой, и отставнаго солдата, соблазнившагося легкой извозной наживой, съ виднымъ, но слабымъ на ноги, замореннымъ конемъ, Злодѣемъ, проданнымъ простаку на конной за хорошаго. Теплыя, почти дружескія, отношенія Петра Захарыча къ коню-кормильцу, трогательная повѣсть мужика о своемъ кривомъ Петькѣ и, какъ контрастъ къ этимъ отношеніямъ, обращеніе съ своимъ конемъ солдата,— наконецъ, помощь мужика своему товарищу по извозу, солдату Демьяну Карнѣевичу, когда, наконецъ, издыхаетъ купленная на послѣднія деньги кляча—все это—живые педагогическіе элементы разсказа, далеко уступающаго, впрочемъ, въ отдѣлкѣ и интересѣ прочимъ произведеніямъ Погосскаго.

Третій разсказъ „*Ученый пѣтухъ*" особаго педагогическаго значенія не имѣетъ, но прочтется съ удовольствіемъ. Животныя—котъ-Васька и пѣтухъ Филька—обученныя чудакомъ солдатикомъ плясать подъ дудочку,—здѣсь уже только забава и развлеченіе рѣдкаго солдатскаго досуга. Нѣкоторыя подробности, напримѣръ, игра въ арестантской съ насѣкомыми, для дѣтей должны быть выпущены *).

Покончивъ съ отборомъ произведеній, пригодныхъ для чтенія дѣтямъ, укажемъ на желательныя для взрослыхъ простолюдиновъ въ народныя читальни, для бесѣдъ, и въ школьныя библіотеки.

Здѣсь прежде всего остановимся на повѣсти *Посестра-Танька*. Это—исторія постепеннаго паденія бѣдной крестьянской красавицы-сиротки, дочери невернувшагося на родину солдата, проведшей молодость въ разгулѣ и пьянствѣ, но потомъ, подъ вліяніемъ бѣдности и общаго презрѣнія, раскаявшейся, и уже пожилой женщиной встрѣтившей полное прощеніе со стороны своего бывшаго

---

*) Кромѣ этихъ разсказовъ, у Погосскаго есть недурная книжка „*Наши добрые слуги четвероногіе*", хотя и предназначенная преимущественно для чтенія солдатъ, но по приведеннымъ анекдотамъ и недурнымъ картинкамъ интересная и дѣтямъ, и народу.

жениха-солдатика, который на ней и женится. Ея безпомощное положеніе въ дѣвицахъ, неудавшаяся любовь, преслѣдованія со стороны родни человѣка, ею любимаго, первый шагъ къ паденію, подготовленный ея же собственною родною теткой и дрянными бабами—сосѣдками, очень ясно объясняютъ всю возможность, если не неизбѣжность паденія, какъ бы намѣренно устроеннаго всѣмъ окружающимъ ее міромъ, гдѣ не нашлось ни одного человѣка кто бы сумѣлъ поддержать во время несчастную. Такое объясненіе этой личности, всѣми отверженной, подобныхъ которой такъ много въ крестьянскомъ и солдатскомъ быту, считаемъ очень благотворнымъ для простолюдина, *и особенно для крестьянъ*, которые, не зная или не разумѣя святыхъ словъ Христа о Магдалинѣ, такъ склонны къ осужденію падшей сестры, или же такъ легко смотрятъ на подобные факты.

Такимъ же всепрощеніемъ проникнута повѣсть *Подосиновки*, представляющая очень обыденное явленіе въ жизни солдата. Жена, за многолѣтнее (въ прежнее время) скитаніе мужа съ полкомъ по свѣту, родитъ ему дѣтей, въ насмѣшку прозванныхъ *подосиновиками*. Такіе факты часто вносятъ, по возвращеніи мужа, въ семью раздоръ, влекутъ за собой побои, пьянство и преступленіе, и семья, а особенно бѣдная баба, нерѣдко гибнетъ жертвой своей невѣрности мужу. Герой повѣсти, Егоръ Савельевъ, человѣкъ иного закала. Какъ ни горька ему измѣна дорогой жены, о которой онъ думалъ за всѣ пятнадцать лѣтъ службы; какъ ни больно видѣть такое оскорбленіе дорогой семьи,—онъ все-таки побѣждаетъ въ себѣ чувства ревности и мести, отъ полноты глубокой, простой, души примиряется съ тяжелымъ прошлымъ и, прощая жену, начинаетъ новую жизнь уже прочнаго семейнаго счастія. Подробности объ отдачѣ въ рекруты, разставанье съ молодой женой, деликатныя отношенія полковыхъ товарищей Савельева къ его тоскѣ по семьѣ, еще болѣе деликатныя отношенія самого героя къ проступку жены, и къ ея дѣтямъ,—все это полно высокаго нравственнаго значенія.

Къ той же группѣ произведеній, гдѣ авторъ старается возбудить сочувствіе къ женщинѣ, относится еще небольшая книжка, написанная Погосскимъ въ сотрудничествѣ со священникомъ Полисадовымъ.

Судъ людской и Божій, Полисадова и А. Погосскаго *). Эта небольшая книжка принадлежитъ къ числу *лучшихъ книгъ для чтенія взрослымъ простолюдинамъ и оканчивающимъ курсъ народныхъ училищъ*. И если въ основу народнаго воспитанія должно лечь поселеніе въ юныхъ душахъ сѣмянъ кротости, милосердія и любви, то эта, положительно, *необходимая во всякой народной школѣ и читальнѣ* книжка и *по содержанію*, и *мастерству* простого *разсказа*, вполнѣ отвѣчаетъ такой высокой цѣли, и можетъ быть поставлена образцомъ того, какъ и о чемъ слѣдуетъ бесѣдовать съ народомъ, чѣмъ можно растрогать до слезъ даже грубую, черствую душу. А между тѣмъ объ этой книгѣ, сколько намъ извѣстно, знаютъ немногіе, и даже книжные магазины отзываются полнѣйшимъ о ней невѣдѣніемъ. Основная мысль книжки—указаніе на столь часто встрѣчающееся въ нашихъ деревняхъ явленіе—безчеловѣчный судъ семьи и цѣлаго крестьянскаго общества надъ несчастной женщиной, убѣжавшей въ лѣсъ отъ побоевъ и истязаній мужа, за котораго она вышла по-неволѣ, и который самъ находится въ связи съ какой-то развратницей, и отъ любовныхъ преслѣдованій стараго свекора, склонявшаго ее къ снохачеству. Этотъ ужасный, народный самосудъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ нему всей деревни, и даже самихъ женщинъ, доведенныхъ невѣжествомъ и безобразіями семейной жизни до полнѣйшаго приниженія своей личности и потери всякаго человѣческаго достоинства, съ поразительною правдою представленъ въ первомъ разсказѣ книжки „*Бѣглая*“, названномъ *былью* и написанномъ г. Полисадовымъ. Во второмъ разсказѣ А. Погосскаго, написанномъ по Евангелію (много удачно подобранныхъ текстовъ и хорошее описаніе іерусалимскаго храма),—„*Судъ Богочеловѣка въ Іерусалимѣ на праздникѣ Кущей*,—въ противуположность жестокому суду человѣческому, представленъ милосердый судъ Іисуса Христа надъ Магдалиной. Разсказу предпослано Погосскимъ-же небольшое предисловіе. „*Слово всѣмъ крещенымъ*“, съ свойственной этому писателю простотою, указывающее народу на необходимость умѣнья разумно пользоваться Высочайше дарованною волею, на безобразія, столь частыя въ крестьянскихъ

---

*) Эту книжку непремѣнно слѣдовало бы издать для народа земствомъ. *В. О.*

семьяхъ: —драчливость, жестокое обращеніе съ слабою женщиной, на необходимость уваженія къ ней и вниманія, какъ къ матери, отъ здоровья и очерствѣнія нрава которой зависитъ, выйдетъ-ли дитя здоровое и доброе, или уродъ физическій и нравственный. При этомъ авторъ указываетъ на животныхъ, „*у которыхъ ни одинъ самецъ не кусаетъ своей самки. А если она носитъ въ себѣ плодъ, то мы видимъ, какъ каждый охраняетъ и защищаетъ свою самку*“. Желательно возможно большее распространеніе этой книжки и скорѣйшее новое дешевое и изящное ея изданіе.

Любимая мысль автора—связь солдата съ народомъ—положена въ основаніе повѣсти *Господинъ Колодникъ*. На постоѣ у крестьянина, Симохи Кочерыжки, стоитъ любимецъ всей семьи, и особенно ребятишекъ, солдатъ Аѳанасій Куликъ. Онъ-то и герой повѣсти, которому передъ смертью поручаетъ Симоха всю свою обѣднѣвшую семью. Изъ-за этой семьи, защищая дочь Симохи Орину отъ преслѣдованія кабатчика, Куликъ и попадаетъ въ колодки; но, однако, оправдывается во взведенныхъ на него провинностяхъ и устраиваетъ бракъ Орины съ Сенькой. Даже во время голода мужики просятъ оставить у нихъ на постоѣ солдатъ, какъ вѣрныхъ пособниковъ и кормильцевъ, дѣлящихся съ ними своими пайками. Голодъ, развращающее вліяніе кабака, и въ Бѣлоруссіи, родинѣ Кулика, и въ деревнѣ Горбыли, бабьи заходы, чтобы сбить съ пути Орину—подробности, хорошо рисующія темныя стороны крестьянскаго быта.

Повѣсть „*Сорочьи гнѣзда*“, при всѣхъ хорошихъ отдѣльныхъ сценахъ и характерахъ (озлобленная гибелью дочери старуха Мавра Зуиха, пособница бѣдной семьи; мать Васи, тайными ласками и любовью къ сыну напоминающая мать въ *Темникѣ*; горькое раздумье солдата о будущности сына-кантониста; сельскій дьячокъ, отецъ Васи, гуманное отношеніе къ нему его дядьки по полку и капитана, идиллическое счастье въ концѣ повѣсти), имѣетъ еще значеніе *историческое*. Она взята изъ времени существованія закона о солдатскихъ дѣтяхъ (отмѣненъ указомъ 1856 году), по которому изъ нихъ образовывали баталіонъ кантонистовъ, гдѣ они развращались въ конецъ и становились грозой всего рекрутства, обученіе коего, по преимуществу, лежало на нихъ. Подмѣна сына чужою дѣвочкою составляетъ канву повѣсти, въ предисловіи кото-

рой авторъ высказываетъ приведенную выше странную мысль объ образовательномъ значеніи фухтелей.

Къ лучшимъ разсказамъ Погосскаго для народа, за исключеніемъ двухъ, чисто *солдатскихъ,—Старики* (отношеніе къ солдатамъ капитана любимца роты, Севастопольская война) и *анекдота—Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ*, относятся: *Два кольца* (параллель между двумя Иванами, Тихимъ и Гордымъ; образъ священника). *Изъ старыхъ записокъ*; *Два грамотѣя* (грамота изъ одного солдатика дѣлаетъ дрянного писаря, а изъ другого—народнаго учителя) и *Алексѣй Петровичъ Петровъ-побратимъ мой кровный*" (привязанный къ своему сослуживцу, повидимому, разжалованному въ солдаты, дворянину, вѣстовой принимаетъ за него тѣлесное наказаніе), да, пожалуй, стихотворный разсказъ солдата „*Слѣпая память*" (все забылъ старый инвалидъ; въ душѣ остались только обрывки воспоминаній о жестокостяхъ войны; помнитъ также, какъ при немъ расковывали въ тюрьмѣ оправданнаго преступника, а всего лучше—чтеніе въ церкви манифеста объ освобожденіи крестьянъ).

Уже въ „*Господинѣ-колодникѣ*" и въ „*Суходольщинѣ*" указывается на развращающее вліяніе кабака, и *самыми большими развратителями народа представлены кабатчики*. Но у Погосскаго есть еще цѣлая группа небольшихъ хорошихъ разсказовъ, посвященныхъ вопросу о пьянствѣ спеціально. Такъ, въ „*Первомъ винокурѣ*" происхожденіе водки связано, по народному сказанію, съ наиболѣе вредною для человѣка дѣятельностію чорта,—нагубою людей возвращающаго къ себѣ особое благоволеніе сатаны. Онъто, этотъ чортъ, и есть первый винокуръ, *изобрѣтшій пропой, распой и запой, чортъ, которому подарилъ за это сатана всѣ души опившихся и опиваемыхъ. Съ той поры, съ легкой чортовой руки, по всей землѣ, то тамъ, то сямъ—то винокурня выстроится, то кабачекъ выростетъ, какъ грибы поганые въ дождикъ... Толстѣютъ откупщики кабацкіе, палатъ понастроили, носы позадирали... А у всѣхъ бѣдныхъ людей горбушка хлѣба украдена*". Подобнымъ же вмѣшательствомъ чорта въ человѣческую жизнь объясняется происхожденіе кабака и въ *Анчуткѣ Безпятомъ*—мелкомъ бѣсѣ, котораго надулъ мужикъ Фарафонъ, и который со злости на него *разсыпался на семь тысячъ чортовыхъ дребезговъ, и всѣ они пошли въ дѣло. И вотъ, теперь, на рас-*

путьяхъ стоятъ семь тысячъ кабаковъ: сидятъ въ нихъ семь тысячъ безпутныхъ чудаковъ, изъ разумныхъ людей творятъ дураковъ: пьяницы пьютъ, до чортиковъ бѣсятся, опиваются до смерти, а не то вѣсятся. А завѣдуетъ сей работой проклятой, все онъ же Анчутка Безпятый". Если въ этихъ произведеніяхъ разсказывается о происхожденіи кабаковъ и кабатчиковъ (смотри также въ пьесѣ *Чему быть, тому не миновать* энергическій монологъ—сравненіе кабатчика съ солдатомъ), то въ смѣшномъ разсказѣ „*Путешествіе на луну изъ кабака по пути домой*" авторъ представляетъ въ отвратительномъ видѣ сначала пьянство и подпаиванье уже пьяненькаго мужика; Курилы Курилыча, въ кабакѣ, а потомъ и послѣдствія этого пьянства—позорное пробужденіе пьяницы передъ всѣмъ селомъ въ грязной лужѣ, гдѣ улеглась подлѣ Курилы Курилыча и свинья, какъ бы нашедшая себѣ достойнаго товарища въ человѣкѣ, потерявшемъ всякій человѣческій образъ. Для контраста съ нашимъ кабацкимъ отвратительнымъ пьянствомъ разсказываетъ авторъ поэтическое восточное преданіе о происхожденіи винограда (*Птичій даръ*), сѣменами котораго одарила птица царя, убившаго стрѣлой змѣю, подбиравшуюся къ ея гнѣзду. Употребляемое умѣренно, вино ободряетъ и веселитъ человѣка, и *каждому бобылю, каждой незначительной бабѣ даруетъ утѣху трудовой жизни*,—утѣху, отъ которой у человѣка весело дѣлается на душѣ, и *цѣловаться, и плясать хочется... А въ нашемъ винѣ, трехпробномъ пѣнномъ*—замѣчаетъ авторъ,—*одно неудобство: испивъ его всласть—вмѣсто того, чтобъ цѣловаться, смерть хочется подраться.*

Рядомъ съ *пьянствомъ*, въ жизни народа является *суевѣріе*, и Погосскій, какъ жаркій поборникъ народнаго образованія, безпощадно осмѣиваетъ всякое нелѣпое, невѣжественное вѣрованіе и тѣхъ ловкихъ обманщиковъ, которые, пользуясь невѣжествомъ, дѣлаютъ послѣднее неизсякаемымъ источникомъ своего обогащенія, Такъ, въ разсказѣ „*Солдатское пиво*" прохожій солдатъ дурачитъ знахаря, грозу всей деревни, Антропа Антипыча, который, посрамленный публично на богатой свадьбѣ, сразу лишается всего своего значенія, а затѣмъ, обобраденный цыганами, своими пособниками по темнымъ дѣламъ, вѣшается въ банѣ. „*За каждый обманъ темнаго бѣдняка*", заключаетъ авторъ разсказъ, „*ужъ кто-нибудь да заплачетъ горько кровными слезами. Ну, да и каждый*

же дуракъ, пока не поумнѣетъ, уже будетъ обманутъ непремѣнно".Эта же мысль проходитъ и въ смѣшномъ разсказѣ „*Чертовщина*", гдѣ сводится множество самыхъ грубыхъ суевѣрій, оказывающихся либо наглымъ обманомъ, либо грубой фантазіей запуганнаго и разстроеннаго воображенія. Эти суевѣрія, отравляющія народное спокойствіе, вытягивающія изъ народа послѣднюю потомъ и кровью добытую копѣйку, можетъ уничтожить только *школа*, которую и вызвало у насъ ближайшимъ образомъ великое дѣло освобожденія крестьянъ (*Дѣдушка домовой*).

Всѣ разсмотрѣнные разсказы имѣютъ, какъ мы видѣли, въ основаніи задачи, болѣе или менѣе, серьезныя; переходимъ къ произведеніямъ, имѣющимъ въ виду просто занять досугъ народа анекдотомъ, походной бывальщиной, побасенкой. Ограничимся перечисленіемъ, съ указаніемъ сущности каждаго разсказа.

1) *Куча денегъ* (три истинныя происшествія—одно, случившееся въ Петербургѣ, другое—въ Бѣлоруссіи, третье—въ Москвѣ; въ одномъ сама себя караетъ алчная корысть, въ другомъ—зависть, въ третьемъ—богатство безъ воспитанія).

2) *Божеское правосудіе* (три уголовныя дѣла, въ которыхъ, благодаря случайностямъ, раскрываются преступленія; болѣе интересенъ второй разсказъ „*Молитвенникъ моей жены*").

3) *Мудрый судья*—восточное сказаніе про Калифа-Багдадскаго Гаруна-аль-Рашида, открывшаго въ своемъ царствѣ судью нелицепріятнаго и остроумнаго.

4) *Отставное счастье*—анекдотъ о солдатикѣ, закидывавшемъ тоню и взявшемъ съ откупщика тонь отступное, основанъ на случайности; при нѣсколькихъ хорошихъ сценахъ (прощаніе съ товарищами, объясненіе слова „прощай", послѣдній вечеръ съ оставляемой солдатикомъ своей милой) страдаетъ длиннотою вступленія и идиллическимъ отношеніемъ къ прежней суровой солдатской службѣ.

5) *Собачій застрѣльщикъ*—анекдотъ о вралѣ, застрѣлившемъ, вмѣсто волка, капитанскую собаку.

6) *Медвѣжья наука*—анекдотъ о мелкомъ воришкѣ солдатѣ, принявшемъ въ темномъ сараѣ за теленка, котораго онъ хотѣлъ украсть, привязаннаго вожаками цыганами медвѣдя, благодаря чему солдатъ исправляется отъ воровства.

7) *Наумъ сорокодумъ*—побасенка о томъ, какъ глуповатый мужикъ перевозилъ черезъ рѣку волка, капусту и козу.

Скажемъ въ заключеніе о пьесахъ Погосскаго, для народныхъ или, вѣрнѣе, солдатскихъ, театровъ, опыты которыхъ не безъ успѣха практикуются во многихъ полкахъ. Всѣхъ этихъ пьесъ, за исключеніемъ циничнаго, балаганнаго фарса: „*Жареный гвоздь*", — четыре: „*Неспособный человѣкъ*" (передѣлка изъ повѣсти). „*Чему быть, тому не миновать*" „*Дѣдушка домовой*" и „*Легкая надбавка*". Не представляя особыхъ литературныхъ достоинствъ, всѣ онѣ (слабѣйшая—*Легкая надбавка*) написаны тепло и сценично,—относительно—незатруднительны для постановки, сопровождаются нѣсколькими недурными пѣснями (заключительная пѣсня Маши о волѣ и *пѣсня Сна* о мужикѣ въ пьесѣ *Чему быть;* пѣсня Груни въ *Домовомъ*, пѣсенка Флегонта въ *Неспособномъ человѣкѣ*) и, исполненныя сколько-нибудь сносно, могутъ доставить народу много удовольствія.

XXII. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

(Род. 20 сентября 1791 г. † 30 апрѣля 1859 г.).

Двадцатаго сентября 1891 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія оригинальнѣйшаго русскаго писателя, С. Т. Аксакова, по характеру и сюжетамъ сочиненій стоящаго совершенно особнякомъ въ русской литературѣ. Оплакиваемый не только своей даровитой семьей, но и всѣмъ русскимъ обществомъ, сошелъ въ могилу 30 апрѣля 1859 г. этотъ добродушнѣйшій, всѣми любимый человѣкъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ писателей, по достоинству оцѣненный не только критикою русской, но и иностранной. Оставляя въ сторонѣ его значеніе историко-литературное и біографію, небогатую фактами внѣшними, остановимся на немъ какъ писателѣ педагогическомъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова,—писателѣ, съ которымъ, по нашему мнѣнію, особенно благотворно знакомиться именно юношеству. Мы сказали бы даже, что изъ всѣхъ писателей, которыхъ мы разсмотрѣли въ нашей

книгѣ „*Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ*“ С. Т. Аксаковъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Крыловымъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ принадлежитъ именно *дѣтямъ* и по самому количеству имъ написаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на содержаніе шеститомнаго собранія его сочиненій, мы видимъ, что все то, что несомнѣнно и безспорно доставило писателю такое крупное имя,—все это почти цѣликомъ, за малыми исключеніями, можетъ быть дано въ руки дѣтямъ лѣтъ съ десяти безъ малѣйшаго опасенія вреда, или рановременности. А вмѣстѣ съ тѣмъ, все это и въ высшей степени просто, и интересно, и занимательно; не требуетъ никакой напряженности вниманія и доставляетъ истинное наслажденіе какъ ребенку, такъ и взрослому. Таковы: лучшее произведеніе покойнаго: — *Семейная хроника, Дѣтскіе годы, Воспоминанія* о гимназіи и годовомъ отдыхѣ дома, въ деревнѣ, *Очеркъ зимняго дня, Буранъ, Аленькій цвѣточекъ* (сказка); таковы: „*Записки объ уженьѣ рыбы*“, „*Стихотворное посланіе къ А. Н. Майкову*“, въ отвѣтъ на посвященіе послѣдняго Аксакову своей поэмы „*Рыбная ловля*“, „*Разсказы и воспоминанія охотника*“, „*Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи*“, наконецъ, „*Собираніе бабочекъ*“ и „*Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы*“. Все остальное: —воспоминанія объ университетѣ, статьи о разныхъ знакомствахъ (Шушеринъ, Державинъ, Шишковъ, Мартинисты и пр.), для дѣтей непригодное, не имѣетъ по своему, слишкомъ личному, часто спеціально театральному, а иногда и одностороннему, и даже немножко мелочному характеру, большого значенія и литературнаго, и едва ли въ настоящее время прочтется съ особеннымъ интересомъ людьми, не занимающимися спеціально исторіей русской литературы, или біографіей. Исключеніе составляетъ только „*Знакомство съ Гоголемъ*“. Такимъ образомъ, почти все, что только и представляетъ у этого писателя великую цѣнность для взрослаго читателя—не спеціалиста, есть въ то же время и драгоцѣнное достояніе для школы и семьи, въ смыслѣ воспитательно-образовательномъ.

Постараемся опредѣлить, что же именно дѣлаетъ писателя такимъ важнымъ съ этой, интересующей насъ, стороны.

Во-первыхъ, очень большое значеніе придаемъ мы самой *личности* Аксакова. Какъ ни объективенъ, какъ ни гомерически-

эпиченъ, повидимому, этотъ всегда спокойный, добродушный до наивности, разсказчикъ про старые годы, про своихъ родныхъ, свое дѣтство, про всякихъ рыбокъ, птичекъ, звѣрюшекъ, бабочекъ; но это только такъ кажется. Вглядитесь въ него хорошенько, и передъ вашими глазами ясно, какъ въ зеркалѣ, отразится младенчески чистая душа простого, добраго человѣка, который своею сердечностью невольно окрашиваетъ въ симпатичный цвѣтъ все, что бы онъ ни описывалъ, все, о чемъ бы ни разсказывалъ:— будь это умилительныя, тихія картины природы съ ея лѣсами, рѣчками, необозримыми степями; малѣйшая ли рыбка, птичка, или бабочка; человѣкъ ли, кто бы онъ ни былъ, родной, или чужой, помѣщикъ ли, сѣрый мужикъ, или баба, взрослый, или ребенокъ. Все согрѣваетъ поэтъ своимъ участіемъ; все это для него дорого, какъ бы, повидимому, ни было само по себѣ мало, ничтожно; во всемъ сумѣетъ онъ раскрыть что-нибудь интересное, любопытное, что ускользаетъ отъ всякаго другого, не такого наблюдательнаго, участливаго, ока. Но это добродушіе, какъ ни сильно окрашиваетъ оно всѣ воспоминанія автора, никогда не освѣщаетъ должнымъ свѣтомъ, не оправдываетъ того, что дурно, что не только не заслуживаетъ оправданія, но вызываетъ осужденіе. Чутье правды, не одного добра, никогда не оставляетъ поэта: грубыя черты вѣка въ поступкахъ дѣдушки, бабушки, другихъ родныхъ, или знакомыхъ, угнетенное положеніе крестьянъ, жестокое отношеніе къ ребенку, даже несимпатичныя черты въ собственной матери, чудачества и невѣжество,—все это встрѣчаетъ со стороны поэта осужденіе, только выраженное въ мягкой формѣ добродушнаго юмора, сожалѣнія о томъ, что было такъ, а не иначе, и вездѣ сочувствіе автора на сторонѣ страждущаго. Поэтъ знаетъ, что то или другое дурно, и дурнымъ его и выставляетъ; но онъ знаетъ также и то, что это дурное было естественною особенностью вѣка извѣстнаго помѣщичьяго порядка, слѣдствіемъ невѣжества, недоумія, праздности, и въ самомъ дурномъ человѣкѣ, даже какомъ-нибудь Куролесовѣ, или отцѣ своей матери, типичномъ Зубовѣ, отмѣчаетъ проявленіе человѣчности, какъ напр. совѣсть, сомнѣніе въ своей непогрѣшимости, боязнь передъ человѣкомъ, сильнымъ сознаніемъ своей правоты. Вотъ эту-то сердечность, гуманность автора, съ христіанской точки зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, историческое отношеніе къ жизни счита-

емъ мы особенно воспитательными. Читая сочиненія Аксакова, наслаждаясь ими и поучаясь, дѣти незамѣтно и легко входятъ въ близкое общеніе съ незлобивой и мудрой, во всей простотѣ своей, личностью автора, который и во всей жизни своей былъ такъ горячо любимъ всѣми, начиная съ своего семейства и многочисленныхъ друзей и кончая людьми, бывавшими въ его гостепріимномъ и патріархальномъ московскомъ домѣ, или когда-либо входившими съ покойнымъ въ какія-либо отношенія.

Второе, что особенно важно въ воспитательномъ отношеніи,— это необыкновенное *чутье природы и совершенно оригинальное умѣнье ее описывать.* „Онъ, по выраженію И. С. Тургенева (Соч. Тург. томъ I, письмо о Запискахъ ружейнаго охотника), смотритъ на природу одушевленную и неодушевленную не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ; онъ не мудритъ, не хитритъ, не подкладываетъ ей постороннихъ намѣреній и цѣлей: онъ наблюдаетъ умно, добросовѣстно и тонко; онъ только хочетъ узнать, увидѣть. А передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему заглянуть въ себя“. Ничто не можетъ быть труднѣе человѣку, какъ отдѣляться отъ самого себя,—говоритъ Тургеневъ далѣе,—и вдуматься въ явленія природы... Гремите, не сходя съ мѣста, всѣми громами реторики: вамъ большого труда это не будетъ стоитъ; попробуйте понять и выразить, что происходитъ хоть бы въ птицѣ,—(прибавимъ мы—вообще, въ природѣ),—и вы увидите, какъ это не легко“. Это-то дивное умѣнье живописать природу, не такъ даже, какъ у Тургенева, у котораго все-таки на первомъ планѣ самъ авторъ, а совсѣмъ просто, такъ, что сама природа предъ глазами и рисуется, и составляетъ оригинальность Аксакова. Пластичность, по которой въ описаніяхъ природы къ послѣднему приближается только Лермонтовъ, и дѣлаетъ Аксакова первымъ русскимъ пейзажистомъ-литераторомъ, и, по выраженію г. Скабичевскаго (*Исторія новѣйшей русской литературы*), создателемъ совершенно новаго и оригинальнаго животнаго эпоса, подобнаго которому не было еще ни въ одной литературѣ. Животныя у Аксакова,—всѣ эти рыбы, звѣри, птицы изображаются совершенно объективно, безъ всякой аллегоріи (какъ въ басняхъ и сказкахъ), въ ихъ дѣйствительныхъ нравахъ и привычкахъ.

Третья особенность Аксакова—это его *народность*. Хоть и ув-

лекался онъ въ юности пресловутымъ *Разсужденіемъ* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* и долго находился подъ вліяніемъ псевдоклассицизма, такъ неудачно и часто карикатурно переносимаго въ русскую литературу; но ни руссофиломъ во вкусѣ Шишкова, ни ложноклассикомъ все-таки онъ не сдѣлался. Та-же природа, страстно любимая имъ рыбная ловля, охота и, вообще, непосредственная простая русская жизнь нетронутой цивилизаціей деревни, гдѣ провелъ онъ и свое дѣтство, и столько лѣтъ подъ-рядъ въ разное время потомъ, на всю его жизнь сохранили въ немъ близкую связь съ родиной во всей ея необычной своеобразности. При всѣхъ юношескихъ увлеченіяхъ высокопарной поэзіей не только Державина, но и какого-нибудь совсѣмъ безвкуснаго и бездарнаго Николева,—не смотря на многолѣтнюю возню съ театромъ, гдѣ, кромѣ Грибоѣдова и Гоголя, появившихся на сценѣ только въ тридцатыхъ годахъ, не было почти ничего сколько нибудь порядочнаго, Аксаковъ еще въ 1834 г. выступаетъ въ сборникѣ Погодина „Денница" съ свѣжею, чисто народною, вещицей *Буранъ*. Съ 1840 г. уже начинаетъ онъ подъ вліяніемъ Гоголя писать *Семейную* хронику, которую ему первому и читаетъ;—читаетъ не кому-нибудь изъ своихъ старыхъ собратовъ по литературѣ, а великому русскому юмористу новой, національной, какъ тогда называли, „натуральной" школы, а съ 1847 г. до самой своей смерти создаетъ имѣвшія такой громадный успѣхъ свои лучшія произведенія. Отецъ Константина Аксакова, справедливо считающагося основателемъ и величайшимъ энтузіастомъ славянофильства, и Ивана, наиболѣе энергичнаго и талантливаго, практическаго поборника славянофильскаго движенія, самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, всегда чуждый политики и никогда непосредственно не принимавшій участія въ современныхъ общественныхъ движеніяхъ, не сдѣлался и славянофиломъ; онъ остался только просто *русскимъ* человѣкомъ, немножко старпннаго помѣщичьяго патріархальнаго пошиба, но для всѣхъ высокоталантливымъ, милымъ и пріятнымъ, къ какому бы лагерю ни принадлежали его знакомые, или читатели его лучшихъ произведеній. Русскимъ былъ Аксаковъ не въ смыслѣ оффиціальнаго, заносчиваго, самоувѣреннаго патріотизма съ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ якобы гніющему просвѣщенному западу, котораго, впрочемъ, въ своихъ сочиненіяхъ онъ никогда и не касался; русскимъ былъ онъ по неизсякаемой въ немъ

никогда, теплой и искренней любви къ родной, хотя бы и бѣдной и однообразной, природѣ, любви къ многострадальному народу, этому истинному богатырю вѣкового страднаго труда землѣ. Оставшись совсѣмъ чуждъ и Карамзинской сентиментальности, занесенной къ намъ, какъ и туманный романтизмъ Жуковскаго, съ запада, Аксаковъ, можно сказать, весь, всей своей богатой натурой, принадлежалъ Россіи, еще примитивной, почти нетронутой цивилизаціей, Россіи помѣщичьей, обломовской, такъ хорошо изображенной Гончаровымъ,—Россіи съ ея привольной природой, которую такъ дивно воспѣлъ въ своихъ пѣсняхъ Кольцовъ. Читая эти охотничьи рыболовные очерки, эту помѣщичью хронику, не только наслаждаешься ими, какъ художественными произведеніями,—нѣтъ, по этимъ книгамъ учишься узнавать и, главное, любить родину: здѣсь-то именно „живетъ Русь, здѣсь Русью пахнетъ". Вотъ эта-то естественная, свѣжая, задушевная народность Аксакова и дѣлаетъ его писателемъ особенно цѣннымъ для русскихъ дѣтей: въ Аксаковѣ, какъ въ Пушкинѣ, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Лермонтова, какъ въ Кольцовѣ, Никитинѣ, Некрасовѣ, дѣти не только знакомятся съ родиной,—они сызмальства начинаютъ ее любить любовью здоровою, придающею человѣку силу и бодрость, столь важныя въ дѣлѣ воспитанія.

Но, кромѣ симпатичнѣйшей *личности* самого автора, согрѣвающей добрымъ огонькомъ представляемую жизнь; кромѣ *чутья природы*, умѣнья ее описывать; кромѣ *здоровой народности*, патріотичности, есть у Аксакова еще одна яркая особенность, весьма цѣнная со стороны педагогической,—это его *языкъ*, *слогъ*, который по простотѣ, ясности и выразительности можетъ быть поставленъ на ряду съ прозой лучшихъ нашихъ стилистовъ,—Пушкина, Лермонтова, Гончарова и графа Л. Н. Толстого (въ его лучшихъ произведеніяхъ), почему по языку Аксакова дѣти должны учиться родному слову, въ наиболѣе полныхъ и художественныхъ выраженіяхъ общенароднаго русскаго духа. „Рѣчь Аксакова, — говоритъ И. С. Тургеневъ,—это настоящая русская рѣчь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нѣтъ вычурнаго и ничего лишняго, ничего напряженнаго и ничего вялаго—свобода и точность выраженія одинаково замѣчательны. Эта книга (*Записки ружейнаго охотника*) написана охотно и охотно читается". „Мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: бы-

вают тонко-развитыя, нервическія, раздражительно-поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красотъ: онѣ подмѣчаютъ многіе оттѣнки, многія, часто почти неуловимыя, частности, и имъ удается выразить ихъ иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины отъ нихъ либо ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобы схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ на счетъ общаго впечатлѣнія. Къ такимъ личностямъ и принадлежитъ Аксаковъ, и я очень этому радъ. Онъ и тутъ не хитритъ, не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добираются „немногіе"; но то, что онъ видитъ, видитъ онъ ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе: въ самой природѣ нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Всѣ поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ „позитуру" передъ лицомъ природы: они не старались, какъ говорится, подслушать, подсмотрѣть ея тайны: великими и простыми словами они передавали ея красоту и величіе".

На сколько обладаетъ Аксаковъ цѣлой массой словъ и оборотовъ, видно, напримѣръ, хоть изъ слѣдующей выписки изъ охотничьихъ записокъ, удачно приводимой въ статьѣ объ Аксаковѣ въ I томѣ критико-біографическаго словаря С. А. Венгерова (стр. 187), гдѣ всего на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ приведено одиннадцать глаголовъ, вполнѣ точно выражающихъ разнообразные птичьи звуки. „На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и, вообще, въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: *токуютъ* глухіе и простые тетерева, *пищатъ* рябчики, *хрипятъ* въ тягахъ вальдшнепы, *воркуютъ*, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, *взвизгиваютъ* и *чокаютъ* дрозды, мелодически заунывно *перекликаются* иволги, *стонутъ* рябыя кукушки, *постукиваютъ*, долбя деревья, разноперые дятлы, *трубятъ* желны, *трещатъ* сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и

оживляетъ тишину лѣсовъ". „На подобное же словесное богатство, справедливо говоритъ авторъ статьи, приходится натыкаться чуть не на каждой страницѣ охотничьихъ записокъ (мы бы сказали и вообще въ сочиненіяхъ Сергѣя Тимофеевича). Сочиненія этого писателя представляютъ обширнѣйшій матерьялъ для особаго академическаго словаря Аксаковскаго языка,—словаря, обильнаго самыми тонкими и разнообразными оттѣнками для конкретнаго изображенія въ картинахъ и образахъ дѣйствительной реальной жизни".

Такимъ образомъ, всѣ указанныя нами особенности Аксакова сообщаютъ сочиненіямъ его важное педагогическое значеніе.

Отъ указанія общихъ свойствъ писателя перейдемъ къ разсмотрѣнію сочиненій въ отдѣльности.

Всѣ сочиненія С. Т. Аксакова, пригодныя для цѣлей педагогическихъ, могутъ быть раздѣлены по содержанію на слѣдующія двѣ группы.

I. *Разсказы о старинѣ: Семейная хроника, Дѣтскіе годы Багрова внука, Воспоминанія* о двухъ періодахъ гимназической жизни и *Годъ въ деревнѣ*; сюда же отнесли бы мы разсказикъ *Буранъ*, послѣднее предсмертное произведеніе покойнаго, *Очеркъ зимняго дня* и сказку *Аленькій цвѣточекъ*. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ на первомъ планѣ выступаетъ *человѣческая* жизнь, *люди*: дѣдушка, бабушка, мать, отецъ, родные автора, онъ самъ, его знакомые, наставники, дядька, дворня, крестьяне; но не мало удѣлено мѣста — и описаніямъ степной природы, среди которой развивается и растетъ мальчикъ.

II. *Разсказы о природѣ: Записки объ уженьѣ рыбы, Посланіе къ А. Н. Майкову, Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ, Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи, Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы* и *Собираніе бабочекъ*. Въ этихъ произведеніяхъ—предъ нами картины лѣсовъ, болотъ, степей, полей, степныхъ рѣкъ, озеръ, въ разныя времена года, описаніе и жизнь самыхъ разнообразныхъ рыбъ и рыбешекъ, мелкаго, а частію и крупнаго, звѣрья, дичи болотной, водоплавающей, степной или полевой и лѣсной, бабочекъ и, наконецъ, грибовъ.

„Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя, и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе, и худое! Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя внутренняя жизнь исполнена поэзіи, также любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ поучительны и любопытны для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, такъ-же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и такъ-же стоите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда бы и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ!“ (Соч. Аксакова т. I, 222).

Этими трогательными словами, которыми авторъ заключаетъ свое лучшее сочиненіе, *Семейную хронику*, вполнѣ опредѣляется какъ цѣль его — обрисовать картину русскаго прошлаго восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, такъ и характеръ спокойнаго, почти эпическаго, разсказа, проникнутаго безпристрастіемъ и гуманнымъ отношеніемъ къ этимъ людямъ, давно умершимъ, которые какъ въ достоинствахъ, такъ и недостаткахъ были полнѣйшими выразителями своего времени. Эти восемь главъ (*Переселеніе*, *Оренбургская губернія*, *Новыя мѣста*, *Добрый день Степана Михайловича*, *Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ*, *Женитьба молодого Багрова*, *Молодые въ Багровѣ*, *Жизнь въ Уфѣ*), представляющія вмѣстѣ цѣлый законченный разсказъ о средѣ, въ которой родился авторъ, могутъ быть даны въ руки дѣтямъ безъ всякихъ исключеній, а также и читаны каждая отдѣльно въ видѣ эпизодовъ... Цѣлую массу увлекательнаго матеріала дастъ эта единственная хроника. Постараемся въ общихъ чертахъ показать, на что именно должно быть обращено здѣсь дѣтское вниманіе. Прежде всего остановились бы мы на этой, почти совсѣмъ еще нетронутой, такой богатой природѣ этихъ степей съ изобиліемъ водъ, полныхъ всякой твари, дающей легко

роскошную рыбную пищу, съ густо населенными дичью лѣсами, съ богатѣйшей хлѣбной жатвой и сѣнокосомъ, съ обильнымъ скотомъ, съ табунами лошадей, словомъ — природу, легко вознаграждающую трудъ человѣка. Никто еще не мѣрилъ этого приволья, по которому кое-гдѣ кочуютъ полудикіе башкиры и другіе неприхотливые народы татарскаго и финскаго племени, и по какой-нибудь полтинѣ можно легко накупить любое количество десятинъ удобнѣйшей земли, что и сдѣлалъ дѣдушка Багровъ. Эти-то условія природы нетронутаго края, такъ легко обогащающія помѣщика, которому и заботиться-то о хозяйствѣ приходится очень мало, съ одной стороны, смягчаютъ хоть нѣсколько суровую требовательность и скаредность рабовладѣльцевъ; съ другой—облегчаютъ нѣсколько и тягость переселенія крестьянъ и болѣе обезпечиваютъ матеріальное положеніе послѣднихъ, по своему умственному развитію и невѣжеству мало чѣмъ отличающихся отъ своихъ полудикихъ господъ. Такое положеніе вещей обусловливаетъ въ тогдашнемъ оренбургскомъ глухомъ краю и нѣсколько особый, сравнительно съ другими мѣстностями Россіи, порядокъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, отличающійся большею простотою, патріархальностью, человѣчностью. Дворовымъ, которымъ приходится ближе сталкиваться съ празднымъ самодурствомъ господъ, конечно, хуже, хотя все-таки эти дворовые сыты и одѣты; но мужикамъ живется сносно: объ ихъ благосостояніи заботится, хотя отчасти въ своихъ же интересахъ, и дѣдушка, и впослѣдствіи его сынъ (*Дѣтскіе годы*), и даже о Куролесовѣ, при всей его жестокости, много лѣтъ сохраняется у крестьянъ добрая память, какъ о хозяинѣ заботливомъ. Но и среди такихъ благопріятныхъ условій естественныхъ крѣпостничество все-таки тяжело отзывается на несчастномъ народѣ, на что нужно обратить особенно вниманіе дѣтей. Даже наиболѣе справедливый, любимый мужиками, дѣдушка, объѣзжая для провѣрки пахаты поля, на всякой встряскѣ ставилъ колышекъ, чтобы на этомъ мѣстѣ наказать нерадиваго пахаря; разбудить же пинкомъ ногой или попотчивать батогомъ слугъ Мазана и Танайченка, отдать дѣвку насильно замужъ по прихоти или самодурству было у него дѣломъ обыкновеннымъ, даже когда бывалъ онъ и въ духѣ; да и вообще поколотить слугъ, даже избить дѣвочку, какъ это сдѣлала бабушка автора, при маленькомъ внукѣ, пришедшемъ въ ужасъ отъ такой обыкно-

венной расправы (*Дѣтскіе годы*), было вполнѣ въ нравахъ помѣщиковъ, расправлявшихся иногда точно такъ же и въ своемъ семействѣ (побои, претерпѣваемые отъ дѣдушки женой и собственными его дочерьми). А каково было дворнѣ отъ Куролесова, въ концѣ концовъ ею и убитаго, или крестьянамъ отъ управляющаго даже такой доброй, но не входившей въ хозяйство помѣщицы, какъ вдова этого жестокаго самодура; каково было выносить чудачества помѣщика Дурасова въ селѣ Николаевскомъ (*Дѣтскіе годы—лѣтняя поѣздка въ Чурасово*),—объ этомъ легко догадаться читателю, не смотря на то, что авторъ разсказываетъ обо всемъ этомъ мимоходомъ и довольно добродушно. Такимъ-то положеніемъ вещей, при которомъ, даже у относительно добрыхъ господъ, ни личность крѣпостного, ни собственность обезпечены не были, и объясняется затаенная постоянная ненависть къ господамъ, которую не разъ замѣчалъ на самомъ себѣ въ дворнѣ Аксаковъ, еще будучи ребенкомъ (*Дѣтскіе годы*), и личности, въ родѣ беззавѣтно преданнаго автору Евсеича, были исключеніемъ. Указывая дѣтямъ въ правдивыхъ разсказахъ нашего писателя на тяжелое положеніе тогдашняго крестьянства, слѣдовало бы указать также на великое терпѣніе, выносливость и незлобіе этихъ людей, руками которыхъ былъ цѣлый оренбургскій край разработанъ и культивированъ, о чемъ не разъ говорится въ *хроникѣ* *).

Но нынѣшнія дѣти, рожденныя уже въ то время, когда простодушные разсказы Аксакова стали преданіемъ о далекой старинѣ, читая о томъ, какъ возмущался мальчикъ Багровъ тогдашними отношеніями господъ къ своему крѣпостному человѣку, о томъ, что творилъ въ своемъ имѣніи, и даже какъ поступалъ съ самими сосѣдями-помѣщиками побѣднѣе да поробче Куролесовъ, могутъ задать родителямъ, или воспитателю, вопросъ: какъ-же

---

*) Позволяемъ себѣ для знакомства съ старинными помѣщичьими нравами напомнить воспитателямъ извѣстную статью Н. А. Добролюбова *Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы* (соч. Добролюбова, т. I), написанную по поводу книги *Дѣтскіе годы*, въ которой авторъ, не ограничиваясь Аксаковымъ, дополняетъ картину и многими другими сочиненіями. Прекрасная статья эта, проникнутая теплою любовью къ народу и исторически объясняющая помѣщичьи характеры, дастъ не мало матерьяла для бесѣдъ съ дѣтьми по поводу прочитанныхъ *Хроники* и *Дѣтскихъ годовъ*. *Авторъ*.

могло все это допускаться, сходить съ рукъ безнаказанно? На такой естественный вопросъ пытливаго дѣтскаго ума есть въ той-же „*Семейной хроникѣ*" и „*Дѣтскихъ годахъ*" и отвѣтъ, на который и нужно обратить вниманіе юныхъ читателей. Это стародавнее время, слава Богу, такъ далеко отошедшее отъ насъ въ прошлое, было временемъ великой государственной неурядицы. Отсутствіе образованія, за рѣдкими исключеніями, даже и у богатыхъ, родовитыхъ помѣщиковъ, которые, какъ дѣдушка съ бабушкой и тетками автора, едва знали грамоту, вмѣстѣ съ крѣпостными порядками, державшимися незыблемо, да еще и при неопредѣленности и запутанности нашего законодательства, при плохомъ матеріальномъ обезпеченіи служилыхъ людей, не могли приготовить государству честныхъ и развитыхъ чиновниковъ и администраторовъ. Патріархальны и примитивны были тогда семьи и общество, такова-же была и администрація: всѣми дѣлами, напримѣръ, цѣлаго уфимскаго намѣстничества преспокойно завѣдывала дѣвушка, дочь товарища намѣстника, разбитаго параличемъ Зубова (мать Аксакова — „*Семейная хроника*"); по полученіи извѣстія о кончинѣ Императрицы Екатерины II, уфимскій губернаторъ, разсчитывавшій выдвинуться въ новое царствованіе, даетъ балъ, на который ѣдетъ, скрѣпя сердце, весь городъ, и на этомъ балу публично выражаетъ свою радость тостами. Что же стоило послѣ этого богачу Куролесову держать въ страхѣ всю полицію и судъ, которыхъ онъ запаивалъ и задаривалъ, и преспокойно творить всякія безобразія, такъ что для выручки едва не замученной имъ бѣдной жены самъ дѣдушка долженъ былъ прибѣгнуть къ самосуду, забравъ съ собой къ Куролесову мужиковъ съ ружьями и кольями (*Семейная хроника*"—*Куролесовъ*).

Посмотримъ-же, на какіе характеры, выработавшіеся въ эту эпоху, должно быть обращено дѣтское вниманіе *).

Прежде всего остановились бы мы на личностяхъ, такъ сказать, *доминирующихъ, господствующихъ*, на характерахъ *крутыхъ* и *цѣльныхъ*. Таковы: дѣдушка Степанъ Михайловичъ Багровъ (дѣдъ автора), Куролесовъ, двоюродная сестра Багрова, Прасковья

*) Мы не выдѣляемъ изъ сочиненій Аксакова въ особую группу матеріала для чтенія собственно народу, такъ какъ, по нашему мнѣнію, все нами указываемое вполнѣ пригодно и для народа безъ различія возраста. *Авторъ.*

Ивановна и Софья Николаевна (мать). Дѣдушка—типъ старишаго дворянина, гордаго своимъ происхожденіемъ, будто бы отъ какихъ-то варяжскихъ князей, почему сначала и не соглашается на бракъ своего сына съ внучкою казацкаго урядника. Сильный предоставленнымъ ему дворянскимъ и помѣщичьимъ правомъ, онъ считаетъ себя вольнымъ переселить крестьянъ, куда хочетъ, — и крестьяне безпрекословно бросаютъ родную землю и идутъ въ далекую невѣдомую степь. Онъ—„полный господинъ не только своей земли, но и чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова — никто слова не скажетъ“ (1,15). Цѣня выше всего свою личную свободу, онъ не хотѣлъ было сначала „мѣшаться въ поганыя дѣла“, т. е. спасать крестьянъ отъ Куролесова; но, когда понадобилось спасать отъ него-же свою собственную двоюродную сестру, онъ, какъ средневѣковой баронъ, пошелъ на злодѣя съ тѣми же крестьянами съ ружьями и дрекольями. Натура, совсѣмъ нетронутая образованіемъ, и потому полная противорѣчій, онъ, въ то же время, по добротѣ и поможетъ мужикамъ, конечно, безъ ущерба себѣ, и у мужиковъ долго хранится добрая о немъ память“. И гнѣвъ, и милость, по выраженію О. Ѳ. Миллера, проявляются у него стихійно, точно такъ же, какъ и чувство правды и справедливости,—смотря по тому, каковъ у него, добрый ли, или злой день, и всего ярче обрисовывается онъ въ удивительномъ отрывкѣ *„Добрый день Степана Михайловича“*, который долженъ быть прочитанъ особенно внимательно. Но чувство этой правды, справедливости, по преимуществу, было свойственно природѣ этого эпическаго человѣка, и „не было никого, кто-бы ему не вѣрилъ“, такъ какъ „его слова, его обѣщанія были крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ“ (Соч. Аксакова I, 4). Притомъ природный умъ его былъ свѣтелъ и ясенъ, и распознавать людей, какую бы личину они на себя ни надѣвали, онъ умѣлъ очень вѣрно; такъ распозналъ онъ Куролесова, отъ котораго всѣ были въ восторгѣ, такъ оцѣнилъ по достоинству и никѣмъ въ домѣ нелюбимую невѣстку. Даже и совѣсть мучитъ его послѣ слишкомъ жестокихъ проявленій самодурства и самосуда, и онъ, какъ умѣетъ, старается загладить свои вины передъ домашними. Много въ этой натурѣ и нѣжности, рѣдко прорывающейся наружу любви, что такъ ясно видно въ его отношеніяхъ къ двоюродной сестрѣ, Прасковьѣ Ивановнѣ, къ слабому и недалекому сыну Алексѣю, къ дочери Танѣ,

къ невѣсткѣ, внучкѣ и маленькому внуку. На всѣ эти добрыя качества старика нужно обратить дѣтское вниманіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ указать и на то, какія уродливыя и ужасныя проявленія характера отличали этого человѣка, не руководимаго никакой сознательной идеей, которая внесла бы въ его поступки извѣстную послѣдовательность. Слѣдуетъ особое вниманіе обратить и на то, каково жилось при немъ всѣмъ домашнимъ, особенно женѣ и дочерямъ, которымъ отецъ не далъ, какъ, впрочемъ, и сыну, никакого образованія; какъ, при всемъ умѣ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ души, онъ, нравственно изуродованный властью, держалъ домъ не спокойнымъ разумомъ и любовью, а однимъ страхомъ,—такъ что любимый даже внучекъ *боится* его не только живого, но и мертваго.

Совсѣмъ уже другого пошиба — Куролесовъ. Отъ природы это также человѣкъ недюжинный, сильный и умный; это тоже натура широкая, избалованная не только властью, но и всеобщимъ поклоненіемъ, особенно женщинъ, но болѣе страстная, необузданная, эгоистическая. Той совѣстливости, стыда передъ самимъ собой, той нѣжности и любви, извѣстной своеобразной гуманности къ крестьянамъ,—что такъ симпатично въ дѣдушкѣ, у него нѣтъ и въ поминѣ. Онъ если и необразованъ, то все-таки потерся въ обществѣ, отвѣдалъ благъ особой помѣщичьей цивилизаціи, въ родѣ кутежей на широкую ногу съ доморощенными пѣвицами, знаетъ вкусъ не только въ этихъ благахъ, но и въ убранствѣ дома картинами и цѣнными вещами, которыя грабитъ у сосѣдей. Это человѣкъ очень способный; его распорядительности, его хозяйственнымъ улучшеніямъ удивляется самъ дѣдушка. Его юркая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся, натура требуетъ дѣятельности, и онъ, какъ скоро прошелъ пылъ любви къ похищенной имъ супругѣ, которая, при всемъ своемъ умѣ, была слишкомъ еще дѣвочка, чтобы разсмотрѣть его, въ своемъ увлеченіи, мужемъ, укротить, смягчить, подчинить себѣ эту натуру, когда онъ сталъ тяготиться деревней, гдѣ дѣдушка жилъ, однако, вполнѣ счастливо, и, наконецъ, повелъ такую безобразную жизнь, которую можетъ вести только человѣкъ, вполнѣ необразованный. Будь у этого Куролесова какое-нибудь, не столь монотонное, какъ тогдашнее нехитрое деревенское, дѣло; будь у него развитое, разумное общество, будь занята чѣмъ-нибудь, въ безконечные праздные дни, мысль, — онъ не кон-

чилъ бы такъ несчастно въ безобразныхъ оргіяхъ свой безшабашный вѣкъ. Голова не была занята, нравственныхъ устоевъ никакихъ, страсти, не знавшія удержу, разыгрались, и въ результатѣ получились: безумный кутежъ, жестокости, въ родѣ истязанія дворовыхъ особыми плетьми—*кошками*, грабежъ, даже безобразное насиліе надъ собственной, такъ любившей его, женой. Въ эти два типа, можно сказать, только и вырождались у насъ *сильные* помѣщичьи характеры въ глухихъ провинціяхъ, и не только въ отдаленную старину, но даже и до самаго освобожденія крестьянъ. Изъ однихъ, болѣе спокойныхъ, но, можетъ быть, и менѣе способныхъ, образовывались домашніе самодуры-хозяева *Дѣдушки-Багровы*; изъ другихъ, болѣе страстныхъ, порывистыхъ—безобразные кутилы, жестокіе истязатели своихъ крестьянъ, не знавшіе мѣры своимъ самодурнымъ желаніямъ, непризнававшіе ничьихъ правъ, ни нравственныхъ, ни юридическихъ, кромѣ своего произвола, — словомъ, *Куролесовы*. При всѣхъ ужасныхъ качествахъ и поступкахъ этого человѣка, все же, однако, нельзя не признать за нимъ извѣстной силы, удали, привлекшей къ нему и бѣдную его жену, и могущей, пожалуй, нѣсколько увлечь и юныхъ читателей; но мы все-таки считаемъ и главу о Куролесовѣ педагогичной, такъ какъ, не заключая въ себѣ ничего грязнаго, изображенія котораго авторъ ловко сумѣлъ избѣжать, эта глава показываетъ, куда ведутъ человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ, даже такія качества, какъ натура недюжинная, выдающаяся, страстность и разностороннія способности. Не говоримъ уже о томъ, что сравненіе этихъ двухъ личностей, Дѣдушки и Куролесова, можетъ дать прекрасный матеріалъ и для бесѣды, и для сочиненія. Но, давая дѣтямъ въ руки какъ аксаковскія бытописанія о все-таки дорогой автору старинѣ, такъ и какія бы то ни было и чьи бы то ни было сочиненія, гдѣ изображаются темныя стороны нашихъ предковъ или человѣчества, которыя нельзя же не показать на ряду съ явленіями свѣтлыми, да помнитъ всегда воспитатель, что юношеству слѣдуетъ внушить здравое критическое отношеніе къ прошлому. „Когда обратимся мы, — говоритъ итальянскій писатель Сильвіо Пеллико въ своей книгѣ *„Объ обязанностяхъ человѣка“*,—къ прошедшему, и найдемъ и до сихъ поръ слѣды тогдашняго варварства; когда мы съ горестію увидимъ настоящее зло, и оно покажется намъ слѣдствіемъ страстей и заблужденій прошедшихъ вѣ-

ковъ, то *не станемъ порицать* предковъ. Вмѣнимъ себѣ въ обязанность быть снисходительными въ своихъ сужденіяхъ о нихъ. И, если поступили они такъ, а не иначе, стали такими, а не иными, не извиняютъ ли ихъ, до нѣкоторой степени, или невинное ослѣпленіе, невѣжество, или многія иныя условія тогдашней жизни, которыя мы не можемъ оцѣнить вполнѣ за отдаленностью временъ? Критика должна быть къ предкамъ справедливая, а не жестокая: она не должна ни клеветать, ни отказывать въ почтеніи (напр., къ дѣдушкѣ Багрову) тѣмъ, которые уже не могутъ болѣе встать изъ гроба и сказать намъ: „Вотъ причины нашихъ поступковъ, дѣти." „Трудно дать уразумѣть будущимъ людямъ, — говоритъ Катонъ,—что оправдываетъ нашу жизнь" *).

На ряду съ этими двумя самыми крупными представителями старины, старикомъ Багровымъ и Куролесовымъ, стоятъ двѣ женскія личности: жены Куролесова, Прасковьи Ивановны, и матери автора, Софьи Николаевны, являющіяся не только въ „*Семейной хроникѣ*", но и въ „*Дѣтскихъ годахъ*", и въ „*Воспоминаніяхъ*", почему, для характеристики ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ, мы будемъ пользоваться всѣми этими произведеніями. Конечно, сравнительно съ мужчинами, онѣ являются въ болѣе смягченномъ видѣ, но въ силѣ духа и той-же, какъ говоритъ О. Ө. Миллеръ, *властности*, имъ отказать нельзя. Выйдя замужъ четырнадцати лѣтъ, безъ всякаго образованія и развитія, избалованная въ семьѣ и въ замужествѣ еще играющая въ куклы, этотъ совсѣмъ ребенокъ, Прасковья Ивановна, сумѣла, однако, настолько привязать къ себѣ мужа, что, даже и безъ дѣтей, которыя, можетъ быть, все-таки сдержали бы Куролесова, прожила съ нимъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ въ мирѣ и согласіи, обративъ его въ дѣятельнѣйшаго хозяина, благоустроившаго и широко пріумножившаго свои имѣнія до значительнаго богатства,—такъ что даже дѣдушка почти вполнѣ съ нимъ примирился. Когда, въ концѣ концовъ, все-таки соскучившись въ замкнутой семейной жизни, Куролесовъ

---

*) Позволяемъ себѣ обратить вниманіе родителей и воспитателей на эту небольшую книжку благороднаго итальянскаго писателя Сильвіо Пеллико (1789 — 1854) —„*Объ обязанностяхъ человѣка*". „*Наставленіе юношѣ*". *Изд. Ледерле. С.-Пб.* Написанная просто и горячо, она въ общей картинѣ обнимаетъ весь кругъ нравственныхъ понятій, какъ важнѣйшихъ основъ и руководителей жизни. *Авторъ.*

возвращается къ прежнимъ привычкамъ и украдкой отъ жены начинаетъ кутить, а затѣмъ и совсѣмъ переселяется въ Парашино. Прасковья Ивановна, слишкомъ вѣрящая въ свое вліяніе и безгранично любящая мужа, долго не хочетъ и слышать никакихъ о немъ дурныхъ вѣстей. Но, когда ужасная истина открываетъ ей наконецъ глаза, съ какой поразительной рѣшимостью, вмѣсто того, чтобы плакать и убиваться, она тотчасъ-же собирается въ путь съ одной горничной и лакеемъ, и, во всемъ величіи своей попранной любви, неожиданно является передъ мужемъ съ негодующимъ словомъ обличенія,—и этотъ проснувшійся звѣрь, этотъ разсвирѣпѣвшій дикарь, подобно „*святотатцу*" въ лѣсу передъ оскорбленной Дамаянти, уступаетъ женѣ, ограничившись однимъ заключеніемъ и угрозами. Велика, значитъ, была духовная сила этой женщины, или, какъ говоритъ С. Т. Аксаковъ, „нравственная сила праваго дѣла, передъ которымъ уступаетъ мужество неправаго человѣка" (Соч. Аксак. I, 65). Въ „*Дѣтствѣ*" и въ „*Воспоминаніяхъ*" эта женщина является уже богатой, независимой, вдовой-помѣщицей. Разъ полюбя и проживя четырнадцать лѣтъ съ человѣкомъ, каковъ бы онъ въ концѣ концовъ ни оказался, какъ бы предъ ней ни провинился, она останется одинокой строгой вдовой до самой своей смерти. Какой-то самодурной властностью, можетъ быть, отчасти пріобрѣтенной отъ мужа, но только послѣ его смерти развернувшейся, вѣетъ, при всемъ добродушіи, веселости, чувствѣ благодарности къ своему спасителю старику Багрову, сыну котораго она завѣщаетъ все свое имѣніе, отъ этой своеобразной личности. Себялюбивая эгоистка, порѣшившая пожить, наконецъ, во всю ширь своего нрава, на полной свободѣ, лично для себя, она намѣренно закрываетъ глаза на все, что творится въ ея домѣ и деревнѣ, предоставивъ всю власть управляющему, и не подумаетъ даже о томъ, что изъ прихоти лишаетъ племянника и внука возможности принять послѣдній вздохъ старухи матери и бабушки, вдовы старика Багрова.

Иной, хотя, можетъ быть, еще болѣе властный типъ, но въ болѣе мягкой формѣ, представляетъ умная, но черствая, дѣловитая, тоже довольно эгоистичная, Софья Николаевна (мать автора). „Загнанная, оборванная барышня, говоритъ С. Т. Аксаковъ, которую подлое лакейство, особенно преданное мачехѣ, обижало, сколько душѣ угодно, втоптало въ грязь, вдругъ сдѣлалась полновластною

госпожою въ домѣ, потому что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все... Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину-мать (воспитывала мачехиныхъ дѣтей), хозяйку, и даже оффиціальную даму, потому что, по болѣзни отца, принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи" (*Сем. хрон.*, соч. Акс. I, 76—77). Если прибавить къ этому всеобщее уваженіе къ ней цѣлаго города, необыкновенную, но неприступную, гордую, красоту, вниманіе и комплименты къ ней такихъ лицъ, какъ образованный Аничковъ, даже Новиковъ, наконецъ, нѣкоторую начитанность, хотя совершенно случайную, и притомъ, при отсутствіи сколько-нибудь серьезнаго образованія, то немудрено, что самолюбіе, желаніе властвовать и, отчасти, отношеніе свысока къ другимъ, проявляется у нея еще въ дѣвушкахъ. И вотъ она выбираетъ себѣ именно такого мужа, который и по уму, и по развитію, и по характеру, неизмѣримо ниже ея; а выбравъ разъ, она уже совершенно подчиняетъ его себѣ.—Но съ какимъ тактомъ держитъ она себя въ первый пріѣздъ къ свекру (*Сем. хр.—Молодые въ Багровѣ*); какъ ловко умѣетъ отличить старика во всей его семьѣ и добиться такъ скоро его расположенія: немудрено, что этой городской, все-таки, до извѣстной степени, культурной женщинѣ также скоро покорилось и все ее окружающее. „Она сама разливала въ домѣ тестя чай; сама успѣвала подавать чашки, сначала свекру, а потомъ свекрови, и даже другимъ. Со всѣми успѣвала говорить, и такъ ловко, такъ кстати, такъ весело", что развеселила и свекра, и тѣмъ спасла домъ отъ новой готовой разразиться бури (I, 165).

Какъ-бы въ параллель съ этими четырьмя личностями сильными и болѣе или менѣе грандіозными, властными, въ той же *Семейной хроникѣ* рисуетъ авторъ личностей слабыхъ, жалкихъ, находящихся въ постоянномъ подчиненіи у другихъ: таковы: сынъ дѣдушки Алеша, жалкій отецъ Софьи Николаевны Зубинъ, совсѣмъ забитая жена дѣдушки Арина Васильевна, и недалекія, злыя исподтишка, мелочныя сестры Алеши, завидующія невѣсткѣ и творящія ей всевозможныя мелкія непріятности и уколы. Не останавливаясь на этихъ, такъ искусно представленныхъ, персонажахъ,

скажемъ одно, что образованіе подобныхъ ничтожностей вполнѣ естественно въ тотъ тяжелый вѣкъ самодурной власти старшихъ, хотя бы и такихъ, какъ дѣдушка,—вѣкъ дикой необразованности и пустоты захолустной жизни. У подобнаго отца, какъ дѣдушка, и долженъ былъ выйти именно такой, совсѣмъ безхарактерный, сынъ; старикъ Зубинъ тотъ же Алеша, только попавшій въ руки сначала дрянной, забравшей его къ себѣ подъ башмакъ, второй жены, а потомъ совсѣмъ подчинившійся какому-то, чуть не висѣльнику, ловкому лакею—калмыку, изъ-за котораго онъ даже выгоняетъ изъ своего дома молодыхъ; глуповатая и слабая Арина Васильевна совершенно естественно играетъ такую жалкую роль передъ своимъ мужемъ, отъ котораго терпитъ столько горя; наконецъ, дочери, особенно старшія, какъ болѣе хитрыя и неимѣющія никакихъ интересовъ въ жизни, никакого разумнаго содержанія, боясь отца, исподтишка проводятъ иногда его самого, и сами совсѣмъ ушли въ дрязги и вѣчное брюзжанье другъ на друга, на родителей, на весь свѣтъ. Здѣсь опять, какъ указали мы раньше, все тотъ же результатъ извѣстнаго, и, слава Богу, уже отходящаго въ вѣчность, порядка жизни и малокультурныхъ нравовъ.

Мы указали только на нѣкоторыя, наиболѣе крупныя, черты вѣка, такъ удивительно обрисованныя въ *Хроникѣ;* но эта эпопея степного помѣщичества, при всей своей простотѣ, полная самаго живого интереса, даетъ огромный матерьялъ и для знакомства съ этой природой (мы посовѣтовали бы для полноты прочитать съ дѣтьми послѣ Хроники изъ III-го тома соч. Аксакова двѣ отдѣльныя небольшія картинки—*Очеркъ зимняго дня* и *Буранъ*, который можно сопоставить съ пушкинскимъ описаніемъ въ *Капитанской дочкѣ*), и съ цѣлой массой различныхъ явленій жизни, описанныхъ очень увлекательно и въ высшей степени типично. Въ первомъ отрывкѣ—*Переселеніе* (I, 1—12)—и тяжелое для крестьянъ оставленіе родного пепелища, устройство мельницы и запруда рѣки, и, вообще, трудъ этихъ богатырей земли, къ которымъ авторъ относится всегда съ глубокой симпатіей; второй отрывокъ—*Оренбургская губернія* и третій—*Новыя мѣста* (I, 12—20), рядомъ съ описаніемъ края начинаютъ вырисовывать фигуру дѣдушки, съ его любовью къ крестьянамъ, правдивостью и дикими порывами неукротимаго самодура, а въ четвертомъ, едва ли не самомъ лучшемъ во всей Хроникѣ и истинномъ шедеврѣ русской

литературы—*Добрый день Степана Михайловича* (20—33) и онъ самъ, и вся эта семья являются во всей полнотѣ своей своеобразной жизни. Этотъ отрывокъ, вмѣстѣ со слѣдующимъ—*Михаилъ Михайловичъ Куролесовъ* (53—72) слѣдовало бы дешево издать для школы и народа отдѣльно; сюда же можно бы присоединить и *Очеркъ зимняго дня* и *Буранъ* (III). Въ слѣдующемъ отрывкѣ—*Женитьба молодого Багрова* (72—127)—разсказъ переносится сначала въ губернскій городъ Уфу, гдѣ передъ нами развертываются два періода дѣвичества Софьи Николаевны, до и послѣ смерти мачехи, сватовство, свадьба, и, наконецъ, хорошая сцена пріѣзда молодыхъ въ Багрово къ дѣдушкѣ. Въ шестомъ отрывкѣ *Молодые въ Багровѣ* (128—177), гдѣ сопоставляется некультурная жизнь степняковъ съ городской культурностію Софьи Николаевны, передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ интересныхъ сценъ и картинокъ: тутъ и подарки молодыхъ, и обѣдъ съ домашней „клубниковкой", вмѣсто шампанскаго, и проводы дѣдушки къ послѣобѣденному сну, и угощеніе дворовыхъ и крестьянъ, и отношенія къ городской барынѣ заловокъ, и типичные гости—родственники, и посѣщеніе сосѣдей—родныхъ, парадный свадебный обѣдъ съ гомерическимъ угощеніемъ. Но всего рельефнѣе обрисовывается здѣсь въ своемъ новомъ положеніи Софья Николаевна, своею культурностью и умомъ обошедшая дѣдушку и, до нѣкоторой степени, покорившая себѣ и родныхъ. Наконецъ, въ послѣднемъ отрывкѣ—*Жизнь въ Уфѣ* (178—222) находимъ картину домашней жизни молодыхъ, заботы о будущемъ ребенкѣ, трогательный образъ преданнаго слуги Евсеича, впослѣдствіи вѣрнаго дядьки автора, смерть перваго ребенка и смерть Зубина (отца Софьи Николаевны), ожиданіе новаго ребенка. Прекрасная картина рожденія желаннаго сына, радостно привѣтствуемаго всѣми, даже докторомъ Клаусомъ, не могшимъ удержаться отъ восклицанія:—„какой счастливый мальчишка! Какъ всѣ ему рады!"—и всеобщею радостію у дѣдушки въ Багровѣ по случаю рожденія наслѣдника древняго рода, заканчивается вмѣстѣ съ трогательнымъ лирическимъ заключеніемъ эта, въ своемъ родѣ единственная у насъ, художественная эпопея степной помѣщичьей старины.

Громадный успѣхъ *Семейной хроники*, вышедшей въ 1856 году, побудилъ автора написать ея продолженіе, явившееся въ печати незадолго до смерти Аксакова, въ 1858 г. *Дѣтскіе годы Багрова*

внука (т. I и II), посвященные десятилѣтней внучкѣ его, Ольгѣ Григорьевнѣ Аксаковой, которой онъ обѣщалъ книжку, еще когда ей было всего лѣтъ шесть.

„Эта книга, по собственнымъ словамъ автора, представляетъ довольно полную исторію дитяти, жизнь человѣка въ дѣтствѣ, дѣтскій міръ, созидающійся постепенно подъ вліяніемъ ежедневныхъ новыхъ впечатлѣній". (Предисл.). Хотя въ этой книгѣ, какъ служащей продолженіемъ *Хроники*, и являются тѣ же мѣста дѣйствія (Уфа, степь) и тѣ же лица, но содержаніе ея гораздо уже, специальнѣе. Такъ, герой здѣсь, собственно, одинъ—маленькій мальчикъ Сережа,—о прочемъ же говорится только по стольку, по сколько оно съ нимъ соприкасается. Бытовая сторона ярка, но она почти исчерпывается *Семейной хроникой*; дѣдушка съ бабушкой доживаютъ свой вѣкъ и прибавляютъ мало новаго къ тому, что о нихъ уже сказано, и только одна мать, Софья Николаевна, какъ лицо къ ребенку наиболѣе близкое, вырисовывается съ новыхъ сторонъ: со стороны горячей любви къ сыну, доходящей до ревности къ отцу, удовольствіямъ и даже самой природѣ, которая такъ нравится мальчику, со стороны своей нервности, постепеннаго охлажденія къ мужу, наконецъ, въ отвращеніи барыни къ сельской жизни и грубости и невѣжеству мужиковъ, даже пѣсни которыхъ кажутся ей, начитанной искусственною литературою, низкими, недостойными, какъ и они сами, эти крестьяне, вниманія ея маленькаго любимца. Самое изложеніе „*Дѣтскихъ годовъ*", при всей прелести языка, значительно слабѣе *Хроники*; оно какъ-то растянутѣе, расплывается въ мелочахъ и повтореніяхъ и читается дѣтьми, которымъ, конечно, книга точно такъ же можетъ быть дана въ руки, уже не съ тѣмъ захватывающимъ интересомъ, какъ *Хроника*. Но отдѣльныя мѣста есть богатѣйшія. Этотъ интересъ, однако, можетъ быть въ значительной степени возбужденъ сравненіемъ съ знаменитымъ *Дѣтствомъ и Отрочествомъ* гр. Л. Толстого, появившимся за шесть или четыре года раньше, *Сномъ Обломова*, Гончарова, и *Крестьянскими дѣтьми*, А. Потѣхина (есть отдѣльное изданіе). Вмѣстѣ съ наслажденіемъ, испытываемымъ отъ чтенія этихъ прекрасныхъ произведеній, дѣти невольно натолкнутся и на сравненіе того, какъ ростутъ, или выростали ребятишки въ разныхъ слояхъ барства и въ бѣдной крестьянской средѣ. Къ этимъ произведеніямъ присоединили бы мы также и

дѣтство диккенсовскаго *Давида Копперфильда*, въ романѣ того же имени, и, вообще, изображеніе дѣтей въ романахъ этого англійскаго писателя.

Но если, можетъ быть, *Дѣтскіе годы* и не увлекутъ дѣтей, то для самого педагога книга эта неоцѣненная. Въ ней онъ найдетъ въ художественной формѣ цѣлую психологію ребенка, начиная съ первыхъ запоминаемыхъ впечатлѣній (пробужденіе пытливости, нервность, ребяческая чувствительность, болѣзнь, книги и ихъ вліяніе, суевѣрные разсказы няни, дѣтскіе страхи, вкусъ къ природѣ, занимательныя развлеченія:—ловля рыбы, раковъ, собираніе грибовъ, охота, любовь къ театру, къ декламаціи, ужасъ при видѣ въ первый разъ школьныхъ наказаній, порча ребенка поддразниваньями со стороны взрослыхъ и мн. др.).

Въ частности же, изъ *Дѣтскихъ годовъ* для дѣтей рекомендовали бы мы слѣдующее: *Дорога до Парашина* (I, 243—250)—первое знакомство съ природой, рыбная ловля; *Парашино* (I, 265—276)—знакомство съ полемъ, съ крестьянскимъ тяжелымъ трудомъ, страдная жатва; *Пребываніе въ Багровѣ безъ отца съ матерью* (I, 294—308)—тяжелая жизнь ребенка безъ родителей, правдивость мальчика и привязанность къ матери; *Сергѣевка* (I, 331—353)—рыбная ловля; *Зимняя дорога въ Багрово* (I, 365—383; съ которой слѣдуетъ сопоставить отдѣльный разсказикъ *Буранъ* (III, 52—62, но безъ вступленія); особенно интересна глава *Багрово зимой* (I, 365—383), послѣ которой нужно прочитать чудесный *Очеркъ зимняго дня* (III, 49—56): умирающій дѣдушка, прощаніе съ нимъ родныхъ, покойникъ въ домѣ, выносъ тѣла изъ дому, похоронная суета и трогательная сценка—чтеніе ребенкомъ по дѣдушкѣ псалтыря. Занимательна для дѣтей также глава *Пріѣздъ на постоянное житье въ Багрово* (I, 401—423): Евсеичъ, уженье, полевые работы; а еще болѣе важна *Первая весна въ деревнѣ* (II, 29—68): тутъ и пробужденіе природы, и свѣтлый праздникъ съ возвращеніемъ домой изъ далекой церкви, и разливъ водъ, и покосъ, и сборъ грибовъ; очень драматична *Осенняя дорога въ Багрово* (II, 94—102): родители Сережи, получивъ извѣстіе о тяжкой болѣзни матери, спѣшатъ съ ребенкомъ домой:—переправа черезъ Волгу въ вѣтеръ, отчаяніе при полученіи извѣстія о смерти бабушки. Не лишена интереса также глава *Жизнь въ Багровѣ по смерти бабушки* (II, 103—122)—болѣзнь ребенка;

ловля птичекъ по наукѣ Евсеича, путь по снѣгу черезъ замерзшую Волгу.

Въ одну изъ довольно частыхъ болѣзней героя „*Дѣтскихъ годовъ*“, Сережи, когда онъ уже началъ выздоравливать, но страдалъ безсонницей, разстраивавшей сонъ его матери, послѣдняя позвала—разсказываетъ Аксаковъ—ключницу Пелагею, которая была великая мастерица сказывать сказки, и которую даже покойный дѣдушка любилъ слушать. Пришла Пелагея, не молодая, но еще бѣлая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, вздохнула нѣсколько разъ, по своей привычкѣ, всякій разъ приговаривая: „Господи, помилуй насъ грѣшныхъ“, сѣла у печки, пригорюнилась одной рукой и начала говорить немного нараспѣвъ: „въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ“... (II, 33) „Эту сказку, прибавляетъ авторъ въ примѣчаніи, слыхалъ я въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ не одинъ десятокъ разъ, потому что она мнѣ очень нравилась; впослѣдствіи выучилъ я ее наизусть и сказывалъ ее самъ“... Уже старикомъ возстановилъ ее авторъ по памяти, и настолько удачно (см. соч. Аксакова II, стр. 122—143), что это пестрое соединеніе несомнѣнно восточной фантазіи съ чисто русскими подробностями, колоритомъ и художественно воспроизведеннымъ языкомъ, поставили бы мы по достоинствамъ на ряду съ знаменитой *Сказкой о рыбакѣ и рыбкѣ Пушкина*, и особенно рекомендовали бы для чтенія дѣтямъ и народу *). Не говоря уже о занимательности, интересѣ мастерского разсказа не только для дѣтей, но и для всякаго взрослаго, эта вещица на узорѣ яркой и красивой фантазіи рисуетъ такіе человѣчные, прекрасные, чистые образы отца, младшей дочери и самаго чудовища; развиваютъ такую высокую мысль о силѣ любви разрушающей темныя чары волшебницы, любви возвышенной, духовной, сердечной, къ несчастному уроду, но такому деликатному и нѣжному, при всемъ своемъ уродствѣ, именно своею человѣчностью побѣдившему отвращеніе дѣдушки, что воспитательное значеніе этой сказки несомнѣнно.

Если *Хроника* и *Дѣтскіе годы*, какъ мы только что видѣли, представляютъ такой богатый матеріалъ для чтенія дѣтямъ, то

---

*) „*Аленькій цвѣточекъ*“ изданъ отдѣльно съ хорошими картинками изящно и дешево С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности.

далеко нельзя сказать того же о *Воспоминаніяхъ*. Уже не созданныя художественно, какъ оба первыя произведенія, *Воспоминанія*, гдѣ непосредственно выступаетъ передъ читателемъ не типическій Сережа Багровъ, а уже самъ Аксаковъ и лица дѣйствительныя, и въ томъ именно видѣ, въ какомъ сохранила ихъ память безъ малѣйшаго творчества, отличаются отрывочностью и случайной эпизодичностью. И если эти безхитростные, подчасъ наивные, разсказы о казанской гимназіи и только что возникшемъ университетѣ съ учителями, профессорами, начальствомъ, учениками и курьезными порядками, весьма любопытны для взрослаго со стороны исторической, а въ частности, для педагога, какъ картины уродливаго воспитанія и психологическая исторія ребенка и юноши въ учебномъ заведеніи, то для дѣтей *Университетъ* (II, 270—308) не дастъ, по нашему мнѣнію, почти ничего, а *Гимназія* интересна только мѣстами: *поступленіе въ гимназію, тоска по родному дому, свиданія съ матерью, Евсеичъ, приставленный къ барченку, разставанье съ матерью* (II, 157—164); *ужасъ матери при полученіи письма о тяжкой болѣзни сына и самоотверженное путешествіе ея въ Казань* (II, 175—177), *возвращеніе мальчика къ родителямъ, взявшимъ его изъ гимназіи домой* (II, 192—196). Глава *Годъ въ деревнѣ*, дающая мало новаго для знакомыхъ съ *Хроникой*, между прочимъ, опять говоритъ объ охотѣ и рыбной ловлѣ; *Гимназія* же—*періодъ второй* (II, 220—269) имѣетъ интересъ преимущественно біографическо-историческій и дѣтямъ мало интересна.

Отъ сочиненій С. Т. Аксакова, посвященныхъ изображенію людей, бытовымъ картинамъ отдаленной отъ насъ старины, перейдемъ къ книгамъ объ охотѣ и природѣ, гдѣ, однако, среди всѣхъ этихъ, дышащихъ правдой и свѣжестью, пейзажей, среди разсказовъ о рыбахъ и птицахъ, всюду видится все одинъ и тотъ же человѣкъ, страстный любитель неприкрашенной природы и охотникъ, самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Эти книги: *Записки объ уженьѣ рыбы* (Соч. т. V), *Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ* (V), *Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы* (V, 300—309). *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи* (съ политипажами) (VI) и *Собираніе бабочекъ* (II, 309—369) особенно, если воспитатель присоединитъ къ нимъ такія прекрасныя новѣйшія книги, какъ *Изъ царства пернатыхъ*, *Изъ зеленаго царства*, *Бе-*

сѣды о русскомъ лѣсѣ: краснолѣсье и чернолѣсье (двѣ книги), *Собиратель грибовъ, карманная книжка, содержащая въ себѣ описанія важнѣйшихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибовъ, ростущихъ въ Россіи* (2 изд. Спб.), Кайгородова, да *Мірскіе захребетники*, покойнаго Богданова, представляютъ воспитательный интересъ, весьма цѣнный. Во-первыхъ, *книги эти развиваютъ въ дѣтяхъ здоровое чутье природы*. Вотъ, что говоритъ о настроеніи, которое охватываетъ автора при ея созерцаніи, самъ Аксаковъ: „Чувство природы врежденно намъ отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, ложное направленіе, ложная жизнь—все это стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ красотамъ природы, т. е. къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи, но это еще не любовь къ природѣ:—это любовь къ ландшафту, декораціямъ, призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство, за-то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокой травой; поставьте ихъ въ тихую жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночного мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами, окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнью творенія:—для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная: они любятъ картинку, и то не надолго...“

Противопоставляя суетѣ и жизни въ душномъ городѣ, въ тѣсныхъ жилищахъ, природу, неукрашенную, привольную, авторъ гоговоритъ далѣе: „только въ далекой деревнѣ можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня—миръ, тишина, спокойствіе“... „На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокора или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими

листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды", успокоивается, по мнѣнію писателя, человѣкъ отъ всѣхъ своихъ тревогъ и суеты. „Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ..." (*Зап. объ уженьѣ рыбы*, т. V, *Вступленіе*, стр. II и III).

Во-вторыхъ, независимо даже *отъ цѣлой массы фактическаго знанія* изъ растительнаго и животнаго царства родной русской природы, Аксаковъ своими книгами даетъ воспитателю богатый и разнообразный матеріалъ для экскурсій и полезныхъ и пріятныхъ практическихъ занятій съ дѣтьми, дѣйствующихъ такъ благотворно физически и нравственно, особенно, послѣ тяжелыхъ учебныхъ трудовъ, пріучая дѣтей находить въ этихъ занятіяхъ интересъ и удовольствіе. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь и совѣты, какъ собирать грибы, и *„собираніе бабочекъ"*, хотя, отчасти, и дающее указаніе, какъ ихъ ловить и засушивать, но, главнымъ образомъ, показывающее, какъ страстно можетъ юноша увлечься этимъ дѣломъ (см. напр., конецъ статьи, VI, 366). Но всего интереснѣе для дѣтей, не только со стороны многихъ практическихъ указаній, но и прямо какъ прекрасныя книги для чтенія, которыя, въ виду все-таки нѣкотораго однообразія содержанія, совѣтовали бы мы читать съ дѣтьми по частямъ, это—книги объ уженьѣ и охотѣ.

Самъ, какъ видно изъ *„Дѣтскихъ годовъ"*, съ дѣтства страстный рыболовъ, какимъ оставался Аксаковъ до старости, авторъ сопровождаетъ свою книгу слѣдующимъ посвященіемъ своимъ братьямъ и друзьямъ:

Есть, однако, примиритель,
Вѣчно юный и живой,
Чудотворецъ и цѣлитель,—
Ухожу къ нему порой;
Ухожу я въ міръ природы,
Въ міръ спокойствія, свободы,
Въ царство рыбъ и куликовъ,
На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ,
Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
И—въ свои младые годы.

Тронутый за живое появленіемъ за полтора года до своей смерти прекрасной поэмы А. Н. Майкова „*Рыбная ловля*“ и посвященной, между прочимъ, Сергѣю Тимоѳеевичу, Аксаковъ въ отвѣтъ на посвященіе и самъ на старости лѣтъ написалъ стихотворное *Посланіе* поэту (см. Соч. III, 452—454), гдѣ, уже больной, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, трогательно вспоминаетъ былыя ловли со всѣми, столь милыми ему, наслажденіями, и навсегда прощается съ любимыми мѣстами, гдѣ проводилъ столько пріятныхъ часовъ.

Помня, вѣроятно, еще съ дѣтства, съ какимъ нескрываемымъ пренебреженіемъ относилась къ его зарождающейся страсти его собственная мать („*Дѣтскіе годы*“), считавшая уженье—занятіемъ недостойнымъ умнаго и серьезнаго человѣка, авторъ горячо заступается за эту невинную забаву во „*Вступленіи*“ въ свою книгу. „Одинъ, говоритъ онъ: называетъ уженье охотою праздно-любцевъ и лѣнтяевъ; другой—забавою стариковъ и дѣтей; третій—занятіемъ слабоумныхъ...“; „но обвиненіе въ праздности и лѣни совершенно несправедливо. Настоящій охотникъ необходимо долженъ быть очень бодръ и очень дѣятеленъ; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневнаго зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое вниманіе во время самаго уженья, пріискиванье удобныхъ мѣстъ, для чего иногда надо много ихъ перепробовать, много исходить, много изъѣздить на лодкѣ: все это вмѣстѣ не по вкусу лѣнивому человѣку...“. „Другое обвиненіе, будто уженье забава дѣтская и стариковская—также неосновательно: никто въ старости не дѣлался настоящимъ охотникомъ-рыболовомъ, если не былъ имъ смолоду. Конечно, дѣти почти всегда начинаютъ съ уженья, потому что другія охоты менѣе доступны ихъ возрасту...“. „Что же касается до того, что слабый старикъ или больной, иногда не владѣющій ногами, можетъ удить, находя въ томъ нѣкоторую отраду бѣдному своему существованію, то въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ, драгоцѣнныхъ преимуществъ уженья предъ другими охотами“. Что же касается обвиненія удильщиковъ якобы въ слабоуміи, противъ чего также возражаетъ авторъ очень тонко, ссылаясь на примѣры такихъ удильщиковъ, какъ нашъ знаменитый военный герой Румянцевъ и французскій славный полководецъ Моро, то мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ сказать, что лучшимъ опроверженіемъ не-

лѣпаго мнѣнія служитъ то, что тотъ же Сергѣй Тимоѳеевичъ, поэтъ А. Н. Майковъ и покойный русскій драматургъ А. Н. Островскій были именно страстными удильщиками.

Записки объ уженьѣ рыбы не представляютъ ничего такого, чего бы нельзя было дать дѣтямъ въ руки, если не считать мѣстъ, гдѣ говорится о размноженіи рыбъ, что, по нашему мнѣнію, должно быть объяснено воспитателемъ. Практическихъ указаній—множество: устройство удочки, насадка червячковъ, выборъ мѣста для уженья, самое умѣнье удить. Всѣ эти свѣдѣнія предшествуютъ описанію самыхъ рыбъ, занимая первыя 46 страницъ V тома, а въ концѣ книги (135—138) есть еще двѣ главы—*Крючки* и *жерлицы и Блесна*. Далѣе идетъ глава *О рыбахъ вообще* (46—61), гдѣ разсказывается о томъ, какъ и гдѣ живутъ рыбы и какъ размножаются; самое же физическое строеніе рыбъ авторъ опускаетъ, относя его къ естественной исторіи (страницы 62 по 132); въ видѣ небольшихъ главъ, описывается до двадцати пяти видовъ разныхъ рыбъ, идущихъ на удочку, которыхъ приложены и рисунки, а отъ 132 стр. до 135 говорится о ловлѣ раковъ. Всѣ рыбы и рыбешки получаютъ подъ перомъ автора особый интересъ со стороны своихъ разнообразныхъ нравовъ и, какъ живыя, встаютъ въ воображеніи читателя. Болѣе подробно описываются: *пескарь, ершъ, окунь* и *щука*. Интересны главы: *Полыя воды* и *ловля рыбы въ водополье* (140—148) и *Охота съ острогою* (148—157). Изъ приложенныхъ къ *Запискамъ* статей другихъ авторовъ дѣти съ интересомъ прочтутъ статью извѣстнаго московскаго профессора зоологіи, покойнаго Рулье, *Ходъ рыбы противъ теченія воды* (метанье икры). Если уженье, собираніе бабочекъ и грибовъ считаются занятіями вполнѣ воспитательными, то нельзя сказать того же собственно объ охотѣ. Несмотря на всю художественную прелесть охотничьихъ аксаковскихъ разсказовъ, „въ сущности, замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ (*Русская Бесѣда 1856 г. книга I*), эта борьба охотника съ представляющимися препятствіями пуста... Сочувствіе и любовь охотника къ своимъ жертвамъ также пусты, ибо они обращены на природу, не имѣющую нравственнаго достоинства. Перейдите маленькую черту, и успокоивающее, а отчасти, трогающее впечатлѣніе превратится въ комическое... Охотникъ въ пыли, на половину въ грязи, съ едва переводимымъ дыханіемъ, слѣдящій за движеніемъ маленькой птички, истощающій

запасъ силы, ума и искусства, чтобы убить ее, не комическое ли явленіе?“ Съ другой стороны, нельзя не признать, что охота, въ смыслѣ истребленія дикихъ звѣрей, жаднаго стремленія къ добычѣ насиліемъ, въ смыслѣ дикой удали, ведущаго свое начало изъ глубокой древности и составляющее любимѣйшее занятіе дикарей, грубыхъ средневѣковыхъ рыцарей, королей и нашихъ прежнихъ помѣщиковъ, едвали не способствовала развитію жестокости, грубыхъ инстинктовъ и негуманнаго отношенія ко всякой живой твари, почему эта страсть, какъ страсть, а не промыселъ, всюду уменьшалась по мѣрѣ развитія культуры и смягченія нравовъ. Эту жестокую сторону охоты подмѣтилъ и нашъ народъ, иногда строго осуждающій хищное пролитіе крови невинной Божьей твари ради пустой забавы, какъ это и выставляетъ, самъ страстный охотникъ, И. С. Тургеневъ въ разсказѣ „*Касьянъ съ Красивой мечи*“, или, напр., А. Додэ въ своемъ трогательномъ разсказикѣ „*Волненія молодой куропатки*“. Эта-то сторона (*Охота съ ястребомъ за перепелками*—Т. V, 204) вмѣстѣ съ лишеніемъ животныхъ свободы, которая отнимается у нихъ охотникомъ, сначала пріучающимъ птицъ прилетать на опредѣленное мѣсто за пищей, а потомъ коварно накрывающимъ ихъ сѣтью (*Ловля шатромъ перепелокъ и куропатокъ*—Т. V, стр. 239), также жестокая *Гоньба лисъ и волковъ* (V, стр. 270—274)—всѣ эти охоты едва-ли могутъ быть оправданы даже такими педагогическими цѣлями, какъ развитіе въ дѣтяхъ смѣлости, ловкости, соображенія и наблюдательности. Но, считая довольно рискованными въ педагогическомъ отношеніи охоту вообще, особенно имѣющую въ виду *добычу* (съ ружьемъ; съ борзыми собаками, съ ястребами и соколами, съ тенетами и капканами за звѣрями и за мелкими звѣрьками), подъ руководствомъ воспитателя еще могутъ имѣть педагогическое значеніе „*охоты*, такъ сказать, *безкорыстныя*, которыя вознаграждаются только удовольствіемъ: слушать и видѣть, кормить и разводить извѣстныя породы птицъ и даже животныхъ; таковы, напримѣръ, охота до пѣвчихъ птицъ и до голубей“ (Т. V *Вступленіе* къ *Разсказамъ* и *восп. охотника* стр. 202). Первыя услаждаютъ нашъ слухъ пѣніемъ, вторыя доставляютъ много удовольствія своими интересными полетами, какъ живая красивая картина, не говоря уже объ ихъ прирученіи и голубиной почтѣ. „Содержаніе не пѣвчихъ птицъ и даже нѣкоторыхъ породъ дичи, въ большихъ клѣткахъ или сад-

кахъ, — говоритъ Аксаковъ: — имѣетъ уже своего рода прелесть, которая можетъ быть понятна только людямъ, имѣющимъ склонность къ наблюденіямъ надъ живыми явленіями природы: это уже любознательность", которая, по нашему мнѣнію, *можетъ* и *должна быть внушена* человѣку воспитаніемъ, и которой такого рода охота доставитъ матеріалу весьма много, почему, въ извѣстномъ выборѣ и въ рукахъ разумнаго воспитателя, даже книги Аксакова объ охотѣ могутъ принести дѣтямъ и пользу, и удовольствіе.

Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ (V) гораздо отрывочнѣе другой книги, *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи* (VI). Подобно *Запискамъ объ уженьѣ*, она носитъ характеръ спеціальный. Въ *Разсказахъ*, пригодныхъ для дѣтскаго чтенія въ цѣломъ,—повторяемъ, подъ руководствомъ воспитателя—и разсматривающихъ разные виды охотъ, наиболѣе интересны: *Ловля шатромъ тетеревовъ и куропатокъ* (239—247), *Выниманіе лисятъ* (248—254) и *Ловля мелкихъ звѣрковъ* (255—262), Глава *Охота съ ястребомъ за перепелками* (204—227), кажется, въ настоящее время, по своей жестокости, очень рѣдкая, хотя и очень любопытна, но мало, какъ мы уже сказали, воспитательна. Въ „*Запискахъ*" планъ тотъ же, какъ и въ книгѣ объ уженьѣ: во *Вступленіи* (VI, 5—33) даются практическія указанія обращенія съ ружьемъ, но въ самыхъ общихъ чертахъ, имѣя въ виду охотниковъ небогатыхъ и живущихъ въ деревенской глуши; описываются качества лягавой собаки и ея дрессировка, пролетъ и прилетъ дичи (26—32 особенно интересно) и, наконецъ, раздѣленіе дичи на разряды, которыхъ четыре: *Болотная* (37—109), *Водяная* (110—174), *Степная* или *полевая* (175—248) и *Лѣсная* (249—338). Каждому разряду посвящено по особой главѣ, раздѣленной въ свою очередь на художественные небольшіе очерки отдѣльныхъ особей, причемъ каждому разряду предшествуетъ очеркъ природы, среди которой дичь водится: *Болота* (39—45), *Воды* (111—119), *Степь* (175—185) и *Лѣсъ* (249—260). Эти описанія жизни разныхъ птицъ, составляющія, какъ мы сказали раньше, цѣлый своеобразный реальный животный эпосъ, гдѣ птицы встаютъ передъ читателемъ, какъ живыя, во всей ихъ обстановкѣ съ ихъ нравами и обычаями, однако не всѣ могутъ быть даны въ руки дѣтямъ. Такъ, при всей прелести, отмѣченной еще Тургеневымъ, должны быть опущены

главы *объ руткахъ* (130 — 145) *и о тетеревахъ* (266 — 286), гдѣ много мѣста занимаютъ отношенія между самцами и самками.

Таковъ обширный матерьялъ, какой могутъ дать для чтенія юношеству, симпатичныя своей простотой, задушевностью и здоровой народностью сочиненія этого оригинальнѣйшаго нашего писателя. Повторимъ еще разъ, что, по нашему мнѣнію, Аксаковъ писатель, по преимуществу, педагогическій, — и поэтому особенно желательный для каждой библіотеки семьи или школы. Подобно Пушкину, гр. Л. Толстому, Тургеневу, Григоровичу, возбуждая въ юношествѣ добрыя чувства къ человѣку вообще и народу, С. Т. Аксаковъ непосредственный изобразитель природы, дающій художественнымъ путемъ множество разнообразныхъ знаній по различнымъ частямъ отечественнаго природовѣдѣнія, такъ что *сочиненіями его можетъ пользоваться не только преподаватель родного языка и словесности, но и натуралистъ*, для котораго они такъ важны и на урокахъ, и для бесѣдъ, и для экскурсій.

Книги для ознакомленія дѣтей и народа съ русскими писателями.

А. Пособія для руководства чтеніемъ русскихъ писателей вообще.

1. **Новая русская литература** (Отъ Жуковскаго до Гоголя включительно). Сост. В. Водовозовъ, ц. 1 р. 25 к. (Критическій обзоръ Жуковскаго, Крылова, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Кольцова и Гоголя. Останавливается на существенныхъ чертахъ писателя. Обстоятельно разсмотрѣны, между прочими, *Пѣсни Кольцова*).

2. **Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ.** П. Полеваго, (Біографіи, оцѣнка дѣятельности писателей, портреты писателей). Часть II.

3. **Русскіе писатели послѣ Гоголя.** О. Ѳ. Миллера.

4. **Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей**, съ портретами, для чтенія юношеству, составилъ Викторъ Острогорскій, изд. 5. Спб., ц. 50 коп.

5. **О преподаваніи русской литературы,** Влад. Стоюнина, ц. 1 р. 50 к. (Объясненіе изученія образцовъ, съ вопросами и связными разборами многихъ произведеній, указанныхъ въ нашей книгѣ; напр. *Ко гробу Кутузова*, *Что ты спишь*, *Лѣсъ*, *Пророкъ*, *Пѣснь объ Олегѣ*, *Дурочка Гуня*, *Шинель*, *басни*; *Мѣдный Всадникъ*, *Море*, Жуковскаго и Пушкина).

6. **Словесность въ образцахъ и разборахъ**, В. Водовозова, ц. 1 р. 15 к. (Много хорошихъ разборовъ указанныхъ нами произведеній; напр. *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*, *пѣсенъ Кольцова* въ сравненіи съ народными *пѣснями*, *Ивиковыхъ Журавлей*, *Одиссеи*, *балладъ лирики*; особенно полезна учителю для нашихъ цѣлей).

7. **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній по Л. Эккардту.** Съ прилож. *Краткаго учебника теоріи поэзіи*. В. Острогорскій. 1897. изд. 3, ц. 1 р. (Вопросы съ объясненіями, отдѣльно для лиры, эпоса и драмы).

8. **Бесѣды о преподаваніи словесности**, Виктора Острогорскаго. Изд. 2, М. 1886 г. ц. 80 к. (Значеніе литературнаго образованія въ младшихъ классахъ; списокъ произведеній для изученія наизусть и чтенія; о выразительномъ чтеніи; объ особомъ образованіи учителя словесности и родного языка).

9. **Выразительное чтеніе.** Пособіе для учащихъ и учащихся (Виктора Острогорскаго. Изд. 5, М. 1901 г., ц. 50 к. (О значеніи выразительнаго чтенія. О голосѣ, дыханіи, произношеніи; нѣкоторыя общія правила чтенія; примѣрные уроки выразительнаго чтенія).

10. **Всеобщая исторія литературы,** Корша. (О литературѣ Персіи, Индіи, Греціи и Среднихъ вѣковъ).

11. **Словарь классическихъ древностей,** Любкера. 4 т., ц. 6 р.

12. **Словарь миѳологіи,** сост. М. Коршъ, изд. Суворина, ц. 50 к.

в) Пособія при изученіи каждаго изъ указанныхъ въ этой книгѣ писателя.

(Звѣздочка означаетъ книги, годныя только для учителя).

Жуковскій.

*1. Зейдлица. Жизнь и поэзія Жуковскаго, ц. 2 р.
*2. Жуковскій и его произведенія. Загарина, ц. 4 р. 50 к.
3. Русскіе писатели для школъ. Подъ редакц. и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго. Пособіе для средн. уч. зав. Выпускъ I. В. А. Жуковскій. Сост. В. Икорниковъ. Спб. 1885, ц. 40 к. (Для грамотныхъ простолюдиновъ и взрослыхъ дѣтей).
4. Очеркъ жизни и сочиненій Жуковскаго. Сост. П. Басистовъ. Чтенія для юношества (съ портр. и 5 литогр. карт.). Изд. 2-е, М., 1883 г., ц. 75 к. (для взрослыхъ дѣтей).
5. Василій Андр. Жуковскій 1783—1883 (Для народнаго чтенія) Біогр. очеркъ (Изъ Кіевск. Губ. Вѣдом.) (Кіевъ, 1883. Для самостоятельнаго чтенія хорошо читающимъ и болѣе развитымъ подросткамъ и взрослымъ простолюдинамъ).
6. Василій Андр. Жуковскій. А. Островинской. Спб. 1885, ц. 10 к. (извлечено изъ ея книги *Искры Божія*). Для дѣтей и народа.
*7. Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго въ одномъ томѣ подъ ред. Ефремова, изд. Глазунова 1901 г., ц. 1 р. 75 к.
8. Русскіе писатели въ классѣ, П. И. Вейнберга. Вып. 8, Жуковскій, ц. 40 к.
9. Одиссея, ц. 1 р. *).
10. Ундина. Изд. Глазунова. Спб., 1878, ц. 50 к.
11. Наль и Даманти. Изд. Глазунова.
12. Рустемъ и Зорбъ. Изд. Глазунова.
13. Сказки въ изд. Глазунова:
a) О *царѣ Берендеѣ*, ц. 8 к.
b) О *спящей Царевнѣ*, ц. 8 к.
c) *Объ Иванѣ Царевичѣ*, ц. 10 к.
d) *Котъ въ сапогахъ*, *Овсяный кисель*, *Свѣтлана*, ц. 10 к.

Батюшковъ.

1. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ Константина Батюшкова. ч. Мос., ц. 2 р. 50 к.
*2. Полное собраніе сочиненій К. Н. Батюшкова, изд. П. Н. Батюшкова, съ біографіей, написанной Л. Майковымъ. Спб. 1887 г., ц. 15 р. (три тома съ портретами).

Крыловъ.

1. Крыловъ, Басни. Полное собраніе. Съ біогр. и прим. Два портрета, виды, памятники и могилы. Изд. 2, ц. 15 к. (Дешевая библіотека А. С. Суворина.

---

*) Иліада, пер. Гнѣдича, изд. Суворина, ц. 75 к.; Иліада, пер. Минскаго, ц. 75 к.

*2. **Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова**, В. Кеневича, ц. 1 р. 50 к. (Сборъ всего, что извѣстно о связи басенъ Крылова съ современностью).

*3. Три статьи В. Водовозова: **Народное и общественное значаніе Крылова** и четвертая, его же: **О педагогическомъ значеніи Крылова**. Ж. Мин. Нар. Пр., 1862, №№ апрѣль, май, августъ и декабрь.

4. **Дѣдушка-Крыловъ**, Ав. Филонова. Изд. Пост. Ком. Нар. Чт., изд. 2, Спб., 1882, ц. 10 к. (На первыхъ 39 стран. довольно подробно разбирается до 30 басенъ; на послѣднихъ 9—біографія. Хорошая книжка для чтенія народу и какъ матеріалъ для классныхъ разборовъ).

5. **Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова**, съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простого народа и описаніемъ животныхъ, которыя изображены въ басняхъ. В. Золотова, изд. 10 (съ 14 рис. въ текстѣ). Спб. 1880, ц. 20 к. (135 стран.). (Объяснена 31 басня Крылова очень понятно и просто; примѣры большею частію изъ крестьянской жизни).

*6. И. А. Крыловъ. Избранныя сочиненія. Т. I.—Басни. Полное собраніе, съ портретомъ и біографіей, очеркомъ, иллюстраціями къ баснямъ, объяснит. примѣрами, и алфавитнымъ указателемъ. 1898 г., ц. 60 к. Т. II.—Біографія баснописца,—состав. П. А. Плетневымъ, украшенная четырьмя портретами Крылова въ разные годы его жизни, памятникомъ и автографомъ. Прозаическія сочиненія: **Каибъ**, восточ. повѣсть. **Почта духовъ. Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ. Мысли философа по модѣ.**

Комедіи: **Модная лавка**, въ 3-хъ дѣйствіяхъ; Урокъ дочкамъ, въ одномъ дѣйствіи. 1899 г., ц. 75 к. Москва, изд. К. Тихомирова.

7. **Викторъ Острогорскій. Дѣдушка-Крыловъ**, изд. Глазунова, ц. 20 к.

Пушкинъ.

*1. **Дешевая библіотека** Суворина—два тома. **Бѣлинскій**. Томъ I. Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина, ц. 20 к.; Томъ II. Пушкинъ, ц. 25 к.

*2. **Матеріалы для біографіи Пушкина**, П. Анненкова, ц. 2 р. 50 к.

*3. **Пушкинъ въ Александровскую эпоху**, его же.

*4. **Историческія сочиненія М. Стоюнина. Пушкинъ**. 1881, ц. 1 р. 50 к. (подробно разсматривается, что дала поэту природа, дѣтство, воспитаніе, школьная жизнь, общество. Четверть книги посвящена разсмотрѣнію образованія характера и первоначальныхъ воспитательныхъ вліяній. Много матеріала фактическаго для разсказа и бесѣдъ).

*5 **Вѣнокъ на памятникъ Пушкина**, Ѳ. Б. Спб. 1880, ц. 1 р. (Объяснено значеніе торжества открытія памятника въ Москвѣ; подробное описаніе московскихъ торжествъ при открытіи памятника въ Москвѣ и чествованіе памяти поэта въ Петербургѣ и провинціи; рѣчи, депутаціи, газетныя статьи, адресы, стихи. Самый полный сборникъ всего относящагося къ Пушкинскимъ торжествамъ въ іюнѣ 1880 г.).

*6 **Очерки Пушкинской Руси**, Виктора Острогорскаго, изд. 3-е Спб., 1897, ц. 50 к. (Разсмотрѣніе сочиненій Пушкина, съ цѣлью представленія по нимъ, въ общей картинѣ, современной поэту Руси. Четыре главы: *природа, крестьянская жизнь, помѣщики и русская женщина*).

*7. **Полное собраніе сочиненій Пушкина**, ц. 1 р. 50 к., съ иллюстр. 2 р. 50 к., изд. Павленкова.

*8. **Соч. А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики**. Изд. Льва Поливанова для семьи и школы. М. 1880. Четыре тома.

8. **А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія**. Изд. 3. Спб. 1885 г., ц. 40 к. (Для болѣе развитыхъ и привыкшихъ къ чтенію дѣтей, лѣтъ съ двѣнадцати, и взрослыхъ изъ народа. Въ первой главѣ просто объяснено значеніе словъ, *великій поэтъ*, кто имѣетъ быть названъ *человѣкомъ образованнымъ*, значеніе

изящной литературы въ дѣлѣ образованія, наконецъ, мѣсто, занимаемое Пушкинымъ въ русской литературѣ. Личность поэта обрисована очень тепло. Прекрасная книжка ста годна для народныхъ читаленъ и публичныхъ чтеній).

10. **Пушкинъ А. С.**
Евгеній Онѣгинъ, ц. 20 к.
Борисъ Годуновъ, ц. 10 к.
Полтава ц. 5 к.
Капитанская дочка, ц. 15 к.
Скупой рыцарь, ц. 5 к.
Сказки, ц. 10 к.
Москва, изд. К. Тихомирова.

11. **Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ и пр.** съ біографіей, портретами, поясненіями и иллюстраціями. Сост. Викторъ Острогорскій. Спб. 1901, ц. 1 р. 25 к.

12. **Пушкинскій уголокъ. Альбомъ** съ біографическимъ текстомъ Виктора Острогорскаго и иллюстраціями Ак. В. М, Максимова. Изд. Фишера. М. 1899 г., ц. 2 р.

13. **„Иллюстрированная Пушкинская библіотека“** (изданіе Ф. Павленкова) состоитъ изъ слѣдующихъ **40** книжекъ:

Отдѣльныя произведенія.

1. Русланъ и Людмила. Съ 8 иллюстраціями. Ц. 10 к.
2. Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
3. Братья-разбойники. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 2 к.
4. Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
5. Цыгане. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
6. Полтава. Съ 5 иллюстраціями. Ц. 6 к.
7. Галубъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
8. Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 4 к.
9. Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ. Съ 2 иллистр. Ц. 2 к.
10. Сказка о Мертвой царевнѣ. Съ 2 иллюстрац. Ц. 3 к.
11. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
12. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
13. Пѣсни западныхъ Славянъ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 4 к.
14. Евгеній Онѣгинъ. Съ 11 иллюстраціями. Ц. 20 к.
15. Графъ Нулинъ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 2 к.
16. Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
17. Мѣдный всадникъ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
18. Анджело Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
19. Борисъ Годуновъ. Съ 9 иллюстраціями. Ц. 10 к
20. Скупой рыцарь. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
21. Моцартъ и Сальери. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
22. Каменный гость. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
23. Пиръ во время чумы. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
24. Русалка. Съ 4 иллюстраціями. Ц. 3 к.
25. Выстрѣлъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
26. Мятель. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
27. Гробовщикъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 2 к.
28. Станціонный смотритель. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
29. Барышня-крестьянка. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 4 к.
30. Пиковая дама. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 5 к.
31. Дубровскій. Съ 5 иллюстраціями. Ц. 10 к.
32. Арапъ Петра Великаго. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 6 к.
33. Капитанская дочка. Съ 11 иллюстраціями. Ц. 20 к.
34. Исторія Пугачевскаго бунта. Съ 15 иллюстраціями. Ц. 20 к.

Сборники.

35. Всѣ поэмы. Съ 21 иллюстраціей. Ц. 25 к.
36. Всѣ сказки. Съ 6 иллюстраціями. Ц. 10 к.
37. Всѣ баллады и легенды. Съ 4 иллюстраціями. Ц. 10 к.
38. Всѣ драматич. произведенія. Съ 17 иллюстр. Ц. 20 к.
39. Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 иллюстраціями. Ц. 10 к.
40. Всѣ письма. Съ 26 портретами. Ц 25 к.

---

14. **Отроческіе годы Пушкина**, Авенаріуса, изд. Луковниковъ.

15. **Юношескіе годы Пушкина**, его же.

16. **Поэтъ Пушкинъ.** Общедоступное чтеніе А. Филонова, ц. 50 коп. Спб., 1880 (съ портретомъ Пушкина) 162 стр. (Для взрослыхъ и развитыхъ подростковъ; по полнотѣ біографическаго матеріала и удачному популярному разъясненію многихъ произведеній, весьма желательна въ народной библіотекѣ.

17. **Торжество открытія памятника А. С. Пушкина въ Москвѣ 6 іюня 1880 г.** Съ біографіей. Изд. Гатцука. М. 1880 (Много біографическихъ данныхъ; 16 недурныхъ рисунковъ, которые можно показать дѣтямъ и народу. Годна для учителя какъ матеріалъ для бесѣдъ).

18. **Очеркъ жизни А. С. Пушкина.** Сост. Ив. Разсадинымъ. Изд. Общ. распростран. пол. книгъ, № 205. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1880. (съ портр.). Для самостоятельнаго чтенія развитымъ подросткамъ и взрослымъ).

19. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** М., 1880, ц. 10 к. Изд. Общ. распростран. пол. книгъ. (Для народнаго чтенія).

20. **Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина.** С. Макаровой. Изд. Пост. Ком. народн. чтеній. Съ 7 раскраш. картин. Спб., 1876, ц. 15 к. (Довольно удачный опытъ народнаго чтенія, разсматривающаго поэму въ связи съ исторіей).

21. **Полтава** въ сокращеніи и пересказѣ для народной аудиторіи. Эм. Кислинской съ картинкою. Изд. учрежд. по Выс. повелѣнію Постоянной Коммиссіи нар. чтеній, ц. 5 к. Спб. 1896.

22. **Капитанская дочка**, съ 2 карт., приспособлена къ чтенію въ нар. аудиторіяхъ Изд. Пост. Коммиссіи по устройству нар. чтеній, ц. 12 к. Спб. 1895.

23. **Дѣтство А. С. Пушкина** (біографическій очеркъ), ц 15 к. М. 1880.

24. Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ, изд. Ледерлея Спб. 1892 г. № 6. Дѣтство А. Пушкина, А. П. Мунтъ-Валуевой, ц. 10 к.

25. **Пушкинъ, А. С. Поэмы и сказки.** Съ приложеніемъ біограф. А. С. Пушкина, портр. его и рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 35 к.

— Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портр. и рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— Стихотворенія. Съ примѣчан. къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— То же. Съ примѣч. къ нимъ и двумя рис. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— Евгеній Онѣгинъ. Съ дополненіями и варіантами. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

Повѣсти (Повѣсти Бѣлкина. — Дубровскій — Капитанская дочка — Пиковая дама. — Кирджали. — Арапъ Петра Великаго — Исторія Села Горохина. — Рославлевъ. — Египетскія ночи). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 коп.

— Исторія Пугачевскаго бунта. — Путешествіе въ Эрзерумъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— Письма къ разнымъ лицамъ.—Письма къ женѣ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— Дневникъ.—Записки.—Историческ. статьи и разныя замѣтки. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— Лицейскія стихотворенія и отрывки. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

— Собраніе сочин. въ 10-ти том. болѣе 4,100 стр. Съ біогр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавит. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

Веневитиновъ.

*1. **Дешевая библіотека. Полное собраніе стихотвореній Веневитинова,** съ біографіей и портретомъ. Изд. Суворина. Спб., ц. 15 к.

Баратынскій.

1. **Дешевая библіотека Суворина.** Баратынскій, Е. Сочиненія. Съ портретомъ автора и біографич. свѣдѣнія о немъ. Ц. 25 к.

Языковъ.

Дешевая библ. А. Суворина. Стихотворенія Языкова 1898 г. Ц. 15 к.

Лермонтовъ.

*1. **Полное собраніе сочиненій** 2 т., ц. 3 р., изд. Глазунова. Спб.

*2. **Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, его личность и поэзія.** Сост. М. А. Орловъ (съ портр., тремя картинками и виньетками). Спб., 1883 г., ц. 50 к. (матеріалъ для учителя).

3. **Русскіе писатели для школъ.** Подъ редакціею и съ пред. Виктора Острогорскаго Выпускъ III. М. Ю. Лермонтовъ, сост. В. А. Икорниковъ. Спб., 1886 г., ц. 50 к.

4. **Пѣсня про Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова** съ 6 карт. Изд. Спб. Комит. грам. Спб., ц. 10 коп. (прекрасное изданіе; очень хороши рисунки, иллюстрирующіе вѣкъ).

*5. **Этюды о русскихъ писателяхъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. Виктора Острогорскаго М. 1891 г., ц. 50 к.

6. **Полное собраніе сочиненій** въ 2-хъ т., изданіе Маркса въ Спб., ц. 1 р. 50 к.

7. **Полное собр. соч. иллюстриров.** въ 2-хъ т., ц. 5 р. изд. Кушнерева въ Москвѣ.

8. **Полное собр. соч. въ I томѣ**, ц. 60 к., изд. Анскаго.

I. Сочиненія Лермонтова

въ одномъ томѣ.

Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, біографіей, написанной А. М. Скабичевскимъ, и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 руб. Въ простомъ переплетѣ—1 р. 40 к., въ роскошномъ—2 р.

II. Сочиненія Лермонтова

въ четырехъ томахъ.

Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ автора, его біографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ четыре тома—1 р. Въ двухъ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к. Въ роскошномъ—2 р.

III. Соч. М. Ю. Лермонтова подъ ред. Пав. Ал. Висковатова.

М. 1889—1891 г., 6 т. ц. 3 р. (самая полная біографія въ 6 т.).

IV. Иллюстрированная Лермонтовская библіотека.

30 книжекъ:

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 5 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашибъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

V. 120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ М. Е. Малышева. Ц. въ папкѣ—50 к.

VI. Лермонтовъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портретомъ и многими рисунками. Ц. 25 к.

Майковъ.

*1. **Полное собраніе сочиненій** 3 т., ц. 3 р.

*2. **Бѣлинскій т. VI** (разборъ его сочиненій, ц. 1 р. 25 к. (Этотъ же разборъ въ книгѣ: **Избранныя соч. Бѣлинскаго для семьи и школы**; подъ ред. В. Острогорскаго, Москва, 1898. Ц. 1 р.).

Мей.

*Первое полное собраніе сочиненій **Льва Александровича Мея.** 5 томовъ, съ 2 портретами автора. Цѣна 12 р. 50 к., съ пересылкою 14 р. Отдѣльно 3 р. за томъ, съ перес. 3 р. 50 к.

Томъ первый. Портретъ. Біографическій очеркъ Л. А. Мея и оцѣнка его произведеній, статья В. Р. Зотова.—Лирическія стихотворенія.

Томъ второй. Переводы лирическихъ стихотвореній: *Анакреона, Өеокрита, Шиллера, Гете, Гейне, Мильтона, Байрона, Андре Шенье, Беранже, Виктора Гюго, Дюпона, Густава Надо.*

Томъ третій. Переводы лирическихъ стихотвореній: *Мицкевича Сырокомли, Шевченко*. Народныя пѣсни,—*Проза*: Предчувствія, разсказъ съ Польскаго.—Янъ изъ Непомукъ. Чешская легенда.— Святочная пѣсня, Диккенса— Украденные часы, М. Френча. —Дочь миссіонера, А. Котца.—Таинственное путешествіе Фицъ-Джеральда. Разсказъ Леона Гозлана.

Томъ четвертый. Драматическія произведенія. *Драмы*: Сервилія. Псковитянка. Царская невѣста. *Переводы*. Шиллеръ: Дмитрій Самозванецъ.—Лагерь Валленштейна. Шекспиръ: Буря.

Томъ пятый. *Повѣсти, разсказы и статьи различнаго содержанія*: Охота, Кирилычъ, Софья, Чубукъ, Гривенникъ, Батя, На паперти, Швейка, Казусъ, Лѣсныя диковинки. Парельщикъ. Корректура, корректоры и ихъ обязанности. — Графы А. Г. и Г. А. Кушелевы - Безбородко, Община Платона, Абиссинія и Австралія.

ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ:

Повѣсти и Разсказы:

Охота.—Разсказы; Сборное воскресенье.—Медвѣжья травля	25 к.
Кирилычъ. Повѣсть	30 „
Софья. Повѣсть. (Продолженіе повѣсти „Кирилычъ“)	30 „
Чубукъ. Листки изъ дневника. Разсказъ.	40 „
Гривенникъ. Неправдоподобное событіе. Разсказъ	30 „
Батя. Правдивый разсказъ.	40 „
На потери. (Изъ дневника). Разсказъ	30 „
Три разсказа: Казусъ. Лѣсныя диковинки; „Парельщикъ“. Швейка . .	30 „
Слово о полку Игоревѣ	50 „
Святочная пѣсня, соч. Диккенса, съ портретомъ Диккенса	40 „
Батрачка. Повѣсть въ стихахъ Шевченко съ портретомъ.	10 „
Портретъ Л. А. Мея, рѣзанный на деревѣ Зулчаниновымъ in. 4⁰. . .	50 „
„ тоже на стали 75 к. и 1 р. 50 к.. съ пер. 1 р. и 1 р. . . .	80 „

Плещеевъ.

1. **Стихотворенія А. Н. Плещеева** 1846 -1891 г. съ портретомъ автора. Третье дополн. изд. подъ ред. П. В. Быкова, изд. А. А. Плещеева. Спб., 1898, ц. 2 р.

2. **Подснѣжникъ**, А. Н. Плещеевъ. Сборникъ стихотвореній для юношества, ц. 50 к.

Кольцовъ.

*1. **Бѣлинскаго т. XII** (Біографія съ лучшимъ критическимъ обзоромъ).

2. **Стихотворенія Кольцова**, изд. Солдатенкова, ц. 20 к. (Біографія взята изъ соч. Бѣлинскаго, доступна только взрослымъ изъ народа, уже привыкшимъ къ чтенію; до сихъ поръ лучшая).

3 **Алексѣй Вас. Кольцовъ**, его жизнь и сочиненія. (Чтеніе для юношества). Изд. 3, М., 1877, изд. Мамонтова, ц. 75 к. (біографіи предпослано— о значеніи поэзіи, о присущемъ душѣ поэтическомъ чувствѣ, о существенныхъ достоинствахъ художественнаго произведенія, о дѣленіи поэзіи на три рода, о происхожденіи пѣсни и сентиментальной пѣсни въ народномъ вкусѣ; хорошо опредѣлено значеніе Кольцова. Эта глава хорошій матеріалъ для бесѣды. Біографія сокращена изъ Бѣлинскаго).

4. **Алексѣй Вас. Кольцовъ**. Чтеніе для народа. А. Н. Николича. Произнесено въ аудиторіи Соляного Городка. Съ изображ. памятника Кольцова и его портрета. Спб., 1873, ц. 10 к. (для грамотныхъ простолюдиновъ и народныхъ чтеній; изложено просто и доступно).

5. **Кольцовъ и его пѣсни,** П. Парунова. Изд. Ком. нар. чт., ц. 10 к.

6. **Ал. Вас. Кольцовъ. Народный стихотворецъ** (съ портретомъ). Изд. Мірскаго Вѣстника, ц. 10 к. (обѣ эти книжки хуже предыдущей).

*7. **Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ.** Де-Пулэ. Спб., 1878, ц. 1 р. 50 к.

8. **Кольцовъ А. В. Стихотворенія.** Дешевая библ. Суворина. Съ біографіею, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящн. перепл. 25 к.

— То же. Изящное изд. (Напечатано для любителей) 100 экз. на слоновой бум. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к. и 300 экз. на велен. бум. Ц. 50 к., въ перепл. 90 к.

*9. **Этюды о русскихъ писателяхъ, Кольцова,** художники русской пѣсни, Виктора Острогорскаго М. 1891. Ц. 50 к.

10. **Избранныя сочиненія А. В. Кольцова.** Съ краткой біографіей и портретомъ. Изд. Москов. Ком. Грам. Ц. 6 к.

Никитинъ.

*1. **Сочиненія 2 т.,** ц. 4 р.

2. **Школьное изданіе. Сочиненія И. С. Никитина съ его портретомъ facsimile и біографіей,** подъ ред. С. Миропольскаго. М., 1886, ц. 1 р. (Хорошая біографія съ иллюстрирующими ея стихотвореніями; умѣлый выборъ произведеній, расположенныхъ въ группахъ: *лирическія, картины природы, народный бытъ, повѣствовательныя — Моленіе о Чашѣ и Поѣздка на хуторъ*, сокращеніе *Кулака и Дневника семинариста*. Изданіе, необходимое въ каждой школѣ).

3. **Народные поэты и пѣвцы.** Съ портретами Кольцова, Никитина, Шевченко и Вересая. Изд. журнала „Грамотей". М., 1877, ц. 50 к. (Происхожденіе былинъ и думъ; двѣ біографіи; Кольцова и *хорошая*—Никитина пригодна для дѣтей и взрослыхъ простолюдиновъ; въ концѣ ноты былиннаго напѣва и былина о Добрынѣ).

4 Избран. сочин. И. С. Никитина, изд. Москв. Ком. грамотности, ц. 10 к.

Некрасовъ.

1. Стихотворенія Некрасова, ц. 5 р.
2. Выборъ изъ Некрасова въ книгѣ В. Острогорскаго: *Родные поэты.*

Шевченко.

1. **Кобзарь въ переводѣ русскихъ поэтовъ** под. редакц. Гербеля, ц. 1 р. 25 к.

2. **Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.** Біограф. очеркъ В. Маслова. Изд. журн. „Грамотей". М., 1874, ц. 30 к. (Тепло, просто и подробно составленная біографія; легко и съ интересомъ читается преимущественно взрослыми изъ народа).

3. **Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, народный поэтъ Украйны** (съ рисункомъ). Спб. изд. ред. журн. „Мірской Вѣстникъ", 1877, ц. 18 к. (Вполнѣ народная біографія для хорошо читающихъ подростковъ и взрослыхъ; очеркъ исторіи Малороссіи; пересказаны главнѣйшія изъ произведеній).

4 **Т. Г. Шевченко,** Ч. Вѣтринскаго, ц. 15 к.

5. **Батрачка,** пер. Л. Мея. Изданіе Спб. Комит. грамот. Спб. 1881. ц. 10 к.

Гоголь.

*) 1. Соч. Н. В. Гоголя. Ред. Ю. Н. Тихонравова, 6 т.

2. Тарасъ Бульба. Историческая повѣсть, Н. В. Гоголя, изложенная для народа (Народныя чтенія). Спб., 1881, ц. 5 к. (сокращено для публичнаго чтенія; выборъ отрывковъ удаченъ; предпослано нѣсколько словъ о прошломъ Малороссіи; заканчивается разсказомъ о дальнѣйшей судьбѣ Малороссіи и присоединеніи ея къ Россіи)

3. Иллюстрированныя изданія сочиненій Н. В. Гоголя.
1. Коляска, ц 15 к.
2. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, ц. 20 к.
3. Вій, ц. 25 к.
4. Майская ночь или утоплен., ц. 20 к.
5. Сорочинская ярмарка, ц. 20 к.
6. Носъ, ц. 15 к.
7. Страшная месть, ц. 25 к.
8. Пропавшая грамота, ц. 15 к.
9. Ночь предъ Рождествомъ, ц. 30 к.
10. Ревизоръ, ц. 40 к.
11. Шинель, ц. 25 к.
12. Заколдованное мѣсто, ц 15 к.
13. Женитьба, ц. 25 к.
14. Тарасъ Бульба, ц. 30 к.
15. Старосвѣтскіе помѣщики, ц. 25 к.

4. Авенаріусъ: Гоголь-гимназистъ.

5. Его же. Гоголь-студентъ.

Тургеневъ.

1. Русскіе писатели для школъ. Подъ ред. и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго. Пособіе для средн. заведеній. Выпускъ II. И. С. Тургеневъ. Сост. И. И. Крампъ. Спб., 1885, ц. 40 к. (Біографія въ связи съ оцѣнкой сочиненій, выбранныхъ примѣнительно къ среднему и старшему возрасту).

*2. Тургеневъ, Ивановъ, изд. Міра Божьяго, ц. 2 р. (Критико-біографическій очеркъ).

*3. Полное собраніе сочиненій, 10 т., ц. 15 р.

4. Записки охотника, ц. 1 р. 50 к.

*5. Стихотворенія И. С. Тургенева. Спб., 1885, ц. 2 р.

6. Отдѣльныя изданія Глазунова.
а) Пѣвцы, ц. 4 к.
б) Однодворецъ Овсянниковъ, ц. 4 к.
в) Хорь и Калинычъ, ц. 4 к.
г) Малиновая вода, ц. 4 к.
д) Льговъ, ц. 4 к.
е) Бѣжинъ Лугъ, ц. 6 к.
ж) Касьянъ съ Красивой Мечи, ц. 5 к.
з) Бирюкъ, ц. 4 к.
и) Лебедянь, ц. 4 к.
і) Живыя мощи, ц. 4 к.
к) Стучитъ, ц. 4 к.
л) Лѣсъ и степь, 5 к.
м) Пегасъ ц. 4 к.
н) Пожаръ на морѣ, ц. 5 к.
о) Муму, ц. 6 к.
п) Поѣздка въ Полѣсье, ц. 6 к.
р) Бригадиръ, ц. 7 к.

*6. Новая русская исторія въ очеркахъ писателей, выпускъ I. Тургеневъ, Евстафьева, ц. 75 к.

7. Постоялый дворъ, изд. Спб. Ком. Гр. ц. 10 к.

Григоровичъ.

*1. Полное собраніе сочиненій, 10 т., ц. 15 р.

2. Изданіе книжнаго магазина Н. Г. Мартынова:
- а) Портретъ Д. В. Григоровича, ц. 50 к
- б) Петербургскіе шарманщики, ц. 20 к.
- в) Деревня, ц. 50 к.
- г) Антонъ Горемыка, ц. 60 к.
- д) Бобыль, ц. 20 к.
- е) Четыре времени года, ц. 50 к.
- ж) Свѣтлое Христово Воскресенье, ц. 20 к.; тоже изд. Спб. Ком. Гр., ц. 10 к.
- з) Мать и дочь, ц. 15 к.
- и) Рыбаки, ц. 2 р.
- і) Переселенцы, ц. 2 р. 50 к.
- к) Смедовская долина, ц. 20 к.
- л) Зимній вечеръ, ц. 50 к.
- м) Прохожій, ц 40 к.; тоже изд. Спб. Ком Грам., ц. 10 к.
- н) Пахарь, ц. 30 к.; тоже изд. Спб. Ком. Грам., ц. 10 к.
- о) Кошка и мышка, ц. 40 к.
- п) Корабль Ретвизанъ, ц. 2 р.
- р) Пахатникъ и бархатникъ, ц. 40 к.
- с) Повѣсти и разсказы для дѣтскаго чтенія. 1885, ц. 2 р., въ колен. перепл. ц. 2 р. 75 к.
- т) Повѣсти и разсказы для народнаго чтенія. 1885, ц. 1 р.

3. **Гуттаперчевый мальчикъ**, изд. Маркса. Спб., 1884, ц. 1 р. 25 к. съ 36 рис. Каразина. (Полное изданіе).

4. **Гуттаперчевый мальчикъ**, въ сокращеніи для дѣтей, въ сборникѣ А. Н. Толивѣровой, **Складень**. Спб. 1883.

5. **Трудовой крестьянскій годъ** (Четыре времени года) Д. В. Григоровича. Передѣлано для дѣтскаго чтенія Н. Блиновымъ. Вятка, 1880, ц. 10 к.

6. **Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ** (передѣлка для дѣтей разсказа **Зимній вечеръ**) въ книгѣ Виктора Острогорскаго **Хорошіе люди**.

7. **Чтеніе о „Запискахъ Охотника"** И. С. Тургенева, А. Бардовскаго, изд. В. В. Думнова, СПБ., 1899, ц. 35 к.

Гончаровъ.

*1. **Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова**, изд. Глазунова, въ 9 т., цѣна 13 р. 50 к.

*2. **Этюды о руских писателяхъ I. И. А. Гончаровъ**. Виктора Острогорскаго. М. 1886, ц. 75 к.

*3. **Новая Русская литература И. А. Гончаровъ**. Евстафьева, ц. 75 к.

Графъ Л. Н. Толстой.

*1. Полное собраніе сочиненій, 15 т ц. 10 р.

2. Дѣтство и отрочество, ц. 1 р.

3. Разсказы о Севастопольской оборонѣ, ц. 3 к.

4. 1, 2, 3 и 4 книги для чтенія, ц. 50 к.
5. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.
6. Чѣмъ люди живы
7. Кавказскій плѣнникъ.
8. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.
9. Упустишь огонь, 2 к.
10. Двѣ сказки, 2 к.
11. Два старика, 2 к.
12. Свѣчка, 2 к.
13. Кавказскій плѣнникъ, 2 к.
14. Власть тьмы, 8 к.
15. Казаки, 45 к.
16. Севастопольскіе разсказы, 50 к.

Погосскій.

1. Повѣсти и разсказы:
   1) Мірскія дѣтки, ц 10 к.
   2) Неспособный человѣкъ, ц. 25 к.
   3) Господинъ колодникъ ц. 20 к.
   4) Музыкантъ, ц. 25 к.
   5) Штуцерникъ Нечипоръ Зачини Ворероты и его потомство, ц. 25 к.
   6) Старики, ц. 20 к.
   7) Посестра Танька, ц. 25 к.
   8) Всѣмъ шильямъ—шило, ц. 10 к.
   9) Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ, ц. 15 к.
   10) Злодѣй и Петька, ц. 15 к.; тоже изд. Спб. Ком. Грам, ц. 10 к.
   11) Подосиновики, ц. 20 к.
   12) Суходольщина, ц. 20 к.
   13) Сорочьи гнѣзда, ц. 20 к.
   14) Маіорская дочка, ц. 25 к.
   15) Сибирлетка, ц. 25 к.
   16) Дѣдушка Назарычъ, ц. 20 к.
   17) Темникъ, ц. 20 к.
   18) Анчутка Безпятый. Бобыль Наумъ Сорокодумъ, ц. 10 к.
   19) Медвѣжья наука. Собачій застрѣльщикъ, ц. 10 к.
   20) Отставное счастье. Изъ старыхъ записокъ. Два кольца ц. 20 к.
   21) Лѣшевъ хуторъ, ц. 10 к.
   22) Солдатское пиво, ц. 10 к.
   23) Первый винокуръ. Птичій даръ, ц. 10 к.
   24) Чертовщина. Путешествіе на луну, ц. 20 к.
   25) Божеское правосудіе. 3 разсказа, ц. 20 к.
   26) Куча денегъ. 3 разсказа, ц. 20 к.
   27) Легкая надбавка, драма въ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ, ц. 30 к.
   28) Жареный гвоздь, походная шутка въ 2 карт., ц. 15 к.
   29) Дѣдушка домовой. Представл. въ 4 дѣйствіяхъ, ц. 15 к.
   30) Неспособный человѣкъ или 20 лѣтъ службы, комедія въ 5 карт., ц. 20 к.
   31) Чему быть, тому не миновать, или не по носу табакъ. Народное представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, ц. 30 к.
   32) Наши добрые слуги четвероногіе, ц. 20 к.

33) Судъ людской не Божій, изд. Спб. Ком. Грамотности, ц. 10 к.
34) Полное собраніе сочиненій А. Ф. Погосскаго съ біографіей, изд. Березовскаго. Спб. 1901.

С. Т. Аксаковъ.

1) Полное собраніе сочиненій изд. Н. Мартынова, ц. 9 р.
2) С. Т. Аксаковъ. (Крит.-біогр. очерки), В. Острогорскаго, изд. Мартынова, ц. 75 к.
3) Семейная хроника, ц. 1 р. 75 к.
4) Дѣтскіе годы, ц. 1 р. 25 к.

70 к.

